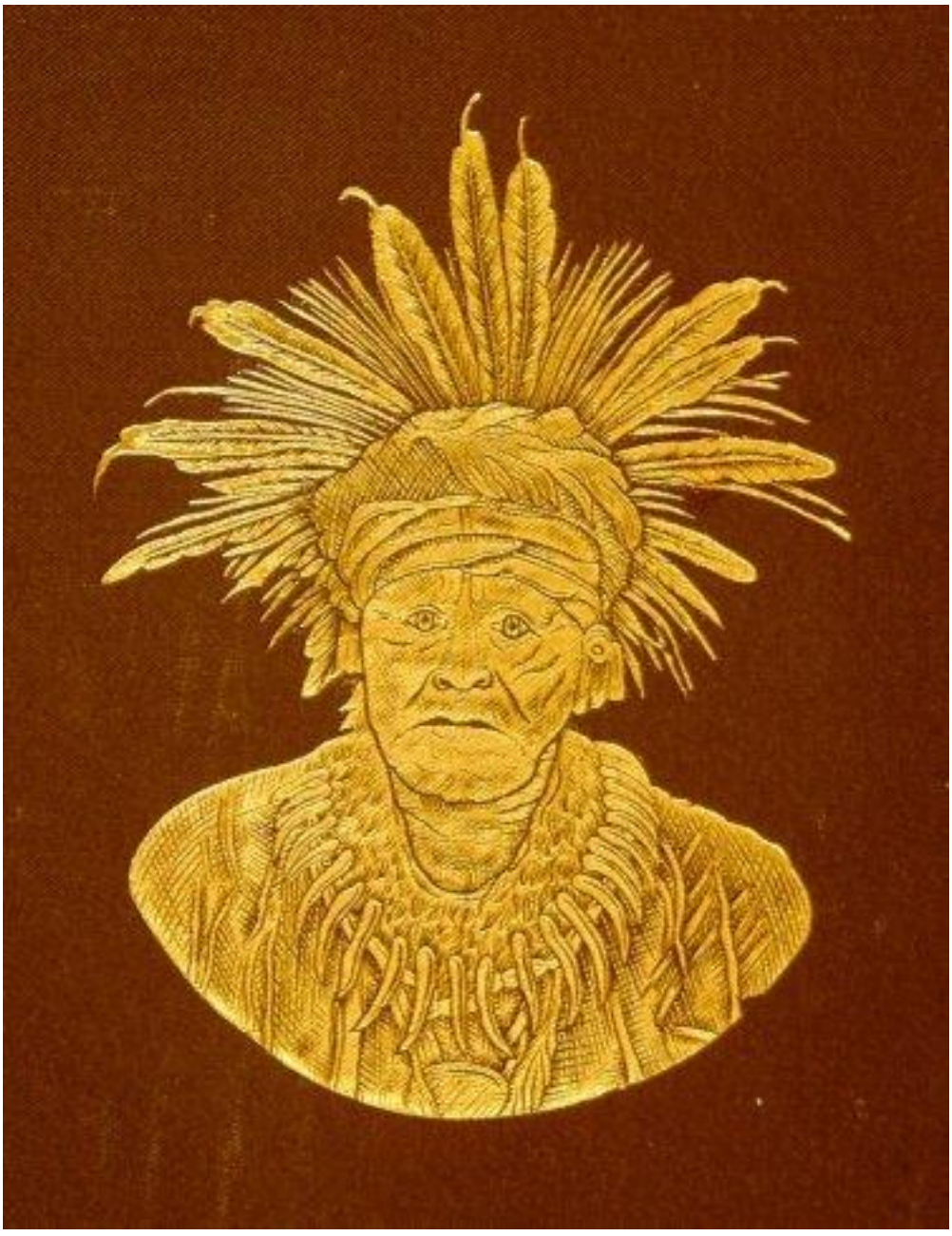
Восьмой годовой отчет Бюро этнологии Поуэлла, Минделеффа и Стивенсона



Содержание

ВОСЬМОЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ
БЮРО ЭТНОЛОГИИ
- 1886-’87
- ДЖ. В. ПАУЭЛЛ
- СОДЕРЖАНИЕ.
- СОПУТСТВУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ.
- ИЛЛЮСТРАЦИИ.
- ОТЧЕТ ДИРЕКТОРА.
  - ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО.
  - ВОСЬМОЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ
- БЮРО ЭТНОЛОГИИ.
  - ВВЕДЕНИЕ.
- СОПУТСТВУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ.
- ИССЛЕДОВАНИЕ

АРХИТЕКТУРА ПУЭБЛО:
- ТУСАЯН И СИБОЛА.
- ВИКТОР МИНДЕЛЕФФ.
- СОДЕРЖАНИЕ.
- ИЛЛЮСТРАЦИИ.
- ИССЛЕДОВАНИЕ АРХИТЕКТУРЫ ПУЭБЛО В ТУСАЯНЕ И СИБОЛА.
  - ГЛАВА I.
  - ГЛАВА II.
  - ГЛАВА III.
  - ГЛАВА IV.
  - ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.
  - Сноски
  - УКАЗАТЕЛЬ
  - Примечания транскрибатора к иллюстрациям
- ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ОРДЕН ХАСДЖЕЛЬТИ ДАЙЛДЖИС
- МИФИЧЕСКИЕ ПЕСЧАНЫЕ РИСУНКИ ИНДЕЙЦЕВ НАВАХО
  - СОДЕРЖАНИЕ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ.
- ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ОБРЯД ХАСДЖЕЛЬТИ ДАЙЛДЖИС И МИФИЧЕСКАЯ ПЕСЧАНАЯ ЖИВОПИСЬ ИНДЕЙЦЕВ НАВАХО.
  - ВВЕДЕНИЕ.
  - СТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕЧЕБНОГО ДОМА.
  - ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.
  - ВТОРОЙ ДЕНЬ.
  - ТРЕТИЙ ДЕНЬ.
  - ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ.
  - ПЯТЫЙ ДЕНЬ.
  - ШЕСТОЙ ДЕНЬ.
  - СЕДЬМОЙ ДЕНЬ.
  - ВОСЬМОЙ ДЕНЬ.
  - ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ.
  - МИФЫ НАВАХО.
  - Сноски
  - УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ
ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ

Электронная книга проекта Гутенберга «Восьмой годовой отчет Бюро этнологии
Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Восьмой годовой отчет Бюро этнологии

Редактор: Джон Уэсли Пауэлл

Соавтор: Виктор Минделефф
Джеймс Стивенсон

Дата выпуска: 8 марта 2007 г. [электронная книга № 20784]
Последнее обновление: 22 июня 2021 г.

Язык: английский

Благодарности: Карло Траверсо, Фрэнк ван Дроген, Джошуа Хатчинсон, Джулия Миллер, Луиза Хоуп и команда онлайн-корректоров
*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ВОСЬМОЙ ЕЖЕГОДНЫЙ ОТЧЕТ БЮРО ЭТНОЛОГИИ ***

Два «сопроводительных документа», составляющих основную часть этой книги, также доступны в виде отдельных текстов в проекте Гутенберг:

Виктор Минделефф, *Исследование архитектуры пуэбло, Тусаян и Сибола*: электронный текст 19856.

Джеймс Стивенсон, «*Церемония Хасджелти Дайлджис и мифическая песчаная живопись индейцев навахо*»: электронный текст 19331.

Файлы идентичны, за исключением того, что в настоящем тексте исправлено несколько типографских ошибок и заменены некоторые иллюстрации.

В этих двух работах в нескольких словах используются некоторые необычные буквы:

ā, ē (гласная с макроном или «длинным» знаком)
Ĕ, ĭ, ŏ (гласная с бреве или «коротким» знаком)
ⁿ (маленькая заглавная буква n).

Эти слова включают альтернативные транскрипции в виде всплывающих окон при наведении курсора мыши: Tanā'shkiji. Ошибки отмечены аналогичным образом. Знак «центов» ¢ был использован вместо редких символов ₡ и ₵.

Если апострофы и кавычки в этом абзаце отображаются как мусор, возможно, вам необходимо изменить «кодировку файлов» или «набор символов» в браузере на utf-8 (unicode) или изменить шрифт по умолчанию в браузере.

Все скобки и вопросительные знаки в скобках присутствуют в оригинале. Изображение на обложке является предположительным; оно использовалось в годовых отчетах 7, 9 и других.

ВОСЬМОЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ СОСТАВЛЕННЫЙ БЮРО ЭТНОЛОГИИ ДЛЯ СЕКРЕТАРЯ

СМИТСОНОВСКОГО ИНСТИТУТА

1886-1887

АВТОР: ДЖ. В. ПАУЭЛЛ
ДИРЕКТОРА

ВАШИНГТОН
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕЧАТНАЯ СЛУЖБА
1891

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТЧЕТ ДИРЕКТОРА.

- Сопроводительное письмо
- Введение
- Публикация
- Полевые работы
  - Исследование курганов
    - Работа профессора Сайруса Томаса
  - Общие полевые исследования
    - Работа г-на А. С. Гатшета
    - Работа г-на Джереми Куртина
    - Работа доктора В. Дж. Хоффмана
- Офисная работа
    - Работа майора Дж. В. Пауэлла
    - Работа профессора Сайруса Томаса
    - Работа г-на Джерарда Фоука
    - Работа г-на Х. Л. Рейнольдса
    - Работа г-на Джеймса Д. Миддлтона
    - Работа г-на Джеймса К. Пиллинга
    - Работа г-на Фрэнка Х. Кушинга
    - Работа г-на Чарльза К. Ройса
    - Работа г-на Уильяма Х. Холмса
    - Работа г-на Виктора Минделеффа
    - Работа г-на Космоса Минделеффа
    - Работа г-на Э. В. Нельсона
    - Работа г-на Люсьена М. Тернера
    - Работа г-на Генри У. Хеншоу
    - Работа полковника Гаррика Маллери
    - Работа г-на Джеймса Муни
    - Работа г-на Джона Н. Б. Хьюитта
    - Работа г-на Альберта С. Гатшета
    - Работа г-на Дж. Оуэна Дорси
    - Работа доктора В. Дж. Хоффмана
    - Работа г-на Джереми Куртина
- Сопроводительные документы
    - Исследование архитектуры Пуэбло, Тусаян и Сибола, Виктор Минделефф
    - Церемония Хасджелти Дайлджис и мифические песочные рисунки индейцев навахо, Джеймс Стивенсон
- Финансовый отчет

Указатель

СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ.

ИССЛЕДОВАНИЕ АРХИТЕКТУРЫ ПУЭБЛО, ТУСАЯН И СИБОЛА, АВТОР ВИКТОР МИНДЕЛЕФФ.

Эта статья находится в отдельном файле. Как и в печатном оригинале, она включает дубликат оглавления и списка иллюстраций; указатель был добавлен переписчиком.

Страница.

Введение 13

ГЛАВА I. — Традиционная история Тусаяна 16

Пояснительное 16

Краткое изложение традиций 16

Список традиционных родов 38

Дополнительная легенда 40

ГЛАВА II. — Руины и заселенные деревни Тусаяна 42

Физические особенности провинции 42

Методы исследования 44

Планы и описание руин 45

Руины Валпи 46

Старый Машонгнави 47

Шитаймуви 48

Аватуби 49

Хорн Хаус 50

Небольшие руины возле Хорн-Хаус 51

Дом летучих мышей 52

Мишиптога 52

Моэн-копи 53

Руины на русле реки Орайби 54

Кваитуки 56

Тебугкиху, или Пожарная часть 57

Чукуби 59

Паюпки 59

Планы и описания населенных пунктов 61

Хано 61

Сичумови 62

Валпи 63

Машонгнави 66

Шупаулови 71
Шумопави 73
Ораиби 76
Моэн-копи 77
ГЛАВА III. — Руины и населенные деревни Сиболы 80
Физические особенности провинции 80
Планы и описания руин 80
Хавику 80
Кетчипауан 81
Чалове 83
Хампассаван 84
Киакима 85
Мацаки 86
Пинава 86
Халона 88
Руины Таайалана 89
Кин-тиел и Кинна-Зинде 91
Планы и описания населенных деревень 94
Нутрия 94
Пескадо 95
Охо Калиенте 96
Зуни 97
ГЛАВА IV. — Архитектура Тусаяна и Сиболы в сравнении по конструктивным деталям 100
Введение 100
Строительство домов 100
Обряды и методы 100
Локализация родов 104
Внутренняя организация 108
Кива в Тусаяне 111
Общее использование кива строителями пуэбло 111
Происхождение названия 111
Древность кивы 111
Раскопки кивы 112
Доступ 113
Каменная кладка 114
Ориентация 115
Древняя форма кивы 116
Объяснения положения коренными жителями 117
Методы строительства кивы и обряды 118
Типичные планы 118
Труд женщин 129
Посвящение 129
Различные виды использования кива 130

Право собственности на киву 133
Мотивы для строительства кивы 134
Значение структурного плана 135
Типичные размеры 136
Список кива Тусаяна 136
Подробности строительства Тусаяна и Сиболы 137
Стены 137
Крыши и полы 148
Настенные покрытия и водосточные желоба 151
Лестницы и ступени 156
Очаги и печи 162
Печи 167
Камины и дымоходы 167
Ворота и крытые проходы 180
Двери 182
Окна 194
Крышные проемы 201
Мебель 208
Загоны и сады; клетки для орлов 214
Конструкция «киси» 217
Архитектурная номенклатура 220
Заключительные замечания 223

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ОБРЯД ХАСДЖЕЛЬТИ ДАЙЛДЖИС И МИФИЧЕСКИЕ ПЕСЧАНЫЕ РИСУНКИ ИНДЕЙЦЕВ НАВАХО, АВТОР ДЖЕЙМС СТЕВЕНСОН.

Эта статья находится в отдельном файле. Как и в печатном оригинале, она включает дубликат оглавления и списка иллюстраций; указатель был добавлен переписчиком.

Введение 235
Строительство Медицинского домика 237
Первый день 237
Исполнители ролей богов 237
Второй день 239
Описание потных хижин 239
Потовые хижины и маски 242
Подготовка священных тростников (сигарет) и молитвенных палочек 242
Третий день 244
Первая церемония 244
Вторая церемония 245
Третья церемония 247
Четвертая церемония (ночь) 248
Четвертый день 249
Первая церемония 249
Вторая церемония 250
Третья церемония 250
Четвертая церемония 252

Пятая церемония 253
Шестая церемония 253
Еда, принесенная в хижину 256
Пятый день 257
Первая церемония 257
Вторая церемония 259
Третья церемония 260
Шестой день 261
Седьмой день 263
Восьмой день 265
Девятый день 269
Первая церемония 269
Вторая церемония 270
Песня Эцесле 272
Молитва Эцесле 272
Заключение — танец 273
Мифы народа навахо 275
Создание солнца 275
Хасджелти и Хостджогон 277
Плавающие бревна 278
Найенэсгони и Тобайдищинни 279
Братья 280
Старик и старуха из первого мира 284

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Иллюстрации I-CXI и рисунки 1-114 сопровождают *статью* «*Архитектура Пуэбло*»; остальные иллюстрации и рисунки сопровождают *статью* «*Хасджелти Дайлис*». Каждая статья находится в отдельном файле.

Иллюстрация		Страница.
I.	Карта провинций Тусаян и Сибола	12
II.	Старый Машонгнави, план	14
III.	Общий вид Аватуби	16
IV.	Аватуби (Талла-Хоган), план	18
V.	Стоящие стены Аватуби	20
VI.	Фрагмент глинобитного дома в Аватуби	22
VII.	Руины дома Хорна, план	24
VIII.	Дом летучих мышей	26
IX.	Мишиптога (Джедито)	28
X.	Небольшие руины возле Моэн-копи	30
XI.	Каменная кладка на внешней стене пожарной части, деталь	32
XII.	Чукуби, план	34
XIII.	Паюпки, план	36
XIV.	Общий вид Паюпки	38
XV.	Сохранившиеся стены Паюпки	40

XVI. План Хано 42

XVII. Вид на Хано 44

XVIII. План Сичумови 46

XIX. Вид на Сичумови 48

XX. План Валпи 50

XXI. Вид на Валпи 52

XXII. Южный проход Валпи 54

XXIII. Дома, построенные на неровных участках, Валпи 56

XXIV. Танцевальный рок и кива, Валпи 58

XXV. Пешеходная тропа к Валпи 60

XXVI. Машонгнави, план 62

XXVII. Машонгнави с Шупаулови вдали 64

XXVIII. Задняя стена дома-ряда Машонгнави 66

XXIX. Западная сторона главного ряда домов в Машонгнави 68

XXX. План Шупаулови 70

XXXI. Вид на Шупаулови 72

XXXII. Крытый проход Шупаулови 74

XXXIII. Главная кива Шупаулови 76

XXXIV. План Шумопави 78

XXXV. Вид на Шумопави 80

XXXVI. Ораиби, план В кармане.

XXXVII. Ключ к плану Ораиби, также показывающий расположение родов 82

XXXVIII. Двор Ораиби 84

XXXIX. Каменные террасы Ораиби 86

XL. Ряд домов Ораиби, вид со стороны двора 88

XLI. Задняя часть ряда домов Ораиби 90

XLII. Местоположение Моэн-копи 92

XLIII. План Моэн-копи 94

XLIV. Моэн-копи 96

XLV. Мормонская мельница в Моэн-копи 98

XLVI. Хавикух, план 100

XLVII. Хавикух, вид 102

XLVIII. Кирпичная церковь в Хавику 104

XLIX. Кетчипанан, план 106

L. Кетчипауан 108

LI. Каменная церковь в Кетчипауане 110

LII. Киакима, план 112

LIII. Местоположение Киакима, у подножия Таайялана 114

LIV. Недавняя стена в Киакиме 116

LV. Мацаки, план 118

LVI. Стоячая стена в Пинаве 120

LVII. Раскопки Халона, вид из Зуни 122

LVIII. Фрагменты стены Халоны 124

LIX. Меса Таайялана, из Зуни 126

LX. Таайялана, план 128

LXI. Стоящие стены руин Таайяланы 130

LXII. Остатки водохранилища на Таайялане 132

LXIII. Кин-тиел, план (также показаны раскопки) 134

LXIV. Северная стена Кин-тиеля 136

LXV. Стоящие стены Кин-тиеля 138
LXVI. Кинна-Зинде 140
LXVII. Нутрия, план 142
LXVIII. Нутрия, вид 144
LXIX. Пескадо, план 146
LXX. Вид на Пескадо с двора, на котором видны загоны 148
LXXI. Дома в Пескадо 150
LXXII. Фрагменты древней кладки в Пескадо 152
LXXIII. Охо-Кальенте, план В кармане.
LXXIV. Общий вид Охо-Кальенте 154
LXXV. Дом в Охо-Кальенте 156
LXXVI. Зуни, план В кармане.
LXXVII. Общий план Зуни с указанием расположения косых отверстий 158
LXXVIII. Общий вид внутренней части Зуни, вид на запад 160
LXXIX. Террасы Зуни 162
LXXX. Старая церковь из сырцового кирпича в Зуни 164
LXXXI. Восточные ряды Зуни 166
LXXXII. Двор Зуни 168
LXXXIII. Небольшой дом в Зуни 170
LXXXIV. Строительство дома в Ораиби 172
LXXXV. Интерьер в Тусаяне 174
LXXXVI. Интерьер в Зуни 176
LXXXVII. Люк кивы в Тусаяне 178
LXXXVIII. Северные кивы Шумопави, с северо-востока 180
LXXXIX. Каменная кладка в северном крыле Кин-тиеля 182
XC. Садовые стены из сырцового кирпича возле Зуни. 184
XCI. Группа каменных загонов возле Ораиби 186
XCII. Ограждающая стена из вертикальных камней в Охо-Калиенте 188
XCIII. Вертикальные блоки песчаника, встроенные в древнюю стену пуэбло 190
XCIV. Древняя стена из вертикальных скал на юго-западе Колорадо 192
XCV. Древние балки пола в Кин-тиеле 194
XCVI. Стены из сырцового кирпича в Зуни 196
XCVII. Облицовка стены и печь в Зуни 198
XCVIII. Поперечины на лестницах в Зуни 200
XCIX. Внешние ступени в Пескадо 202
C. Раскопанная комната в Кин-тиеле 204
CI. Каменные дымоходы Зуни 206
CII. Остатки ворот в Аватуби 208
CIII. Древние ворота, Кин-тиель 210
CIV. Крытый проход в Машонгнави 212
CV. Небольшие квадратные отверстия в Пуэбло Бонито 214
CVI. Запечатанные отверстия в отдельном доме Нутрии 216
CVII. Частичное заполнение большого отверстия в Ораиби, превратив его в дверной проем 218
CVIII. Большие проемы уменьшены до небольших окон, Ораиби 220
CIX. Каменные загоны и кива Машонгнави 222
CX. Часть загона в Пескадо 224
CXI. Клетка для орла в Зуни 226

CXII. А, Радуга над восточной потной хижиной; В, Радуга над западной потной хижиной 240
CXIII. Коврик-одеяло и трубки для лекарств 242
CXIV. Плед и трубки для лекарств 244
CXV. Маски: 1, Найенесионг; 2, 3, Тобайдишнинне; 4, 5, Хасджелти; 6, Хостджогон; 7, Хостджобокон; 8, Хостджобоард 246
CXVI. Плед и трубки для лекарств 248
CXVII. 1, Сосновые ветки на песчаном дне; 2, Корзина апачей, содержащая пену юкки, выстланную кукурузной пыльцой; 3, Корзина с водой, покрытая сосновыми иголками 250
CXVIII. Коврик-одеяло, трубки и палочки для лекарств 252
CXIX. Плед, трубка для лекарств 258
CXX. Первая картина из песка 260
CXXI. Вторая картина из песка 262
CXXII. Третья картина из песка 264
CXXIII. Четвертая картина из песка 266

Страница.

Рис. 1. Вид на Первую Месу 43
2. Руины, старый курган Уолпи 47
3. Руины между Домом летучих мышей и Домом рогов 51
4. Руины возле Моэн-копи, план 53
5. Руины в 7 милях к северу от Орайби 55
6. Руины в 14 милях к северу от Орайби (Кваитуки) 56
7. Овальные руины пожарной части, план. (Тебугкиху) 58
8. Топография места расположения Валпи 64
9. Машонгнави и Шупаулови из Шумопави 66
10. Диаграмма, показывающая рост Машонгнави 67
11. Диаграмма, показывающая рост Машонгнави 68
12. Диаграмма, показывающая рост Машонгнави 69
13. Топография места Шупаулови 71
14. Двор кива Шумопави 75
15. Хампассаван, план 84
16. Пинава, план 87
17. Нутрия, план; небольшая схема, старая стена 94
18. Пескадо, план, схема старой стены 95
19. Деревянная полка в Тусаяне 103
20. План внутренней части комнаты в Тусаяне 108
21. Северные кивы Шумопави с юго-запада 114
22. План главной кивы Шупаулови 122
23. План потолка главной кивы Шупаулови 123
24. Внутренний вид кивы Тусаяна 124
25. План кивы Шупаулови 125
26. План потолка кивы Шупаулови 125
27. План главной кивы Машонгнави 126
28. Внутренний вид люка кивы в Тусаяне 127
29. Мат, используемый для закрытия входа в кивы Тусаяна 128
30. Прямоугольный сипапух в киве Машонгнави 131

31. Стойка ткацкого станка на полу кивы в Тусаяне 132
32. Дымоход зуни с фрагментами керамики, вмонтированными в его глинобитное основание 139
33. Печь зуни с керамическими чешуйками, вмонтированными в ее поверхность 139
34. Каменные клинья из каменной кладки зуни, обнаженные в вымытой дождем стене 141
35. Неоштукатуренная стена дома в Охо-Калиенте 142
36. Настенные украшения в Машонгнави, выполненные розовым цветом на белом фоне 146
37. Схема конструкции крыши Зуни 149
38. Показано соединение небольших кровельных балок с круглыми балками 151
39. Одиночные каменные водостоки 153
40. Через каменные водосточные желоба 153
41. Деревянные водосточные желоба 154
42. Изогнутые водосточные желоба из камня в Тусаяне 154
43. Водосточные желоба в Тусаяне; выброшенный метат и тыква 155
44. Водосточный желоб Зуни с брызговиками на крыше внизу 156
45. Современная лестница с выемками в Ораиби 157
46. Лестницы с выемками Тусаян из Машонгнави 157
47. Американские индейские формы лестниц 158
48. Каменные ступени в Ораиби с платформой в углу 161
49. Каменные ступени с платформой у дымохода в Ораиби 161
50. Каменные ступени в Шумопави 162
51. Ряд ям для приготовления пищи в Машонгнави 163
52. Печи Пи-гумми в Машонгнави 163
53. Поперечные сечения печей пи-гумми Машонгнави 163
54. Схемы, показывающие фундаментные камни печи зуни 164
55. Куполообразная печь на каменном цоколе 165
56. Печь в Пескадо с обнаженными камнями кладки 166
57. Печь в Пескадо, обнажающая камни кладки 166
58. Святилища в Машонгнави 167
59. Птичник в Сичумови, напоминающий печь 167
60. План раскопанного помещения в Кин-тиеле 168
61. Угловая дымовая труба с двумя опорными столбами, Тусаян 170
62. Изогнутая дымовая труба Машонгнави 170
63. Вытяжка Машонгнави и замурованный камин 171
64. Вытяжка из Шупаулови 172
65. Полуотдельный квадратный дымоход Зуни 172
66. Неоштукатуренные дымовые колпаки зуни, иллюстрирующие конструкцию 173
67. Камин и каминная полка в Сичумови 174
68. Камин на втором этаже в Машонгнави 174
69. Камень пики и дымоход в Сичумови 175
70. Камень пики и примитивные подставки для дров в Шумопави 176
71. Терраса с камином и дымоходом в Шумопави 177
72. Терраса с очагом и дымоходом в Валпи 177
73. Наземная печь для приготовления пищи в Шумопави, покрытая дымоходом 178
74. Тюсаянские дымоходы 179
75. Решетчатая дверь в Зуни 183

76. Деревянные шарнирные петли двери зуни 184
77. Деревянные двери с панелями в Хано 185
78. Каркас дверной панели зуни 186
79. Грубые фрамуги над проемами в Тусаяне 188
80. Большой дверной проем Тусаяна с небольшими проёмами в перемычках 189
81. Дверной проем и двойной фрамуга в Валпи 189
82. Древний дверной проем в руинах утеса Каньон-де-Челли 190
83. Симметричный дверной проем с выемками в Машонгнави 190
84. Дверной проем с выемками в Тусаяне 191
85. Большой дверной проем в Тусаяне с одним зубчатым косяком 192
86. Древний круглый дверной проем, или «каменная дверь», в Кин-тиеле 193
87. Схема, иллюстрирующая симметричное расположение небольших отверстий в Пуэбло Бонито 195
88. Нарезанный узор на грубой оконной раме в Зуни 196
89. Наклонное селенитовое окно у основания стены Зуни на верхней террасе 197
90. Окно Зуни, застекленное селенитом 197
91. Небольшие отверстия в задней стене группы домов зуни. 198
92. Запечатанные отверстия в Тусаяне 199
93. Дверной проем в Зуни, преобразованный в окно 201
94. Отверстия в крыше Зуни 202
95. Отверстие в крыше зуни с приподнятым бортиком 203
96. Отверстия в крыше зуни с одним приподнятым концом 203
97. Отверстие в крыше зуни с крышкой 204
98. Люк в киве в Зуни 205
99. Разделенная пополам и закрепленная рама люка кивы в Зуни 206
100. Типичные сечения косых проемов зуни 208
101. Расположение камней для измельчения в доме Тусаян 209
102. Зерновой бункер Тусаян 210
103. Коробка для перьев в Зуни 210
104. Шкатулка для перьев племени зуни 210
105. Корыто для еды из Тусаяна 211
106. Древняя форма метате из Пуэбло 211
107. Табуретки зуни 213
108. Стул Зуни 213
109. Строительство загона зуни 215
110. Сады Зуни 216
111. «Кишони», или открытая тень, Тусаяна 218
112. Убежище на поле Тусаяна, с юго-запада 219
113. Убежище на поле Тусаян, с северо-востока 219
114. Схема, показывающая идеальный разрез террас с названиями Тусаяна 223
115. Внешний вид домика 236
116. Внутренний домик 237
117. Игорный клуб 238
118. Потовая баня 240

ОТЧЕТ ДИРЕКТОРА.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО.

Смитсоновский институт,
Бюро этнологии,
Вашингтон, округ Колумбия, 1 октября 1887 г.

Уважаемый господин! Имею честь представить Вам мой восьмой годовой отчет в качестве директора Бюро этнологии.

В первой части представлено объяснение плана и деятельности Бюро; вторая часть состоит из серии статей по антропологическим темам, подготовленных моими помощниками для иллюстрации методов и результатов работы Бюро.

Я хотел бы выразить свою благодарность за Вашу искреннюю поддержку и мудрые советы в отношении работы, за которую я отвечаю.

С уважением, Ваш покорный слуга

Проф. С. П. Лэнгли,
Секретарь Смитсоновского института.

ВОСЬМОЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ БЮРО ЭТНОЛОГИИ СОСТОЯЩЕГОСЯ ИЗ

Автор: Дж. В. Пауэлл, директор.

ВВЕДЕНИЕ.

В соответствии с постановлением Конгресса, в 1886-1887 финансовом году были продолжены исследования среди индейцев Северной Америки.

Общий план, в соответствии с которым велась работа, был изложен в предыдущих отчетах и не претерпел изменений. После того как были определены направления исследований, они были поручены лицам, имеющим соответствующую подготовку, с тем чтобы результаты их работы, по мере ее завершения или значительного продвижения, время от времени публиковались в изданиях Бюро, предусмотренных законом. Ниже приводится краткое описание работы, которой каждый из специальных студентов активно занимался в течение финансового года, но это описание не охватывает все проведенные ими исследования или оказанные услуги, поскольку отдельные направления исследований были приостановлены в этом, как и в предыдущие годы, с целью доведения до существенной завершенности работы, считающейся чрезвычайно важной. По этой причине произошли задержки в завершении нескольких трактатов и монографий, уже частично напечатанных, которые в противном случае были бы опубликованы.

Вновь обращаемся с просьбой о помощи к исследователям, писателям и студентам, которые не связаны и не желают официально связываться с Бюро. Их вклад, будь то в виде предложений или обширных сообщений, будет с благодарностью принят и всегда получит надлежащее признание, если будет опубликован в серии отчетов, монографиях или бюллетенях, как это может быть разрешено в будущем по решению Конгресса.

Сведения, о которых сейчас сообщается, представлены в трех основных разделах. Первый касается публикаций; второй — работы, проводимой на местах; третий — офисной работы, которая в основном состоит из подготовки к публикации результатов полевой работы с исправлениями и дополнениями, полученными из литературы, относящейся к обсуждаемым темам, и по переписке.

ПУБЛИКАЦИИ.

Единственной публикацией, фактически выпущенной в течение года, был Четвертый отчет Бюро этнологии Смитсоновского института по животным, 1882-1883 гг. Это имперский октавовый том объемом lxiii + 532 страницы, иллюстрированный 83 таблицами, из которых 11 цветных, и 564 рисунками в тексте. Официальный отчет директора, занимающий 39 страниц (стр. xxv-lxiii), сопровождается следующими документами:

Пиктограммы североамериканских индейцев, предварительная статья, автор Гаррик Мэллери; стр. 3-256, табл. I-LXXXIII, рис. 1-209.

Керамика древних пуэбло, автор Уильям Х. Холмс; стр. 257-360, рис. 210-360.

Древняя керамика долины Миссисипи, Уильям Х. Холмс; стр. 361-436, рис. 361-463.

Происхождение и развитие формы и орнамента в керамическом искусстве, Уильям Х. Холмс; стр. 437-465, рис. 464-489.

Исследование керамики пуэбло как иллюстрация развития культуры зуни, автор Фрэнк Гамильтон Кушинг; стр. 467-521, рис. 490-564.

ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ.

Полевые работы в течение года делятся на (1) исследования курганов и (2) общие полевые исследования, включая исследования, связанные с социальными обычаями, институтами, лингвистикой, пиктографией и другими разделами антропологии.

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ.

РАБОТА ПРОФЕССОРА САЙРУСА ТОМАСА.

Работа по исследованию курганов восточной части Соединенных Штатов, как и в предыдущие годы, велась под руководством профессора Сайруса Томаса.

Хотя профессор Томас и его помощники посвятили большую часть года изучению коллекций, собранных в ходе исследований курганов, и подготовке отчета о своей деятельности за последние пять лет, тем не менее, была проделана и важная полевая работа.

Проф. Томас лично осмотрел наиболее важные древние сооружения в Нью-Йорке и Огайо. Особое внимание он уделил последним, с целью определить, где необходимы новые и более точные описания, обзоры и иллюстрации. Было признано необходимым провести тщательное повторное обследование и описание ряда хорошо известных сооружений в Огайо. Это повторное обследование было тем более необходимым, что исследования, проведенные в Западной Вирджинии, западной части Северной Каролины и восточной части Теннесси, пролили свет на происхождение и использование этих памятников.

Г-н Дж. П. Роган продолжал свою работу в качестве помощника до конца ноября, когда он добровольно ушел с должности, чтобы заняться другими делами. Часть своего времени в течение первого месяца он посвятил систематизации и подготовке к отправке коллекции, приобретенной у г-жи Макглашан в Саванне, штат Джорджия. Остальное время он посвятил исследованию курганов вдоль верхнего течения реки Саванна в Джорджии и Южной Каролине и вдоль нижнего течения реки Язу в Миссисипи.

Г-н Дж. В. Эммерт продолжал работать в качестве полевого помощника до конца февраля, когда полевые работы были завершены. Его работа, за исключением короткого визита в центральную часть штата Нью-Йорк, ограничивалась восточной частью штата Теннесси, главным образом округами Блаунт, Монро и Лаудон, где в районе, ранее заселенном чероки, обнаружено множество обширных и очень интересных групп. Профессор Томас счел необходимым уделить значительное внимание древним сооружениям этого региона, поскольку вполне вероятно, что именно там и в западной части Северной Каролины находится ключ, который существенно поможет решить проблему своеобразных сооружений Огайо. Результаты этих исследований представляют необычайный интерес, независимо от их предполагаемого отношения к курганам Огайо.

Г-н Джеймс Д. Миддлтон, который был постоянным помощником в отделе с момента его организации, после завершения некоторых исследований, начатых в южной части Иллинойса, посетил западную часть Кентукки с целью изучения сооружений этого района, но вскоре после этого был вызван в Вашингтон для участия в офисной работе. В течение июня он посетил и провел тщательное исследование обширной группы сооружений недалеко от Чарлстона, Западная Вирджиния, частичное исследование которых провел полковник Норрис, которому помешала завершить его болезнь, непосредственно предшествовавшая его смерти. В том же месяце г-н Миддлтон приступил к исследованию упомянутых выше сооружений в Огайо, получив некоторые ценные результаты за короткое время до конца года.

Г-н Джерард Фоуке также в течение короткого времени занимался полевыми работами в западной Пенсильвании, Огайо и Кентукки, но в начале осени был вызван в Вашингтон для помощи в офисной работе.

ОБЩИЕ ТЕРЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

РАБОТА Г-НА А. С. ГАТЧЕТА.

В октябре и декабре г-н Альберт С. Гатчет занимался сбором исторических и лингвистических данных в Луизиане, Техасе и части Мексики, прилегающей к Рио-Гранде, где проживают остатки нескольких племен, язык и лингвистическая близость которых практически неизвестны. После долгих поисков г-н Гатчет обнаружил небольшое поселение индейцев билокси на реке Индиан- , в пяти-шести милях к западу от Лекомпта, округ Рапидс, Луизиана, где они зарабатывают на жизнь поденной работой. Большинство из них говорят по-английски лучше, чем на своем родном языке; фактически, около двух третей из тридцати двух выживших говорят только по-английски. Словарь, собранный им, раскрывает интересный факт, что билокси принадлежат к сиуанской языковой семье.

Он слышал, что около двадцати пяти представителей племени туника все еще живут в своих старых домах на прерии Марксвилл, округ Авойель, Луизиана. В Лекомпте, Луизиана, был собран отличный словарный запас их языка, и тщательное сравнение его с другими индейскими языками показывает, что туника не родственен ни одному из них, а представляет собой отдельное языковое семейство. Ему не удалось собрать никакой информации о племени каранкава, о котором мало что известно, кроме того, что они жили на побережье Техаса недалеко от залива Лавака.

Покинув округ Ларедо, штат Техас, он посетил Камарго в Тамаулипасе, Мексика, и обнаружил недалеко от Сан-Мигеля остатки племени комекрудо, или, как их называют белые, каризо. Только пожилые мужчины и женщины еще помнят свой язык. Чистокровные комекрудо, которых он видел, были высокими и худыми, некоторые из них имели более светлую кожу, чем мексиканцы. Впоследствии был изучен язык котонаме, на котором ранее говорили в том же районе, и было установлено, что он является явно родственным диалектом комекрудо. Оба языка принадлежат к коауильтекской семье. От комекрудо г-н Гатчет узнал названия ряда вымерших племен, которые ранее жили в их окрестностях, но представителей которых не осталось. Это касас-чикитас, техонес (или «еноты»), пинтос или пакавас, миаккан и картуханос. Затем он посетил индейцев тласкальтеков, которые живут в городе Сальтильо. Около двухсот из этих индейцев до сих пор говорят на своем языке, который почти идентичен ацтекскому, хотя и сильно смешан с испанским.

РАБОТА Г-НА ДЖЕРЕМИ КУРТИНА.

С середины марта по 1 июня г-н Джеремайя Куртин занимался завершением начатых в предыдущем году исследований истории, мифов и языка индейцев ирокезов в Версале, округ Каттарогас, штат Нью-Йорк. Полученные им материалы представляют большой интерес и ценность.

РАБОТА ДОКТОРА В. Дж. ХОФФМАНА.

В начале августа д-р В. Дж. Хоффман отправился в Пэйнт-Рок, Северная Каролина, чтобы сделать эскизы пиктограмм на стенах каньона реки Френч-Брод вблизи этого места. Из-за разрушения песчаниковых скал нарисованные контуры животных и других фигур постепенно стираются, хотя их осталось достаточно, чтобы показать их сходство с другими в различных частях региона, который, как полагают, был заселен индейцами чероки. Сообщалось, что ранее подобные контуры были видны на той же реке, а также на реке Теннесси, недалеко от Ноксвилла, штат Теннесси, хотя никаких следов их не было найдено.

Следующее место, которое мы посетили, находилось в нескольких милях к северо-западу от Либерти, округ Тазуэлл, штат Вирджиния, где некоторые нарисованные символы все еще сохранились в хорошем состоянии. Они находятся на песчаниковых скалах недалеко от вершины гор и представляют собой человеческие фигуры, птиц и другие формы, которые по своему художественному исполнению напоминают изображения в Северной Каролине. В пяти милях к востоку, на том же хребте, находится единственное ромбовидное скопление красных и черных знаков, других форм не видно. Эта скала известна в окрестностях как «Скала-платок» из-за своего сходства с расправленным цветным платком. Затем он отправился в Чарльстон, Западная Вирджиния, где получил копии петроглифов на Биг-Хорс-Крик, в 12 милях к юго-западу от этого

места, и в нескольких точках вдоль реки Канава. Стало известно, что в 20 милях к югу от Чарльстона, на известном тропе, ведущей из долины Канава в Кентукки, «расписные деревья» ранее обозначали направление троп, ведущих в страну чероки и в Кентукки. На этих деревьях были различные красные знаки, но точной информации о форме символов получить не удалось. В других упомянутых местах были замечены символы, в целом напоминающие те, что встречаются в других частях восточных и средних штатов, которые, как известно, были заселены племенами алгонкинской языковой семьи.

Затем был исследован «Индийский Бог-Скала», расположенный в 115 милях к северу от Питтсбурга, штат Пенсильвания, на реке Аллегани, и были сделаны наброски фигур. Эта скала представляет собой огромный валун, скульптурное лицо которого имеет высоту около 15 футов и ширину от 8 до 10 футов и лежит на берегу реки. Фигуры на нижней поверхности постепенно стираются эрозией от плавающих бревен и коряг во время паводков, а те, что находятся на верхних частях, разрушаются посетителями, которые вырезают имена и даты на скульптурных поверхностях. Еще одно место, которое посетили, находилось на реке Саскуэханна, в 3 милях ниже Колумбии, штат Пенсильвания. Здесь в реку с востока впадает небольшой ручей, вдоль которого было обнаружено несколько камней с глубоко вырезанными и отполированными канавками, указывающими на направление почти с востока на запад. Считается, что эти камни находятся на линии одного из индейских троп, ведущих к реке Делавэр, аналогичной той, что в Коновинго, штат Мэриленд, которая была последним осмотренным местом и известна как «Лысый монах». Большая масса скалы, выступающая из русла реки, почти полностью покрыта многочисленными кругами, чашеобразными углублениями, человеческими фигурами и эллипсами, сильно напоминающими символы из других мест в регионах, ранее заселенных семьей алгонкинов. Были сделаны измерения и эскизы этих петроглифов с целью их будущего воспроизведения на моделях.

ОФИСНАЯ РАБОТА.

Директор, майор Дж. У. Пауэлл ( ), продолжил работу по лингвистической классификации индейских племен в Северной Америке к северу от Мексики и в связи с этим готовит карту на лингвистической основе, показывающую первоначальное место обитания племен. Работа уже значительно продвинулась.

Профессор Дж. У. Пауэлл, как уже упоминалось ранее, посвятил большую часть своего времени в течение года изучению собранных коллекций и подготовке к публикации отчета о полевых работах, выполненных им и его помощниками. Этот отчет составит первый том его окончательного доклада и будет состоять почти исключительно из описаний, планов и рисунков исследованных древних сооружений, без каких-либо повествований и предположений. Он также будет включать статью г-на Джерарда Фоука о каменных предметах из коллекции. Второй том будет посвящен географическому распределению различных типов курганов, археологическим картам и схемам, а также общему обсуждению различных форм и типов древних сооружений. Предварительные списки различных известных памятников и местностей, где они находятся , а также ссылки на работы и периодические издания, в которых они упоминаются, над которыми г-жа В. Л. Томас, в дополнение к своим другим обязанностям, работала в течение почти трех лет, в настоящее время завершены и используются при подготовке карт. Они будут опубликованы в виде бюллетеня.

Г-н Gerard Fowke, помимо помощи в подготовке окончательного отчета о полевых работах отдела по исследованию курганов, провел исследование каменных предметов из коллекции, собранной этим отделом.

Г-н Дж. Фоуке (Gerard Fowke) изучил собранные медные предметы и подготовил документ, который почти завершен.

Офисная работа г-на Дж. Д. Миддлтона ( ) состояла исключительно в подготовке карт, графиков и диаграмм. Они делятся на два класса: (1) те, которые были составлены исключительно на основе оригинальных исследований и составляют большую часть, и (2) археологические карты штатов и округов, показывающие распределение определенных типов, которые были составлены на основе всех доступных данных, включая дополнения и проверки, сделанные отделом по исследованию курганов Бюро.

Г-н Дж. К. Пиллинг ( ) Дж. К. Пиллинг в течение года продолжал свои библиографические исследования с намерением завершить для печати свою библиографию североамериканских языков. После консультаций с директором и рядом хорошо осведомленных в этом вопросе господ было решено, что потребности студентов-этнографов в этой области этнологии будут лучше удовлетворены, если материал будет издан в виде отдельных библиографий, каждая из которых будет посвящена одному из крупных языковых семейств Северной Америки. Первая из них, подготовленная в течение года, была посвящена эскимосам и после набора текста составила брошюру объемом 116 страниц. Эксперимент оказался успешным, и г-н Пиллинг продолжил подготовку отдельных изданий. В конце финансового года рукопись его библиографии семьи сиуанских языков была отправлена в Государственную типографию. Планируется продолжить эту работу, подготовив библиографию каждой из языковых групп, как только позволит возможность.

Frank H. Cushing продолжал работу над материалами по зуни, насколько позволяло его здоровье, до середины декабря. В это время он оставил офисную работу и уехал в Аризону и Нью-Мексико, намереваясь на время посвятить себя изучению руин этого региона с целью получения материалов, имеющих косвенное отношение к его исследованиям по зуни, а также в надежде восстановить свое ухудшившееся здоровье.

Г-н Чарльз С. Ройс, хотя и не связанный больше официально с Бюро, посвятил в течение года много времени завершению своей работы по прежним правам индейских племен на земли в пределах Соединенных Штатов и методам, с помощью которых было добито их отказ от этих прав. Эта работа, задержанная в связи с уходом г-на Ройса из Бюро, по его словам, почти завершена.

Г-н Уильям Х. Холмс ( ) продолжил археологическую работу, начатую в предыдущие годы, используя для этого часть своего времени, не занятого работой в Геологической службе США. Были завершены и прочитаны корректуры статьи о древностях Чирики и статьи о текстильном искусстве в его связи с формой и орнаментом, подготовленных для шестого годового отчета. В течение года была начата работа над обзором керамического искусства Мексики. Была подготовлена и передана в Смитсоновский институт для публикации специальная статья с двадцатью иллюстрациями, посвященная замечательной группе поддельных древностей, принадлежащих этой стране. Кроме того, было начато предварительное исследование доисторических текстильных тканей Перу и написана краткая статья с многочисленными иллюстрациями. Как и в предыдущие годы, г-н Холмс курировал подготовку рисунков и гравюр для публикаций Бюро. Количество иллюстраций, подготовленных в течение года, составило 650.

Он также несет общую ответственность за различные археологические и этнологические коллекции Бюро и сообщает, что профессор Сайрус Томас, г-н Джеймс Стивенсон и другие сотрудники и агенты Бюро получили коллекции предметов из курганов долины Миссисипи и из руин страны Пуэбло. Ряд интересных предметов был также получен в дар. Капитан Дж. Г. Бёрк, армия США, подарил серию ваз и других церемониальных предметов, полученных из скальных жилищ и пещер в стране Пуэбло; г-н Дж. Б. Стернс (Stearns) из Шорт-Хиллз, штат Нью-Джерси, сделал несколько дополнений к своим и без того ценным пожертвованиям реликвий из древних могил Чирики, Колумбия, а г-н Дж. Н. Макомб (J. N. Macomb) подарил ряд фрагментов глиняной посуды из округа Грэм, штат Северная Каролина. Некоторые важные поступления были приобретены за деньги. Большая коллекция керамики, текстильных изделий и других предметов из могил Перу была получена от г-на Уильяма Э. Кертиса; серия древних и современных глиняных сосудов и многочисленные предметы других

классов из Чиууа, Мексика, были приобретены через агентство доктора Э. Палмера; небольшой набор красивых ваз из древней белой керамики Нью-Мексико был приобретен у г-на К. М. Лэндона из Лоренса, штат Канзас, а несколько красивых ваз из разных частей Мексики были приобретены у доктора Юджина Бобана.

Г-н Виктор Минделефф был запечатлен в течение финансового года при подготовке отчета об архитектуре групп пуэбло Тусаян и Сибола, который представлен в настоящем томе. Этот отчет содержит описание топографии и климата региона, иллюстрирующее влияние окружающей среды на развитие архитектуры типа пуэбло. Он также содержит традиционное описание пуэбло Тусаян и их отдельных кланов или фратрий. Подробное описание группы Тусаян касается относительного расположения деревень и таких руин, которые традиционно или исторически связаны с ними ( ). Также проводится сравнительное исследование между группами Тусаян и Сибола, а также между ними и некоторыми хорошо сохранившимися руинами с точки зрения конструктивных деталей, благодаря чему четко устанавливается сравнительно продвинутый тип современной архитектуры пуэбло. Для иллюстрирования отчета и придания эффекта описаниям и обсуждению были подготовлены карты обсуждаемых групп и топографии местности, а также планы домов и квартир.

Г-н Cosmos Mindeleff посвятил первую часть финансового года подготовке отчета о экспонатах Бюро этнологии и геологической службы на Промышленной выставке в Цинциннати в 1884 году, Южной выставке в Луисвилле в 1884 году и Промышленной и хлопковой столетней выставке в Новом Орлеане в 1884-1885 годах. Отчет включает в себя описательный каталог различных экспонатов. Поскольку они в основном состояли из моделей, а местоположение или объект, представленный каждой моделью, были подробно описаны, отчет получился объемным. Он был завершен в октябре и передан комиссару, представляющему Министерство внутренних дел. В течение остальной части года часть времени, которую г-н Космос Минделефф мог посвятить офисной работе, была потрачена на помощь г-ну Виктору Минделеффу в подготовке предварительного отчета об архитектуре Зуни и Тусаяна. Часть, порученная ему, состоит из вводной главы, посвященной традиционной истории Тусаяна, составленной на основе материалов, собранных г-ном А. М. Стивеном из Кимс-Каньон, Аризона.

За модельную комнату по-прежнему отвечал г-н Космос Минделефф. Продолжалась подготовка дубликатов моделей, изготовленных в последние несколько лет и в настоящее время хранящихся в Национальном музее, чему уделялась большая часть времени. В течение года к этой серии были добавлены следующие модели: (1) модель Шумопави, Тусаян, Аризона; (2) модель кургана Этоуа, Джорджия; (3) модели Машонгнави; (4) модель Зуни; (5) модель Пеньяско Бланко; (6) модели этрусских могил, представляющие собой серию, иллюстрирующую древние этрусские могилы, из материалов, предоставленных г-ном Томасом Уилсоном.

Г-н Э. У. Нельсон ( ) в течение 1886 года и до конца финансового года посвятил много времени подготовке отчета об эскимосах северной Аляски, для чего его записные книжки и обширные коллекции, полученные в этом регионе, предоставили богатый материал. В течение 1886 года словари, взятые из двенадцати эскимосских диалектов для использования в Арктической Аляске, были скомпонованы в форме англо-эскимосского и эскимосско-английского словаря. Эти словари с примечаниями по алфавиту и грамматике составят одну часть его отчета. Другая часть будет состоять из глав, посвященных различным аспектам жизни и обычаев эскимосов на Аляске, и будет иллюстрирована фотографиями, сделанными им на месте, и образцами, собранными во время его длительных путешествий по этому региону. Его записи о легендах, праздниках и других обычаях эскимосов станут важным вкладом в эту работу.

Г-н Люсьен М. Тернер ( ) также занимается подготовкой аналогичного отчета об эскимосах в форме описательного каталога большого количества материалов, собранных им за несколько лет проживания в Сент-Майклс и на Алеутских островах. Когда эти два отчета будут завершены, объем

точной информации об этом замечательном народе, которому они посвящены, существенно увеличится.

Г-н Генри У. Хеншоу ( ) продолжает руководить работой по синонимии индейских племен Соединенных Штатов, о которой подробно упоминалось в годовом отчете за прошлый год. Эта работа была временно приостановлена, и г-н Хеншоу помогал директору в подготовке лингвистической карты региона к северу от Мексики и в классификации индейских племен, что является предшествующей работой и основой для тома по синонимии.

Полковник Гаррик Маллери ( ) в течение года неустанно занимался работой по синонимии индейских племен, его специальной областью были ирокезские и алгонкинские языковые группы, а его особой обязанностью было тщательное изучение всей литературы по этому вопросу на французском языке ( ). Кроме того, когда позволяло время, он продолжал исследования и переписку по вопросам языка жестов и пиктограмм.

Г-н Джеймс Муни ( ) в течение всего года вместе с полковником Мэллери занимался той частью работы по синонимии индейских языков, которая касается алгонкинской и ирокезской языковых групп.

Г-н Джон Н. Б. Хьюитт ( ) продолжил лингвистическую работу, начатую г-жой Эрминни А. Смит (Erminnie A. Smith). В течение года он занимался записью, переводом и отслеживанием происхождения слов языка тускарора для создания тускарора-английского словаря. На данный момент он записал около 8000 слов.

Г-н Эрминни С. Смит ( ) Альберт С. Гэтчет (Albert S. Gatschet) посвятил почти весь год синонимии индейских племен и практически завершил работу над отведенным ему разделом, а именно племенами юго-востока США.

Г-н Эдмунд С. Гетцет ( ) Дж. Оуэн Дорси (J. Owen Dorsey) продолжил свою работу над карточками индейской синонимии языковых групп сиу (Siouan), каддо (Caddoan), атапаска (Athapascan), кусан (Kusan), лако-тава ( ) лако-биба ( ) яконан (Yakonan) и такилман (Takilman). Он возобновил подготовку карточек словаря для публикации в «North American Ethnology», том VI, часть II, и в связи с этим счел необходимым доработать свои дополнительные тексты на языке ɕegiha, состоящие из более чем двухсот пятидесяти посланий, помимо десяти или более мифов, полученных с 1880 года. Эта работа была прервана в марте 1887 года, когда он был вынужден заняться составлением новой коллекции текстов на языке тетон для публикации. Джордж Бушоттер, индеец из племени дакота, говорящий на диалекте тетон, был нанят директором 23 марта с целью записи для будущего использования Бюро некоторых мифов и легенд тетон в оригинале. Таким образом, было записано сто текстов, и г-н Дорси взял на себя подготовку межстрочных переводов текстов, критических и пояснительных примечаний, а также других необходимых лингвистических материалов, продиктованных г-ном Бушоттером. Помимо написания текстов на диалектах тетон, г-н Бушоттер смог предоставить многочисленные эскизы в качестве иллюстраций, все из которых были нарисованы и раскрашены в соответствии с индейскими представлениями. Его коллекция эскизов является самой обширной из всех, что были собраны среди племен семьи сиу, и это первая коллекция, предоставленная индейцем.

Д-р Уолтер Дж. Хоффман ( ) и г-н Джеремайя Куртин ( ) продолжали помогать в работе над синонимией индейских племен, когда не были заняты в полевых исследованиях, как упомянуто выше.

СОПУТСТВУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ.

Документы, содержащиеся в настоящем томе, относятся к индейцам пуэбло и навахо, которые занимают обширную территорию в юго-западной части США. Доисторическая археология пуэбло в

специальном разделе архитектуры является наиболее заметной темой, представленной и обсуждаемой в документах, но они также включают исследования истории, мифологии и социологии этого народа, а также их соседей и наследственных врагов — навахо. Все эти взаимосвязанные исследования изложены с подробностями и иллюстрациями.

ИССЛЕДОВАНИЕ АРХИТЕКТУРЫ ПУЭБЛО, ТУСАЯН И СИБОЛА, АВТОР ВИКТОР МИНДЕЛЕФФ.

Это исследование касается руин и населенных городов, обнаруженных в обширном юго-западном регионе, состоящем из засушливых плато, который примерно ограничен на востоке рекой Рио-Пекос, на западе — рекой Колорадо, на севере — центральной частью штата Юта и простирается на юг до еще не определенных границ в Мексике. Настоящая работа более непосредственно ограничивается древними провинциями Тусаян и Сибола, расположенными в бассейне реки Литл Колорадо, и ее цель состоит в том, чтобы продолжить и дополнить ее исследованиями других типичных групп в этом регионе, но необходимые сравнения и обобщения, представленные в настоящее время, применимы ко всем разнообразным особенностям, которые наблюдаются в остатках архитектуры пуэбло, разбросанных сейчас на тысячи квадратных миль. Работа по съемке и планировке этого обширного поля, а также последующая координация исследований и подготовка иллюстраций заняли у автора и г-на Космоса Минделеффа много времени с 1881 года, хотя это не включало все их обязанности, выполняемые в течение этого периода.

Название статьи, которое указывает только на архитектуру, не отражает широкого и многозначительного подхода к теме. Ожидалось бы, и даже требовалось, чтобы исследования были точными в деталях и чтобы физические особенности региона были исчерпывающе описаны, но, хотя все это и сделано хорошо, представлено гораздо больше материала другого, хотя и связанного с этим, рода, имеющего большую ценность для этнологии. История, доисторическая и новейшая, религия, социология и искусство народа, его быт и фольклор изучаются и обсуждаются таким образом, который был бы достоин эссе, посвященных этим специальным темам, но используются так, что полностью соответствуют разъяснению общей темы.

Глава о традиционной истории Тусаяна, которая является индивидуальной компиляцией г-на Космоса Минделеффа, является важным и интересным вкладом в историю, миграции и мифологию этого народа. Однако традиции используются с должной осторожностью, поскольку признается тот факт, что они редко содержат четкую информацию, но часто имеют большую ценность благодаря своим случайным намекам и сохранению условий прошлого, которые повлияли на направления и ограничения их роста.

Классификация и описание фратрий и родов пуэбло являются важным вкладом в антропологию, а обсуждение происхождения и использования кива более подробно и исчерпывающе, чем любое другое, сделанное ранее по этой теме. Это слово из языка тусаян принято вместо испанского термина «estufa», который буквально означает «печь» и вводит в заблуждение, поскольку строго применяется только к потным хижинам, которые используют индейцы, строящие жилища. Кива — это церемониальная комната древних и современных народов Пуэбло. Они встречаются везде, где есть остатки архитектуры Пуэбло, и отличаются от типичных жилых комнат своим размером, расположением и, как правило, формой. Автор подробно останавливается на древности, раскопках, доступе, внешней кладке, ориентации и общей конструкции, мебели и украшениях этих замечательных камер, а также на связанных с ними обрядах. Он также дает оригинальное и остроумное предположение, объясняющее сохранение структурного плана кива его религиозным или мифологическим значением.

Обозначение любопытного отверстия сипапуха как «места, из которого появились люди» в связи с особым расположением внутренней части кивы с изменением уровня пола натолкнуло г-на Минделеффа на мысль, что эти особенности можно рассматривать как символизирующие четыре мира мифа о сотворении мира, который оказал такое большое влияние на обычаи тусаянцев. Он

также пришел к выводу, что это символизирует «четыре дома» или этапа, описанные в их мифах о сотворении мира. Сипапух с его полостью под полом, безусловно, считается местом начала, самым нижним домом под землей, обителью Мюингуа, Создателя; главный или нижний этаж представляет второй этап; а приподнятая часть пола обозначает третий этап, где были созданы животные. На праздниках Нового года на этой платформе группировались фетиши животных. Следует также отметить, что лестница на поверхность неизменно сделана из сосны и всегда опирается на платформу, а не на нижний этаж, и в их традиционном генезисе говорится, что люди поднимались из третьего дома (этапа) по лестнице из сосны и через отверстие, подобное люку кивы. Внешний воздух — это четвертый мир, или тот, который занимают сейчас.

Еще одно удачное наблюдение связано с эволюцией орнамента и было подсказано автору широким использованием небольших камней для заделки щелей, чтобы выровнять поверхность кладки после того, как были уложены более крупные камни, образующие тело стены. Этот метод строительства в случае некоторых из лучших древних пуэбло привел к созданию удивительно отделанных каменных стен, в которых мозаичные кусочки уложены так плотно, что на поверхности стены видны только самые тонкие швы, с небольшими следами раствора. Размеры клиньев для заделки щелей неизбежно сильно различались, чтобы соответствовать размерам промежутков между более крупными камнями стены. Использование камня « » таким образом, вероятно, послужило источником вдохновения для создания полосчатых стен, которые являются яркой особенностью некоторых домов Чако. В связи с этими стенами швы камня двух степеней толщины, которые можно наблюдать в скалах, естественным образом подсказали строителям идею их имитации с помощью камней аналогичной толщины в виде непрерывных полос. Декоративный эффект этого приёма изначально был случайным результатом использования наиболее удобного метода использования имеющегося материала.

Автор демонстрирует результаты тщательного исследования в своих взглядах на спорные вопросы расового происхождения и распространения. Он отметил, что некоторые руины, традиционно и исторически связанные с Тусаяном и Сиболой, ничем не отличаются от тех каменных пуэбло, которые широко рассеяны по юго-западным плато и которые время от времени окружались путешественниками и писателями ореолом романтики и считались чудесными достижениями цивилизации исчезнувшей, но когда-то могущественной расы. Эти заброшенные каменные дома, найденные посреди пустынных просторов, возбудили воображение первых исследователей, которые связали эти руины с «ацтеками» и другими загадочными народами. Из этого раннего предубеждения возникло множество оригинальных теорий о происхождении и исчезновении строителей древних пуэбло.

В связи с архитектурным исследованием некоторых из этих руин было собрано много преданий от живых членов племен, некоторые из которых опубликованы в настоящей статье и которые ясно указывают на то, что некоторые из руин деревень и жилищ в скалах были построены и заселены предками современных индейцев пуэбло в период, вполне вписывающийся в исторический период. Как архитектурные, так и традиционные свидетельства согласуются в установлении преемственности происхождения современных пуэбло от древних. Многие из общин в настоящее время состоят из более или менее разбросанных, но взаимосвязанных остатков племен, которые в прежние времена занимали деревни на нынешних или соседних местах.

Выводы г-на Минделеффа можно свести к следующему:

Общие черты развития архитектуры, в которой древние строители были вынуждены максимально эффективно использовать имевшиеся в их распоряжении материалы как из-за сложных условий полупустынной среды, так и из-за постоянной необходимости защищаться от соседей, можно проследить на различных этапах ее развития от примитивных конических хижин до ее кульминации в виде больших общинных деревень с многоэтажными террасными зданиями, которые

использовались во времена испанского открытия и которые до сих пор сохранились в Зуни. Однако различные этапы были результатом простого и прямого использования имеющихся под рукой материалов, в то время как методы постепенно совершенствовались, поскольку частые эксперименты учили строителей более полно использовать местные возможности. Во всех случаях материалы добывались из ближайших доступных источников, и часто различия в качестве готовой работы объясняются различиями в качестве камня, добытого поблизости. Достигнутые результаты свидетельствуют о терпеливом и настойчивом труде древних строителей, но в работе не прослеживается высокого мастерства в строительстве или подготовке материала.

Та же самая пустынная среда, которая обеспечивала древних строителей обилием материалов, из-за своей негостеприимной природы и постоянных колебаний в водоснабжении, также вынуждала часто использовать эти материалы при смене места жительства и расположения деревень. Это было важным фактором, повлиявшим на достигнутый уровень развития строительного искусства. Таким образом, отличительные черты архитектуры пуэбло можно считать результатом оборонительных мотивов и засушливой среды, которая обеспечивала изобилие подходящих строительных материалов, а также климатических условий, которые вынуждали часто их использовать.

Культурные различия, которые когда-то проводили писатели между индейцами пуэбло и соседними племенами, постепенно становятся менее четкими по мере их тщательного изучения. Понимание их социальной и религиозной системы позволяет установить существенную идентичность их уровня культуры с уровнем других племен. Во многих видах искусства, таких как ткачество и керамика, эти люди ни в коей мере не превосходят многие племена, которые строят более примитивные жилища. Хотя они далеко опередили своих соседей в архитектуре, многие из используемых ими приспособлений свидетельствуют о сугубо примитивном характере их искусства и демонстрируют, что кажущееся различие в уровне культуры в основном обусловлено исключительными условиями их окружающей среды.

Эта важная и своевременная статья предоставляет новые доказательства, взятые из одной из крепостей сентиментальной фантазии, чтобы показать, что нет необходимости в гипотезе о вымершей расе с плотным населением и высокой цивилизацией, чтобы объяснить условия, фактически существовавшие в Северной Америке до европейского открытия.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ОБРЯД ХАСДЖЕЛЬТИ ДАЙЛДЖИС И МИФИЧЕСКИЕ ПЕСЧАНЫЕ РИСУНКИ ИНДЕЙЦЕВ НАВАХО, ДЖЕЙМС СТЕВЕНСОН.

Эта статья, помимо своих внутренних достоинств, представляет особый интерес для американских антропологов, поскольку является последней официальной работой г-на Стивенсона, о преждевременной смерти которого 25 июля 1888 года было упомянуто в предыдущем отчете. Она отражает его личные качества, являясь четким и точным изложением фактически наблюдаемых фактов и информации, полученной им из первых рук, без размытости и ненужных теоретизирований.

Hasjelti Dailjis на языке навахо означает танец Хасджелти, который является вождем или, скорее, самым важным и заметным из богов. Слово «танец» не совсем подходит для обозначения этих церемоний, поскольку они в целом больше похожи на театральные представления, чем на танцы. Вся церемония, которая длится девять дней, в племени известна под названием «Yebitchai», что означает «дядя великана», и этот термин используется для внушения страха молодым кандидатам на посвящение.

Церемония, свидетелем которой был г-н Стивенсон, проводилась с целью излечения богатого члена племени от воспаления глаз. На ней присутствовали 1200 индейцев навахо, в основном в качестве зрителей, но их интерес к мероприятию можно частично объяснить тем, что во время своего визита они жили за счет больного и большую часть времени занимались азартными играми и скачками. Очень многочисленные активные участники церемоний, которых можно было бы назвать тайным

обществом, в соответствии с ранней формой нашего драматического искусства, не получали прямой оплаты за свои услуги, но действовали, потому что были ближайшими родственниками больного, в чью пользу проводилось представление. Член племени, который совмещал в себе функции менеджера, теургиста, певца-жреца или церемониймейстера, получал непомерно высокую плату за свои профессиональные услуги. Изображение различных богов и их спутников, а также драматическое представление их мифических приключений и проявленных способностей демонстрируют особенные черты, в то время как детали действия день за днем показывают все возможные и, как правило, непонятные изменения и умножение костюмов, движений, поз, манипуляций с перьями, мукой, палками, краской, водой, песком и бесчисленными другими сценическими реквизитами в поразительной сложности и кажущейся путанице. Тем не менее, из того, что известно об отдельных и фрагментарных частях драматизированных мифов, можно сделать вывод, что каждое из строго регламентированных и предписанных действий имеет или имело особое значение, и очевидно, что все они поддерживаются со строгой религиозной скрупулезностью, действительно с постоянным страхом перед фатальными последствиями, которые могли бы возникнуть в результате малейшего отклонения. В связи с этой ритуальной формой скрупулезности, которая отмечается в религиозных обрядах других народов и стран, можно упомянуть об установленной формальной молитве и призыве к божеству. Она явно предлагает взятку или условия сделки божествам и имеет свои параллели в архаичных молитвах многих других языков. В переводе с языка навахо она звучит следующим образом:

Люди гор и корней [т. е. боги, как показывает контекст], я слышу, что вы хотите получить вознаграждение. Я дарю вам пищу из кукурузной пыльцы и перьев колибри, и я посылаю вам драгоценные камни и табак, который вы должны курить; он был зажжен лучами солнца, и за это я прошу вас дать мне хороший танец; будьте со мной! Земля, я прошу тебя, дай мне хороший танец, и я предлагаю тебе пищу из перьев колибри и драгоценных камней, а также табак для курения, зажженный лучами солнца, в качестве платы за то, что я использую тебя для танца; создай для меня хорошую твердую почву, чтобы боги, которые приходят посмотреть на танец, были довольны землей, на которой танцует их народ; сделай мой народ здоровым и сильным духом и телом.

В дополнение к своему исчерпывающему описанию Хасджелти Дайлис и любопытной живописи на сухом песке, которую навахо, как и племена пуэбло, делают важной частью своих таинств, и иллюстрациями которой он снабжает свою работу, г-н Стивенсон представляет переводы шести мифов навахо, некоторые из которых проясняют части церемонии, составляющей основной заголовок его статьи. Эти мифы « » изложены в простом и прямом стиле, что свидетельствует о том, что они сохранили дух оригинала. Они, безусловно, лишены претенциозных украшений и литературных вычур, которые исказили почти все опубликованные формы индейских мифов и сказок, доступных до сих пор широкому кругу читателей, и даже ввели в заблуждение многочисленных специалистов, не имевших возможности проверить их достоверность.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ.

Классификация расходов, произведенных из ассигнований на североамериканскую этнологию за финансовый год, закончившийся 30 июня 1887 года.

Расходы.	Сумма расходов.	Сумма ассигнованная.
Услуги	27 988,59 долл. США	

Путевые расходы	2 339,89
Перевозка имущества	164,90
Проживание на месте	102,30
Полевые расходные материалы	204,51
Материалы для полевых работ	11,54
Инструменты	1,75
Лабораторный материал	5,00
Фотоматериалы	16,30
Книги и карты	176,43
Канцелярские товары	133,12
Иллюстрации для отчета	411,00

Товары для распределения среди индейцев	100,00	
Офисная мебель	3,25	
Корреспонденция	11,62	
Образцы	2600,20	
Счета по таможенным железнодорожным перевозкам, переданные в Министерство финансов для расчета	45,65	
Остаток на счете для погашения непогашенных обязательств	5 683,95	
Итого	40 000,00	$40 000,00

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

Этот документ также доступен в отдельном виде на сайте Project Gutenberg в виде электронного текста 19856. Файлы идентичны, за исключением того, что в настоящем тексте исправлено несколько типографских ошибок и заменены некоторые иллюстрации.

Некоторые слова в тексте имеют варианты написания, которые были оставлены без изменений. Основные из них:

nyumu: *иногда пишется с дефисом как* ***nyu-mu***

Mashongnavi, Shupaulovi, Sichumovi (имена): *иногда пишется с акцентами как* ***Mashóngnavi, Shupaúlovi, Sichúmovi***

ИССЛЕДОВАНИЕ АРХИТЕКТУРЫ ПУЭБЛО : TUSAYAN И CIBOLA.
АВТОР: VICTOR MINDELEFF.

СОДЕРЖАНИЕ.

Страница.

Введение 13
ГЛАВА I. — Традиционная история Тусаяна 16
Пояснительная 16
Краткое изложение традиций 16
Список традиционных родов 38
Дополнительная легенда 40
ГЛАВА II.—Руины и заселенные деревни Тусаяна 42
Физические особенности провинции 42
Методы исследования 44
Планы и описание руин 45
Руины Валпи 46
Старый Машонгнави 47
Шитаймуви 48
Аватуби 49
Хорн Хаус 50
Небольшие руины возле Хорн-Хаус 51
Дом летучих мышей 52
Мишиптога 52
Моэн-копи 53
Руины на русле реки Орайби 54
Кваитуки 56
Тебугкиху, или Пожарная часть 57
Чукуби 59
Payupki 59
Планы и описания населенных пунктов 61
Хано 61
Сичумови 62
Валпи 63
Машонгнави 66
Шупаулови 71
Шумопави 73
Ораиби 76
Моэн-копи 77
ГЛАВА III. —Руины и заселенные деревни Сиболы 80
Физические особенности провинции 80
Планы и описания руин 80

Хавику 80
Кетчипауан 81
Чалове 83
Хампассаван 84
Киакима 85
Мацаки 86
Пинава 86
Халона 88
Руины Таайалана 89
Кин-тиел и Кинна-Зинде 91
Планы и описания населенных деревень 94
Нутрия 94
Пескадо 95
Охо Калиенте 96
Зуни 97
Глава IV. — Архитектура Тусаяна и Сиболы в сравнении по конструктивным деталям 100
Введение 100
Строительство домов 100
Обряды и методы 100
Локализация родов 104
Внутренняя организация 108
Кива в Тусаяне 111
Общее использование кива строителями пуэбло 111
Происхождение названия 111
Древность кивы 111
Раскопки кивы 112
Доступ 113
Каменная кладка 114
Ориентация 115
Древняя форма кивы 116
Объяснения положения коренными жителями 117
Методы строительства кивы и ритуалы 118
Типичные планы 118
Работа женщин 129
Посвящение 129
Различные виды использования кива 130
Право собственности на кивы 133
Мотивы для строительства кивы 134
Значение структурного плана 135
Типичные измерения 136
Список кива Тусаяна 136
Подробная информация о строительстве в Тусаяне и Сиболе 137
Стены 137
Крыши и полы 148
Надстенные покрытия и водосточные желоба 151
Лестницы и ступени 156
Очаги и печи 162
Печи 167
Камины и дымоходы 167

Ворота и крытые проходы 180
Двери 182
Окна 194
Проемы в крыше 201
Мебель 208
Загоны и сады; клетки для орлов 214
Строительство «киси» 217
Архитектурная номенклатура 220
Заключительные замечания 223

Сноски

Указатель

Об иллюстрациях

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Иллюстрации размещены как можно ближе к месту их упоминания в тексте. Номера печатных страниц указывают на их первоначальное расположение. Многочастные рисунки иногда показаны вертикально (один рисунок над другим), если первоначальный макет был горизонтальным.

Карта и большинство планов участков показаны в виде миниатюрных изображений, связанных с более крупными версиями.

		Страница.
ТАБЛИЦА	Карта провинций Тусаян и Сибола	
I.		12
II.	Старый Машонгнави, план	14
III.	Общий вид Аватуби	16
IV.	Аватуби (Талла-Хоган), план	18
V.	Стоящие стены Аватуби	20
VI.	Фрагмент глинобитного дома в Аватуби	22
VII.	Руины дома Хорна, план	24
VIII.	Дом летучих мышей	26
IX.	Мишиптога (Джедито)	28
X.	Небольшие руины возле Моэн-копи	30
XI.	Каменная кладка на внешней стене пожарной части, деталь	32
XII.	Чукуби, план	34
XIII.	Паюпки, план	36
XIV.	Общий вид Паюпки	38
XV.	Сохранившиеся стены Паюпки	40
XVI.	План Хано	42
XVII.	Вид на Хано	44
XVIII.	План Сичумови	46
XIX.	Вид на Сичумови	48
XX.	План Валпи	50
XXI.	Вид на Валпи	52
XXII.	Южный проход Валпи	54
XXIII.	Дома, построенные на неровных участках, Валпи	56
XXIV.	Танцевальный камень и кива, Валпи	58
XXV.	Пешеходная тропа к Валпи	60
XXVI.	Машонгнави, план	62
XXVII.	Машонгнави с Шупаулови вдали	64
XXVIII.	Задняя стена дома Машонгнави	66
XXIX.	Западная сторона главного ряда домов в Машонгнави	68
XXX.	План Шупаулови	70
XXXI.	Вид на Шупаулови	72
XXXII.	Крытый проход Шупаулови	74
XXXIII.	Главная кива Шупаулови	76
XXXIV.	План Шумопави	78
XXXV.	Вид на Шумопави	80
XXXVI.	Ораиби, план	В кармане.
XXXVII.	Ключ к плану Ораиби, также показывающий расположение родов	82
XXXVIII.	Двор Ораиби	84
XXXIX.	Каменные террасы Ораиби	86

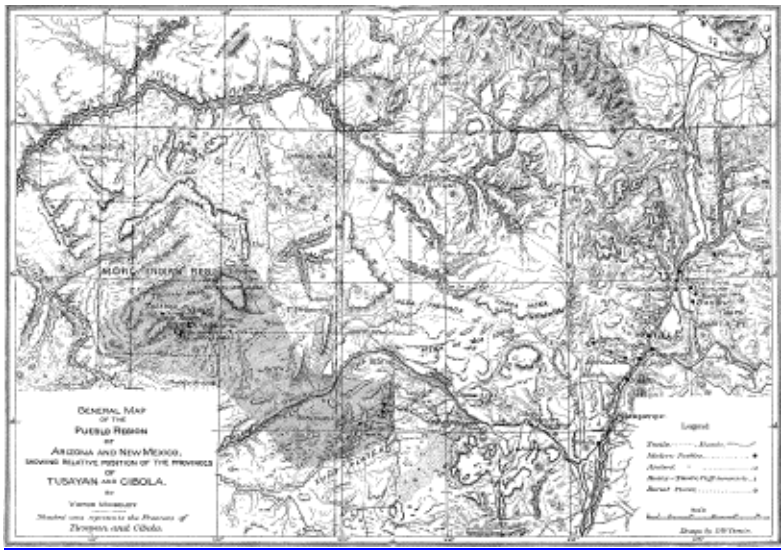
XL. Ряд домов Ораиби, вид со стороны двора 88
XLI. Задняя часть ряда домов Ораиби 90
XLII. Местоположение Моэн-копи 92
XLIII. План Моэн-копи 94
XLIV. Моэн-копи 96
XLV. Мормонская мельница в Моэн-копи 98
XLVI. Хавикух, план 100
XLVII. Хавику, вид 102
XLVIII. Кирпичная церковь в Хавику 104
XLIX. Кетчипанан, план 106
L. Кетчипауан 108
LI. Каменная церковь в Кетчипауане 110
LII. Киакима, план 112
LIII. Местоположение Киакима, у подножия Таайялана 114
LIV. Недавняя стена в Киакиме 116
LV. Мацаки, план 118
LVI. Стоячая стена в Пинаве 120
LVII. Раскопки Халона, вид из Зуни 122
LVIII. Фрагменты стены Халоны 124
LIX. Меса Таайялана, из Зуни 126
LX. Таайялана, план 128
LXI. Стоящие стены руин Таайяланы 130
LXII. Остатки водохранилища на Таайялане 132
LXIII. Кин-тиель, план (также показаны раскопки) 134
LXIV. Северная стена Кин-тиеля 136
LXV. Сохранившиеся стены Кин-тиеля 138
LXVI. Кинна-Зинде 140
LXVII. Нутрия, план 142
LXVIII. Нутрия, вид 144
LXIX. Пескадо, план 146
LXX. Вид на Пескадо с двора, на котором видны загоны 148
LXXI. Дома в Пескадо 150
LXXII. Фрагменты древней кладки в Пескадо 152
LXXIII. Охо-Кальенте, план В кармане.
LXXIV. Общий вид Охо-Кальенте 154
LXXV. Дом в Охо-Кальенте 156
LXXVI. Зуни, план В кармане.
LXXVII. Общий план Зуни с указанием расположения косых отверстий 158
LXXVIII. Общий вид внутренней части Зуни, вид на запад 160
LXXIX. Террасы Зуни 162
LXXX. Старая церковь из сырцового кирпича в Зуни 164
LXXXI. Восточные ряды Зуни 166
LXXXII. Двор Зуни 168
LXXXIII. Небольшой дом в Зуни 170
LXXXIV. Строительство дома в Ораиби 172
LXXXV. Интерьер в Тусаяне 174
LXXXVI. Интерьер в Зуни 176
LXXXVII. Люк кивы в Тусаяне 178

LXXXVIII. Северные кивы Шумопави, с северо-востока 180
LXXXIX. Каменная кладка в северном крыле Кин-тиеля 182
XC. Стены сада Adobe возле Зуни. 184
XCI. Группа каменных загонов возле Ораиби 186
XCII. Ограждающая стена из вертикальных камней в Охо-Калиенте 188
XCIII. Вертикальные блоки песчаника, встроенные в древнюю стену пуэбло 190
XCIV. Древняя стена из вертикальных камней на юго-западе Колорадо 192
XCV. Древние балки пола в Кин-тиеле 194
XCVI. Стены из сырцового кирпича в Зуни 196
XCVII. Облицовка стены и печь в Зуни 198
XCVIII. Поперечины на лестницах в Зуни 200
XCIX. Внешние ступени в Пескадо 202
C. Раскопанная комната в Кин-тиеле 204
CI. Каменные дымоходы Зуни 206
CII. Остатки ворот в Аватуби 208
CIII. Древние ворота, Кин-тиель 210
CIV. Крытый проход в Машонгнави 212
CV. Небольшие квадратные отверстия в Пуэбло Бонито 214
CVI. Запечатанные отверстия в отдельном доме Нутрии 216
CVII. Частичное заполнение большого отверстия в Ораиби, превратив его в дверной проем 218
CVIII. Большие проемы уменьшены до небольших окон, Ораиби 220
CIX. Каменные загоны и кива Машонгнави 222
CX. Часть загона в Пескадо 224
CXI. Клетка для орла в Зуни 226

Рис. 1(.) Вид на Первую Месу 43
2. Руины, старый курган Уолпи 47
3. Руины между Домом летучих мышей и Домом рогов 51
4. Руины возле Моэн-копи, план 53
5. Руины в 7 милях к северу от Орайби 55
6. Руины в 14 милях к северу от Орайби (Кваитуки) 56
7. Овальные руины пожарной части, план. (Тебугкиху) 58
8. Топография места расположения Валпи 64
9. Машонгнави и Шупаулови из Шумопави 66
10. Диаграмма, показывающая рост Машонгнави 67
11. Диаграмма, показывающая рост Машонгнави 68
12. Диаграмма, показывающая рост Машонгнави 69
13. Топография места расположения Шупаулови 71
14. Судебная кива Шумопави 75
15. Хампассаван, план 84
16. Пинава, план 87
17. Нутрия, план; небольшая схема, старая стена 94
18. Пескадо, план, схема старой стены 95
19. Деревянная полка в Тусаяне 103
20. План внутренней части комнаты в Тусаяне 108
21. Северные кивы Шумопави с юго-запада 114

22. План главной кивы Шупаулови 122
23. План потолка главной кивы Шупаулови 123
24. Внутренний вид кивы Тусаяна 124
25. План кивы Шупаулови 125
26. План потолка кивы Шупаулови 125
27. План главной кивы Машонгнави 126
28. Внутренний вид люка кивы в Тусаяне 127
29. Мат, используемый для закрытия входа в кивы Тусаяна 128
30. Прямоугольный сипапух в киве Машонгнави 131
31. Стойка ткацкого станка на полу кивы в Тусаяне 132
32. Дымоход зуни с фрагментами керамики, вмонтированными в его глинобитное основание 139
33. Печь зуни с керамическими чешуйками, вмонтированными в ее поверхность 139
34. Каменные клинья из каменной кладки зуни, обнаженные в вымытой дождем стене 141
35. Неоштукатуренная стена дома в Охо-Калиенте 142
36. Настенные украшения в Машонгнави, выполненные розовым цветом на белом фоне 146
37. Схема конструкции крыши Зуни 149
38. Показано соединение небольших кровельных балок с круглыми балками 151
39. Одиночные каменные водостоки 153
40. Каменные желоба для слива воды с крыши 153
41. Деревянные водосточные желоба 154
42. Изогнутые водосточные желоба из камня в Тусаяне 154
43. Водосточные желоба в Тусаяне; выброшенный метат и тыква 155
44. Водосточный желоб Зуни с брызговиками на крыше внизу 156
45. Современная лестница с выемками в Ораиби 157
46. Лестницы с выемками Тусаян из Машонгнави 157
47. Лестницы коренных американцев 158
48. Каменные ступени в Ораиби с платформой в углу 161
49. Каменные ступени с платформой у дымохода в Ораиби 161
50. Каменные ступени в Шумопави 162
51. Ряд ям для приготовления пищи в Машонгнави 163
52. Печи Пи-гумми в Машонгнави 163
53. Поперечные сечения печей пи-гумми Машонгнави 163
54. Схемы, показывающие фундаментные камни печи зуни 164
55. Куполообразная печь на каменном цоколе 165
56. Печь в Пескадо с обнаженными камнями кладки 166
57. Печь в Пескадо, обнажающая камни кладки 166
58. Святилища в Машонгнави 167
59. Птичник в Сичумови, напоминающий печь 167
60. План раскопанного помещения в Кин-тиеле 168
61. Угловая дымовая труба с двумя опорными столбами, Тусаян 170
62. Изогнутая дымовая труба Машонгнави 170
63. Вытяжка Машонгнави и замурованный камин 171
64. Вытяжка из Шупаулови 172
65. Полуотдельный квадратный дымоход Зуни 172
66. Неоштукатуренные дымовые колпаки зуни, иллюстрирующие конструкцию 173

67. Камин и каминная полка в Сичумови 174
68. Камин на втором этаже в Машонгнави 174
69. Камень пики и дымоход в Сичумови 175
70. Камень пики и примитивные подставки для дров в Шумопави 176
71. Терраса с камином и дымоходом в Шумопави 177
72. Терраса с очагом и дымоходом в Валпи 177
73. Наземная печь для приготовления пищи в Шумопави, покрытая дымоходом 178
74. Тюсаянские дымоходы 179
75. Решетчатая дверь в Зуни 183
76. Деревянные шарнирные петли двери зуни 184
77. Деревянные двери с панелями в Хано 185
78. Каркас дверной панели зуни 186
79. Грубые фрамуги над проемами в Тусаяне 188
80. Большой дверной проем Тусаяна с небольшими проёмами в перемычках 189
81. Дверной проем и двойной фрамуга в Валпи 189
82. Древний дверной проем в руинах ущелья Каньон-де-Челли 190
83. Симметричный дверной проем с выемками в Машонгнави 190
84. Дверной проем с выемками в Тусаяне 191
85. Большой дверной проем в Тусаяне с одним зубчатым косяком 192
86. Древний круглый дверной проем, или «каменная дверь», в Кин-тиеле 193
87. Схема, иллюстрирующая симметричное расположение небольших отверстий в Пуэбло Бонито 195
88. Нарезанный узор на грубой оконной раме в Зуни 196
89. Наклонное селенитовое окно у основания стены Зуни на верхней террасе 197
90. Окно зуни, застекленное селенитом 197
91. Небольшие отверстия в задней стене группы домов зуни. 198
92. Запечатанные отверстия в Тусаяне 199
93. Дверной проем в Зуни, преобразованный в окно 201
94. Отверстия в крыше зуни 202
95. Отверстие в крыше зуни с приподнятым бортиком 203
96. Отверстия в крыше зуни с одним приподнятым концом 203
97. Отверстие в крыше зуни с крышкой 204
98. Люк в киве в Зуни 205
99. Разделенная пополам и закрепленная рама люка кивы в Зуни 206
100. Типичные сечения косых проемов зуни 208
101. Расположение камней для измельчения в доме в Тусаяне 209
102. Зерновой бункер Тусаян 210
103. Коробка для перьев в Зуни 210
104. Шкатулка для перьев племени зуни 210
105. Корыто для еды из Тусаяна 211
106. Древняя форма метате из Пуэбло 211
107. Табуретки зуни 213
108. Стул зуни 213
109. Строительство загона зуни 215
110. Сады Зуни 216
111. «Кишони», или открытая тень, Тусаяна 218
112. Убежище на поле Тусаяна, с юго-запада 219
113. Убежище на поле Тусаян, с северо-востока 219



Полный размер

Таблица I.
Общая карта региона Пуэбло
Аризоны и Нью-Мексико,
с указанием относительного расположения провинций
Тусаян и Сибола.
Автор
Виктора Минделеффа.

ИССЛЕДОВАНИЕ АРХИТЕКТУРЫ ПУЭБЛО

В ТУСАЯНЕ И СИБОЛА.

Автор: Виктор Минделефф.

ВВЕДЕНИЕ.

Остатки архитектуры пуэбло разбросаны по тысячам квадратных миль засушливой местности юго-западных плато. Эта обширная территория включает в себя бассейн реки Пекос на востоке и бассейн реки Колорадо на западе и простирается от центральной части штата Юта на севере за пределы Соединенных Штатов на юг, где ее границы до сих пор не определены.

Потомки тех, кто в разное время строил эти каменные деревни, немногочисленны и проживают в около тридцати пуэбло, неравномерно распределенных по частям ранее заселенного региона. Большинство из них разбросаны вдоль верхнего течения Рио-Гранде и его притоков в Нью-Мексико; некоторые из них, входящие в состав древних провинций Сибола и Тусаян, расположены в бассейне реки Литл-Колорадо. С момента первых испанских экспедиций в эту страну и до наших дней, то есть на протяжении более трех столетий, бывшая провинция часто посещалась белыми, но удаленность Тусаяна и засушливый и неприветливый характер его окрестностей привели к его более полной изоляции. Архитектура этого района демонстрирует строгое следование традициям коренных народов, по-прежнему несет на себе явный отпечаток своего развития в суровых условиях засушливой среды и лишь постепенно поддается влиянию иностранных идей.

Настоящее исследование архитектуры Тусаяна и Сиболы охватывает все населенные пуэбло этих провинций и включает в себя ряд руин, традиционно связанных с ними. По карте можно заметить, что территория, охватываемая этими провинциями, составляет лишь небольшую часть обширного региона, на котором когда-то распространялась культура пуэбло.

Это исследование должно быть продолжено аналогичным исследованием двух типичных групп руин, а именно Каньона де Челли в северо-восточной Аризоне и Каньона Чако в Нью-Мексико; однако автору пришлось время от времени ссылаться на эти руины в настоящей статье « » (Руины пуэбло в западных штатах), как при обсуждении общей планировки и характерных планов этажей, представленных в главах II и III, так и при сравнении конструктивных деталей, рассмотренных в главе IV, с целью четкого определения взаимосвязей между различными особенностями архитектуры пуэбло. Они принадлежат к той же системе пуэбло, что и деревни Тусаян и Сибола, и с группой Каньон-де-Челли даже имеются некоторые следы традиционной связи, как изложено г-ном Стивеном в главе I. Более подробные исследования этих руин, которые будут опубликованы позднее, вместе с материалами, содержащимися в настоящей статье, как полагают, предоставят записи об основных характеристиках важного типа примитивной архитектуры, которая под влиянием засушливой среды юго-западных плато развилась от грубых хижин до многоэтажных домов с прямоугольными комнатами. Признаки некоторых этапов этого развития прослеживаются даже в архитектуре современности.

Пуэбло Зуни было обследовано автором осенью 1881 года с целью сбора необходимых данных для постройки крупномасштабной модели этого пуэбло. По этой причине в работе были зафиксированы только внешние особенности.

Современные пуэбло Тусаяна были обследованы аналогичным образом в следующем сезоне (1882-1883 гг.), а планы были дополнены фотографиями, на основе которых были созданы многие иллюстрации, сопровождающие эту статью. Руины Аватуби также были включены в работу этого сезона.

Осенью 1885 года были обследованы и изучены многие из руин пуэбло Тусаяна. Именно в ходе работ этого сезона были изучены детали конструкции кивы, изложенные в последней главе этой статьи, а также детали интерьера жилищ. Во второй половине этого сезона были обследованы и сфотографированы сельскохозяйственные пуэбло Сибола.

Сельскохозяйственное пуэбло Моен-копи в Тусаяне и ряд руин в провинции были обследованы и изучены в начале сезона 1887-1888 годов, вторая половина которого была в основном посвящена изучению руин Чако в Нью-Мексико.

При проведении вышеописанных полевых работ автор был очень благодарен за эффективную помощь и искреннее сотрудничество г-ну Космосу Минделеффу, который обследовал и нанес на карту почти все изображенные пуэбло, за исключением Зуни.

Полученные планы потребовали тщательной работы с геодезическими инструментами, и все они были составлены так, чтобы точно зафиксировать мельчайшие отклонения от геометрических форм, которые так характерны для пуэбло, но которые обычно игнорировались в поспешно подготовленных эскизных планах, которые иногда появлялись. В результате необходимого упущения именно такой информации в поспешно составленных планах были созданы ошибочные представления о степени мастерства, достигнутой жителями пуэбло в планировании и строительстве своих деревень. В общем распределении домов, а также в выравнивании и расположении их стен, как показано на планах, представленных в главах II и III, отсутствует высокий уровень архитектурного мастерства, что полностью соответствует недостатку навыков, проявленному во многих строительных приспособлениях, показанных в главе IV.

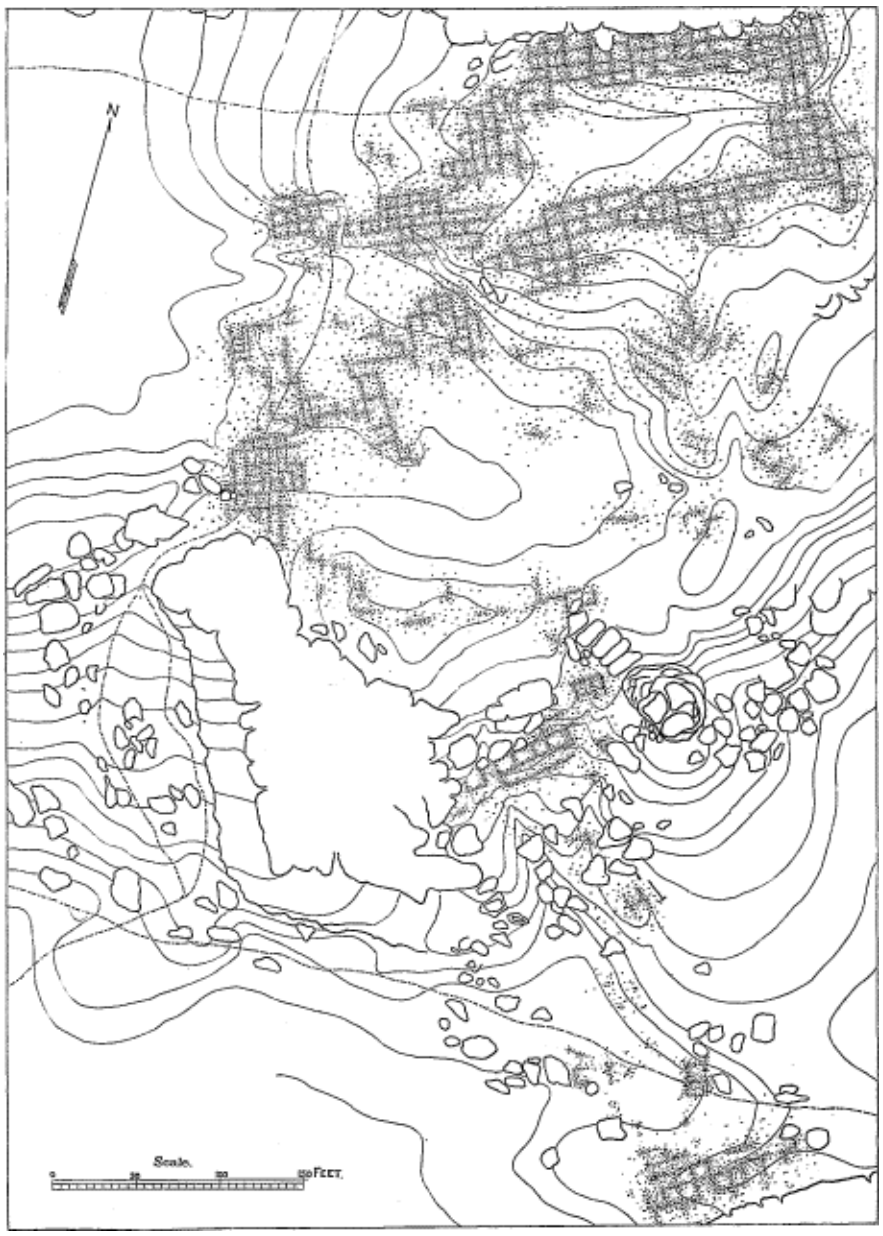


ТАБЛИЦА II. СТАРЫЙ МАШОНГНАВИ, ПЛАН.

При подготовке этой статьи к публикации г-н Космос Минделефф оказал большую помощь в редактировании рукописи и в подготовке некоторых окончательных чертежей планов; на него также была возложена задача по сбору и систематизации традиционного материала г-на А. М. Стивена из Тусаяна, включенного в первую главу статьи.

Последний материал представляет особый интерес для изучения пуэбло, поскольку указывает на некоторые условия, в которых развивался этот архитектурный тип, и он уместно вводит более чисто архитектурное исследование автора.

Такие традиции должны использоваться в качестве истории с крайней осторожностью и только в отношении событий, которые произошли совсем недавно. Временные отношения часто безнадежно запутаны, а повествования сильно перегружены мифологическими деталями. Но, несмотря на скудность конкретной информации, эти традиции имеют огромную ценность, часто благодаря своим просто случайным намекам, которые позволяют нам представить себе условия, в которых происходили повторяющиеся миграции строителей пуэбло.

Развитие архитектуры среди индейцев пуэбло было сравнительно быстрым и в значительной степени объясняется частыми изменениями, миграциями и перемещениями народа, как описано в отчете г-на Стивена. Эти изменения были вызваны различными причинами, такими как болезни, смерть, частые войны между различными племенами и ветвями строителей, а также враждебность со стороны посторонних племен; но самым мощным фактором, безусловно, был негостеприимный характер их окружающей среды. Исчезновение какого-либо почитаемого источника во время необычно засушливого сезона считалось знаком немилости богов и, несмотря на массивность зданий, приводило к миграции народа в более благоприятное место. Традиции зуни, а также тусаян часто упоминают о таких миграциях. Иногда племена разделялись и расходились, а затем снова объединялись в фратрии или отдаленные группы. Примечательно, что существенный характер архитектуры сохранялся на протяжении такой длинной серии вынужденных переселений, но пока строителей держала вместе необходимость защищаться от более диких соседей или друг от друга, этот сильный мотив обороны способствовал сохранению трудоемкого типа строительства. Такие условия способствовали быстрому развитию строительного искусства.

ГЛАВА I.

ТРАДИЦИОННАЯ ИСТОРИЯ ТУСАЯНА.

ПОЛОЖЕНИЯ.

В этой главе[1] представлено краткое изложение традиций тусаян, многие из которых были собраны от стариков, от Валпи на востоке до Моен-копи на западе. Традиции сильно различаются в зависимости от племени и отдельных людей; авторитетное заявление о текущей традиции по любому вопросу может быть сделано только при полном знании всех существующих традиций. Ни один человек не обладает такими знаниями, и материал, включенный в эту главу, представлен просто как краткое изложение сохранившихся традиций.

Материал был собран г-ном А. М. Стивеном из Кимс-Каньон, Аризона, который имел необычные возможности для этой работы, поскольку прожил несколько лет в Тусаяне и пользовался доверием главных жрецов — очень необходимое условие для работы такого рода. Хотя это краткое изложение далеко не полное, оно представляет собой более всеобъемлющее изложение традиционной истории этого народа, чем то, что было опубликовано до сих пор.

РЕЗЮМЕ ТРАДИЦИЙ.

Мифы о сотворении мира у тусаянцев сильно различаются, но ни один из них не указывает на регион, который они сейчас занимают, как на место своего происхождения. Эти люди социально разделены на семейные группы, называемые wi´ngwu, потомков сестер, и группы wi´ngwu, ведущие свое происхождение от одной и той же женской предки и имеющие общее тотемное животное, называемое my´umu. Каждая из этих тотемных групп сохраняет миф о сотворении мира, содержащий в своих деталях особую ссылку на них самих; но все они утверждают, что имеют общее происхождение из недр земли, хотя место появления на поверхности находится в широко разнесенных местностях. Все они сходятся в том, что это четвертый план, на котором существовало человечество. Вначале все люди жили вместе в самых нижних глубинах, в области тьмы и влаги; их тела были уродливыми и ужасными, и они страдали от великого несчастья, постоянно стонали и плакали. Благодаря вмешательству Мюинга (расплывчатого понятия, известного как бог внутренних районов) и Бахоликонга (огромного змея с гребнем, гения воды), «старики» получили семя, из которого вырос волшебный тростник. Он проник через щель в крыше над головой, и человечество поднялось на более высокий уровень. На этом этапе появился тусклый свет и появилась растительность. Другой волшебный рост тростника дал возможность подняться на еще более высокий уровень, где свет был ярче; воспроизвелась растительность и было создано животное царство. Окончательный подъем на нынешний, или четвертый, уровень был осуществлен с помощью подобных волшебных растений и возглавлен мифическими близнецами, согласно некоторым мифам, путем восхождения на большую сосну, в других — путем восхождения на тростник *Phragmites communis,* чередующиеся листья которого служили ступеньками, как лестница, а в других мифах говорится, что это был камыш, через который люди прошли на поверхность. Близнецы пели, вытаскивая людей, и когда их песня закончилась, больше никому не разрешалось подниматься; поэтому внизу осталось гораздо больше людей, чем было разрешено подняться наверх; но выход, через который вышло человечество, никогда не был закрыт, и Мюинга посылает через него зародыши всех живых существ. Это до сих пор символизируется особой конструкцией

люка кивы и узорами на песчаных алтарях в этих подземных камерах, несоединенным кругом, нарисованным на керамике, и узорами на плетеных изделиях и других текстильных тканях.

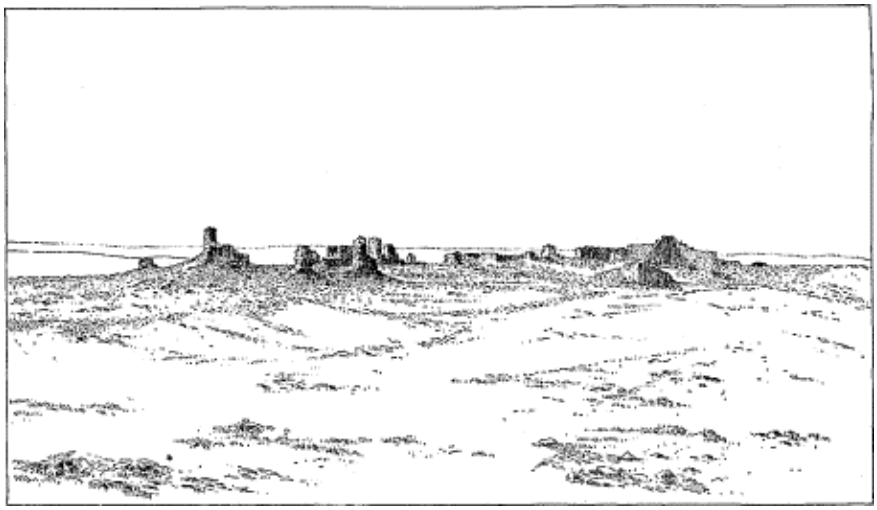


ТАБЛИЦА III. ОБЩИЙ ВИД АВАТУБИ.

Все люди, которым было позволено выйти на поверхность, были собраны, и различные семьи мужчин были распределены вместе. Это было сделано под руководством близнецов, которых называют Пеконгоя, причем младший из них отличается термином Балингахоя, Эхо. Им помогала их бабушка, Кохкян ухти, Паучиха, и все они появляются в различных обличьях во многих мифах и легендах. Они научили людей различным способам жизни: жить в горах или на равнинах, строить хижины, шалаши или ветрозащитные сооружения. Они раздали им подходящие подарки и назначили каждому свой путь, и так различные семьи человечества рассеялись по поверхности Земли.

Хопитух ([2]), после того как их научили строить каменные дома, также разделились, и разные группы пошли разными путями. Легенды указывают на длительный период обширных миграций отдельных общин; группы прибывали в Тусаян в разное время и с разных направлений, но жители всех деревень сходятся во мнении, что первыми обитателями этого региона были люди Змеи. Старейший член этой общины рассказывает любопытную легенду об их миграции, из которой приводится следующий отрывок:

Во время общего рассеяния мой народ жил в змеиных шкурах, каждая семья занимала отдельный мешок из змеиной шкуры, и все они были повешены на конце радуги, которая качалась, пока ее конец не коснулся горы Навахо, где мешки упали с нее; и там, где упал мешок, там и был их дом. После того, как они расставили свои мешки, они вышли из них как мужчины и женщины, а затем построили каменный дом, который имел пять сторон. [Эта история рассказывает о приключениях мифического Змеиного Юноши, который привел странную женщину, которая родила гремучих змей; те укусили людей и заставили их мигрировать]. На юго-востоке появилась яркая звезда, которая светилась некоторое время, а затем исчезала. Старики сказали: «Под этой звездой должны быть люди», и решили отправиться в путь. Они вырубили посох, воткнули его в землю и наблюдали, пока звезда не достигла его вершины, а затем отправились в путь и шли, пока светила звезда; когда она исчезала, они останавливались. Но звезда светила не каждую ночь, иногда проходило много лет, прежде чем она появлялась снова. Когда это происходило, наш народ строил дома во время остановки; они строили как круглые, так и квадратные дома, и все руины между этим местом и горой Навахо отмечают места, где жил наш народ. Они ждали, пока звезда снова не поднимется до вершины посоха, а затем продолжали путь, но многие люди остались в этих домах и последовали за ними в разное время. Когда наш народ достиг Вифо (источник в нескольких милях к северу от Валпи), звезда исчезла и с тех пор больше не появлялась. Они построили там дом, и через некоторое время Масауву (бог лица земли) пришел и заставил их переместиться дальше в долину, примерно на полпути между Восточной и Средней Меса, и там они оставались на протяжении многих посевных

сезонов. Однажды старики собрались, и Масауву пришел к ним, выглядя как ужасный скелет, и его кости страшно дребезжали. Он угрожал им страшными жестами, снял свою безмятежную голову и ткнул ее им в лица, но не смог их напугать. Тогда он сказал: «Я проиграл пари; все, что у меня есть, принадлежит вам; просите все, что хотите, и я вам это дам». В то время дом нашего народа стоял у водотока, и Масауву сказал: «Почему вы сидите здесь, в грязи? Идите туда, где сухо». И они перешли на низкую песчаную террасу на западной стороне мезы, недалеко от мыса, построили дом и поселились там. Снова собрались старейшины, и к ним пришли два демона, но старейшины взяли большой бахо и нвелас и прогнали их. Когда они возвращались и были недалеко к северу от своей деревни, они встретили Ленбаки (Кане-Флют, религиозное общество, существующее до сих пор) из семьи Хорн. Старейшины не позволили им войти, пока не появился Масауву и не объявил их хорошими Хопиту. Так они построили дома, примыкающие к нашим, и это стало красивой, большой деревней. Затем время от времени приезжали другие Хопиту, и наш народ говорил: «Стройте здесь или стройте там» и делил землю между новоприбывшими.

Местоположение первого дома Змеи в долине, упомянутого в вышеприведенной легенде, сейчас едва различимо, и люди отказываются указывать точное место. Оно считается местом вотивных подношений во время церемонии танца Змеи, и, как подразумевает его название, Батни, там хранятся определенные фетиши дождя в маленьких кувшинах, закопанных в землю. Место следующей деревни можно довольно легко различить, и сейчас оно называется Кветкап тутви, терраса из пепла, и именно этой деревне впервые было дано название Уолпи — термин, означающий место у выемчатой мезы, в связи с широкой щелью в слое песчаника на вершине мезы, по которой ее можно различить с большого расстояния. План этой ранней деревни Уолпи все еще можно частично проследить, что указывает на бывшее существование обширной деревни, состоящей из скопления небольших домов с толстыми стенами, построенных из мелких камней.

Прибытие ленбаки до сих пор отмечается каждые два года и празднуется в год, чередующийся с другим их двухгодичным праздником — танцем змеи.

У народа Хорн, к которому принадлежали Ленбаки, есть легенда о том, что они пришли из горного хребта на востоке.

Ее вершины всегда были покрыты снегом, а деревья всегда были зелеными. С холмов были видны равнины, по которым бродили олени, антилопы и бизоны , питаясь никогда не иссякающей травой. По этим равнинам извивались ручьи с прозрачной водой, прекрасные на вид. Место, куда никто, кроме нашего народа, никогда не имел доступа.

Это описание указывает на какой-то район верховьев реки Рио-Гранде. Как и народ змеи, они рассказывают о длительной миграции, а не о непрерывном путешествии, поскольку они оставались на одном месте в течение многих сезонов, где они сажали растения и строили постоянные дома. Одно из таких мест остановки описывается как каньон с высокими крутыми стенами, в котором протекал ручей; говорят, что это был Цеги (название каньона де Челли на языке навахо). Здесь они построили большой дом в пещерном углублении, высоко на стене каньона. Они рассказывают, что два года посвятили изготовлению лестниц и вырезанию и выдалбливанию неглубоких ям на крутом скалистом склоне, по которому можно было подняться в пещеру, а еще три года ушло на строительство дома. Пока велись эти работы, часть мужчин сажала огороды, а женщины и дети собирали камни. Однако не приводится никакой адекватной причины, по которой они так усердно трудились, чтобы приспособить это непригодное для проживания место; следы Масауву, которым они следовали, привели их туда.

Легенда продолжается и рассказывает, что после того, как они прожили там долгое время, в их окрестностях случайно заблудился незнакомец, который оказался хопитухом и сказал, что живет на юге. Пробыв некоторое время, он ушел в сопровождении группы «Рогатых», которые должны были посетить землю, занятую их родственниками хопитухами, и вернуться с рассказом о них, но они так и не вернулись. После долгого ожидания была отправлена другая группа, которая вернулась и рассказала, что первые посланники нашли себе жен и построили дома на краю красивого каньона,

недалеко от других жилищ хопиту. После этого многие из Хорнов стали недовольны своим пещерным жилищем, возникли разногласия, они покинули свой дом и, наконец, достигли Тусаяна. Сначала они жили в одном из каньонов к востоку от деревень, в окрестностях каньона Кима, и некоторые из многочисленных руин на его краю отмечают места их ранних домов. Похоже, что нет легенды, которая бы однозначно связывала какие-либо конкретные руины с народом Хорн, хотя нет сомнений, что Змеи и Хорны были двумя первыми народами, которые пришли в окрестности нынешних деревень. Следующими были Медведи, но они прибыли отдельными группами и с противоположных сторон, хотя и были из того же племени Хопиту. Не удалось получить легенду о Медведях с запада напрямую. История Медведей с востока рассказывает о встрече с народом Огня, который тогда жил примерно в 25 милях к востоку от Валпи; но сейчас этот народ вымер, и почти все, что о нем известно, рассказывается в легенде Медведей, суть которой заключается в следующем:

Медведи изначально жили в горах на востоке, недалеко от Рогов. Непрекращающиеся ссоры с соседними деревнями привели к настоящим сражениям, и Медведи покинули этот регион и отправились на запад. Как и все другие народы, они останавливались, строили дома, сажали растения и оставались на одном месте в течение длительного времени; это происходило в разных местах на их пути.

Часть этих людей имела крылья и летела вперед, чтобы осмотреть местность, и когда основная часть пересекала засушливую область, они находили для них воду. Другая часть имела когти, с помощью которых они выкапывали съедобные корни, а также могли использовать их для выцарапывания углублений для рук и ног на поверхности крутого утеса. У других были копыта, и они несли самые тяжелые грузы; а у некоторых были шарики из волшебной паутины, которые они могли использовать в качестве веревок, а также расправлять паутину и использовать ее как плащ, делая того, кто ее носил, невидимым, когда он ощущал опасность.

Они тоже пришли в Цеги (Каньон де Шелли), где нашли дома, но не людей, и тоже построили там дома. Во время проживания там произошел раскол, часть из них отделилась и ушла далеко на запад. Эти отколовшиеся группы, вероятно, являются той ветвью Медведей, которые утверждают, что их происхождение находится на западе. Спустя некоторое время, но сколько именно — неизвестно, каньон поразила чума, и большая часть людей ушла, но остались те, кто решил остаться. Они пересекли долину Чинли и на короткое время остановились в месте, расположенном недалеко к северо-востоку от воды Великой Ивы («Восемнадцатимильный источник»). Однако они не задержались там надолго, а переселились на несколько миль дальше на запад, в место, занятое народом Огня, который жил в большом овальном доме. Руины этого дома стоят до сих пор, его стены имеют высоту от 5 до 8 футов и отличаются большими каменными блоками, использованными при их строительстве; хопитух до сих пор называют его Tebvwúki, Дом Огня. Здесь произошли некоторые сражения, и Медведи снова переместились на запад, к вершине каньона Антилопы (Джедито), примерно в 4 милях от каньона Кима и примерно в 15 милях к востоку от Уолпи. Там они построили разбросанную группу домов с маленькими комнатами, план которых в настоящее время почти полностью стерт. Эти руины хопиту называют «руинами в месте диких тыкв». По-видимому, они проживали в этой местности в течение значительного периода времени, так как упоминается о двух или трех сегрегациях, когда группы семей переселились на несколько миль и построили похожие группы домов на краю этого каньона.

Люди Огня, которые, по мнению некоторых, были людьми Рога, должны были покинуть свое жилище в Овальном Доме или были изгнаны во время конфликта с Медведями и, по-видимому, отправились прямо в окрестности Уолпи. Змеи выделили им место для строительства в долине на восточной стороне мезы, примерно в двух милях к северу от ущелья. У подножия мезы здесь пролегает гряда скалистых холмов и песчаных дюн, а рядом с главным утесом находится родник. Здесь есть два заметных холма, расположенных на расстоянии около 400 ярдов друг от друга, вершины которых покрыты следами стен домов; также части стен можно разглядеть на всех

промежуточных холмах. Это место известно как Сикятки (Sikyátki), «желтый дом» ( ), по цвету песчаника, из которого были построены дома. Эти и другие фрагментарные части имеют стены толщиной не более одного фута, построенные из небольших камней, обработанных путем шлифовки, и уложенных в грязи; внутренняя сторона стен также покрыта гладким слоем глиняной штукатурки. Размеры комнат очень малы, самая большая из них имеет длину 9½ футов и ширину 4½ фута. Маловероятно, что какие-либо из этих построек были выше двух этажей, и многие из них были построены в выкопанных местах вокруг скалистых вершин холмов. В этих случаях задняя стена не строилась; перегородки, расходящиеся под нерегулярными углами, примыкали к самой скале. Тем не менее, большое количество этих домов, какими бы маленькими они ни были, должно было быть гораздо больше, чем могло потребоваться людям Огня, поскольку овальный дом, который они покинули, имеет размеры не более ста футов на пятьдесят. Вероятно, другие пришедшие племена, о которых не сохранилось никаких рассказов, также имели несчастье построить там свои дома, поскольку народ валпи впоследствии убил всех их жителей.

В легендах народа Медведей почти нет подробностей об их жизни в каньоне Антилопы; сейчас они могут с уверенностью отличить только одни руины, которые были заняты их предками, а всем остальным руинам были даны выдуманные названия. Также не упоминается никакой особой причины, по которой они покинули свои жилища там; однако, вероятно, достаточной причиной было исчезновение родников в их окрестностях. Следы бывших крупных источников видны во всех них, но в настоящее время из них не течет вода. Каковы бы ни были их мотивы, Медведи покинули каньон Антилопы и переселились в деревню Уолпи, расположенную на террасе ниже вершины мезы. Там их приняли радушно и, по-видимому, поставили на равные с Уолпи, поскольку, судя по всему, Змеи, Рогатые и Медведи всегда были в дружеских отношениях. Они построили дома в этой деревне и прожили там довольно долго, а затем переселились на небольшое расстояние и построили новые дома почти на самой вершине мезы. Эта перемена не была вызвана какими-либо разногласиями с соседями; они просто выбрали это место как подходящее для строительства всех своих домов вместе. Место, где стоял дом Медведя, называется Кисакоби, «уничтоженный дом», и это название очень подходит, так как здесь и там остались лишь слабые следы, указывающие на то, где стояло здание, а камни были использованы для строительства современного Валпи. Эти две деревни находились довольно близко друг к другу, и последующее строительство нескольких дополнительных групп комнат почти соединило их, так что их всегда считали и называли одной деревней.

Именно в этот период, когда Валпи еще находился на этом нижнем участке, в страну пришли испанцы. Они не встретили практически никакого сопротивления, и их вторжение не сопровождалось какими-либо серьезными беспорядками. Никакие особые предания не сохранили никаких подробностей этого события; о первых испанцах говорили только как о «Кастилумах, которые носили железные доспехи и пришли с юга», и это краткое упоминание можно объяснить мимолетным характером этих ранних визитов.

Рвение испанских священников привело их повсюду по всей территории их новоприобретенной территории, и где-то в XVII веке группа монахов-миссионеров добралась до Тусаяна. Их сопровождали несколько солдат, чтобы внушить людям должное уважение к испанской власти, но, чтобы продемонстрировать более мягкую сторону своей миссии, они также привезли стада овец и крупного рогатого скота для раздачи. Сначала их пасли у различных источников в широком радиусе вокруг деревень, и названия, которые до сих пор привязаны к этим местам, напоминают о появлении овец и крупного рогатого скота в этом регионе. Навахо впервые упоминаются в традиции как жители этой местности в связи с этими стадами, в распределении которых они оказали много нежелательной помощи, угнав большую часть скота в свои собственные места обитания.

Миссионеры выбрали Аватуби, Валпи и Шумопави в качестве мест для строительства своих миссионерских зданий и, как говорят, сразу же начали вводить систему принудительного труда. Воспоминания о периоде миссионерской деятельности вызывают сильное отвращение, а тяжелый труд, навязанный священниками, до сих пор упоминается как главная причина недовольства. Тяжелые сосновые бревна, многие из которых сейчас можно увидеть на крышах кива, длиной от 15 до 20 футов и диаметром от одного фута и более, были срублены в горах Сан-Франциско, и группы мужчин были вынуждены нести и тащить их к местам строительства, где они использовались в качестве балок для домов. Это требовало огромных усилий, поскольку расстояние по тропе составляет сто миль, и большая часть пути пролегает по пересеченной и труднопроходимой местности. Говорят, что испанцы использовали для этой работы несколько упряжек волов, но основную нагрузку несли принудительно привлеченные к работе хопиту, которых испанские солдаты гнали группами, а тех, кто отказывался работать, сажали в тюрьму и морили голодом, пока они не подчинялись.

Говорят, что «люди в длинных одеждах», как называли миссионеров, долгое время жили среди этих людей, но в традициях не сохранилось никаких следов их индивидуальности.

Возможно, испанские миссионеры стремились добиться некоторых социальных улучшений среди этих людей и, приняв ряд жестких мер, вызвали ревнивый гнев вождей. Но система труда, которую они ввели, была воспринята, возможно, справедливо, как введение крепостного права, которое тогда преобладало в более крупных общинах в долинах Рио-Гранде. Возможно, традиция их опровергает, но есть много рассказов об их порочной, чувственной жизни — утверждения, что они насиловали женщин и держали многих молодых девушек в своих миссионерских домах не как учениц, а как наложниц.

В любом случае, эти несчастные монахи были заняты опасной миссией, стремясь вытеснить примитивную веру тусаянцев, поскольку среди местных жрецов они столкнулись с предрассудками, столь же сильными, как и их собственные. С чрезмерным рвением они запрещали священные танцы, вотивные подношения божествам природы и подобные публичные обряды, а также стремились подавить тайные ритуалы и упразднить религиозные ордена и общества. Но они были слишком тесно связаны с системой родов и другими семейными связями, чтобы допустить их исчезновение. Согласно преданию, после прекращения предписанных церемоний боги лишили людей своей милости, облака не приносили дождя, а поля не давали урожая. Такое совпадение в этой засушливой местности отнюдь не является невероятным, и, согласно легендам, череда засушливых сезонов, приводивших к голоду, была явлением нередким. Таким образом, у людей пробудились суеверные страхи, и они питали смертельную ненависть к монахам.

В таком настроении они находились летом 1680 года, когда индейцы деревни подняли восстание, изгнали испанцев и заставили их отступить в Мексику. Среди тусаянцев до сих пор существуют некоторые смутные предания об этом событии, и они рассказывают о том, что один из их соплеменников прибыл из речной области через Зуни, чтобы заручиться их поддержкой в предполагаемом восстании. Они согласились.

Поскольку в то время там было всего несколько испанцев, тусаянцы набрались смелости и выразили свою вражду в массовом убийстве, и в назначенный день погибли все ненавистные захватчики. Предания о резне сосредоточены на гибели монахов, поскольку они считались воплощением всего зла испанского правления, и их преследование, когда они пытались сбежать среди песчаных дюн, и способ их убийства рассказываются с мрачной точностью; всех их догнали и зарубили на куски каменными томагавками.

Рассказывают, что пока монахи еще были у власти, некоторые женщины из племени Снейк настоятельно призывали покинуть Уолпи и, чтобы подтолкнуть мужчин к действию, отнесли свои жернова и кухонную посуду на вершину мезы, где они хотели, чтобы мужчины построили новые дома, менее доступные для властных священников. Мужчины последовали за ними, и две или три

небольшие группы домов были построены вблизи юго-западного края нынешней деревни, одна из которых до сих пор занята семьей Снейков, но другие были снесены или перестроены. Чуть дальше к северу, также на западной окраине, небольшие группы домов были построены семьями двух женщин по имени Tji-vwó-wati и Si-kya- tcí-wati. Вскоре после массового убийства нижняя деревня была полностью заброшена, а строительные материалы перенесены на место, выбранное Снейками, где и была построена современная Валпи. Несколько балок старых миссионерских домов теперь видны на крышах кива.

Существовало общее опасение, что испанцы пошлют войска, чтобы наказать их, и Шумопави также перестроили свою деревню в более укрепленном месте, на высокой мезе, возвышающейся над ее прежним местоположением. Другие деревни уже находились в безопасных местах, и все небольшие сельскохозяйственные поселения были заброшены в этот период, и, за исключением одного или двух мест на Моэн-копи, тусаяны с тех пор ограничивались близким окружением своих главных деревень.

Массивы домов, по-видимому, не имеют никакого отношения к разделению на фратрии. Удивительно, что даже социальное разделение на фратрии сохранилось. Хопитух, безусловно, вступают в брак внутри фратрий, а иногда и с представителями одного и того же рода. Однако нет сомнений в том, что в более ранних деревнях каждый род, а где это было возможно, и вся фратрия строили свои дома вместе. В определенной степени дом жрицы рода до сих пор считается домом рода. С ней необходимо консультироваться по поводу предполагаемых браков, и она имеет большое влияние на другие социальные вопросы.

Пока деревня валпи еще находилась на западной стороне мезы, некоторые из них переселились и построили дома рядом с родником, близким к восточной стороне мезы. Вскоре после этого между ними и сикятки, чья деревня также находилась на той стороне мезы, но немного выше по отношению к ним, возник спор из-за земель под посев. С этого момента между сикятки и валпи, которые поддержали своих соседей, возникла вражда. По преданию, примерно в то же время с севера прибыло больше койотов, а с юга — пикьяс ню-му, молодые кукурузные стебли, которые были последними из народа воды. Сикятки, завоевав их дружбу, убедили их построить два холма на вершине мезы, возвышающейся над их деревней. Их сильно беспокоили молодые пращники и лучники из Валпи, которые приходили к краю высокого утеса и нападали на них безнаказанно, но занятие этих двух холмов друзьями обеспечило эффективную защиту их деревни. Эти холмы находятся на расстоянии около 40 ярдов друг от друга и на высоте около 40 футов над уровнем плато, которое находится на высоте более 400 футов над Сикятки. Их примерно выровненные вершины имеют размеры 20 на 10 футов и покрыты следами стен домов; очевидно, что группы домов с небольшими комнатами были сгруппированы также вокруг наклонных склонов. Примерно в ста ярдах к югу от своих жилищ жители холмов построили для своей защиты прочную стену, полностью пересекающую мезу, которая в этом месте сужается до ширины около 200 футов, с глубокими вертикальными утесами по обеим сторонам. Основание стены до сих пор хорошо различимо и имеет толщину около 3 футов.

Но между валпи и сикятки и их союзниками так и не было достигнуто примирение, и, несмотря на их оборонительную стену, на последних часто нападали, пока они не были вынуждены отступить. Большинство из них ушло в Ораиби, а остальные — в Сикятки, и вражда между ними и валпи продолжалась.

Некоторые из инцидентов, а также катастрофический исход этой вражды до сих пор рассказываются. Однажды группа сикятки пробиралась через Валпи, пока мужчины были в поле, и среди прочих злодеяний один из них выпустил стрелу через окно и убил дочь вождя, когда она молола кукурузу. Сын вождя решил отомстить за смерть своей сестры и через некоторое время отправился в Сикятки, якобы для участия в религиозном танце, в котором он участвовал до самого конца церемонии. Заранее заметив, где среди зрителей на террасах дома сидела самая красивая

девушка, он подбежал к лестнице, как будто собираясь подарить ей молитвенный символ, но вместо этого вытащил из пояса острый кремневый нож и перерезал ей горло. Он бросил тело на видном месте и побежал по соседним террасам, пока не покинул деревню. Немного выше на плато находился большой плоский камень, на который он вскочил и снял свою танцевальную маску, чтобы все могли его узнать; затем, снова повернувшись к плато, он быстро поднялся по тропе и скрылся.

И так набеги и убийства продолжали чередоваться между ними, пока не наступил сезон посева в какой-то неопределенный год. Все мужчины сикятки должны были начать сезон с посева полей своего вождя в определенный день, о чем объявил с крыши дома второй вождь, делая свои обычные вечерние провозглашения, и валпи, узнав об этом, запланировали роковое нападение. Все мужчины и женщины, способные натянуть лук или владеть оружием, были приведены в готовность, и ночью они пересекли плато и спрятались вдоль его края, откуда было видно обреченную деревню. Когда наступил день, они подождали, пока мужчины ушли на поля, а затем устремились к домам. Вождь, который был слишком стар, чтобы выйти в поле, был убит первым, а затем последовала беспорядочная резня женщин и детей и разрушение домов. Дикий шум в деревне встревожил сикятки, и они поспешили вернуться, но было уже слишком поздно, чтобы защитить свои дома. Их борьба была безнадежной, поскольку в качестве оружия у них были только палки для посадки, которые мало помогали против валпи с их луками и стрелами, копьями, пращами и боевыми дубинами. Почти все мужчины сикятки были убиты, но некоторые из них бежали в Ораиби, а некоторые — в Аватуби. Несколько девушек и молодых женщин были пощажены и распределены по разным деревням, где они стали женами своих захватчиков.

Говорят, что вскоре после разрушения Сикятки в этом регионе произошло первое серьезное вторжение враждебного племени, и все рассказы подтверждают, что эти ранние враги были с севера, первыми из которых упоминаются уте, а за ними апачи, которые совершали случайные набеги.

В то время как эти семьи из племени хопитух строили свои разбросанные жилища вдоль краев каньона и группировались в деревнях у подножия Восточной Меса, другие кочующие группы хопитух начали прибывать на Среднюю Меса. Как уже было сказано, признается, что змеи были первыми обитателями этой области, но помимо этого факта предания противоречивы и спутаны. Однако вполне вероятно, что вскоре после прибытия племени Хорн, народ Сквош пришел с юга и построил деревню на Средней Месе, руины которой называются Чукуби. Она находится на краю утеса на восточной стороне перешейка этой месы, недалеко к югу от прямой тропы, ведущей из Уолпи в Ораиби. Люди Сквош говорят, что они пришли из Палат Кваби, Красной Земли на далеком юге, и этот расплывчатый термин выражает почти все их знания об этой традиционной земле. Они говорят, что долгое время жили в долине Колорадо Чикито ( ), на южной стороне этого ручья и недалеко от места, где его пересекает железная дорога. Они до сих пор различают руины своей ранней деревни, которая, как обычно, была построена на краю каньона, и называют ее Этипсикья, по имени кустарника, который там обильно растет. Они пересекли реку напротив этого места, но не строили постоянных домов, пока не достигли окрестностей Чукуби, рядом с которыми две небольшие группы руин на холмах отмечают места жилищ, которые, по их утверждению, принадлежали им. Следом за ними шли три группы (нюму), путешествовавшие вместе: Медведь, Медвежья шкура-веревка и Синяя сойка. Говорят, что их было очень много и что они пришли из окрестностей горы Сан-Франциско. Они не поднимались в Чукуби, а построили большую деревню на вершине, на южном конце плато, недалеко от места, где сейчас находится Машонгнави. Вскоре после этого из окрестностей гор Навахо на севере прибыли Сова-норник и Койот, но их было не очень много. Они также построили поселение на вершине Машонгнави.

После этого народ Сквош обнаружил, что вода из их источников уменьшается, и начал перемещаться к концу плато, где находились другие народы. Но поскольку на вершине не осталось подходящего места, они построили деревню на песчаной террасе чуть ниже, на западной стороне; и поскольку источники в Чукуби в конце концов полностью иссякли, остальные представители народа Сквош

пришли на террасу и снова объединились в одну деревню. Упоминаются разрозненные группы нескольких других племен, как вингу, так и нюму, прибывшие из разных направлений. Некоторые построили свои дома на террасе, а некоторые нашли жилье в Машонгнави. Это название происходит от следующего: на южной стороне террасы, на которой была построена деревня Сквош, находится высокая колонна из песчаника, раздвоенная по вертикали, и раньше была третья колонна в этой линии, которая давно обрушилась. Эти три колонны назывались Тутувалха, стражи, и так же назывались деревня Сквош и деревня на вершине. На северной стороне террасы, недалеко от нынешней деревни, находится еще одна неровная массивная колонна из песчаника, называемая Машонинипту, что означает «другая, которая осталась стоять», имея в виду ту, что на южной стороне, которая упала. Когда Сквош ушли на вершину, деревня стала называться Машонинипту ови, «в месте другого, который остался стоять»; сейчас этот термин никогда не используется, а всегда используется его сокращенная форма, Машонгнави.

Деревня Сквош, расположенная на южной оконечности Средней Меса, была атакована жестокой бандой, пришедшей с севера. Некоторые говорят, что это были уте, другие — что апачи, но кто бы ни были эти захватчики, они полностью победили жителей и унесли с собой большие запасы продовольствия и другую добычу. Деревня была эвакуирована, дома разобраны, а материалы перенесены на высокую вершину, где они восстановили свои жилища вокруг деревни, которая с тех пор носит свое нынешнее название Машонгнави. Часть народа Скваш переселилась в Ораиби, а часть народов Качина и Парокет прибыла из Шуполови ( ) в Машонгнави примерно в то же время, и некоторые из этих двух групп заняли несколько пустующих домов также в Шуполови; ведь даже в то раннее время население этой деревни значительно сократилось из-за катастрофических потерь людей в столкновениях в каньоне к востоку от Уолпи.

Шумопави, по-видимому, было построено частями тех же групп, которые отправились в соседнее Машонгнави, но традиции двух деревень противоречат друг другу. Старые традиционалисты в Шумопави считают, что первыми туда прибыли Парокет, Медведь, Медвежья шкура-веревка и Синяя сойка. Они пришли с запада — вероятно, с горы Сан-Франциско. Они утверждают, что руины на утесе мезы примерно в 10 милях к югу от нынешней деревни являются остатками деревни, построенной этими группами до того, как они достигли Шумопави, и что Парокеты прибыли первыми, потому что они сидели на головах Медведей и, приблизившись к воде, полетели вперед остальных. Эти группы построили деревню на разбитой террасе, на восточной стороне утеса, чуть ниже нынешней деревни. Рядом находится родник, названный в честь Шуноху, высокой красной травы, которая обильно росла там и от которой город получил свое название. Раньше этот родник был очень большим, но два года назад оползень полностью его засыпал; однако в последнее время снова появился небольшой приток.

Руины ранней деревни занимают холмистую местность размером примерно 800 на 250 футов, но точно проследить план застройки практически невозможно. Угол старого дома все еще стоит, высотой около 6 или 8 футов, протяженностью около 15 футов с одной стороны и около 10 футов с другой. Стена имеет толщину более 3 футов, но кладка очень неаккуратная, камни разного размера, уложенные на глиняной штукатурке, не были тщательно обработаны. Этот фрагмент представляет интерес, поскольку является одним из немногих материальных свидетельств, оставшихся от испанских священников, которые в XVI веке участвовали в роковой миссии в Хопиту. Этот кусок стены, который сейчас является частью овчарни, указывается как остатки одного из зданий миссии.

За ними последовали другие группы — Моль, Паук и «Виксрун». Последние получили свое название от любопытного украшения, которое носили мужчины. Кусок кости ноги медведя, из которого был извлечен костный мозг и на одном конце был закреплен пробковый колпачок, прикреплялся к ленте, связывающей волосы, и свисал перед лбом. Этот род и Моль в настоящее время вымерли.

Шумопави не принимал новых жителей, но в некоторой степени потерял часть населения, поскольку часть народа Медведей переселилась в Валпи. Кажется, что в течение длительного периода после

разрушения Сикятки, в котором они принимали некоторое участие, среди них не происходило никаких важных событий, и лишь вскользь упоминается о вторжении «врагов с севера», но, по-видимому, их деревня не подвергалась нападению.

Традиции Ораиби подтверждают традиции Шумопави и гласят, что первые дома там были построены Медведями, которые пришли из последнего места. Следующее взято из любопытной легенды о раннем поселении:

У народа Медведей было два вождя, которые были братьями; старшего звали Ввен-ти-со-мо, а младшего — Ма-тси-то. Они устроили отчаянную ссору в Шумопави, и их народ разделился на две фракции, в зависимости от того, к кому из соперников они склонялись. После долгого периода споров Ма-тси-то и его последователи ушли на плато, где сейчас находится Ораиби, примерно в 8 милях к северо-западу от Шумопави, и построили дома немного юго-западнее границ нынешнего города. Эти дома были впоследствии разрушены «врагами с севера», и старая часть существующего города, юго-западные концы рядов домов, была построена из камней разрушенных домов. Фрагменты этих ранних стен до сих пор иногда обнаруживаются при раскопках.

После того как Ма-тси-то и его народ поселились там, всякий раз, когда кто-либо из жителей Шумопави был недоволен тем, что они построили в Ораиби, Ма-тси-то устанавливал небольшой каменный памятник примерно на полпути между этими двумя деревнями, чтобы обозначить границу земли. Ввенти-со-мо возражал против этого, но в конце концов это было принято с оговоркой, что деревня, которая растет быстрее, должна иметь право перемещать его в сторону другой деревни. Памятник стоит до сих пор и находится на прямой тропе из Шумопави в Ораиби, в 3 милях от последней. Это хорошо обработанный прямоугольный блок песчаника, выступающий на два фута над землей и имеющий размеры 8½ на 7 дюймов. На конце высечено грубое подобие человеческой головы или маски, глаза и рот представляют собой просто круглые неглубокие отверстия, вокруг которых нарисована черная линия. Камень побоку поцарапан, но голова и передняя часть отполированы до гладкости, а блок, слегка сужающийся к основанию, напоминает древнеримские термины.

В Орайби, Машонгнави и Уолпи живут люди Орла, и, похоже, что они некоторое время путешествовали вместе с более поздними людьми Змеи и другими народами с северо-запада. Неясные предания связывают их с несколькими руинами к северу от Моэн-копи, хотя большинство из них считаются остатками жилищ людей Змеи.

Легенда о народе Орла рассказывает, что они пришли с запада, по течению реки Моэн-копи. Они обнаружили много людей, живущих в Тусаяне, Ораиби, Средней Месе и возле Восточной Месы, но деревня Змеи еще находилась в долине. Некоторые из Орлов остались в Ораиби, но основная часть переселилась на большой холм к востоку от Машонгнави, на вершине которого они построили деревню и назвали ее Ши-тай-му. Многочисленные следы домов с маленькими комнатами можно увидеть на этом холме и на некоторых более низких окрестностях. Неровная вершина имеет размеры примерно 300 на 200 футов, и деревня, по-видимому, была построена в форме нерегулярного эллипса, но план пола очень неясен.

Пока Орлы жили в Ши-тай-му, они послали «Желтую Лапу» на гору на востоке (к истокам Рио-Гранде), чтобы он принес собаку. После многих опасных приключений в пещерах, охраняемых медведями, пумами и гремучими змеями, он принес двух собак и вернулся. Они были нужны, чтобы отгонять койотов от кукурузы и огородов. Собак становилось все больше, и они ходили в Машонгнави в поисках еды, а также к некоторым жителям этой деревни, что привело к серьезным ссорам между ними и народом Орла. В конце концов вождь Ши-тай-му объявил праздник и велел людям готовиться покинуть деревню навсегда. В день праздника женщины выстроили миски с едой на земле длинной линией, ведущей из деревни. Люди шли вдоль этой линии, пробуя по глотку здесь и там, но не останавливаясь, и когда они дошли до последней миски, они оказались за пределами деревни. Не оборачиваясь, они продолжили спуск в долину, пока их не остановили люди Змеи. С

последними было достигнуто соглашение, и Орлы построили свои дома в деревне Змеи. Некоторые семьи Орлов, которые привязались к Машонгнави, решили переехать в эту деревню, где их потомки проживают до сих пор и по-прежнему считаются близкими родственниками Орлов из Валпи. Земля вокруг Восточной Месы была затем разделена на участки ( ), Змеи, Рога, Медведи и Орлы получили отдельные участки, и эти старые разграничения сохраняются примерно до сих пор.

Согласно традициям Орлов, первые жители Тусаяна прибыли в следующей последовательности: Змеи, Рога, Медведи, Средняя Меса, Ораиби и Орлы, и, наконец, с юга прибыли семьи Воды. Эта последовательность также признается в общем духе легенд других групп.

Шупаулови, небольшая деревня, расположенная недалеко от Машонгнави, по-видимому, была основана незадолго до прихода народа Воды. Судя по всему, между прибытием первых поселенцев на Средней Месе и появлением этой последней колонии прошло не так много времени. Это был народ Солнца, который, как и народ Сквош, утверждал, что пришел из Палаткуаби, Красной Земли, на юге. Во время миграции на север, когда они пришли в долину Колорадо Чикито, они обнаружили там народ Воды, с которым прожили некоторое время. Эта объединенная деревня была построена на Хомолоби, круглом террасированном холме недалеко от Сансет-Кроссинг, где до сих пор можно увидеть фрагментарные руины, покрывающие обширную территорию.

Прибывшие с востока построили большую деревню Аватуби, высокая скала, на крутом плато примерно в девяти милях к юго-востоку от Уолпи. Когда народ Солнца пришел в Тусаян, они остановились в этой деревне, и некоторые из них остались там навсегда, но другие продолжили путь на запад, к Среднему плато. В то время, по их словам, были заселены также Чукуби, Шитайму, Машонгнави и деревня Сквош на террасе, и они построили дома на террасе рядом с деревней Сквош. Люди Солнца были тогда очень многочисленны и вскоре распространили свои жилища по вершине, где сейчас стоят руины, и многие неясные линии стен домов вокруг этой полуразрушенной деревни свидетельствуют о ее прежнем размере. Как и соседняя деревня, она получила свое название от близлежащей скалы, Аватуби ( ), которая используется как место для хранения вотивных подношений, но этимология этого термина не может быть прослежена.

Некоторые из народа Медведей также поселились в Шупаулови, а позже к ним присоединился нюму из семьи Воды по имени Батни, что означает «влажность»; и сократившиеся семьи существующей деревни до сих пор состоят исключительно из этих трех нюму.

Следующими прибывшими, по-видимому, были Асанюму, которые в ранние времена жили в регионе Чама, в Нью-Мексико, в деревне под названием Каэкиби, недалеко от места, ныне известного как Абику. Когда они покинули этот регион, они медленно двинулись на запад, в место под названием Тувии (Санто-Доминго), где, как говорят, некоторые из них проживают до сих пор. Следующей остановкой был Кайваика (Лагуна), где, как говорят, некоторые семьи остаются до сих пор, и они также ненадолго остановились в Айкока (Акома), но никто из них не остался в этом месте. Из последнего места они отправились в Сиоки (Зуни), где пробыли долгое время и оставили там часть своего народа, который теперь называется Айяхокви. Наконец, они достигли Тусаяна через Аватуби. Их опередили из той же части Нью-Мексико хораны нюму (народ барсуков), которых они нашли живущими в последней из названных деревень. Семьи Сороки, Путе Коху (охотничья палка в форме бумеранга) и Полевой мыши из племени Аса остались и построили свои жилища рядом с Барсуками, но остальные группы продолжили путь к мезе Валпи. Сначала им не разрешили подняться на Уолпи, который тогда занимал свое нынешнее место, но выделили место для строительства у Койота-Уотер, небольшого источника на восточной стороне мезы, прямо под проходом. Однако они прожили там не очень долго, когда за некоторые ценные услуги по отражению набега уте (которых раньше называли Tcingawúptuh) и набега навахо им было предоставлено для возделывания земли все пространство на вершине мезы от ущелья до места, где сейчас стоит Sichumovi, и такую же ширину, простирающуюся через долину на восток. На вершине мезы они построили первую часть дома на северной стороне деревни, которая сейчас известна как Хано. Но вскоре после этого наступила череда засушливых

сезонов, которые привели к большой нехватке продовольствия, почти доходящей до голода, и многие переселились к дальним рекам. Народ Аса отправился в Тупкаби (Глубокий каньон, де Шелли), примерно в 70 милях к северо-востоку от Уолпи, где навахо приняли их радушно и снабдили продовольствием. Аса сохранили некоторые семена персика, которые они посадили в укромных уголках каньона, и многочисленные маленькие сады до сих пор процветают там. Они также привезли навахо новые сорта пищевых растений, и их отношения стали очень теплыми. Они построили дома у подножия стен каньона и жили там в течение двух или трех поколений, в течение которых многие женщины Аса были отданы навахо, и их потомки теперь составляют многочисленный клан среди навахо, известный как Киаини, люди из Высокого дома.

Навахо и Аса в конце концов поссорились, и последние вернулись в Валпи, но это было после прибытия Хано, которые обнаружили, что их старые дома заняты. Аса были приняты в деревню Валпи, им отвели пустую полосу на восточной окраине мезы, прямо там, где главная тропа подходит к деревне. Навахо, юты и апачи часто проникали в деревню по этой тропе, и чтобы охранять ее, Аса построили группу домов вдоль края утеса в том месте, откуда сразу же открывался вид на тропу, где некоторые люди живут до сих пор; и кива, которая сейчас используется орденом Змея, принадлежит им. В скале была расщелина с ровным дном, простирающаяся до края утеса и достаточно глубокая для киколи. Была построена стена, чтобы закрыть внешний край, и сначала предполагалось построить там жилой дом, но впоследствии она была раскопана до нынешних размеров и превращена в киву, которая до сих пор называется викивалхоби, кива Стражей Высокого Места. Когда место в Валпи стало переполненным, некоторые из народа Медведя и Ящерицы переселились и построили дома на месте нынешнего Сичумови; за ними последовали несколько семей Аса, а за ними — некоторые из народа Барсука. Деревня выросла до размеров, значительно превышающих ее нынешние, когда она была заброшена из-за злокачественной чумы. После чумы, в течение нынешнего поколения, деревня была перестроена — старые дома были снесены, чтобы построить новые.

После Аса следующей группой, прибывшей сюда, была семья Вода. Их вождь начинает рассказ о своей миграции следующим образом:

Давным-давно здесь (в Тусаяне) жили народы Змея, Рога и Орла, но их кукуруза росла всего на ладонь, и когда они пели о дожде, бог облаков посылал только тонкий туман. Мой народ тогда жил в далеком Па-лат Ква-би на юге. Там жил очень злой старик, который, встречая кого-либо, плевал ему в лицо, сморкался на него и мазал его экскрементами. Он насиловал девушек и творил всякое зло. Бахоликонга рассердился на это и перевернул мир с ног на голову, и вода хлынула через кивы и через камины в домах. Земля раскололась на огромные пропасти, и вода покрыла все, кроме одного узкого грязевого хребта; и через него божество-змей велело всем людям перебраться. Когда они переходили, ноги злых людей поскользнулись, и они упали в темную воду, но добрые, после многих дней, достигли суши. Пока вода поднималась вокруг деревни, старики поднялись на крыши домов, потому что думали, что не смогут перебраться вместе с молодыми людьми; но Бахоликонга одел их в шкуры индюков, и они расправили крылья и парили в воздухе прямо над поверхностью воды, и таким образом перебрались на другой берег. Были спасены наши люди: Вода, Кукуруза, Ящерица, Рогатый ящерица, Песок, две семьи Кроликов и Табак. Хвост индейки волочился по воде — отсюда белый цвет на хвосте индейки сейчас. Ношение этих индюшиных шкур является причиной того, что у стариков под подбородком есть подвески, как у индейки; это также причина того, что старики используют индюшиные перья на религиозных церемониях.

В истории о странствиях народа Воды много размытых упоминаний о различных деревнях на юге, которые они построили или в которых жили, а также о скалах, на которых они высекали свои тотемы в местах временной остановки. Они долгое время жили в Хомолоби, где к ним присоединился народ Солнца; и, вероятно, вскоре после того, как последние ушли, народ Воды последовал за ними. Похоже, что наибольшее количество представителей этой семьи сначала поселилось в Машонгнави и Шупаулови, но, как и народ Солнца, вскоре распространилось по всем деревням.

Описание части этого путешествия приводится в цитате из слов вождя, приведенной выше:

На пересечение разрушенной страны ушло 4 года. Квакванти (воинский орден) шёл впереди людей и нес семена кукурузы, фасоли, дынь, кабачков и хлопка. Рано утром они сажали кукурузу в грязь, и к полудню она созревала, и таким образом люди были накормлены. Когда они достигали твердой земли, они отдыхали, а затем строили дома. Квакванти всегда были в походах — иногда они уходили на целых четыре года. Мы снова следовали за ними в долгих путешествиях, останавливались, строили дома и сажали растения. Если во время путешествия женщина забеременела, мы строили ей дом, наполняли его едой и оставляли ее там, и от этих женщин произошли пима, марикопа и другие индейцы юга.

Далеко на юге, прежде чем мы пересекли горы (к югу от страны апачей), мы построили большие дома и жили там долгое время. Рядом с этими домами находится большая скала, на которой были нарисованы дождевые облака рода Воды, а также человек, несущий кукурузу в руках; другие роды также нарисовали на ней Ящерицу и Кролика. Пока они жили там, квакванти отправились в дальний поход на север и вступили в конфликт с враждебным народом. Они сражались день за днем, много дней подряд — сражались только днем, а когда наступала ночь, они расходились, каждая сторона уходила на свою территорию, чтобы отдохнуть. Однажды ночью прилетели журавли, и каждый журавль взял на спину по одному квакванти и принес их обратно к своему народу на юге.

Снова все люди отправились на север, пока не дошли до реки Литл Колорадо, недалеко от гор Сан-Франциско, и там построили дома вдоль реки. Они также прокопали длинные канавы, чтобы переносить воду из реки в свои сады. Прожив там некоторое время, они начали страдать от роев комаров, называемых песчаными мухами, которые кусали детей, вызывая у них отеки и смерть. Место стало невыносимым, и они были вынуждены снова продолжить свое путешествие. Перед отправлением одна из женщин-дождь, которая была беременна, устроилась в одном из домов на горе. Она сказала своим людям, чтобы они оставили ее, потому что она знала, что это место, где она должна остаться навсегда. Она также сказала им, что впредь, когда они будут возвращаться на гору на охоту, она будет обеспечивать их обильной добычей. Под ее домом находится родник, и любая бесплодная женщина, которая выпьет его воду, родит детей. Затем люди начали долгое путешествие, чтобы достичь вершины плоскогорья на севере. Они разбили лагерь для отдыха на одной из террас, где не было воды, и были очень уставшими и жаждущими. Здесь женщины отпраздновали праздник дождя — они танцевали три дня, а на четвертый день облака принесли сильный дождь и освежили людей. Это событие до сих пор отмечается кругом камней в том месте. Они достигли источника к юго-востоку от Кайбито (источник Кумас) и там построили дом и жили некоторое время. У нашего народа было много дождей, и мы вырастили много кукурузы, и некоторые из народа Валпи пришли к нам в гости. Они рассказали нам, что у них дождь идет только здесь и там в виде мелкого тумана, и корзина кукурузы считается большим урожаем. Поэтому они попросили нас переехать на их землю и жить с ними, и в конце концов мы согласились. Когда мы туда прибыли, мы обнаружили, что некоторые люди из племени Орла жили возле Второй Мезы; наш народ разделился, и часть ушла с Орлом и с тех пор осталась там; а мы разбили лагерь возле Первой Мезы. Было время посева, и валпи отпраздновали свой праздник дождя, но они принесли только туманную морось. Затем мы отпраздновали наш праздник дождя и посеяли. Сразу же последовали сильные дожди, гром и молнии, и на первый день после посева наша кукуруза выросла на полруки, на четвертый день она достигла полной высоты, а через одну луну созрела. Когда мы поднимались в деревню (Валпи тогда, вероятно, находился к северу от ущелья), нам встретился человек-медведь из племени « » ( ), который сказал, что наш гром напугал женщин и мы не должны приближаться к деревне. Тогда квакванти сказал: «Давайте оставим этих людей и поищем землю где-нибудь в другом месте», но наши женщины сказали, что они устали от путешествий и настояли на том, чтобы мы остались. Тогда «Огненный сборщик» спустился из деревни и сказал нам, чтобы мы поднялись туда и остались, но после того, как мы вошли в деревню, женщины Валпи закричали на нас — они боялись нашего грома — и поэтому Валпи прогнали нас. Тогда наш народ, за исключением тех, кто ушел во Вторую Месу, отправился на северо-восток, до Цеги (Каньон-де-Шелли), но я не могу сказать, построили ли наши люди там жилища. Затем они вернулись в эту область, построили дома и испытали много проблем с валпи, но с тех пор мы живем здесь.

Группы народа Воды, как уже было сказано, рассеялись по всем деревням, хотя большая их часть осталась на Средней Месе; но, похоже, что большинство оставшихся групп впоследствии решили

построить свои постоянные дома в Ораиби. Особой традиции, связанной с этим переселением, нет; на это указывает только то обстоятельство, что в дополнение к семьям Воды, общим для всех деревень, в Ораиби до сих пор проживает несколько семей этого народа, которые не имеют представителей ни в одной из других деревень. Ораиби довольно рано стало важным местом, и рассказывают, что оно было достаточно густонаселенным, чтобы основать много отдаленных поселений. Они до сих пор отождествляют их с руинами на отдельных месах в долине к югу и вдоль реки Моэн-копи ( ) («место текущей воды») и других пересыхающих ручьев на западе. Эти места были заселены с целью использования прилегающих к ним пахотных земель, а самое отдаленное поселение, расположенное примерно в 45 милях к западу, было специально предназначено для выращивания хлопка, и до сих пор навахо и другие соседние племена называют это место «хлопковым полем». Также говорят, что несколько крупных руин вдоль течения Моэн-копи были заняты группами змеи, койота и орла, которые долгое время жили в этой области, прежде чем присоединились к народу в Тусаяне. Вторжения чужеземных племен с севера, возможно, ускорили это переселение, и ораиби говорят, что они были вынуждены покинуть все свои отдаленные колонии. Известен случай нападения на главную деревню, когда было похищено несколько молодых девушек, а через 2 или 3 года те же мародёры вернулись и заключили сделку с ораиби, которые заплатили выкуп кукурузой и получили всех своих девушек обратно. После периода затишья грабительские банды возобновили свои нападения, и поселения на Моэн-копи были покинуты. Они были вновь заселены после установления нового мира, и такая череда заселения и заброшенности, по-видимому, продолжалась вплоть до совсем недавнего времени.

В то время, когда аса еще проживали в Каньон-де-Челли, и до прибытия хано, в Тусаяне произошла еще одна кровавая сцена. Со времени междоусобиц в Антилоп-Каньоне между Аватуби и некоторыми другими деревнями, особенно Валпи, существовала вражда, и некоторые беженцы из Сикятки передали свои феодальные обиды своим потомкам, которые жили в Аватуби. Они долгое время совершали всевозможные преступления: перехватывали охотничьи группы из других деревень ( ), захватывали их добычу, а иногда и убивали охотников; нападали на людей в отдаленных кукурузных полях, издевались над ними, а иногда и убивали, и угрожали еще более серьезными издевательствами. Аватуби был слишком силен, чтобы Валпи мог атаковать его в одиночку, поэтому была запрошена помощь других деревень, и было решено уничтожить Аватуби в конце праздника, который должен был скоро состояться. Это был ежегодный «праздник квакванти», который до сих пор сохраняется и проводится в ноябре в каждой деревне, когда молодые люди, прошедшие определенные испытания, принимаются в советы. Церемонии длятся несколько дней, и в заключительную ночь в кивах проводятся специальные обряды. На этих церемониях каждый мужчина должен находиться в киве, к которой он принадлежит, и после завершения обрядов все они спят там, и никому не разрешается покидать киву до восхода солнца на следующий день.

Между Аватуби и Валпи все еще существовали некоторые связи, и было легко узнать, когда будет проводиться этот праздник. В день его завершения Валпи послали сообщение своим союзникам «подготовить боевые стрелы и прийти», и вечером боевые отряды из других деревень собрались в Валпи, так как набег должен был возглавить вождь этой деревни. К наступлению ночи собралось около 150 мародеров, все, конечно, вооруженные; и еще более зловещим знаком, чем их оружие, были горящие факелы, которые они несли — измельченная кора кедра, свободно связанная в рулоны, смолистые щепки пиньона, сухое масличное дерево (очень легко воспламеняющееся) и мешочки, наполненные измельченным красным перцем.

Укрывшись в темноте от посторонних глаз, банды последовали за вождем валпи через долину, каждый с оружием в руках и связкой горючих материалов за спиной. Дойдя до плато Аватуби, они осторожно поднялись по крутой извилистой тропе на вершину, а затем обошли деревню и добрались до проходов, ведущих к различным дворам, где находились кивы, и спрятались рядом с ними. Они ждали до самого рассвета, затем вождь валпи издал боевой клич, и кричащие отряды бросились к кивам. Выбрав свои позиции, они в мгновение ока оказались у них и быстро схватили лестницы

через люки, единственный выход, и обреченные обитатели остались беспомощными, как крысы в ловушке. Огонь был под рукой в многочисленных маленьких ямах для приготовления пищи, в которых находились кувшины с едой, приготовленной для участников церемонии. Воспламеняющиеся связки были зажжены и брошены в кивы, а стога дров на террасированных крышах были сброшены в огонь, и вскоре каждая кива превратилась в печь. Затем в огонь бросили красный перец, чтобы усилить удушающие мучения, а вокруг люков нападавшие стояли, обрушивая свои стрелы на массу борющихся несчастных. Огонь поддерживали до тех пор, пока крыши не обрушились и не погребли под собой обугленные кости жертв. Говорят, что все мужчины Аватуби, достигшие зрелого возраста, погибли в этой резне, ни один не спасся. Женщин и детей, которых пощадили, вывели из хижин, а все дома разрушили, после чего пленников разделили между разными деревнями.

Дату этой последней феодальной жестокости можно установить с некоторой точностью, потому что в 1692 году Дон Диего Варгас с военными силами посетил Тусаян и упоминает Аватуби как густонаселенную деревню, в которой он сделал остановку. Хано (тева) утверждают, что они жили в Тусаяне в течение пяти или шести поколений и что, когда они прибыли туда, Аватуби уже не существовало; следовательно, оно должно было быть разрушено вскоре после конца XVII века.

После разрушения Аватуби между деревнями произошло только одно серьезное столкновение, и то между Ораиби и Валпи. По-видимому, после того как Ораиби вывели свои колонии с юга и запада, они захватили все незанятые земли к востоку от деревни и продолжали продвигаться на восток, пока не вторглись на земли, на которые претендовали Валпи. Это привело к периодическим военным действиям на отдаленных полях, и всякий раз, когда враждующие жители деревень встречались, начиналась драка, пока конфликт не достиг кульминации в виде нападения на Валпи. Орайби выбрали день, когда все мужчины Валпи были на полях на восточной стороне мезы, но Валпи говорят, что их женщины и собаки сдерживали Орайби, пока мужчины не пришли на помощь. У подножия мезы произошло ожесточенное сражение, в котором ораиби были разгромлены и преследованы через Среднюю мезу, где вождь ораиби повернулся и умолял валпи прекратить преследование. Там было достигнуто примирение, и с тех пор между ними сложились гармоничные отношения. До недавнего времени место, где они остановили преследование, было отмечено камнем, на котором были изображены щит и собака, но это вызывало раздражение у ораиби, и некоторые из валпи удалили его.

В начале XVIII века юты с севера и апачи с юга совершили наиболее разрушительные набеги на деревни, от которых особенно пострадали валпи. Навахо, которые тогда жили на их восточной границе, также сильно пострадали от тех же племен, но навахо и тусаян не были в лучших отношениях и никогда не заключали союза для общей защиты от этих захватчиков.

Хано был заселен народом, отличавшимся по языку от других деревень — народом, принадлежащим к группе Рио-Гранде. По словам Полаки, сына главного вождя и самого предприимчивого торговца, который совершил много путешествий в отдаленные местности, а также по словам других, хано когда-то жили в семи деревнях на Рио-Гранде, и деревня, в которой жили его предки, называлась Тсеваге. Говорят, что это та же деревня, что и нынешняя мексиканская деревня Пенья-Бланка.

Хано утверждают, что они пришли в Тусаян только после неоднократных просьб валпи, в то время, когда последние подвергались сильным преследованиям со стороны уте и апачей. История, рассказанная Квалакваи, который живет в Хано, но сам не является хано, начинается следующим образом:

Давным-давно хопиту были немногочисленны и постоянно подвергались преследованиям со стороны ютамо (уте), юитцемо (апачи) и дакабимо (навахо). Вожди Ткуин нюму (люди-змеи) и Ханин нюму (люди-медведи) собрались вместе, изготовили ба'хо (священную палку с перьями) и отправили ее с одним человеком от каждого из этих народов в дом Тева, называемый Тцевадиги, который находился далеко на Муине (реке) недалеко от Алавии (Санта-Фе).

Посланцы не смогли убедить тева прийти, и посольство было отправлено еще три раза. При четвертом посещении тева согласились прийти, так как валпи предложили разделить с ними свои земли и воды, и отправились в Тусаян под руководством своего вождя, оставив деревню на попечение его сына. Говорят, что эта первая группа состояла из 146 женщин, а за ней последовала еще одна и, возможно, другие.

До прибытия хано враждебные набеги прекратились, и валпи приняли их грубо и отменили свои обещания относительно разделения с ними земли и вод. Им показали, где они могут построить себе дома на желтом песчаном холме на восточной стороне мезы, чуть ниже прохода. Они построили там дома, но были вынуждены ходить за едой в Валпи. У них не было сосудов, в которых можно было бы нести еду, и когда они протягивали руки, чтобы получить их, женщины Валпи насмешливо выливали горячую кашу и обжигали пальцы хано.

Спустя некоторое время юты спустились в долину на западной стороне мезы, снова нанеся большой ущерб, и угнали стада валпи. Тогда хано приготовились к войне; они обвязали свои чресла оленьими шкурами, побелили ноги глиной и покрасили тела и руки темно-красной землей (охрой). Они догнали уте около Вифо (примерно в 3 милях к северу от Хано), но уте загнали стада на крутой склон мезы, и когда они увидели приближающихся тева, они убили всех овец и сложили туши в кучу для защиты, за которой они легли. У них было также несколько огнестрельных орудий, в то время как у хано были только дубинки, луки и стрелы; но после некоторой борьбы юты были изгнаны, и тева последовали за ними. Первый ют был убит недалеко от того места, и каменная куча до сих пор (?) отмечает это место. Подобные кучи отмечали места, где были убиты другие юты, бежавшие от хано, но недалеко от Сан-Хуана был убит последний.

По возвращении хано из этой успешной экспедиции их приняли с благодарностью и разрешили поселиться на плато — им были выделены старые дома, построенные аса, в нынешней деревне Хано. Затем земля была разделена: воображаемая линия между Хано и Сичумови, проходящая на восток через всю долину, обозначала южную границу, и от этой линии на север до места, где был убит последний юта, было отведено Хано в качестве их владения.

Когда хано впервые прибыли, валпи сказали им: «Давайте плюнем вам в рот, и вы выучите наш язык», и хано согласились на это. Когда хано пришли и построили поселение на плато, они сказали валпи: «Давайте мы плюнем вам в рот, и вы выучите наш язык», но валпи не стали слушать их, сказав, что это вызовет у них рвоту. Вот почему все хано могут говорить на языке хопи, а никто из хопиту не может говорить на языке хано.

Аса и Хано были близкими друзьями, пока жили в Нью-Мексико, и когда они пришли в эту область, оба были названы Ханому (Hánomuh) другими жителями Тусаяна. Этот термин обозначает способ, которым женщины этого народа носят свои волосы, срезанные спереди по линии рта ( ) и небрежно разделенные или свисающие над лицом, а волосы сзади закручены в плотный хвост на затылке. Эта неприглядная мода преобладает как среди матрон, так и среди девушек, в то время как среди других тусаян матроны разделяют волосы ровно по голове и носят их, свисающими прямыми косами по обеим сторонам, а девушки носят свои волосы в любопытной дисковидной прическе над каждым виском.

Хотя женщины Аса и Хано имеют одинаковую особенную моду носить волосы, между ними нет никакого родства по крови. Аса говорят на том же языке, что и другие тусаянцы, но тева (хано) имеют совершенно отдельный язык, который принадлежит к таньоанской группе. Они утверждают, что жители следующих пуэбло, расположенных в том же регионе Рио-Гранде, являются их народом и говорят на том же языке.

Котите	Кочити (?).	Капунг	Санта-Клара (?)
Нуми	Намбе.	Поквади	Похоак.
Оке	Сан-Хуан.	Тецоги	Тесуке.
Посове	(Несомненно, вымерший вид.)		Также половина Таоса.

Некоторое время отношения были хорошими, но валпи снова стали злобными; они вторглись на земли хано и украли их имущество. Эти проблемы усугубились, и хано покинули мезу; они пересекли западную долину и построили временные жилища. Они послали нескольких мужчин исследовать земли на западе, чтобы найти подходящее место для нового жилища. Эти разведчики из племени Тева-копи ( ) отправились в Моэн-копи (Moen-kopi), и по возвращении рассказали о благоприятных условиях земли, которую они видели, что побудило Тева (Tewa) отправиться туда.

Тем временем о этих неприятностях стало известно Tceewádigi, и группа тева прибыла в Тусаян, чтобы забрать своих друзей обратно. Это заставило хопитух принести извинения, что восстановило доверие хано, и они вернулись на плато, а недавно прибывшая группа также была убеждена остаться. Однако даже сейчас, когда хано (тева) отправляются навестить свой народ на реке, последние умоляют их вернуться, но старые тева говорят: «Мы останемся здесь, пока не иссякнет наша жизнь, а потом, конечно, вернемся в наш первый дом, чтобы жить там вечно».

Вальпи долгое время неодобрительно относились ко всем попыткам хано по-дружески сблизиться с ними; они запрещали смешанные браки и в целом считали хано табу. Нечто подобное сохранялось до совсем недавнего времени, и по этой причине хано до сих пор говорят на своем языке и сохранили несколько характерных обычаев, хотя сейчас между всеми деревнями существуют самые дружеские отношения. После того как хано спокойно обосновались на своем нынешнем месте, аса вернулись, и валпи выделили им место для строительства в своей деревне. Как упоминалось ранее, дома на юго-восточной стороне Валпи, у начала тропы, ведущей к деревне в этой точке, по-прежнему занимают семьи Аса, и их право владения было обусловлено тем, что они должны были всегда защищать этот пункт доступа и охранять южную оконечность деревни. Их кива названа в честь этого обстоятельства «Стражи высокого места».

Некоторые семьи Медведя и Ящерицы, испытывая нехватку места для строительства, переехали из Валпи и построили первые дома на месте нынешней деревни Сичумови, которая названа в честь Сиввапси, кустарника, который раньше рос там на некоторых холмах (чумо).

Это произошло после того, как Аса прожили в Уолпи некоторое время, вероятно, около 125 лет назад. Некоторые из Аса и Барсуков, последние из которых были потомками женщин, спасшихся от катастрофы Аватуби, также переехали в Сичумови, но вскоре после этого деревня была заброшена из-за эпидемии оспы. Говорят, что эта эпидемия значительно сократила число тусаянцев, и после ее исчезновения в каждой деревне осталось много пустующих домов. Сичумови снова заселили несколько семей Аса, но первые дома были снесены, а на их месте построены новые.

СПИСОК ТРАДИЦИОННЫХ ГЕНТОВ.

В следующей таблице ранние фратрии (ню-му) расположены в порядке их прибытия, и указано направление, из которого каждая из них прибыла, за исключением народа Медведей. В настоящее время существует очень мало представителей этой фратрии, и сохранилось очень мало традиций, касающихся ее ранней истории. В таблице не показано состояние этих организаций в современном сообществе, а только то, как они представлены в традиционных рассказах об их приходе в Тусаян, хотя представителей большинства из них все еще можно найти в различных деревнях. Кроме того, помимо них, существует много других родов и подродов более позднего происхождения. Можно сказать, что подразделение, или, скорее, умножение родов является непрерывным процессом; так, например, в «кукурузе» можно найти семьи, утверждающие, что они происходят от корня, стебля, листа, початка, цветка и т. д., все из которых относятся к кукурузе; но может быть несколько семейств каждого из этих компонентов, составляющих районные подрода. В настоящее время среди хопитух признаны только четыре фратрии: Змея, Рог, Орел и Дождь, который без различия обозначается как Вода или Кукуруза:

1. Хо-нан — Медведь.

Хо-нан Медведь.

Ко´-кьянь-а Паук.

Тко-зир Сойка.

Хек-па Ель.

2. Тси´-а — гремучая змея — с запада и севера.

Тси´-а Гремучая змея.

Юнь-я Кактус — опунция.

Пю´н-е Кактус, вид, который растет в виде куполообразных массивов.

Ü´-se Кактус, канделябр или ветвистый вид.

Не´-wi Голубь.

Пи-ввани Сурки.

Пи-х-тца Скунс.

Ка-ла´-ци-ау-у Енот.

3. А´-la — Рог — с востока.

Со-винь-ва Олень.

Тциб-ио Антилопа.

Пань-ва Горный баран.

4. Kwa´-hü — Орел — с запада и юга.

Ква´-ху Орел.

Ква-йо Ястреб.

Мас-си´ ква´-йо Куриный ястреб.

Tda´-wa Солнце.

Ка-ха´-би Ива.

Те´-би Грейсвуд.

5. Ка-тци´-на — Священный, танцор — с востока.

Ка-тци´-на Священный танцор.

Гья-зро Попугай.

Унь-ву´-си Ворон.

Си-кья-тци Жёлтая птица.

Си-хе´-би Тополь.

Са-ла´-би Ель.

6. Аса — растение (неизвестное) — из Чамы.

Аса

Тка-квай-на Черная земля Катчина.

Пуц-ко-ху Бумеранг охотничья палка.

Пи´-ка Полевая мышь.

Хок-бо-а Дорожный бегун, или чапаральный петух.

По-си-о Сорока.

Квиньоби Дуб.

7. Хо-на-ни — барсук — с востока.

Хо-на´-ни	Барсук.
Мюнь-яу-ву	Дикобраз.
Ву-со-ко	Стервятник.
Бу´-ли	Бабочка.
Бу-ли´-со	Энотера.
На´-ху	Все виды лекарств; общее название.

8. Йо´-ки — Дождь — с юга.

Йо´-ки	Дождь.
О´-мау	Облако.
Каи-е	Кукуруза.
Мур-зи-бу-си	Фасоль.
Ка-ваи-ба-тунь-а	Арбуз.

Си-ввa-пи	Bigelovia graveolens.

Вышеперечисленные являются собственно фратриями Воды или Дождя, но с ними связаны две следующие фратрии, которые также пришли в эту область вместе с фратриями Воды.

ЯЩЕРИЦА.

Ка´-kü-tci

Ба-тцип-ква-си

На´-нан-а-ви

Мо´-мо-би

Виды ящериц.

Писа	Белый песок.
Тду-ва	Красный песок.
Тенкай	Грязь.

КРОЛИК.

Со´-ви	Ослиный кролик.
Тда-бо	Хвостатый кролик.

Пиба	Табак.
Тсоñ-о	Трубка.

Полака приводит следующие данные:

Те´-wa народы и фратрии.

Тева	*Хопиту*	*Навахо.*	
Ко´н-ло	Ка-ай	Натан	Кукуруза.
Сä	Пиба	Нато	Табак.
Ке	Хо´-нау	Как	Медведь.
Тце´-ли	Ка´-ла-би	Цко	Ель.
Кеги	Ки´-ху	Ки-ани	Дом.
Тунь	Тда´-ву	Тджон-а-ай	Солнце.
О´-ку-вунь	О´-мау	Кус	Облако.

Нунь	Tcu´-kai	Хук-клик	Грязь.

Генети, заключенные в скобки, считаются «принадлежащими друг другу», но, по-видимому, не имеют отличительных названий, как фратрии.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛЕГЕНДА.

Интересные руины, расположенные на вершине мезы недалеко к северу от Машонгнави, известны тусаянам под названием Паюпки. Среди тусаянцев существуют предания и легенды, связанные с этими руинами, но единственная версия, которую удалось получить, не считается автором соответствующей стандартам, включенным в «Краткое изложение», и поэтому приводится отдельно, поскольку имеет некоторую информативную ценность. Она была получена от доктора Джереми Салливана, проживавшего в то время в Тусаяне.

Жители Паюпки говорили на том же языке, что и жители первой мезы (Валпи). Давным-давно они жили на севере, на реке Сан-Хуан, но были вынуждены покинуть эту местность и переселились в место, расположенное примерно в 20 милях к северо-западу от Ораиби. Будучи вынужденными покинуть это место, они отправились в Каньон-де-Челли, где к ним присоединилась группа индейцев с юго-востока, с которыми они заключили союз. Вместе два племени двинулись на восток, к горам Джемез, откуда они перебрались в долину Рио-Гранде. Там они приняли преобладающее в то время культ огня, но сохранили свои старые обычаи и язык. Во время великого восстания (1680 г.) они укрыли местных священников, изгнанных из некоторых деревень Рио-Гранде, и это действие вызвало такое недоверие и ненависть среди людей, что паюпки были вынуждены покинуть свое поселение. Их первой остановкой была Старая Лагуна (в 12 милях к востоку от современной деревни), и с ними было около 35 или 40 священников. Покинув Лагуну, они пришли в Медвежий источник (Форт Уингейт) и вступили там в бой с апачами, которых они победили. Они оставались в Медвежьем источнике в течение нескольких лет, пока зуни не заставили их переселиться. Затем они попытались добраться до Сан-Хуана, но были обмануты на тропе, повернули на запад и пришли туда, где сейчас находится Пуэбло Колорадо (нынешняя почта Ганадо, между Фортом Дефайанс и Каньон Кима). Они оставались там долгое время и благодаря успехам в земледелии стали настолько известны, что их стали убеждать переселиться дальше на запад. Они отказались, в результате чего некоторые тусаяны напали на них. Их схватили и привели в Уолпи (тогда находившееся на мысе), а затем распределили по деревням. До этого пленения жрецы направляли их с помощью перьев, дыма и знаков, видимых в огне. Когда предзнаменования и оракулы жрецов оказались ложными, люди были готовы убить их, но жрецы убедили их провести испытание, предложив убить себя в случае неудачи. Так они устроили великое пиршество в Аватуби. Священники имели длинные полые тростники, в которых находились различные вещества — перья, мука, пыльца кукурузы, священная вода, местный табак (пиба), кукуруза, бобы, семена дыни и т. д. Они выстроились в круг на площади на восходе солнца и произносили заклинания и молитвы. Когда солнце взошло, священник вышел перед народом и дунул в свой тростник, желая выдуть то, что было в нем, чтобы развеять это по сторонам. Но ветер не дул, и содержимое тростника упало на землю. Жрецы были разделены на группы в зависимости от того, что они несли. К вечеру все группы, кроме двух, уже дунули. Тогда старший из двух повернулся спиной к востоку, а тростником к заходящему солнцу, и дунул, и ветер подхватил перо и унес его на запад. Это было принято как знак, и на следующий день тусаяны освободили рабов, дав каждому одеяло с кукурузой. Они пошли на плато, где сейчас стоят руины, и построили там дома. Они попросили земли для посевов, и им дали поля, но их урожай не процветал,

и они украли кукурузу у машонгнави. Тогда, опасаясь, что их могут застать врасплох ночью ( ), они построили вокруг вершины мезы стену высотой с человеческий рост и сделали большие ворота, которые закрывали и запирали на ночь. Когда они были вынуждены сажать кукурузу для себя, они сажали ее на уступах мезы, но она росла только до колен человека; листья были очень маленькими, а зерна росли только с одной стороны. Спустя некоторое время они снова подружились с машонгнави, и один мальчик из этой деревни влюбился в девушку из племени паюпки. Последнее племя было против этого брака, но машонгнави очень хотели его, и некоторые воины из этой деревни предложили мальчику, что если он сможет убедить девушку сбежать с ним, то они помогут ему и защитят его. В назначенный день, около заката, девушка спустилась с плато в долину, но ее заметили старушки, которые пекли глиняную посуду, и подняли тревогу. Услышав шум, группа Машонгнави, которая лежала в засаде, подошла, но они столкнулись с группой Паюпки, которая вышла из деревни, и началась драка. Во время сражения молодой человек был убит, что вызвало такую горечь, что Паюпки испугались и несколько дней тихо оставались в своем пуэбло. Однако однажды утром старуха пришла к Машонгнави, чтобы одолжить табак, сказав, что через пять дней в ее деревне будет танцевальный праздник. На следующий день паюпки тихо ушли. Не видя дыма из деревни, машонгнави сначала подумали, что паюпки готовятся к танцам, но на третий день туда отправили отряд воинов, чтобы выяснить ситуацию, и они обнаружили, что деревня заброшена. Эстуфы и дома жрецов были разрушены.

Рассказчик добавляет, что паюпки вернулись в Сан-Фелипе, откуда они пришли.

ГЛАВА II.

РУИНЫ И НАСЕЛЕННЫЕ ПУСТАЛИ ТУСАЯН.

ФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВИНЦИИ.

К той части юго-западного плато, которая входит в провинцию Тусаян, обычно подходят с востока, поэтому самая восточная из серии мес, на которых расположены деревни, называется «Первая меса». Дорога, протяженностью 30 или 40 миль, прежде чем достичь этой точки, пересекает восточную часть большого плато, чья изрезанная кромка, дальше на запад, образует крутые языки мес, на которых построены деревни. Песчаниковые породы этого плато отличаются от многих других в юго-западной части страны своими нейтральными цветами. Растительность, состоящая из разбросанных низкорослых сосен и кедров, перемежающихся с редкими участками тускло-серого шалфея, придает ландшафту крайнюю монотонность. Этот эффект резко контрастирует с теплотой и игрой цветов, часто встречающихся в других частях плато.

Плато Тусаян в целом разнообразно благодаря каньонам и холмам, чьи отвесные склоны переходят в длинные цепи скалистых осыпей и песчаных предгорий. Засушливый характер этого района особенно выражен на окраине плато. В непосредственной близости от деревень есть большие участки, на которых не растет ни одна травинка, где бесплодные скалы выступают из песчаных наносов или лежат в беспорядке у подножия утесов. Каньоны, прорезающие края этих мес, часто имеют удивительное сходство во внешнем виде, и возникающая в результате монотонность чрезвычайно сбивает с толку путешественника, а отсутствие проточной воды и четко очерченных водостоков сбивает его с толку.

Редкие родники, которые обеспечивают скудным запасом воды жителей этого региона, обычно находятся на большом расстоянии друг от друга, и, как правило, их местоположение практически не обозначено никакими естественными признаками. Они часто встречаются в потаенных уголках каньонов, куда ведут извилистые тропы, пролегающие через осыпи и предгорья, или в виде небольших родников у подножия какого-нибудь плато. Однако слияние многочисленных троп навахо служит неким ориентиром к этим редким источникам воды.

Ряд мысов, на которых построены деревни Тусаян, исключительно богат такими просачиваниями и источниками. У подножия «Первой мезы» ( ) (рис. 1), на расстоянии 4–5 миль от расположенных на ней деревень, есть по крайней мере пять мест, где можно добыть воду. Одно из них представляет собой простое поверхностное водохранилище, но остальные, по-видимому, являются постоянными источниками. Однако количество воды настолько мало, что оно не оказывает никакого влияния на засушливый и бесплодный характер окружающей среды, за исключением непосредственной близости. Здесь небольшие зеленые пятна, резко выделяющиеся на песчаном фоне, обозначают местонахождение групп низких, чахлых персиковых деревьев, которые прижились на крутых песчаных дюнах.

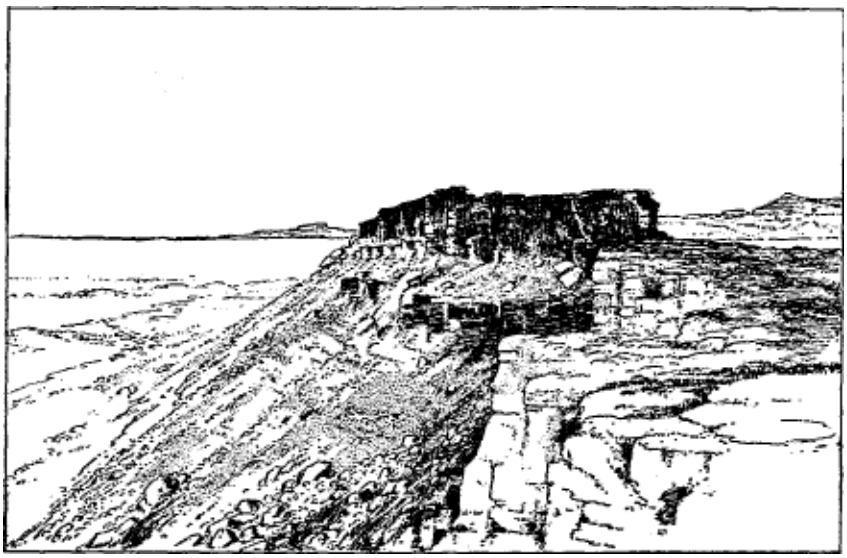


Рис. 1. Вид на Первую Месу.

На открытых равнинах, окружающих край месы (6000 футов над уровнем моря), видны широкие полосы пыльной полыни и колючего кустарника. Там, где равнина поднимается к основанию месы, начинают появляться разбросанные кусты кедра и пиньона. Но в непосредственной близости от деревень этих деревьев почти не видно; тем не менее, они являются характерной растительностью мес, в то время как на более высоких высотах, в направлении Сан-Хуана, встречаются открытые леса. Последние, по-видимому, едва ли входили в сферу влияния древних строителей, возможно, из-за холодной зимы и из-за того, что они открыты для вторжений воинственных охотничьих племен. Рядом с деревнями в изобилии растут полынь и жирное дерево, и эти любопытные сучковатые и скрученные кустарники служат основным топливом для тусаянцев.

Иногда встречаются травянистые равнины, которые в течение нескольких недель в начале лета покрываются богатым ковром из множества нежных диких цветов. Красота этих ярких цветочных пятен усиливается контрастом с суровым и неприветливым характером окружающей местности, но в очень короткое время эти цветы исчезают из засушливой и выжженной пустыни , которую они временно украсили. Эти цветущие поля не видны в непосредственной близости от нынешних деревень, но неожиданно встречаются в некоторых частях соседних мес и каньонов.

После пересечения 6 или 7 миль относительно ровной местности, которая находится между устьем каньона Кима и первым из заселенных плато, начинается утомительный подъем; сначала по склонам и дюнам, а затем по массивам обломанных осыпей, по мере приближения к вершине плато. Ближе к вершине дорога с одной стороны окружена очень крутым спуском из разбитых склонов, а с другой — отвесной скалистой стеной, возвышающейся на 30 или 40 футов. Дорога достигает края мыса, резко поднимаясь в точке, близкой к деревне Хано.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Прежде чем приступить к описанию деревень и руин, не будет лишним сказать несколько слов о подготовке планов, прилагаемых к этой статье. Методы, использованные при съемке населенных пуэбло, были в основном одинаковыми. Внешняя стена каждого отдельного скопления замерялась с помощью компаса и рулетки, линии замыкались и проверялись на углу, с которого начиналась съемка, так что план каждой группы является самостоятельным и накопление ошибок невозможно. Натянутая рулетка служила основой для оценки любых отклонений от прямой линии, которые имела стена, и, поскольку каждое измерение было нанесено на место, все эти отклонения были зафиксированы на плане и дают представление о степени точности , с которой было выполнено

строительство. На основе полученных данных были нарисованы контуры вторых этажей с помощью измерений многочисленных углов и изгибов; тот же процесс повторялся для каждого из последующих этажей. На этом этапе на плане были зафиксированы все этажи в общих чертах. Различные дома и группы зданий были соединены с помощью компасных визиров и измерений. Затем был сделан чертеж плана, на котором этажи были выделены линиями разного цвета, и на этом чертеже были зафиксированы все вертикальные измерения. Обычно они производились на каждом углу, хотя на длинных стенах было принято делать дополнительные измерения в промежуточных точках.

Затем на исходный план наносились все детали, такие как каменные накладки, дымоходы, люки и т. д., при необходимости используя рулетку для определения положения. На этом чертеже также были указаны формы дымоходов, а также их положение и размеры, и в конце он был окрашен, чтобы различать различные террасы. На этом цветном листе были расположены все проемы. Они были пронумерованы и одновременно описаны в тетради, в которой также были записаны необходимые вертикальные измерения, такие как их высота и возвышение над землей. В той же тетради были также полностью описаны проемы. Лестницы были расположены на том же листе и были последовательно пронумерованы ( ) и описаны в блокноте. Это описание содержит информацию о лестнице, ее выступе над ограждением, если таковой имеется, разнице в длине ее стоек, характере соединительного элемента и т. д. В целом эти блокноты содержат большой объем статистических данных, которые были очень полезны при составлении этого отчета и подготовке моделей. Наконец, по всей деревне был проведен нивелир, и была определена высота каждого угла и выступления над предполагаемой основой. Затем был сделан уменьшенный чертеж плана, который послужил основой для нанесения таких деталей топографии и т. д., которые было целесообразно сохранить.

Эти планы в первую очередь предназначались для использования при построении крупномасштабных моделей и, следовательно, содержали большой объем информации, который не мог быть воспроизведен на опубликованных чертежах без большого затруднения.

Методы, применяемые при съемке руин, время от времени менялись по мере продвижения работ. В начале работ линии стен, насколько это было возможно, прокладывались с помощью циркуля и рулетки и проверялись нивелиром. Позже было признано более удобным выбрать несколько точек и соединить их с помощью перекрестных прицелов и измерений. Затем эти точки были нанесены на карту, и стены и линии обломков были тщательно нанесены на полученную таким образом сетку линий, при необходимости проводились дополнительные измерения. Высота сохранившихся стен измерялась с обеих сторон, а проемы были отмечены на плане и описаны в записной книжке, как это делалось при съемке обитаемых деревень. Затем весь участок был выровнен, и на основе полученных данных были нанесены контурные линии с интервалом 5 футов. Были отмечены неровности в направлениях стен. В более поздних планах руин использовалась шкала из семи символов для обозначения количества и распределения обломков. Опубликованные планы показывают относительное количество обломков, как они видны на местности. Вероятные линии стен показаны на плане пунктирными линиями, проведенными через точки, обозначающие обломки. За этим исключением, планы показывают руины такими, какими они являются на самом деле. Сохранившиеся стены, как правило, обозначены сплошной черной линией; их высота указана на полевых листах, но не может быть показана на опубликованных планах, чтобы не запутать чертеж. Контурные линии представляют интервал в 5 футов; в тех немногих случаях, когда используются вторичные или отрицательные контуры, это не вызывает путаницы, так как их высота всегда указана цифрами.

ПЛАНЫ И ОПИСАНИЯ РУИН.

Руины, описанные в этой главе, составляют лишь небольшую часть тех, что были найдены в провинции Тусаян. Они были обследованы и задокументированы ввиду их тесной традиционной связи с нынешними деревнями, а также с целью пролить свет на взаимосвязь между современными пуэбло ( ) и бесчисленными каменными постройками неизвестного происхождения, широко распространенными на юго-западном плато. Такая традиционная связь с нынешними народами, вероятно, могла бы быть установлена для многих других руин этой страны с помощью исследований, подобных тем, которые проводил г-н Стивен в группе Тусаян; но эта сторона вопроса не была включена в нашу работу. При поиске чисто архитектурных свидетельств среди этих руин следует признать, что данные оказались разочаровывающе скудными. Никаких следов многочисленных конструктивных деталей, которые интересуют исследователей архитектуры пуэбло в современных деревнях, не видно в низких кучах развалившегося каменного строительства, которые остались в большинстве древних деревень Тусаяна. Даже в наиболее хорошо сохранившихся из этих руин осталось очень мало каменной кладки, и деревни, которые, как известно, были заселены в течение двух столетий, неотличимы от руин, к которым больше не привязаны явные традиции (за исключением того, что они были в том же состоянии, когда первые люди из рода рассказчиков пришли в этот регион). Хотя из этих руин можно извлечь лишь небольшую информацию об архитектуре, помимо той, которая передается состоянием и характером каменной кладки и общим распределением плана, планы и их отношение к топографии зафиксированы как формирующие, в связи с традициями, более полное описание, чем то, которое, возможно, можно будет получить позже.

В нашем исследовании архитектурных деталей, когда предлагается сравнение между практикой в Тусаяне и практикой древних строителей, наши иллюстрации для последних часто должны быть взяты из других частей территории строителей, где лучше сохранившиеся остатки предоставляют необходимые данные.

РУИНЫ ВАЛПИ.

В случае пуэбло Уолпи, часть жителей которого, по-видимому, были первыми поселенцами в этом регионе, произошло несколько изменений местоположения, по крайней мере одно из которых произошло в исторический период. Из различных занятых мест одно указано к северу от прохода на первой мезе. В настоящее время это место представляет собой лишь невысокий холм, покрытый песком и обломками, без видимых фрагментов стен. Текущее состояние этого раннего Уолпи показано на рис. 2. В отсутствие фундаментных стен или других четких линий характер места выражен контурными линиями, определяющими его рельеф. Еще одно из мест, занятых Уолпи, как говорят, находилось в открытой долине, отделяющей первую мезу от второй, но здесь не было обнаружено никаких следов каменной деревни. Это традиционное местоположение упоминается г-ном Стивеном в его рассказе о Валпи. Последнее место, занимаемое до нынешнего на вершине мезы, находилось на более низкой террасе первого мыса мезы на ее южной оконечности. Говорят, что здесь дома были распределены по довольно большой территории, и в некоторых местах до сих пор можно увидеть отдельные фрагменты каменной кладки, но план застройки теперь не может быть восстановлен. Здесь находилась испанская миссия, и некоторые жители Тусаяна указывают на место, где раньше стояли здания миссии, но никаких архитектурных свидетельств существования таких сооружений не видно. Однако, по-видимому, можно с достаточной уверенностью утверждать, что это место было местом расположения Уолпи в исторический период, хотя сейчас здесь буквально не осталось ни одного камня на камне. В данном случае разрушение, вероятно, было более полным, чем обычно, из-за непосредственной близости последующего пуэбло, что сделало старые руины очень удобным каменным карьером для строительства домов на вершине мезы. Из трех упомянутых заброшенных мест Валпи ни одно не предоставляет достаточных данных для предположения о плане или площади.

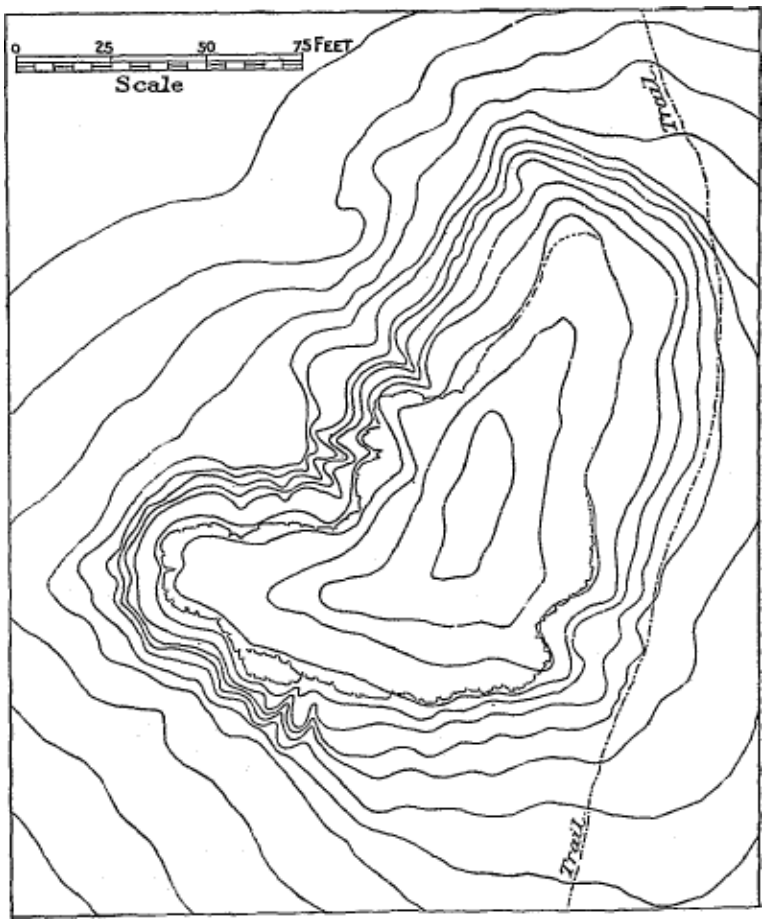


Рис. 2. Руины, старый курган Валпи.

СТАРЫЙ МАШОНГНАВИ.

В случае с Машонгнави у нас есть несколько более обширный материал. Желательно процитировать несколько строк из рассказа индейца Машонгнави по имени Нуваяума, указывающего на причины, которые привели к заселению изображенного места.

Мы повернули и направились на север, встретив апачей и «индейцев-бобров», с которыми мы провели много сражений, и, будучи малочисленными, потерпели поражение, после чего мы пришли в Машонгнави [руины у «Кресла гиганта»] и дали этой скале ее название [название неизвестно], и построили там наши дома. Апачи снова напали на нас вместе с команчами, и тогда мы пришли в [Старый Машонгнави]. Мы жили там в мире много лет, успешно выращивая урожай, и наш народ увеличился в численности, но апачи пришли в большом количестве, подожгли дома и сожгли наше зерно, которое вы и сегодня найдете там сгоревшим и обугленным. После того как они разрушили наши жилища, мы пришли на мезу и живем здесь с тех пор.

Руины, которые, как считается, были первыми, занятыми машонгнави на большой изолированной скале, известной как «Кресло гиганта», не были исследованы. Более позднее поселение, из которого они были изгнаны нападениями апачей на их нынешнее место, было обследовано. План разрушенных стен и линий обломков, по которым все еще можно проследить форму большей части старого пуэбло, приведен на пластинке II. План наиболее хорошо сохранившейся части пуэбло в северной части листа ясно показывает общее соблюдение расположения закрытого двора с примерно такой же степенью нерегулярности, которая характерна для современной деревни. Помимо четко прослеживаемых частей руин, которые по своему расположению так похожи на нынешнюю деревню, несколько небольших групп и скоплений, по-видимому, были разбросаны по склону предгорий, но в их нынешнем состоянии разрушения неясно, были ли эти скопления напрямую связаны с основной группой или составляли часть другой деревни. Случайные следы

фундаментных стен явно указывают на такую связь ( ), хотя, судя по характеру места, это промежуточное пространство вряд ли могло быть плотно застроено. За исключением описанной выше основной группы, дома занимают очень разрозненные и нерегулярные участки. Как показано на плане, склон прерывается огромными нерегулярными массивами песчаника, выступающими из почвы, в то время как большая часть поверхности покрыта разбросанными фрагментами, упавшими с соседних вершин и уступов. Контуры указывают на общий характер склонов, на которых расположены эти неровности. Фрагмент уступа, показанный на северном конце пластина, к которому пристроена часть основной группы домов, является частью широкого массивного уступа из песчаника, который поддерживает невысокие холмы, на которых построены нынешние деревни Машонгнави и Шупаулови, и продолжается в виде широкой ровной полки из твердой породы на несколько миль вдоль мыса мезы. Его продолжение на стороне, противоположной той, что показана на пластинке, можно увидеть на общем виде Шупаулови (пластина XXXI).

ШИТАИМУВИ.

Остатки другой разрушенной деревни, известной как Шитаймуви, находятся в окрестностях Машонгнави и занимают и покрывают вершину округлого холма на юго-восточной стороне мезы. Из-за полного разрушения стен не удалось получить план этих руин. Не удалось найти даже линии фундаментных камней, хотя вся территория более или менее покрыта разбросанными камнями бывшей кладки. На поверхности также разбросано исключительное количество фрагментов керамики . Они очень похожи на изделия высокого качества, характерные для «Талла Хоган» или «Аватуби», что позволяет предположить, что это поселение было современником последнего. Некоторые упоминания об этих руинах можно найти в традиционных материалах в главе I.

АВАТУБИ.

Руины Аватуби известны навахо как Талла Хоган, термин, который интерпретируется как «поющий дом» и, как полагают, относится к часовне и миссии, которые когда-то процветали здесь, как описано г-ном Стивеном в главе I. Традиция придает большое значение этой деревне. Во время испанского завоевания она была одной из самых процветающих из семи «городов» Тусаяна и была выбрана в качестве места для миссии, честь, которую разделили с ней Валпи, находившаяся тогда на нижнем отроге первой мезы, и Шумопави, также построенная на более низком месте, чем нынешняя деревня с таким же названием. Традиции, относящиеся к этому пуэбло, были собраны из нескольких источников и, хотя они несколько различаются в менее важных деталях, все они сходятся в том, что разрушение деревни произошло в период испанской оккупации.

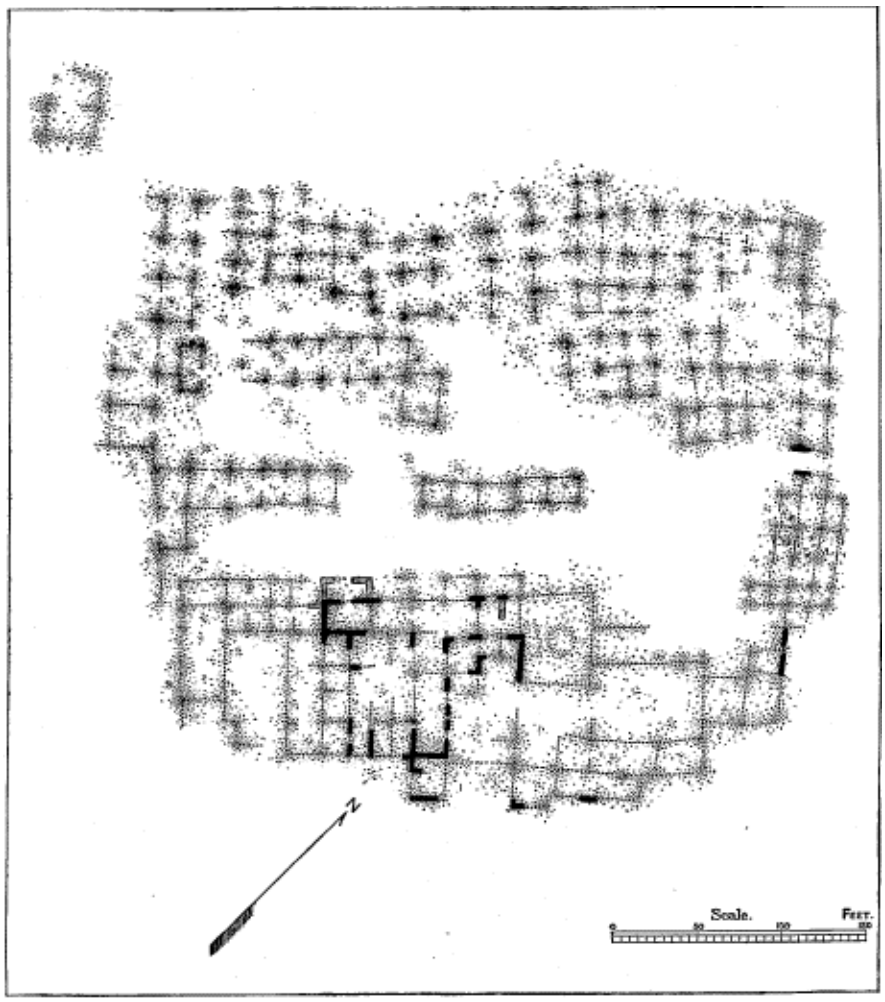


ТАБЛИЦА IV. АВАТУБИ (ТАЛЛА-ХОГАН), ПЛАН.

Из исторических источников мы также знаем, что Крузате во время попытки повторного завоевания страны посетил эту деревню в 1692 году, и поэтому руины должны быть не старше двух веков, однако разрушение настолько полное, что на большей части ее территории не видно ни одной стоящей стены, а очертания домов и групп зданий обозначены в основном низкими гребнями и массами разрушенной кладки, частично покрытыми наносами песка. Группа комнат, образующих юго-восточную сторону пуэбло, является исключением из общего правила. Здесь фрагментарные стены из грубой кладки возвышаются в некоторых случаях на 8 футов над обломками. Характер каменной кладки, как видно из табл. V, лишь немногим лучше, чем в современных деревнях. Эта лучше сохранившаяся часть деревни, по-видимому, составляла часть комплекса миссионерских построек. В точках, обозначенных буквой A на плане, видны остатки стен, построенных из соломенного кирпича в типичном испанском стиле. Они опираются на фундамент из каменной кладки. См. табл. VI. Фрагменты кирпича, вероятно, являются частью церкви или связанных с ней зданий. В двух других точках на плане, обе на северо-восточной стороне, все еще стоят невысокие фрагменты стены, как видно на тарелке. В одной из этих точек остатки указывают на то, что деревня была снабжена воротами примерно в середине северо-восточной стороны.

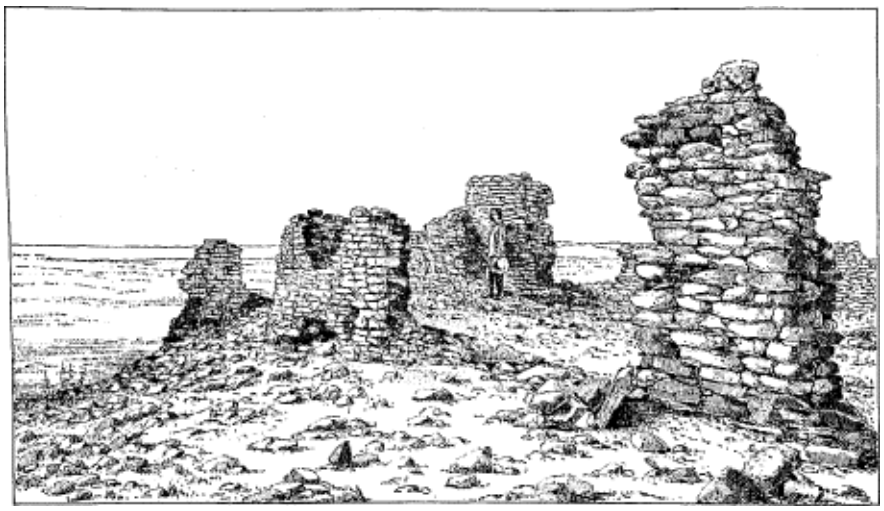


ТАБЛ. V. СОХРАНИВШИЕСЯ СТЕНЫ АВАТУБИ.

Общий план этого пуэбло значительно отличается от планов современных деревень и по симметричности и компактности ближе к более старым типам. Заметно отсутствие расположения комнат в длинных параллельных рядах. Эта типичная черта Тусаяна лишь слегка приближается к некоторым подчиненным рядам внутри двора. План предполагает, что первоначальное пуэбло было построено примерно по трем сторонам прямоугольного двора , а четвертая, юго-восточная сторона, позже занятая зданиями миссии, оставалась открытой или защищенной только невысокой стеной. За пределами прямоугольника главного пуэбло, на северо-восточной стороне, находятся два фрагмента грубой каменной кладки, построенные пастухами овец из племени навахо. Рядом с западным углом пуэбло находятся остатки двух комнат, расположенных за пределами собственно пуэбло, которые, по-видимому, принадлежат первоначальной постройке.

ТАБЛИЦА VI. ФРАГМЕНТ ГЛИНОБИТНОГО ЗДАНИЯ В АВАТУБИ.

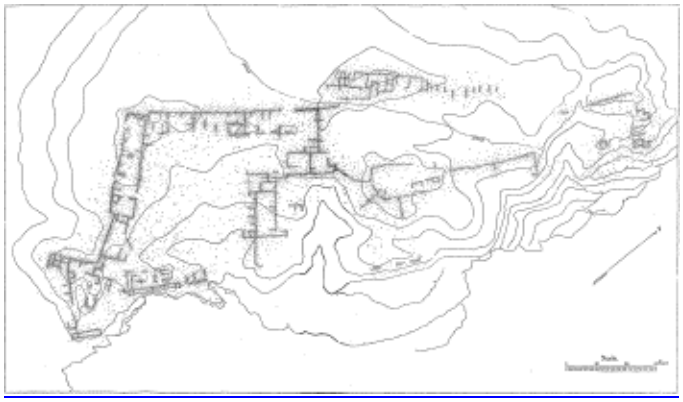
Говорят, что в Аватуби были выкопанные прямоугольные кивы, расположенные в открытом дворе, похожие на те, что используются в современной деревне. Жители Уолпи частично очистили одну из этих камер и использовали ее в качестве хранилища для церемониальных перьевых палок и т. д., но навахо пришли и унесли их священные сокровища, вероятно, соблазнившись их рыночной стоимостью как этнологических экспонатов. На момент обследования руин никаких следов этих кив не было видно.

Говорят, что в Аватуби были овцы в то время, когда деревня была разрушена. Некоторые жители Тусаяна указывают на остатки большого овечьего загона возле источника, который, по их словам, использовался в то время, но вполне вероятно, что он был построен для этой цели гораздо позднее.

ДОМ РОГОВ.

Хорн-Хаус назван так потому, что традиция связывает эту деревню с некоторыми представителями рода Хорн из племени Хопитух или Тусаян. Руины расположены на выступающей точке плато, образующего западный фланг долины Джедито, недалеко от места, где дорога Холбрука к каньону Ким поднимается на край плато. Деревня почти полностью разрушена, не осталось ни одного фрагмента стоящей стены. Ее общий план и расположение довольно четко обозначены обычными невысокими гребнями обрушенной кладки, частично покрытыми нанесенным песком. Вокруг разбросано лишь немного рыхлых камней, песок заполнил все мелкие неровности.

Из плана, Pl. VII, видно, что деревня была построена близко к краю плато, в некоторой степени повторяя неровности его контура. Однако руины плато в этом месте не очень высоки, более крутая часть имеет высоту 20 или 30 футов. Вблизи северной оконечности деревни земля очень круто наклоняется к востоку и довольно густо покрыта мелкими камнями разрушенных каменных построек, хотя от комнат остались лишь слабые следы. На плане руины довольно удлиненные, следуя направлению мезы. Дома были расположены довольно нерегулярно, особенно в северной части руин. Но здесь признаки слишком неясны, чтобы определить, были ли дома первоначально построены вокруг одного длинного двора или вокруг двух или более меньших. Однако на южной оконечности пуэбло все еще виден четко очерченный двор, окруженный со всех сторон хорошо различимыми комнатами. На крайней южной оконечности руин дома имеют очень нерегулярные очертания, что является результатом их адаптации к рельефу местности, как можно видеть на иллюстрации.



Полный размер

ТАБЛИЦА VII. РУИНЫ ДОМА ХОРНА, ПЛАН.

На плане показано расположение небольшой группы тополей, расположенных чуть ниже края мезы и почти напротив центра деревни . Эти деревья указывают на близость воды и отмечают вероятное местоположение источника, который обеспечивал эту деревню по крайней мере частью ее водоснабжения.

На этом месте найдено много фрагментов керамики, но их количество не так велико, как в Аватуби.

В этих руинах были обнаружены две частично раскопанные комнаты, работа некоторых ранних посетителей, которые надеялись обнаружить этнологические или другие сокровища.

Они не дали никакой особой информации, так как характер обнаженной кладки ничем не отличался от того, что можно было увидеть в других руинах Тусаяна. В этих руинах не было обнаружено никаких следов глинобитных построек или признаков иностранного влияния.

НЕБОЛЬШИЕ РАЗРУШЕНИЯ МЕЖДУ ХОРН-ХАУС И БАТ-ХАУС.

На продолжении плато, занимаемого Хорн-Хаусом, на полпути между ним и другим разрушенным пуэбло, известным как Бэт-Хаус, находятся остатки небольшой и компактной группы домов (рис. 3). Она расположена на самом краю плато, здесь высотой около 40 футов, у входа в небольшой каньон, который выходит в долину Джедито, расположенную в четверти мили ниже.

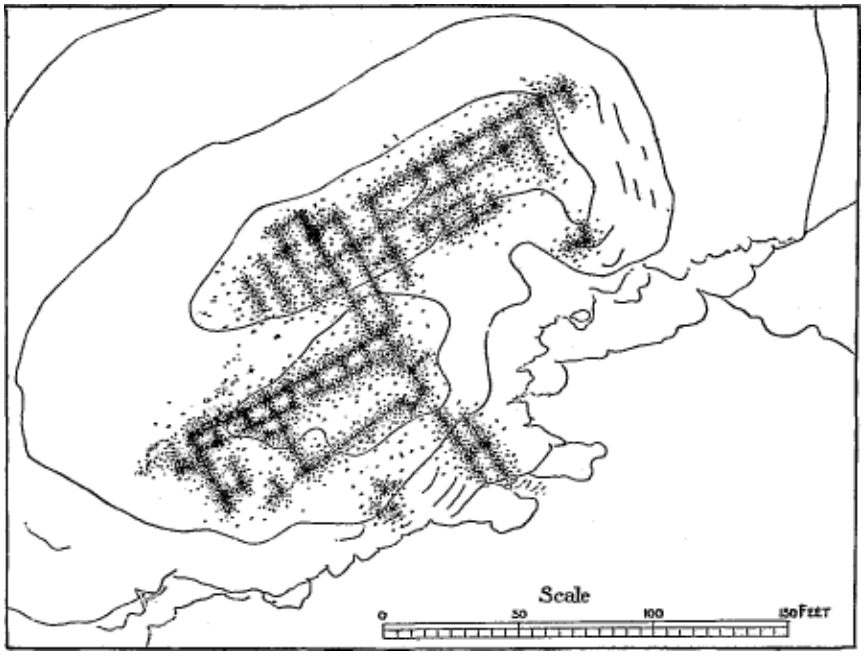


Рис. 3. Руины между Домом Летучей мыши и Домом Рога.

С этого места открывается обширный вид на юг, на большую часть долины Джедито. Топография этого места, куда стекают воды со значительной части вершины мезы, особенно подходит для создания водохранилища. Этот факт, вероятно, имел большое значение при выборе этого места для жилища. Каменная кладка находится примерно в таком же состоянии, как и в Хорн-Хаусе, и некоторые камни из обрушенных стен, по-видимому, были смыты с края мезы на осыпь внизу.

БАТ-ХАУС.

Дом летучих мышей — это руины почти такого же размера, как и дом Хорна, хотя по своему расположению он не так тесно примыкает к краю мезы, как последний, и не так удлинен по своей общей форме. Северная часть довольно нерегулярна, и комнаты, по-видимому, были несколько переполнены. Южная половина, где, как показано на плане, Pl. VIII, можно проследить лишь отдельные комнаты, все еще показывает, что комнаты были распределены вокруг большого открытого двора.

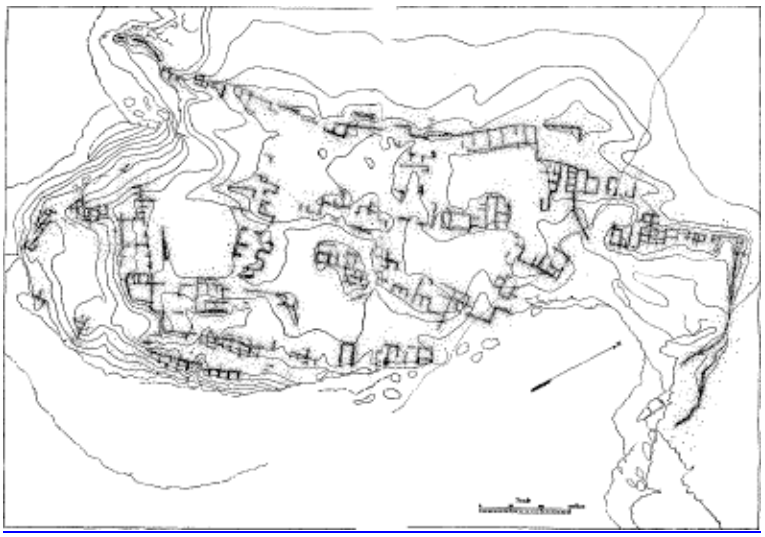
ТАБЛИЦА VIII. ДОМ ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ.

Дом летучих мышей расположен на северо-западной стороне долины Джедито, на части той же мезы, что и две вышеописанные руины. Он занимает вершину выступающего отрога, с которого открывается вид на главную долину протяженностью более 5 миль. Руины находятся на крайнем краю утеса, высота которого здесь составляет около 200 футов, а под ним на востоке и юге расположены большие площади пахотных земель. В целом это отличное оборонительное место, удобное с точки зрения Тусаяна для доступа к полям и воде.

Эти руины, расположенные вблизи их северо-восточной оконечности, имеют особенность, совершенно чуждую архитектуре Тусаяна, а именно оборонительную стену. Это единственный случай использования Хопитухом ограждающей стены, хотя она встречается еще раз в Паюпки (Pl. XIII), которая, однако, была построена людьми из страны Рио-Гранде.

МИШИПТОНГА.

Мишиптонга — это тусаянское название самых южных и, безусловно, самых больших руин из серии Джедито (табл. IX). Они находятся довольно близко к источнику Джедито, который дал название долине, вдоль северной и западной границ которой распределены описанные выше руины, начиная с дома Хорна.



Полный размер

ТАБЛ. IX. МИШИПТОНГА (ДЖЕДИТО).

Эта деревня имеет более нерегулярную планировку, чем другие деревни этой серии. Есть признаки наличия нескольких дворов, окруженных большими и маленькими группами комнат, расположенных очень нерегулярно, но с общей тенденцией к северо-востоку, примерно параллельно краю мезы. По плану эта деревня в некоторой степени напоминает обитаемые деревни Тусаяна. На крайней южной оконечности мыса меса находится небольшая второстепенная терраса, расположенная на 20 футов ниже места расположения основной деревни. Эта терраса также была заселена несколькими домами. С восточной стороны пуэбло было построено на самом краю утеса, где до сих пор стоят небольшие фрагменты каменной кладки. Вся деревня выглядит настолько нерегулярной и переполненной, что это указывает на длительный период заселения и роста, гораздо более длительный, чем в других деревнях этой группы (Джедито).

Пуэбло, возможно, было заброшено или разрушено до прихода испанцев в эту страну, как утверждают индейцы, поскольку в устной истории Тусаяна последних трех веков, в которой так много внимания уделяется позднейшим междоусобицам и войнам, о нем не упоминается. Пуэбло, несомненно, было построено некоторыми из древних племен тусаянского рода, поскольку его план, характер выбранного места и, там, где это можно проследить, качество исполнения связывают его с другими деревнями группы Джедито.

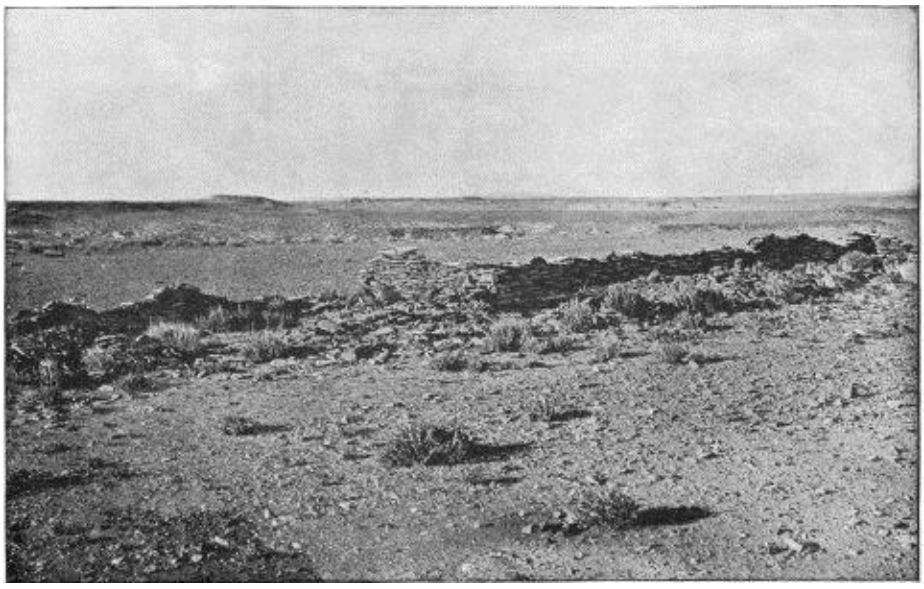


ТАБЛИЦА X. НЕБОЛЬШИЕ РУИНЫ ВОЗЛЕ МОЭН-КОПИ.

РУИНЫ МОЕН-КОПИ.

Очень небольшая группа комнат, даже меньшая, чем соседнее фермерское пуэбло Моэн-копи, расположена на западном краю вершины мезы, примерно в четверти мили к северу от современной деревни Моэн-копи. Как показано на плане (рис. 4), комнаты были распределены в три ряда вокруг небольшого двора. Эти руины также следуют общей северо-восточной тенденции, которая была замечена как в разрушенных, так и в заселенных пуэбло Тусаяна. Ряды здесь были глубиной всего в одну комнату и не более одного этажа в любой точке, о чем свидетельствует очень небольшое количество обломков. Как показано на иллюстрации, почти весь план четко обозначен фрагментами стоящих стен. Стены построены из тонких плит темного песчаника, покрывающего мезу. Там, где стены обрушились, обломки сравнительно свободны от земли , что указывает на то, что саман использовался скупо. Стены, местами достигающие высоты 2-3 футов, как видно на иллюстрации, Pl. X, демонстрируют необычайную точность исполнения и отделки, напоминая в этом отношении некоторые древние пуэбло, расположенные дальше на север. В некоторой степени это объясняется исключительной пригодностью плоских камней вершины мезы. Почти полное отсутствие фрагментов керамики и других предметов искусства, которые так часто сопровождают руины во всем этом регионе, явно указывает на то, что это место было заселено в течение очень короткого времени. В главе III будет показано, что аналогичный порядок заселения имел место в Охо-Калиенте, одной из фермерских деревень зуни. Эти руины, вероятно, имеют довольно недавнее происхождение, как и нынешняя деревня Моен-копи, хотя, возможно, они принадлежали более ранней колонии, о которой у нас нет четких сведений. Эта плодородная и хорошо орошаемая долина, настоящий сад в пустынях Тусаяна, должна была быть одним из первых заселенных мест. Некоторые небольшие жилища в скалах, одиночные комнаты в нишах соседней стены каньона, свидетельствуют о более раннем использовании долины в сельскохозяйственных целях, хотя сомнительно, что эти примитивные укрытия датируются до испанского вторжения в провинцию.

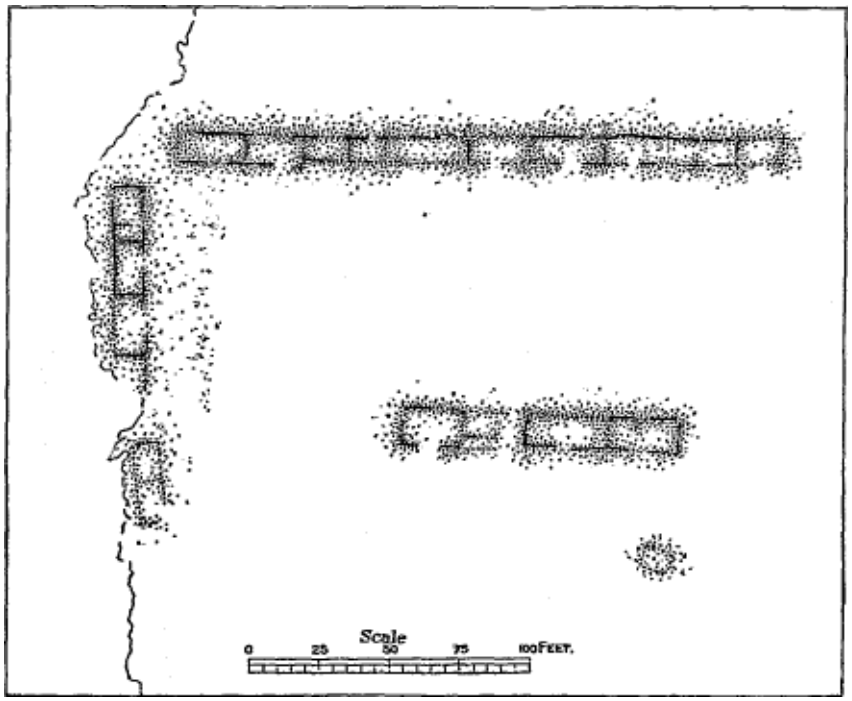


РИС. 4. Руины возле Моен-копи, план.

Тщательное изучение многих благоприятных мест в этой местности, вероятно, выявило бы засыпанные песком остатки какого-то более важного поселения, чем любое из известных в настоящее время.

РУИНЫ НА ОРАИБИ-ВАШ.

Дорога для повозок от каньона Кимс до города Туба пересекает Орайби-Уош в точке, расположенной примерно в 7 милях выше деревни Орайби. При входе в ответвление каньона на западной стороне Уоша она окружена со всех сторон скалистыми мезами и обрывистыми уступами. С левой, или западной, стороны выделяется довольно заметный элемент ландшафта — крутой мыс, простирающийся на юг. Вся плоская вершина мезы и большая часть склона скалистого холма, возвышающегося над ней, покрыты остатками небольшого пуэбло, как показано на плане, рис. 5. Весь этот холм, за исключением его восточной стороны, слегка покрыт разбросанными обломками. На западной и северной сторонах по склону распределено много крупных массивов обломочных пород. Снизу не видно ни одной стоящей стены, но при ближайшем рассмотрении можно увидеть несколько интересных образцов каменной кладки. На северной стороне, ближе к западному краю, находится фрагмент изогнутой стены, которая следует по краю скалы, на которой она построена. Ее длина составляет около 8 или 10 футов, а высота с внешней стороны — 3 фута. Изгиб выполнен аккуратно, а качество кладки хорошее. Дальше на восток, все еще на северной стороне, находится фрагмент кладки с обратным изгибом. Этот участок стены перекрывает пространство между двумя соседними скалами, а верхняя часть стены находится на высоте более 10 футов над скалой, на которой она стоит. Форма этой стены и ее отношение к окружающей среде указаны на плане, рис. 5. На южной стороне руин на поверхности мезы, рядом с обнаженной скалой, находятся остатки того, что, по-видимому, было круглой комнатой, возможно, диаметром 8 или 10 футов, хотя она слишком разрушена, чтобы определить это точно. Точно можно проследить только небольшую часть южной стены. На южном склоне плато есть следы стен, но они слишком нечеткие, чтобы определить их направление. Подобные следы каменной кладки обнаружены на севере и западе, но они не простираются так далеко от холма, как на юге.

Рис. 5. Руины в 7 милях к северу от Орайби.

В той части руин, которая находится на вершине холма, стены, насколько их можно проследить, соответствуют форме участка. План зданий, которые когда-то занимали склоны, проследить невозможно, и невозможно определить, были ли их стены построены непрерывно.

Каменная кладка, представленная в нескольких сохранившихся фрагментах стены, необычайно хорошего качества, чем-то напоминающая кладку пожарной части (рис. 7) и других руин того же типа. Камни среднего размера, необработанные, более грубые и менее плоские, чем обычно, но стена имеет хорошую отделку. Однако камень низкого качества. Большая часть обломков вокруг руин

состоит из мелких каменных фрагментов и песка, относительно мало камней размером, используемым в стенах. Материал, очевидно, был взят из непосредственной близости от руин.

Осколки керамики были довольно многочисленны вокруг этих руин, большинство из них были исключительного качества и принадлежали к более старым типам; особенно много было красной керамики с черными линиями и черно-белой керамики.

С руин открывается довольно обширный вид: с вершины холма можно увидеть долину за Ораиби и примерно 5 миль к северу. Также открывается обширный вид на долину, за которой проходит упомянутая выше дорога для повозок, и на две боковые долины, одну на востоке и другую, гораздо меньшую, на западе. Место было хорошо приспособлено для обороны, что, вероятно, было одной из главных причин его выбора.

КВАИТУКИ.

Руины, известные тусаянам как Кваитуки (рис. 6), также находятся на западной стороне русла Орайби, в 14 милях выше Орайби и примерно в 7 милях выше последних описанных руин. Их общее сходство с последними очень поразительно. По-видимому, строители руководствовались одними и теми же мотивами при выборе места, и их способ его использования очень похож. Главной особенностью скалистого холма в данном случае является живописная группа прямоугольных массивов песчаника, расположенных несколько нерегулярно. На голой вершине большого блочного массива до сих пор сохранились следы комнат, и, вероятно, большинство групп когда-то были покрыты зданиями, образуя заметную группу, похожую на цитадель, посреди деревни. К северу от этого скалистого холма большая площадь, по-видимому, когда-то была окружена зданиями, образуя двор необычных размеров. Вдоль внешней границы пуэбло отдельные фрагменты стен определяют бывшие комнаты, но количество и характер обломков указывают на то, что внутренняя часть была почти полностью окружена зданиями. Остатки каменной кладки простираются на юг немного за пределы основания центральной группы скал, но здесь следы каменной кладки довольно слабые и разбросанные.

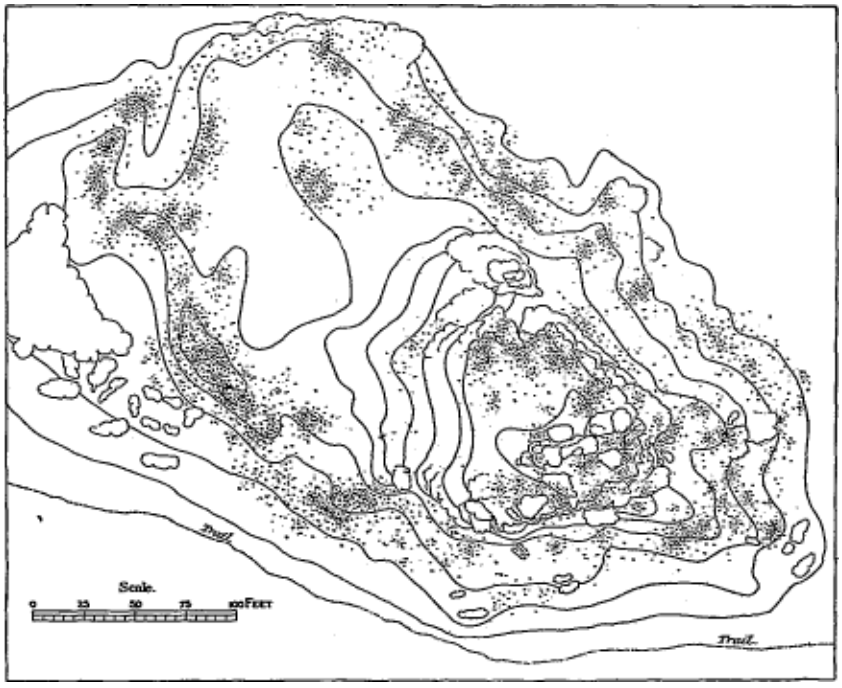


Рис. 6. Руины в 14 милях к северу от Орайби (Кваитуки).

На почти ровных вершинах некоторых скал, образующих центральную группу, имеется множество гладко изношенных углублений или полостей, которые, очевидно, использовались для измельчения и обработки каменных орудий.

Примечательной особенностью этой деревни является пещера или подземная трещина в скалах, которая, очевидно, использовалась жителями. Вход в эту пещеру, частично заваленный и скрытый во время нашего визита, находится в точке A на плане. После уборки мусора у входа и входа в пещеру было обнаружено, что она настолько завалена обломками скал и мелкой пылью, что исследование продвигалось очень медленно; но при искусственном освещении можно было увидеть, что основная трещина в скале простирается на 10 футов от входа, где она становится очень мелкой. Было видно, что первоначальная пещера была усовершенствована строителями пуэбло, так как некоторые из брусьев, которые были помещены внутрь, все еще находились на месте, а низкая каменная стена на южной стороне осталась нетронутой. Некоторые навахо заявили, что они обнаружили эту небольшую пещеру пару лет назад и вынесли из нее большой целый кувшин для воды из древней керамики и некоторые другие экземпляры. Вероятно, это место использовалось древними обитателями просто для хранения.

Осколки керамики отличного качества были очень многочисленны вокруг этих руин, а у подножия центральных скал земля была густо усыпана осколками, часто больших размеров.

Оборонительный характер этого места удивительным образом напоминает руины, расположенные на 7 миль южнее, и, по-видимому, деревни были построены и заселены в одно и то же время.

ТЕБУГКИХУ, ИЛИ ОГНЕННЫЙ ДОМ.

РИС. 7. Овальные руины (Огненный дом), план (Тебугкиху).

Примерно в 15 милях к северо-востоку от каньона Ким и примерно в 25 милях от Уолпи находятся небольшие руины, называемые тусаянцами «Тебугкиху», построенные людьми из рода Огня (ныне вымершего). Как ясно видно из плана (рис. 7), это пуэбло сильно отличается от типичных тусаянских деревень, описанных ранее. Очевидное единство плана и искусное исполнение, в чем-то напоминающее пуэбло Чако, резко контрастируют с нерегулярностью и небрежностью строительства большинства руин Тусаяна. Его удаленность от центра провинции также указывает на внешнюю связь, но, тем не менее, традиции Тусаяна, несомненно, связывают это место с некоторыми родами предков, как показано в главе I.

Небольшая и компактная группа комнат находится в замечательном состоянии сохранности, особенно внешняя стена. Эта стена была тщательно и массивно построена и возвышается на несколько футов по всей окружности руин, за исключением края утеса, как показано на плане ( ).

Эта внешняя стена содержит самые большие камни, которые когда-либо находили в каменной кладке пуэбло. Фрагмент этой кладки показан на илл. XI. Самый большой показанный камень имеет длину около 5 футов, а соседний справа — около 4 футов. Эти размеры весьма примечательны для каменной кладки пуэбло, которая отличается использованием очень мелких камней.

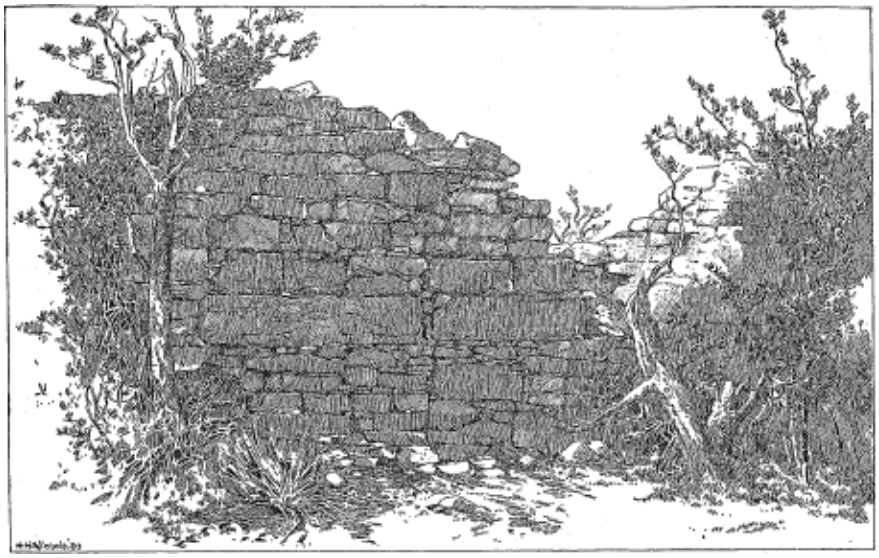


ТАБЛИЦА XI. КЛАДКА НА ВНЕШНЕЙ СТЕНЕ ПОЖАРНОЙ ЧАСТИ, ДЕТАЛЬ.

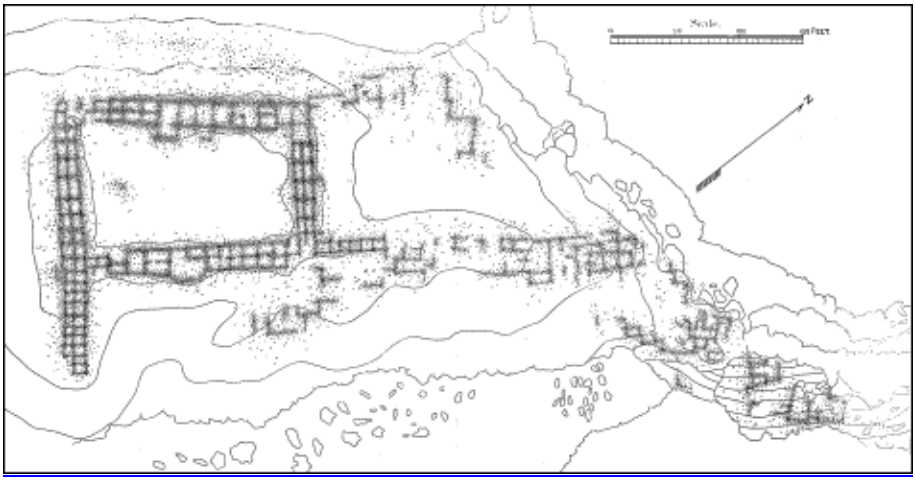
Хорошо очерченная внешняя стена этого комплекса невооруженным глазом кажется эллиптической, но на плане видно, что эллипс несколько заострен на стороне, наиболее удаленной от утеса. Как и в других случаях древних пуэбло с изогнутыми очертаниями, внешняя стена, по-видимому, была построена первой, а внутренние комнаты, хотя и сохраняли максимально прямоугольную форму, были приспособлены к этой кривой. Такая планировка часто приводила к накоплению отклонений от радиальных линий в некоторых перегородках, и эта нерегулярность была устранена в одной комнате, как в данном случае, в пространстве возле ворот. Насколько это возможно судить по сохранившимся остаткам, внешняя стена имеет однородную конструкцию. Однако в конструкции внутренних стен или перегородок наблюдается много неровностей, а в некоторых комнатах видны неуклюжие попытки приспособить их к изгибу внешней стены.

Руины расположены на самом краю небольшого каньона, в котором, вероятно, находился источник у подножия утеса, непосредственно под руинами, так как растительность там имеет необычный свежий вид, что указывает на близость воды к поверхности. Крутая тропа, очевидно, соединяла деревню с дном каньона. Некоторые скалы края плато были отмечены многочисленными чашеобразными углублениями, похожими на те, что были замечены в Кваитуки, и использовались для полировки и формирования каменных орудий труда. Тип пуэбло, изображенный здесь, принадлежал народу, который в значительной степени полагался на архитектуру для защиты, отличаясь в этом отношении от духа архитектуры Тусаяна в целом, где главной опорой был недоступный характер места.

ЧУКУБИ.

Руины, называемые тусаянцами Чукуби (табл. XII), расположены на Средней Месе, примерно в 3 милях к северо-востоку от Машонгнави. Они занимают мыс над той же широкой песчаниковой

грядой, которая образует столь заметную особенность местности в окрестностях Машонгнави и Шупаулови ( ) и поддерживает холмы, на которых построены эти деревни.



полный размер

ТАБЛИЦА XII. ЧУКУБИ, ПЛАН.

На этом месте сейчас осталось немного каменной кладки, но кое-где фрагменты помогают определить общий план пуэбло. В целом деревня представляла собой большой прямоугольник с линией зданий по центру, разделяющей его на два неравных двора, и выступающим крылом на западной стороне. Как видно на иллюстрации, один конец руин образует четко очерченный прямоугольный двор, состоящий из зданий, в основном состоящих из двух комнат. Здесь, как и в других руинах Тусаяна, расположение вокруг закрытых дворов контрастирует с параллельностью рядов, столь заметной чертой в заселенных деревнях. На восточном конце руин находится несколько любопытных раскопок. Мягкий песчаник был выдолблен на глубину около 10 дюймов, в продолжение контуров соседних комнат. Такие раскопки для получения ровных полов довольно необычны среди строителей пуэбло; они практиковались в очень небольшом объеме и только там, где это можно было сделать без особых затруднений. Любые серьезные неровности поверхности обычно учитывались при строительстве, как можно заметить в Валпи (табл. XXIII). Следы каменной кладки, указывающие на отдельно стоящие комнаты, были замечены в каждом из дворов главного прямоугольника.

На склоне холма, чуть выше широкой выступы, описанной ранее, находится прекрасный родник, но никаких следов тропы, соединяющей его с пуэбло, обнаружить не удалось.

Эта деревня была выгодно расположена для обороны, но не в такой же степени, как Паюпки, изображенная на илл. XIII.

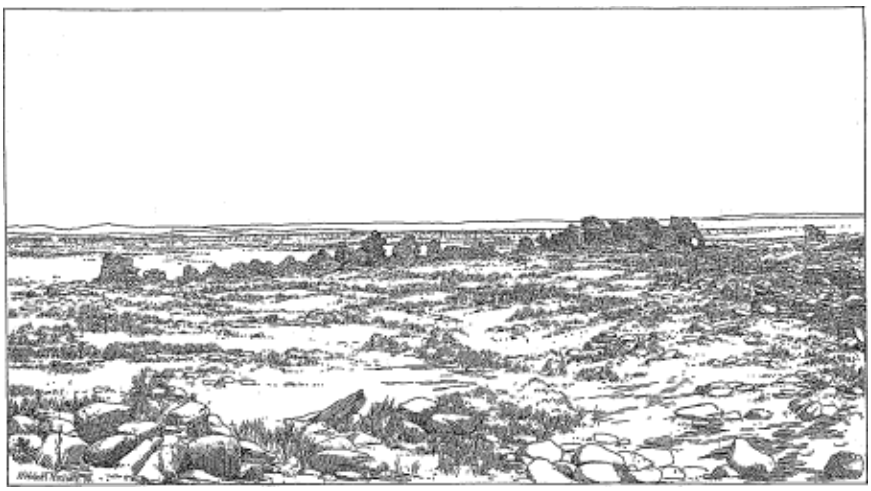
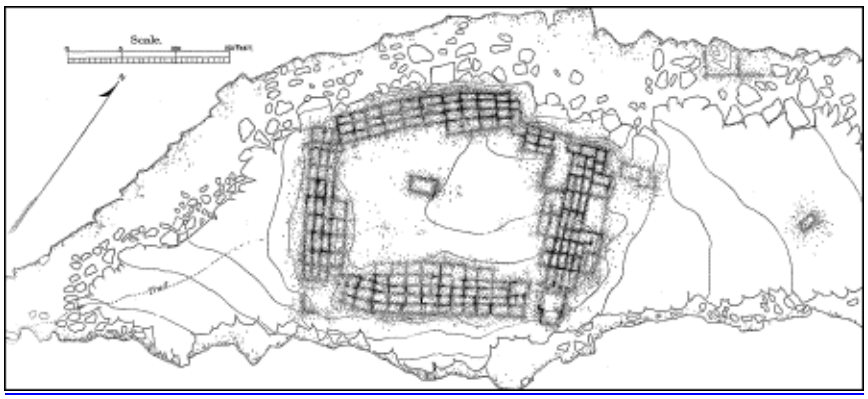


ТАБЛИЦА XIV. ОБЩИЙ ВИД ПАЮПКИ.

ПАЮПКИ.

Руины под названием Паюпки (планша XIII) занимают вершину крутого мыса к югу от тропы, ведущей из Уолпи в Орайби, и примерно в 6 милях к северо-западу от Машонгнави. Внешний край этого мыса отделен от мезы глубокой выемкой. На вершину можно подняться с плато через перешеек, так как внешняя точка очень крутая, а большая часть песчаникового уступа вертикальна. Уступ, расположенный на 12–15 футов ниже вершины и местами довольно широкий, окружает мыс. Этот уступ также обрывается очень круто.



Полный размер

ТАБЛИЦА XIII. ПАЮПКИ, ПЛАН.

Как видно из плана, деревня имеет довольно симметричную планировку и хорошо приспособлена для обороны. Она расположена на конце плато мыса, а для большей безопасности второй уступ также был укреплен. Вдоль всего внешнего края этого уступа находятся остатки каменной стены, которая в некоторых местах все еще стоит на высоте 1 или 2 фута. По-видимому, первоначально эта стена простиралась по всему уступу с трех сторон деревни. Крутизна утеса на оставшейся стороне делала стену ненужной. На равнине под этим мысом, непосредственно под нависающим утесом, находятся два загона, а также остатки сооружения, напоминающего киву, но, по-видимому, построенного недавно.

В самой деревне (Pl. XIV) находятся две отчетливо различимые кивы. Одна из них, расположенная во дворе, отделена от остальной части и, по-видимому, частично находится под землей. Другая, расположенная в юго-восточной части деревни, также, как и первая, по-видимому, слегка заглублена под поверхностью. В стоящей стене этой кивы есть выступ, который соответствует тому, что обычно

встречается в типичных кивах Тусаяна (см. рис. 22 и 25). На мысе к востоку от деревни находится однокомнатная постройка, длина которой превышает среднюю, с хорошо сформированной дверью в центре одной из стен. Эта постройка по всем признакам является современной остальной части деревни, но ее расположение в этом совершенно изолированном месте является весьма необычным. Еще дальше на восток находится масса обломков, которые, возможно, принадлежали группе из шести или восьми комнат, или, возможно, это остатки временных каменных укрытий для наблюдения за урожаем, построенных позднее, чем пуэбло. Как видно из иллюстрации (табл. XV), стены грубо построены из больших плит песчаника разных размеров. Качество работы несколько лучше, чем в современном Тусаяне, но намного уступает искусному каменному зодчеству руин, расположенных дальше на север. Во многих из этих стен иногда встречаются очень длинные плиты песчаника. Эта особенность, вероятно, обусловлена характером местного материала, который более разнообразен, чем обычно. Весь используемый здесь камень добывается из уступов в непосредственной близости. Обычно он светлого цвета и рыхлой текстуры, легко крошится и подвержен быстрому разрушению, особенно при использовании в грубо построенных стенах.

ТАБЛИЦА XV. СОХРАНИВШИЕСЯ СТЕНЫ ПАЮПКИ.

Большая часть керамики, разбросанной по этим руинам, имеет очень современный вид, а часть из нее имеет характерную поверхность и цвет изделий Рио-Гранде. Здесь также встречается небольшое количество древней керамики, некоторые фрагменты черно-белых изделий имеют сложные узоры. Количество этих черепков довольно невелико, и они в основном встречаются в кучах мусора на краю мезы.

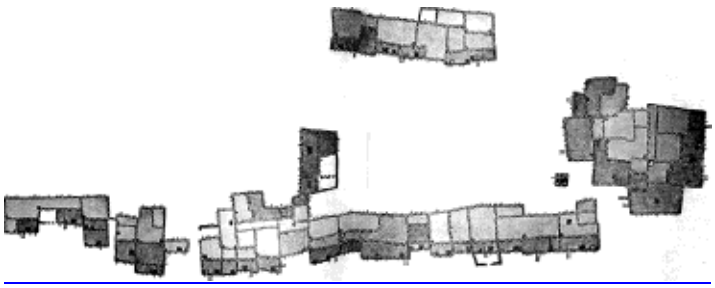
Эти руины сочетают в себе четко определенный оборонительный план с использованием одного из самых труднодоступных мест в окрестностях, что в совокупности создает комбинацию, которая, по-видимому, была неприступна для любых обычных методов ведения войны индейцами.

ПЛАНЫ И ОПИСАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПОСЕЛКОВ.

ТАБЛИЦА XVII. ВИД НА ХАНО.

ХАНО.

Деревня Хано, или Тева, является посторонней и, судя по их собственным традициям, не принадлежит к племени Тусаян. Она имеет несколько свободную планировку (табл. XVI) и простирается почти по всей длине мезы, которая здесь довольно узкая, и в целом нет заметной разницы между планировкой этой деревни и планировкой других деревень. Однако одна часть деревни, обозначенная на плане как дом № 5, несколько отличается от типичной планировки в виде длинных нерегулярных рядов и приближается к пирамидальной форме, встречающейся в более восточных пуэбло, в частности в Таосе и в некоторых частях Зуни. Как уже было сказано, традиция гласит, что это место было занято тева позднее, после испанского завоевания, но некоторые дома, ранее принадлежавшие народу аса, образовали ядро, вокруг которого была построена деревня тева Хано. Пирамидальный дом, занимаемый старым губернатором, как говорят, был построен на руинах более ранних домов.



Полный размер

ТАБЛИЦА XVI. ПЛАН ХАНО (*повернут*).

Самое большое здание в деревне, по-видимому, постепенно достраивалось по мере возникновения необходимости в дополнительном пространстве, в результате чего его планировка стала практически такой же, как и у большинства домов в Тусаяне, а именно: длинный нерегулярный ряд, высота которого нигде не превышает трех этажей. Небольшой участок, обозначенный на плане номером 4, содержит секцию высотой в три этажа, как и длинный ряд, а также упомянутая выше пирамидальная группа зданий. (Табл. XVII.)

Кива насчитывается две: одна расположена внутри деревни, а другая — на краю плато. Насколько можно судить, эти церемониальные помещения очень похожи на аналогичные помещения в других деревнях, как по внешнему, так и по внутреннему устройству.

В последние несколько лет конная тропа, которая обеспечивала доступ к Хано и Сичумови, была преобразована в дорогу для повозок, и в ходе этих работ под надзором американца были проведены значительные взрывные работы. Среди прочих изменений была снесена крайняя кива, которая находилась почти на линии предполагаемых улучшений. Это было сделано несмотря на протесты старейшин и их предсказания о страшных бедствиях, которые обязательно последуют за таким кощунством. Было выбрано новое место поблизости, и новые знания об использовании пороха были использованы для взрыва выемки для этой подземной камеры. Вполне вероятно, что места расположения всех прежних кив были в значительной степени определены случайно, поскольку эти помещения строились в местах, где естественные трещины или открытые пространства на изломанном крае мезы создавали подходящие углубления или полости. Строители не были способны в значительной степени обрабатывать камень, и их работы, вероятно, ограничивались обрезкой таких естественных выемок и частичной облицовкой их каменной кладкой.

Заметна явная нехватка отверстий в крыше, за исключением тех, что находятся на первой террасе. Как правило, первая терраса не имеет внешних отверстий на земле, и вход в нее осуществляется с крыши через большие люки, как показано на планах. Нижние комнаты на этой первой террасе не заселены, а используются в качестве кладовых.

В нескольких местах видны разрушенные стены, остатки заброшенных комнат, которые пришли в упадок. Иногда грубый выступ из стены, похожий на контрфорс, является единственным следом комнаты или группы комнат, все следы на земле были стерты.

Вершина мезы, на которой расположена эта деревня, почти ровная, с очень небольшим количеством земли на поверхности. Тонкий слой почвы и мусора слегка покрывает внутренний двор, но снаружи, вдоль длинного ряда, обнаженная скала видна повсюду. Там, где комнаты были заброшены, а стены обрушились, камни были использованы в более поздних постройках, не оставив никаких следов прежней стены на скалистом участке, так как камни кладки всегда укладывались на поверхность скалы без каких-либо раскопок или подготовки фундамента.

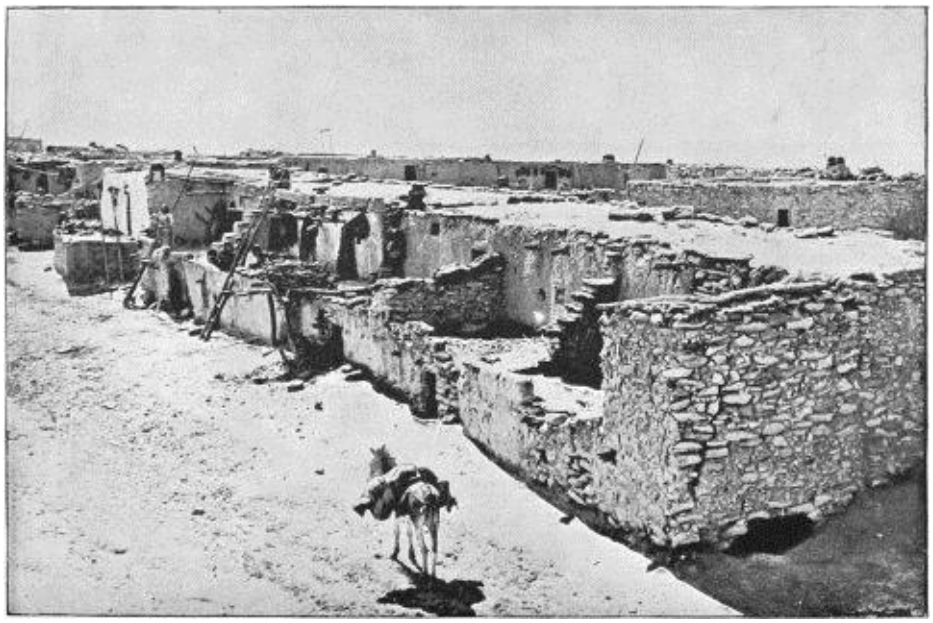
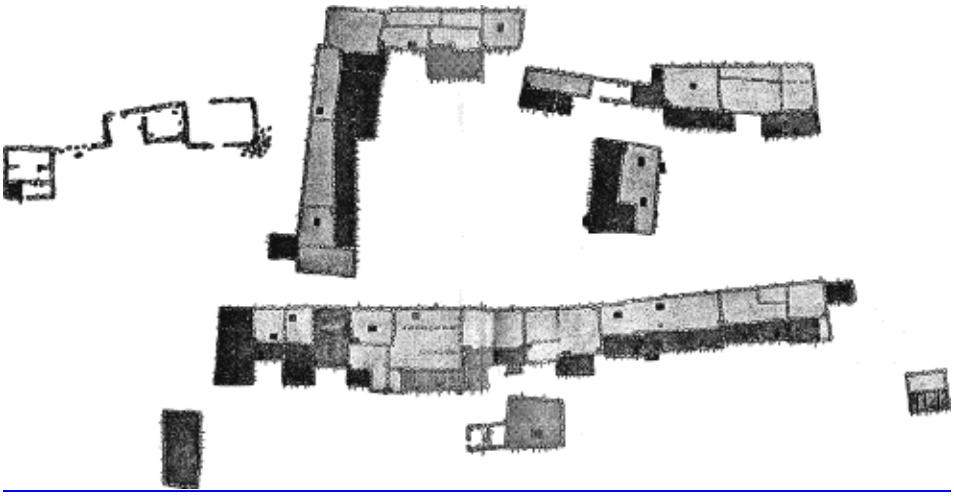


ТАБЛИЦА XIX. ВИД НА СИЧУМОВИ.

СИЧУМОВИ.

Согласно традиционным преданиям, эта деревня была основана позднее, чем Валпи. Однако с момента своего основания она претерпела много изменений.

Главное здание представляет собой длинный неровный ряд, похожий на тот, что в Хано (табл. XVIII). Часть L-образного скопления к западу от этого ряда и небольшой ряд рядом с ним, параллельный главному зданию, образуют грубое приближение к закрытой планировке двора. Однако террасы здесь не всегда находятся со стороны двора, тогда как в древних примерах такая планировка была важной оборонительным элементом, поскольку двор был единственным подходом к верхним террасам. Во всех этих деревнях наблюдается заметная тенденция ориентировать ряды на восток, а не на двор. Мотив такой однородности направления домов, должно быть, был сильным, чтобы противодействовать тенденции придерживаться древней планировки. Две кивы деревни построены рядом, соприкасаясь, вероятно, из-за наличия в этом месте благоприятной трещины или впадины на поверхности мезы.



Полный размер

ТАБЛИЦА XVIII. ПЛАН СИЧУМОВИ.

На южной стороне деревни находятся остатки двух небольших групп комнат, которые, по-видимому, были заброшены давно. Часть комнаты, все еще ограниченная стоящими стенами, использовалась как загон для ослов (табл. XIX).

В этой деревне есть три небольших отдельно стоящих дома, каждый из которых состоит из одной комнаты, что совершенно не соответствует духу строительства пуэбло. В данном случае это, вероятно, связано с тем, что деревня была выбрана в качестве места проживания белых, связанных с агентством или школой. Один из этих однокомнатных домов, расположенный в южной части длинного ряда, строился американцем, который жил в другом таком же доме в середине этого ряда. Третий дом, хотя и был достаточно хорошо сохранился на момент исследования, был заброшен и приходил в упадок. К среднему из этих трех зданий на южной стороне примыкают очертания двух небольших помещений, которые, очевидно, были построены как загоны для ослов и до сих пор используются для этой цели.

Эта деревня, хотя и ограниченная двумя этажами, имеет, как и другие деревни первой мезы, ряд отверстий в крыше или люков на верхнем этаже, что приближается к практике зуни. Эта особенность деревень Тусаян, вероятно, обусловлена общением с более восточными пуэбло, поскольку она, по-видимому, встречается главным образом среди тех, кто наиболее часто общается с ними. Ее наличие, вероятно, является результатом простого заимствования удобной особенности у тех, кто изобрел ее для удовлетворения необходимости. Условия, в которых строились дома, вряд ли могли стимулировать тусаян к изобретению такого устройства. Одинаковая высота крыш второго

этажа, наблюдаемая в этой деревне, образующая почти непрерывный уровень, является довольно исключительной особенностью архитектуры пуэбло. На всей длине главного ряда имеется только одно углубление.

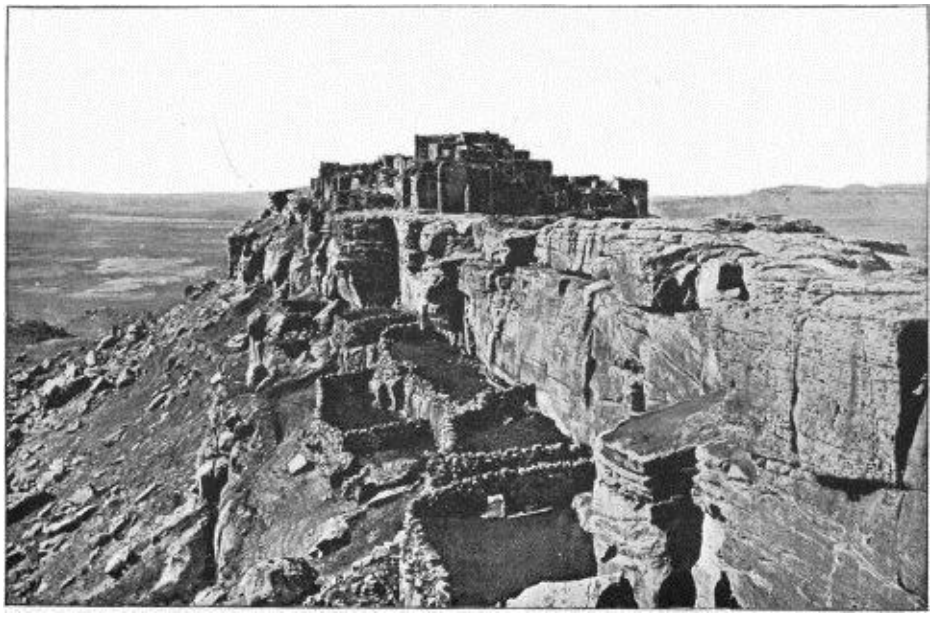
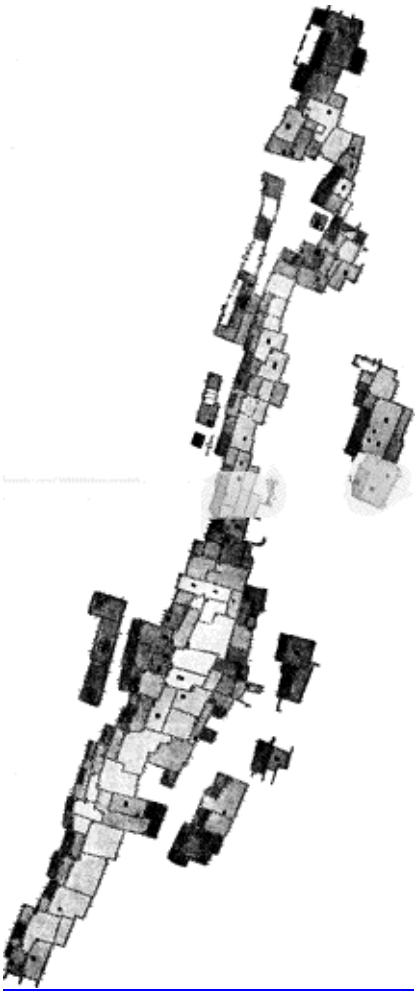


ТАБЛИЦА XXI. ВИД НА ВАЛПИ.

ВАЛПИ.

Из всех пуэбло, заселенных или разрушенных, в провинциях Тусаян и Сибола, Валпи демонстрирует наибольшее отклонение от типичной планировки пуэбло (табл. XX).

Характерная для архитектуры Тусаяна небрежность, кажется, достигла здесь своего апогея. Беспорядочная планировка комнат, в основном обусловленная неровностями местности, контрастирует с работами в некоторых других деревнях и не идет ни в какое сравнение с большинством древних сооружений. Комнаты, кажется, были сгруппированы вместе с очень небольшим учетом симметрии, а прямые углы являются большой редкостью. (См. рис. 8.)



полный размер

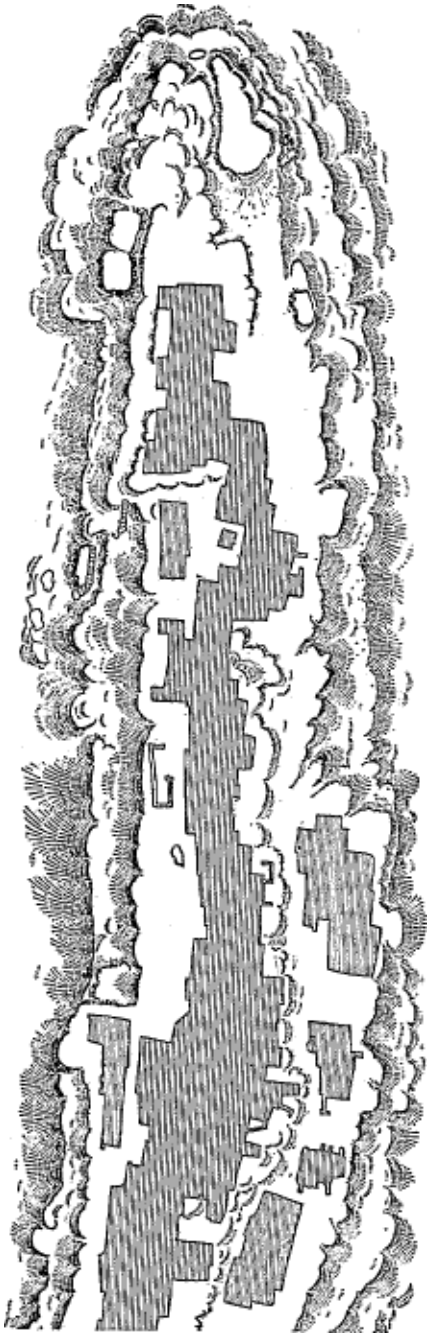


Рис. 8. Топография места расположения Валпи.

Таблица XX. План Уолпи.

Общий план современной деревни подтверждает традиционные рассказы о ее основании. Согласно этим рассказам, ее рост был постепенным, начиная с нескольких небольших групп, к которым время от времени присоединялись жители нижней части мезы, где была основана миссия, которые переселялись на вершину и присоединялись к первопоселенцам. Вероятно, что некоторые небольшие комнаты или группы были построены на этом заметном мысе вскоре после первого заселения этой области, благодаря его исключительно благоприятному положению, позволяющему обзор полей (план XXII).

Хотя своеобразная конфигурация места, на котором была построена деревня, привела к необычной нерегулярности планировки, даже здесь можно найти несовершенный пример типичного закрытого двора, в одной точке которого находится главная кива или церемониальная комната деревни.

Вероятно, что случайное наличие подходящего углубления или впадины на вершине мезы определило расположение этой кивы на раннем этапе, и что первые здания были сгруппированы вокруг этой точки.

Уникальной особенностью этой кивы является ее соединение со второй подземной камерой, в которую можно попасть из кивы через обычный дверной проем. Впадина, использованная для кивы, должна была быть либо больше, чем было необходимо, либо такой формы, что ее нельзя было превратить в одну прямоугольную камеру. Невозможно было установить форму этой второй комнаты, так как автору не разрешили подойти к соединительному дверному проему, который был закрыт плитой из тополя. Эта камера, использовавшаяся для хранения религиозных предметов, как утверждается, соединялась с верхней комнатой в группе жилых домов поблизости, но во время нашего визита это не удалось проверить. План показывает, что такая примыкающая камера, если она среднего размера, могла бы легко простираться частично под жилищами на западной или южной стороне двора. Вершина скалистой мезы в этой местности довольно неровная, с довольно крутым подъемом к проходу на юге, как показано на илл. XXII. К юго-востоку от кивы находится большая масса скал, выступающих над общим уровнем, которая была включена в группу жилых комнат. Ее характер и отношение к архитектуре можно увидеть на илл. XXIII. На столь неровном участке вряд ли можно было бы что-либо построить, пока не была бы занята большая часть доступной ровной поверхности, поскольку даже в каменной кладке, гораздо более развитой, чем та, что можно найти в Тусаяне, строители, неспособные преодолеть такие препятствия, как большая масса выступающих скал, приспособили свои здания к таким неровностям. Это очень заметно в центральной группе пещеры Мамми (в Каньон-дель-Муэрто, Аризона), где большая масса песчаника, упавшая с крыши скальной ниши, в которой были построены дома, была включена в группу домов. Между этой и другой кивой на севере вершина мезы почти ровная. Последняя кива — — также подземная и была построена в случайном разломе песчаника. На самом краю этого разлома стоит любопытная изолированная скала, которая уцелела от общей эрозии мезы. Именно возле этой скалы проходит знаменитый Танец змеи, хотя кива, из которой танцоры выходят для проведения церемонии под открытым небом, не примыкает к этому памятнику (Pl. XXIV).

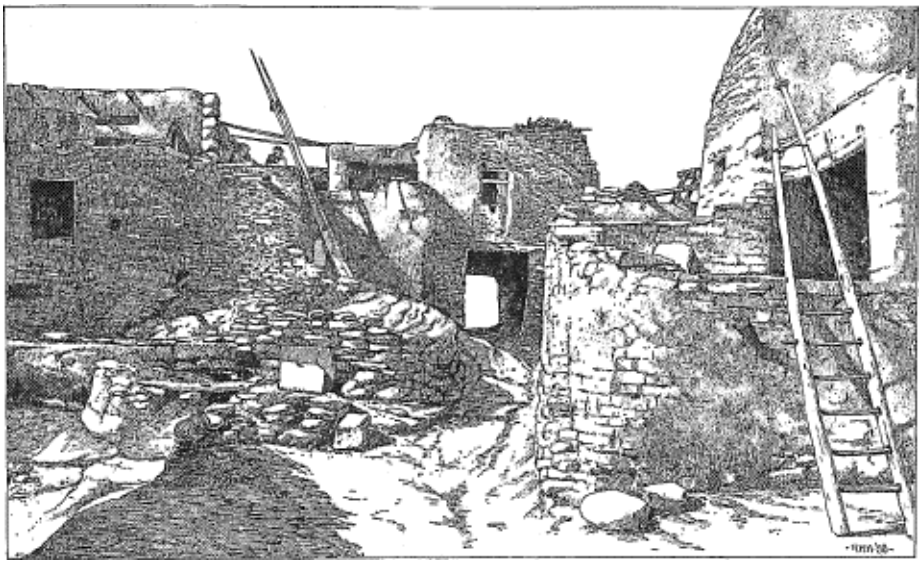


Табл. XXII. Южный проход Валпи.

Немного дальше к северу находится группа из трех кива. Они расположены на самом краю мезы и построены в углублениях в верхней части песчаника такого размера, что их можно было удобно обнести стенами снаружи, причем внешняя поверхность грубых стен продолжает отвесную скалу мезы.

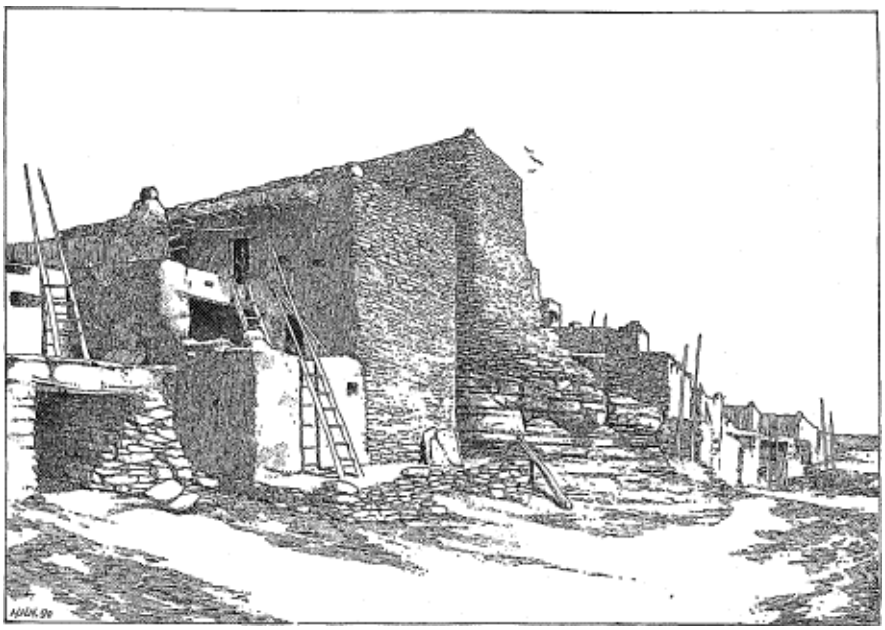


ТАБЛИЦА XXIII. ДОМА, ПОСТРОЕННЫЕ НА НЕРОВНЫХ УЧАСТКАХ, ВАЛПИ.

Расположение всех этих церемониальных камер, по-видимому, соответствует исключительно неровным и изломанным участкам вершины мезы, что показывает, что их расположение по отношению к жилым кварталам было в значительной степени случайным и не имело того значения, которое имеет расположение во многих древних пуэбло, построенных на ровных и незастроенных участках, где расположение не зависело от характера поверхности.

ТАБЛИЦА XXIV. ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ КАМЕНЬ И КИВА, ВАЛПИ.

Мыс Уолпи настолько крутой и труднодоступный, что нет тропы, по которой можно было бы привести лошадей в деревню, не проходя через Хано и Сичумови, не пересекая всю длину языка мезы и не переходя через неровный разлом или впадину на вершине мезы рядом с деревней. К деревне ведут несколько пешеходных троп, частично проходящих по почти отвесным скалам. Все они потребовали искусственного усовершенствования, чтобы сделать их проходимыми. На фотографии на таблице XXV изображена одна из этих троп, часть которой ведет вверх между огромной отдельной плитой песчаника и поверхностью плато. Видно, что тропа в этом месте в

значительной степени состоит из встроенных каменных ступеней. На вершине лестницы, где тропа к вершине мезы поворачивает направо, твердый песчаник был выдолблен так, чтобы образовать серию углублений для ног, или ступенек, без каких-либо выступов или опоры по бокам. На западной стороне плато есть несколько троп, ведущих вниз как от Валпи, так и от Сичумови к источнику внизу, которые столь же круты, как и показанная на рисунке. Вся вода, используемая в этих деревнях, за исключением той, которая собирается во время дождей в водосборных карманах на вершине плато, с трудом доставляется по этим тропам в больших глиняных кувшинах, которые женщины носят на спине.

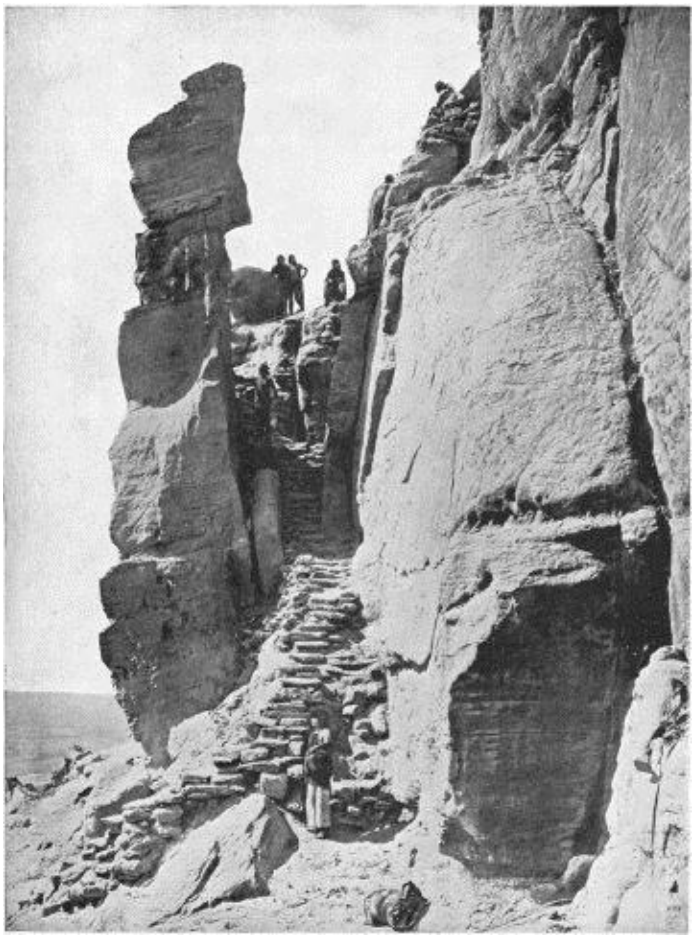


ТАБЛИЦА XXV. ПЕШЕХОДНАЯ ТРОПА К УОЛПИ.

Всевозможные припасы, продовольствие, урожай, топливо и т. д. доставляются по этим крутым тропам, часто с расстояния в несколько миль, но эти консервативные люди упорно держатся за неудобное положение, выбранное их отцами, хотя необходимость в этом давно отпала. В настоящее время никакие аргументы удобства или комфорта не кажутся достаточными, чтобы побудить их покинуть свои дома на скалистых высотах и построить жилища рядом с источниками воды и полями, от которых зависит их существование.

Одна из троп, упомянутых в описании Хано, была преобразована в дорогу для повозок, как уже было описано. Индейцы предпочли затратить огромное количество труда, необходимое для преобразования этой конной тропы в дорогу для повозок, чтобы немного преодолеть неудобства, связанные с транспортировкой всего необходимого на плато на своих спинах или с помощью ослов. Эта уступка современным идеям в лучшем случае является лишь плохой заменой удобствам домов, построенных в нижних долинах.

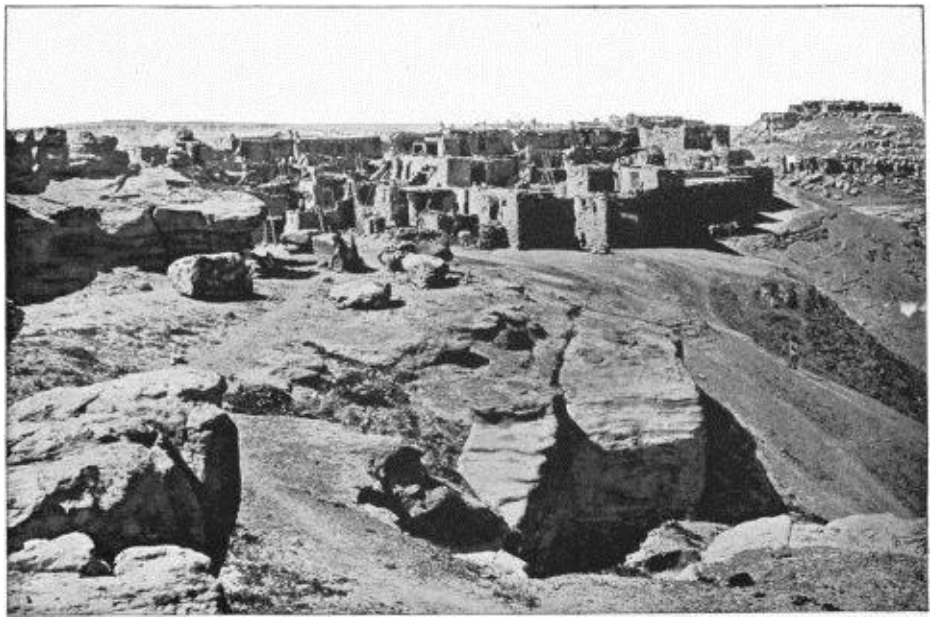
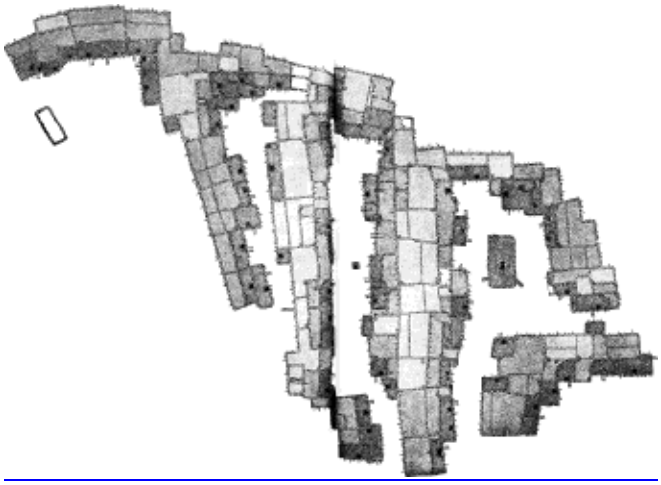


ТАБЛИЦА XXVII. МАШОНГНАВИ С ШУПАУЛОВИ ВДАЛИ.

МАШОНГНАВИ.

Машонгнави, расположенный на вершине скалистого холма, представляет собой компактную, хотя и нерегулярную деревню, и то, как она соответствует общему контуру доступной местности, показано на плане. Удобство доступа к полям на востоке и к другим деревням, вероятно, побудило первых поселенцев заселить восточную часть этого скалистого холма (табл. XXVI).



Полный размер

ТАБЛИЦА XXVI. МАШОНГНАВИ, ПЛАН.

В современном Машонгнави восточная часть деревни образует более четкий двор, чем другие части. Сама по себе завершенность этого восточного конца пуэбло в сочетании с формой прилегающих рядов явно указывает на то, что это была первая построенная часть пуэбло, хотя изучение каменной кладки и конструкции дает лишь неполные данные о относительном возрасте различных частей деревни. Однородный серый оттенок, с лишь небольшими локальными различиями в характере и отделке каменной кладки, придает всей массе жилищ монотонный эффект древности. Здесь и там, с редкими промежутками, видны стены, которые были недавно оштукатурены; но, как правило, каменная кладка 10-летней давности выглядит почти так же старой, как и построенная 200 лет

назад. Еще одна особенность пуэбло ( ), которая указывает на большую древность восточного двора пуэбло, — это наличие и расположение кивы. Старые строители, возможно, в некоторой степени были повлияны при выборе места наличием благоприятного углубления для строительства кивы, хотя этот конкретный пример церемониального помещения является лишь частично подземным. Другие кивы находятся почти или полностью под уровнем земли. Хотя благоприятная впадина могла легко образоваться на вершине холма, глубокая полость, подходящая для строительства подземной кивы, вряд ли могла образоваться на таком расстоянии от края песчаникового уступа. Строители, очевидно, предпочли применить такие полумеры при строительстве своей первой кивы, чтобы обеспечить ее изоляцию внутри двора, тем самым соответствуя типичной планировке пуэбло. Многочисленные исключения из этой планировки, наблюдаемые в Тусаяне, обусловлены местными причинами.

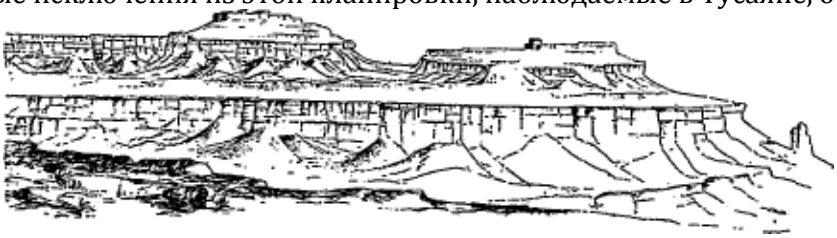


Рис. 9. Машонгнави и Шупаулови из Шумопави. Общий вид Машонгнави, представленный на табл. XXVII, показывает, что местоположение этого пуэбло, как и его соседа, Шупаулови, не было особенно удобным для обороны, и что этот факт имел большое значение для обеспечения приверженности в первой части пуэбло, построенной в виде оборонительного закрытого двора, содержащего церемониальную комнату. План явно указывает на то, что другие дворы пуэбло были добавлены по мере роста деревни, каждый добавленный ряд обращен к задней части более старого ряда, образуя серию дворов, которые до настоящего времени имеют более выраженные террасы на западной стороне. Восточная сторона каждого двора, по-видимому, образована несколькими пристройками из низких комнат к тому, что изначально было непрерывной внешней стеной, которая до сих пор четко прослеживается через эти добавленные комнаты. Такая внешняя стена изображена на илл. XVIII. Этот процесс продолжался до тех пор, пока последний кластер почти не заполнил доступную площадь, и было построено крыло, соответствующее языку или отростку холма, на котором оно было построено. Естественно, что в самых западных или более новых частях более четко видны следы пристроек и изменений, но такие следы не полностью отсутствуют и в более старых частях. Большой ряд, ограничивающий первоначальный восточный двор с западной стороны, как видно на плане, имеет необычную ширину и наибольшее количество комнат, образующих террасу с западным видом; однако почти прямая линия, когда-то определявшая первоначальную заднюю стену группы, окружающей двор с этой стороны, не была в значительной степени скрыта более поздними пристройками (план XXVIII). Эта деревня является наиболее ярким примером во всей группе того, как пуэбло постепенно расширялось по мере того, как растущее население требовало большего пространства. Такие пристройки часто осуществлялись по четкому плану, хотя результаты в Тусаяне далеко не соответствуют симметрии, которая характерна для многих разрушенных пуэбло в Нью-Мексико и Аризоне.

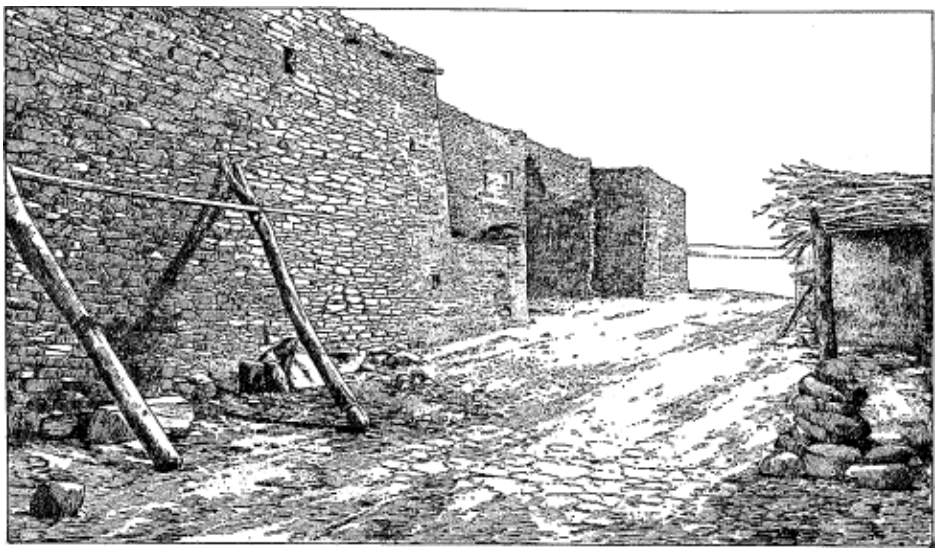
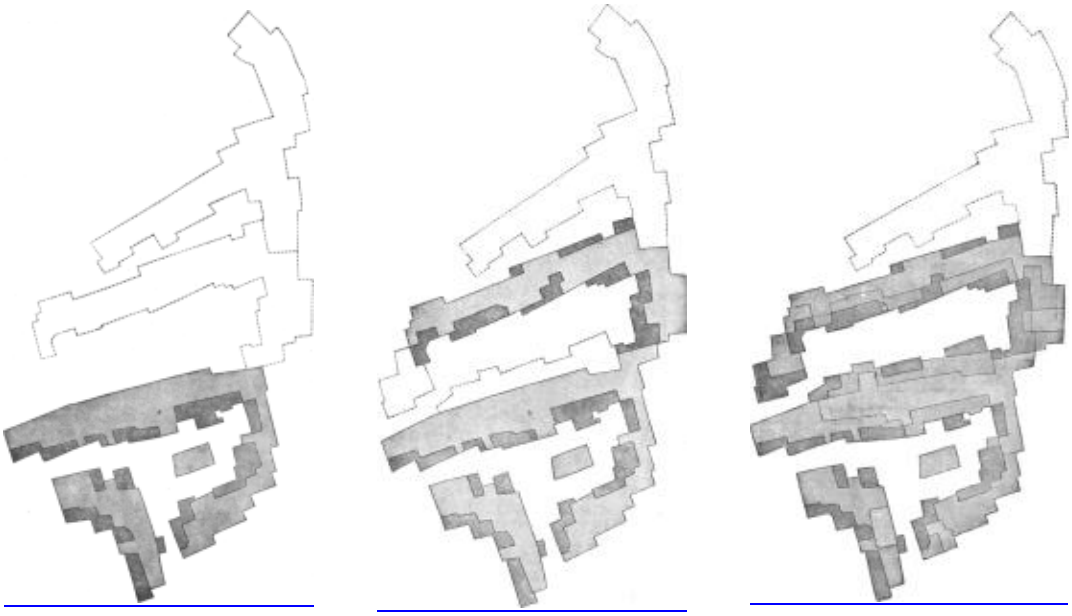


ТАБЛИЦА XXVIII. ЗАДНЯЯ СТЕНА РЯДА ДОМОВ МАШОНГНАВИ.

Некоторые из этих древних примеров, особенно некоторые из меньших руин группы Чако, настолько симметричны в своем расположении, что кажутся результатом единого усилия по реализации четко заранее определенного плана. Однако подавляющее большинство пуэбло, построенных на юго-западных плоскогорьях, если они были заселены в течение длительного времени, должно было подвергаться нерегулярному расширению. В некоторых древних примерах такие дополнения к первоначальному плану, несомненно, осуществлялись без нарушения общей симметрии. Так было в Пуэбло Бонито, в Чако, где симметричная и ровная кривая внешней оборонительных стен, высотой не менее четырех этажей, осталась ненарушенной, в то время как большой закрытый двор был захвачен крыльями, добавленными к внутренним террасам. Эти добавления обеспечили комфортное размещение значительного увеличения населения после первоначального строительства пуэбло, не изменив его внешний вид.

Чтобы более наглядно показать этот порядок роста в Машонгнави, на рис. 10, 11 и 12 добавлена серия схематических диаграмм, дающих обзор пуэбло в различные предполагаемые периоды его расширения. Более крупный план деревни (табл. XXVI) служит ключом к этим схематическим изображениям террас.



полный размер полный размер полный размер

Рис. 10, 11, 12. Диаграммы, показывающие рост Машонгнави.

Первая диаграмма иллюстрирует предполагаемое первоначальное расположение восточного двора (рис. 10), линии которого можно проследить на более крупном плане, и включает в себя длинную, почти прямую линию, обозначающую западную границу третьего этажа. Эта диаграмма также показывает пунктирными линиями общий план, который, возможно, послужил ориентиром для первых пристроек с западной стороны. Вторая диаграмма (рис. 11) отображает весь вышеуказанный материал в полном цвете, снова обозначая дальнейшие пристройки пунктирными линиями и т. д. (рис. 12). Части террасы, обращенные на запад в новых дворах пуэбло, изображенные на табл. XXIX, вероятно, были построены после западного ряда, завершая ограждение, и были достаточно продвинуты, чтобы однозначно обозначить закрытый двор, на который выходили жилые комнаты.

Таблица XXIX. Западная сторона главного ряда в Машонгнави.

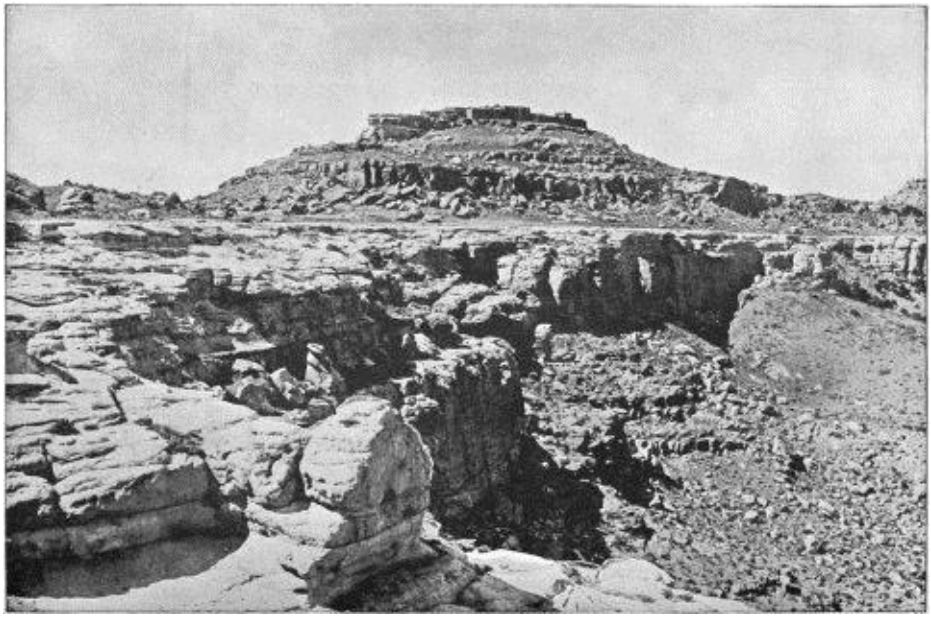
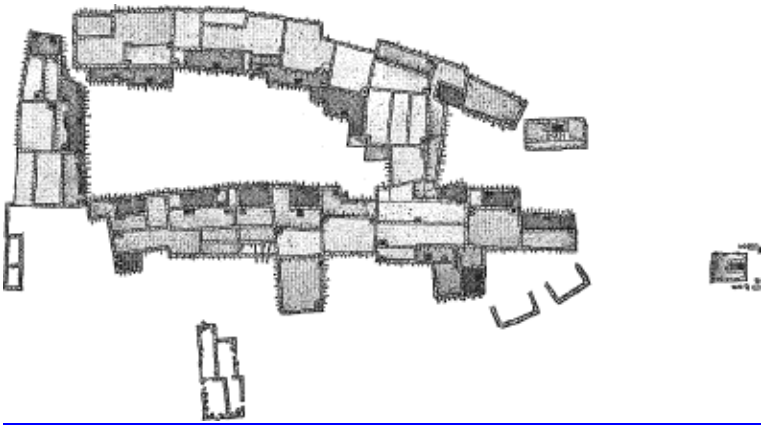


Таблица XXXI. Вид на Шупаулови.

ШУПАУЛОВИ.

Эта деревня, безусловно самая маленькая из группы Тусаян, иллюстрирует простое и прямое использование принципа закрытого двора. План (табл. XXX) показывает, что наружные стены почти не прерываются террасами, и почти все жилые помещения выходят внутрь, в этом отношении в точности следуя ранее описанному древнему типу, хотя и сильно отличаясь от него нерегулярным расположением комнат. (Pl. XXXI) Сравнение с первой из серии диаграмм, иллюстрирующих рост Машонгнави, покажет, насколько похожими могли быть деревни на одном этапе, и насколько подходящим ядром для большого пуэбло могла бы оказаться эта деревня, если бы позволяли пространство и характер места. Большая часть доступной вершины скалистого холма уже застроена, как видно из топографического эскиза места (рис. 13). План также показывает, что были предприняты некоторые попытки расширения пуэбло, но дома за пределами основной группы были заброшены и быстро приходят в упадок. На внешних сторонах рядов имеется несколько небольших комнат, но легко видно, что они не являются частью первоначального плана, а были добавлены к уже готовому сооружению.



Полный размер

ТАБЛИЦА XXX. ПЛАН ШУПАУЛОВИ.

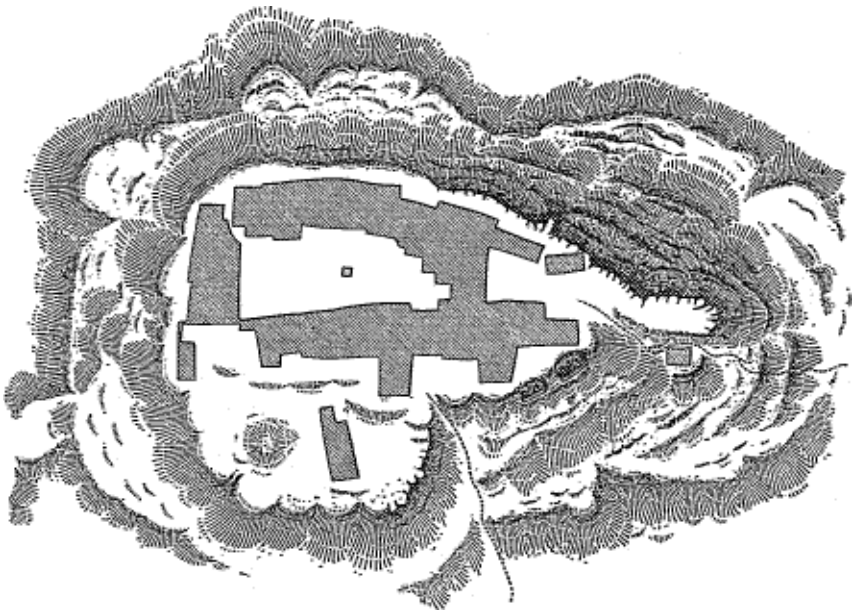


РИС. 13. Топография места расположения Шупаулови.

В закрытом дворе этого пуэбло находится небольшое каменное сооружение в форме ящика, покрытое большой плитой, которое используется как своего рода святилище или хранилище священных перьевых палок и других церемониальных подношений . Эта особенность встречается в некоторых других деревнях, в частности в Машонгнави, в центральном дворе, и в Хано, где она расположена на некотором расстоянии за пределами деревни, недалеко от главной тропы, ведущей к мезе.

План этой небольшой деревни показывает три крытых прохода, похожих на те, что были замечены в Валпи на первой мезе, хотя их наличие здесь не может быть объяснено теми же мотивами, которые побудили Валпи строить таким образом; ведь густонаселенное место, занимаемое последними, вынудило их прибегнуть к этому средству. Один из них изображен на илл. XXXII. Его наличие в данном случае может быть обусловлено стремлением сохранить защищенный двор и одновременно обеспечить удобный доступ к огороженной территории. Примечательно, что именно эта деревня, самая маленькая из группы, имеет такую особенность.

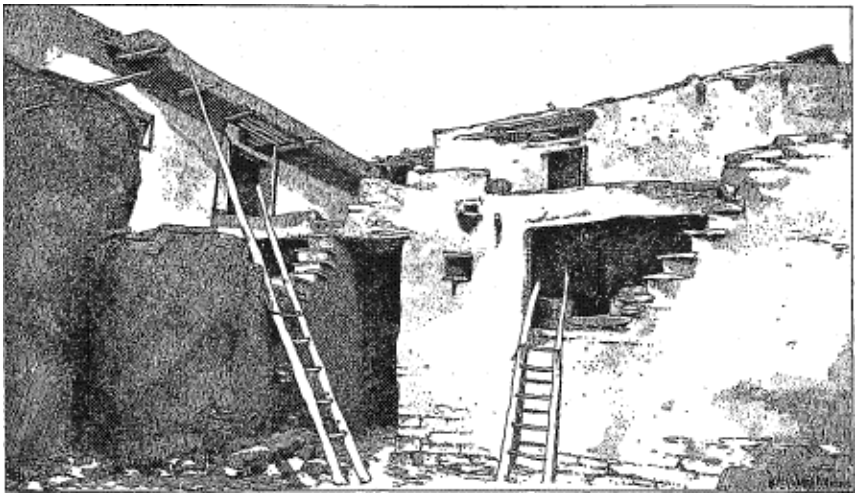


ТАБЛИЦА XXXII. КРЫТЫЙ ПРОХОД В ШУПАУЛОВИ.

В этой деревне есть только две кивы, одна из которых находится на скалистой вершине рядом с домами, а другая — на более низкой местности у подножия тропы, ведущей в деревню. Верхняя кива почти подземная, ее крыша находится чуть выше земли со стороны деревни, но поскольку скалистая местность имеет уклон, часть боковой стены открыта. Она была построена грубо, без попытки придать внешней поверхности законченный вид, будь то тщательной кладкой камня или штукатуркой. На пластинке XXXIII эта кива показана в связи с юго-восточной частью деревни. План показывает, как продолжение боковых рядов деревни создает впечатление второго двора. Его развитие в какую-либо такую особенность, как вторичные или дополнительные дворы Машонгнави, было запрещено ограниченностью площади.

ТАБЛ. XXXIII. ГЛАВНАЯ КИВА ШУПАУЛОВИ.

Как и в других деревнях этой группы, желание придерживаться подземной формы церемониальной комнаты перевесило стремление разместить ее внутри деревни или, в случае второй кивы, даже разместить ее на одном уровне с домами, которые находятся на 30 футов выше нее, с крутым склоном между ними. Любопытно и поучительно видеть комнату, использование которой так тесно связано с внутренней жизнью деревни, расположенную в таком относительно отдаленном и недоступном месте из-за крайне консервативного следования древней традиции, требующей, чтобы эта комната была пониженной.

Общий вид деревни, представленный на илл. XXXI, ярко иллюстрирует слияние прямоугольных форм архитектуры с угловатыми и четко очерченными изломами окружающих скал. Эта тесная соответствие форм архитектуры и ее непосредственного окружения еще более усиливается сходством цветов. Г-н Стивен обратил внимание на аналогичный эффект на западной стороне Уолпи и прилегающем крае мезы, который, по его мнению, свидетельствует о явных усилиях строителей по маскировке, путем слияния архитектуры с окружающей средой. Такое сходство эффектов часто является случайным и обусловлено тем, что материалы, из которых построены дома и мезы, на которых они возведены, идентичны. Даже в случае Уолпи, приведенном г-ном Стивеном, где здания доходят до самого края мезы и своими вертикальными линиями, по-видимому, повторяют эффект вертикальных трещин в верхних слоях песчаника ( ), не было намеренного сокрытия. Более вероятно, что из-за необходимости строительства в непосредственной близости от границ переполненных участков между уступами и углами домов и краем мезы непреднамеренно возникла определенная степень соответствия.

Такое соответствие окружающей среде, которое является яркой чертой многих примитивных типов строительства, где не было намерения скрытия, несомненно, в основном обусловлено использованием наиболее доступных материалов, хотя на выражение типа строительства, которое преобладало в течение веков в одной местности, возможно, в некоторой степени повлияли постоянно повторяющиеся формы в ее окружении. Однако в рассматриваемой системе строительства такое влияние было бы очень незначительной частью в совокупности факторов, определяющих тип, и никогда не могло бы объяснить такие примеры особого и детального соответствия, как приведенные случаи, а также не могло бы иметь какого-либо веса в развитии прямоугольного типа архитектуры.

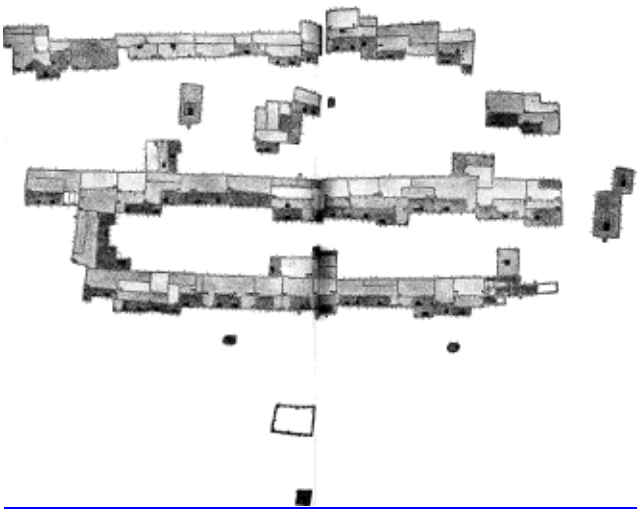
В развитии примитивных искусств прогресс идет медленно и трудоемко, и достигается путем небольших добавлений к существующим знаниям. Такое неопределенное и неясные влияние, как влияние более крупных форм окружающей природы, редко признается и осознается ремесленником;

напротив, эксперименты, приводящие к усовершенствованиям, в основном продиктованы практическими потребностями. Особенно это касается искусства домостроения.

ТАБЛИЦА XXXV. ВИД НА ШУМОПАВИ.

ШУМОПАВИ.

Эта деревня, хотя и не такая изолированная, как Орайби, не имеет ближайших соседей и редко посещается белыми или индейцами. Ее жители редко появляются в торговом пункте, куда приходят другие, и, по сравнению с соседями из других деревень (табл. XXXIV), они кажутся довольно обеспеченными и независимыми. Дома и дворы соответствуют общему характеру жителей и отличаются опрятностью и бережливостью, что резко контрастирует с обветшалым видом некоторых других деревень, особенно деревень Средней Меса и Орайби. В этом месте царит общая атмосфера новизны, хотя сомнительно, что архитектура здесь более современна, чем в других деревнях Тусаяна. Это впечатление отчасти обусловлено обычаем часто обновлять глиняную штукатурку. В большинстве деревень мало заботятся о ремонте домов, пока владелец не почувствует, что дальнейшая отсрочка таких действий поставит под угрозу их устойчивость. Многие иллюстрации в этой главе показывают долю грубой кладки, обычно открытой в стенах. Однако в Шумопави (табл. XXXV) большинство стен гладко оштукатурены. В этом отношении они напоминают Зуни и восточные пуэбло, где почти не видно необработанной кладки. Еще одна особенность, которая добавляет этой деревне аккуратности и законченности, — это частое использование побелки из гипса ( ) на внешней стороне стен. Эта побелка используется частично в качестве украшения, а частично — в качестве защиты от дождя. Этот материал, называемый мексиканцами «yeso», очень часто используется в интерьерах домов по всему региону, как мексиканцами, так и индейцами. Реже он используется в пуэбло в качестве внешней штукатурки. Здесь, однако, его внешнее использование является довольно характерной чертой деревни. Такой же обычай в нескольких домах на скалах Каньона де Челли свидетельствует о сравнительной древности этой практики, хотя и не обязательно о ее доколумбовом происхождении.



Полный размер

ТАБЛИЦА XXXIV. ПЛАН ШУМОПАВИ.

Шумопави, по сравнению с другими деревнями, в меньшей степени свидетельствует о том, что оно было построено по принципу открытого двора, поскольку частичные ограждения принимают удлиненные формы в направлении длинных прямых рядов комнат; однако исследование показывает, что эта идея присутствовала в незначительной степени.

В юго-восточном углу пуэбло есть очень заметный подход к открытому двору, хотя совершенно очевидно, что самый восточный ряд обращен спиной к двору, а несколько комнат, обращенных в другую сторону, были добавлены позднее. Фактически, план деревни и распределение террас, по-видимому, указывают на то, что первоначальное сооружение состояло только из одного ряда, обращенного почти на восток, и не было закрытым двором, а дальнейшее дополнение к пуэбло приняло почти ту же форму, с лицевой стороной или террасированной стороной, обращенной к задней части первого ряда, только частично адаптировавшись к планировке двора путем добавления нескольких небольших комнат позднее, причем та же операция была продолжена но в менее четкой форме, еще дальше к западу.

Второй двор не ограничен с запада таким же четким рядом, как другие, и более мелкие группы, которые в некоторой степени нарушают длинную прямую планировку, создают подобие двора, хотя и здесь террасы обращены к нему только частично, а восточная сторона ограничена длинной внешней стеной среднего ряда, высотой в два-три этажа и почти непрерывной на всей своей длине в 400 футов. Разорванный характер небольшого западного ряда в сочетании с группами зданий рядом с ним придает плану этой части особый характер, отличающий ее от массива домов, образованного двумя другими рядами. Последние соединены на южном конце коротким поперечным рядом, который превращает эту часть деревни практически в один большой дом. Однако два крытых прохода, обозначенные на плане, дают доступ к юго-восточной части двора. Эта часть частично отделена от северной половины ограды группами комнат, вторгшихся в нее. Это частичное разделение первоначального узкого и длинного двора, по-видимому, относится к более позднему периоду.

Кива насчитывает четыре, из которых только одна находится в деревне. Последняя занимает частично закрытое положение в юго-западной части и, вероятно, обязана своим местоположением каким-то местным удобствам для строительства кивы на этом месте, имеющем характер углубления на вершине мезы; но даже с такой помощью церемониальная комната была построена только частично под землей, как можно видеть на рис. 14. Остальные три кивы более явно подземные, и для того, чтобы найти подходящее место, одна из них была расположена на расстоянии более 200 футов

от деревни, в направлении к краю мезы на востоке. Две другие построены очень близко друг к другу, по-видимому, соприкасаясь, чуть за северной окраиной деревни. Одна из них находится примерно на 3 фута над поверхностью в одном углу, но почти на одном уровне с землей на западной стороне, где она примыкает к соседней. Эти две кивы изображены на пластинке LXXXVIII и рис. 21.

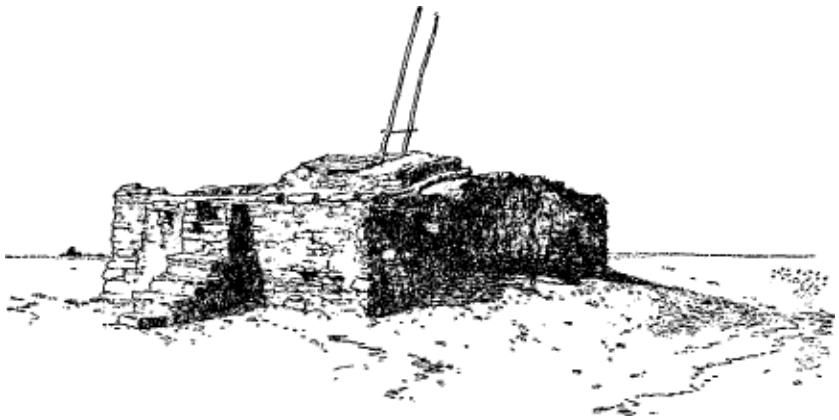


Рис. 14. Дворцовая кива Шумопави.

Здесь мы снова видим, что церемониальная комната, которая играет столь важную роль в жизни этого народа, не имеет фиксированного отношения к жилищам, и ее расположение в значительной степени является случайным, главным требованием является наличие места, где можно частично раскопать или зарыть комнату под поверхностью земли. Северо-западный двор содержит еще одно из небольших закрытых святилищ, которые, как уже упоминалось, встречаются в Шупаулови и других местах.

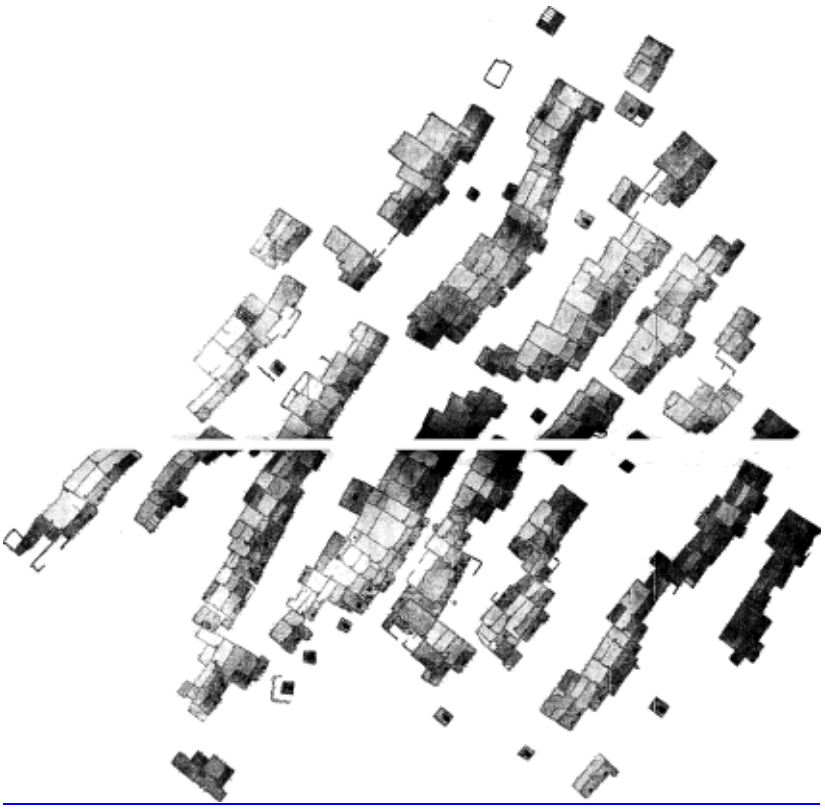
Каменная кладка в этой деревне также обладает некоторым своеобразным характером. Открытая кладка, хотя и сравнительно редкая в этом хорошо оштукатуренном пуэбло, показывает, что камни подходящей формы были отобраны и уложены более тщательно, чем в других деревнях. В некоторых местах каменная кладка очень похожа на древнюю, где промежутки между длинными каменными плитами были тщательно заделаны небольшими кусочками камня, что придавало всей стене однородный вид, и значительно опережает обычные неаккуратные методы строительства, применяемые в Тусаяне.

Шумопави является преемником более старой деревни с таким же названием, одного из городов древнего Тусаяна, посещенного отрядом экспедиции Коронадо в 1540 году. Руины этой деревни сохранились до наших дней, и ранее в них находились остатки старой церкви и миссионерских зданий, построенных монахами . Квадратные балки из этих зданий считались достаточно ценными, чтобы быть использованными при строительстве церемониальных кива в некоторых деревнях Тусаяна. Эта старая деревня не была посещена группой.

ОРАИБИ.

Это одно из крупнейших современных пуэбло, в котором проживает почти половина населения Тусаяна; однако его большие размеры не повлияли на расположение жилищ. Общий план (см. табл. XXXVI) просто показывает необычно большое скопление типичных для Тусаяна рядов домов, которые, как и в других деревнях этой группы, в основном обращены на восток. Направление рядов домов отличается замечательной однородностью, но нет никаких указаний на порядок, в котором производились последующие пристройки к деревне, как это было обнаружено в Машонгнави.

Белая полоса по середине этого плана обозначает область возле плотной складки на печатном оригинале. Ширина нечитаемой области является предположительной.



Полный размер

ТАБЛИЦА XXXVI. ОРАЙБИ, ПЛАН.

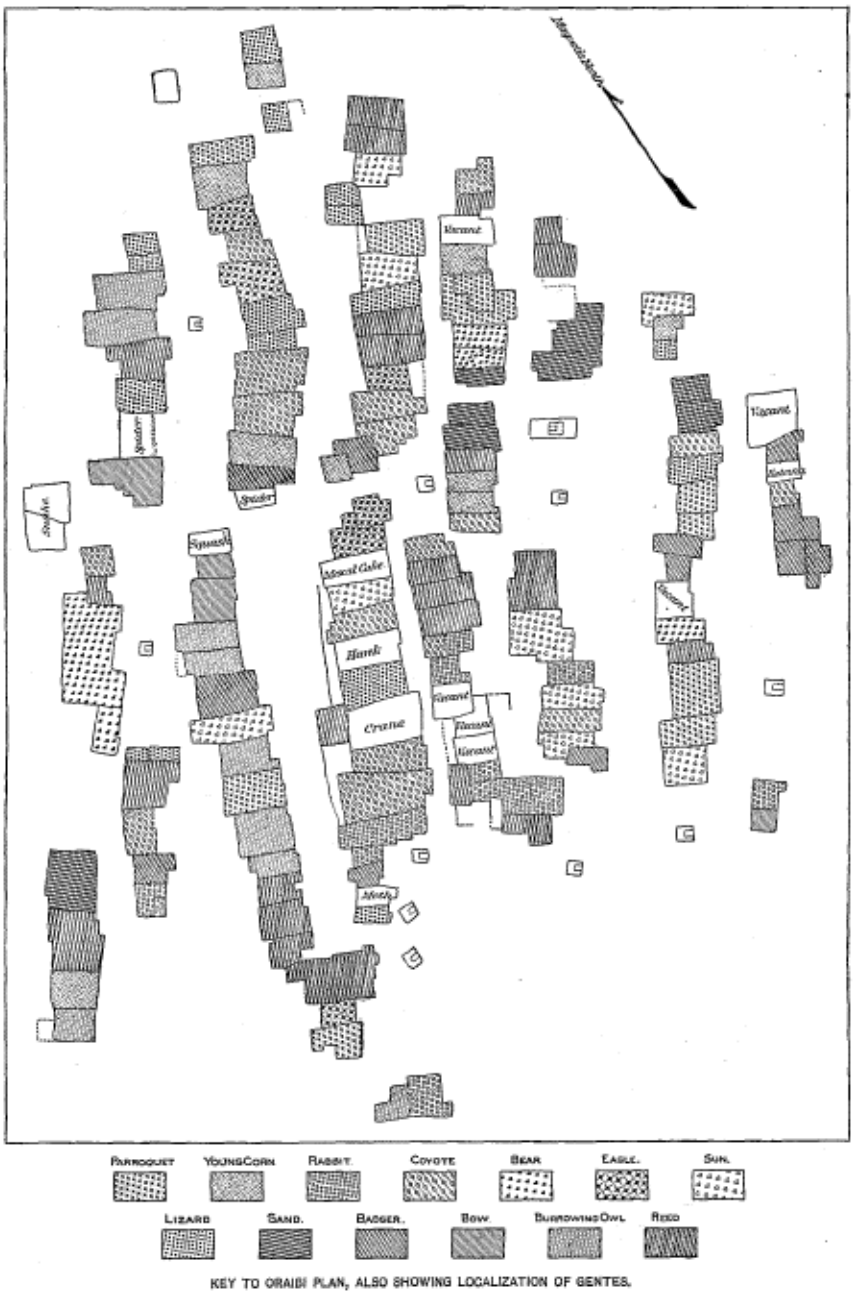

Parrot
Spider
Squash
Mixed Cake
Bank
Crane
Vacant
Parrot
Vacant
Vacant
Vacant
Vacant
Parrot
Vacant
Vacant
Vacant
Vacant

ТАБЛИЦА XXXVIII. ДВОР ОРАЙБИ.

В нескольких местах Орайби, в частности на западной стороне группы № 7, можно увидеть что-то похожее на низкие террасы, облицованные грубой каменной кладкой. То же самое можно увидеть и в Валпи, на западной стороне самой северной группы. Этот эффект создается постепенным заполнением заброшенных и разрушенных домов на окраине павшими камнями и нанесенным песком. Внешний вид напоминает намеренное сооружение, как можно видеть на пластинке XXXIX.

ТАБЛИЦА XXXIX. КАМЕННЫЕ ТЕРРАСЫ ОРАИБИ.

Примечательно, что в этой деревне редко встречаются крытые проходы, что подчеркивает заметную разницу в характере планировок Тусаяна и Зуни. Тесное расположение комнат в последнем случае сделало крытые проходы характерной чертой, которая в разбросанной планировке Ораиби редко встречается. Когда они встречаются, они не кажутся результатом тех же условий, которые привели к их использованию в Зуни. Один взгляд на планы показывает, насколько различно влияние ближайшего окружения в этих двух случаях. В Зуни, построенном на небольшом холме на открытой равнине, отсутствие оборонительного места привело к необычному развитию оборонительных элементов архитектуры, в результате чего жилища сгруппированы очень плотно. В Тусаяне, напротив, самая большая деревня в группе не отличается по характеру от самой маленькой. Занятие оборонительной позиции в некоторой степени заменило специальные оборонительные меры или

плотное скопление комнат . Орайби расположено так же открыто, как и другие деревни группы, и по мере того, как его размеры время от времени увеличивались, строители, не имея оборонительных мотивов для скучивания рядов или групп в большие скопления, просто следовали обычной схеме. Скученность, которая привела к использованию крытого прохода, была вызвана в Уолпи ограниченностью площади, поскольку почти вся доступная вершина его скалистого мыса была покрыта зданиями. В Зуни, с другой стороны, именно необходимость обороны привела к плотной группировке жилищ и, как следствие, к использованию крытого прохода.

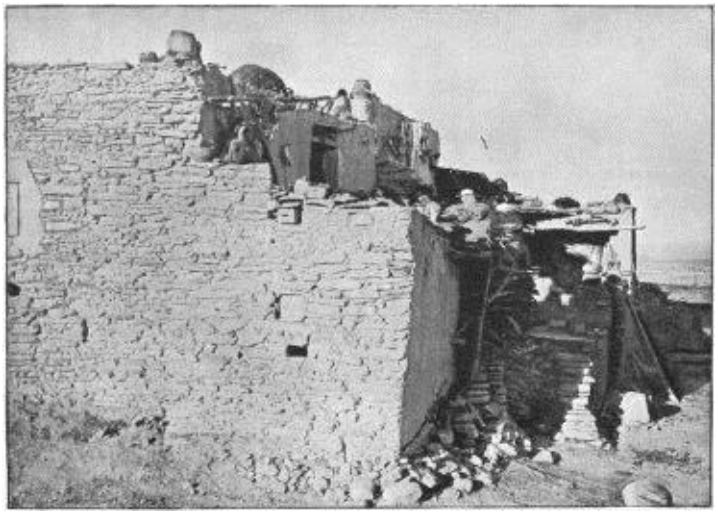


ТАБЛИЦА XL. РЯД ДОМОВ В ОРАИБИ, ВИД СО СТОРОНЫ ДВОРА.

Еще одно отличие между общими планами Орайби и Зуни заключается в разном использовании отверстий в крыше в этих двух случаях. План Зуни, табл. LXXVI, показывает большое количество небольших отверстий, почти все из которых предназначены исключительно для пропускания света, и только некоторые из них снабжены лестницами. В Орайби, с другой стороны, над первой террасой имеется только семнадцать отверстий в крыше, и не более половины из них предназначены для пропускания света. Соответственно, это устройство редко встречается в других деревнях группы, особенно в тех, что находятся к западу от первой мезы. В Машонгнави особенно заметно ограниченное использование отверстий в крыше; все они одного типа, что и те, которые используются для доступа к комнатам первой террасы. На втором этаже есть только одно отверстие в крыше. Изучение плана, Pl. XXX, показывает, что в Шупаулови над первой террасой есть только два таких отверстия, а в большой деревне Шумопави, Pl. XXXIV, только около восьми. Ни одна из небольших деревень не может сравниться с Зуни по использованию этой особенности, но в Орайби мы могли бы ожидать, что ее использование будет гораздо более распространенным, если бы не тот факт, что оборонительная площадка заменила плотное скопление комнат, которое можно увидеть в открытой деревне Зуни, и, как следствие, устройства для пропускания света по-прежнему соответствуют более примитивной конструкции (планы XL и XLI).

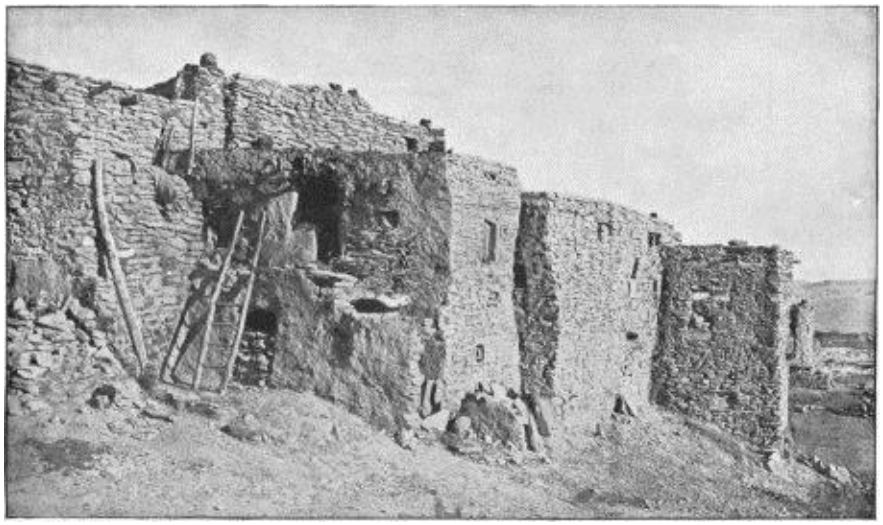


ТАБЛИЦА XLI. ЗАДНЯЯ ЧАСТЬ РЯДА ДОМОВ В ОРАИБИ.

Наиболее совершенный тип постройки пуэбло, воплощенный в больших общинных крепостных домах долин, мог развиться только после того, как строители научились полагаться в вопросах защиты больше на архитектуру, а не на местоположение. До тех пор, пока местоположение обеспечивало большую часть обороноспособности деревни, строители не были заинтересованы в замене естественных преимуществ искусственными. Изменение местоположения и последующее развитие, вероятно, часто происходили из-за крайней неудобности оборонительных мест по отношению к источникам существования.

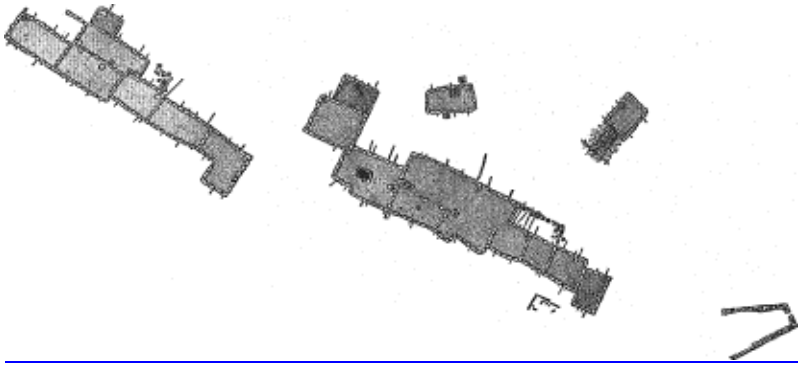
Строители больших долинных пуэбло, вероятно, часто были вынуждены спешно прибегать к оборонительным местам, обнаруживая, что долинные города неспособны противостоять нападению. Похоже, что так было в случае с Тусаяном; но то, что зуни придерживались своего долинного пуэбло, несмотря на большие трудности, ясно подтверждается внутренними свидетельствами самой архитектуры, даже если другие свидетельства полностью отсутствуют.

ТАБЛИЦА XLIV. МОЭН-КОПИ.

МОЭН-КОПИ.

Примерно в 50 милях к западу от Орайби находится небольшое поселение, которое используется несколькими семьями из Орайби во время сельскохозяйственного сезона, известное как Моэн-копи.

(Табл. XLIII). Нынешняя деревня относительно молода, но, как и во многих других случаях, она была построена на руинах более старого поселения. Говорят, что она была основана в память о некоторых мормонских пионерах из соседнего города Туба-Сити, названного в честь недавно умершего старого вождя Орайби.



Полный размер

ТАБЛИЦА XLIII. ПЛАН МОЭН-КОПИ (*повернут*).

Это место, вероятно, привлекло бы гораздо больше поселенцев, если бы не было так далеко от основных пуэбло провинции, поскольку во многих отношениях оно намного превосходит любые из нынешних деревень. Большая площадь плодородной почвы может быть удобно орошена из обильных источников на берегу небольшого притока Моэн-копи. Деревня занимает низкий, округлый холм на стыке этого рукава с основным руслом, которое на противоположной, южной стороне довольно крутое. Постепенное вторжение мормонов за последние двадцать лет в некоторой степени помешало тусаянам в полной мере использовать преимущества этого места (табл. XLII).

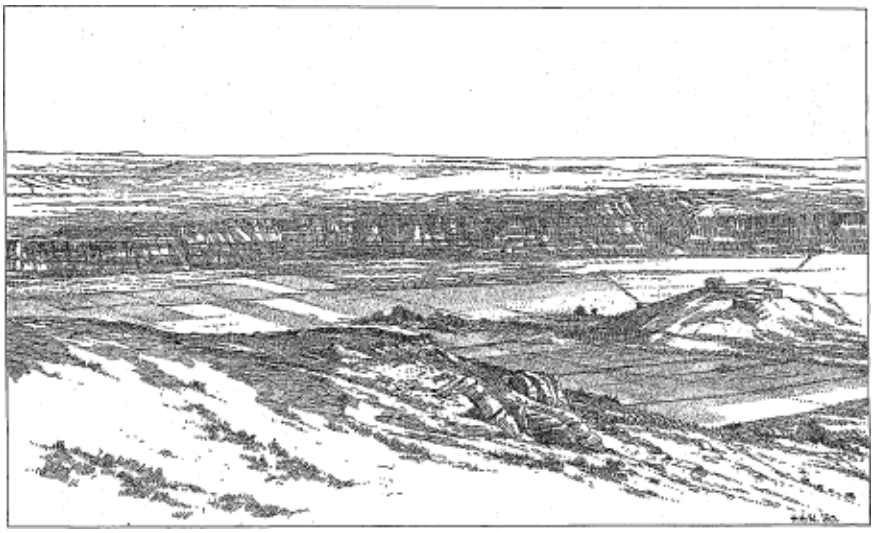


ТАБЛИЦА XLII. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ МОЭН-КОПИ.

Моэн-копи построен в виде двух неровных рядов одноэтажных домов. В деревне также есть две отдельно стоящие однокомнатные постройки — одна из них построена для кивы, хотя, по-видимому, на момент нашего исследования не использовалась, а другая представляет собой небольшую комнату с главным входом, выходящим на соседний ряд домов. Планировка примерно такая же, как и в других деревнях, ряды домов имеют отдельные задние стены из грубой кладки.

Необработанный камень преобладает и в фасадах домов, хотя иногда он доводится до достаточно хорошей степени отделки. В кладке используется немного сырцового кирпича, и в одном месте мы

увидели новую, еще без крыши комнату, построенную из сырцового кирпича на каменном фундаменте высотой около фута. Однако в Тусаяне сырцового кирпича используется очень мало. Его использование в данном случае, вероятно, связано с влиянием мормонов.

Моэн-копи несколько лет назад был штаб-квартирой крупного коммерческого предприятия мормонов. Они пытались сконцентрировать в этом месте продукцию торговли шерстью навахо и создать здесь полностью оборудованную шерстяную фабрику. Вода поступала из ряда водохранилищ, построенных в небольшой долине в нескольких милях отсюда, и направлялась к холму Моэн-копи, расположенному в конце южного ряда домов, где канал заканчивался прочной каменной коробкой. Отсюда вода по большой трубе поступала к турбинному колесу, которое обеспечивало двигательную силу для работы фабрики. Канал и каменная кладка показаны на плане деревни (Pl. XLIII). Эта фабрика представляла собой большое каменное здание, и не было сэкономлено ни на чем, чтобы оснастить ее самым современным оборудованием. Во время нашего визита все предприятие было заброшено уже несколько лет и быстро приходило в упадок. Рамы были вырваны из окон, а пол здания и земля вокруг него были усыпаны осколками дорогостоящего оборудования, сломанными зубчатыми колесами, валами и т. д. Это здание показано на табл. XLV и может служить иллюстрацией контраста между каменной кладкой Тусаяна и современной работой каменщиков, выполненной из того же материала. Однако это сравнение не совсем справедливо в отношении строителей пуэбло в целом, поскольку каменщики Тусаяна необычайно небрежны в своей работе. Можно увидеть много старых примеров, в которых отделка стен выгодно отличается от работы американских каменщиков ( ), хотя результат достигается совершенно другим способом, а именно путем плотного и тщательного заделки щелей бесчисленными маленькими каменными плиточками. Этот процесс придает стене удивительно гладкую и ровную поверхность, а швы почти исчезают в мозаичном эффекте стены. Каменная кладка Моен-копи более грубая, чем обычно, так как эта небольшая деревня, вероятно, была построена в спешке и использовалась для временного проживания как сельскохозяйственный центр. Зимой это место обычно заброшено, и несколько семей, проживающих в нем в сельскохозяйственный сезон, возвращаются в Орайби на время праздников и церемоний.

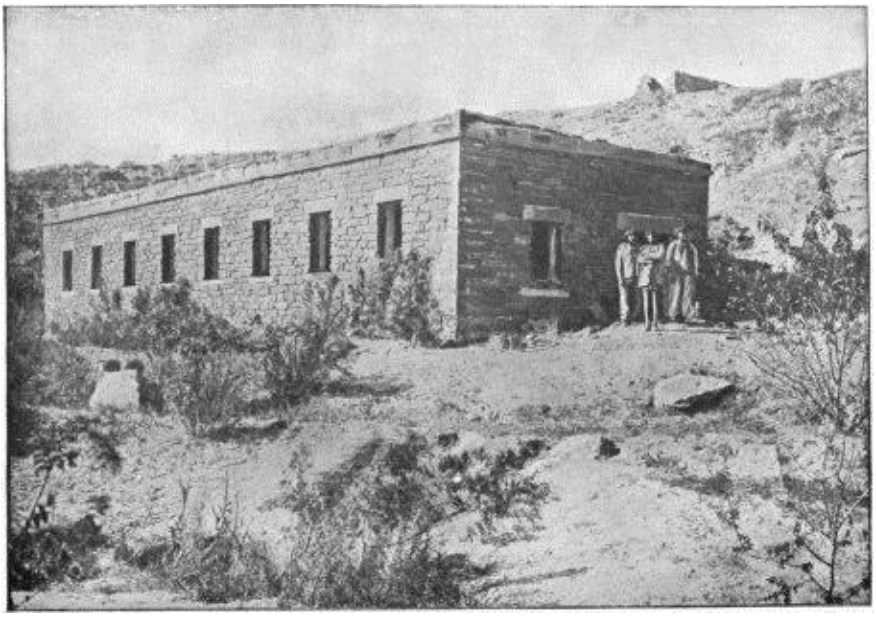


ТАБЛИЦА XLV. МОРМОНСКАЯ МЕЛЬНИЦА В МОЕН-КОПИ.

ГЛАВА III.

РУИНЫ И НАСЕЛЕННЫЕ ПОСЕЛКИ СИБОЛА.

ФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВИНЦИИ.

Хотя окрестности пуэбло и руин Сиболы имеют обычные черты ландшафта плато, они не отличаются монотонностью и суровостью, характерными для мес и долин Тусаяна. Пыльные кусты полыни и низкорослые кедры и сосны, как и в Тусаяне, являются заметной чертой ландшафта, но скалы часто разнообразны по цвету, в некоторых случаях состоя из чередующихся полос светло-серого и темно-красного песчаника, что придает ландшафту значительное разнообразие оттенков. Контраст усиливается близостью гор Зуни, обширного лесистого хребта, который подходит на расстояние 12 миль от Зуни, сужая границы окружающей засушливой области.

Сибола также более щедро обозначена природой в плане водоснабжения, так как в провинции протекает вечный поток, который берет свое начало недалеко от деревни Нутрия, протекает мимо пуэбло Зуни и исчезает в нескольких милях ниже. В сезон дождей река впадает в Колорадо Чикито. Пуэбло Сибола построены на подножиях мес или в открытых долинах, окруженных широкими полями, в то время как деревни Тусаян расположены на мысах мес, с которых открывается вид на долины, используемые для возделывания земли.

ПЛАНЫ И ОПИСАНИЯ РУИН.

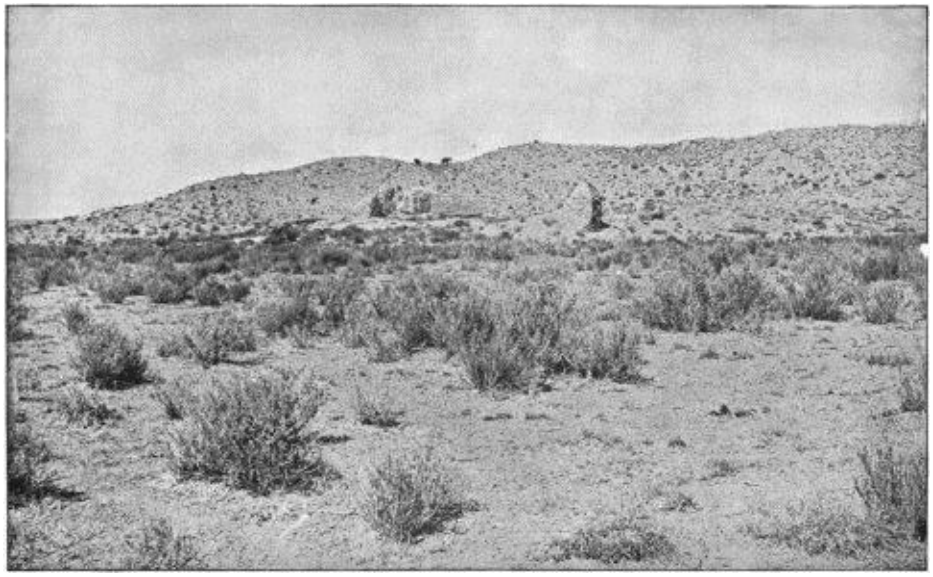
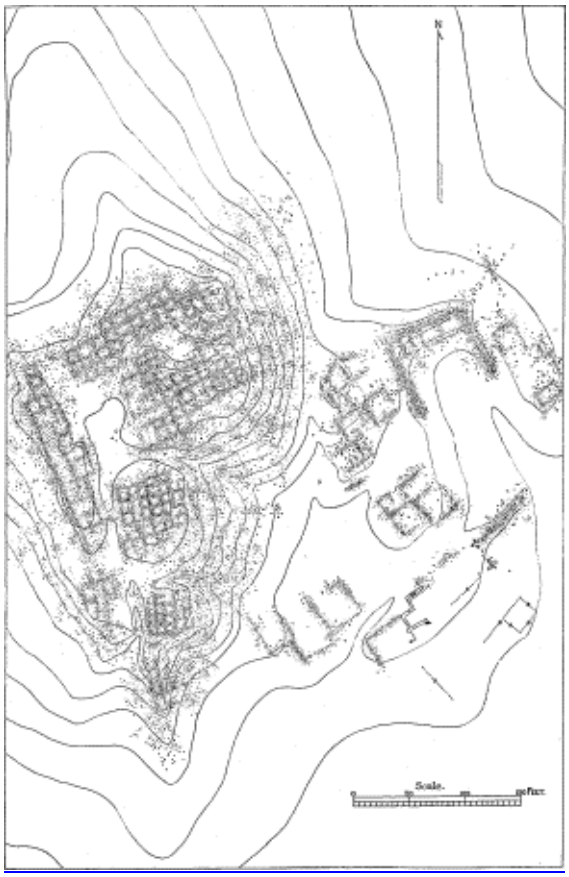


ТАБЛИЦА XLVII. ХАВИКУ, ВИД.

ХАВИКУ.

Деревня Хавику, расположенная примерно в 15 милях к югу от Зуни, состояла из нерегулярных групп плотно сгруппированных ячеек, занимающих вершину отрога, выступающего из низкого округлого холма. Дома находятся в таком разрушенном состоянии, что можно различить лишь несколько отдельных комнат, и те они сильно завалены обломками. Эти обломки покрывают всю

территорию, простирающуюся по восточному склону холма до места, где стояла церковь. Большое количество обломков и относительная тонкость найденных стен позволяют предположить, что жилища были плотно сгруппированы и имели высоту в несколько этажей. Большая часть пространства между деревней на холме и местом расположения испанской церкви на равнине у его подножия покрыта обломками каменной кладки, часть которых соскользнула сверху (Pl. XLVI).



Полный размер

ТАБЛИЦА XLVI. ХАВИКУ, ПЛАН.

Расположение указывает на наличие большого главного двора неправильной формы. Окружающие группы зданий расположены очень нерегулярно, направления преобладающих линий стен сильно различаются в разных группах. Есть также предположение о наличии нескольких меньших дворов, а также переулков, ведущих к главному двору.

Церковь, построенная на равнине внизу, на расстоянии около 200 футов от главной деревни, по-видимому, была окружена несколькими группами комнат и ограждений разного размера, несколько отличающихся по характеру от тех, что находились внутри деревни. Эти группы разбросаны и открыты, а небольшое количество обломков позволяет сделать вывод, что эта часть деревни была не более чем одноэтажной. (Pl. XLVII.)

Разрушение деревни было настолько полным, что не осталось никаких следов строительных деталей, за исключением ряда столбов в здании рядом с церковью. Губернатор Зуни заявил, что эти столбы были частью выступающего крыльца, похожего на те, что можно увидеть в современных домах. (См. Pls. LXXI, LXXV.) Подобные элементы встречаются и в других местах на равнине, но все они находятся в более новой части деревни вокруг церкви. Некоторые из более крупных ограждений в этой части деревни были построены очень легко и занимают большие площади. Вероятно, они

использовались как загоны для скота. Ограждения для этой цели встречаются и в других пуэбло, традиционно относящихся к тому же периоду.

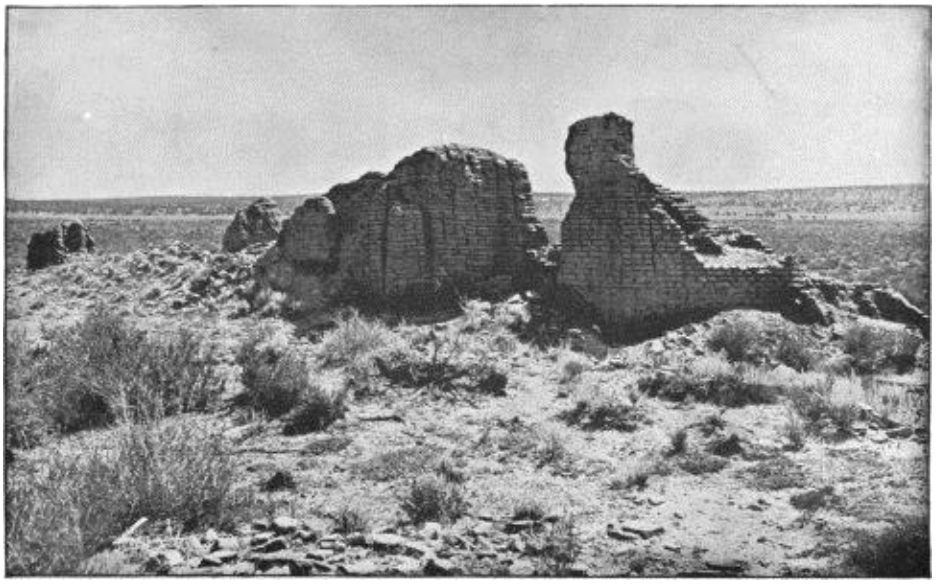


ТАБЛИЦА XLVIII. ЦЕРКОВЬ ИЗ СЫРЦОВОГО КИРПИЧА В ХАВИКУ.

Церковь в этой деревне была построена из кирпичей из сырцового кирпича, без использования каменной кладки. Кирпичи, по-видимому, были отлиты с необычайной тщательностью. Массивные углы северо-западной части, или алтарной части здания, сохранились лучше, чем каменная кладка соседней деревни, и сегодня имеют высоту 13 футов. (Табл. XLVIII.)

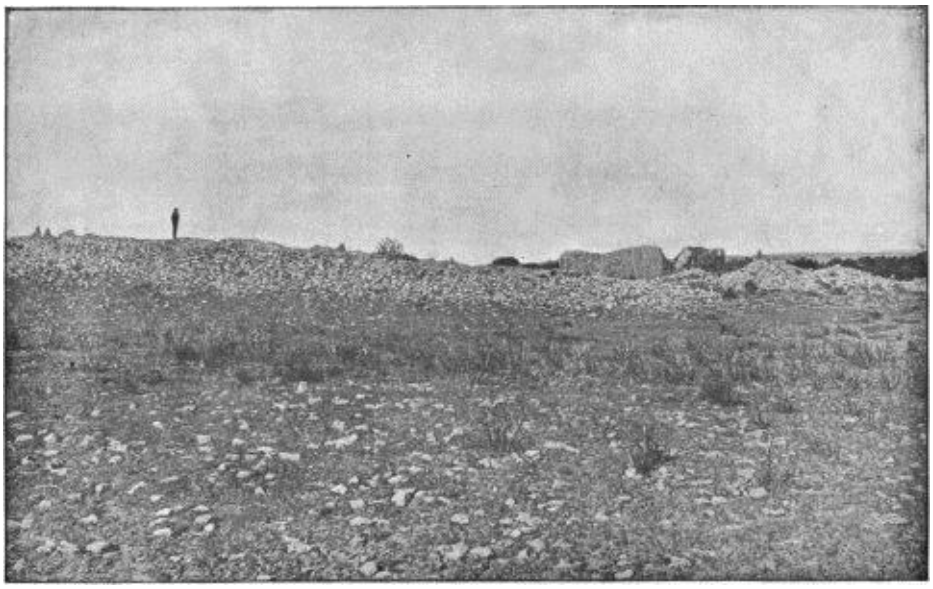
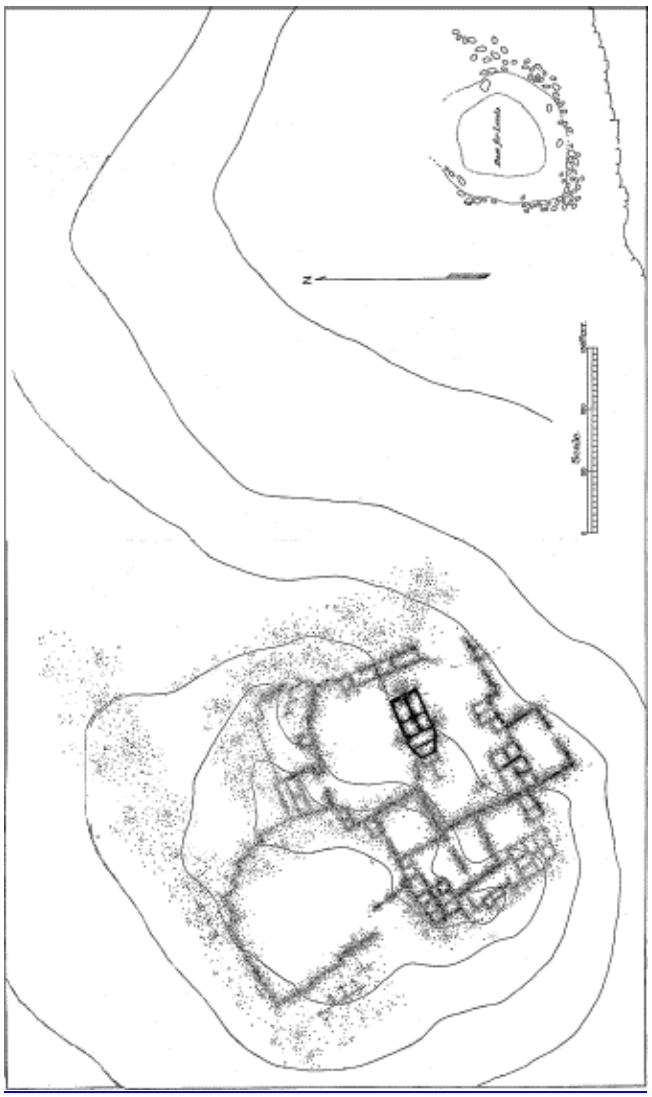


ТАБЛИЦА L. КЕТЧИПАУАН.

КЕТЧИПАУАН.

Небольшая деревня Кетчипауан, по-видимому, была построена вокруг двух дворов разного размера. Однако трудно определить, какая часть большего двора, в котором находится каменная церковь, была построена позднее. (Илл. XLIX.)



Полный размер

ТАБЛИЦА XLIX. КЕТЧИПАНАН, ПЛАН.

Вся северо-западная часть деревни теперь представляет собой одно большое ограждение или загон, стены которого, по-видимому, были построены из обрушенной кладки окружающих домов, оставляя центральное пространство свободным. Эта стена на северо-восточной стороне большого ограждения, по-видимому, повторяет изгибы и углы первоначальных домов. Возможно, это была внешняя линия комнат, так как на некотором расстоянии внутри нее обнаруживаются следы построек. На противоположной стороне стена почти непрерывна, выступы имеют небольшой выступ. Здесь некоторые следы жилищ встречаются за стеной в местах глубиной до трех комнат. То же самое происходит и в северном углу. Продолжение этих линий предполагает наличие прямоугольного двора значительных размеров, симметрично ограниченного группами помещений глубиной в среднем три комнаты. (Табл. L.)

В деревне есть несколько гораздо меньших ограждений, построенных таким же образом, но они, по-видимому, не соответствуют первоначальным дворам.

В настоящее время жилые помещения можно проследить на части территории к югу и западу от церкви. Как показано на плане, иногда встречаются вертикальные столбы. По-видимому, они были встроены в первоначальные стены, но последние настолько разрушены, что это нельзя утверждать с уверенностью, так как такие столбы иногда встраивались в современные стены загонов. В

некоторых местах они напоминают балконы, которые можно увидеть в современных домах, например, в Хавику, но в восточной части пуэбло Эль-Альто-де-Альто ( ) они неравномерно разбросаны по комнатам. Значительная часть западной стороны руин покрыта разбросанными камнями, которые не дают представления о плане здания. Их количество не кажется достаточным, чтобы считать их остатками жилых комнат.

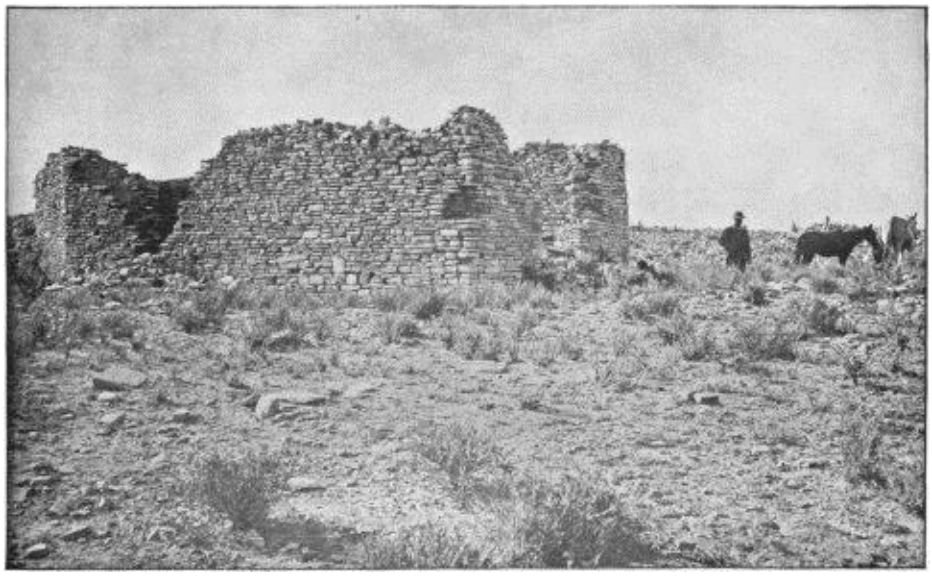


Таблица LI. Каменная церковь в Кетчипауане.

Испанская церковь в этом поселении была построена из камня, но ее стены были гораздо массивнее, чем стены жилых домов. Здание хорошо сохранилось, высота большинства стен составляет 8 или 10 футов, а в некоторых местах — 14 футов. По-видимому, эта церковь была построена индейцами, так как на стенах повсюду видны зазоры, заделанные мелкими камнями, что характерно для работы коренных жителей. В этой деревне массивное испанское сооружение также пережило жилые дома.

План церкви показывает, что проемы были расширены в толще стен под углом около 45°. В дверном проеме, в восточной части здания, большая ширина проема находится внутри, что является довольно необычным расположением; в окне, на северной стороне, это расположение обратное, расширение направлено наружу. На южной стороне есть признаки аналогичного проема, но в настоящее время стена настолько разрушена, что невозможно проследить четко очерченный косяк, и невозможно определить, использовался ли расклешенный проем или нет. Камни кладки уложены с особой тщательностью по углам и на поверхности этих расклешенных частей, что создает эффект высокой отделки.

Расположение отверстий для балок на внутренней поверхности стены позволяет предположить, что пол церкви был несколько приподнят над землей и что под ним, возможно, находилось подвальное помещение. Однако в настоящее время балки не найдены, и в «алтарной» части церкви не видно никаких остатков дерева. В настоящее время низкие перегородки делят закрытое пространство на шесть комнат или келий. Индейцы утверждают, что они были построены позднее, чтобы превратить церковь в укрепление для защиты от враждебных апачей с юга. Эти перегородки, по-видимому, не были частью первоначального проекта, однако трудно представить, как они могли служить защитой, если только их не планировали перекрыть крышей и таким образом превратить в полностью закрытые комнаты. В южную стену церкви вмурован камень, размер которого несколько превышает обычный. На его поверхности какой-то местный художник выгравировал грубо нарисованную маску.

Примерно в 150 ярдах к юго-востоку от церкви, на краю низкой мезы, на которой стоят руины, был построен большой резервуар, который обеспечивал пуэбло запасом воды. Обычное водоснабжение,

вероятно, осуществлялось из долины внизу, где вода находится недалеко от пуэбло. Возможно, раньше рядом с деревней были источники, но этот водоем, расположенный в месте слива большой территории, должно быть, значительно увеличил запасы воды. Бассейн или впадина имеет диаметр около 110 футов, а его нынешняя глубина в центре составляет около 4 футов, но, несомненно, после заброса он был засыпан отложениями. Более половины его окружности изначально было обнесено стеной, но в настоящее время о старой кладке свидетельствует только прерывистый ряд больших фундаментных камней и обрушенная кладка. Некоторые большие камни, по-видимому, нетронутые части края мезы, были включены в ограждающую кладку. Индейцы утверждали, что изначально дно этого бассейна было выложено камнями, но эти утверждения не удалось подтвердить. Без раскопок на верхней стороне бассейн незаметно переходил в поднимающуюся местность окружающего водосбора. Другие примеры таких бассейновых водохранилищ встречаются в этом регионе.

ЧАЛОВЕ.

Примерно в 15° к северо-западу от Хавику, на расстоянии 1½ мили от него, начинается серия руин, называемых Чалове. Они расположены на двух невысоких возвышенностях или предгорьях, простирающихся в юго-западном направлении от группы холмов, на восточной оконечности которых построен Хавику. Самая южная из серии руин занимает примерно круглую площадь диаметром около 40 футов. Другая группа, размером около 30 на 20 футов, находится непосредственно к северу от нее, с промежуточным углублением примерно в один фут. Примерно в 475 футах к северо-западу находится группа из трех комнат, расположенных на небольшом возвышении. Немного восточнее севера и в полумиле от последней находится небольшой холм, на котором расположена группа примерно такой же формы и размеров, как и первая. Рядом с этой последней можно проследить еще несколько более расплывчатых групп, но все они небольшие по размеру.

Согласно традиционным рассказам, эта широко разбросанная серия жилых групп принадлежала одному племени, которое было известно под общим названием Чалоуэ. Говорят, что оно было заселено во время первого прибытия испанцев. Однако общий характер и расположение настолько отличаются от преобладающего типа в этом регионе, что вряд ли вероятно, что оно принадлежало тому же народу и той же эпохе, что и другие руины.

Ни в одной части группы не найдено стоящих стен, а небольшое количество разбросанных каменных блоков позволяет предположить, что комнаты были только одноэтажными. Однако обломки каменной кладки, возможно, были в значительной степени покрыты наносами песка. Сейчас практически невозможно проследить расположение комнат, и на большей части территории только разбросанные камни отмечают местонахождение групп жилищ.

ХАМПАССАВАН.

От деревни Хампассаван, которая, согласно преданию, была одним из семи городов Сибола, посещенных Коронадо, сейчас ничего не осталось , кроме двух отдельных комнат, в обеих из которых видны следы верхнего этажа. За этим исключением, деревня полностью разрушена, и только небольшой холм на равнине указывает на место ее нахождения. Из-за своего открытого положения, обрушенные стены были полностью покрыты наносами песка и земли, и ни один след зданий не просматривается сквозь густой рост полыни, которая теперь покрывает их.

Полный размер

Рис. 15. Хампассаван, план.

Две сохранившиеся комнаты, о которых идет речь, по-видимому, использовались время от времени в качестве наблюдательных пунктов над близлежащими кукурузными полями и для защиты от навахо. Их окончательное заброшенность, а также заброшенность прилегающих полей, по-видимому, были вызваны убийством навахо Зуни, проживавшего там, в совсем недавнем времени. Эти комнаты несколько раз ремонтировались, особенно западная. В последней была построена дополнительная стена с северной стороны, как показано на плане, рис. 15. Старая крыша, по-видимому, сохранилась до недавнего времени, поскольку, хотя в настоящее время комната покрыта крышей из грубо расщепленных кедровых балок, остатки старой, тщательно построенной крыши разбросаны по углам комнаты, под грязью и мусором. Окна очень маленькие и, по-видимому, были изменены после первоначального строительства, но трудно отличить старую первоначальную конструкцию от более поздних добавлений.

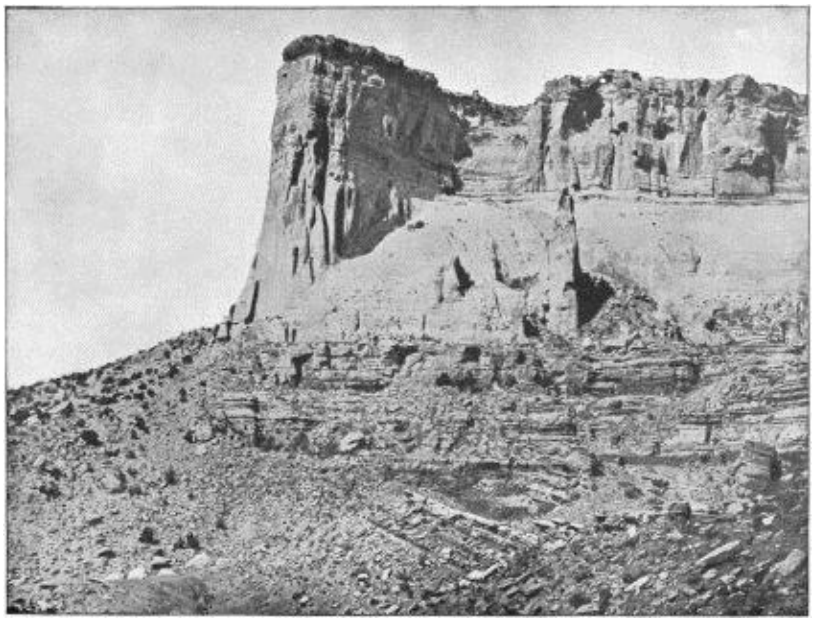
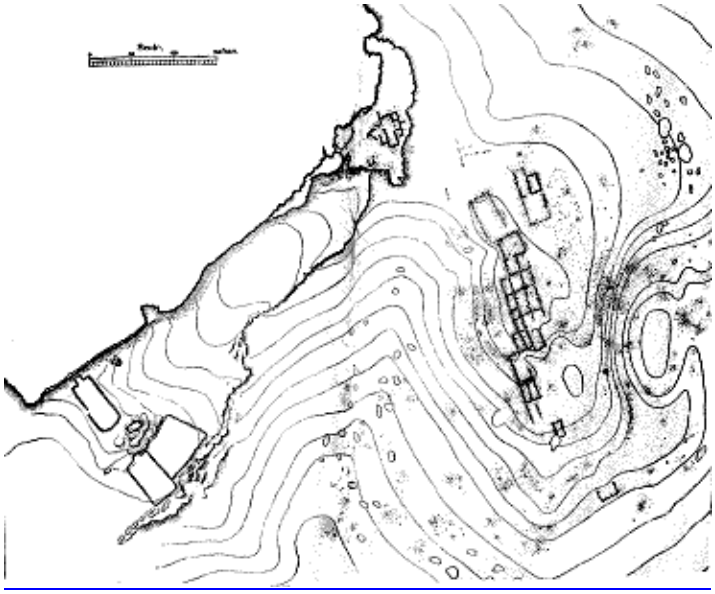


Таблица LIII. Местоположение Киакима, у подножия Таааяалана.

К'ИАКИМА.

На южной стороне изолированной мезы Таайялана, на высоком округлом отроге предгорий, находятся руины деревни Киакима (табл. LII). В длинном ущелье на западной стороне отрога на протяжении 300–400 ярдов течет небольшой ручей, питаемый родниками вблизи руин деревни.



Полный размер

ТАБЛИЦА LII. КИАКИМА, ПЛАН.

Вся поверхность холма покрыта разбросанными обломками разрушенных стен, которые когда-то, должно быть, составляли деревню значительных размеров. На большей части этой территории стены не прослеживаются; несколько комнат, очертания которых можно четко различить, расположены группой на самой высокой части холма. Здесь видны стоящие стены, но, по-видимому, они недавнего происхождения, в одной комнате видны следы дымохода (табл. LIV). Некоторые из более четко очерченных ограждений, построенных из обрушенной кладки старой деревни, по-видимому, предназначались для загонов. То же самое можно сказать и об остатках, найденных на скалах к северу от деревни, расположение которых показано на плане (Pl. LIII). Здесь почти все разбросанные камни из первоначальных одноэтажных зданий были использованы для этих больших ограждений. Вполне возможно, что эти более мелкие сооружения на уступе мезы были построены и заселены гораздо позднее, чем основная деревня. Pl. LIII иллюстрирует часть основания Tâaaiyalana, где появляются эти ограждения.

ПЛАСТИНА LIV. НЕДАВНЯЯ СТЕНА В K'IAKIMA.

Яркой особенностью этих руин является наличие в северо-восточном углу деревни больших вертикальных каменных плит. Самая большая из них имеет ширину около 3 футов и возвышается над землей на 5½ футов. Одна из плит имеет настолько симметричную форму, что это наводит на мысль об искусственной обработке, но камень был использован в том виде, в каком он был добыт из трещины в скале выше. Из того же шва выпало много плит почти одинакового размера и симметричной формы, которые теперь разбросаны по осыпи внизу. Некоторые из них примечательны своей идеально прямоугольной формой, а все отличаются заметной однородностью толщины. Рядом, и, по-видимому, составляя часть той же группы, находится ряд камней, вмонтированных в землю, с открытыми верхними краями и расположенных под прямым углом к поверхности вертикальных монументов. Индейцы говорят, что более высокие плиты были воздвигнуты в качестве защиты от нападений апачей на это пуэбло, но только часть группы могла, судя по их расположению, иметь какое-либо значение для этой цели . Вероятно, камни обозначают могилы. Хотя тщательные раскопки твердой почвы провести не удалось, при раскопках на глубину 18 дюймов были обнаружены те же фрагменты керамики, пепел и т. д., что и во многих могилах пуэбло. Г-н Э. В. Нельсон обнаружил идентичные останки в могилах в районе Рио-Сан-Франциско, которые он раскопал при сборе керамики. Однако о погребальных обрядах этого региона известно сравнительно мало, поэтому трудно сказать, был ли это обычный способ погребения или нет.

Это пуэбло было идентифицировано г-ном Кушингом, благодаря традиции зуни, как место смерти Эстеванико, негра, сопровождавшего первую испанскую экспедицию в Сиболу.

МАТСАКИ.

Мацаки расположен на предгорье у подножия Таайялана, недалеко от его северо-западной оконечности. Это пуэбло находится примерно в таком же состоянии сохранности, как и Киакима, и на большей части его территории не обнаружено ни одной целой комнаты. Следы стен, где они видны, не имеют единого направления, что свидетельствует о нерегулярной группировке деревни. В двух точках на плане обнаружены комнаты, частично ограниченные стоящими стенами. По-видимому, они сохранились благодаря тому, что долгое время после разрушения пуэбло использовались в качестве смотровых площадок над полями в окрестностях. В одной из двух комнат осталось лишь несколько футов довольно грубой кладки. Стены другой комнаты в одном углу возвышаются на высоту полного этажа над окружающими обломками, а низкая комната под ней частично засыпана обрушенной кладкой и землей. В хорошо сохранившемся внутреннем углу открытой комнаты видны куски глины, прилипшие к стенам, — остатки внутреннего углового

дымохода. Никаких следов опор для дымоходной трубы, как в современных каминах, обнаружено не было. Форма, очерченная на стене этими небольшими остатками, указывает на довольно грубое сооружение, которое было добавлено к комнате позднее и не входило в ее первоначальную конструкцию. Вероятно, она была построена в то время, когда комната использовалась в качестве наблюдательного пункта для ведения сельского хозяйства. Как показано на плане (Pl. LV), небольшая группа домов когда-то стояла на некотором расстоянии к юго-западу от главного пуэбло и была соединена с ним серией комнат. Промежуточное пространство, возможно, было двором. На северной окраине деревни в последнее время был возведен примитивный храм, который до сих пор используется. Он грубо построен из камней, сложенных в виде прямоугольника высотой 2½ или 3 фута, с отверстием на востоке. Этот храм, обращенный на восток, содержит вертикальную плиту из тонкого песчаника, на которой выгравирован грубый символ солнца. Губернатор Зуни, объясняя назначение этого храма, сравнил его использование с нашими астрономическими обсерваториями, которые он видел.

ТАБЛИЦА LV. МАЦАКИ, ПЛАН.

ПИНАВА.

Полный размер

Рис. 16. Пинава, план.

Руины небольшого поселения Пинава занимают небольшой холм на южной стороне реки Зуни, недалеко к западу от Зуни. Дорога из Зуни в Охо-Калиенте проходит через руины. На большей части территории комнаты не прослеживаются. Однако одна комната сохранилась в целости и, по-видимому, по-прежнему используется во время возделывания соседних «мильпас». Она имеет крышу и находится в хорошем состоянии, хотя общий характер кладки напоминает более старую работу. На плане (рис. 16) видно, что камни из первоначальной кладки были собраны и использованы для строительства нескольких больших ограждений, которые, в свою очередь, были частично разрушены. Расположение входов в эти ограждения можно проследить по отсутствию камней на поверхности. Общие очертания ограждений, похожих на загоны, по-видимому, повторяют относительно хорошо сохранившиеся части первоначальной стены, как это было в Кетчипауане. (Табл. LVI.)

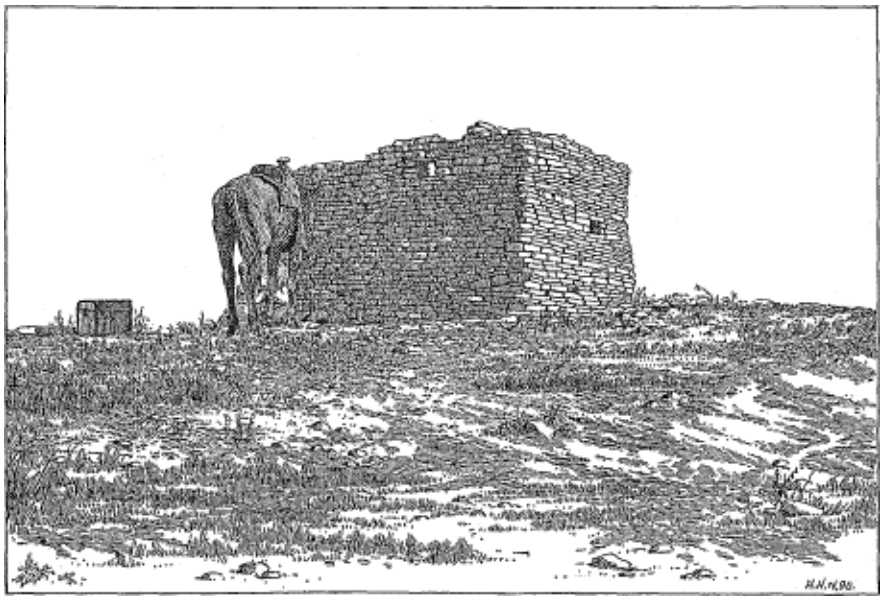


Таблица LVI. Сохранившаяся стена в Пинаве.

На юго-западной стороне пуэбло отчетливо прослеживаются части внешней стены, некоторые камни которой все еще находятся на месте. Эта часть очертаний отличается любопытной серией изгибов, напоминающих части Нутрии и Пескадо, но пересекающихся необычным образом.

Дорога Охо-Калиенте проходит между основными руинами и описанным выше стоящим помещением. Остатки обрушенной кладки настолько немногочисленны и беспорядочно разбросаны по этой территории, что невозможно полностью проследить непрерывность руин.

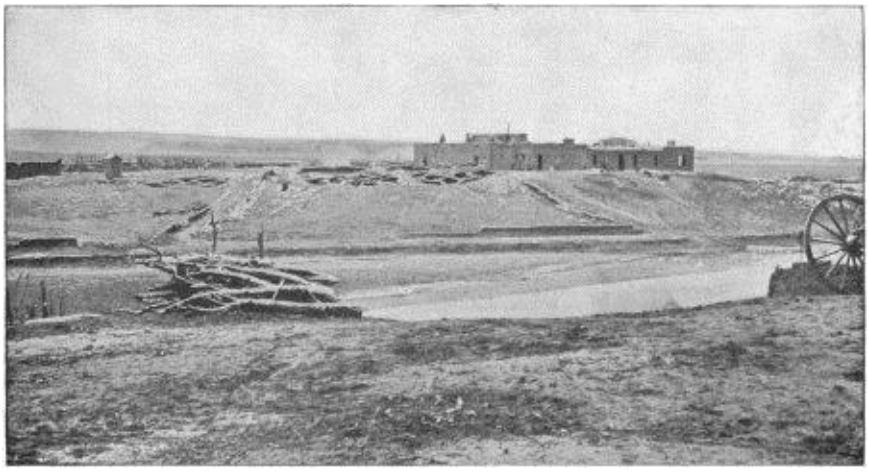


ТАБЛИЦА LVII. РАСКОПКИ ХАЛОНЫ, ВИД ИЗ ЗУНИ.

ХАЛОНА.

Древний пуэбло под названием Халона, как считается, принадлежал группе Чиболан и был заселен во время завоевания. Он занимал часть территории, на которой сейчас стоит пуэбло Зуни. Часть этого пуэбло была построена на противоположной стороне реки, где остатки стен были обнаружены на небольшой глубине под поверхностью земли при раскопках для фундамента дома г-на Кушинга. В то время были найдены только разрозненные остатки каменной кладки, которые давали мало информации о плане или расположении постройки. Позже, летом 1888 года, г-н Кушинг значительно расширил свой дом на южной стороне реки и при раскопках фундамента обнаружил несколько небольших комнат. Раскопки продолжались до декабря того же года, когда была обнажена большая часть древней деревни. Иллюстрация LVII, сделанная по фотографии, показывает часть этих руин, как их видно с юго-западного угла Зуни. Фотография была сделана утром во время небольшого снегопада, который слегка покрыл вершины стен, оставшихся в раскопках, и резко обозначил их очертания на фоне теней комнат.

Судя по имеющимся данным, восстановить весь облик той части Халоны, которая послужила ядром современного Зуни, представляется невозможным. Однако в нескольких местах нынешней деревни можно обнаружить следы старого пуэбло. Несомненно, если бы можно было получить доступ ко всем внутренним комнатам пуэбло, в некоторых из них были бы обнаружены следы древних методов строительства, достаточные, по крайней мере, для восстановления общей формы древнего пуэбло. Во время обследования деревни такое исследование было невозможно. Часть старого пуэбло, служившая ядром для более позднего строительства, вероятно, находилась под домами № 1 и 4, образуя практически единое пространство комнат. Посторонние и пришельцы не допускаются в эти самые внутренние комнаты. Выходы породы в небольшом скоплении № 2 по своему расположению указывают на непрерывную стену старого пуэбло, вероятно, внешнюю. Части древней внешней стены, вероятно, встроены в западную сторону группы № 1. На северной стороне группы № 2 (см. табл. LXXVI) можно увидеть выступ, похожий на контрфорс, конструкция которого из небольших плоских камней сильно контрастирует с характером окружающих стен и указывает на то, что это фрагмент древнего пуэбло. Этот выступающий контрфорс не имеет никакого смысла в своем нынешнем положении.

Вышеуказанные предположения подтверждаются еще одной особенностью того же кластера домов. Продолжая линию этого контрфорса через дом губернатора, мы обнаруживаем выступающий фрагмент стены второго этажа, характер и отделка которого ясно показаны на табл. LVIII. Его общее сходство с древней кладкой и контраст с нынешними небрежными методами строительства очень заметны. Высота этого фрагмента над землей позволяет предположить, что первоначальное пуэбло было в очень хорошем состоянии, когда его впервые использовали в качестве ядра для последующих

пристроек. Часть под домом № 1 в , вероятно, сохранилась не хуже. Частый ремонт комнат с нанесением глиняного покрытия значительно затрудняет определение древних частей комплекса по характеру каменной кладки. Потолки, вероятно, дольше всего сохраняют первоначальный вид древних комнат, поскольку они не подвергаются такому ремонту.

ТАБЛИЦА LVIII. ФРАГМЕНТЫ СТЕНЫ ХАЛОНЫ.

Г-н Кушинг полагал, что внешняя западная стена древнего пуэбло имела изогнутый контур. Однако более вероятно, что она регулировала линии нынешних внешних комнат и отражается в них, поскольку обычной практикой этих строителей было устанавливать одну перегородку непосредственно над другой, увеличивая высоту здания. Это предполагает почти прямоугольную форму, возможно, с выступом и смещением, поскольку старые строители не могли встроить изогнутую внешнюю стену в массив прямоугольных ячеек, как это видно в нынешнем пуэбло. С другой стороны, внешняя стена первоначального пуэбло могла находиться за пределами ныне занятых комнат, поскольку деревня была заброшена за некоторое время до того, как колония вернулась на это место.

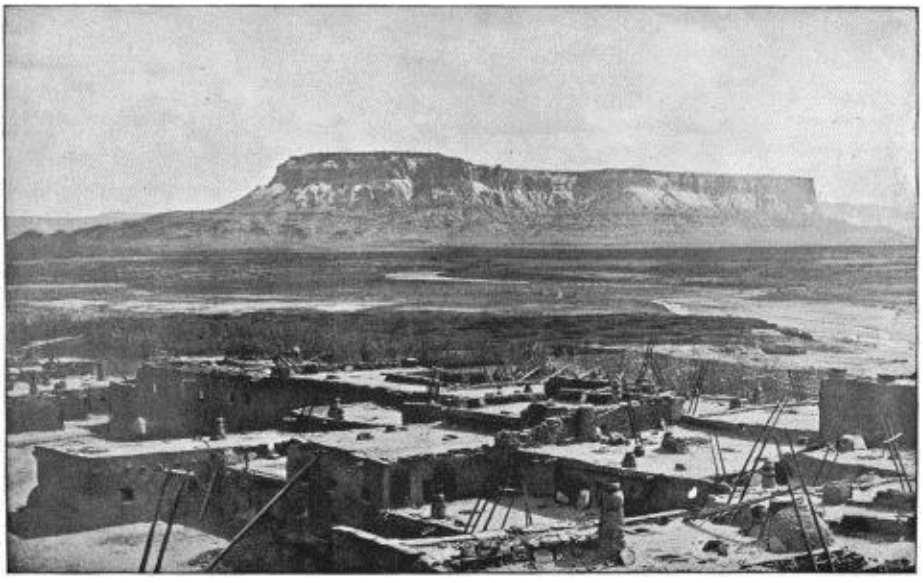


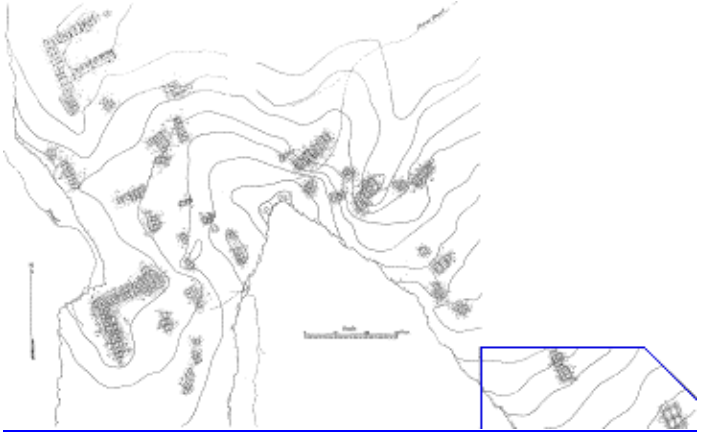
ТАБЛИЦА LIX. МЕСА ТААЙЯЛАНА, ВИД ИЗ ЗУНИ.

ТАААИЯЛАНА.

После того как пуэбло, известные как Семь городов Сиболы, были заброшены, предположительно во время всеобщего восстания пуэбло в 1680 году, жители всех деревень Сиболы укрылись на вершине Таайялана, изолированной мезе, расположенной в 3 милях к юго-востоку от Зуни, и построили там несколько поселений пуэбло.

Эта меса, также известная как «Горная Гроза», возвышается на 1000 футов над равниной и практически недоступна. К вершине ведут две пешеходные тропы, каждая из которых местами пересекает крутые склоны из песчаника, где в скале выбиты отверстия для ног и рук. С северо-восточной стороны на вершину мезы можно подняться по неровной и извилистой тропе для ослов. Остальная часть края мезы слишком крутая, чтобы на нее можно было взобраться. Ее вид с Зуни показан на илл. LIX.

В южной части этого неприступного места, вокруг точки, где собирается почти весь сток с вершины мезы, находятся остатки деревни. Зуни утверждали, что дома были распределены на шесть групп или кластеров, каждый из которых занимал место одного из заброшенных городов. Г-н Фрэнк Х. Кушинг[4] также был под впечатлением , что эти дома были построены в виде шести отдельных кластеров одной деревни, и он обнаружил, что во время восстания пуэбло были заняты только шесть деревень Сиболана. Однако изучение плана сразу показывает, что строители не руководствовались каким-либо четким планом расположения. Есть только три, или, в лучшем случае, четыре группы, которые можно определить как отдельные кластеры, и даже в их случае расположение настолько нерегулярное, а границы настолько нечеткие из-за большого количества разбросанных по окрестностям небольших групп, что их трудно считать отдельными. На самом деле здесь находится тридцать восемь отдельных зданий (Pl. LX), размеры которых варьируются от одного из двух комнат, расположенного в южной оконечности, до одного из ста трех комнат, расположенного в юго-западном углу всей группы и близко к западной кромке мезы, где пешеходные тропы достигают вершины. Существует также большое разнообразие в расположении комнат. В некоторых случаях группы довольно компактны, а в других комнаты распределены узкими рядами. В большой группе на северо-западной оконечности дома расположены вокруг двора; за этим исключением группы комнат разбросаны нерегулярно, без учета какого-либо оборонительного расположения зданий. Строители, очевидно, полагались в первую очередь на неприступность своего местоположения и свободно выбирали такое расположение, которое диктовалось удобством.



Полный размер

ТАБЛИЦА LX. ТААЙЯЛАНА, ПЛАН.

Обведенная область в правом нижнем углу была напечатана в виде вставки непосредственно под шкалой расстояний.

Каменная кладка в этих деревнях была выполнена грубо, толщина стен часто не превышала 30 см. Судя по всему, для кладки использовалось очень мало глиняного раствора; некоторые из самых толстых и лучше всего сохранившихся стен, по-видимому, были возведены практически без раствора (табл. LXI). Немногие сохранившиеся проемы также свидетельствуют о поспешном и небрежном строительстве. На большей части территории обломки обрушенных стен очень четко заметны и почти не засыпаны землей или нанесенным песком. Это придает этим руинам странный эффект новизны, как будто стены обрушились совсем недавно. Небольшое количество обломков позволяет предположить, что большинство этих зданий никогда не было выше одного этажа, хотя в четырех самых широких группах (см. план, Pl. LX) высота могла достигать двух, а возможно, и трех этажей. Все руины густо покрыты роскошной растительностью из плетеных кактусов, которых в других местах окрестностей почти не встречается. Крайняя юго-восточная группа, состоящая из четырех больших комнат, сильно отличается по своему характеру от остальных руин. Здесь комнаты или ограждения обозначены лишь несколькими камнями на поверхности земли и частично вкопанными в почву. Нет никаких следов обломков обрушенных стен. Эти очерченные ограждения, по-видимому, никогда не были обнесены стенами значительной высоты. В одной из комнат находится каменная плита, вокруг которой в последнее время были установлены несколько церемониальных перьевых палок.

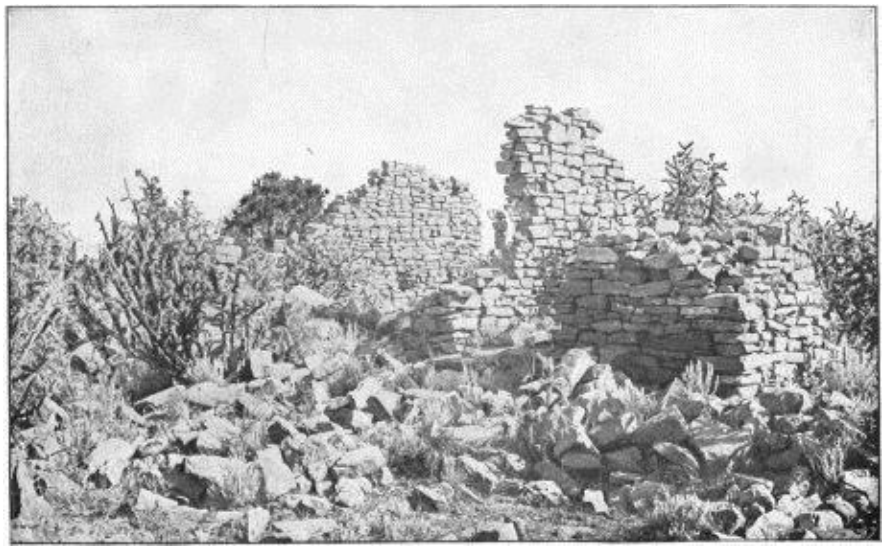


ТАБЛИЦА LXI. СТОЯЩИЕ СТЕНЫ РУИН ТААЙЯЛАНА.

Мотивом, который привел к заселению этой мезы, была оборона; причиной, которая привела к выбору именно этого места, была возможность обеспечения водоснабжения. Тропа на западной стороне проходит мимо источника, расположенного на полпути вниз по мезе. Еще один источник находился близко к подножию тропы на южной стороне; однако он был расположен ниже, почти у подножия осыпи.

В дополнение к этим источникам воды строители собирали и хранили сточные воды с вершины мезы возле южного прохода или углубления. В этом месте до сих пор видны остатки двух водохранилищ или плотин, построенных из тяжелого каменного masonry. Сейчас на месте осталось лишь несколько камней, но они свидетельствуют о необычайно массивном сооружении. Еще один резервуар находится дальше по краю мезы к юго-востоку, за пределами приведенного плана. Как видно из плана (Pl. LX), два резервуара у прохода находятся довольно близко друг к другу. Эти резервуары в значительной степени засыпаны отложениями. Pl. LXII дает вид на главный или самый

западный резервуар, как он виден с северо-востока. Слева видны большие камни, которые когда-то были встроены в каменную кладку плотины. По-видимому, эта кладка первоначально охватывала около трех четвертей окружности водохранилища. Как и в ранее описанном Кетчипауане, верхняя часть бассейнов незаметно переходила в общую дренажную систему и не имела четких границ.

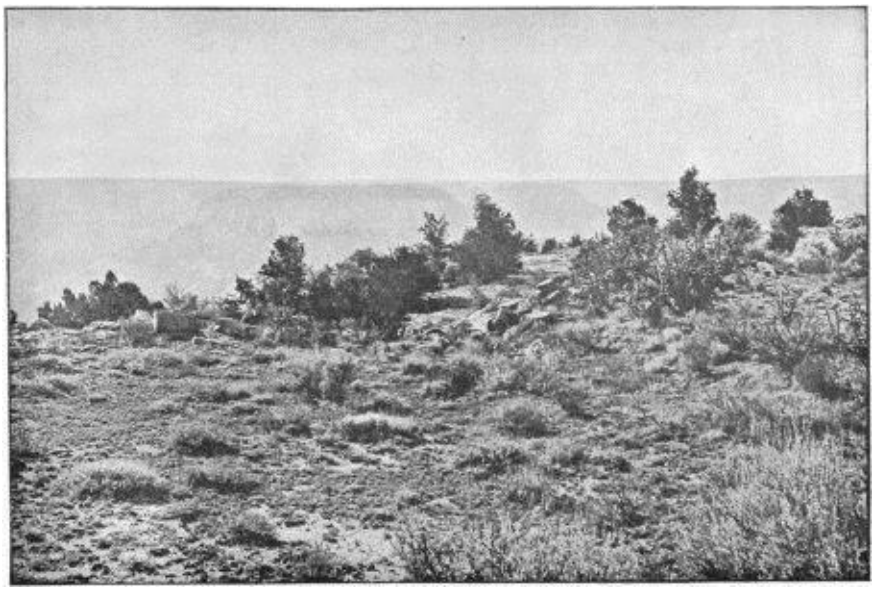


ТАБЛИЦА LXII. ОСТАТКИ ВОДОХРАНИЛИЩА НА ТААЙЯЛАНА.

Зуни утверждают, что здесь они практиковали любопытный метод хранения воды. Они говорят, что всякий раз, когда на земле лежал снег, жители деревни выходили в полном составе и скатывали огромные снежки, которые в конце концов собирались в эти бассейны, и постепенно тающий снег давал значительное количество воды. Пустынная среда научила этих людей использовать все возможные средства, которые могли бы увеличить их запасы воды.

Следует отметить, что на иллюстрированном плане руин Таайялана края мезы были нарисованы без помощи инструментов, поэтому они не так точно зафиксированы, как планы и относительное расположение домов. Это было все, что можно было сделать в то время, и это достаточно хорошо иллюстрирует общее расположение зданий по отношению к окружающей топографии.

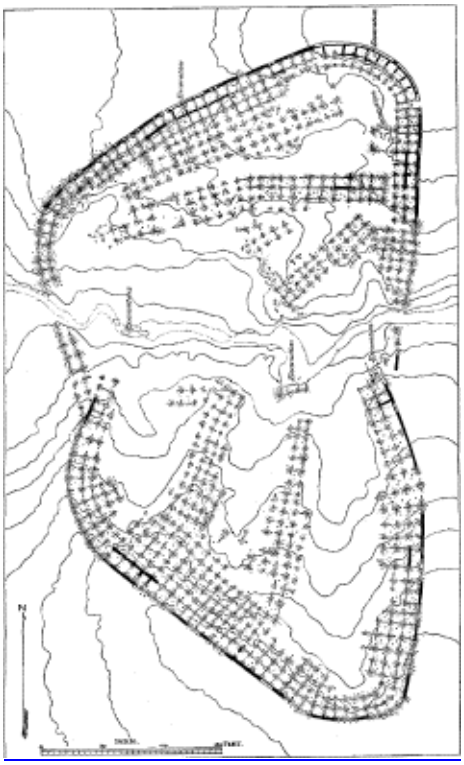
ТАБЛИЦА LXV. СОХРАНИВШИЕСЯ СТЕНЫ КИН-ТИЕЛЯ.

КИН-ТИЭЛЬ.

Все вышеописанные руины имеют тесную традиционную и историческую связь с Зуни. Это не относится к великолепно сохранившемуся древнему пуэбло Кин-тиель, но отсутствие такой тесной исторической связи компенсируется его архитектурной ценностью. Разительно отличаясь по своему

общему плану от уже рассмотренных руин, оно все же напоминает более древние части Нутрии и Пескадо, что можно увидеть, сравнив планы (планы LXVII и LXIX). Его состояние сохранности таково, что оно проливает свет на детали, которые не пережили общее разрушение в других пуэбло. Эти особенности будут упомянуты в обсуждении и сравнении этих архитектурных групп по конструктивным деталям в главе IV.

Это пуэбло, расположенное почти на полпути между Сиболой и Тусаяном, на некоторых картах обозначено как Пуэбло-Гранде. Оно находится на небольшом отроге Пуэбло-Колорадо ( ), в 22 или 23 милях к северу от Навахо-Спрингс и примерно на таком же расстоянии к югу от Пуэбло-Колорадо (почтовое отделение Ганадо). Географически руины могут принадлежать либо Тусаяну, либо Сиболе, но г-н Кушинг собрал традиционные упоминания среди зуни о заселении этого пуэбло родственными народами в период, недалеко от первого испанского визита в этот регион.



Полный размер

ТАБЛИЦА LXIII. КИН-ТИЕЛ, ПЛАН (ТАКЖЕ ПОКАЗАНЫ РАСКОПКИ).

План (табл. LXIII) показывает заметный контраст с нерегулярностью, наблюдаемой в ранее описанных руинах. Пуэбло было четко очерчено непрерывной и неразрывной внешней стеной, которая, вероятно, простиралась до полной высоты самых высоких этажей (табл. LXIV). Эта симметричная форма тем более примечательна в пуэбло таких больших размеров, поскольку, за исключением Пуэбло Бонито из группы Чако, это самое большое древнее пуэбло, исследованное этим Бюро. Эта деревня, по-видимому, принадлежит к тому же типу, что и примеры Чако, представляя собой высшую степень развития в строительстве большого оборонительного пуэбло, практически представляющего собой единое здание. Все террасы выходили на один или несколько закрытых дворов, через которые осуществлялся доступ к комнатам. Отверстия в этой внешней стене, особенно у земли, были немногочисленны и очень малы по размеру, как показано на илл. CIV. Пуэбло было построено в виде двух крыльев почти одинакового размера на противоположных склонах большого песчаного русла, пересекающего его центр с востока на запад. Это русло, несомненно, когда-то обеспечивало особые возможности для хранения воды внутри или вблизи деревни, и это, должно быть, было одним из факторов, повлиявших на выбор места. Однако во время

нашего исследования ни капли воды не было найдено вокруг руин, и не было обнаружено никаких следов сооружений для сбора или хранения воды. Такие следы вряд ли могли сохраниться, так как они, вероятно, были смыты сильными летними потоками или погребены под накопившимся песком. Через два сезона после нашей работы в этом месте стало известно, что американец, копая в некоторых комнатах на берегу аройо, обнаружил остатки колодца или резервуара, который он очистил от песка и мусора и обнаружил, что он находится в хорошем состоянии и обеспечивает настолько стабильное водоснабжение, что первооткрыватель поселился на этом месте. Автор не видел этого ( ). Примерно в миле к северо-востоку от пуэбло есть небольшой родник, но этого источника было бы совершенно недостаточно для нужд такой большой деревни. Однако, возможно, он обеспечивал гораздо более обильный запас воды, когда использовался постоянно, поскольку во время нашего визита он казался забитым. Примерно в полутора милях к западу от деревни находится лагуна, образованная сбором стоков из нескольких широких долин, в которой вода остается в течение длительного времени после окончания дождей. Примерно в 6 милях к северу, в понижении широкой долины, находится обширное озеро, которое, по-видимому, имеет постоянный приток в течение всего года, за исключением, возможно, необычно засушливого сезона. Эти различные водоемы, несомненно, использовались жителями Кин-тиеля в садоводстве; фактически, недалеко от берегов упомянутого большого озера находится небольшой дом из двух комнат, по своему исполнению очень похожий на главный дом в пуэбло , очевидно предназначенный для наблюдения за полями. Это здание изображено на илл. LXVI.

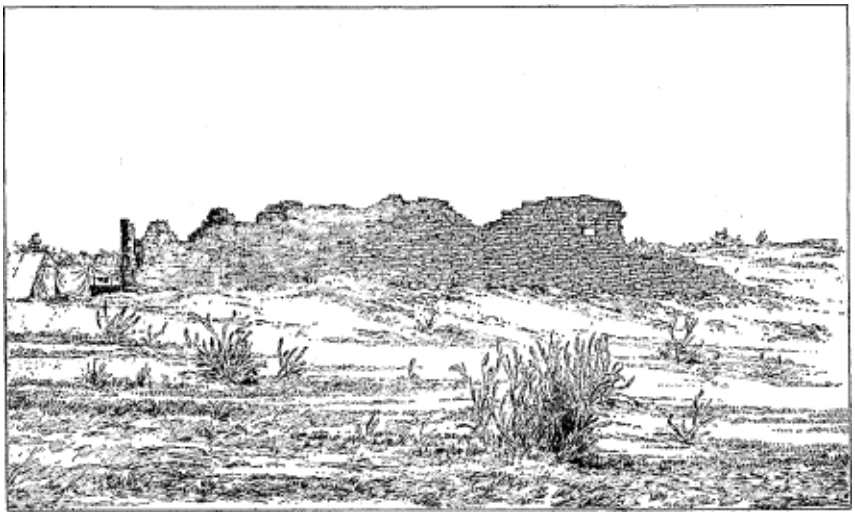


ТАБЛИЦА LXIV. СЕВЕРНАЯ СТЕНА КИН-ТИЕЛЯ.

Расположение внутренних домов в двух половинах руин различается. Можно заметить, что в северной половине общее расположение примерно параллельно внешним стенам, за исключением небольшой группы у восточного края аройо. В южной половине, напротив, внутренние ряды расположены почти под прямым углом к внешним группам комнат. Изучение контуров участка показывает причину этого различия в конфигурации склонов в обоих случаях. В южной половине ряды комнат были построены на двух длинных выступающих хребтах, а расходящаяся небольшая группа в северной половине обязана своим направлением аналогичной причине. После того как линия внешней стены была закреплена в качестве оборонительного вала, по-видимому, не было особых ограничений в приспособлении внутренних построек к неровностям участка. (Pl. LXIII.)

В наружных стенах можно было найти только три четко обозначенных входа во внутреннюю часть пуэбло, и из них только два были пригодны для общего пользования. Один находился в углу наружной стены, чуть южнее восточного конца аройо, где северная стена, продолжающаяся через аройо, пересекает наружную стену южной половины, а другой — возле закругленного северо-восточного угла пуэбло. Третий проем представлял собой дверной проем обычного размера в

толстой северной стене. Вероятно, что когда-то существовали и другие проемы, особенно в южной половине. Судя по ее большим размерам и более компактной планировке, южная половина, по-видимому, очень нуждалась в таких проходах, но сохранившиеся стены не показывают никаких следов их существования.

План здания указывает, в основном в северной половине, на наличие нескольких больших комнат круглой формы, но разрушенные остатки квадратных комнат настолько похожи на круглые по внешнему виду из-за большего количества обломков, скопившихся в углах, что невозможно с уверенностью определить, были ли церемониальные комнаты здесь круглой формы, столь распространенной в древних пуэбло. Хотя в древних пуэбло типа « » были найдены только круглые кивы, кивы всех вышеописанных руин Сибола, по словам зуни, были прямоугольными. Этот вопрос можно решить для этого пуэбло только путем раскопок в более крупном масштабе, чем тот, который была готова провести экспедиция. Небольшие раскопки в месте, где на поверхности было указано круглое помещение, показали только части прямых стен.

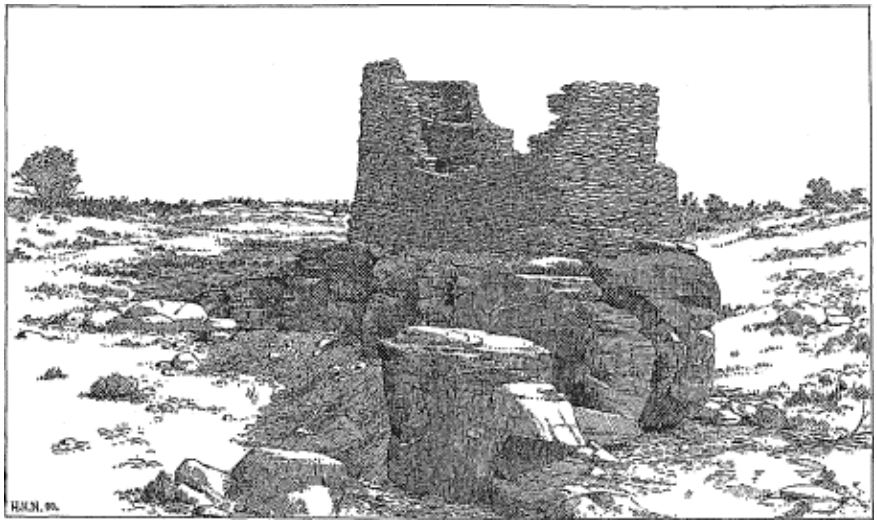


ТАБЛИЦА LXVI. КИННА-ЗИНДЕ.

Большой размер кучи мусора на южной стороне деревни указывает на то, что это место было заселено на протяжении многих поколений. Несмотря на этот длительный период заселения, никакие важные постройки деревни, по-видимому, не выходили за пределы плана. На северной стороне, за пределами главной стены, видны несколько прямоугольников, слабо очерченных камнями, но они, по-видимому, не были комнатами. Они напоминают аналогичные ограждения, обнаруженные в руинах пуэбло, расположенных южнее, которые, как показали раскопки, содержали могилы.

Местоположение нескольких раскопок указано на плане (план LXIII). Наши возможности для проведения таких работ были весьма ограниченными, и все полученные результаты были достигнуты на небольшой глубине от поверхности. Одна из этих раскопок, изображенная на плане C, будет более подробно описана в главе IV.

ПЛАНЫ И ОПИСАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ.

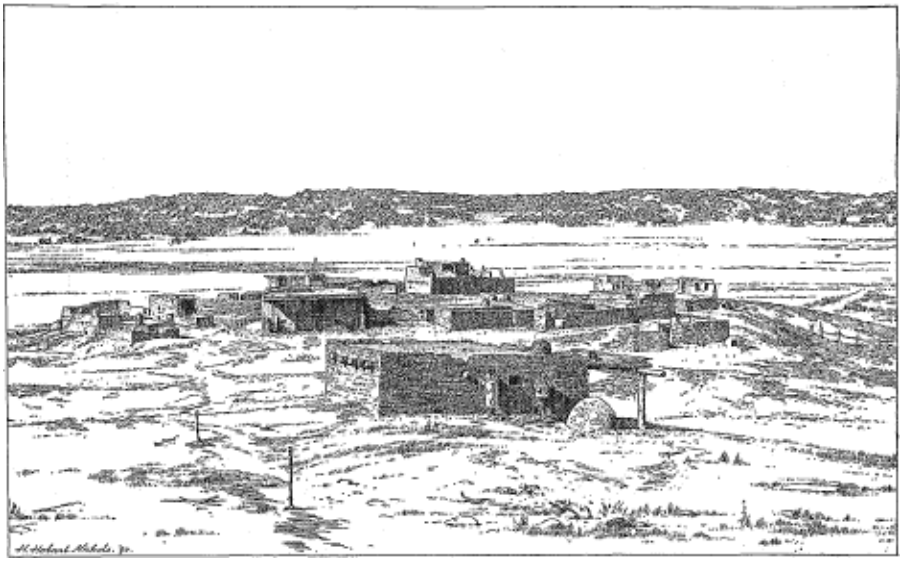
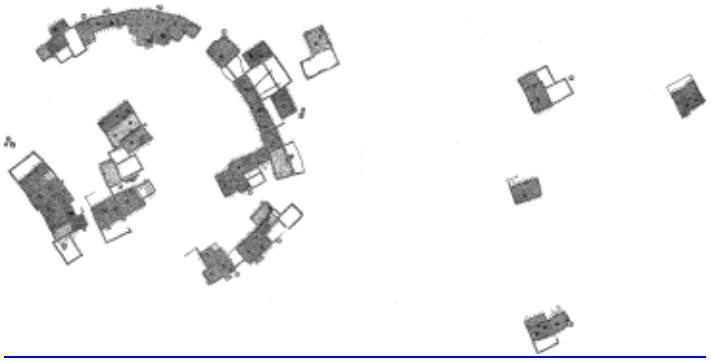


ТАБЛИЦА LXVIII. НУТРИЯ, ВИД.

НУТРИЯ.

Нутрия — самая маленькая из трех фермерских деревень Зуни, расположенная примерно в 23 милях к северо-востоку от Зуни, в верховьях долины Нутрия. В этом месте имеется обильный запас воды, которая поступает по ручью, в основном используемому для орошения полей в окрестностях. Большая часть деревни имеет компактную планировку, как видно из плана (пластина LXVII и рис. 17), но несколько небольших групп домов, построенных позднее, состоящих из двух или трех комнат каждая, расположены на востоке, на значительном расстоянии от основной группы. В настоящее время деревня используется исключительно как сельскохозяйственное поселение в период посева и сбора урожая.



Полный размер

ТАБЛИЦА LXVII. НУТРИЯ, ПЛАН.

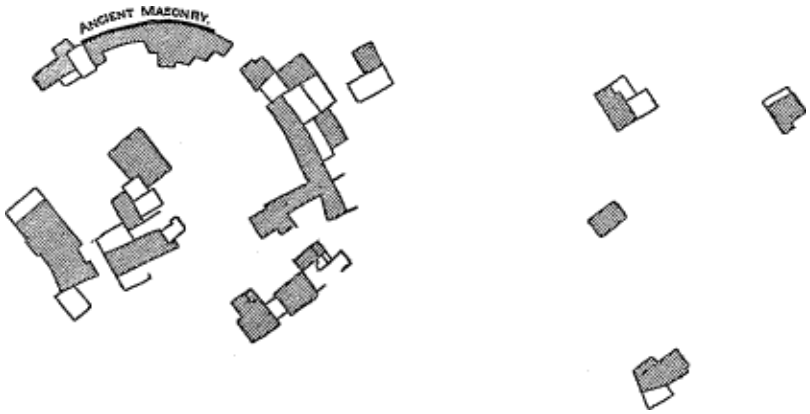


Рис. 17. Нутрия, план; небольшая схема, старая стена.

Очертания этого небольшого пуэбло значительно отличаются от очертаний большинства деревень Чиболана. Деревня (табл. LXVIII), особенно ее северная часть, в некоторой степени напоминает древнее пуэбло Кин-тиель (табл. LXIII) и, по-видимому, была построена на руинах более древней деревни, имевшей схожую форму, о чем свидетельствует ее изогнутая внешняя стена. Фрагменты тщательно построенной каменной кладки древнего типа, заметно контрастирующие с окружающими современными постройками, служат дополнительным доказательством этого. Древняя деревня, вероятно, изначально имела церемониальные помещения или кивы, но в настоящее время следов таких помещений не обнаружено.

В конце сбора урожая, когда начинается сезон праздников и церемоний, продолжающийся почти всю зиму, жители этих сельскохозяйственных поселений закрывают свои дома и возвращаются в главный пуэбло, оставляя их незаселенными до следующей весны.

Большое количество заброшенных и разрушенных комнат очень заметно в сельскохозяйственных пуэбло, изображенных на этом и двух последующих планах (Pls. LXIX и LXXIII). Семьи, которые занимаются сельским хозяйством в их окрестностях, занимают, по-видимому, чуть более половины доступных комнат.

ПЕСКАДО.

Эта деревня, также являющаяся сельскохозяйственным пуэбло зуни, расположена в большой долине примерно в 12 милях к северо-востоку от Зуни. Хотя она намного больше, чем Нутрия, она полностью входит в компактную группу, изображенную на плане. Тенденция строить небольшие отдельно стоящие дома, замеченная в Нутрии и Охо-Калиенте, здесь не проявилась. Также заметна распространенность заброшенных и без крыш домов.

Полный размер

ТАБЛИЦА LXIX. ПЕСКАДО, ПЛАН.

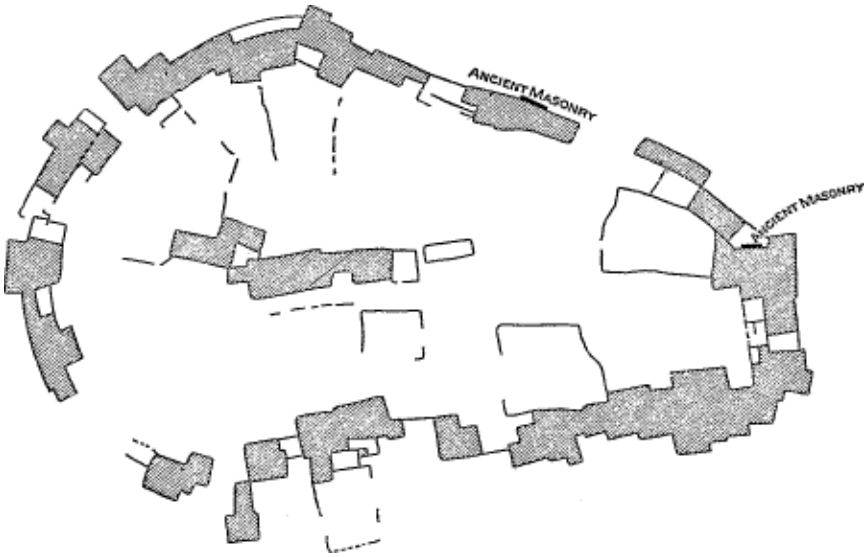


РИС. 18. ПЕСКАДО, ПЛАН, СХЕМА СТАРОЙ СТЕНЫ.

Контуры первоначального двора, окружающего пуэбло (табл. LXX), очень четко обозначены, поскольку земледельцы-зуни, использующие это место, практически не выходили за пределы первоначальных границ древнего пуэбло. План, табл. LXIX и рис. 18, показывает небольшой нерегулярный ряд, построенный в большом закрытом дворе; этот ряд, с окружающими его ограждениями и загонами, вероятно, не входил в первоначальный план. Полный изогнутый контур прерывается только на западном конце деревни небольшими пристройками к внешней стене, а северная и восточная стены также точно повторяют границы первоначального пуэбло. Фактически, в двух точках вдоль северной стены до сих пор сохранились фрагменты тщательно выполненной кладки, вероятно, составлявшие часть внешней стены древнего пуэбло (Pl. LXXII). Эта внешняя стена, вероятно, когда-то была непрерывной на всю высоту пуэбло , но частичная реставрация зданий фермерами Зуни больше напоминает современную планировку. К внешней стороне комплекса были добавлены небольшие комнаты, и в некоторых случаях на террасы можно подняться по внешним

каменным ступеням, что контрастирует с оборонительными сооружениями, преобладающими в пуэбло такой формы. За стенами было построено несколько куполообразных печей.

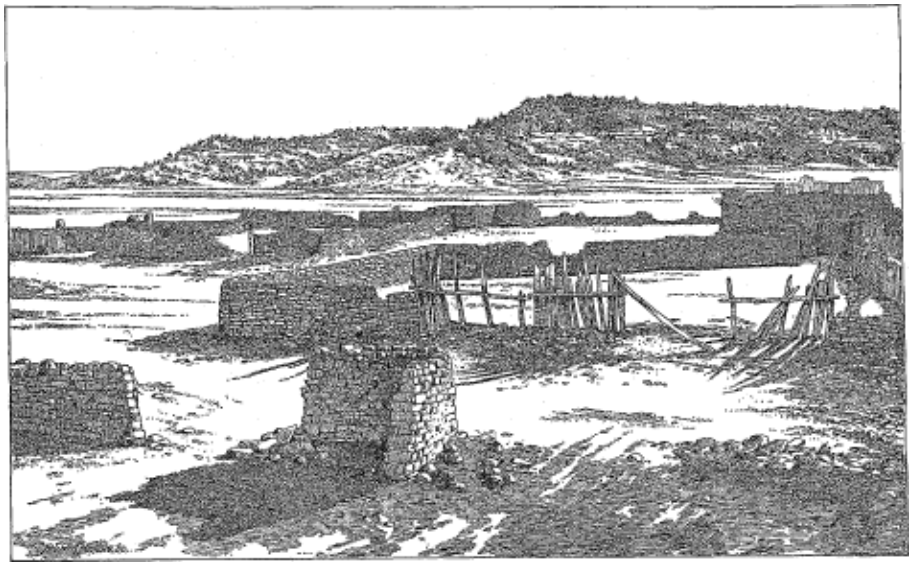


Таблица LXX. Вид на Пескадо со стороны двора, на котором видны загоны для скота.

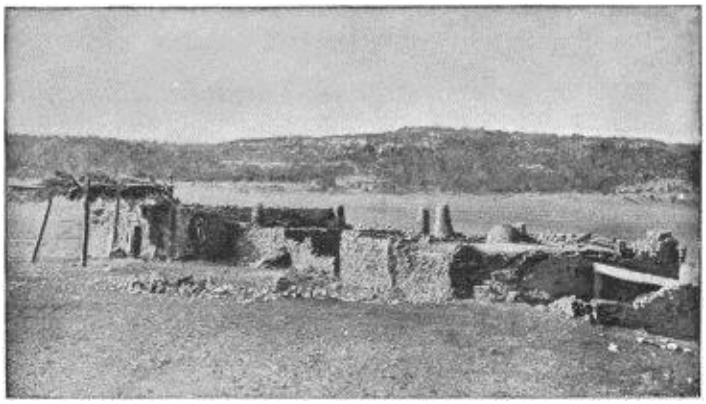


Таблица LXXI. Дома Пескадо.

Таблица LXXII. Фрагменты древней каменной кладки в Пескадо.

Принцип планировки пуэбло, воплощенный в Кин-тиеле, о котором упоминалось ранее, особенно ясно прослеживается в этой деревне, что отличает ее от большинства пуэбло в Сиболе. В этой деревне не было обнаружено никаких следов кива.

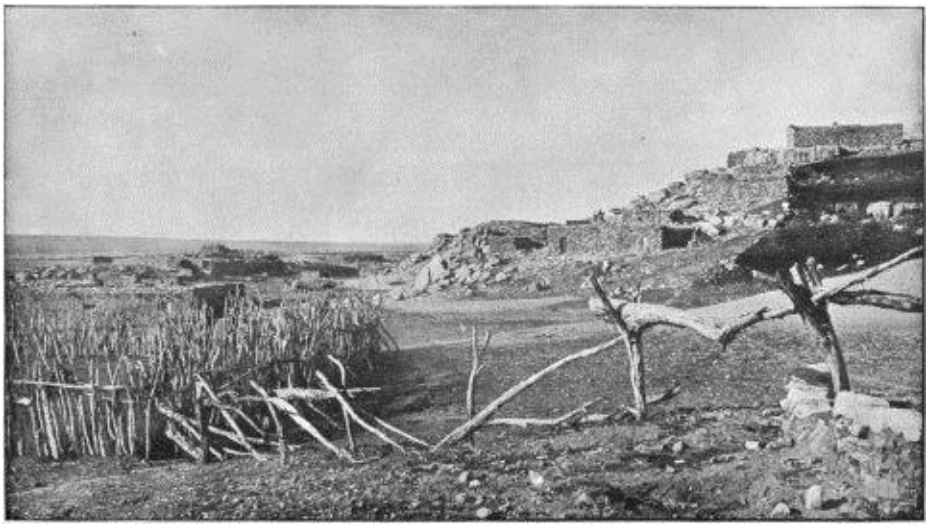


ТАБЛИЦА LXXIV. ОБЩИЙ ВИД ОХО-КАЛИЕНТЕ.

ОХО-КАЛИЕНТЕ.

Сельскохозяйственная деревня Охо-Кальенте расположена недалеко от высохшего русла реки Зуни, примерно в 15 милях к югу от Зуни. Она находится примерно на полпути между Хавику и Кетчипауаном, двумя из семи городов Сиболы, описанных выше. Несмотря на то, что она расположена в плодородной и хорошо орошаемой местности и находится недалеко от руин древних деревень, есть признаки того, что она была построена относительно недавно. Здесь нет таких свидетельств связи со старой деревней, как те, что были найдены в Нутрии и Пескадо. Неравномерные и небольшие группы, образующие эту деревню, широко разбросаны по довольно неровной и изрезанной местности, как показано на плане (Pl. LXXIII). Здесь также большая часть деревни не заселена. Большая группа домов на восточной окраине и прилегающие дома, расположенные на низкой ровной местности, составляют нынешнюю заселенную деревню. Дома, занимающие возвышенные скалистые участки на западе (Pl. LXXIV), находятся в запущенном состоянии и давно заброшены.

Полный размер

ТАБЛИЦА LXXIII. ОХО КАЛИЕНТЕ, ПЛАН.

Эта южная часть района Сибола, по-видимому, была сильно подвержена набегам апачей. Одно из последствий этого уже было отмечено в оборонительных сооружениях церкви Кетчипауан. Из-за такой опасности зуни, вероятно, построили первые группы домов здесь, на самых высоких точках скалистого мыса, несмотря на относительную неудобность таких мест. Позже, когда фермеры обрели уверенность или времена стали более безопасными, они построили дома на равнине, которая сейчас занята; но, по-видимому, это было сделано не сразу. Распределение домов по участкам с

разной степенью недоступности предполагает последовательность подходов к заселению открытой и незащищенной долины.

Некоторые каменные постройки этой деревни построены небрежно, и, как и в других фермерских пуэбло, здесь гораздо меньше штукатурки из сырцового кирпича и выравнивания внешних стен, чем в родном пуэбло.

ТАБЛИЦА LXXV. ДОМ В ОХО-КАЛЬЕНТЕ.

На момент проведения исследования заселение этой деревни в течение всего года предлагалось несколькими семьями, которые хотели прибегать к родительской деревне только во время определенных церемоний и важных праздников. Таким образом, относительная безопасность последнего времени ведет к распаду огромного центрального пуэбло. Этот результат неизбежен, поскольку исчезновение мотива обороны приводит к осознанию больших неудобств нынешней централизованной системы.

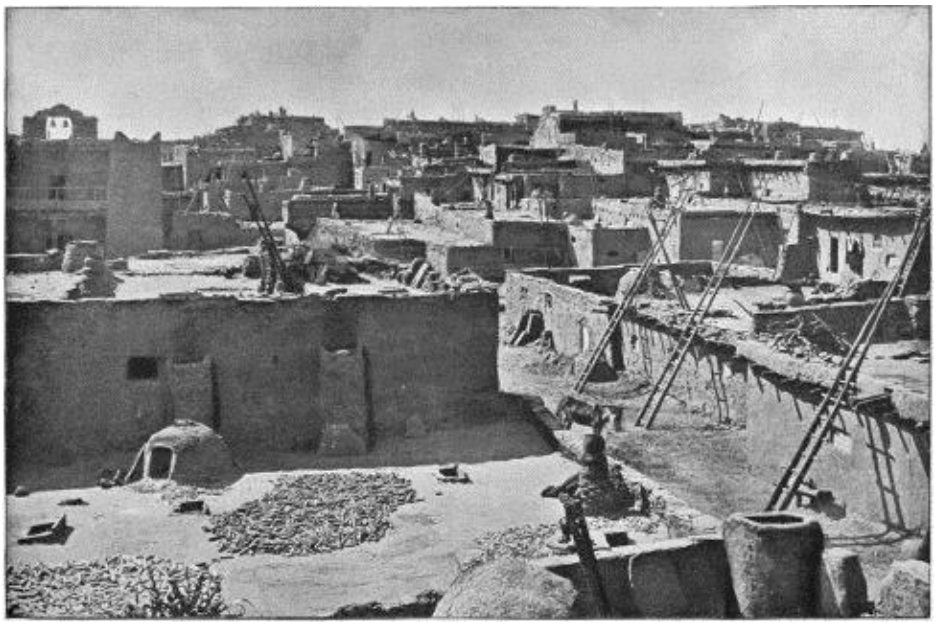


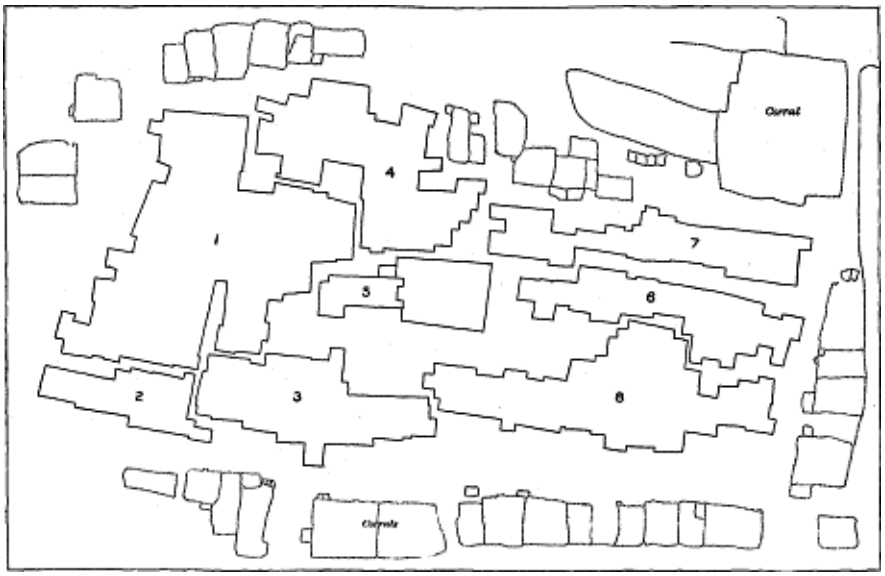
ТАБЛИЦА LXXVIII. ОБЩИЙ ВИД ВНУТРЕННЕЙ ЧАСТИ ЗУНИ, ВИД НА ЗАПАД.

ЗУНИ.

Пуэбло Зуни построено на небольшом холме на северном берегу реки Зуни, примерно в трех милях к западу от заметной мезы Таайалана. Оно является преемником всех первоначальных «семи городов Сиболы» испанцев и является крупнейшим из современных пуэбло. Как уже упоминалось ранее, руины Халоны, одного из «семи городов», идентифицированного г-ном Кушингом, послужили ядром для строительства современного пуэбло и были включены в наиболее плотно застроенные части, обозначенные на плане (пластина LXXVI) цифрами 1 и 4.

Полный размер

ТАБЛИЦА LXXVI. ЗУНИ, ПЛАН.



КЛЮЧ К ПЛАНУ ЗУНИ (ПЛАН LXXVI).

Некоторые из деревень Чиболана были долинными пуэбло, построенными на расстоянии от скалистых мес и каньонов, которые, вероятно, служили карьерами для добычи камня, использовавшегося в строительстве. Место Халона было именно такого типа, ближайший источник камня находился на расстоянии 3 миль. В этом месте (Халона) река Зуни является многолетней и обеспечивает обильный запас воды в любое время года. Однако она исчезает в нескольких милях к западу в широкой песчаной косе, чтобы снова появиться в 20 милях ниже деревни, вероятно, благодаря притоку небольших ручьев из источников, расположенных ниже по течению. Так называемая река является единственным источником водоснабжения в Зуни, за исключением единственного колодца или водохранилища на северной стороне деревни.

Зуни была построена в месте, не имеющем особых преимуществ для обороны; по-видимому, выбор этого места был обусловлен удобством доступа к большим площадям пахотных земель. Это подвергло ее частично тем же влияниям, которые ранее привели к появлению тщательно укрепленных крепостей-пуэбло в долинах, где эффективность обороны обеспечивалась хорошо спланированными и построенными зданиями. В результате Зуни, хотя и не сравнимое по симметричности со многими древними примерами, демонстрирует удивительно компактное расположение жилищ в тех частях пуэбло, которые были заселены первыми и обозначены на плане (Pl. LXXVI) как дома 1 и 4. Из-за этого ограничения бокового расширения эта часть пуэбло была возведена на большую высоту.

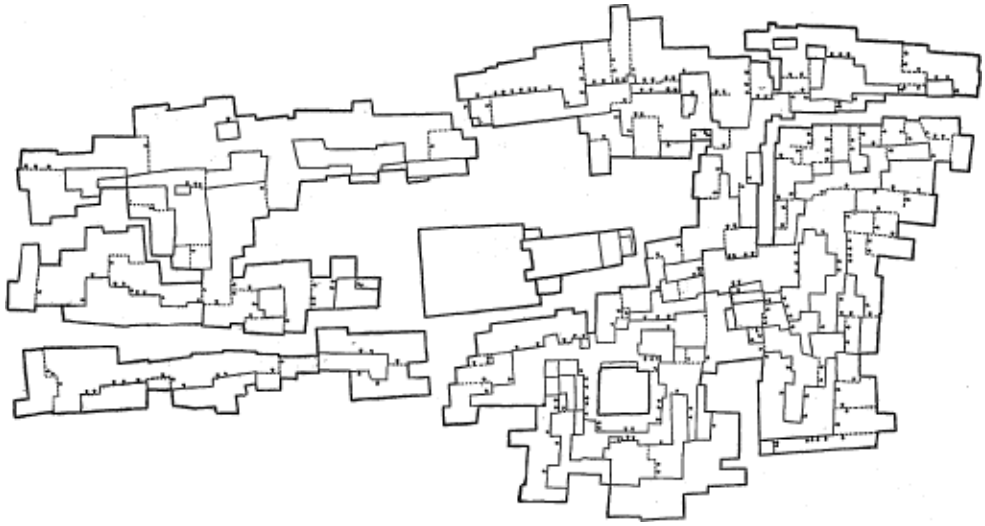


ТАБЛИЦА LXXVII. ОБЩИЙ ПЛАН ЗУНИ С УКАЗАНИЕМ РАСПОЛОЖЕНИЯ КОСЫХ ПРОЁМОВ.

На табл. LXXVIII представлен общий вид этих более высоких террас деревни с юго-востока. На южной стороне этого скопления достигается высота пяти отдельных террас от земли. Однако из-за неровности местности на северной стороне эта же точка находится только на высоте трех террас от земли. Вершина холма, на котором построена старая часть Зуни, настолько неровна, а сами дома настолько различаются по размерам, что высота террас сильно варьируется. Часть группы из трех террас может иметь только две террасы, расположенные непосредственно рядом, а во всех более плотно застроенных частях деревни открытая высота террас варьируется от 1 фута до 8 или 10 футов. Иллюстрация LXXIX иллюстрирует эту особенность.

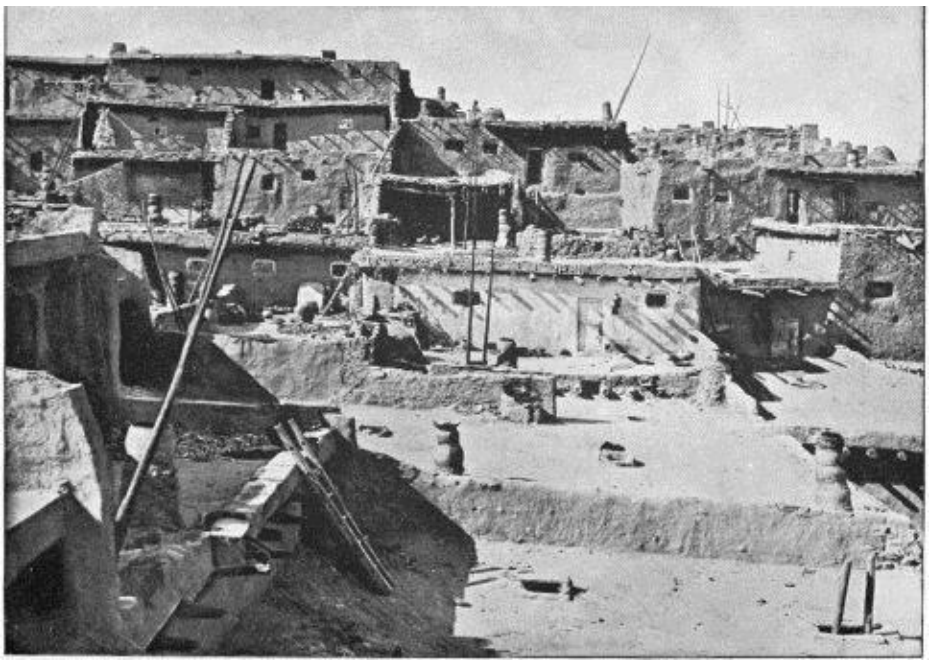


ТАБЛИЦА LXXIX. ТЕРРАСЫ ЗУНИ.

Рост деревни, по-видимому, значительно превзошел первоначальные ожидания строителей, и тесные пристройки, по-видимому, были присоединены к кластерам везде, где потребность в дополнительном пространстве была наиболее острой, без соблюдения какого-либо определенного плана в их расположении. В таких древних руинах пуэбло, которые свидетельствуют о том, что они прошли через подобный опыт, скученность дополнительных ячеек, по-видимому, была в определенной степени приведена в соответствие с заранее определенным планом. В Кин-тиеле мы видели, как такие пристройки к жилым помещениям могли быть легко сделаны внутри открытого двора, не затрагивая симметрию и оборонительную эффективность пуэбло; но здесь ядро больших групп было небольшим и компактным, так что расширение происходило только за счет пристройки комнат снаружи, как на первом, так и на верхних террасах.

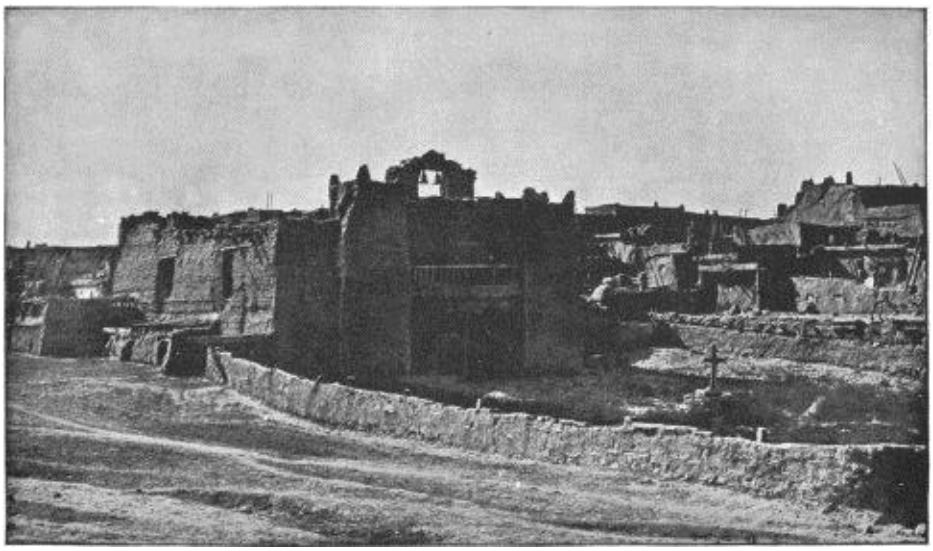


ТАБЛИЦА LXXX. СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ ИЗ СЫРЦОВОГО КИРПИЧА В ЗУНИ.

Самая высокая точка Зуни, которая сейчас имеет пять террас, по некоторым данным, еще в середине нынешнего века имела семь террас, но во время обследования деревни следов таких

дополнительных этажей обнаружено не было. Однако верхняя часть нынешней пятой террасы имеет длину более 50 футов и предоставляет достаточно места для добавления шестого и седьмого этажей.

Двор или площадь, на которой стоит церковь (Pl. LXXX), намного больше, чем обычно бывают такие ограждения, когда они включены в план пуэбло, поэтому маловероятно, что она была частью первоначальной деревни. Вероятно, она появилась в результате размещения церкви до строительства восточных рядов деревни. Некоторые особенности самих домов указывают на более позднюю дату постройки этих рядов.

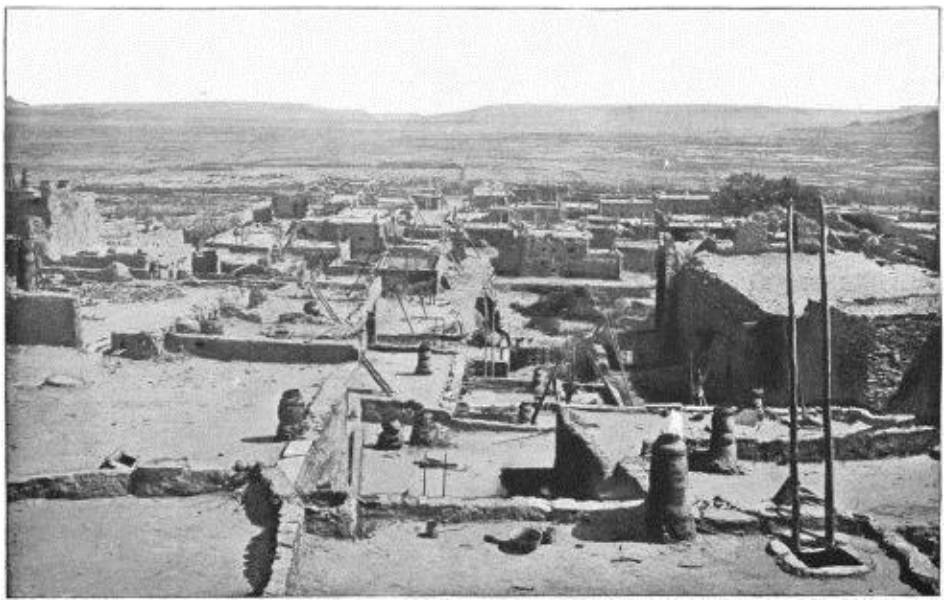


ТАБЛИЦА LXXXI. ВОСТОЧНЫЕ РЯДЫ ЗУНИ.

Расположение жилищ вокруг двора (Pl. LXXXII), характерное для древних пуэбло, вероятно, преобладало в небольшом пуэбло Халона, вокруг которого сгруппированы многочисленные нерегулярные дома, составляющие современный Зуни. Иногда следы такого расположения все еще встречаются в некоторых частях Зуни, хотя почти все древнее пуэбло было покрыто комнатами более позднего периода. В расположении домов Зуни заметно различие в способе группировки в разных частях пуэбло. Часть, обозначенная на плане как дом № 1, построенная на руинах первоначального небольшого пуэбло, несомненно, является самой старой частью деревни. Группировка, по-видимому, продолжалась вокруг этого центра в необычайной и исключительной степени, прежде чем были построены дома в других частях. Дом № 4 является частью той же структуры, поскольку, несмотря на то, что между ними находится улица или проход, он покрыт двумя или тремя террасами, что указывает на то, что такая связь была установлена в ранний период. Ряды на нижнем уровне к востоку (Pl. LXXXI), где комнаты не так плотно сгруппированы, были построены после устранения оборонительных мотивов, которые повлияли на строительство центральной группы. Эти части, расположенные примерно рядами, имеют заметное сходство с пуэбло известной недавней постройки. О том, что они были построены после основных групп, свидетельствует также обильное использование косых проемов и отверстий в крыше, где в таких устройствах практически нет необходимости. Эта особенность была изначально придумана для решения проблемы освещения , вызванной плотной застройкой жилых помещений. К ней мы вернемся при рассмотрении деталей проемов, где будет отмечено ее значительное отличие от расположения, преобладающего в постройках пуэбло. Привычка создавать такие условия для освещения внутренних комнат закрепилась и стала применяться в целом во многих поселениях, гораздо меньших по размеру, чем другие пуэбло, где эта особенность не была развита и где в ней не было необходимости. Эти менее переполненные комнаты более поздней постройки образуют восточную часть пуэбло, а также включают дом губернатора на южной стороне.

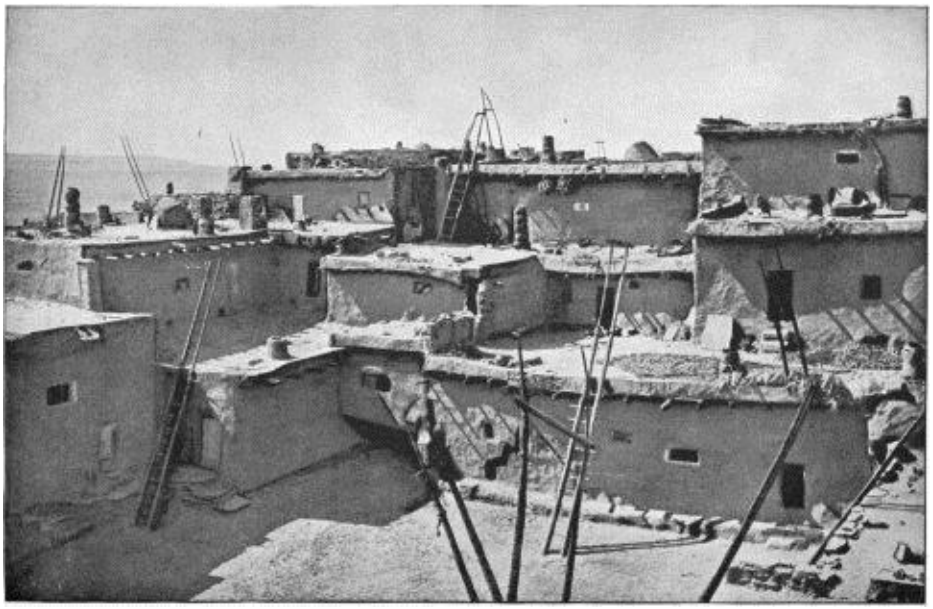


ТАБЛИЦА LXXXII. ДВОР ЗУНИ.

Старые церемониальные залы, или кивы, а также залы для собраний различных орденов или тайных обществ во время испанской оккупации были скучены в самых потаенных уголках этой древней части Зуни под домом № 1. Но кивы, по всей вероятности, занимали более второстепенное положение до того, как на них начало оказывать влияние иностранное влияние, как и некоторые кивы в настоящее время, и как это принято в других современных пуэбло.

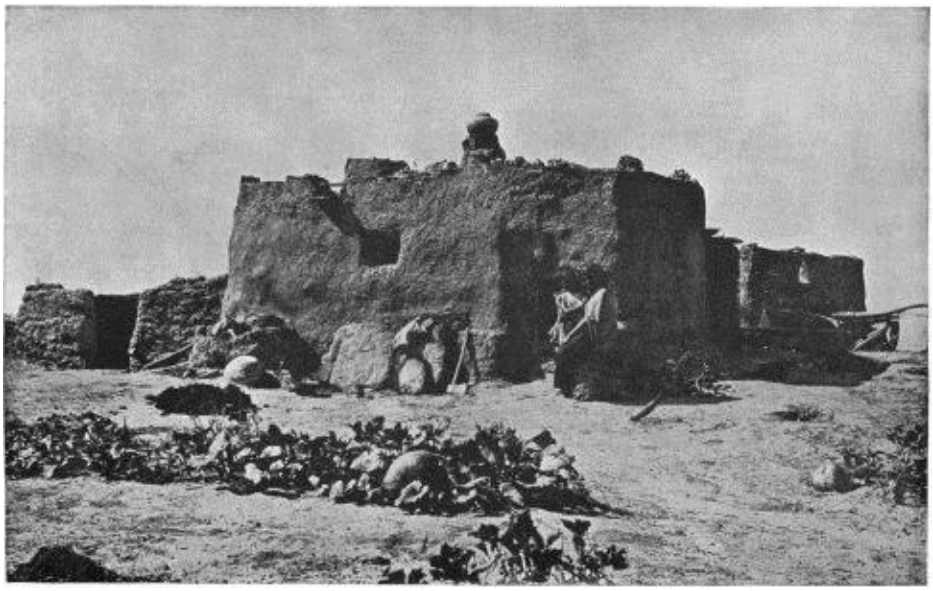


ТАБЛИЦА LXXXIII. НЕБОЛЬШОЙ ДОМ В ЗУНИ.

ГЛАВА IV.

АРХИТЕКТУРА ТУСАЯНА И СИБОЛА: СРАВНЕНИЕ ПО СТРОИТЕЛЬНЫМ ДЕТАЛЯМ.

ВВЕДЕНИЕ.

В двух предыдущих главах были описаны общие черты формы и планировки разрушенных и обитаемых пуэбло Тусаян и Сибола. Чтобы получить полное и четкое представление об архитектурных достижениях строителей пуэбло, необходимо тщательно изучить конструктивные детали их нынешних домов, стараясь, когда это возможно, сравнить эти детали с довольно скудными остатками аналогичных элементов, уцелевших после разрушения старых деревень, отмечая степень их отклонения от ранних типов и, когда это возможно, выявляя причины такого отклонения. Для удобства сравнения различные детали строительства домов для двух групп будут рассматриваться вместе.

Автор выражает благодарность г-ну А. М. Стивену, сборщику уже приведенных традиционных данных, за информацию об обрядах, связанных со строительством домов в Тусаяне, включенную в следующие страницы, а также за тщательно собранную и ценную номенклатуру архитектурных деталей, приложенную к настоящему документу. Материалы этого класса, относящиеся к группе пуэбло Сибола, к сожалению, не удалось получить.

СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА.

ОБРЯДЫ И МЕТОДЫ.

Церемонии, связанные со строительством домов в Тусаяне, довольно скудны, но различные этапы ритуала, описанные в соответствующей связи в следующих параграфах, четко определены и однозначно распределены между участниками строительства зданий.

Насколько можно было установить, не существует заранее разработанного плана для всего дома в несколько этажей или для расположения смежных домов. Большинство исследованных руин подчеркивают отсутствие четко определенного общего плана, регулирующего расположение комнат, добавленных к первоначальному комплексу. Два заметных исключения из этого отсутствия четкого плана встречаются среди описанных руин. В Тусаяне Пожарная часть (рис. 7) явно является результатом четко определенной цели придать определенную форму всему комплексу, так же как, в гораздо большем масштабе, руины Кин-тиеля, принадлежащие группе Сибола (табл. LXIII). В обоих этих случаях установка внешней стены по четкой линии, по-видимому, считалась более важной, чем конкретное расположение отдельных комнат или жилищ внутри этого контура. Однако во всей исследованной части Тусаяна отдельная комната, по-видимому, теперь считается единицей пуэбло и называется полноценным домом. Именно строительство такой единицы дома и будет описано здесь.

После выбора подходящего места строитель определяет размеры дома, которые он измеряет шагами, помещая камень или другой знак на каждом углу. Затем он отправляется в лес и вырубает достаточное количество бревен для крыши, длина которых соответствует ширине его дома. Также собираются и грубо обрабатываются камни, и во всех этих операциях ему помогают друзья, обычно из его собственного рода. Эти помощники не получают никакого вознаграждения, кроме еды, но это само по себе влечет за собой значительные расходы для строителя и заставляет его строить дом с как можно меньшим количеством помощников.

После того как материалы собраны, строитель идет к вождю деревни, который готовит для него четыре маленьких орлиных пера. Вождь привязывает к стеблю каждого пера короткую хлопковую нить, посыпает их вотивной мукой и дышит на них свои молитвы о благополучии будущего дома и его обитателей. Эти перья называются Nakwa kwoci, что означает «вдохновленная молитва», и молитвы обращены к Масауву, Солнцу, и другим божествам, связанным с домашней жизнью. Эти перья размещаются по четырем углам дома, и на каждое из них кладется большой камень. Затем строитель решает, где будет располагаться дверь, и отмечает это место, положив по обе стороны от него немного еды; затем он обходит участок справа налево, посыпая крошками пики и другими частицами еды, смешанными с местным табаком, вдоль линий, которые будут занимать стены. Посыпая это подношение, он поет Солнцу свою Kitdauwi, песню о доме: «Си-ай, а-хай, си-ай, а-хай». Значение этих слов люди теперь забыли.

Мистер Стивен узнал от индейцев, что мужчина является каменщиком, а женщина — штукатуркой, и что дом после завершения строительства принадлежит женщине; но, по моим собственным наблюдениям, это не является общепринятой практикой в современном Тусаяне. В случае с домом в Ораиби, изображенным на фотографии в таблице XL, большая часть, если не вся, кладка была выполнена, а также закончена и оштукатурена женщиной из этого дома и ее родственницами. При строительстве этого дома присутствовал только один мужчина, чья неохотно выполняемая обязанность заключалась в поднятии на место больших кровельных балок и перемычек и в оказании случайной помощи в более тяжелой работе. Земля вокруг этого дома была усыпана большим количеством обломков камня для кладки, которые, по-видимому, были подготовлены и привезены на место до начала строительства; но часто различные виды работ выполняются одновременно как мужчинами, так и женщинами. Пока мужчины обрабатывали камни, женщины приносили землю и воду и смешивали глиняную штукатурку. Затем стены клали неровными рядами, очень экономно используя раствор.

Дом всегда строится в форме параллелограмма, стены имеют высоту от 7 до 8 футов и неравномерную толщину, иногда варьирующуюся от 15 до 22 дюймов в разных частях одной и той же стены.

Для строительства домов используются сосна, пиньон, можжевельник, тополь, ива и, по сути, все доступные деревья этого региона. Основные балки для крыши обычно изготавливаются из сосны или тополя, с которых снята кора. Крыша всегда делается почти ровной, а концы балок располагаются поперек боковых стен с интервалом около 2 футов. Над ними укладываются более мелкие столбы, параллельные боковым стенам, с интервалом не более одного фута. Поперек них снова укладывают тростник или мелкие ивы, как можно плотнее, а над этой серией перекрещивают слой травы или мелких веток и сорняков. По этой конструкции распределяют слой грязи, который после высыхания покрывают землей и плотно утрамбовывают. Изготовление крыши — работа женщин. Когда она готова, женщины приступают к нанесению толстого слоя глины на пол. Затем на стены наносится штукатурка. Раньше существовал обычай оставлять небольшой участок стены без штукатурки, поскольку верили, что некий Качина придет и закончит его, и хотя этот участок оставался голым, считалось, что он покрыт невидимой штукатуркой.

Когда дом построен, строитель готовит четыре пера, похожих на те, что подготовил вождь, и привязывает их к короткому куску ивы, конец которого вставляется в одну из центральных балок крыши. Эти перья обновляются каждый год на празднике Соялина, который отмечается в декабре, когда солнце начинает возвращаться на север. Строитель также приносит жертву Масаву (называемую «кормлением дома»), помещая кусочки еды между стропилами и умоляя его не торопить уход кого-либо из семьи в подземный мир.

В одном углу крыши оставляют отверстие, под которым женщина строит камин и дымоход. Первый обычно представляет собой небольшую полость размером около 30 см в углу пола. Над ним сооружают дымоходную вытяжку, нижний край которой находится на высоте около 90 см от пола.

Как правило, дом не имеет карниза, а крыша заканчивается каменной облицовкой, уложенной вровень со стеной и возвышающейся на несколько дюймов над крышей, чтобы защитить земляное покрытие от сдувания ветром или смывания дождем ( ). В облицовку также обычно вставляются водосточные желоба из различных материалов, как будет описано позже.

Насколько можно судить, все местные жители считают этот однокомнатный дом самодостаточным, но они также считают его ядром более крупного сооружения. Когда требуется больше места, например, когда дочери хозяев дома выходят замуж и нуждаются в отдельном жилье, перед первым домом и рядом с ним строится еще один дом, а к первоначальному дому часто добавляется второй этаж. При строительстве первого этажа перед домом проводится та же церемония, но для второго и дополнительных этажей церемония не проводится.

Анавита (вождь Сичумови) описывает дом в Валпи, в котором он родился, как имеющий пять комнат на первом этаже и четыре этажа, но с террасами как спереди, так и сзади, где жили его сестры с семьями. Четвертый этаж состоял из одной комнаты и имел террасы с двух противоположных сторон. Этот старый дом сейчас находится в очень ветхом состоянии, и большая часть стен была снесена. Не существует установленного положения для соединительных дверей, но наружные двери обычно размещаются в подветренных стенах, чтобы избежать преобладающих юго-западных ветров.

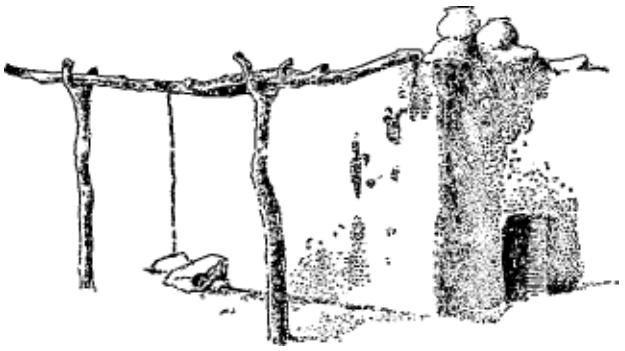


Рис. 19. Деревянная полка Тусаян.

Раньше, с наступлением холодов, и в некоторой степени этот обычай сохранился до сих пор, люди уходили с верхних этажей в комнаты киколи, где они собирались вместе, чтобы согреться. Экономия топлива также способствовала этому обычаю, но эти комнаты на первом этаже, образующие первую террасу, как правило, не имеют внешних дверей, и в них можно попасть снаружи через люк в крыше, оборудованный лестницей, и обычно используются только для хранения вещей. Даже их крыши в основном используются для временного хранения многих предметов домашнего обихода, а осенью, после сбора урожая, террасы и ограждения часто покрываются сушащимися персиками и особыми длинными полосками, на которые нарезаны тыквы и кабачки, чтобы облегчить их сушку для использования зимой. Помимо прочего, иногда на одном конце этой террасы складывают запас дров для дома, но чаще всего местные жители используют это пространство для других целей, и дрова складывают на грубом выступающем каркасе из шестов, поддерживаемом с одной стороны двумя вертикальными раздвоенными палками, вставленными в землю, а с другой — опирающимся на каменную облицовку стены, как показано на рис. 19. В других случаях шесты укладывают поперек угла дома и используют в качестве подставки для дров, без какой-либо опоры на землю. Осенью не только полностью используется доступное пространство первой террасы, но и каждая выступающая балка или палка покрыта веревками с сушащимся мясом или тыквой, а между удобными точками протягивают много длинных шестов, которые временно выполняют функцию дополнительных сушилок ( ). Во всех случаях на верхних этажах внутри дома было по крайней мере одно очаг, но готовка производилась на террасах, обычно в конце первой террасы или киколи. Это по-прежнему является общепринятым обычаем, и конец первой террасы обычно обмуровывается и покрывается

крышей и называется тупуби. Тума — это название плоского камня для выпечки, используемого в домах, а плоский камень, используемый для выпечки на киси в поле, называется тупуби.

Киколи — это название первого этажа дома, который не имеет отверстий во внешней стене.

Термин для обозначения террасных крыш — ихпоби, и он применяется ко всем из них; но тупатца ихпоби, или третья терраса, является местом общего отдыха и считается общим местом для прогулок, и никто не претендует на ее исключительную собственность. Это напоминает раннее коммунальное жилище, но в настоящее время ничего определенного по этому поводу установить невозможно. В этой связи можно также отметить, что дом старшей сестры считается их домом для ее младших братьев и племянников.

Помимо тупуби, есть множество небольших комнат, специально построенных для выпечки тонкого, похожего на бумагу хлеба, называемого пики. Обычно их высота не превышает 5-7 футов, а внутренние размеры не превышают 7 на 10 футов, и они называются тумкокоби, место плоского камня, где тума — это название самого камня, а ткок описывает его плоское положение. Многие комнаты на первом этаже жилых домов также используются для этой цели.

Вышеуказанные термины чаще всего используются при описании домов и их основных характеристик. Более полный словарь архитектурных терминов, включающий термины, специально применяемые к различным конструктивным особенностям кива или церемониальных комнат, а также к «кисис» или временным укрытиям из веток для использования в полевых условиях, можно найти в конце этой статьи.

Единственный след традиционного плана деревни или расположения смежных домов можно найти в скупом упоминании в некоторых преданиях о том, что ряды домов были построены, чтобы окружить киву и сформировать подходящее место для публичных танцев и процессий танцоров в масках. Однако никакой определенный план не приписывается этим традиционным домам, окружающим двор, хотя в один период эволюции этого оборонительного типа архитектуры они, должно быть, в какой-то мере напоминали симметричные группы, встречающиеся в Рио-Чако и других местах.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ГЕНТОВ.

В более старых и симметричных примерах, несомненно, были предприняты некоторые усилия по распределению различных родов, или, по крайней мере, фратрий, по определенным кварталам деревни, как утверждается в традиции. Однако в настоящее время следы такой локализации практически не сохранились. В случае с Орайби, самой большой из деревень Тусаян, г-н Стивен с большой тщательностью и терпением установил распределение различных родов в деревне, как показано на прилагаемом схематическом плане (Pl. XXXVII). Изучение диаграммы в совокупности с прилагаемым списком семей, проживающих в Орайби, сразу показывает, что, какими бы четко очерченными ни были кварталы различных родов в традиционной деревне, в настоящее время царит полная неразбериха. Семейства, наиболее значительные по численности, такие как Камыш, Койот, Ящерица и Барсук, представлены во всех крупных группах домов.

Семьи, проживающие в Орайби.

[См. план дома — номера домов выделены синим цветом.]

1.	Кокоп	winwuh	Суслик.
2.	Пикьяс	nyumuh	Молодое растение кукурузы.
3.	Бакаб	винву	Камыш (*Phragmites communis*).
4.	Тува	винву	Песок.
5.	Tdap	nyumuh	Jack rabbit.
6.	Хонан	winwuh	Барсук.
7.	Исн	винву	Койот.

8.	См. 3		Рид.
9.	Кукуто	winwuh	Ящерица.
10.	Хонан	nyumuh	Медведь.
11.	Хонау		Медведь.
12.	См. 3		Рид.
13.	См. 7		Койот.
14.	Ткуин		Гремучая змея.
15.	Ават		Лук.
16.	Кокуан		Паук.
17.	См. 9		Ящерица.
18.	См. 3		Камышовая.
19.	См. 1		Суслик.
20.	См. 1		Суслик.

21.	См. 5		Кролик.
22.	См. 9		Ящерица.
23.	См. 9		Ящерица.
23½.	См. 9		Ящерица.
24.	См. 2		Молодой кукуруза.
25.	Гязро	нюмух	Paroquet.
26.	См. 2		Молодой кукуруза.
27.	Ква	Ньюмух	Орел.
28.	См. 7		Койот.
29.	См. 27		Орел.
30.	См. 9		Ящерица.
31.	См. 9		Ящерица.
32.	См. 7		Койот.

33.	См. 7		Койот.
34.	См. 2		Молодой кукуруза.
35.	См. 6		Барсук.
36.	См. 16		Паук.
37.	Батун	винву	Сквош.
38.	См. 15		Поклон.
39.	См. 15		Поклон.
40.	См. 1		Суслик.
41.	См. 1		Суслик.
42.	См. 6		Барсук.
43.	Tdawuh	винву	Солнце.
44.	См. 1		Суслик.
45.	См. 25		Попугай.

46.	См. 1		Суслик-сова.
47.	См. 1		Суслик-сова.
48.	См. 3		Камышовая сова.
49.	См. 3		Рид.
50.	См. 3		Рид.
51.	См. 3		Рид.
52.	См. 27		Игл.
53.	См. 25		Попугай.
54.	См. 1		Суслик.
55.	См. 5		Кролик.
56.	См. 9		Ящерица.
57.	Побъл	winwuh	Моль.

58.	См. 6		Барсук.
59.	См. 5		Кролик.
60.	См. 5		Кролик.
61.	См. 7		Койот.
62.	См. 7		Койот.
63.	Атоко	винву	Журавль.
64.	См. 3		Рид.
65.	См. 9		Ящерица.
66.	Кели	нюмух	Ястреб.
67.	См. 7		Койот.
68.	См. 43		Солнце.
69.	Кван	нюмух	Мескальный торт.
70.	См. 27		Орел.

71. См. 27 Орел.

72. См. 2 Кукуруза.

73. См. 6 Барсук.

74. См. 7 Койот.

75. См. 7 Койот.

76. См. 27 Орел.

77. См. 3 Рид.

78. См. 3 Рид.

79. См. 3 Рид.

80. См. 9 Ящерица.

81. См. 43 Воскресенье

82. См. 25 Paroquet.

83. См. 9 Ящерица.

84. См. 9 Ящерица.

85. См. 43 Солнце.

86. См. 3 Рид.

87. См. 3 Рид.

88. См. 7 Койот.

89. См. 3 Рид.

90. Вакантно.

91. См. 2 Корн.

92. См. 25 Paroquet.

93.	См. 25	Paroquet.
94.	См. 10	Медведь.
95.	См. 19	Медведь.
96.	См. 4	Песок.
97.	См. 4	Песок.
98.	См. 4	Песок.
99.	См. 3	Рид.
100.	См. 2	Корн.
101.	См. 2	Корн.
102.	См. 7	Койот.
103.	См. 7	Койот.

104. См. 3 Рид.

105. См. 3 Рид.

106. См. 3 Рид.

107. См. 5 Кролик.

108. См. 7 Койот.

109. См. 5 Кролик.

110. См. 5 Кролик.

111. См. 3 Камышовая трость.

112. См. 5 Кролик.

113. Вакантно.

114. Вакантно.

115. См. 3 Рид.

116. См. 6 Бэджер.

117. См. 43 Солнце.

118. См. 7 Койот.

119. См. 43 Воскресенье

120. См. 5 Кролик.

121. См. 43 Солнце.

122. См. 3 Рид.

123. См. 4 Сэнд.

124. См. 4 Песок.

125. См. 3 Рид.

126. См. 3 Рид.

127. См. 43 Сан.

128. См. 2 Кукуруза

129. См. 9 Ящерица.

130. См. 4 Песок.

131. См. 4 Песок.

132. См. 7 Койот.

133. См. 9 Ящерица.

134. См. 25 Попугай.

135. См. 25 Paroquet.

136. См. 6 Барсук.

137. См. 6 Барсук.

138. Вакантно.

139. См. 10 Медведь.

140. См. 3 Рид.

141. См. 25 Paroquet.

142. См. 25 Paroquet.

143. См. 43 Солнце.

144. См. 5 Кролик.

145. См. 15 Лук.

146. Свободно.

147. См. 6 Барсук.

148. Катцин нюмух Катчина.

149.	См. 7	Койот.
150.	См. 6	Барсук.
151.	См. 6	Барсук.
152.	См. 6	Барсук.
153.	См. 6	Барсук.

Считая № 23½, получается 154 дома; 149 занятых, 5 пустующих.

Семьи Рид	25	Семьи Корн	9
Семьи койотов	17	Семьи солнца	9
Семьи ящериц	14	Песчаные семьи	8
Семейства барсуков	13	Семьи орлов	6
Семьи кроликов	11	Семьи медведей	5
Семейства попугаев	10	Семьи луков	4
Совиные	9	Семейства пауков	2

Змея, тыква, моль, журавль, ястреб, мескальный пирог, кацина, по одному экземпляру.

В Сиболе не было обнаружено традиций локализации язычников. Несмотря на явное различие в общем расположении комнат в восточной и западной частях деревни, архитектурные свидетельства не указывают на то, что различные части современного Зуни были построены разными группами людей.

ВНУТРЕННЯЯ ПЛАНИРОВКА.

В связи с целью, для которой были первоначально получены многие из приведенных здесь архитектурных данных, а именно для постройки крупномасштабных моделей пуэбло, материал по внешнему виду гораздо более обилен, чем по внутренним деталям. Тем не менее, когда стены и крыша со всеми сопутствующими элементами были полностью задокументированы, о доме пуэбло осталось описать очень мало, поскольку его внутренние детали, не связанные с внешними элементами, имеют простейший характер. Во время исследования этих пуэбло не было возможности провести исчерпывающее изучение интерьера домов, но на иллюстрациях представлены типичные жилые комнаты как в Тусаяне, так и в Зуни. Как правило, комнаты в Тусаяне меньше, чем в Зуни.

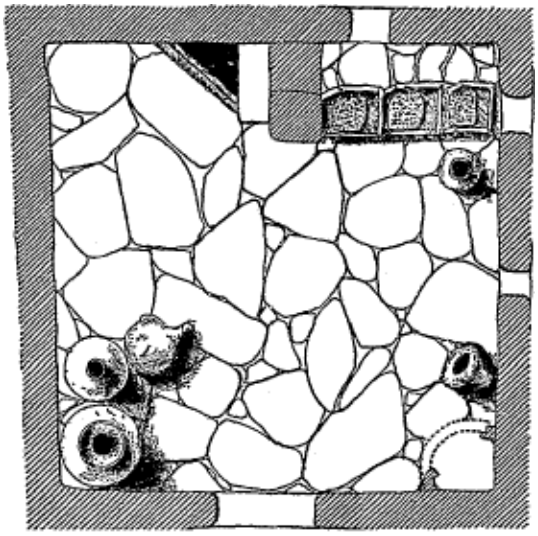


Рис. 20. План внутренней части (комнаты в Тусаяне).

На иллюстрации, рис. 20, показан план второго этажа комнаты в Машонгнави. Эта комната имеет размеры 13 на 12½ футов и значительно меньше среднего размера комнат в этих деревнях. Выступающий контрфорс или опора в середине восточной стены делит эту часть комнаты на две части. Одна сторона оборудована для хранения вещей в виде скамейки или выступления, используемого в качестве полки, высотой 3 фута от пола; а также небольшого закрытого треугольного ящика, построенного прямо на полу путем закрепления тонкой каменной плиты в кладке. Вся конструкция была обработана обычным слоем глины, который впоследствии был побелен, за исключением 10-дюймовой полосы, которая окружает всю комнату по линии пола, занимая положение плинтуса. Другая сторона разделительной опоры образует нишу, которая полностью отведена под ряд метатов или жерновов — незаменимую вещь в каждом доме пуэбло. Довольно часто можно встретить ряд метатов, как в данном случае, занимающих всю доступную ширину ниши или пролета и оставляющих за камнями только столько места, сколько необходимо для женщин, которые стоят на коленях и мелют кукурузу. В более крупных открытых помещениях, не разделенных контрфорсами или опорами, мететы обычно встраиваются в один из углов или рядом с ним. Они всегда располагаются так, чтобы те, кто ими пользуется, были обращены лицом к середине комнаты. Пол представляет собой просто гладко оштукатуренное покрытие из глины, аналогичное обычному внешнему покрытию крыши. Фактически, это просто крыша комнаты ниже, выровненная и отделанная с особой тщательностью. Такие помещения, даже на верхних этажах, иногда тщательно вымощены по всей поверхности большими плоскими каменными плитами. Часто бывает трудно найти прямоугольные плиты достаточного размера для этой цели, но неровности контуров больших плоских камней очень искусно соединяются, образуя в результате гладко вымощенный пол, который легко подметать и содержать в чистоте.

Справа от входа в дом находятся камин и дымоход, построенные в углу комнаты. В данном случае дымоходная вытяжка имеет полукруглую форму, как показано на плане. Весь дымоход изображен на рис. 62, который представляет собой типичную изогнутую форму вытяжки. В левом углу при входе находятся две оллы, или кувшины для воды, которые всегда держатся наполненными. На полу рядом с кувшинами изображен кувшин или фляга, сосуд, используемый для приношения воды из родников и колодцев у подножия мезы. В Зуни вода, по-видимому, приносится непосредственно в кувшинах, в которых она хранится, и фляги для этой цели не используются.

Входная дверь в этот дом, как показано на плане, смещена назад или ступенчата с одной стороны, что является довольно распространенным типом проема в Тусаяне. Эта форма показана на рис. 84.

ТАБЛИЦА LXXXIV. ЖИЛОЙ ДОМ В ОРАИБИ.

В этой комнате три окна, все очень маленькие, но она не имеет внутренней связи с другими комнатами. В этом отношении она является исключением. Обычно комнаты сообщаются с другими комнатами в комплексе.

На табл. LXXXV показан другой типичный интерьер Тусаяна в перспективе. Он иллюстрирует в основном ту же самую планировку, что и предыдущий пример. Комната намного больше, чем описанная выше, и она разделена пополам по длине аналогичным контрфорсом. Этот контрфорс поддерживает тяжелую балку, что позволяет использовать два яруса балок пола, охватывающих всю длину комнаты. Камин и дымоход аналогичны описанным, как и отдельное отделение для жерновов. Однако в данном случае эта часть комнаты довольно большая, и ряд жерновов построен под прямым углом к задней стене, а не параллельно ей.

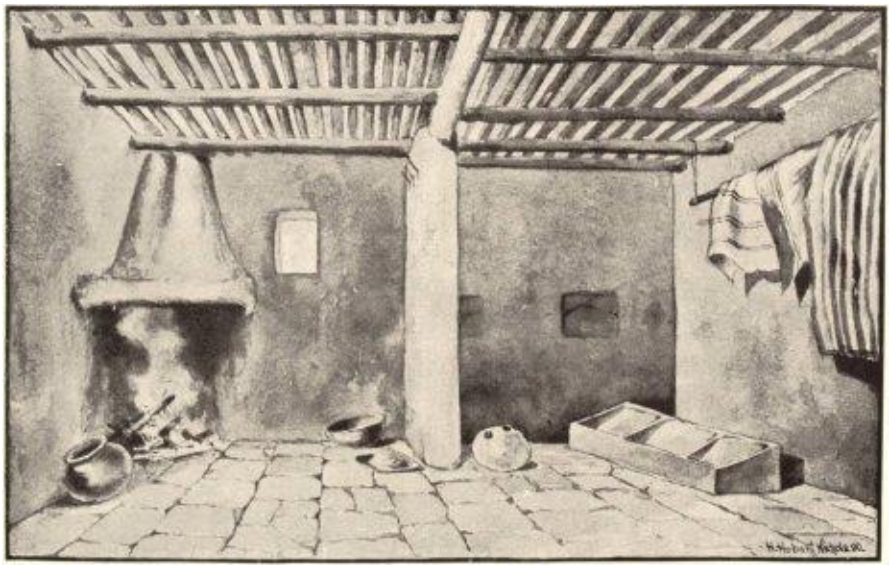


ТАБЛИЦА LXXXV. ИНТЕРЬЕР ДОМА В ТУСАЯНЕ.

В правой части комнаты имеется длинный прямой шест, подвешенный к балкам крыши. Это характерная черта как тусаянских, так и зуньиских домов. Шест используется для подвешивания

домашнего запаса одеял и другой одежды. Окна в этом доме небольшие, и два из них, в правой части комнаты, были грубо замурованы.

Илл. LXXXVI иллюстрирует типичный интерьер Зуни. В данном случае комната оказалась несколько больше средней. Можно заметить, что эта комната имеет много общего с описанной выше комнатой в Тусаяне. Штанга, на которой подвешиваются одеяла, здесь встроена в первоначальную конструкцию дома, ее два конца глубоко вмурованы в стену. Весь пол вымощен плитами гораздо более правильной формы, чем те, что использовались в Тусаяне. У зуни есть доступ к строительному камню гораздо лучшего качества, чем тот, что доступен в Тусаяне.

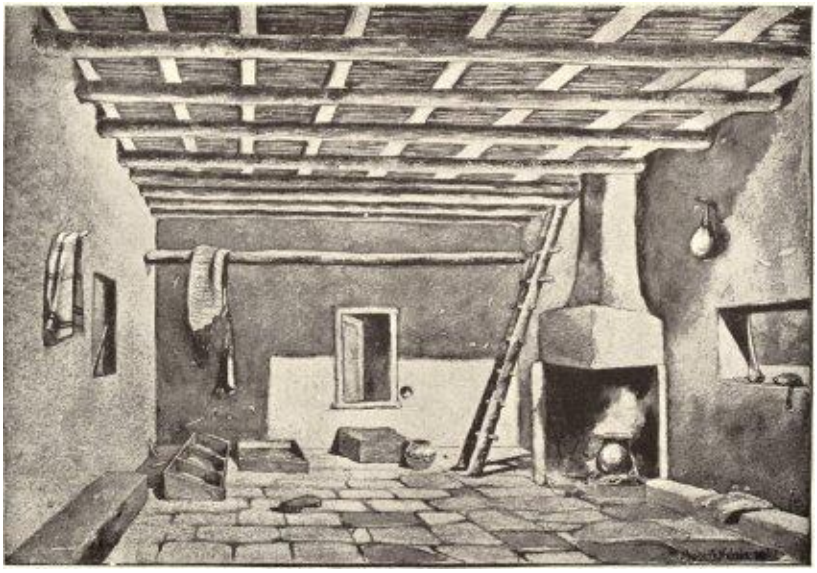


ТАБЛИЦА LXXXVI. ИНТЕРЬЕР ДОМА В ЗУНИ.

Эта комната обставлена длинными приподнятыми каменными скамейками по бокам, что гораздо чаще встречается в Зуни, чем в Тусаяне. Обычно такие скамейки простираются по всей длине стены, но здесь выступ прерывается с одной стороны камином и дымоходом, а с левой стороны он внезапно заканчивается у начала ряда жерновов, чтобы освободить место на полу для женщин, которые мелют зерно. Метаты расположены обычным образом, по три в ряд, но есть дополнительная отдельная секция, расположенная под прямым углом к основной серии. Порог дверного проема, через который эта комната соединяется с соседней, приподнят примерно на 18 дюймов над полом и снабжен грубо вставленной дверью из одной панели. Рядом находится небольшое отверстие, через которое жилец может подпереть дверь изнутри соседней комнаты. Последующее запечатывание небольшого отверстия для руки глиной эффективно закрывает дом от вторжения. Необычная высота этого порога над полом потребовала сооружения небольшой ступеньки, которая построена из каменной кладки и покрыта одной каменной плитой. Все двери в Зуни более или менее приподняты над землей или полом, хотя редко в такой степени, как показано в данном примере. Эта комната не имеет внешней двери, и в нее можно попасть только через люк и лестницу, показанные на рисунке. Когда-то эта комната, вероятно, была ограничена внешними стенами и имела как дверь, так и окна, хотя сейчас никаких следов двери не осталось, а окна превратились в ниши в стене, используемые для хранения мелких предметов быта в доме зуни. Дымоход этого дома отличается от дымоходов в Тусаяне как по форме, так и по расположению в комнате. Однако такая форма является наиболее распространенным типом дымоходов, используемых в Зуни в настоящее время, хотя встречаются и многие примеры изогнутых дымоходов. Он построен примерно посередине длинной стены комнаты. Дымоходы в Тусаяне редко занимают такое положение, почти всегда они строятся в углах. Использование опоры или контрфорса для поддержки кровельной балки, характерное для Тусаяна, в Зуни практически не практикуется. В стену комнаты встроены оленьи

рога, которые служат в качестве крючков, на которые вешаются различные предметы домашнего обихода.

Различные элементы, расположение которых в жилом доме пуэбло было кратко описано выше, будут предметом более подробного изучения с целью проследить различные изменения формы, которые они претерпели. Вышеприведенное описание дает общее представление о месте, которое эти детали занимают в самом доме.

КИВЫ В ТУСАЯНЕ.

Общее использование кивас. — Везде, где на плато юго-запада встречаются остатки архитектуры пуэбло, в каждой важной деревне, несмотря на все изменения формы, вызванные изменениями окружающей среды и другими причинами, появляются свидетельства существования комнат исключительного характера. Эти помещения отличаются от типичных жилых комнат своим размером и расположением, а в древних примерах, как правило, и круглой формой. Эта особенность архитектуры пуэбло сохранилась до наших дней и заметна во всех современных пуэбло, которые привлекли внимание автора, включая деревни Акома и Джемес, принадлежащие к группе Рио-Гранде, а также в пуэбло, о которых идет речь. Во всех исследованных пуэбло, как древних, так и современных, за исключением Тусаяна, эти специальные помещения, используемые для церемониальных целей, занимают краевые или полуотделенные положения в группах домов. Последние полностью отделены от домов, как можно видеть на планах.

Происхождение названия. Такие церемониальные помещения обычно известны под испанским термином «estufa», что буквально означает «печь», и здесь используется в значении «потовая хижина», но этот термин вводит в заблуждение, поскольку он более точно описывает небольшие потовые хижины, которые используются в церемониальных целях индейцами, строящими хижины, такими как навахо. По предложению майора Пауэлла было принято слово из языка тусаян для обозначения этой вездесущей черты архитектуры пуэбло, поскольку оно гораздо более подходит. Таким образом, слово «кива» будет пониматься как обозначение церемониального помещения народов, строивших пуэбло, как древних, так и современных.

Древность кивы. — Широкое распространение этой особенности и ее очевидная древность выделяют ее как особенно достойную тщательного изучения, тем более что в ее конструкции, возможно, сохранились следы ранних методов устройства, которые давно исчезли в постоянно совершенствующемся искусстве домостроения, но которые сохранились благодаря хорошо известной тенденции к сохранению древних практик в вопросах, касающихся религиозных обрядов первобытных народов. К сожалению, в прошлом зуни подвергались репрессивной политике испанских властей, что, вероятно, серьезно повлияло на чистоту типа кива. В одно время, когда церемониальные обряды зуни проводились в тайне из-за страха навлечь на себя гнев испанских священников, первоначальные кивы, вероятно, были полностью заброшены, и хотя в настоящее время некоторые кивы зуни занимают периферийное положение в группах келий, как и во многих древних примерах, сомнительно, что эти помещения точно отражают первоначальный тип кивы. Кажется, что существует лишь немного структурных доказательств, позволяющих отличить современные кивы от обычных больших комнат зуни, помимо особых характеристик камина и люка входной двери, которые будут подробно описаны позже. С другой стороны, в Тусаяне мы находим четкий и характерный структурный план кивы, а также много специальных конструктивных приспособлений. Хотя расположение церемониального помещения здесь является исключительным, поскольку оно полностью отделено от жилища, это объясняется явно прослеживаемым влиянием ближайшего орографического окружения, а полностью подземное расположение большинства кив в этой группе также обусловлено теми же местными причинами.

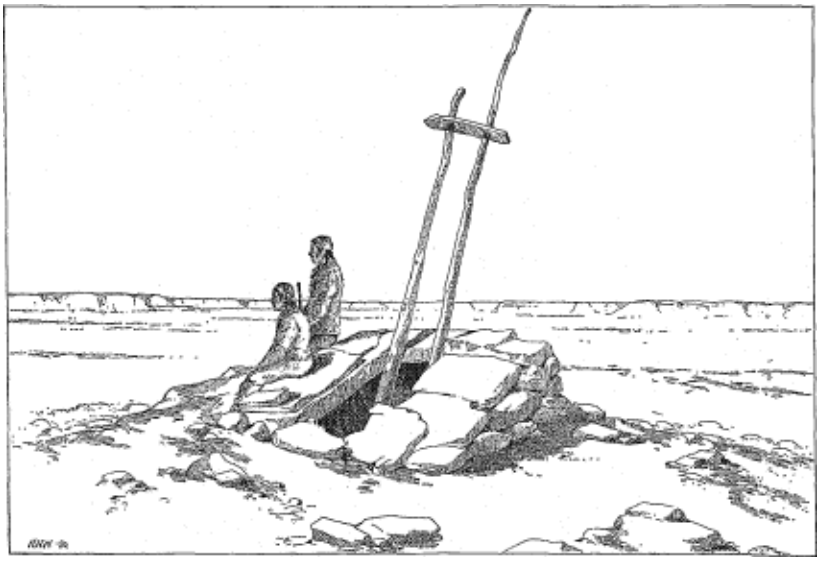


ТАБЛИЦА LXXXVII. ЛЮК КИВЫ В ТУСАЯНЕ.

Раскопки кивы.—Тенденция к понижению или частичному раскопу церемониальной камеры существовала в Зуни, как и во всех древних зданиях пуэбло, которые были исследованы; но твердая скала вершин меса в Тусаяне не позволяла провести необходимый раскоп, и настойчивое требование, которое, как я покажу в другом месте, имеет важное отношение к ранним типам зданий пуэбло, заставляло жителей этих скалистых мест располагать свои кивы в местах, где уже существовали углубления. Такие объекты были наиболее распространены вблизи краев мес, где во многих местах большие блоки песчаника выпали из края поверхностного слоя, оставив почти прямоугольные пространства на вершине стены утеса. Строительство своих деревень на этих скалистых мысах заставило строителей Тусаяна в значительной степени пожертвовать традиционным и обычным расположением кив в закрытых дворах пуэбло, чтобы получить подходящие углубленные участки. Этот случайный эффект ближайшего окружения привел к необычному выделению церемониального помещения, погруженного ниже уровня земли, но определенное количество раскопок является постоянным спутником этой особенности во всем регионе пуэбло, как в древних, так и в современных деревнях. Даже в Зуни, где кивы, по-видимому, сохранили лишь немногие из специфических черт, отличающих их в Тусаяне, полы находятся ниже общего уровня земли. Но в Тусаяне развитие этого единственного требования было доведено до такой степени, что многие кивы являются полностью подземными ( ). Это особенно характерно для тех, которые занимают окраинные участки на месах, как упоминалось выше. В таких случаях выбитые углубления в верхних скалах были замурованы снаружи, грубо облицованы каменной кладкой внутри и покрыты крышей обычным образом. Во многих случаях глубина этих скальных ниш такова, что крыша кивы после завершения строительства не выступает над общим уровнем вершины мезы, и ее земляное покрытие неотличимо от прилегающей поверхности, за исключением наличия коробчатого выступления каменной кладки, окружающего входную люк и лестницу (см. табл. LXXXVII). Часто в таких случаях на поверхности земли не видно никаких следов контуров или размеров подземного помещения. Примеры таких подземных кива можно увидеть на переднем плане общего вида двора в Ораиби (Pl. XXXVIII) и на виде танцевальной скалы в Валпи (Pl. XXIV). Но такое полностью подземное расположение церемониальной камеры ни в коем случае не является универсальным даже в Тусаяне. Даже когда кива размещалась во дворе деревни или рядом с домами, в соответствии с традиционным планом и древней практикой, о чем свидетельствуют руины, все равно искали естественные углубления; но такие места, как края мезы, редко встречались на каком-либо расстоянии от скалистого края. В результате большинство кива во дворах являются лишь частично заглубленными. Это особенно заметно в киве во дворе в Шумопави, иллюстрация которой приведена на рис. 14.

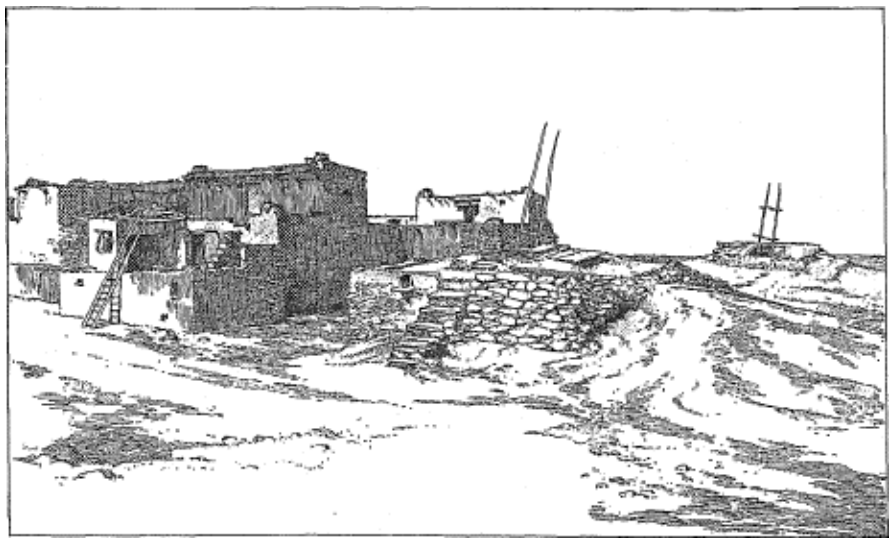


ТАБЛИЦА LXXXVIII. СЕВЕРНЫЕ КИВЫ ШУМОПАВИ, ВИД С СЕВЕРО-ВОСТОКА.

Мунгкива, или главная кива Шупаулови, изображенная на илл. XXXIII, находится всего в 30 см над уровнем земли со стороны домов, но ее необработанные стены возвышаются на несколько метров вниз по склону холма. Вид каменных загонов Машонгнави, показанный на илл. CIX, также иллюстрирует киву описанного типа. Эта камера построена на крутом склоне, где естественное углубление было удобно для строителей. С верхней стороны крыша находится на одном уровне с землей, но с внешней или южной стороны кладка обнажена почти на всю глубину камеры. На северном конце Шумопави, сразу за домами, находятся две кивы, одна из которых является полуподземной. Другая кива практически не имеет каменной кладки над землей за пределами коробчатого входа. На илл. LXXXVIII показаны эти две кивы, как они видны с северо-востока, а также их расположение по отношению к соседним домам. На следующем рисунке (рис. 21) показана та же группа с противоположной точки зрения.

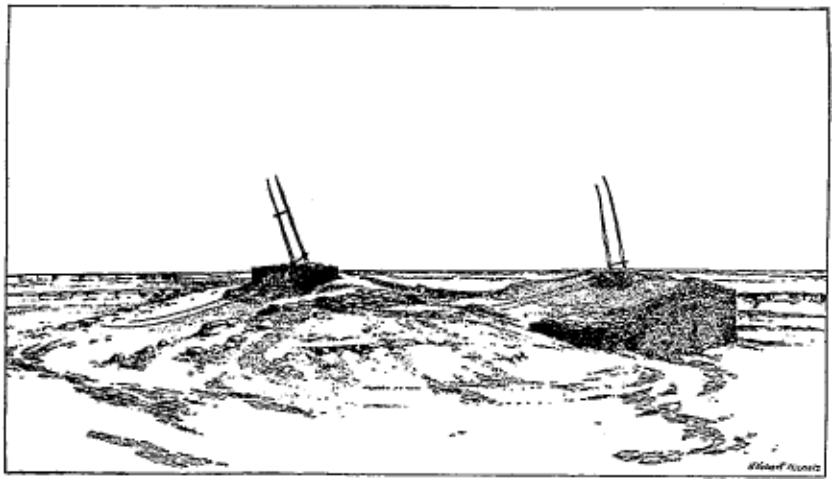


РИС. 21. Северные кивы Шумопави, вид с юго-запада.

Доступ. — Последний описанный полуподземный кива и аналогичный кива во дворе деревни имеют короткую каменную лестницу на восточной стороне. Вход в церемониальную комнату при необходимости блокируется путем удаления лестницы снаружи или, в некоторых случаях, путем извлечения перекладин, которые свободно вставляются в отверстия в боковых частях. Нет никаких

средств, препятствующих доступу к открытым люкам, которые находятся почти на одном уровне с землей. Для удобства и облегчения входа в киву танцоров в костюмах и масках, часто обремененных громоздким реквизитом, ступени постоянно встроены в наружную стену кивы, что прямо противоречит древним принципам строительства, то есть отсутствию постоянных или фиксированных средств доступа с земли к первой крыше. Это единственные случаи, когда каменные ступени выходят прямо из земли, хотя они являются очень важной чертой архитектуры домов Тусаяна над первым этажом, как можно видеть на любом общем виде деревень. Оправдание такой конструкции в связи с незащищенной крышей кивы очевидно заключается в других условиях, которые здесь существуют по сравнению с жилищами.

Подземная кива группы Шумопави, изображенная выше, является исключением, поскольку находится на некотором расстоянии от края мезы. Вероятно, все такие исключения из правила расположены в естественных трещинах или расщелинах песчаника или там, где были необычные условия для раскопок участка до необходимой глубины. Наиболее примечательный пример такой внутренней кивы, расположенной с учетом благоприятных скальных трещин, уже был описан при обсуждении плана Уолпи и его южной кивы, окруженной двором (стр. 65).

Каменная кладка. — Внешняя каменная кладка этих камер во всех случаях кажется более грубой, чем в жилых домах. Это особенно заметно в кивах Валпи на краю мезы, но видно даже в некоторых примерах в Зуни. Одна из кив дома № 1 в Зуни, , расположенная рядом с церковным двором, имеет небольшие отверстия в стене, грубо обрамленные каменными плитами, установленными в каменной стене исключительной шероховатости. По-видимому, никогда не было попыток сгладить или придать этой стене законченный вид с помощью обычного покрытия из глины.

В Тусаяне некоторые стены кив также выглядят так, как будто они были построены из первого подручного материала, уложенного почти сухим, без попытки заделать швы, что придает некоторую степень отделки каменной кладке жилого дома. Однако внутренняя часть этих кив обычно гладко оштукатурена, но внутренняя штукатурка наносится на каменную основу даже в случае кив, которые полностью находятся под землей. Похоже, что в Тусаяне принято облицовывать все стороны кив каменной кладкой, независимо от полноты и пригодности естественной полости. Поэтому невозможно определить по внутренней части кивы, какая часть раскопок является искусственной, а какая — естественной. Облицовка каменной кладкой, вероятно, удерживает штукатурку из глины гораздо лучше, чем голая поверхность скалы, но строители Тусаяна вряд ли прибегали бы к столь трудоемкому способу, чтобы получить это небольшое преимущество. Объяснение этой кажущейся траты труда заключается в том, что кивы с незапамятных времен строились из каменной кладки, и что изменившиеся условия современной окружающей среды Тусаяна не оказали достаточно длительного влияния, чтобы преодолеть традиционную практику. Как будет показано ниже, строительство кивы сопровождается определенными обрядами и церемониями, основанными на использовании каменных стен, что является дополнительным свидетельством относительно недавнего появления нынешних подземных типов.

Ориентация. — При опросе тусаянцев по этому вопросу г-ну Стивену было сказано, что в плане не учитывались стороны света, хотя стены называются в соответствии с направлением, которому они наиболее приближены. Однако изучение планов деревень, приведенных в предыдущих главах, показывает замечательную степень однородности в направлениях кив, что вряд ли может быть случайностью в помещениях, построенных на столь разных участках. По-видимому, было намерение расположить эти церемониальные помещения примерно по линии север-юг, хотя ни один из примеров не приближается к меридиану очень близко. Большинство из них обращены к юго-востоку, хотя некоторые, особенно в Валпи, обращены к западу от юга. В Валпи четыре из пяти кива расположены на линии юго-запад-северо-восток, следуя общему направлению края мезы, а остальная обращена к юго-востоку. Разница в последнем случае могла быть вызвана особенностями участка на краю мезы и формой углубления, в котором была построена кива. Опять же в Хано и

Сичумови (илл. XVI и XVIII) на первой мезе преобладает эта однородность направления, но, как показывают планы, кивы в этих двух деревнях немногочисленны. Две кивы Шупаулови (илл. XXX) имеют одинаковое направление, а именно обращены на юго-восток. В Шумопави (табл. XXXIV) есть четыре кивы, все обращенные к юго-востоку. Однако в Машонгнави (табл. XXVI) такая однородность не преобладает. Три из кив обращены к югу от востока, а две другие, построенные на краю скалистой террасы на южной стороне деревни, обращены к западу от юга. В большой деревне Орайби ( ) наблюдается замечательная однородность в направлении многих кива, разница в направлении которых составляет всего несколько градусов для всех тринадцати кива, показанных на плане (Pl. XXXVI). Но в случае большой кива, частично расположенной над землей и обозначенной как кива Койота, направление, с которого в нее входят, противоположно направлению других кива. Не предлагается никакого объяснения, которое могло бы объяснить это любопытное единственное исключение из правила. Намерение строителей, очевидно, состояло в том, чтобы алтарь и сопутствующие ему конструктивные элементы соответствовали определенному направлению, установленному, возможно, определенными требованиями церемониала, но нерегулярность общего плана деревни, во многих случаях обусловленная ее приспособлением к ограниченным участкам, привела к наблюдаемым отклонениям.

В Зуни было очевидно стремление сохранить определенную однородность направления входов в кивы. В доме № 1 (планы LXXVI и LXXVII) есть две кивы, которые можно различить на плане по большой разделенной люковой двери. Входы в обе кивы обращены на юго-восток, и легко заметить, что это соответствие было обеспечено намеренно, поскольку сами комнаты не соответствуют друг другу по расположению. В одном случае отверстие в крыше расположено поперек комнаты, а в другом — продольно. Как уже отмечалось выше, общий план расположения кив в Зуни не так легко различить, как в Тусаяне. Единообразие, насколько его можно проследить, тем более поразительно, что оно наблюдается там, где направления стен домов гораздо более разнообразны. Еще одно подтверждение дает пуэбло Акома, расположенное примерно в 60 милях к востоку от Зуни. Здесь кива насчитывается шесть, и направления всех экземпляров различаются лишь на несколько градусов. Они также обращены к востоку от юга.

Есть основания полагать, что использование прямоугольных кив в системе строительства пуэбло появилось позднее, чем использование круглых церемониальных залов, которые так часто встречаются среди более древних руин. Если бы строгая ориентация прямоугольных кива преобладала в течение длительного времени, это, несомненно, оказало бы сильное влияние на ориентацию всех групп пуэбло, в которые были включены кива; но в более ранней круглой форме строительные церемониальные устройства могли занимать определенные положения по отношению к сторонам света в любой части внутренней кривой стены, не оказывая при этом какого-либо влияния на направления соседних жилищ.

Древняя форма кивы. — Ни в одном из исследованных руин в провинции Тусаян не было найдено явных следов древних кив, и ни один из них не дает свидетельств о характере церемониальных помещений. Однако маловероятно, что нынешний обычай строительства этих камер полностью под землей был распространен в ранних деревнях Тусаяна, поскольку некоторые из руин не занимают участки, которые предполагали бы такую планировку. Типичная круглая кива, характерная для большинства древних пуэбло, не была обнаружена в пределах Тусаяна, хотя она постоянно встречается в руинах Каньона де Челли, которые в традиции Тусаяна иногда упоминаются как места проживания родственных народов. Однако г-н Стивен обнаружил следы таких древних форм среди обломков разрушенных стен, занимающих два небольших холма на краю первой мезы, в месте, откуда открывается вид на разрушенные руины Сикятки. На юго-восточном склоне одного из холмов находится фрагмент круглой стены, которая изначально имела диаметр 12 футов. Она построена из плоских камней толщиной от 2 до 4 дюймов, шириной от 6 до 8 дюймов и длиной от одного фута и более, почти все из которых были отколоты и обработанные. Глиняный раствор использовался скупо, а кладка свидетельствует о значительной тщательности и мастерстве исполнения; кривизна стены довольно точна, а промежутки между камнями аккуратно заполнены более мелкими фрагментами, как в некоторых из лучших работ руин Каньона де Челли.

Холм дальше к югу имеет схожие следы, а на юго-восточном склоне находится полный план круглого сооружения диаметром 16½ футов. В одной точке изогнутой стены, толщина которой составляет около 22 дюймов, находится характерная углубленная качинкиху (описанная позже при обсуждении интерьера кива), указывающая на использование этой камеры в церемониальных целях.

Хотя эти остатки, вероятно, предшествуют любым из руин Тусаяна, обсуждаемых выше (глава II), они предполагают связь и взаимосвязь между типичной кивой более старых руин и радикально отличающейся формой, используемой в настоящее время.

Объяснения коренных жителей относительно расположения. Несмотря на современную практику расположения кив, показанную на планах, идеальный план деревни по-прежнему считается таким, при котором группы домов распределены таким образом, что образуют закрытые и защищенные дворы, а кивы расположены внутри этих дворов или занимают краевые позиции в группах домов на краю закрытых территорий. Однако объяснения коренных жителей относительно традиционного плана являются расплывчатыми и противоречивыми.

В полу типичной кивы находится священная полость, называемая сипапух, через которую проникает благотворное влияние призываемых божеств или сил. Согласно рассказам некоторых стариков, кива была построена, чтобы заключить в себе этот священный объект, а дома были построены со всех сторон, чтобы окружить киву и сформировать ее внешнюю стену. По словам жрецов, в прежние времена люди были более набожными, и дома планировались так, чтобы их террасы выходили на двор, чтобы женщины, дети и все люди могли быть ближе к танцорам в масках (качинам), когда те выходили из кивы. Зрители заполняли террасы и, сидя там, наблюдали за танцами качина на дворе, а женщины посыпали их мукой, слушая их песни. Другие старики говорят, что кива была выкопана в подражание первоначальному дому во внутренней части земли, где была создана человеческая семья и откуда они поднялись на поверхность земли с помощью лестницы и через такое же отверстие, как люк кивы. Другое часто встречающееся объяснение заключается в том, что они построены под землей, потому что так летом в них прохладнее, а зимой легче согреться.

Все эти факторы, возможно, оказали некоторое влияние на дизайн, но мы уже видели, что раскопки в том объеме, в каком они практикуются здесь, являются совершенно исключительными в строительстве пуэбло, и необычное развитие этого требования к строительству кивы было вызвано чисто местными причинами. В привычной практике использования такого древнего и традиционного устройства индейцы утратили все записи о реальных причинах сохранения этого требования. В Зуни также предлагается любопытное объяснение частичного понижения пола кивы ниже общего уровня окружающей местности. Здесь наивно объясняют, что пол выкапывают, чтобы получить достаточную высоту потолка внутри кивы, поскольку это помещение имеет большое значение. По-видимому, архитекторам Зуни не приходит в голову, что этого результата можно было бы достичь более прямым и гораздо менее трудоемким способом, сделав стены на фут выше при строительстве кивы, так же как решается эта же проблема при строительстве обычных жилых домов. Такие объяснения, конечно, возникли гораздо позже, чем эта практика стала общепринятой.

МЕТОДЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КИВЫ И ОБРЯДЫ.

Внешний вид кив Тусаяна был описан и проиллюстрирован; теперь остается рассмотреть общую форму и метод строительства этих подземных помещений, а также обратить внимание на сопутствующие обряды и церемонии.

Типичные планы. Все кивы Тусаяна имеют форму параллелограмма, обычно длиной около 25 футов и шириной в два раза меньше, потолок высотой от 5½ до 8 футов, который в середине немного выше, чем на концах. Не существует предписанных правил для размеров кивы, и, по-видимому, размер камеры определяется в зависимости от количества людей, которые будут ее использовать и которые возьмут на себя труд ее строительства. Список типичных размеров, полученных г-ном Стивеном, приложен (с. 136).

После того как выкопана яма нужных размеров или обнаружена уже существующая, человек, который будет главой кивы, проводит ту же церемонию, что и глава семьи, когда начинается строительство жилого дома. Он берет горсть муки, смешанной с крошками пики, и немного измельченной травы, которую они используют в качестве табака, и посыпает их на землю, начиная с западной стороны, проходя на юг и так далее, посыпая линию, которая обозначает место, которое займут стены. Обозначая таким образом периметр кивы, он поет монотонным голосом «Си-ай, а-хай, а-хай, си-ай, а-хай» — никаких других слов, кроме этих. Значение этих слов, по-видимому, неизвестно, но все жрецы сходятся во мнении, что это архаичное песнопение обращено к солнцу, и оно называется Китдауви — Песня дома. Затем вождь выбирает четыре камня хорошего размера и твердой текстуры для углов и на каждый угол кладет заранее подготовленный бахо, орошает его смесью, которой он обозначил линию стен, а затем кладет на него угловой камень. Делая это, он выражает надежду, что стены «хорошо укоренятся» и будут стоять прочно и надежно.

Мужчины уже добыли или собрали достаточное количество камня, и стена строится достаточно ровными рядами по обеим сторонам выемки. Используемые камни грубо обтесаны путем разлома; они имеют неправильную форму и размер, удобный для обработки одним человеком. Они укладываются с использованием очень небольшого количества глиняного раствора и поднимаются, если земля ровная, до 18 дюймов от поверхности. Если кива построена на краю утеса, как в Валпи, внешняя стена соединяет стороны ущелья, следуя линии утеса. Если поверхность наклонная, уровень крыши достигается путем возведения одной стороны кивы над землей до необходимой высоты, как показано на рис. 21. Один конец кивы «Коза» в Валпи находится на высоте 5 футов над землей, а другой конец находится на одном уровне с наклонной поверхностью. Когда уступ на отвесной поверхности мезы неровный, его заполняют грубой кладкой, чтобы получить ровную поверхность для пола, и поэтому внешняя стена некоторых кив Валпи имеет высоту более 12 футов, хотя внутри расстояние от пола до потолка гораздо меньше.

Для стропил крыши используются как тополь, так и сосна; они грубо обработаны, и на некоторых из них видно, что была сделана попытка вытесать их с четырьмя сторонами, но ни одна из них не является квадратной. В крыше кивы «Коза» в Валпи находятся четыре хорошо вытесанных сосновых бруса размером ровно 6 на 10 дюймов, которые, как говорят, были взяты из миссионерского дома, построенного испанскими священниками около Валпи около трех веков назад. План потолка мунгивы Шупаулови (рис. 23) показывает, что четыре из этих старых испанских квадратных балок были использованы при ее строительстве. Одна из них покрыта грубым узором из выдолбленных канавок и просверленных отверстий, образующих любопытный орнамент из линий и точек. Другая кива этой деревни содержит единственную не украшенную квадратную испанскую балку крыши. Эта балка очень контрастирует с грубыми круглыми столбами, изготовленными местными жителями, один из которых, в случае последней упомянутой кивы, представляет собой раздвоенный ствол небольшого дерева. Некоторые индейцы говорят, что бревна были привезены ими из источника Шумопави, где ранние испанские священники основали миссию. Согласно этим рассказам, домашняя миссия была основана в Уолпи, другая часовня — в Шумопави, а третья, более важная, — в Аватуби.

Один человек по имени Сикапики заявил, что квадратные и резные балки были привезены из гор Сан-Франциско, расположенных более чем в ста милях отсюда, под руководством священников, и что они были вырезаны и обработаны до транспортировки. Они предназначались для часовни и монастыря, но последнее здание так и не было достроено. В конце концов, деревянные конструкции крыши были распределены между жителями Шумопави и Шупаулови. В Шумопави одна из кив, известная как Нувватикюоби (Высокое место снега — горы Сан-Франциско), была построена всего 8 лет назад. Основные деревянные конструкции крыши насчитывают семь штук. Четыре из них вытесаны с плоскими сторонами, размером от 8 на 12 дюймов до 9 на 13 дюймов; три других — круглые, с слегка вытесанными нижними сторонами, диаметром 12 дюймов. Эти балки были привезены из гор Сан-Франциско, когда здесь находились испанцы. В отчете Шумопави говорится, что люди были вынуждены тянуть большую часть балок с помощью веревок, хотя в некоторых случаях использовались и волы, и что испанцы использовали их для крыши своих миссионерских зданий. После разрушения миссии эти балки были использованы для строительства жилого дома, который, придя в негодность, был заброшен и снесен. Впоследствии они были использованы, как описано выше. В Теособи, Джей, основные бревна были извлечены из него много лет назад и использованы в другой киве. Бревна, которые сейчас находятся на крыше, довольно маленькие и уложены парами, но они старые и сильно сгнившие. В Гярзоби, Парокет, есть шесть квадратных бревен из зданий испанской миссии, размером 9 на 13 дюймов, 8 на 12 дюймов и т. д. Они имеют ту же любопытную рифленую и точечную орнаментацию, что и квадратные балки Шупаулови, описанные выше. На другом конце кивы также находятся две необычно идеальные круглые балки, которые, возможно, происходят из руин миссии. Все они имеют следы огня и местами сильно обуглены.

В продолжение процесса строительства кивы вершины стен приводятся к примерному уровню. Затем основные балки крыши укладываются параллельно торцевым стенам на неравномерном расстоянии, но менее чем в 3 футах друг от друга, за исключением середины, где между двумя балками оставляется пространство около 7 футов, так как там будет построен люк. Концы балок опираются на боковые стены, и когда они устанавливаются на место, под каждую из них также помещается небольшое перо, к которому привязана кусочек хлопковой нити (nakwakwoci). Крепкие шесты, с которых снята кора, укладываются под прямым углом на балки, с небольшими промежутками между ними. Ближе к центру кивы две короткие балки укладываются поперек двух главных балок на расстоянии около 5 футов друг от друга; это делается для того, чтобы сохранить пространство размером 5 на 7 футов для люка, который делается из каменных стен, уложенных в глиняную штукатурку, опирающихся на две центральные балки и на две боковые детали. Эта стена или гребень поднимается так, чтобы находиться как минимум на 18 дюймов выше уровня готовой крыши. Поперек столбов, покрывая остальную часть крыши, плотно укладываются ивы и прямые ветки любого вида, а поверх них укладывается слой сухой травы, уложенной ровными рядами. Затем на траву аккуратно наносится глина толщиной около 3 дюймов, и после того, как она почти высохнет, ее снова разравнивают, чтобы заполнить все трещины. Затем по всей поверхности распределяется слой сухой земли и плотно утрамбовывается, чтобы сделать крышу водонепроницаемой и выровнять ее поверхность с окружающей землей, следуя тому же методу и порядку строительства, которые преобладают в жилых домах.

Поперек верхней части стены люка укладываются короткие бруски, один конец которых поднимается выше другого, чтобы образовать уклон, и на эти бруски плотно укладываются каменные плиты в качестве покрытия. (См. табл. LXXXVII.) Оставляется открытое пространство, обычно размером около 2 на 4½ фута, которое является единственным выходом из сооружения и служит одновременно дверью, окном и дымоходом.

После завершения строительства крыши укладывается пол из каменных плит, но он никогда не бывает ровным, так как на одном конце он приподнят в виде платформы высотой около 10 или 12 дюймов, простирающейся примерно на треть длины кивы и заканчивающейся резким уступом непосредственно перед люком, как показано на плане мунгкивы Шупаулови (рис. 22, а также на рис. 25 и 27). На краю платформы опирается ножка длинной лестницы, которая прислонена к более высокой стороне люка, а ее заостренные концы выступают на 10 или 12 футов в воздух. На этой платформе сидят женщины и другие посетители, когда их допускают для наблюдения за церемониями, проводимыми в киве. Основной пол в нескольких кивах состоит из грубо обтесанных досок, но это сравнительно недавнее нововведение, которое в целом не считается желательным, поскольку движения танцоров на деревянном полу выбивают фетиши из их положения.

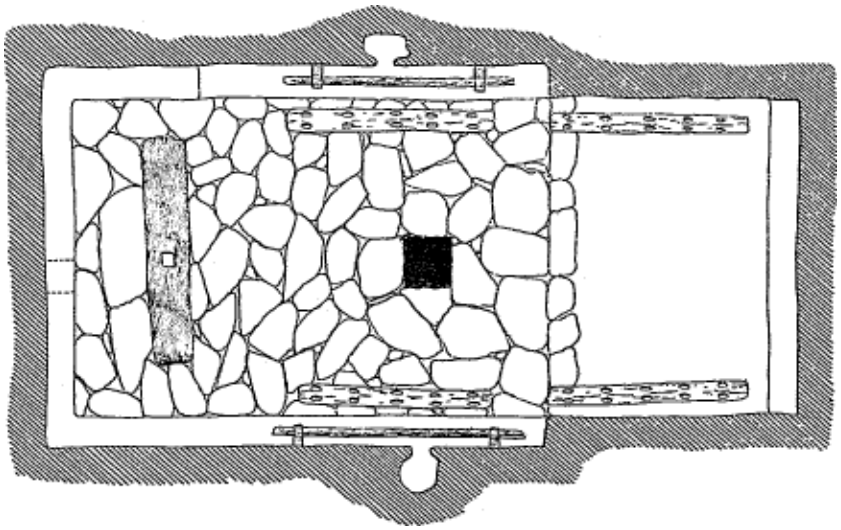


Рис. 22. План главной кивы Шупаулови.

На нижнем или главном этаже для камина делается неглубокая яма разных размеров, но обычно около фута в квадрате, которая располагается непосредственно под отверстием в люке. Люк поднимают над уровнем крыши, а потолок в середине — для того, чтобы огонь не зажег их. Обычным топливом, используемым в киве, является жирное дерево, и всегда есть несколько связок этого кустарника в зеленом состоянии, подвешенных на колышках, вбитых в стену люка непосредственно над огнем. Этот кустарник, когда он зеленый, тлеет и испускает густой, едкий дым, но когда он полностью высох, горит ярким, искрящимся пламенем.

Напротив конца кивы на главном этаже построена каменная полка, обычно высотой около 2 футов и шириной 1 фут, которая служит полкой для выставления фетишей и других атрибутов во время установленных обрядов (см. рис. 22). В середине этой полки сделано небольшое отверстие, похожее на нишу, которое называется качин киху (дом качина). Во время праздника в него помещаются определенные маски, когда они не используются танцорами. В некоторых кивах по одной или обеим сторонам построены низкие полки, которые используются в качестве сидений, а в некоторых их нет, но во всех, кроме двух или трех, в конце есть полка, на которой находится дом качина.

В основном полу кивы есть углубление глубиной около фута и шириной 8 или 10 дюймов, которое обычно закрыто короткой толстой доской из тополя, верхняя поверхность которой находится на одном уровне с полом. Посередине этой короткой доски и непосредственно над углублением просверлено отверстие диаметром 2 или 2½ дюйма. Это отверстие имеет коническую форму и точно закрывается подвижной деревянной заглушкой, верхняя часть которой находится на одном уровне с поверхностью доски. Доска и полость обычно занимают положение на главном полу у конца кивы. Эта особенность называется сипапух, место богов, и является самой священной частью церемониальной палаты. Вокруг этого места во время праздника устанавливаются фетиши; оно также символизирует первый мир генезиса Тусаяна и отверстие, через которое впервые появились люди. В настоящее время об этом часто говорят.

Другие небольшие отверстия или ниши построены в боковых стенах; они обычно открываются над главным полом кивы, рядом с краем подиума, который образует второй уровень, на котором стоит лестница. В настоящее время они не имеют особого назначения, но используются для хранения мелких инструментов и других обычных предметов. Однако в древние времена эти ниши использовались исключительно для хранения священных трубок, табака и других мелких предметов.

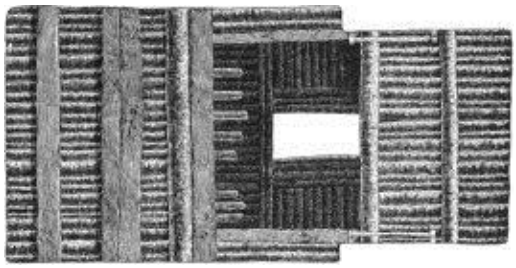


Рис. 23. План потолка главной кивы Шупаулови.

Чтобы более наглядно показать относительное расположение различных элементов конструкции кивы, которые были описаны выше, здесь приведены несколько типичных примеров. Три приведенных плана выполнены в масштабе и представляют кивы средних размеров. Г-н Стивен провел серию типичных измерений кивы, которые приведены в приложении к данному разделу, и сравнение их с планами покажет соотношение выбранных примеров с обычными размерами этих помещений. Рис. 22 представляет собой план мункивы, или главной кивы, Шупаулови. Можно заметить, что второй уровень пола кивы, образующий упомянутую выше трибуну, примерно на 15

дюймов уже по каждой стороне, чем основной пол. Сужение этой части пола кивы не является универсальным и, по-видимому, не регулируется какими-либо правилами. Иногда сужение осуществляется только с одной стороны, как в мунгиве Машонгнави (рис. 27), иногда с обеих сторон, как в данном примере, , а в других случаях оно отсутствует. Во второй киве Шупаулови, изображенной на рис. 25, есть только один небольшой выступ, построенный посередине стены верхнего уровня, и он не имеет никакого отношения к месту, где происходит изменение уровня пола. По словам индейцев, выступ, или подиум, свободен для использования зрителями, так же как женщины стоят на террасах домов, чтобы посмотреть на танец, и не входят во двор. В данном случае выступ находится примерно на фут выше основного пола. По обеим сторонам построены каменные скамьи, хотя, как показывает план, они не одинаковой длины. Скамья на восточной стороне примерно на 4 фута короче другой, которая обрезана продолжением высокой скамьи, на которой находится качинкиху за углом комнаты. Эти боковые скамьи предназначены для участников церемоний. Когда молодые люди проходят инициацию в различные общества во время праздников осенью, они занимают пол священной части кивы, а старые члены ордена занимают скамьи вдоль стены. Более высокая скамья в конце комнаты используется как полка для принадлежностей. Отверстие или углубление в этой скамье, положение которого обозначено пунктирными линиями на плане, является священным отверстием, из которого, как говорят, выходит качина, и называется качинахи. В полу кивы, рядом с качинахи, находится сипапух, пробка из тополя, вставленная в тополиную доску над углублением в полу. На плане показано, как эта доска шириной около 18 дюймов и длиной 6½ футов была встроена в покрытие главного пола. Покрытие состоит из довольно больших плит песчаника, чьи неровные края были искусно подогнаны, чтобы сформировать гладкое и хорошо обработанное покрытие. Расположение ниш, образующих держатели для трубок, показано на плане напротив камина в каждой боковой стене. Указано положение подножия лестницы, боковые стойки которой опираются на мощеную поверхность второго уровня примерно в 15 дюймах от края ступени. На рис. 23 показан план потолка той же кивы, иллюстрирующий расположение таких кровельных балок и брусьев, которые видны изнутри. На плане показано положение четырех испанских балок, упомянутых выше, причем самая северная из них имеет линейный и точечный орнамент. Следующие две балки, уложенные вплотную друг к другу, также квадратные и испанского производства. Четвертая испанская балка находится на северном крае купола люка и поддерживает его стену. Прилегающая балка круглая и местного производства. Положение и размеры большого выступа люка указаны здесь на плане, но общий вид этой любопытной особенности кивы Тусаян лучше видно на внутреннем виде (рис. 24). Этой куполообразной конструкции приписывают различные назначения, помимо объяснения, что она построена на большей высоте, чтобы уменьшить опасность возгорания балок крыши. Старики говорят, что раньше в ней коптили и консервировали мясо. Другие говорят, что она использовалась для сушки связок дров, подвешенных над огнем, перед использованием в камине. Также говорят, что она представляет собой верхнюю камеру, облегчающую выход дыма, и, без сомнения, она помогает в выполнении этой полезной функции.

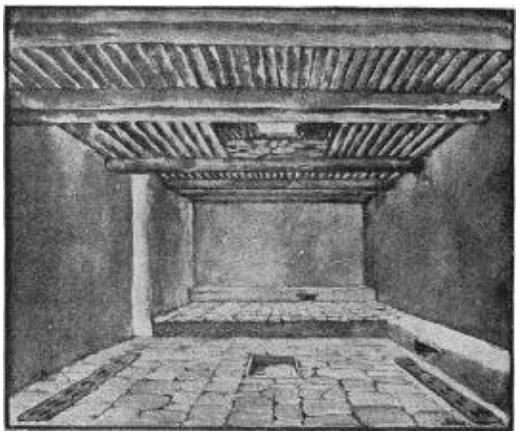


Рис. 24. Внутренний вид кивы в Тусаяне.

Глиняная штукатурка, нанесенная непосредственно на каменную кладку внутри этой кивы, сильно почернела от дыма. Примерно на половине площади стены штукатурка отвалилась или отслоилась, и обнаженная каменная кладка сильно почернела, как будто кива долгое время использовалась с открытыми стенами.

Камин представляет собой просто неглубокую яму размером примерно 18 дюймов в квадрате, расположенную непосредственно под отверстием, совмещающим люк и дымоход. Обычно он находится на расстоянии от 2 до 3 футов от края второго уровня пола кивы. Брусчатка обычно обработана довольно аккуратно и гладко в тех местах, где ее края обрамляют кострище.

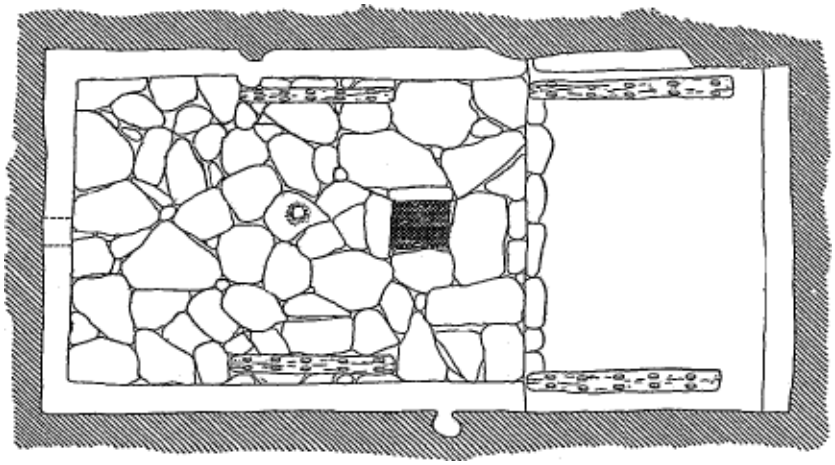


Рис. 25. План кивы Шупаулови.

Рис. 25 и 26 иллюстрируют план пола и потолка второй кивы той же деревни. По всем основным принципам расположения она идентична предыдущему примеру, но в нескольких деталях можно заметить незначительные изменения. Скамья у качина, или «алтаря» кивы, не такая высокая, как в мунгиве, но находится на одном уровне со скамьями по бокам. Здесь sipapuh находится на гораздо большем расстоянии от ниши качина, чем обычно. Она также является довольно исключительной тем, что заглушка вставлена в отверстие в одном из тротуарных камней, как показано на плане, а не в доску из тополя. Некоторые из тротуарных камней, образующих пол этой кивы, имеют довольно правильную форму и необычные размеры, один из них имеет длину почти 5 футов и ширину 2 фута. Серая полировка от длительного использования придает этим камням вид большой твердости. План потолка этой кивы (рис. 26) показывает единственный образец испанской балки на крайнем северном конце крыши. Он также показывает раздвоенную «вигу» или потолочную балку, что довольно необычно.

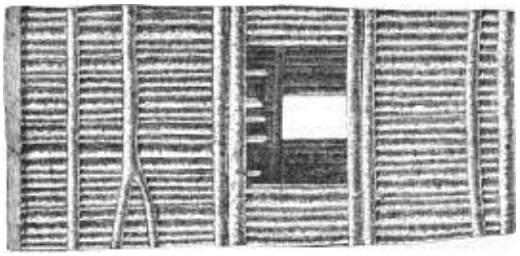


Рис. 26. План потолка кивы Шупаулови.

Эта кива лучше оштукатурена, чем мунгива, и местами на ней видны следы многочисленных последовательных слоев штукатурки. В этом примере нарушено общее правило нанесения внутренней штукатурки кивы на каменную основу. Северный конец и часть прилегающих сторон

были выровнены путем заполнения неровностей выемки тростником, который был приложен в вертикальном положении и удерживается на месте длинными, тонкими, горизонтальными стержнями, образуя грубую маты или плетение. Прутья прикреплены к каменной стене в удобных местах с помощью небольших зубцов из твердого дерева, а затем вся примитивная обрешетка густо покрыта глиняной штукатуркой. Г-н Стивен обнаружил, что кива Поноби в Ораиби была обработана таким же образом. Стены облицованы тростниковым решетчатым каркасом, на который нанесена глиняная штукатурка. Используется тростник Bakabi (*Phragmites communis),* стебли которого имеют диаметр от четверти до трех четвертей дюйма. В данном случае тростник также укладывается вертикально, но он прикрепляется к обычной глиняной стене кивы, а не непосредственно к стенкам естественного углубления. Вертикальные рейки скрепляются горизонтальными тростниками, уложенными на них с интервалом 1 или 2 фута. Горизонтальные тростники удерживаются на месте колышками из жирного дерева, вбитыми в стену с интервалом 1 или 2 фута, и привязаны к колышкам с помощью расколотых юкк. Эти образцы являются очень интересными примерами аборигенной обрешетки и штукатурки, нанесенной на каменную кладку.

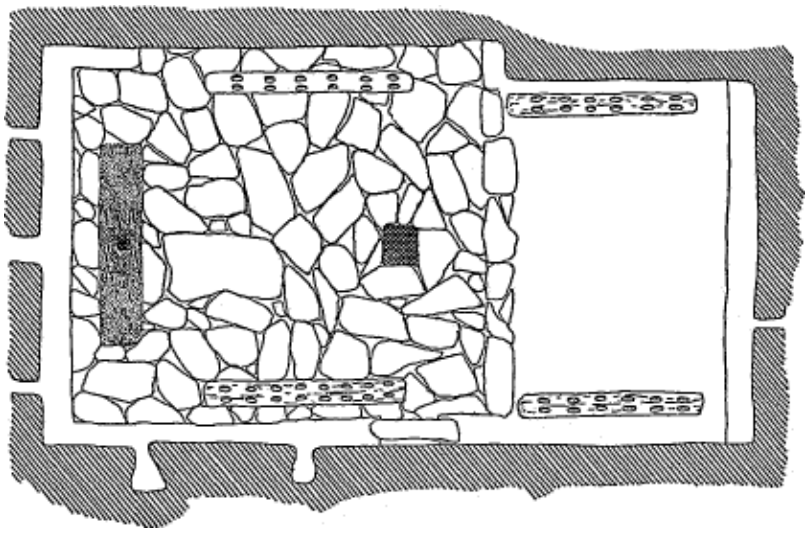


Рис. 27. План главной кивы Машонгнави.

План мункивы Машонгнави показан на рис. 27. В этом примере сужение помещения на втором уровне пола находится с одной стороны. Ступень, по которой можно подняться на верхний уровень с главного пола, имеет высоту 8 дюймов на восточном конце и 10 дюймов на западном конце. Южный конец кивы имеет небольшое отверстие, похожее на бойницу, из которого открывается вид на юг. Восточная сторона основной части кивы не оборудована обычной скамейкой. Часть скамейки на конце кивы, где находится качина, находится на одном уровне с западной скамейкой и продолжается на пару футов за северо-восточным углом вдоль восточной стены. Небольшие ниши в стене находятся на западной стороне и ближе к северному концу, чем обычно. Расположение качинкихиху значительно отличается от того, что описано в кивах Шупаулови. Отверстие находится в северной стене на высоте 3½ фута над полом и 2 фута 3 дюйма над верхом скамьи, которая проходит поперек этого конца комнаты. Очаг несколько меньше, чем в других приведенных примерах. На рис. 28 показан вид люка кивы изнутри, как он виден с северного конца кивы, но лестница была опущена на рисунке, чтобы избежать путаницы. Лестница прислонена к краю покрытия, которое увенчивает низкую стенку на ближней стороне люка, ее верхняя часть наклонена в сторону зрителя. Четко видны небольшие почерневшие от дыма палки, которые используются для подвешивания связок жирной древесины и другого топлива в люке. На дальнем конце люка, снаружи, показан рогож из тростника или камыша, который используется для закрытия отверстий при необходимости. Здесь он показан свернутым у подножия наклонной поверхности люка, в своем обычном положении, когда он не используется. Когда этот коврик используется для закрытия отверстия кивы, его обычно

удерживают на месте несколько больших каменных плит, уложенных поверх него. На рис. 29 показан образец коврика кивы Тусаян.

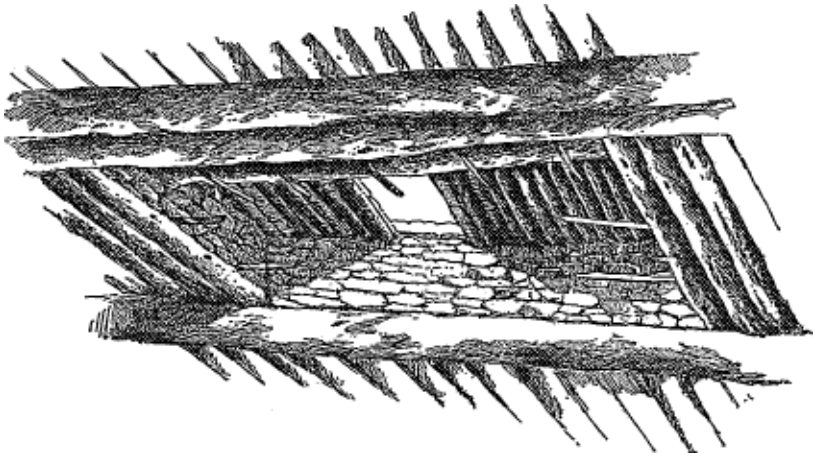


Рис. 28. Внутренний вид люка кивы в Тусаяне.

Вышеприведенные планы кивы показывают, что каждый из изображенных примеров снабжен четырьмя длинными узкими досками, установленными в полу кивы рядом со стеной и снабженными отверстиями для крепления ткацких станков. Эта особенность является обычным элементом конструкции кивы и связана с использованием церемониального помещения в качестве мастерской мужчинами-ткачами из Тусаяна. Более подробно она будет описана в разделе, посвященном различным видам использования кивы.

Рис. 29. Мат, используемый для закрытия входа в киву Тусаяна.

Основные конструктивные особенности кив, описанных выше, удивительно схожи, хотя иллюстрации типов были выбраны случайным образом. Незначительные изменения наблюдаются в расположении многих элементов, но во всех деревнях преобладает определенная общая связь между различными конструктивными требованиями к церемониальному помещению.

Работа женщин. — После того как все вышеописанные детали были предусмотрены, после завершения строительства крыши и пола, женщины, принадлежащие к народу, который будет занимать киву, продолжают работу по ее строительству. Они обрабатывают внутреннюю поверхность стен, сбивая выступы и заполняя промежутки мелкими камнями, а затем гладко штукатурят стены и внутреннюю часть люка глиной, а иногда белят их гипсовой глиной, найденной поблизости. Раз в год, на празднике Повума (плодотворная луна), женщины уделяют киве такое же внимание.

Освящение. — Когда все работы закончены, вождь кивы готовит бахо и «кормит дом», как это называется; то есть он бросает немного муки с крошками пики на одну из балок крыши и в том же месте вставляет конец бахо. Делая это, он выражает надежду, что крыша никогда не обрушится и что болезни и другие беды никогда не войдут в киву.

Трудно получить разумное объяснение теории бахо и молитвенных церемоний при строительстве кивы или дома. Бахо — это молитвенный знак; молящийся не удовлетворяется просто произнесением или пением молитвы, ему нужно что-то осязаемое, на что он может ее перенести. Он считает свою молитву таинственной, неосязаемой частью своей сущности и поэтому стремится воплотить ее в каком-то предмете, который таким образом становится освященным. Бахо, вставленный в крышу кивы, представляет собой кусок ивовой ветки длиной около шести дюймов, очищенный от коры и окрашенный. К нему привязаны четыре маленьких пера, подвешенных на коротких хлопковых нитках, завязанных на равных расстояниях вдоль ветки. Чтобы получить признание от сил, к которым обращаются, используются перья разных цветов и различные способы их крепления к кусочкам дерева и ниткам. В данном случае они обращены к «вождям», которые контролируют пути, по которым люди идут после подъема из недр земли. Они обозначены следующим образом:

На западе: Сикьяк	Омауву	Желтое Облако.
Юг: Саква	омауву	Голубое Облако.
восток: Пала	Омауву	Красное Облако.
Север: Кветш	омауву	Белое Облако.

К крыше также прикреплены два отдельных пера. Они обращены к зениту, héyap omáuwu — невидимому пространству над головой — и к надиру, Myuingwa — богу недр земли и создателю зародыша жизни. К четырем первым упомянутым обращаются также бахос под угловыми камнями. Эти перья готовятся вождем кивы в другой киве. Он благочестиво курит над ними и, выдыхая дым на них, формулирует молитвы вождям или силам, которые не только контролируют пути или жизни всех людей, но и управляют шестью регионами пространства, откуда приходят все необходимые для жизни вещи. Во время этих молитв его мысли также занимают древние; он желает, чтобы все удовольствия, которыми они наслаждались, находясь здесь, достались его народу, и взамен он желает древним принять участие во всех удовольствиях живых.

После завершения всех работ и церемоний женщины готовят еду для праздничного застолья. Приглашаются друзья, и мужчины всю ночь танцуют в киве под аккомпанемент своих песен и ударов примитивного барабана, радуясь своему новому дому. Затем вождь кивы провозглашает имя, под которым кива будет известна. Часто это просто термин, выбранный им, часто без учета его уместности.

Различные виды использования кив. — В некоторых традициях встречаются упоминания, предполагающие, что в более ранние времена один из видов кив был полностью посвящен церемониальным целям и постоянно занимался священником. В нем постоянно хранились алтарь и фетиши, и соответствующие группы этих фетишей выставлялись из месяца в месяц, по мере того как разные священники священных праздников сменяли друг друга, а каждая новая луна приносила свой предписанный праздник.

Многие кивы были построены религиозными обществами, которые до сих пор проводят в них свои установленные обряды, а в Ораиби некоторые из них до сих пор носят названия обществ, которые их используют. Общество всегда проводит свои праздники в определенной киве, но ни одна из этих кив в настоящее время не сохраняется исключительно для религиозных целей; все они являются местами общественного отдыха для мужчин, особенно зимой, когда они занимаются искусствами, распространенными среди них. Таким образом, одна и та же кива служит храмом во время священного праздника, а в другое время — домом совета для обсуждения общественных дел. Она также используется как мастерская для трудолюбивых и как место отдыха для бездельников.

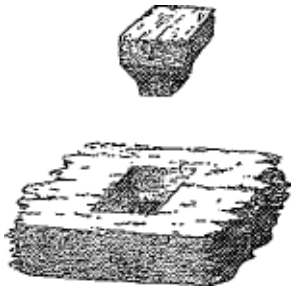


Рис. 30. Прямоугольная сипапух в киве Машонгнави.

До сих пор сохранились следы двух классов кива, отличающихся тем, что только некоторые из них содержат сипапух, и в них проводятся более важные церемонии. Говорят, что в последнее время сипапух не изготавливался. Предписанная операция выполняется вождем и помощниками жрецов или хранителями фетишей общества, владеющего кива. Некоторые говорят, что мистические знания, связанные с его изготовлением, утрачены и теперь никто не может его изготовить. Также говорят, что раньше вместо доски из тополя, которую обычно можно увидеть сейчас, использовался каменный сипапух. Однако использование камня для этой цели почти вышло из употребления, хотя вторая кива в Шупаулови, план которой показан на рис. 25. содержит пример этой древней формы. В одной из новейших кива Машонгнави доска сипапуха пробита квадратным отверстием, которое вырезано с выступом, поддерживающим заглушку, закрывающую отверстие (см. рис. 30). Это явное нововведение по сравнению с традиционной формой, так как отверстие, из которого выходили люди, символизируемое в сипапу, во всех версиях мифа о сотворении мира Тусаяна описывается как круглое. Наличие сипапу, возможно, когда-то отличало такие кивы, которые считались строго посвященными религиозным обрядам, от тех, которые имели более общее назначение. В настоящее время в Тусаяне некоторые общества собираются не в обычной киве, а в квартире жилого дома, причем каждое общество имеет свое собственное место для собраний. Дом, используемый для этих целей, называется домом «сестры старшего брата», что, вероятно, означает, что она является потомком основателя общества. Дом этой женщины также называется «домом бабушки», и в нем хранятся типони и другие фетиши общества. Типони — это церемониальный предмет длиной около 18 дюймов, состоящий из перьев, установленных вертикально вокруг небольшого диска из кремнистого дерева, который служит его основой, когда он устанавливается на алтарь. Этот фетиш также называется изо (бабушка), отсюда и название дома, в котором он хранится. В доме, где собирается орден воинов (Кулеатака), старший сын женщины, которой он принадлежит, является главой ордена. Помещение, в котором они собираются, представляет собой низкую комнату на первом этаже, в которую можно попасть только через люк и по лестнице. В этой комнате нет сипапуха, поскольку воины обращаются напрямую к Котукинунге, сердцу зенита, богу неба. На стенах нарисованы большие фигуры животных-фетишей, окрашенные в разные цвета. На западной стене — пума, на южной — медведь, на восточной — дикая кошка, увенчанная щитом с изображением звезды, на северной — белый волк, а на восточной стороне этой фигуры нарисован большой диск, олицетворяющий солнце. Стены камер других обществ не украшены постоянно. Здесь, таким образом, действительно находится другой тип кивы, хотя он и не называется так

людьми на плато Уолпи. Для комнат на первом этаже используется обычное название «киколи» — дом без отверстий в стенах. Но на втором плато и в Ораиби, хотя иногда и используют термин «киколи», обычно применяют термин «кива» как к первому этажу жилого дома, так и к подземным комнатам.

Вероятно, что класс кива, не имеющий особого освящения, существовал с самого раннего периода. Комнаты в жилых домах всегда были маленькими и темными, а в древние времена не имели дымоходов. В таких тесных условиях мужчинам было неудобно заниматься каким-либо из известных им ремесел, особенно ткачеством, которое можно было бы выполнять на открытом воздухе, как это делается до сих пор, но с многими перерывами. Возможно, что один из видов кива был предназначен для таких обычных целей, хотя сейчас один тип комнаты, по-видимому, отвечает всем этим различным потребностям. В большинстве существующих кива есть доски, в которых закреплены прочные петли, закрепленные в полу рядом со стеной, для крепления нижней балки примитивного вертикального ткацкого станка, а выступающие виги или балки вставляются в стены во время их строительства для крепления верхних стоек ткацкого станка. Доски или бревна, к которым крепится нижняя часть ткацкого станка, в некоторых случаях выглядят довольно тщательно обработанными. Они часто частично зарыты в землю и под краями соседних тротуарных плит таким образом, чтобы очень надежно удерживаться на месте под натяжением плотно

натянутой основы во время изготовления одеяла.

Рис. 31. Столб ткацкого станка

в киве в Тусаяне. Отверстия, проделанные в верхней поверхности этих бревен, выполнены очень аккуратно, как показано на рис. 31, где изображено одно из отверстий в разрезе вместе с прилегающими брусчатками. Также показан внешний вид устройства, как его можно увидеть на небольшом расстоянии вдоль бревна. Полоски оленьей кожи или кусочки веревки продеваются через эти U-образные полости, а затем через нижний столб ткацкого станка внизу удлиненной серии нитей основы. Таким образом, последние можно натянуть в подготовке к операции заполнения утоком. Ткацкие станки кива, по-видимому, используются в основном для ткачества темно-синих и черных одеял с диагональным и ромбовидным узором, которые являются основным предметом торговли с племенами зуни и пуэбло Рио-Гранде. Для дополнительного удобства при ткачестве одна из кива Машонгнави оборудована подвижными сиденьями. Они состоят просто из отдельных камней подходящего размера и формы. Обычно они имеют толщину 8 или 10 дюймов, ширину 1 фут и длину, возможно, 15 или 18 дюймов. Помимо использования в качестве сидений, эти камни используются в сочетании с краями каменных плит, которые покрывают постоянные скамьи кивы, для временной поддержки верхних и нижних столбов ткацкого станка для пледов, пока на них постепенно наматывается основа. Крупные камни, встроенные в боковые части скамеек некоторых кива Машонгнави, иногда имеют круглые углубления в форме чашки диаметром около одного дюйма, просверленные в них. В эти отверстия вставляется один конец основовой палки, а другой конец удерживается в соответствующем отверстии тяжелого подвижного каменного сиденья. Другая опорная палка поддерживается аналогичным образом, а нить проходит вокруг обеих в горизонтальном направлении, готовясь к размещению и натяжению в вертикальном положении для окончательной обработки одеяла. Ряд таких чашеобразных углублений ( ) образованы вдоль боковой стороны каменной скамьи, чтобы обеспечить различную длину основы, которая может потребоваться. На противоположной стороне этой же кивы в глиняной штукатурке стены выделано несколько подобных отверстий или углублений. Все эти устройства часто встречаются в других кивах Тусаяна и свидетельствуют о древности практики использования кив для таких промышленных целей. Есть предположение о подобном использовании древних круглых кив в

Каньоне де Челли. В небольшом скоплении комнат, построенных частично на скалистом уступе, а частично на прилегающей рыхлой земле и каменных обломках, оползень унес половину круглой кивы, обнажив четко очерченный участок ее пола и обломки внутри комнаты. Здесь автор обнаружил несколько частично законченных сандалий из волокна юкки, с длинными, несплетенными волокнами, аккуратно обернутыми вокруг законченной части изделия, как будто сандалии были временно отложены в сторону, пока их изготовитель не смог снова приступить к работе над ними. На полу комнаты было найдено несколько мотков волокна юкки, похожего на то, которое использовалось в сандалиях, и несколько шариков из коричневого волокна, сформированных из внутренней коры кедра. Состояние руин и мусор, заполнявший киву, ясно указывали на то, что эти экземпляры использовались именно там, где они были найдены, во время заброса или разрушения домов. Однако не было обнаружено никаких следов каких-либо конструктивных устройств, подобных тем, что были в Тусаяне, которые могли бы служить подспорьем ткачам, хотя для ткачества конкретных изделий, входящих в коллекцию с этого места, вероятно, не требовалось никаких громоздких приспособлений.

Владение кивой. — Обычно кива считается домом организации, которая ее поддерживает. Различные кивы не используются всеми жителями совместно. Каждый мужчина является членом какой-то конкретной кивы и посещает только ее. Один и тот же человек часто является членом разных обществ, что приводит его в разные кивы, но это происходит только в определенных случаях. Между ними также существует много неформальных посещений, но мужчина считает, что он может бездельничать только в той киве, членом которой он является.

В каждой киве есть кива мунгви (вождь кивы), который в значительной степени контролирует все вопросы, касающиеся кивы и ее членов. Эта должность или доверие является наследственной и передается от дяди к племяннику по женской линии, то есть после смерти вождя кивы его преемником становится старший сын его старшей сестры.

Кива может принадлежать либо обществу, либо группе родов, либо отдельному лицу. Если кива принадлежит обществу или ордену, вождь кивы обычно наследует свою должность указанным образом от «старшего брата» общества, который взял на себя ее строительство. Но вождь кивы не обязательно является вождем общества; на самом деле, обычно он является всего лишь рядовым членом. Подобный обычай наследования преобладает и в тех случаях, когда кива принадлежит группе родов, только в этом случае вождь кивы обычно является вождем родовой группы.

Что касается кив, принадлежащих отдельным лицам, то несколько примеров иллюстрируют практику Тусаяна. В Хано главная кива была первоначально построена группой родов «Солнце», но около 45 лет назад, во время эпидемии оспы, все люди, принадлежавшие к киве, умерли, кроме одного человека. Помещение пришло в упадок, его кровельные балки были унесены, и оно заполнилось пылью и мусором. Однако право собственности на нее осталось за старым выжившим, так как все более прямые наследники умерли, и он, когда был на смертном одре, передал киву Кочве, мужчине из племени «Змея» из Валпи, который женился на женщине из племени Тева (Хано) и до сих пор живет в Хано. Этот человек отремонтировал ее и переименовал в Токонаби (по-видимому, термин пахуте, означающий «черная гора», но это единственное название, которое тусаяны дают горе Навахо), потому что его народ («Змеи») пришел из этого места. Он, в свою очередь, передал ее своему старшему сыну, который, следовательно, является кива мунгви, но сын говорит, что его преемником будет старший сын его старшей сестры. Членство состоит из мужчин из всех родов Хано, но не из всех родов одного рода. Фактически, в настоящее время не принято, чтобы все члены одного рода были членами одной и той же кивы.

Другой, несколько похожий случай имеет место в Сичумови. Кива, заброшенная на долгое время после эпидемии оспы, была захвачена одним человеком, который отремонтировал ее и переименовал в Кевиньяп тшомо — Дубовый холм. Он сделал своих друзей ее членами, но назвал киву своей собственной. Он также говорит, что его старший племянник сменит его на посту вождя.

В каждой деревне одна из кив, обычно самая большая, называется (помимо своего собственного специального названия) мунгива — главная кива. Ее часто посещают кимунгви — глава дома или деревни — и цаакунгви — главный оратор, советник — и в ней также проводятся более сложные церемонии.

Женщины не посещают кивы; фактически они никогда не входят в них, за исключением случаев, когда они штукатурят стены в обычные периоды или во время определенных церемоний. Однако по крайней мере одна из кива Ораиби была построена для проведения обрядов женского общества Мамзрантики. Это и другое женское общество — Лаленкобаки — существуют во всех других деревнях, и во время своих праздников женщины получают исключительное право пользоваться одной из кива.

Мотивы для строительства кивы. Упоминаются только две причины для строительства новой кивы. Одной из причин являются ссоры, вызывающие серьезные разногласия между обитателями кивы. Один из таких случаев произошел совсем недавно в Хано. Поведение вождя кивы вызвало разногласия, и его противники решили построить отдельное помещение. Они выбрали ущелье на склоне мезы, недалеко от Хано, собрали камни для стен и принесли деревянные балки для крыши из далеких лесистых мез, но когда все было готово для закладки фундамента, их разногласия были урегулированы и произошло полное примирение.

Другой причиной является необходимость дополнительного помещения, когда род перерастает свою киву. Когда род увеличивается в численности настолько, что ему требуется вторая кива, вождь рода , который в данном случае является также вождем ордена, предлагает своим родственникам построить отдельную киву, и после согласия он берет на себя руководство строительством и всеми посвятительными и другими церемониями, связанными с этим предприятием. Подобный случай произошел в течение последних одного-двух лет в Ораиби, где члены рода «Качина», которые также являются членами религиозного ордена Качина, построили для себя просторную киву.

Строительство новой кивы, как говорят, происходит редко. С другой стороны, часто можно услышать, как вождь кивы сетует на угасание ее членства. В киве «Дубовый холм» в Сичумови сейчас осталось всего четыре члена. Молодые мужчины женились и переехали в дома своих жен в более процветающие деревни, а пожилые мужчины умерли. Вождь в этом случае также говорит, что около двух лет назад агент подарил ему печь и трубу, которые он установил в комнате, чтобы сделать ее более уютной. Теперь он серьезно опасается, что печь является злым нововведением и оказала пагубное влияние на судьбу его кивы и ее членов, но печь все еще сохраняется.

Значение структурного плана. Обозначение любопытного отверстия сипапуха как «места, из которого появились люди» в связи с особым расположением внутренней части кивы с изменением уровня пола, натолкнуло автора на мысль, что эти особенности можно рассматривать как символизирующие четыре мира мифа о сотворении мира, который оказал такое влияние на обычаи тусаянцев; но автор не получил никаких четких данных по этому вопросу, и г-н Стивен, который особенно хорошо подготовлен для таких исследований, также не обнаружил, что существует какое-то определенное представление о значении структурного плана кивы. Тем не менее, на основании многих многозначительных намеков со стороны различных вождей кивы и других лиц, он также пришел к выводу, что она символизирует четыре «дома» или этапа, описанные в их мифах о сотворении мира. Сипапух с его полостью под полом, безусловно, считается местом начала, самым нижним домом под землей, обителью Мюинга, Создателя; главный или нижний этаж представляет вторую ступень; а приподнятая часть пола обозначает третью ступень, где были созданы животные. Г-н Стивен заметил, что во время новогодних праздников на этой платформе группировались фетиши животных. Следует также отметить, что лестница, ведущая на поверхность, всегда сделана из сосны и всегда опирается на платформу, а не на нижний этаж, и в их традиционном генезисе говорится, что люди поднимались из третьего дома (этапа) по лестнице из сосны и через отверстие,

подобное люку кивы; только в большинстве рассказов указывается, что отверстие было круглым. Внешний воздух — это четвертый мир, или тот, который занимают сейчас.

В традициях тусаянцев иногда встречаются упоминания о круглых кивах, но они настолько смешаны с фантастическими рассказами о ранних мифических сооружениях, что их буквальное толкование не имеет смысла в данном обсуждении.

Типичные размеры. — Следующий список представляет собой запись ряда измерений тусаянских кива, собранных г-ном Стивеном. Большая разница между размерами концов одной и той же кива обычно обусловлена внутренними смещениями, которые были замечены на планах, но различия в длине сторон обусловлены неровностями местности. Последние различия не так заметны, как первые.

Ширина на концах.		Длина сторон.		Высота в центре.	Высота на концах.	
13 6	——	24 0	——	8 6	——	——
12 0	——	21 9	——	7 6	6 6	——
14 6	14 6	24 6	23 3	8 0	6 6	6 6
12 2	12 11	23 9	23 9	7 10	6 1	6 0
12 6	12 6	26 0	25 3	7 6	6 6	6 6
13 4	12 10	26 8	26 7	7 10	7 0	7 0
15 0	13 6	26 6	24 11	7 4	6 3	6 2
12 6	11 5	23 7	21 9	8 0	7 0	7 0
12 5	13 5	22 8	24 1	7 3	6 1	6 9
10 6	13 6	27 0	27 0	8 3	6 3	6 2
13 6	11 6	29 9	29 0	11 0	5 11	——
14 6	——	28 6	28 6	9 8	6 0	——
13 2	14 0	28 9	29 9	8 6	7 0	6 4
15 1	14 0	28 6	——	9 6	7 3	6 6
13 0	12 6	28 7	29 6	——	7 4	6 3

Список кива Тусаяна. — В следующем списке приведены современные названия всех кива, используемых в Тусаяне. В каждом случае указана мунгива, или главная кива деревни:

ХАНО.

1. Кива Токонаби Гора Навахо.
2. Хано синте кива Место Хано.

Токонаби кива — это мунгива.

ВАЛПИ.

1. Дживато кива Коза.
2. Аль кива Ала, рог.
3. Накаб кива Накаби, на полпути или в центре.

Пикуиби кива Раскрывающийся дубовый бутон.

4. [5]

Место наблюдателей.

Виквалоби кива

5. Мунг кива — Вождь Мунгви.

№ 5 — это мунгива.

СИЧУМОВИ.

1. Бавентком — Водяной холм.
2. Квинзапткомо — Дубовый холм.

Бавентком — это мунгива.

МАШОНГНАВИ.

1. Ткаввуна кива — Небольшой кувшин из спиральной керамики.
2. Hona´n kiva — Honani, Барсук, род.
3. Гьярзохи кива — Гярзо, Попугай, род.
4. Коткоби кива — Высокое место.
5. Аль кива — Ала, Рог.

Teavwu´na kiva — это mungkiva.

ШУПАУЛОВИ.

1. A´tkabi kiva — Место ниже.
2. Кокянгоби кива — Место паука.

Аткиби кива — это мунгива.

ШУМОПАВИ.

1. Нувва´тикиуби — Высокое место снега, гора Сан-Франциско.
2. Аль кива — Ала, Рог.
3. Гьярзоби — Гярзо, Парокет, род.
4. Ткособи — Синяя сойка, род.

Ткособи — это мунгива.

ОРАИБИ.

1.	Tdau kiva	Tda´uollauwuh	Певцы.
2.	Ха´виоби кива	На´wi, лестница; оби, высокое место.	Высокое место с лестницей.
3.	Иш кива	Исаувух	Койот, род.
4.	Кван	Ква'кванти	Религиозный орден.

кива

5.	Мацрау кива	Мамзраути	Женский орден.
6.	На´цаби кива	Полупуть или	Центральное место.
7.	Са´квалэн кива	Саква лена	Голубая флейта, религиозный орден.
8.	Понгоби кива	Понго, круг	Орден, члены которого украшают свои тела круглыми знаками.
9.	Хано кива	Ха'номух	Мода на стрижку волос.
10.	Мотц кива	Мо'мтци	Воины, орден.
11.	Квита´коли кива	Квита, навоз; ко´ли, куча.	Куча навоза.
12.	Катцин кива	Катчина	Род.
13.	Тцу кива	Тсиа, змея	Религиозный орден.

Tdau kiva — это mungkiva.

ПОДРОБНОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА ТУСАЯНА И СИБОЛА.

СТЕНЫ.

Автор никогда не наблюдал в Зуни полного процесса строительства стены, но тщательное изучение многочисленных готовых и некоторых разрушенных стен показывает, что методы строительства, по сути, такие же, как и в Тусаяне, которые были неоднократно наблюдаемы; однако с возможной разницей в том, что в первом случае глиняный раствор используется более щедро. Особенностью каменной кладки в Тусаяне является очень экономное использование глины при строительстве стен; фактически, в некоторых случаях, когда стены строятся в сухой сезон, более крупные камни укладываются в стены без использования глины и остаются в таком состоянии до наступления дождей; затем смешивается глиняный раствор, промежутки между камнями заполняются им и заделываются камнями, а внутренние стены штукатурятся. Но обычно дом достраивают сразу, отделывая его внутри и снаружи необходимым раствором. В некоторых случаях наружные стены покрывают полностью , закрывая кладку, но во многих домах этого не делают, как можно видеть на предыдущих иллюстрациях деревень Тусаян. В Зуни, с другой стороны, на стены наносится обильное и часто обновляемое покрытие из грязи. Во всей деревне был замечен только один участок кладки, на котором не было следов этого покрытия из грязи, а именно часть стены второго этажа дома № 2, который, как предполагается, принадлежал древнему ядру пуэбло Халона и изображен на илл. LVIII. Даже грубая кладка кива частично покрыта этим материалом, хотя многие неровные камни все еще видны. В результате этой практики в настоящее время во многих случаях невозможно определить по внешнему виду, была ли кладка построена из камня или из самана; эту трудность можно понять, изучив виды Зуни в главе III. Там, где падающая вода, например, стекающая с крыши, смыла внешний слой глины, покрывающий как каменную кладку, так и саман, большая часть этих обнажений показывает каменную кладку, так что становится ясно, что Зуни — это в основном каменная деревня. Широкое использование высушенных на солнце кирпичей из сырцового кирпича стало развиваться совсем недавно. Однако очевидно, что строители Зуни предпочитали использовать камень; и даже в настоящее время они часто достраивают каменные части дома, когда запас сырцового кирпича заканчивается. Ранний пример такого дополнительного использования каменной кладки до сих пор сохранился в здании церкви, где старый испанский саман был отремонтирован и заполнен типичной табличной кладкой аборигенов, состоящей из тщательно уложенных небольших камней с очень небольшим количеством раствора, видимого на поверхности. Такое возвращение к методам аборигенов, вероятно, имело место при каждой возможности, хотя примечательно, что индейцам в данном случае было позволено использовать свои собственные методы. Хотя это церковное здание на протяжении многих поколений служило для зуни ярким примером типичного глинобитного строительства, они так и не усвоили этот урок в достаточной

мере, чтобы точно имитировать испанские методы как в подготовке материала, так и в способе его использования. Кирпичи из сырцового кирпича церкви имеют большой и одинаковый размер, а глина, из которой они были изготовлены, содержала большое количество соломы. Это связующее вещество не встречается в Зуни ни в одном из других исследованных примеров строительства из сырцового кирпича, и, по-видимому, оно не использовалось ни в одном из сооружений коренных

жителей пуэбло ни в этом месте, ни в Тусаяне.

Рис. 32. Дымоход зуни,
с фрагментами керамики
, вмурованные в его глинобитное основание. Когда зуни использовали формованные глинобитные кирпичи в строительстве домов, они изготавливали их из сырья, добытого прямо с полей. В результате эти кирпичи не обладали такой прочностью, как испанские. На илл. XCVI изображена глинобитная стена зуни, часть дома без крыши. Старая глинобитная церковь в Хавику (Pl. XLVIII), заброшенная на два столетия, выдержала испытание временем и погодой лучше, чем любая каменная кладка окружающих домов. С правой стороны улицы, показанной на переднем плане Pl. LXXVIII, изображена конструкция стены из глинобитных кирпичей. Этот пример очень свежий, так как крыша еще не установлена. Однако верхняя часть стены временно защищена обычной серией тонких плит из песчаника, используемых для отделки стен. Очень быстрое разрушение стен из местного сырцового кирпича привело к использованию в Зуни многих защитных устройств, некоторые из которых будут упомянуты в связи с обсуждением водостоков крыш и отделки стен. На рис. 32 и 33 показано любопытное использование фрагментов керамики на глинобитной стене и на основании дымохода для защиты глинобитного покрытия от быстрого разрушения под воздействием дождей. Эти куски, обычно фрагменты больших сосудов, вмонтированы в глинобитную кладку выпуклой стороной наружу, образуя броню из керамических чешуек, хорошо приспособленную для сопротивления разрушению под воздействием стихий.

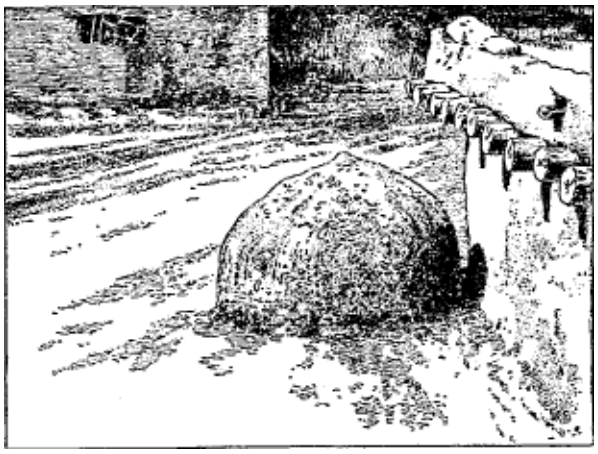


Рис. 33. Печь зуни с керамическими чешуйками, вделанными в ее поверхность.

Внедрение использования глины в Зуни, вероятно, следует отнести к иностранному влиянию, но расположение деревни на открытой равнине на расстоянии нескольких миль от ближайшего выхода подходящего строительного камня естественным образом побудило строителей более экономно использовать камень, когда под рукой нашёлся доступный заменитель. Тонкие каменные плиты, которые приходилось доставлять с большого расстояния, стали использоваться только для более открытых частей зданий, таких как покрытия стен и бордюры вокруг отверстий в крыше. Тем не менее, строители пуэбло никогда не достигли полного понимания преимуществ и требований этого материала по сравнению с камнем. Стены из самана строятся только настолько толстыми, насколько это абсолютно необходимо, и лишь немногие из них имеют толщину более одного фута. Таким образом, стены, пропорционально высоте и весу, более тонкие, чем грубые кирпичные конструкции других народов, и требуют защиты и постоянного ремонта для обеспечения долговечности. Что касается толщины, то они, очевидно, были смоделированы непосредственно по образцу каменных стен, которые уже в Тусаяне и Сиболе были доведены до предела тонкости. Фактически, со времени исследования Зуни, на котором основан опубликованный план, стены нескольких комнат над проходом во дворе дома, изображенные на илл. LXXXII, полностью обрушились, что свидетельствует о недостаточности тонких стен для выдерживания веса нескольких этажей.

Климат региона пуэбло не совсем подходит для использования глинобитных построек, как это практикуется там. В течение нескольких месяцев в году (сезон дождей) почти не проходит и дня без сильных штормов, которые наносят ущерб домам, покрытым землей, что требует постоянной бдительности и частых ремонтов со стороны жильцов.

Хотя практика покрытия всех стен глиной в Сиболе, несомненно, привела к большей небрежности и менее строгому соблюдению древних методов строительства, каменная кладка по-прежнему сохраняет некоторые особенности, характерные для древних образцов. Особенности этого класса еще более заметны в Тусаяне, и, несмотря на грубость большей части современной каменной кладки в этой провинции, тот факт, что строители знакомы с передовыми методами древних строителей, ясно прослеживается в каменной кладке современных деревень.

Пожалуй, наиболее примечательной особенностью каменной кладки пуэбло, которая в той или иной степени присутствует как в древних, так и в современных образцах, является использование небольших камней для заделки щелей, чтобы придать кладке ровную поверхность после укладки более крупных камней, образующих основную часть стены. Этот метод строительства, в случае некоторых из лучших древних пуэбло, таких как те, что находятся в Чако в Нью-Мексико, привел к созданию каменных стен с великолепной отделкой, в которых мозаичные кусочки уложены так плотно, что на поверхности стены видны только самые тонкие швы с небольшими следами раствора. Размеры затирочных клиньев, конечно, сильно варьировались в зависимости от размеров промежутков между более крупными камнями стены. Использование камня таким образом, несомненно, послужило источником вдохновения для создания полосчатых стен, которые являются столь яркой особенностью некоторых домов Чако. Такая конструкция, вероятно, была обусловлена наличием в скалах каменных швов двух степеней толщины, что подсказало строителям использовать камни аналогичной толщины в виде непрерывных полос. Декоративный эффект этого приёма изначально был случайным результатом использования наиболее удобного метода использования имеющегося материала. Хотя в каменной кладке современных пуэбло нет примеров чётких полос, в введение небольших замазочных кусков часто следует по горизонтальным линиям значительной длины. Даже в обмазанных глиной домах зуни многие выступы этих тонких, табличных клиньев выступают из частично эродированного глиняного покрытия стены и указывают на наличие такого вида каменной кладки. Пример показан на рис. 34, башенкообразный выступ в северо-восточном углу дома № 2.

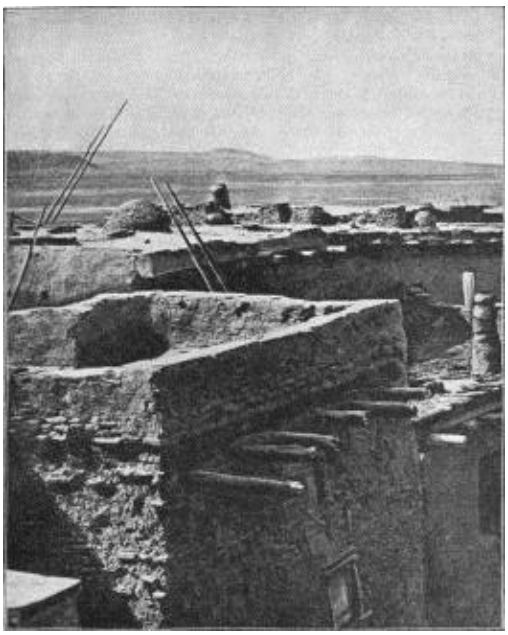


Рис. 34. Каменные клинья каменной кладки Зуни, обнаженные на вымытой дождем стене.

В доме Тусаян, изображенном на табл. LXXXIV, строительство которого наблюдалось в Орайби, промежутки между большими камнями, составляющими тело стены, содержащие лишь небольшое количество глиняного раствора, были заполнены или заделаны небольшими фрагментами камня, которые, после частичного погружения в грязь шва, были вбиты с помощью каменных молотков без рукояток, создав довольно ровную поверхность кладки, которая впоследствии была покрыта глиняной штукатуркой консистенции пластилина, наносимой по горстке за раз. На земле возле нового дома в удобных для строителей местах можно увидеть примеры более крупных камней для стен, что указывает на ярко выраженный табличный характер материала, используемого каменщиками пуэбло. Узкие края подобных камней видны в неоштукатуренных частях стены дома, что также иллюстрирует относительную пропорцию камней для заделки щелей. Однако последняя является переменной характеристикой. На илл. XV хорошо видна пропорция этих небольших камней в старой кладке Паюпки, а на илл. XI, иллюстрирующей часть внешней стены пожарной части, плиты меньше по количеству и тоньше, их использование преобладает в горизонтальных швах, как в лучших старых примерах, но не в той же степени. Рис. 35 иллюстрирует внутреннюю поверхность неоштукатуренной стены небольшого дома в Охо-Кальенте, на которой показан современный метод использования камней для заделки щелей. Этот пример имеет сильное сходство с каменной кладкой Паюпки, иллюстрированной на табл. XV, по неравномерности распределения камней для заделки щелей в швах стены. В той же комнате можно увидеть элемент, похожий на погреб, который выглядит как намеренная выемка, сделанная для того, чтобы глубина этой комнаты соответствовала уровню соседнего этажа, но этот эффект достигается просто благодаря умной адаптации стены дома к существующему уступу из песчаника. Последний практически не подвергался искусственной обработке, за исключением частичного сглаживания скалы в нескольких местах и вырезания небольшой ниши в скальной стене. Эта ниша занимает примерно то же положение в этой комнате, что и в обычном доме пуэбло. Примечательно, что строители пуэбло не использовали в большей степени свои навыки в обработке камня при подготовке некоторых неровных скалистых участков, которые они иногда занимали для более удобного приема фундаментов стен; но почти во всех таких случаях здания были модифицированы в соответствии с рельефом местности. Пример такой практики показан на илл. XXIII, с западной стороны Уолпи. В некоторых древних примерах трудозатраты на подготовку таких участков не превышали трудозатрат на массивную кладку из бесчисленных мелких камней. Многие из более старых сооружений свидетельствуют о замечательном терпении и трудолюбии строителей, которые

накапливали и тщательно подгоняли огромные количества строительных материалов, и современные индейцы Тусаяна и Сиболы унаследовали многое от этого древнего духа; однако это трудолюбие редко направлялось на раскопки помещений или деревень, за исключением кива, где к этой практике приводили особые мотивы. В некоторых пуэбло Чако, как можно видеть сейчас, полы внешних краевых комнат кажутся заниженными по отношению к общему уровню окружающей почвы; однако в настоящее время трудно определить, было ли это первоначальным расположением, поскольку к внешним стенам нанесло много песка и почвы, подняв поверхность. Ни в одном из пуэбло в пределах обсуждаемых провинций не было найдено никаких свидетельств существования подземных погребов; комнаты, отвечающие этой цели, построены на уровне земли. В Тусаяне до сих пор сохранилась древняя практика использования комнат на первом этаже для хранения. В них хранятся сушеные фрукты, овощи и мясо, которые составляют основную зимнюю пищу тусаянцев. Во всем Тусаяне стены комнат первого яруса не отделанны так тщательно, как стены выше, выходящие на открытые дворы. Довольно гладкая отделка из сырцового кирпича часто встречается на верхних этажах, но гораздо реже применяется к грубой кладке комнат первого этажа. В Зуни такого различия в отделке не наблюдается, что является результатом недавнего отказа от их первоначального оборонительного назначения. В настоящее время большинство комнат, построенных на первом этаже, имеют наружные двери, часто большого размера, и зуни считают их более предпочтительными для проживания, чем верхние террасы. Это указывает на то, что идея удобства уже в значительной степени превзошла традиционные оборонительные требования к планировке пуэбло. Общая отделка и качество кладки также не отличаются заметно в разных частях деревни. Иногда можно увидеть стены, в которых под тонким слоем глинобитного покрытия проступают камни, как, например, на одной из стен двора, изображенной на илл. LXXXII, но большинство стен имеют довольно гладкую отделку . Единичные примеры более грубой кладки, по-видимому, не ограничиваются какой-либо конкретной частью деревни. В Тусаяне, с другой стороны, заметно различие в степени использования отделочного слоя из сырцового кирпича в кладке. Деревни первой мезы, жители которых часто контактировали с индейцами восточных пуэбло и с посторонними людьми в целом, демонстрируют влияние этого контакта в виде использования нескольких приёмов, ещё неизвестных их западным соседям, как показано в обсуждении распределения проёмов в крышах в этих деревнях, стр. 201-208. Строители первой мезы, по-видимому, также подражали своим восточным собратьям в свободном использовании глинобитного покрытия на каменной кладке, в то время как в деревнях средней мезы, и особенно в Ораиби, эта практика была сравнительно редкой, придавая архитектуре вид суровости и древности.

Рис. 35. Неоштукатуренная стена дома в Охо-Калиенте.

Каменная кладка в этой деревне, пожалуй, ближе к древним типам, чем в других деревнях, некоторые стены отличаются частым использованием длинных камней. Исполнение кладки на углах некоторых домов усиливает это сходство и свидетельствует о знании принципов хорошего строительства с правильной чередованием длинных камней. Сравнение с кладкой Кин-тиель (Pl. LXXXIX) покажет это сходство. Как правило, в каменной кладке пуэбло верхняя стена дома поддерживалась по всей длине стеной нижнего этажа, но как в древних, так и в современных постройках встречаются исключения, когда строители осмеливались доверить вес верхних стен деревянным балкам или прогонам, поддерживаемым по части своей длины контрфорсами от стен на их концах или большими, неуклюжими кусками каменной кладки, как это было в доме Сичумови. Также на верхнем этаже Валпи встречаются перегородки, которые построены не непосредственно над нижними стенами, а на больших балках, опирающихся на каменные опоры. На гораздо более высоких террасах Зуни прочность многих внутренних стен первого этажа должна быть серьезно испытана, чтобы выдержать вес верхних этажей, поскольку такие стены, несомненно, имеют только среднюю толщину и прочность стен первого этажа. Плотная застройка этой деревни в некоторых случаях, безусловно, привела к тому, что на стены, которые не были рассчитаны на такую необычную нагрузку, ложится вес двух, трех или даже четырех дополнительных этажей. Несколько несущих стен, которые были доступны для осмотра, не показывали, что их толщина рассчитана на дополнительную нагрузку; на самом деле, строители первоначальных стен не могли знать о будущих требованиях в этом отношении. В пуэбло Чако верхние перегородки в некоторых случаях опирались непосредственно на двойные балки, два столба диаметром 12 или 14 дюймов, расположенных рядом, без усиления каменными опорами или контрфорсами, при этом помещение внизу оставалось полностью свободным. Такая конструкция была осуществима для аккуратных строителей Чако, но попытка тусаянцев достичь того же результата, вероятно, закончилась бы катастрофой. Среди древних строителей было довольно распространено делить первый этаж или складское помещение на комнаты меньшего размера, чем этаж выше, сохраняя при этом вертикальную выравнивание стен.

ТАБЛИЦА LXXXIX. КАМЕННАЯ КЛАДКА В СЕВЕРНОМ КРЫЛЕ КИН-ТИЕЛЯ.

Отделка каменной кладки в пуэбло редко выходила за рамки двух основных форм, на которые было обращено внимание: свободное использование саманных кирпичей, с одной стороны, и полосчатая кладка древних каменных зданий, с другой. Эти типы, по-видимому, развивались по разным направлениям. Поясная кладка, несомненно, достигла такого уровня развития в пуэбло Чако, что ее декоративная ценность стала цениться, поскольку очевидно, что ее разработка вышла далеко за рамки требований простой практичности. Этого момента никогда бы не наступило, если бы преобладала практика покрытия стен слоем глины. Однако более грубые примеры полосатой кладки, которые все еще вполне соответствовали строительным требованиям, несомненно, покрывались слоем штукатурки в тех местах, где они встречались внутри помещений. С другой стороны, в Тусаяне и Сиболе наблюдалась тенденция к более тщательной проработке пластического элемента каменной кладки. Почти повсеместное использование самана, несомненно, в значительной степени ответственно за более неаккуратные методы строительства, которые сейчас в моде, поскольку он эффективно скрывает небрежное строительство. Не стоит ожидать, что стены будут тщательно возведены из полосчатой каменной кладки, если впоследствии их собираются покрывать глиной. Усовершенствование использования самана и его применение в качестве периодического покрытия для жилищ, вероятно, постепенно привело к использованию побелки для стен домов, что в конечном итоге привело к примитивным попыткам украшения стен.

Многие интерьеры в Зуни покрыты слоем белого глинистого гипса, используемого в виде раствора, полученного путем растворения в горячей воде кусков сырья, которое можно найти во многих местностях. Смесь наносится на стены в горячем виде и разглаживается с помощью грубой перчатки, сделанной из овечьей или козьей кожи, с волосами наружу. С помощью этой примитивной кисти домохозяйки Зуни удается нанести на штукатурку гладкое и однородное покрытие. Пример такой работы был замечен в комнате дома № 2. Трудно определить, насколько эта идея является аборигенной; в том виде, в каком она используется сейчас, она, несомненно, была подвержена влиянию методов соседнего испанского населения, среди которого практика беления глинобитных домов внутри и снаружи является довольно распространенной. Несколько следов побелки были обнаружены среди скальных жилищ в Каньон-де-Челли, в частности в руинах, известных как Каса-Бланка, но поскольку некоторые из этих руин содержали следы пост-испанской оккупации, наличие там побелки не обязательно означает, что эта практика имеет древнюю историю.

Внешнее использование этого материала гораздо реже, особенно в Зуни, где только несколько стен верхних этажей побелены. Там, где он не защищен от дождя нависающим козырьком или другими элементами, отделка не является долговечной. Иногда, когда дверной проем или другое отверстие были отремонтированы, следы заплаток стираются окружающей полосой свежей штукатурки, ширина которой варьируется от 4 дюймов до фута или более. Обычно эта полоса наносится в виде толстого слоя глины, но в некоторых случаях декоративный эффект достигается за счет использования белого цвета. Любопытно, что в Тусаяне декоративная обработка отделочного слоя

была доведена до более высокого уровня, чем в Зуни. Использование более темной полосы цвета у основания побеленной комнаты уже было отмечено в описании интерьера Тусаяна. На многих внешних стенах верхних этажей побелка была остановлена на расстоянии около 30 см от карниза, а необработанная часть стен вверху создавала эффект фриза. Во втором этаже дома в Машонгнави, который был тщательно побелен, дополнительный декоративный эффект был создан путем окрашивания широкой полосы у основания стены ярко-розовой глиной, которая также была нанесена вокруг дверного проема в виде обрамляющей полосы, как в случае с дверью в Зуни, описанной выше. Углы с каждой стороны, на стыке широкой полосы основания с более узкой рамкой дверного проема, были заполнены узором из чередующихся розовых и белых квадратов. Этот дверной проем показан на рис. 36. Дальше на север, на той же террасе, косяк побеленного дверного проема был украшен узором, показанным на правой стороне рис. 36, также выполненным из розовой глины. Этот узор очень похож на узор, который обычно вышивают на больших белых «качинах», или церемониальных одеялах. Неизвестно, считается ли этот узор здесь имеющим какое-то особое значение. Розовая глина, из которой выполнены эти узоры, в Сичумови использовалась для покрытия всего фасада дома.

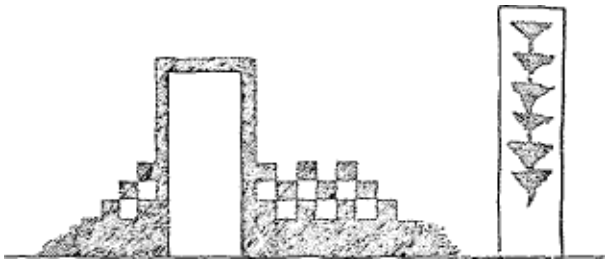
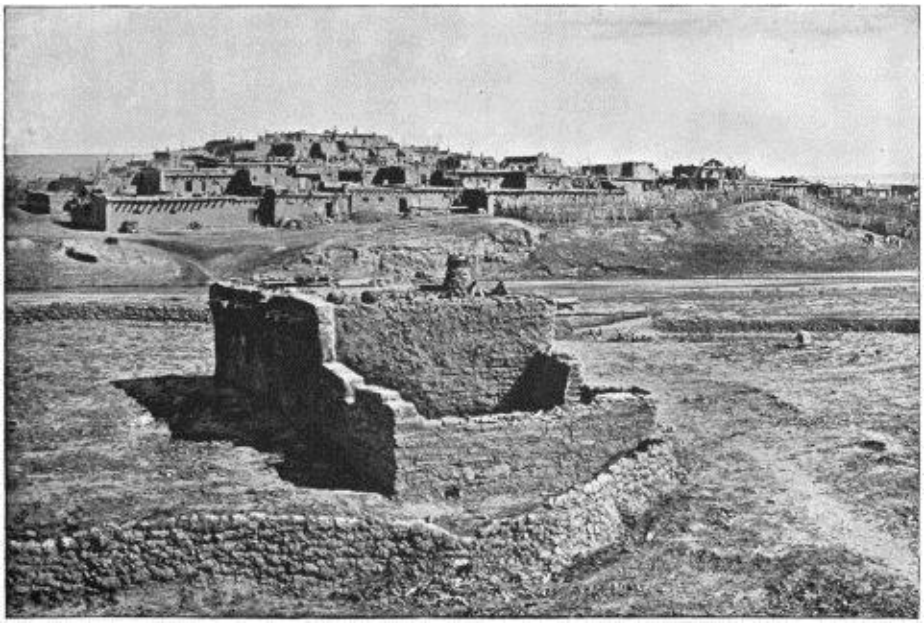


Рис. 36. Настенные украшения в Машонгнави, выполненные розовым цветом на белом фоне.

В дополнение к вышеупомянутому использованию камня и земли в кладке стен домов, строители пуэбло использовали оба этих материала более примитивным образом при строительстве стен загонов и садов, а также для других целей. Небольшие террасированные сады Зуни, расположенные на границах деревни с юго-западной и юго-восточной сторон, недалеко от берега реки, окружены стенами высотой 2½ или 3 фута, очень легкой конструкции, средняя толщина которых не превышает 6 или 8 дюймов. Эти грубые стены построены из небольших, неровно скругленных кусков сырцового кирпича, сформированных вручную и грубо оштукатуренных грязью. Когда осенью собирают урожай, стены местами разрушаются, чтобы облегчить доступ к огороженным участкам, поэтому их приходится ремонтировать перед каждым посевным сезоном. Кроме того, они настолько хрупкие, что требуют частого ремонта на протяжении всего периода использования. Этот метод строительства стен был принят, потому что это был самый простой и наименее трудоемкий способ огородить необходимое пространство. Характер этих садовых стен иллюстрируется на пластинке XC, а их конструкция из грубых кусков сырого кирпича также показывает контраст между слабым внешним видом этой работы и более солидным эффектом каменной кладки соседнего недостроенного дома. В сельскохозяйственных пуэбло Сиболана ограждающие стены обычно строились из камня, как и в Тусаяне. На илл. LXX показано, как этот материал использовался в загонах Пескадо, расположенных внутри деревни. Каменные стены используются в сочетании с кольями, как и в главном пуэбло.



ПЛАСТИНА XC. САДОВЫЕ СТЕНЫ ИЗ СЫРЦОВОГО КИРПИЧА ВОЗЛЕ ЗУНИ.

Небольшие огороженные сады, подобные тем, что есть в Зуни, встречаются в нескольких местах в Тусаяне. Тонкие стены сделаны из сухой кладки, довольно грубой по своему характеру, как и те, что окружают сады Зуни. Меньшие группы обычно расположены посреди больших участков с обломками камней, упавшими с мезы выше. На переднем плане Pl. XXII можно увидеть несколько примеров такой работы. Pl. XCI иллюстрирует группу загонов в Орайби, стены которых возведены без использования глиняного раствора.

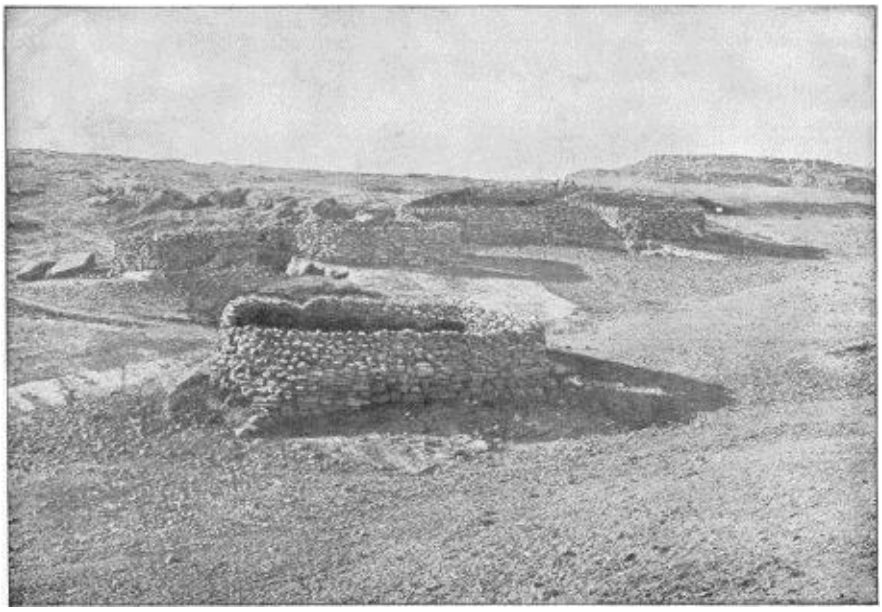


ТАБЛИЦА XCI. ГРУППА КАМЕННЫХ ЗАГОНОВ ВОЗЛЕ ОРАЙБИ.

Там, где имеются исключительно большие каменные блоки, их использовали в вертикальном положении, и они встречаются с большими или меньшими интервалами вдоль тонких стен сухой кладки. Пример такого использования был замечен в садовой стене на западной стороне Уолпи, где камни были установлены на конце в податливой поверхности песчаного склона среди предгорий. Подобная конструкция, расположенная рядом с домами в Охо-Кальенте, показана на пластинке XCII. Крупные вертикальные каменные плиты использовались строителями пуэбло по-разному: иногда

они встраивались в архитектуру домов, а иногда устанавливались отдельно на некотором расстоянии от деревень. Иллюстрации XCIII и XCIV, нарисованные по фотографиям г-на У. Х. Джексона, демонстрируют такое использование в древних руинах каньона Монтесума. В первом из этих случаев камни, по-видимому, использовались в кладке домов. Среди руин в долине Сан-Хуана и его притоков, как описывают г-да У. Х. Холмс и У. Х. Джексон, часто встречаются различные комбинации вертикальных каменных плит. Ряды камней иногда располагаются в квадраты, иногда в круги, а иногда встраиваются в стены обычной кладки, как показано на примере. Среди руин также встречаются отдельные плиты. В Киакиме, вблизи края руин, находится ряд очень больших вертикальных плит, которые занимают место надгробий над рядом небольших ограждений, предположительно могильных, очерченных на земле. Они уже были описаны в связи с планом этой деревни.

ТАБЛИЦА XCII. ОГРАЖДАЮЩАЯ СТЕНА ИЗ ВЕРТИКАЛЬНЫХ КАМНЕЙ В ОХО-КАЛЬЕНТЕ.

Использование вертикальных каменных плит для обозначения могил, вероятно, в некоторой степени преобладало в древней практике, но есть и другие варианты использования. На видном месте в деревне Кин-тиель (Pl. LXIII) находится вертикальная плита из песчаника, которая, по-видимому, стоит на своем первоначальном месте, нетронутая, хотя стены соседних комнат находятся в руинах. Подобная конструкция была замечена в Пеньяско-Бланко, на восточной стороне деревни, недалеко от ограждающей стены. Обе эти грубые колонны по своему характеру и расположению очень похожи на вертикальный камень, известный в Зуни. В ста пятидесяти футах от этого пуэбло находится большой вертикальный блок песчаника, который, как говорят, используется в качестве ориентира при наблюдениях за солнцем, проводимых жрецом Зуни для регулирования времени посева и сбора урожая, определения нового года и установления дат некоторых других церемониальных обрядов. С помощью таких приспособлений, которыми располагают местные жрецы, они могут с достаточной точностью определять дату зимнего солнцестояния. Такое грубое определение времени, вероятно, было изобретено аборигенами и, возможно, послужило мотивом в других случаях для установки каменных столбов в таких необычных местах. Объяснение губернатора Зуни символу солнца, изображенному на вертикальном камне в Мацаки, приведено в описании этого места. Одиночные плиты также используются, как видно в самой восточной группе комнат Таайялана и в юго-западной группе на той же мезе, для строительства святилищ для хранения перьевых палок и других церемониальных предметов.

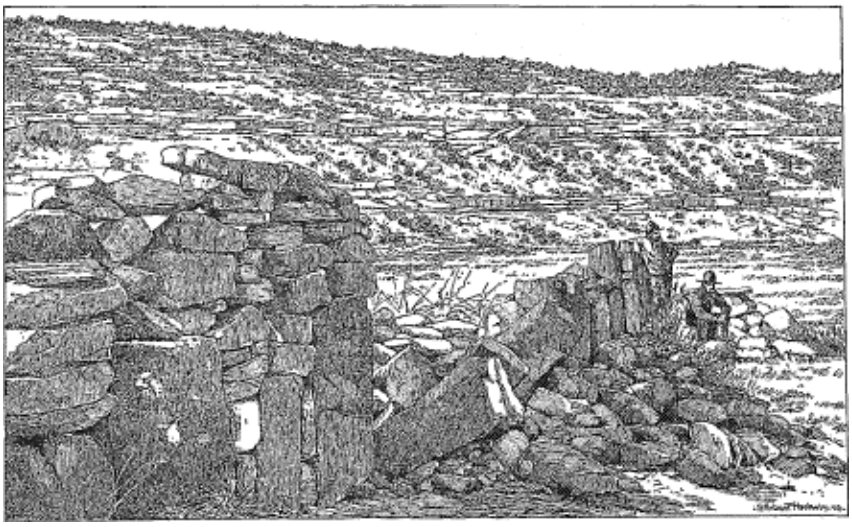


ТАБЛИЦА XCIII. ВЕРТИКАЛЬНЫЕ БЛОКИ ПЕСЧАНИКА, ВСТРОЕННЫЕ В ДРЕВНЮЮ СТЕНУ ПУЭБЛО.

Необычное использование небольших камней в вертикальном положении встречается в Зуни. Ограждающая стена церковного двора, все еще используемого в качестве места захоронения, по всей длине увенчана вертикальными кусками камня, вставленными в швы регулярного покрытия, которое увенчивает стену. Эта особенность может иметь какое-то отношение к идее вертикальных надгробных камней, отмеченной в Киакиме. Трудно предположить, какую практическую цель могли служить эти небольшие вертикальные камни.

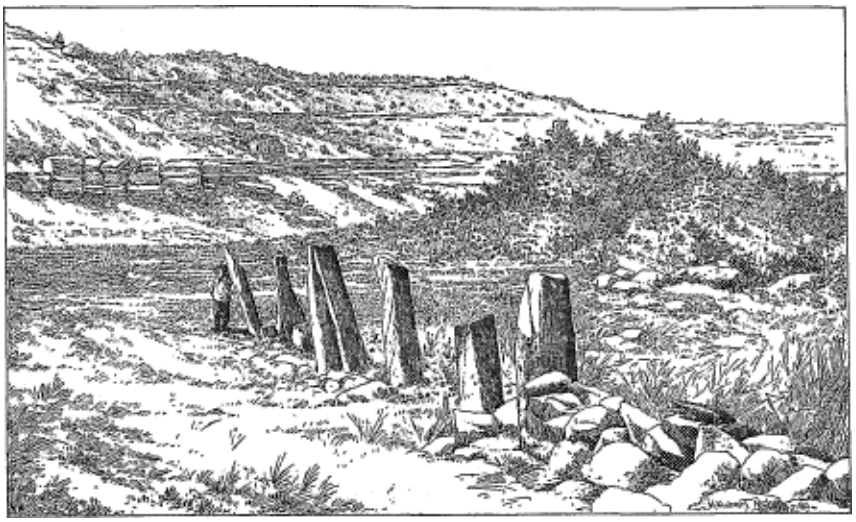


ТАБЛИЦА XCIV. ДРЕВНЯЯ СТЕНА ИЗ ВЕРТИКАЛЬНЫХ КАМНЕЙ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КОЛОРАДО.

Несмотря на использование больших камней для особых целей, строители пуэбло редко ценили преимущества, которые можно было бы получить при правильном использовании такого материала. Каменная кладка пуэбло в основном состоит из небольших, часто крошечных, строительных блоков. Это ограничение, несомненно, привело к более высокой степени отделки стен, чем это было бы в противном случае, но оно также накладывает определенные ограничения на их архитектурные достижения. Некоторые из них отмечены в обсуждении проемов и других деталей конструкции.

Иллюстрация XLV, изображающая здание мельницы мормонов в Моенкопи, о которой уже упоминалось в описании этой деревни, приведена с целью сравнения методов, применяемых коренными жителями и белыми в обработке одного и того же класса материалов. Возможно, наиболее заметный контраст виден в подоконниках и перемычках проемов.

КРЫШИ И ПОЛЫ.

В системе строительства пуэбло крыша и пол являются одним целым, поскольку все полы, за исключением тех, которые образованы непосредственно на поверхности земли, одновременно являются крышами и потолками нижних комнат. Современный план пуэбло легко допускает добавления в любое время и почти в любой точке базовой конструкции. Добавление комнат выше превращает крышу в пол новой комнаты, так что между методами строительства полов и крыш нет никакой разницы, за исключением того, что полы иногда покрываются полной мостовой из тонких каменных плит, что в наружных крышах ограничивается покрытием, которое увенчивает стены и обрамляет проемы.

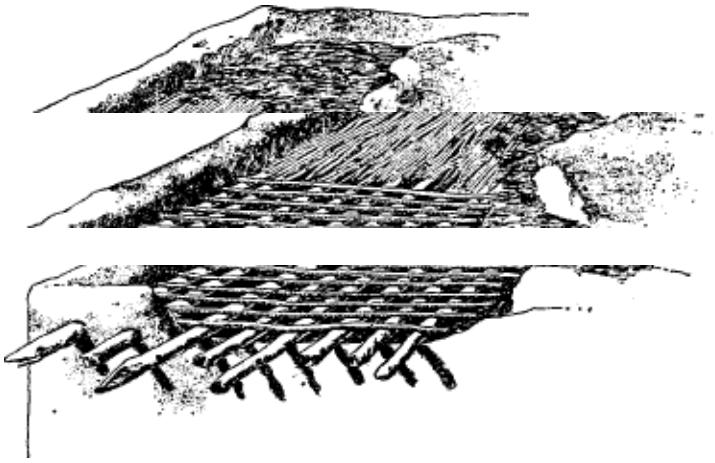


Рис. 37. Схема конструкции крыши в Зуни.

Методы устройства крыш домов, применяемые строителями пуэбло, мало различались и следовали общему порядку строительства, который был описан при описании строительства домов в Тусаяне. Диаграмма, показанная на рис. 37, изометрическая проекция, иллюстрирующая конструкцию крыши, взята из примера Зуни, строительство которого наблюдал автор. Крыша строится сначала из ряда основных балок или стропил. Обычно это прямые круглые столбы диаметром 6 или 8 дюймов, с которых удалена вся кора и выступающие сучки. Квадратные балки встречаются очень редко; единственные, которые были замечены, были в кивах Тусаяна, изготовленные в Испании. В недавно построенных домах основные балки часто имеют большие размеры и очень аккуратно скварены на концах. Подобные квадратные балки большого размера встречаются в древних постройках пуэбло Чако, но там огромный труд, затраченный на достижение результата с помощью только каменных орудий, соответствует высокой степени отделки каменной кладки и общей массивности конструкции. Такой же подход был применен в Кин-тиеле, как можно видеть на илл. XCV, где изображена балка, опирающаяся на выступ или уступ внутренних стен. Недавнее внедрение усовершенствованных механических средств оказало сильное влияние на характер строительства, значительно облегчив его выполнение. Использование американской топора значительно упростило задачу распиловки крупных бревен, а внедрение «бурро» и волов значительно облегчило их транспортировку. В случае современных пуэбло, таких как Зуни, жилые помещения, построенные семьями, которые были настолько бедны, что не имели этих средств, в некоторой степени отражали этот факт своей более примитивной конструкцией и, в частности, небольшими размерами, в этом отношении более близкими к помещениям древних пуэбло. В результате бедные слои населения были более склонны сохранять примитивные устройства из-за необходимости практиковать методы, которые для более богатых членов племени становились лишь традицией. В таком оседлом племени, как современные зуни, эти различия в богатстве и положении более заметны, чем можно было бы ожидать среди народа, практикующего стиль архитектуры, столь явно подверженный влиянию коммунального принципа, и современная архитектура отражает влияние таких различий. В

доме губернатора зуни недавно была построена новая комната, в которой вторая серия крыши, уложенная над главными балками, состояла из сосновых дощечек или гонтов, которые поддерживали окончательное земляное покрытие без каких-либо промежуточных материалов. Однако в типичной конструкции, изображенной на рисунке, первый ряд, или основные балки, покрыты другим рядом небольших столбов диаметром около полутора-двух дюймов, расположенных под прямым углом к первому ряду и обычно уложенных довольно близко друг к другу. Концы этих небольших столбов частично вмурованы в кладку стен. В примере более тщательной и трудоемкой работы древних строителей, увиденном в Пеньяско-Бланко, на Чако, основные балки были покрыты узкими досками шириной от 2 до 4 дюймов и толщиной около 1 дюйма, поверх которых было уложено обычное земляное покрытие. Доски выглядели так, как будто их раскололи клиньями, а края и поверхности имели характерный волокнистый вид разорванной или расколотой древесины. В Зуни встречается пример, когда расколотые столбы использовались для второй серии крыши, проходящей через всю толщину стены и выступающей наружу, как это обычно бывает в случае с первой серией. Подобная конструкция была обнаружена в разрушенной башне в окрестностях Форт-Уингейт, Нью-Мексико. В типичной конструкции крыши, изображенной на рисунке, второй ряд покрыт мелкими ветками или кустарником, уложенными вплотную и под прямым углом к нижнему ряду или параллельно главным балкам. На илл. XCVI, иллюстрирующей дом из сырцового кирпича без крыши в Зуни, показано несколько связок этого материала на соседней крыше. Эта серия, в свою очередь, покрыта слоем травы и мелкой кустарниковой порослью, опять же под прямым углом, что подготавливает каркас к нанесению окончательного земляного покрытия, которое является пятым слоем на крыше. В приведенном примере все земляное покрытие крыши было выполнено за один раз. Было замечено, что в Тусаяне наносится слой увлажненной земли, а затем более толстый слой сухой почвы.

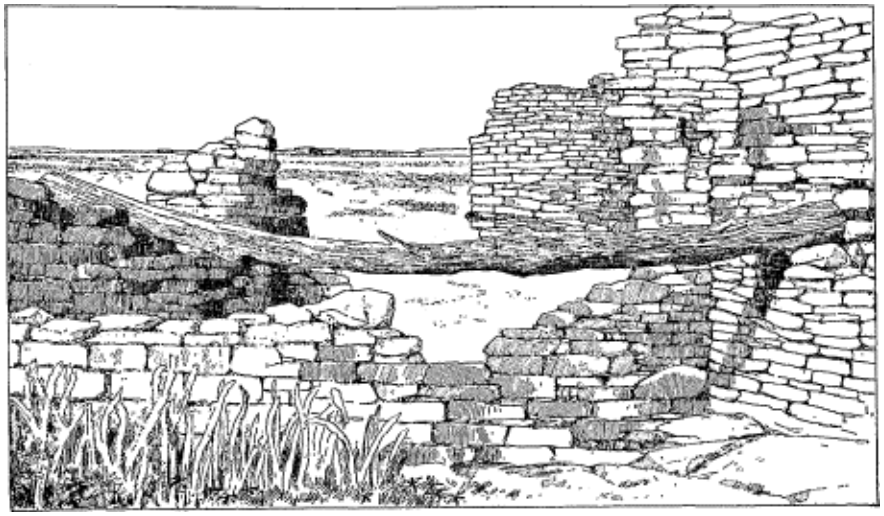
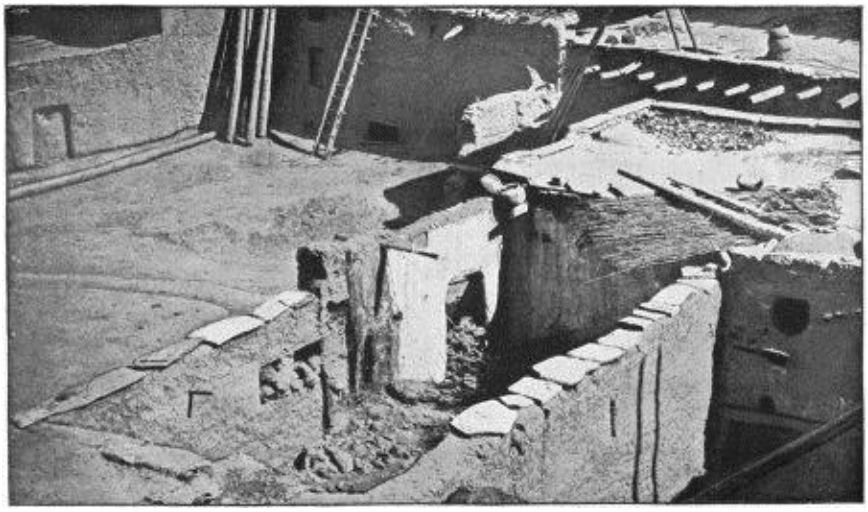


Таблица XCV. Древние балки пола в Кин-тиеле.

В древнем строительстве метод укладки материала несколько варьировался. В некоторых случаях серия 3 была очень тщательно построена из прямых ивовых прутьев, уложенных рядом друг с другом вплотную. Это придавало потолку внутри комнаты очень аккуратный вид. Примеры были замечены в Каньоне де Челли, в пещере Мамми, а также в Хунго Пави и Пуэбло Бонито в Чако.

Есть также примеры, когда серия 2 состоит из соприкасающихся 2-дюймовых столбов, а стыки с верхней стороны заделываются небольшими камнями , чтобы земля не просыпалась. Такая конструкция была замечена в небольшом скоплении на дне каньона де Челли.



ПЛАСТИНА XCVI. СТЕНЫ ИЗ СЫРЦОВОГО КИРПИЧА В ЗУНИ.

Небольшой размер доступных кровельных стропил в Тусаяне привел к постройке в нескольких больших комнатах неуклюжих каменных опор, которые поддерживают концы двух комплектов главных балок, а те, в свою очередь, несут серию 1, или главные потолочные балки крыши. Балки, как правило, двойные, что часто использовалось в древности, о чем свидетельствуют многочисленные примеры среди руин. Цель такой конструкции, возможно, заключалась в том, чтобы обеспечить опору концов серии 1, когда элементы последней укладывались в соприкосновение. В отсутствие квадратных балок, которые, по-видимому, никогда не использовались в старых постройках, такая опора могла быть надежно обеспечена только с помощью двойных балок, как показано на следующем чертеже, рис. 38.

РИС. 38. Показано соединение меньших балок крыши над круглыми балками.

Окончательная кровля, состоящая из глины, обычно укладывается очень тщательно и прочно, и, когда поверхность не повреждена, довольно хорошо выполняет функцию водораздела. Крыша имеет небольшой уклон или наклон. Эта крыша выполняет все функции переднего двора для комнат, выходящих на нее, и, по-видимому, используется точно так же, как и сама земля. На ней растягивают и прикрепляют овечьи шкуры для дубления или сушки, а также часто строят характерную для зуни куполообразную печь. В Зуни верхние комнаты обычно имеют только глиняный пол, хотя иногда используется метод мощения большими тонкими каменными плитами. Они часто имеют несколько нерегулярную форму, поскольку цель состоит в том, чтобы они были как можно больше, поэтому при выборе кусков и соединении неровных краев часто проявляется значительная изобретательность. Такая конструкция, похожая на полы кива в Тусаяне, иногда встречается в кивах.

При раскопках в Кин-тиеле пол земляной комнаты, в которой была найдена круглая дверь, изображенная на илл. C, был вымощен большими неровными кусками камня, толщина которых в среднем не превышала одного дюйма. Его пол, мощение которого было полностью на месте, был усыпан сломанными неровными кусками похожей формы, которые, вероятно, использовались в качестве пола верхней комнаты.

КРЫШНЫЕ КРЫШКИ И КРЫШНЫЕ ВОДОСТОЧНЫЕ ЖЕЛОБЫ.

В типичном доме пуэбло стены возводятся до уровня поверхности крыши, а затем покрываются сплошной защитной облицовкой из тонких плоских камней, уложенных вплотную друг к другу, с внешними краями, выступающими на один уровень с поверхностью стены. Такая конструкция по-прежнему преобладает в Тусаяне, хотя иногда встречаются примеры выступающей облицовки, которая практически образует карниз. Последний вариант является более распространенным в Зуни, хотя в сельскохозяйственных пуэбло Сибола ( ) и Аламакаго ( ) он встречается не чаще, чем в Тусаяне. В Тусаяне ровные покрытия изготавливаются из самых тонких и однородных образцов строительного камня, но они не так хорошо подходят для этой цели, как те, что встречаются в окрестностях Зуни.

Здесь выступающие камни имеют исключительно правильную и симметричную форму и практически не подвергаются искусственной обработке. Их чрезвычайная тонкость позволяет легко обрезать выступающие углы и грани, придавая им такую форму, что их можно укладывать вплотную друг к другу. Уложенные таким образом, они обеспечивают прекрасную защиту от разрушительного воздействия сильных дождей. Камни обычно обрезаются до ширины, соответствующей толщине стен. Конечно, при строительстве выступающего карниза его можно в некоторой степени приспособить к ширине имеющихся кровельных камней. Однако обычно их можно приобрести почти одинаковой ширины. В случае нависающих карнизов необходимый выступ достигается путем продолжения либо основных кровельных балок, либо, иногда, более мелких столбов второй серии, в зависимости от положения требуемого карниза, на 30 см или более за пределы внешней поверхности стены. Над этими столбами кровля продолжается, как в обычной конструкции крыши, за исключением того, что край земляного покрытия построен из каменной кладки, что является дополнительной мерой предосторожности против его разрушения дождями. Во многих местах штукатурка из сырцового кирпича, первоначально нанесенная на поверхности этих карнизов, а также на стены, была смыта, обнажив всю конструкцию. В некоторых из этих случаев поверхность карниза представляет собой полный разрез крыши, на котором можно легко различить все серии ее конструкции. Защитная функция этих каменных покрытий хорошо иллюстрируется на пластинке XCVII, которая показывает разрушительное воздействие дождя в месте, где открытый шов пропустил достаточно воды, чтобы обнажить каменную кладку лицевой стороны карниза, разъедая ее глиняное покрытие, в то время как на плотно закрытом шве слева эрозионного воздействия не было. Гораздо большая доля выступающих покрытий или карнизов в Зуни по сравнению с Тусаяном, несомненно, объясняется повсеместным сглаживанием стен глинобитными блоками, а также более широким использованием этого нестойкого материала в этой деревне и, как следствие, необходимостью защиты стен. Эффективность этого способа защиты стен от воздействия погодных условий видна по сохранившейся внешней побелке на несколько футов ниже такого карниза на лицевой стороне стен. В пуэбло Акома встречается аналогичное широкое использование выступающих карнизов, особенно на стенах третьего этажа. И в этом случае это связано с использованием самана, который чаще применялся для отделки более высоких и новых частей деревни, чем на нижних террасах. Как правило, такие выступающие карнизы встречаются в основном на южной стороне зданий и на террасированных сторонах рядов домов. Когда стены поднимаются на высоту нескольких этажей непосредственно от земли, как, например, задние стены рядов домов, они обычно не имеют этой особенности, а покрыты ровными карнизами.

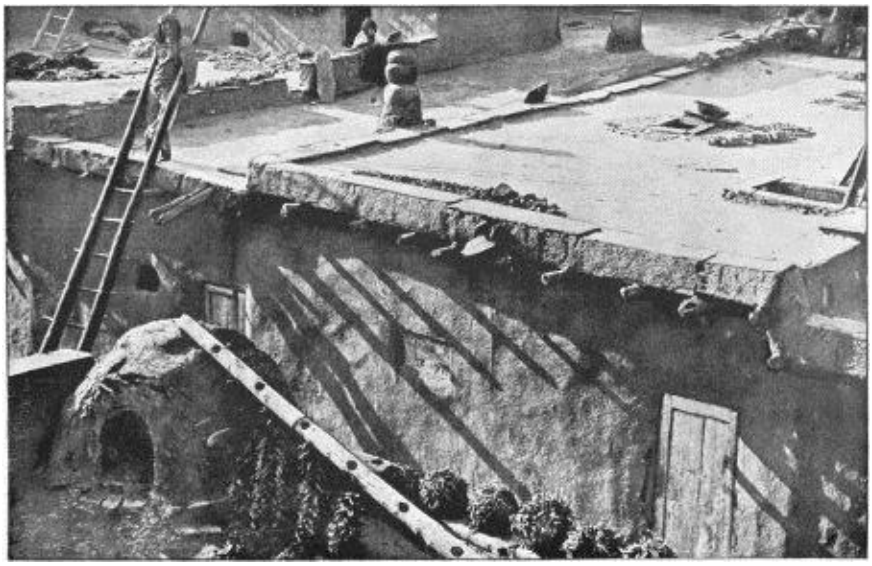


ТАБЛИЦА XCVII. ОБРАМЛЕНИЕ СТЕНЫ И ПЕЧЬ В ЗУНИ.

Быстрая и разрушительная эрозия глиняной кровли, вероятно, побудила архитекторов пуэбло разработать способы быстрого распределения воды, попадающей на их дома, там, где она наносила наименьший ущерб. Эта необходимость, вероятно, привела к раннему использованию водостоков, поскольку древние строители не могли обеспечить эффективный отвод воды с крыш и одновременно сохранить кладку стен в целости и сохранности. К сожалению, у нас нет примеров таких элементов в разрушенных пуэбло, поскольку при разрушении или разложении домов они были одними из первых деталей, которые были утрачены. Водосточные желоба в современной архитектуре становятся очень заметной чертой, особенно в Зуни.

РИС. 39. Одиночные каменные водостоки.

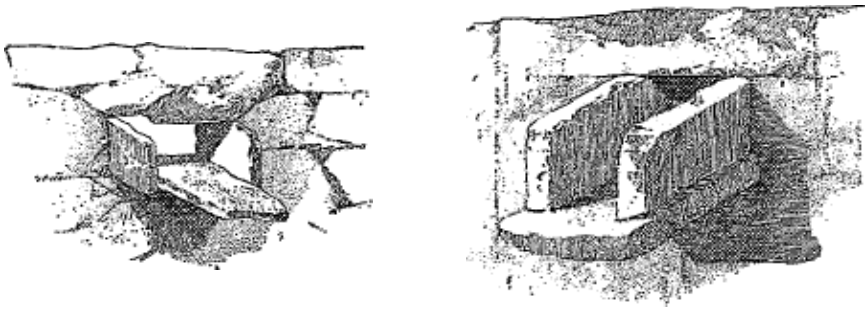


РИС. 40. Каменные желоба для слива воды с крыши.

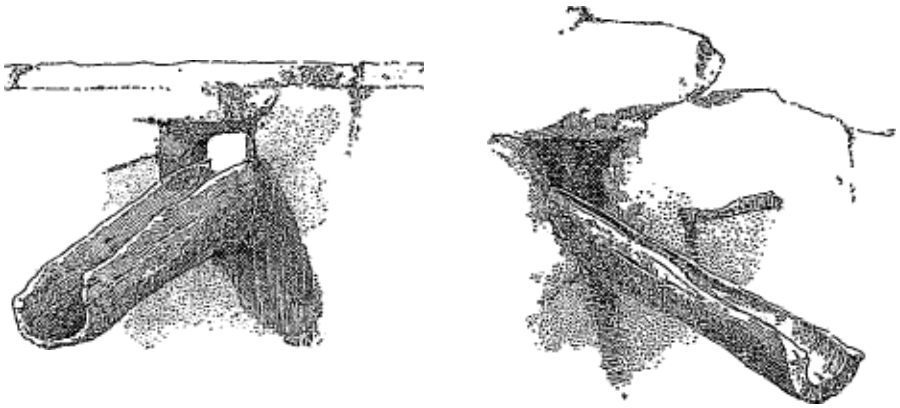


Рис. 41. Деревянные водосточные желоба.

Эти водостоки образуются путем проделывания отверстия через толщу ограждающей стены в месте, где собирается вода с крыши. Отверстие делается под определенным углом и снабжается желобом или другим устройством, обеспечивающим отвод воды за пределы стены. Эти желоба бывают разных форм. Наиболее распространенным является, пожалуй, один длинный узкий каменный блок, установленный под подходящим углом и с достаточным выступом, чтобы отводить воду от стены. На рис. 39 показаны водостоки этого типа, № 1 — пример из Тусаяна, а № 2 — из Зуни. Следует отметить, что окружающая кладка первого, а также сам камень, гораздо более грубые, чем в примере из Зуни. Другой тип водостока, не сильно отличающийся от предыдущего, показан на рис. 40. Эта форма является небольшим усовершенствованием одиночного каменного водостока, так как она снабжена боковыми элементами, которые превращают устройство в желобчатый водосток и более эффективно направляют сток. № 1 — водосток из Тусаяна, а № 2 — из Зуни. Для этой цели также часто используются деревянные водостоки. На рис. 41 показан пример такой формы водостока из каждой провинции. Обычно они изготавливаются из небольших стволов деревьев, не превышающих 3 или 4 дюйма в диаметре, и выдалбливаются с одной стороны. Трубчатых образцов деревянных водостоков не было обнаружено. В Тусаяне строители использовали камень конкреционной формации для водостоков на крышах. Каменщики не могли бы пожелать материала, более подходящего для этой цели, чем эти образцы. Два из этих любопытных каменных желобов показаны на рис. 42. Еще два примера водостоков крыш в Тусаяне показаны на рис. 43. Первый из них показывает использование выброшенного метате, или жернова, а второй — тыквы, вмурованной в покрытие.

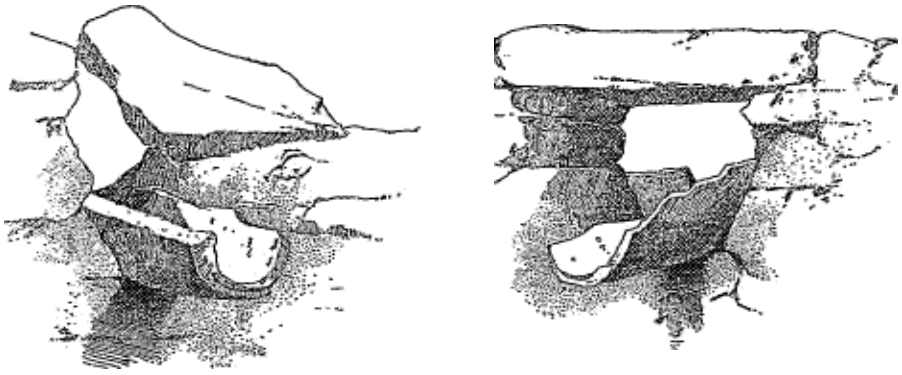


Рис. 42. Изогнутые каменные водостоки в Тусаяне.

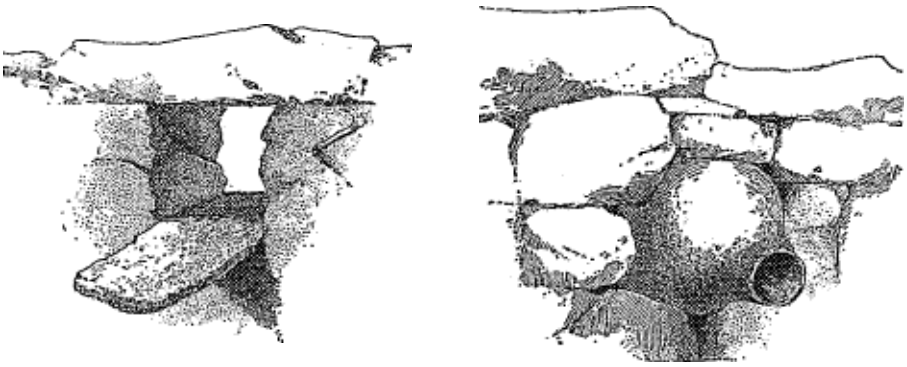


Рис. 43. Водосточные желоба в Тусаяне: выброшенный метате и тыква.

Говорят, что в древние времена в Аватуби для водостоков на крышах использовались глиняные трубы, но достоверных доказательств этого не сохранилось. Существует три вида этого устройства, приписываемого жителям этой деревни. Некоторые из них, как говорят, были сделаны из дерева, другие — из камня, а третьи — из высушенной на солнце глины. Местные жители объясняли использование высушенной на солнце глины вместо более прочного обожженного материала тем, что воздействие огня на любой предмет, через который проходит вода, может привести к иссушению дождей. В этой связи было отмечено, что в настоящее время початки кукурузы, используемые для посадки, не сжигают до тех пор, пока на урожай не выпадет дождь. Если описанный глиняный желоб действительно существовал у народа Аватуби, то, скорее всего, он был нововведением, введенным испанскими миссионерами. Среди черепков, найденных в этих руинах, был небольшой кусок грубо изготовленной глиняной трубки, которая казалась слишком большой и слишком грубо смоделированной, чтобы служить ручкой черпака, на который она отдаленно напоминала, или принадлежать к какой-либо другой известной форме бытовой керамики. Использование ее в качестве водосточного желоба не соответствовало бы ограничениям, упомянутым в рассказе туземцев, поскольку этот кусок был обожжен.

В некоторых случаях в Зуни, где водостоки с крыш верхних террас сливаются непосредственно на нижние, нижние крыши, а также прилегающие вертикальные стены защищены тонкими каменными плитами, как показано на рис. 44. Видно, что одна из них размещена на нижней крыше в таком положении, что вода стекает непосредственно на нее. Там, где глинобитная кровля остается незащищенной, она очень быстро разрушается под воздействием дождя, поскольку ливни в сезон дождей в этих регионах, хотя и обычно кратковременные, часто бывают чрезвычайно сильными. Сила потоков воды хорошо иллюстрируется на примере соседней страны. Здесь небольшие колеи на поверхности земли быстро превращаются в большие русла. Часто обычные колеи от повозок вдоль небольшого склона долины служат начальным каналом для быстро накапливающихся вод и за несколько недель размываются , так что дорога становится полностью непроходимой и ее приходится забросить, прокладывая новую рядом.

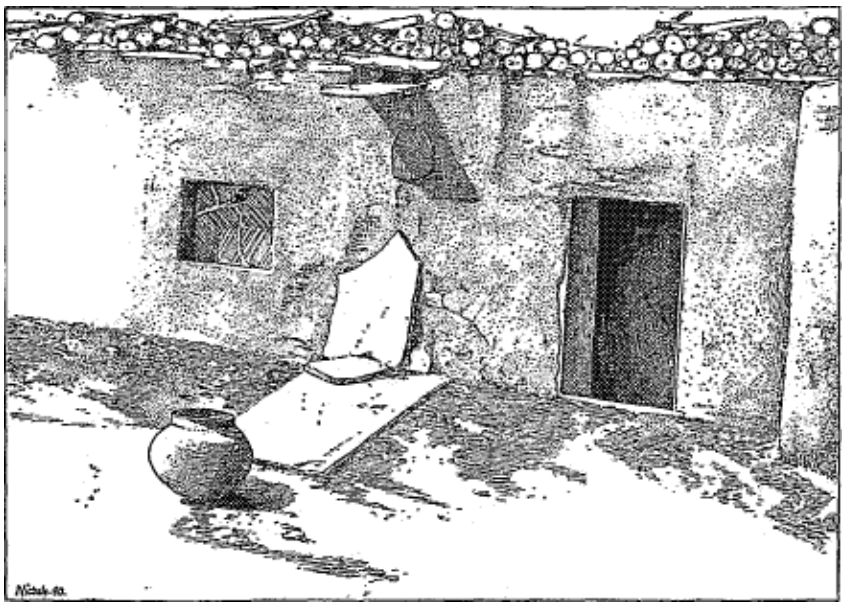


РИС. 44. Водосток на крыше дома в Зуни с каменными брызговиками на крыше внизу.

Неумение местных строителей использовать более удобные материалы приводит к тому, что в этот сезон им приходится постоянно следить за состоянием домов и часто проводить ремонтные работы, чтобы они оставались пригодными для проживания. В Зуни часто можно увидеть, как неэффективный водосток или сломанная облицовка дают воде свободный доступ к оштукатуренной стене, снося все ее покрытие и обнажая в вертикальном пространстве неровные камни подстилающей кладки. Заметно, что в Зуни гораздо больше внимания уделяется защитным устройствам, чем в Тусаяне. Это, несомненно, связано с преобладающим использованием саманного кирпича в первом случае. Этот рыхлый материал необходимо защищать во всех уязвимых местах каменными плитами, чтобы быстро отводить воду и предохранять крыши и стены от разрушения.

ЛЕСТНИЦЫ И СТУПЕНИ.

В закрытом дворе старых крепостных пуэбло на первую террасу можно было подняться только по лестницам, но на террасы или комнаты выше можно было подняться как по лестницам, так и по ступенькам. Удаление нижнего яруса лестниц обеспечивало защиту от вторжения и нападения. Строители Тусаяна сохранили эту примитивную конструкцию в гораздо более чистом виде, чем строители Сиболы.

В Зуни на каждой террасе можно увидеть множество лестниц, но их назначение на самых верхних террасах заключается не в том, чтобы обеспечить доступ к комнатам верхнего этажа, которые всегда имеют наружные двери, выходящие на террасы, а в том, чтобы облегчить ремонт крыш. В Тусаяне, напротив, лестницы редко встречаются выше первой террасы, их место занимают каменные ступени. Относительная редкость камня в Зуни, пригодного для строительства, и его большое изобилие в Тусаяне, несомненно, объясняют эту разницу в использовании, тем более что близость запасов древесины в горах Зуни к первому из них облегчает замену каменных ступеней деревянными.

Самой ранней формой лестницы среди пуэбло, вероятно, было зазубренное бревно, которое до сих пор иногда используется. На рисунках 45 и 46 показаны примеры такого типа лестниц из Тусаяна.

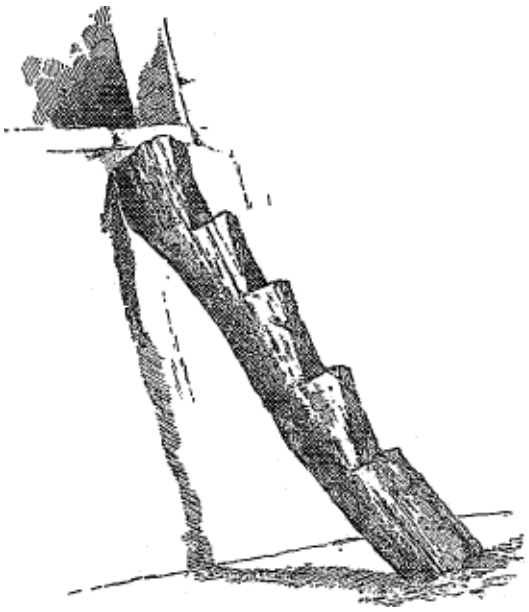


Рис. 45. Современная лестница с выемками в Орайби.

Рис. 46. Лестницы с выемками из Тусаяна, Машонгнави.

Показана лестница с выемками из Орайби, изготовленная с помощью современного топора. Этот экземпляр имеет квадратную форму и ровную поверхность, чего не наблюдается в древних образцах. Лестница из Машонгнави, изображенная слева на рис. 46, очень похожа на образец из Орайби, хотя качество изготовления несколько грубее. Образец, изображенный справа на том же рисунке, из Орайби. Эта лестница очень старая, и ее нынешняя шероховатая и выветренная поверхность дает мало сведений о характере инструмента, использованного при ее изготовлении.

Лестница, состоящая из двух стоек, соединенных поперечными перекладинами, несомненно, является изобретением коренных жителей и, вероятно, была разработана в результате ряда усовершенствований примитивного типа с выемками. Она подробно описана в самых ранних испанских источниках. На рис. 47 слева изображена лестница с выемками, а справа — типичная двухстоечная лестница в ее наиболее примитивном виде. В этом случае перекладины просто привязаны к стойкам. Лестница в центре диаграммы — устройство манданов, иллюстрированное г-ном Льюисом Х. Морганом.[6] Как используется манданами, эта лестница устанавливается раздвоенным концом на землю, в отличие от практики пуэбло. При сравнении этих примеров легко заметить, что удлинение раздвоенного конца, которое является постоянным спутником лестницы с выемками, в конечном итоге могло бы подсказать конструкцию, аналогичную конструкции лестницы манданов, только в обратном порядке. Функция раздвоенного конца на лестнице с выемками, заключающаяся в ее удержании в устойчивом положении при установке у стены, будет выполняться более эффективно за счет увеличения этого элемента.

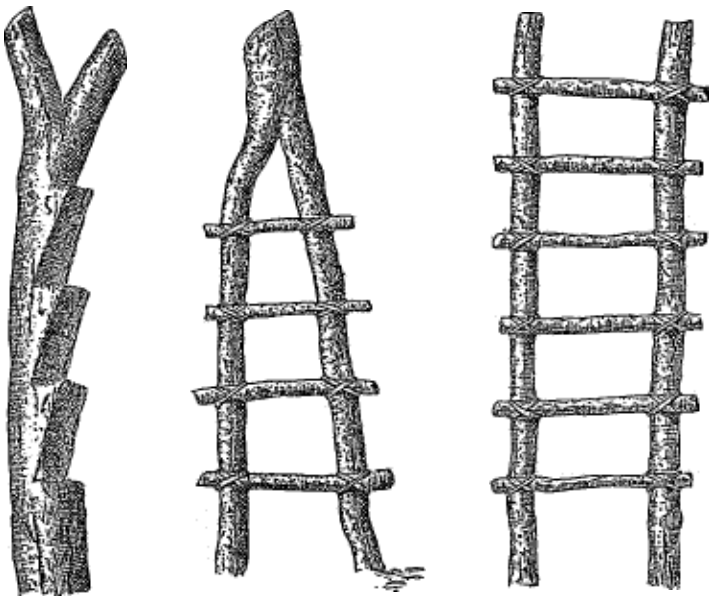


Рис. 47. Формы лестниц коренных американцев.

На одном из этапов развития формы лестницы, широко используемой сегодня, перекладины укладывались в углубления или выемки вертикальных стоек, напоминающие более крупные выемки одиночной лестницы, а затем привязывались ремнями из сыромятной кожи или другими материалами. Позже, когда стало известно использование железа, в боковых столбах прожигались отверстия. Сегодня это почти повсеместная практика, хотя некоторые из более искусных плотников из пуэбло умудряются вырезать прямоугольные отверстия. Пробивание боковых столбов, особенно распространенное в Зуни, привело к любопытному отходу от древней практики снятия лестницы в случае угрозы опасности. Длинные перекладины свободно вставляются в отверстия в боковых частях, и безопасность, которая раньше обеспечивалась снятием всей лестницы, теперь достигается, по крайней мере частично, снятием перекладин. Просверливание боковых частей и использование свободных перекладин серьезно нарушает устойчивость конструкции, поскольку необходимо предусмотреть средства, предотвращающие раздвигание боковых частей. Архитектор из племени зуни решил эту проблему, удлинив стойки лестницы и прикрепив к их верхним концам поперечину, чтобы скрепить их вместе. Как правило, эта поперечина имеет отверстие у каждого конца, в которое вставляются заостренные концы стоек. Благодаря своему высокому расположению у концов лестниц, виднеющихся на фоне неба, они образуют особенно яркую черту архитектуры зуни. Они часто украшены грубой резьбой в виде террасированных выемок. Примеры этого устройства можно увидеть на видах Зуни, а несколько типичных образцов подробно иллюстрированы на табл. XCVIII. Использование поперечин на лестницах, выходящих из отверстий в крыше, не так распространено, как на внешних, поскольку нет такой же необходимости скреплять стойки, поскольку эту функцию выполняют боковые стороны отверстия.

В Зуни есть два места, где находится самая плотная группа домов, где потребности необычного движения были удовлетворены за счет использования двойных лестниц, сделанных из трех вертикальных столбов, на которых размещены два яруса перекладин. Палки, образующие перекладины, вставлены на всю длину через все три столба, а поперечины в верхней части также являются непрерывными, будучи сформированными из одного плоского куска дерева с тремя отверстиями для крепления концов столбов. В дополнение к обычным поперечным элементам, проделанным для крепления боковых столбов и грубо вырезанным в виде орнаментальных форм, в начале осени, во время сбора урожая, добавляется много временных поперечных элементов для поддержки полосок мяса и дынь, веревок с красным перцем и других предметов, сушащихся на открытом воздухе перед хранением на зиму. В это время года используются все приспособления,

которые могут служить этой цели. Иногда шесты проходят поперек углов дома или опираются на карниз и стропила. Выступающие балки крыши также используются в это время года.

Лестницы зуни обычно имеют около восьми перекладин, но некоторые имеют до двенадцати. Женщины поднимаются по этим лестницам, неся на головах кувшины с водой, дети играют на них, а некоторые из самых опытных из многочисленных собак, которые населяют деревню, могут неуклюже подниматься и спускаться по ним. Как описано в предыдущем разделе, все дома, построенные в течение года, освящаются в определенное время года, и среди прочих деталей церемонии у подножия лестниц совершаются определенные обряды, предназначенные для предотвращения несчастных случаев с детьми и т. д.

В Тусаяне, где много камня, лестницы не достигли такого сложного развития, как в Зуни. Перфорированная поперечина встречается редко, так как в ней нет особой необходимости. Боковые стойки скрепляются верхними и нижними перекладинами, которые проходят полностью через боковые части и надежно закреплены, в то время как концы других перекладин только частично вставлены в боковые части. В других случаях (табл. XXXII) стойки жестко удерживаются на месте с помощью веревок или ремней из сыромятной кожи.

Короткие лестницы, боковые стойки которых лишь немного выходят за пределы верхней перекладины, встречаются довольно часто, особенно в Ораиби. Три таких лестницы показаны на табл. LXXXIV. Подобный пример можно увидеть на табл. CVII, в связи с большим отверстием, закрытым грубой кладкой. В этих случаях перекладины занимают небольшие выемки или углубления в вертикальных столбах, а затем прочно привязываются сыромятной кожей, образуя довольно жесткую конструкцию. Этот тип лестницы, вероятно, является пережитком самой ранней формы лестницы пуэбло.

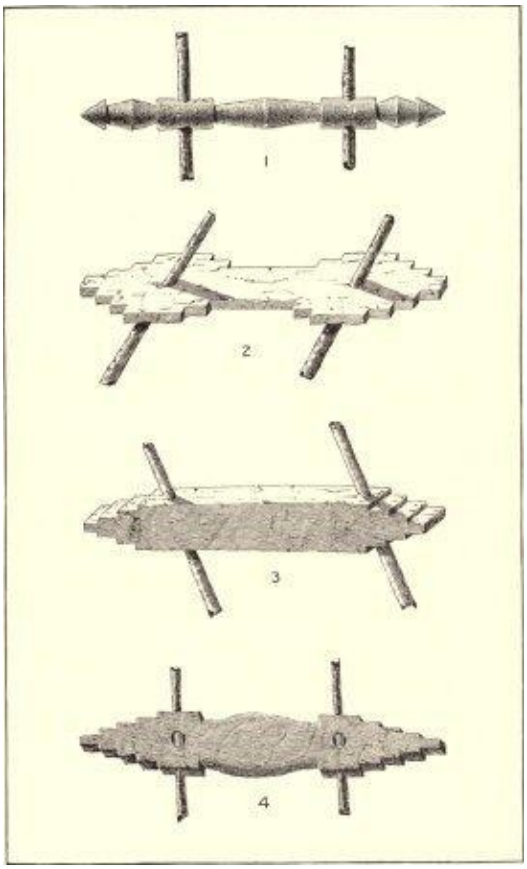


ТАБЛИЦА XCVIII. ПОПЕРЕЧИНЫ НА ЛЕСТНИЦАХ ЗУНИ.

В дополнение к высокому поперечному элементу, функция которого состоит в удержании вертикальных столбов на месте, лестницы кива, как в Зуни, так и в Тусаяне, обычно снабжены поперечным элементом, состоящим из круглой палки, привязанной к вертикальным столбам и расположенной на одинаковой высоте над крышей кива. Эта палка служит опорой для танцоров, которые часто обременены церемониальными атрибутами, когда входят в кива. В случае кивы Ораиби, занимающей передний план на илл. XXXVIII, можно увидеть , что эта поперечина для удержания вставлена в отверстия в боковых столбах, что является исключением из общей практики. На илл. LXXXVII, иллюстрирующей кивы, можно увидеть расположение этой детали.

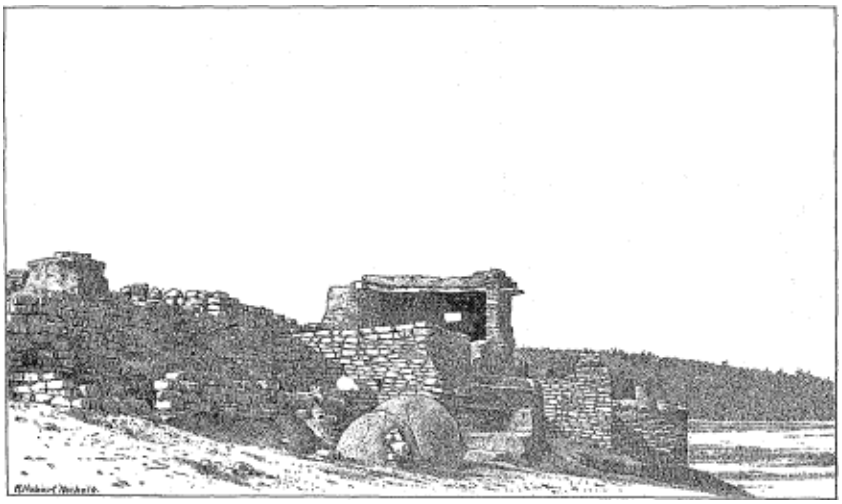


ТАБЛИЦА XCIX. ВНЕШНИЕ СТУПЕНИ В ПЕСКАДО.

Уже было отмечено, что доступ к люкам кива в Тусаяне осуществляется с помощью коротких каменных лестниц. В нескольких случаях верхние ступени этих коротких лестниц покрывают толщину стены. Остатки подобной лестницы были обнаружены в Пуэбло Бонито, где она, по-видимому, вела прямо от земли к внешнему входу. Однако такой доступ является отходом от первоначальной идеи обороны.

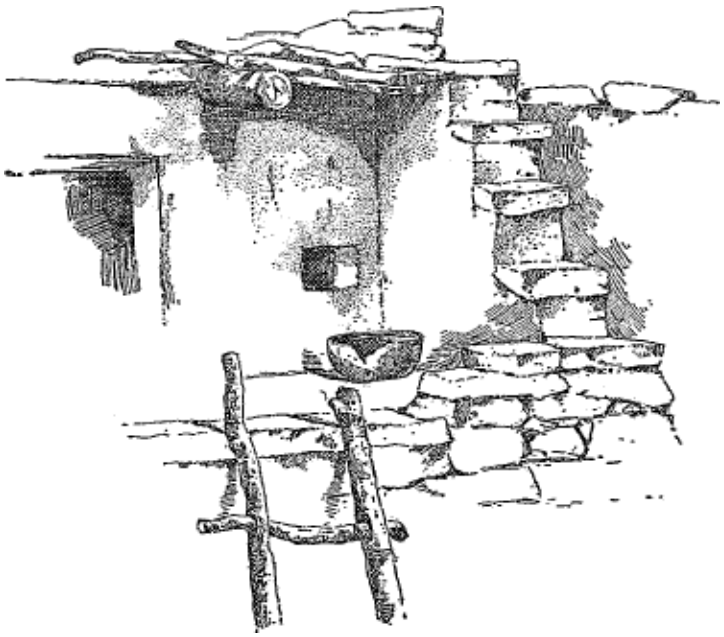


Рис. 48. Каменные ступени в Ораиби с платформой в углу.

Современная практика в Зуни в большей степени отклоняется от первоначальной системы, чем в Тусаяне. В первом пуэбло очень часто встречаются короткие лестницы из каменных ступеней, ведущие к дверям, расположенным на небольшой высоте над землей. Даже в небольшом фермерском пуэбло Пескадо встречаются два примера такой конструкции. На пластинке XCIX изображена одна из них, найденная на северной внешней стене. На общих видах деревень Тусаяна ясно видно более строгое следование первобытным методам , хотя современные примеры очень невыгодно сравниваются с древними по точности исполнения. На илл. XXXII показаны две каменные лестницы Шупаулови. Во многих случаях качество изготовления этих каменных лестниц не превосходит то, что можно увидеть на тропе Валпи, показанной на илл. XXV.

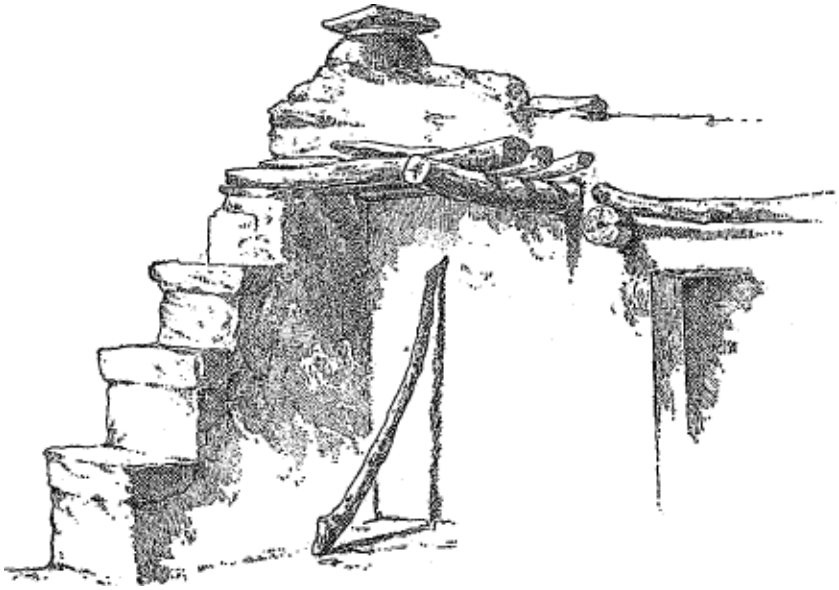


Рис. 49. Каменные ступени с платформой у дымохода в Ораиби.

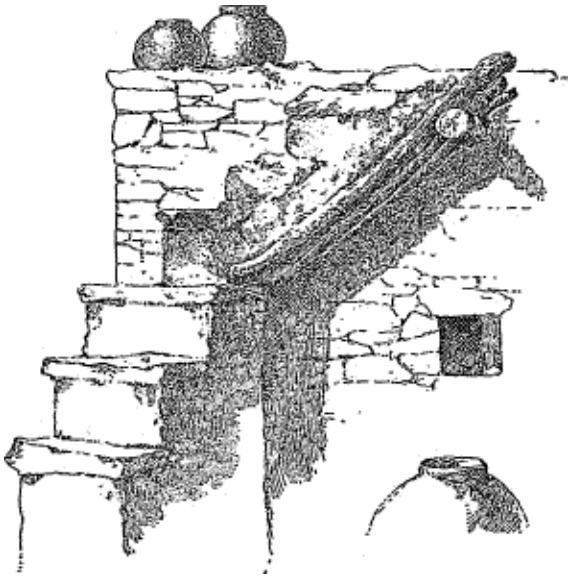


Рис. 50. Каменные ступени в Шумопави.

Пожалуй, ни в одной детали строительства пуэбло не так заметны небрежные и неэффективные современные методы, как в каменных ступенях верхних террас Тусаяна. Здесь можно увидеть множество неуклюжих импровизированных решений, с помощью которых строители пытались компенсировать свою недальновидность при планировании. Отсутствие четкого плана для группы домов с множеством комнат, уже отмеченное в обсуждении строительства жилых домов, становится

очевидным по тому, как используются каменные лестницы. На рис. 48 и 49 показаны каменные ступени на верхних террасах в Ораиби. В обоих случаях ступени были добавлены задолго после того, как были построены комнаты, к которым они примыкают. Чтобы соответствовать установленному требованию о размещении таких средств доступа в углах верхних комнат, строители соорудили неуклюжую платформу, чтобы обеспечить проход вокруг ранее построенной дымовой трубы. На рис. 50 показан результат подобного отсутствия дальновидности. Верхняя часть лестницы, состоящая из трех ступеней, резко поворачивает под прямым углом к основной лестнице и поддерживается грубыми столбами и балками. Ограничение этой особенности углами верхних комнат , где они с наибольшей вероятностью могли конфликтовать с дымоходами, несомненно, является пережитком древней практики и обусловлено необходимостью вертикального выравнивания стен и кладки в этой примитивной конструкции.

КУХОННЫЕ ЯМЫ И ПЕЧИ.

Большая часть приготовления пищи в древних пуэбло, вероятно, осуществлялась на открытом воздухе, так как среди руин часто встречаются следы ям для приготовления пищи, почти идентичные по характеру тем, которые до сих пор встречаются в Тусаяне. В Сиболе широко используются большие куполообразные печи, распространенные среди пуэбло Рио-Гранде и их мексиканских соседей. В Тусаяне несколько примеров печей этой формы встречаются на крышах террас, в то время как ямы для приготовления пищи различных форм по-прежнему широко используются.

Рис. 51. Ряд
ямы для приготовления пищи в Машонгнави.

Распределение куполообразных печей в Сиболе и Тусаяне можно увидеть на планах местности в главах III и IV. Самая простая форма ямы для приготовления пищи, все еще широко используемая в Тусаяне, представляет собой углубление в земле, выложенное слоем глины. Яма обычно небольшого размера и обычно располагается на некотором расстоянии от дома; в некоторых случаях она находится в укромном углу здания. На рис. 51 показана серия из трех таких примитивных печей, построенных у стены дома, на низкой скамейке или выступе из камня, поднятом на 6 дюймов над землей; ямы имеют диаметр около одного фута и глубину около 18 или 20 дюймов. Многие подобные ямы встречаются в деревнях Тусаяна; некоторые из них обложены вертикальными каменными плитами, чьи неровные края выступают на 6 или 8 дюймов над землей, в результате чего они очень напоминают древнюю форму камина в помещении, такой как тот, что виден в комнате Кин-тиеля. (Пластина С.)

Иллюстрация С. Раскопанная комната в Кин-тиеле.

В своей усовершенствованной форме яма для приготовления пищи в Тусаяне заменяет более сложную печь, используемую в Зуни. На рис. 52 и 53 показаны два образца ям, используемых для приготовления пи-гумми, разновидности запеченной каши.

Рис. 52. Печи для пи-гумми в Машонгнави.

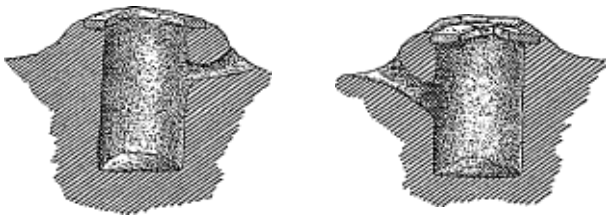


Рис. 53. Поперечные сечения печей для пи-гумми в Машонгнави.

Они находятся на восточной стороне Машонгнави. Они выступают на 6 или 8 дюймов над землей и имеют глубину от 18 до 24 дюймов. Обломки, разбросанные вокруг ям, указывают на то, что во время использования они накрываются каменными плитами и запечатываются глиной. Во всех печах, устройствах пуэбло, внутреннее пространство сначала тщательно нагревается длительным огнем внутри конструкции. Когда температура становится достаточно высокой, пепел и грязь удаляются, вставляются предметы, которые нужно приготовить, и отверстия запечатываются. Пища часто оставляется в этих нагретых емкостях на 12 часов или более, и после извлечения она, как правило, оказывается очень хорошо приготовленной. Каждая из печей пи-гумми, изображенных выше, имеет трубчатое отверстие диаметром 3 или 4 дюйма, спускающееся под углом от уровня земли в полость. Через это отверстие разводится и поддерживается огонь, и в этом отношении оно похоже на меньшее отверстие в куполообразных печах зуни. Когда основное отверстие, через которое вставляется сосуд с пи-гумми или другими предметами, закрывается каменной плитой и

запечатывается глиной, эффект становится похожим на тот, который наблюдается в куполообразной печи, когда отверстие в земле или дверной проем герметично закрыты.

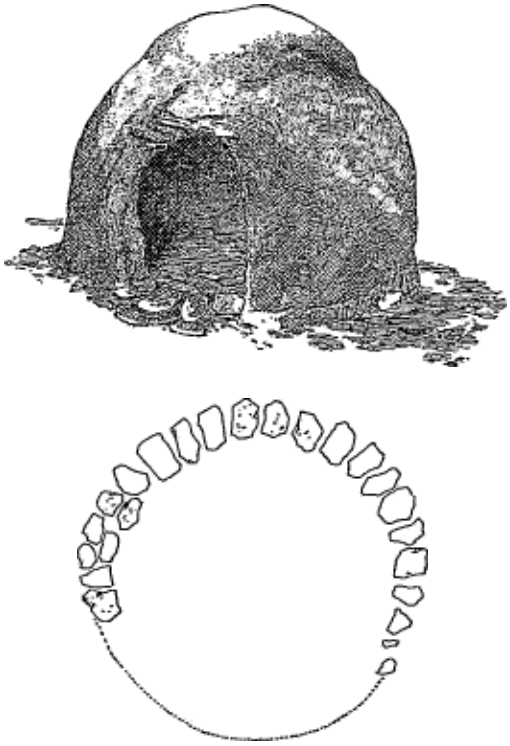


Рис. 54. Схема, показывающая фундаментные камни печи зуни.

Среди руин пуэбло не было найдено ни одного примера куполообразной печи доколумбового происхождения, хотя ее прототип, вероятно, существовал в древние времена, возможно, в виде печи для обжига высококачественной керамики, которая производилась в то время. Однако сама по себе яма для приготовления пищи, доведенная до уровня печи пи-гумми в Тусаяне, могла стать основой, на которую была привита иностранная идея. Случаи полного принятия этим консервативным народом полностью чуждой идеи или особенности строительства вряд ли можно найти, поскольку усовершенствования почти повсеместно ограничиваются простой модификацией существующих устройств. В тех немногих случаях, когда предпринимались попытки более радикальных изменений, полученные формы свидетельствуют об этом факте.

В Сиболе строительство куполообразной печи начинается с выкладки грубого круга из плоских камней в качестве фундамента. На них грубо возводится верхняя конструкция из камней, уложенных в грязи и приблизительно в рядах ( ), хотя часто во время строительства одна сторона оказывается значительно выше другой. Стены изгибаются внутрь до, казалось бы, небезопасной степени, но глиняный раствор часто дают частично высохнуть, прежде чем выносить нависающую часть так далеко, что это ставит под угрозу конструкцию, и несчастные случаи происходят редко. Печь, изображенная на илл. XCVII, показывает рядом с разбитым дверным проемом расположение упомянутых фундаментных камней. Типичные примеры купольных печей можно увидеть на переднем плане общего вида Зуни, показанного на илл. LXXVIII.

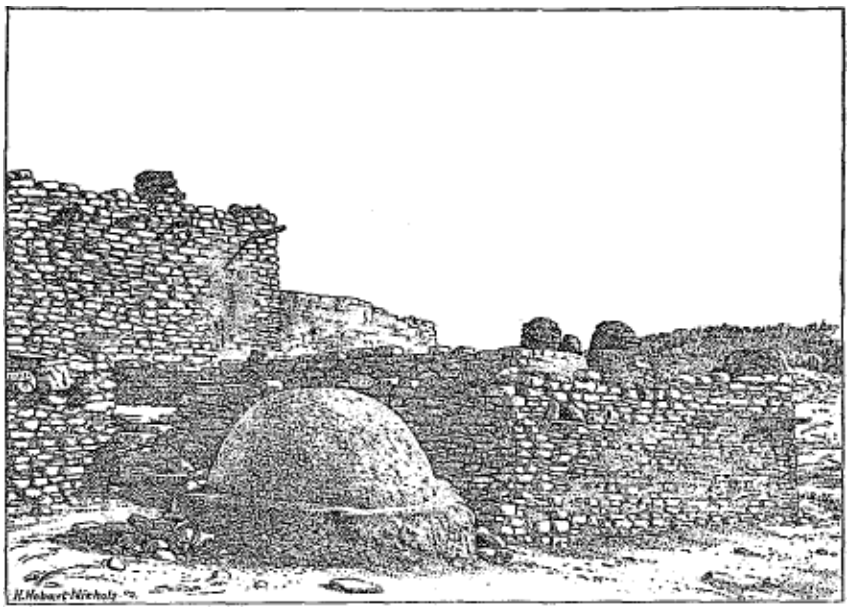


Рис. 55. Куполообразная печь на каменном цоколе.

Купольные печи в Сиболе, как правило, гладко оштукатурены как внутри, так и снаружи, но есть несколько примеров, когда камни кладки остаются открытыми. На илл. XCIX можно увидеть две печи разного размера, одна из которых показывает, как отверстие заблокировано камнем, чтобы не пускать бродячих собак в периоды, когда печь не используется. На рис. 55 показана печь с глиняной штукатуркой в Пескадо, которая поднята на высоту около фута над землей на основании или цоколе из каменной кладки. Отверстие этой печи находится на стороне, обращенной к домам. Такая форма является довольно исключительной в Сиболе, хотя часто встречается среди пуэбло Рио-Гранде. Очень большой и тщательно отделанный образец был исследован в Джемезе.

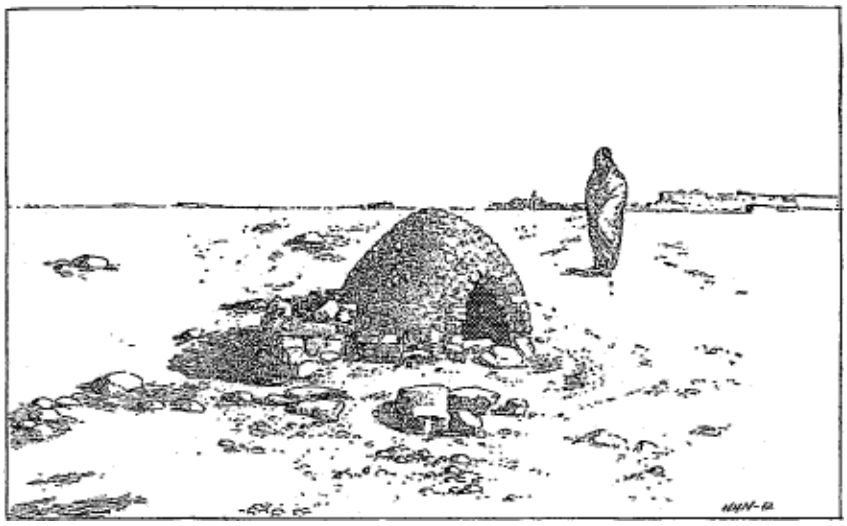


Рис. 56. Печь в Пескадо с обнаженными камнями кладки.

Рис. 56 и 57 иллюстрируют два образца грубых каменных печей, увиденных в Пескадо. В одной из них преобладает четкое горизонтальное расположение камней в кладке. Образец справа небольшой и грубо построен, что свидетельствует о небрежном отношении к строительным материалам. Несколько образцов купольных печей, обнаруженных в Тусаяне, характеризуются той же грубостью конструкции, что и каменные дома. Редкость этой печи в Тусаяне, где так много построек сохранили

степень примитивности, не встречающуюся в других местах, является, возможно, дополнительным доказательством ее иностранного происхождения.

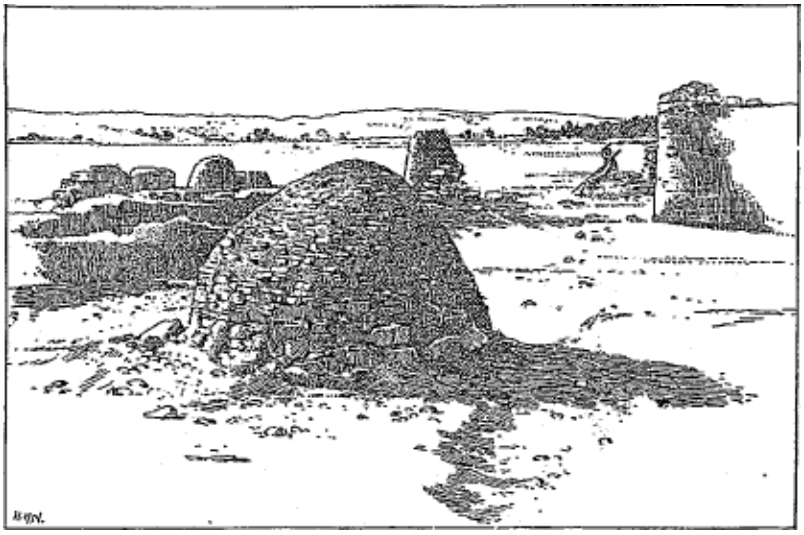


Рис. 57. Печь в Пескадо с обнаженными камнями кладки.

СТРУКТУРЫ В ВИДЕ ПЕЧИ.

В Тусаяне есть и другие сооружения грубой куполообразной формы, которые можно принять за какое-то кухонное устройство. На рис. 58 показаны два образца святилищ, которые встречаются во дворах Машонгнави. Это сосуды для перьевых палок (бахос) и других вотивных подношений, используемых на определенных праздниках, которые после использования запечатываются каменными плитами и сырцовым кирпичом. Эти святилища встречаются в нескольких деревнях, как отмечено в обсуждении планов в главе III. На переднем плане на илл. XXXVIII можно увидеть образец из Ораиби, в чем-то напоминающий те, что были замечены в Машонгнави.

Рис. 58. Святилища в Машонгнави.

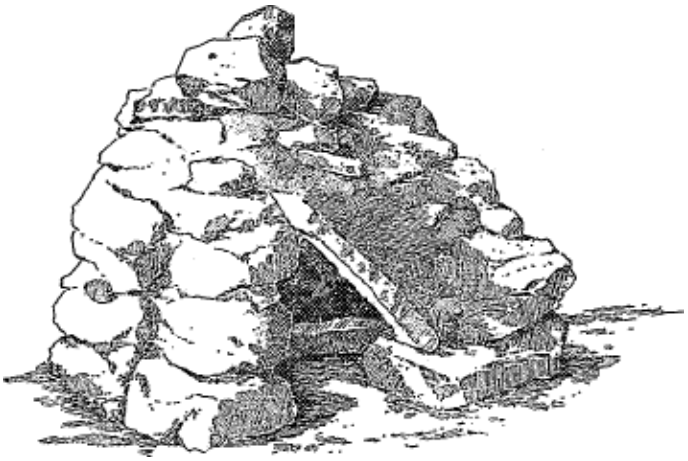


Рис. 59. Птичник в Сичумови, напоминающий печь.

На рис. 59 изображена очень грубая каменная постройка в Сичумови, по форме напоминающая купольную печь, которая используется как птичник. Несколько таких построек можно увидеть в деревнях Тусаяна.

КАМИНЫ И ДЫМОХОДЫ.

Первоначальным очагом древних строителей пуэбло, вероятно, была простая яма для приготовления пищи, перенесенная в жилую комнату и используемая как для приготовления пищи, так и для обогрева жилища . Она располагалась в центре пола, чтобы жильцы дома могли удобно собираться вокруг нее. Одно из первых усовершенствований этого неглубокого внутреннего очага, вероятно, заключалось в том, что его окружили стеной достаточной высоты, чтобы защитить огонь от сквозняков, как это видно на примере наружных очагов в Тусаяне. При раскопках комнаты в древнем пуэбло Кин-тиель был обнаружен полностью сохранившийся камин глубиной около фута, обложенный тонкими каменными плитами, установленными на ребро. Углубление было выдолблено из твердой скалы.

Этот очаг, а также комната, в которой он был найден, изображены на илл. C и рис. 60. Он имеет прямоугольную форму, но были найдены и другие образцы, которые имеют круглую форму. Г-н У. Х. Джексон описывает очаг в жилище на скале в «Пещере Эхо», который представлял собой круглое углубление в форме чаши диаметром 30 дюймов и глубиной 10 дюймов. Во многих жилищах в скалах найдены комнаты, свидетельствующие о том, что огонь разжигался в углах у стен; дым уходил через крышу, и на почерневших стенах нет никаких следов дымохода или трубы.

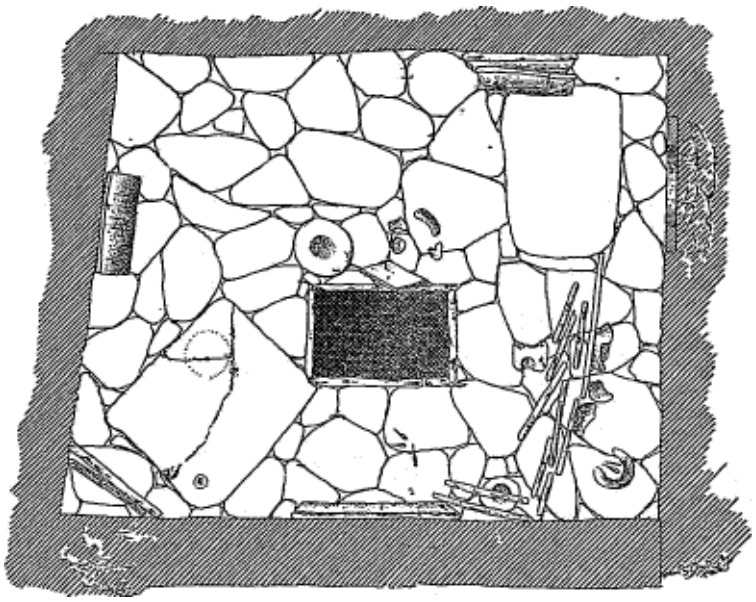


Рис. 60. План раскопанной комнаты в Кин-тиеле.

Дымоход в пуэбло, несомненно, является позднее испанским элементом, и лучшие формы, используемые в настоящее время, вероятно, имеют очень недавнее происхождение, хотя они по-прежнему ассоциируются с каминами, которые мало отличаются от аборигенных форм, наблюдаемых в Кин-тиеле и других местах. В этой связи интересно отметить, что церемония освящения дома проводится в Тусаяне до того, как добавляется дымоход, что позволяет предположить, что последний не был частью жилища аборигенов.

В Сиболе в настоящее время используется несколько различных форм дымоходов, но в более отдаленном Тусаяне дымоход, по-видимому, все еще находится в экспериментальной стадии. Множество неудобных конструкций, от обычных кухонных ям до более сложных конструкций с колпаками, свидетельствуют о хаотичном состоянии искусства строительства дымоходов в последней провинции.

До изобретения дымовой трубы, когда примитивный очаг занимал центральное место на полу комнаты, дым, вероятно, выходил через дверные и оконные проемы. Позже выход был обеспечен отверстием в крыше, как в современных кивах, где церемониальное использование сохранило устройство, давно вышедшее из употребления в строительстве жилых домов. О комфорте жилого помещения, оборудованного этой функцией, достаточно свидетельствует популярность современных кива как места отдыха для мужчин. Идея грубой вытяжки или дымохода для облегчения выхода дыма не возникла бы, пока камин не был перенесен из центра комнаты в угол, и при первом применении этого устройства строители полагались на соседние стены для необходимой поддержки конструктивных элементов. Практически все дымоходы Тусаяна в настоящее время расположены в углах, хотя строители Зуни приобрели достаточные навыки для сооружения жесткой вытяжки и дымохода в центре боковой стены, как можно видеть на изображении интерьера Зуни, Pl. LXXXVI.

Хотя дымоход пуэбло обязан своим существованием иностранному влиянию, он, очевидно, достиг своей нынешней формы через серию робких экспериментов, и правильные принципы его конструкции, по-видимому, были слабо поняты местными строителями, особенно в Тусаяне. Ранняя форма колпака, показанная на рис. 66, была сделана путем установки короткого опорного столба поперек угла комнаты на достаточном расстоянии от пола и расположения на нем палок, образующих каркас сужающегося колпака или дымохода. Вся конструкция в конце концов была покрыта толстым слоем грязи. Эта примитивная деревянная конструкция, вероятно, использовалась в течение долгого времени, хотя в особых случаях она модифицировалась, чтобы простираться по всей ширине узких комнат для размещения камней «пики» или других громоздких кухонных приборов. Она воплощает принцип конструкции крыши, который, должно быть, использовался в примитивном доме, из которого развилось пуэбло, и практически представляет собой миниатюрную коническую крышу, подвешенную над камином и опирающуюся на стены комнаты. Благодаря бережному и экономному использованию топлива этими людьми, легкий и горючий материал, из которого построена дымовая труба, не представляет опасности возгорания, как можно было бы ожидать. Прекрасная осуществимость такого использования дерева хорошо иллюстрируется некоторыми старыми дымоходами бревенчатых хижин в южных штатах, где, однако, расположение частей горизонтальное, а не вертикальное. Последние любопытно иллюстрируют также использование миниатюрной части конструкции дома для образования канала для дыма, расположенного на достаточной высоте, чтобы обеспечить доступ к огню.

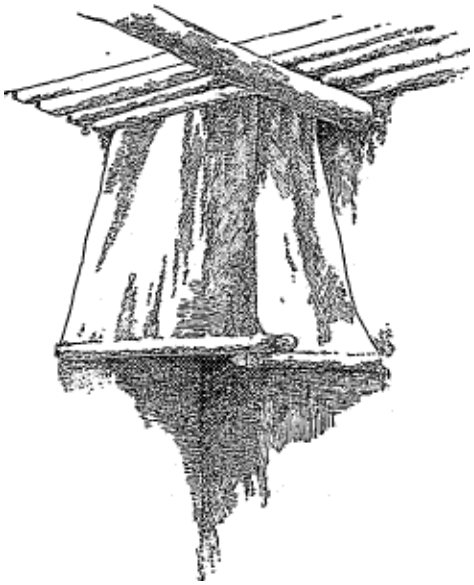


Рис. 61. Угловая дымовая труба с двумя опорными столбами (Тусаян).

Дальнейшим усовершенствованием дымохода стало сооружение угловой опоры колпака с помощью двух коротких столбов вместо одного, что позволило сформировать прямоугольный дымовой колпак увеличенной емкости. Последний является наиболее распространенной формой, используемой в настоящее время в обеих провинциях, но его расположение в Тусаяне, где он представляет собой высшее достижение коренных жителей в строительстве дымоходов, гораздо более разнообразно, чем в Сиболе. В последней провинции такая же форма иногда выполняется из камня. На рис. 61 показана угловая вытяжка, в которой перекрещенные концы опорных шестов видны невооруженным глазом. Внешний конец нижнего шеста поддерживается балки крыши с помощью веревки или каната, которые вмурованы в глиняную штукатурку, которой отделана вытяжка. Вертикальные ребра на поверхности показывают конструкцию, в которой в качестве основы для штукатурки использовались легкие палки. Тусаяны говорят, что для этой цели предпочтительны большие стебли подсолнечника из-за их легкости. На рис. 63 и 64 показан другой тусаянский колпак описанного типа, а на рис. 69 большой колпак той же общей формы, подвешенный над камнем пики, привлекает внимание откровенным обращением с подвесными веревками, которые явно видны почти по всей длине.

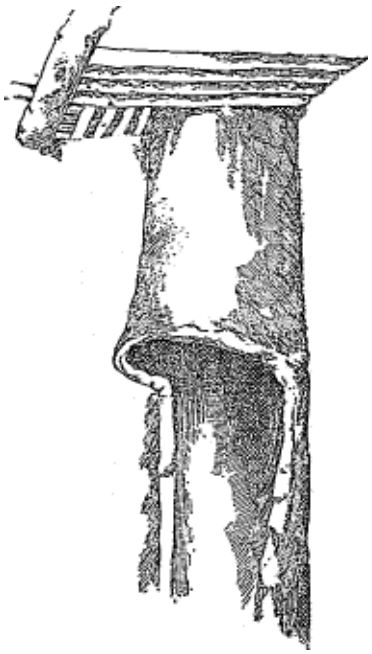


Рис. 62. Изогнутая дымовая труба вытяжки Машонгнави.

В дымоходе дома в Машонгнави, изображенном на рис. 62, для нижнего края этой вытяжки использован простой, резко изогнутый кусок дерева, что позволяет использовать всю емкость двухстоечной конструкции. Вертикальные палки в этом примере едва различимы через штукатурку, нанесенную с большей, чем обычно, тщательностью.

Любопытный пример, иллюстрирующий примитивную форму двухстоечной вытяжки, показан на рис. 63. Прямой столб необычной длины встроен в стены поперек угла комнаты, и его вставка в стену находится гораздо дальше от угла с одной стороны, чем с другой. Из более длинного участка закрытой стены выступает короткий столб, который соединяется с основным и служит опорой для одной стороны дымовой трубы. В данном случае строитель, по-видимому, был слишком робким, чтобы рискнуть построить более смелую конструкцию, необходимую для совершенной двухстоечной трубы. Этот пример, вероятно, представляет собой этап в развитии более совершенной формы.

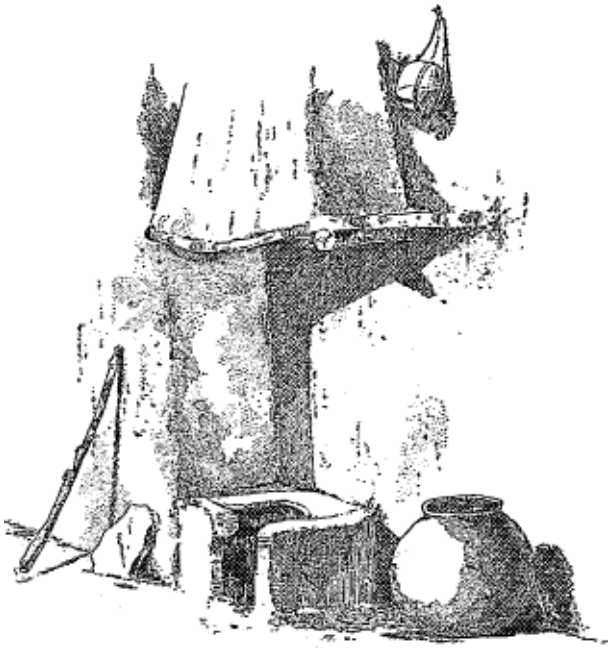


Рис. 63. Вытяжка дымохода Машонгнави и замурованный камин.

В некоторых случаях прямоугольный угловой колпак не подвешивается к потолку, а поддерживается снизу каменной плитой или куском дерева. Такой дымоходный колпак, увиденный в доме Шупаулови, имеет размеры почти 4 на 5 футов. Короткая сторона поддерживается двумя каменными плитами, встроенными в стену и простирающимися от колпака до пола. На верхнем камне лежит один конец деревянного перемычка, поддерживающего длинную сторону, а другой конец, расположенный у угла комнаты, удерживается на месте легкой деревянной вилкой. Рис. 64 иллюстрирует эту вытяжку; план показывает расположение камней и вилки по отношению к углу комнаты. Рис. 71, иллюстрирующий террасный камин и дымоход в Шумопави, показывает использование аналогичных опор.

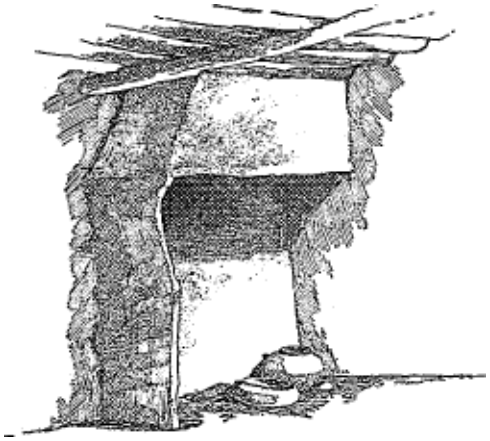


Рис. 64. Козырек дымохода Шупаулови.

Угловые каминные колпаки в Зуни не отличаются существенно от более симметричных образцов из Тусаяна, но они отличаются лучшей отделкой и меньшей открытостью каркаса, поскольку, как и обычная кладка, они были необычно свободно покрыты глинобитными блоками.

Строители Тусаяна, по-видимому, боялись добавлять необходимый вес глиняного раствора для достижения этого конечного эффекта, поэтому колпаки обычно имеют вертикально ребристую или зубчатую поверхность, вызванную тем, что палки каркаса проступают через тонкий слой глины. В их конструкции также часто используется камень, что привело к появлению большого квадратного типа дымохода, неизвестного в Тусаяне. Это показано на рис. 65. Такая форма колпака, выступающая на некоторое расстояние за пределы дымохода, обеспечивает пространство, которое можно использовать в качестве каминной полки, что является преимуществом, которое в очень небольшой степени имеют формы, описанные выше. Этот дымоход, как уже упоминалось, построен у одной из стен комнаты, ближе к середине.

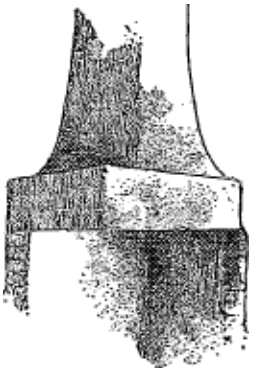


Рис. 65. Полуотдельный квадратная вытяжка зуни.

Рис. 66. Неоштукатуренные дымовые колпаки зуни дымоотводы, иллюстрирующие конструкцию.

Все соединения этих колпаков, и даже используемый материал, как правило, скрыты от глаз тщательно нанесенным слоем штукатурки, дополненным гипсовой промывкой, и обычно нет видимых признаков того, как они построены, но их конструкция немного превосходит конструкцию

простых угловых колпаков. Метод изготовления каркаса различных типов колпаков показан на рис. 66. Пример слева показывает неоштукатуренный деревянный каркас колпака. Расположение частей в выступающих прямоугольных каменных колпаках показано на правой схеме рисунка. При строительстве такой дымовой трубы сначала возводится тонкий контрфорс у стены достаточной ширины и высоты, чтобы поддерживать одну сторону колпака. Противоположная сторона колпака поддерживается плоским камнем, прочно закрепленным на ребре в кладке стены. Передняя часть колпака поддерживается вторым плоским камнем, который одним концом опирается на грубый выступ в выступающей плите, а другим концом — на передний край контрфорса. Для строителей пуэбло было бы вполне возможно сформировать выемку в нижнем углу поддерживаемого камня, чтобы он прочно опирался на выступ поддерживающего камня, но в тех немногих случаях, когда можно было наблюдать конструкцию, такой обработки не было видно, поскольку они полагались в основном на взаимосцепление неровных концов камней. Эта конструкция служит для поддержки корпуса дымохода, обычно с промежуточным пространством, покрытым камнем, образующим полку. В настоящее время дымоход обычно строится из тонких плит песчаника, грубо подогнанных для взаимной поддержки. Вся конструкция скрепляется и выравнивается глиняной штукатуркой, а в конце покрывается гипсовой штукатуркой, которая наносится и на остальную часть комнаты. Г-н А. Ф. Банделиер описывает «обычный дымоход с каминной полкой и полкой, построенный из каменных плит», который он нашел «в пещерах Рито-де-лос-Фрихолес, а также в скальных жилищах типа обычных отдельно стоящих семейных домов» ([7]), которые, судя по описанию, должны были очень напоминать описанный выше дымоход зуни. Дома, в которых имеются такие устройства, могут быть довольно старыми, но в таком случае они, безусловно, были вновь заселены в пост-испанскую эпоху. Такие жилища, вероятно, использовались в качестве убежищ в опасные времена вплоть до относительно недавнего времени.

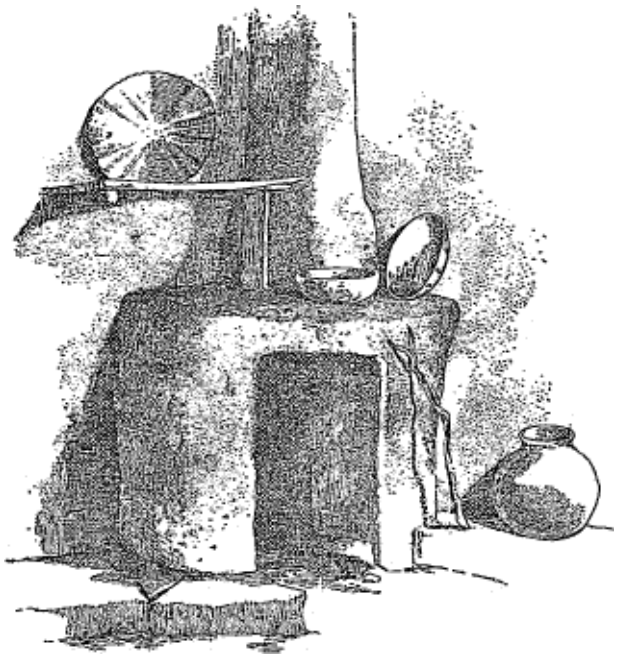


Рис. 67. Камин и каминная полка в Сичумови.

Среди множества форм дымоходов и каминов, увиденных в Тусаяне, в доме в Сичумови был замечен любопытный подход к нашей собственной конструкции камина и каминной полки. В дополнение к основной каминной полке, с одной стороны дымохода к стене была прикреплена легкая деревянная полка, один конец которой поддерживался вертикальным куском дерева с колпачком, а другой опирался на вбитый в стену колышек. Этот камин и каминная полка показаны на рис. 67.

Помимо своеобразной печи для выпечки «guyave» или «piki», в Сиболе практически нет разнообразия в форме внутренних каминов, в то время как в Тусаяне они, по-видимому, претерпели

примерно те же изменения , что и уже отмеченные в наружных ямах для приготовления пищи. Серьезную проблему столкнулся строитель из Тусаяна, когда ему было поручено построить камины-ямы для приготовления пищи глубиной более 30 см на верхней террасе. Поскольку было невозможно углубить яму в полу, необходимая глубина была достигнута за счет возведения стен по бокам, как показано на рис. 68, который иллюстрирует камин второго этажа в Машонгнави. Другие примеры можно увидеть на открытых дымоходах, показанных на рис. 72 и 73.

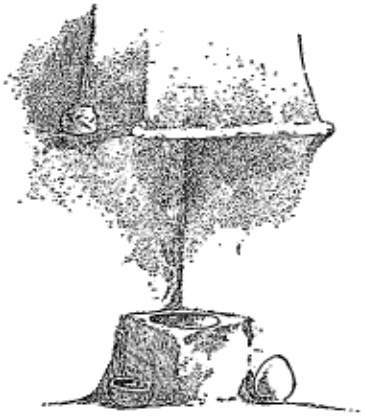


Рис. 68. Камин на втором этаже в Машонгнави.

Модификация внутреннего камина, предназначенного для приготовления тонкого, похожего на бумагу хлеба, известного испаноязычным народам этого региона как «гуаве», а тусаянцам как «пики», распространена как в Сиболе, так и в Тусаяне, хотя в первой провинции устройство построено более тщательно, чем во второй, а поверхность самого камня для выпечки имеет более высокую степень отделки. В печи для гуайве тщательно подготовленный песчаник поддерживается в горизонтальном положении двумя плитами, установленными на ребре и прочно вмонтированными в пол. Таким образом, образуется горизонтальный дымоход, в котором разжигается огонь. Верхний камень, на поверхность которого наносится тонкое тесто для гуайве, во время первоначальной подготовки подвергается определенной обработке огнем и смолой пиньон, а также, возможно, другими ингредиентами, что придает ему высокополированную черную поверхность. Эта операция обычно выполняется вдали от пуэбло, рядом с местом, где можно найти подходящий камень, и сопровождается церемонией, цель которой — предотвратить раскол камня при первом использовании под воздействием огня. На одном из этапов этих обрядов требуется строжайшая тишина, так как, согласно рассказу коренных жителей, одно единственное слово, произнесенное в такой момент, может привести к расколу плиты.

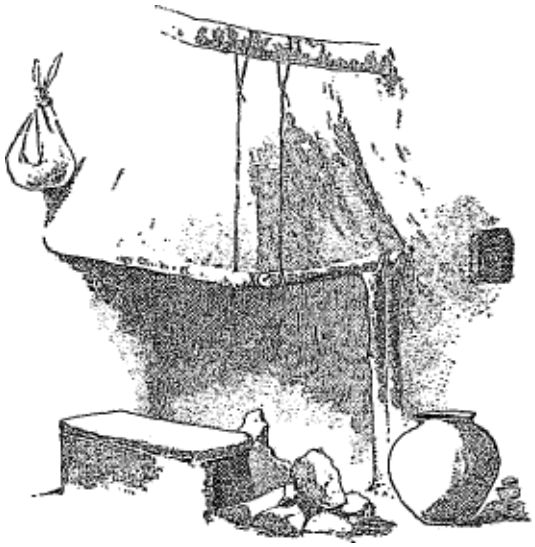


Рис. 69. Камень пики и дымоход в Сичумови.

Когда длинный камень гайаве установлен на краях заднего и переднего камней, огонь должен поддерживаться таким образом, чтобы камень оставался при постоянной температуре. Это достигается путем частого подкидывания небольших кусочков полыни или другого топлива. Необходимость такой экономии топлива в определенной степени повлияла на форму всех устройств для обогрева и приготовления пищи. На рис. 69 изображен камень пики из Сичумови, а на рис. 70 показано использование печи в сочетании с кухонной плитой, что является довольно распространенной комбинацией. Последний пример взят из Шумопави. На иллюстрации показана интересная особенность использования примитивного подноса или выступления для поддержки кастрюли над огнем. Этот босс смоделирован из той же глины, что и пол очага, прикреплен к нему и является его частью. Г-н Стивен собрал бесплатные образцы этих примитивных подпорок, которые никогда не прикреплялись к полу. Они имели грубую коническую форму, показанную на рисунке, и были сделаны из грубо смешанной глины, тщательно обожженной до каменной твердости.

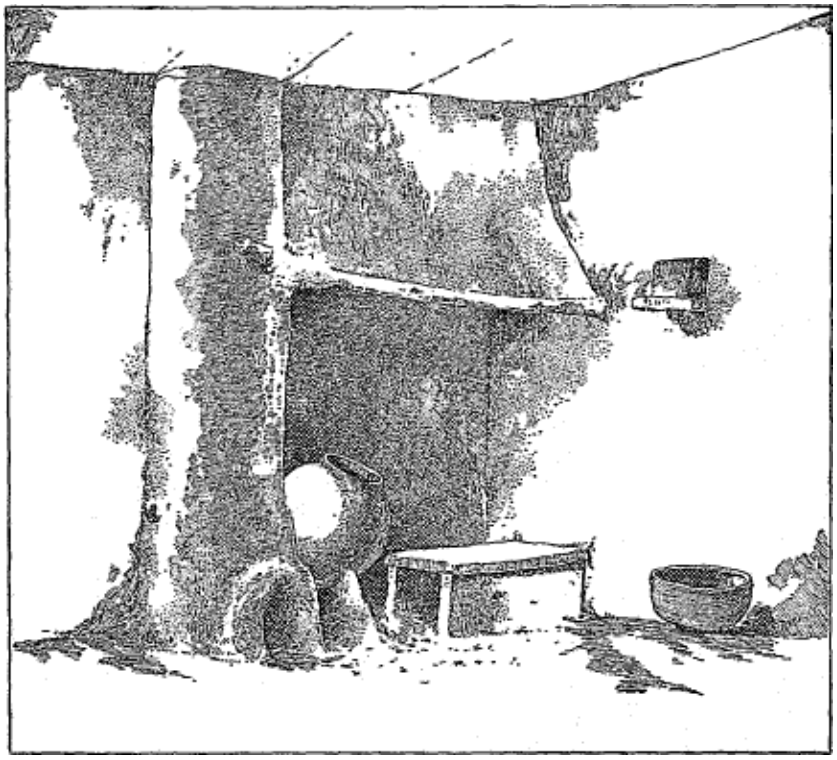


Рис. 70. Камень пики и примитивные подставки для дров в Шумопави.

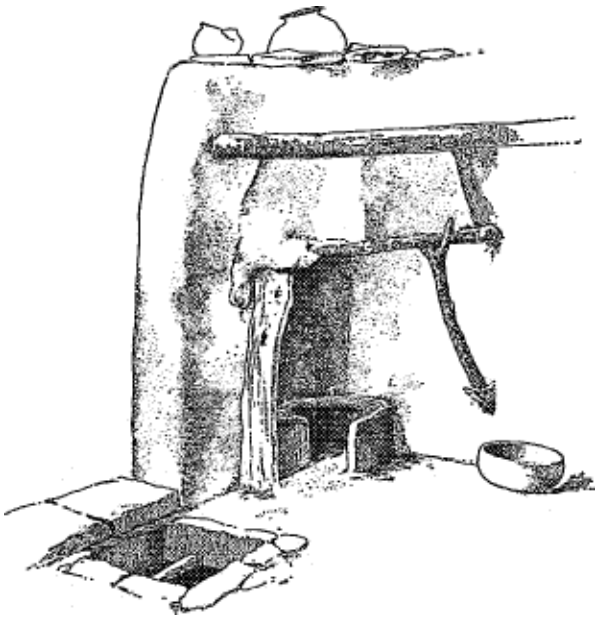


Рис. 71. Терраса с камином и дымоход в Шумопави.

Дымоходы и камины часто встречаются в Тусаяне в небольших углубленных комнатах, похожих на балконы, на второй террасе. Когда в таком месте требуется глубокая яма для приготовления пищи, ее получают, возводя боковые стенки, как в каминах внутренних комнат верхних этажей. Такой камин показан на рис. 71. Навесная ниша, которая обычно находится на одном конце первой террасы, называется «тупуби» и получила свое название от плоской печи пики, разновидности камина, который обычно строится в таких нишах. Перенос камина из комнаты второго этажа в угол такой навесной террасы был легко осуществим и, вероятно, привел к периодическому использованию ямы для приготовления пищи с защитной дымовой трубой на открытой и незащищенной крыше. На рис. 72 показана глубокая яма для приготовления пищи на верхней террасе в Валпи. В данном случае яма для приготовления пищи построена очень массивно, и в отсутствие укрывающего угла «тупуби» она эффективно защищена с трех сторон глинобитной кладкой, а вся конструкция увенчана обычной дымовой трубой. Устройство удобно расположено рядом с люком на крыше жилой комнаты.

Рис. 72. Терраса с ямой для приготовления пищи и дымоходом в Валпи.

Использование описанных выше очагов на верхних террасах, по-видимому, послужило поводом для усовершенствования наземной ямы для приготовления пищи аналогичным образом. Было обнаружено несколько экземпляров, в которых яма для приготовления пищи обычного углубленного типа, выкопанная возле внутреннего угла стены дома, была снабжена защитной кладкой и дымоходной крышкой; однако такая конструкция встречается далеко не часто. На рис. 73 показан пример, обнаруженный на восточной стороне Шумопави. Следует отметить, что при использовании этой конструкции на земле — конструкции, которая, очевидно, возникла на террасах — строители вернулись к более ранней форме выкопанной ямы. В остальном показанный пример не отличается от описанных выше форм террас.

Рис. 73. Яма для приготовления пищи на земле в Шумопави, покрытая дымоходом.

При обсуждении деталей расположения кива в Тусаяне (стр. 121) было показано, что дымоход в этих церемониальных камерах не используется в какой-либо форме; но простое отверстие в крыше, образующее люк, служит дымоходом без добавления внутренней вытяжки или внешнего шахта. В кивах зуни дым также выходит через отверстие, дающее доступ в комнату, но в конструкции крыши, как показано в других местах, наблюдается некоторое различие между дверью и дымоходом. Отверстие в крыше сделано двойным: одна часть служит для входа по лестнице, а другая — для выхода дыма.

Внешняя дымовая труба в пуэбло имеет простую конструкцию и отличается от типовой модели лишь незначительно. Первоначально она, несомненно, представляла собой просто отверстие в крыше; ее использование сохранилось в кивах. Эта примитивная форма постепенно совершенствовалась путем поднятия ее боковых стенок над крышей, что привело к образованию примитивного шахта. Ранние формы, вероятно, были прямоугольными, затем появились круглые, а позже — короткие каменные шахты, которые в конечном итоге были увеличены в высоту за счет добавления дымовых труб. В Зуни дымоход иногда превращался в довольно высокий шахтный колодец, выступающий иногда на высоту 4 или 5 футов над крышей. Это особенно заметно на нижних террасах Зуни, дымоходы в более высоких комнатах чаще всего были короткого типа, распространенного в фермерских пуэбло Сибола и Тусаяна. Высокие дымоходы, встречающиеся в самом Зуни и часто состоящие из четырех или пяти дымовых труб на каменной подставке, несомненно, обусловлены теми же условиями, которые так сильно повлияли на другие детали конструкции, а именно исключительной высотой групп домов и скученностью комнат. В результате дымоход является более заметной чертой в Зуни, чем где-либо еще, что будет показано при сравнении видов деревень, приведенных в главах III и IV.

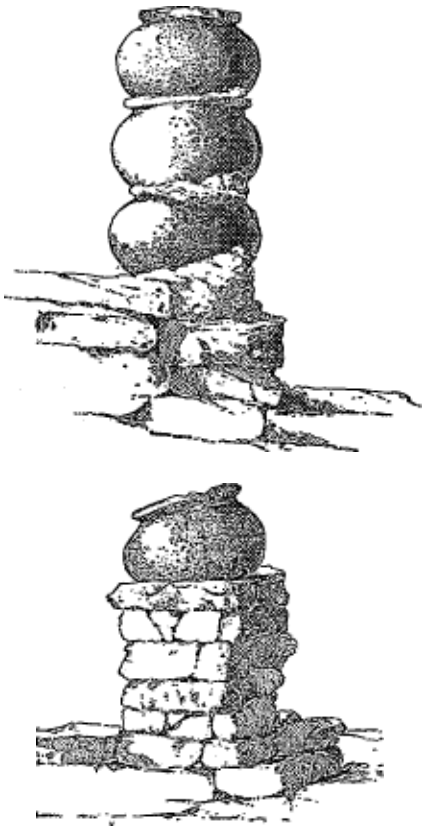
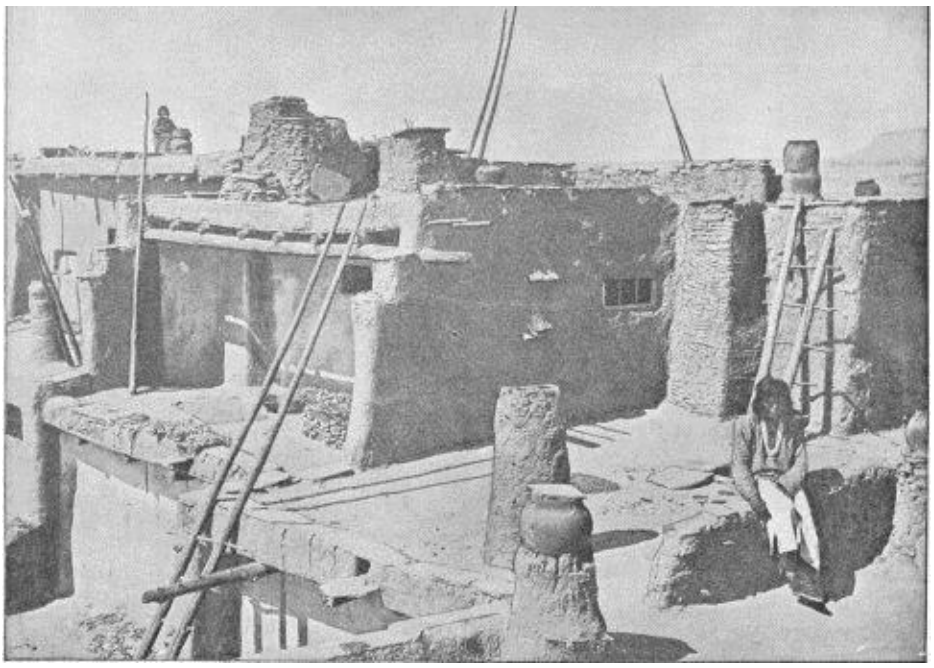


Рис. 74. Дымоходы в Тусаяне.

В Тусаяне многие дымоходы довольно низкие, и довольно часто встречается один горшок, установленный на каменном основании высотой не более 6 дюймов. Однако, как правило, строители предпочитали использовать несколько горшков. Две типичные дымовые трубы Тусаяна показаны на рис. 74. Большинство фундаментов для дымовых труб в этой провинции имеют грубую прямоугольную форму и явно показывают неровную каменную кладку, в то время как в Зуни использование самана обычно стирает все следы строительства. В обеих провинциях можно увидеть дымоходы без дымоходных колпаков. Обычно они расположены группами, просто потому что строитель комнаты или группы комнат предпочитал такую форму дымохода. На илл. CI показана часть верхних террас Зуни, где сгруппировано несколько каменных дымоходов. Те, что находятся на самой высокой крыше, в основном имеют прямоугольную форму, что, вероятно, является прямым продолжением квадратного отверстия в крыше. Последние все еще иногда встречаются с ободком, возвышающимся на несколько дюймов над поверхностью крыши и сформированным из плит, установленных на ребро, или из обычной кладки. Эти верхние дымоходы часто закрыты или покрыты тонкими плитами из песчаника, уложенными на них таким же образом, как и отверстия в крыше, на которые они похожи. Камины, к которым относятся некоторые из них, по-видимому, используются для обогрева комнат, а не для приготовления пищи, поскольку летом они часто не используются в течение длительного времени.



ПЛАСТИНА CI. КАМЕННЫЕ ДЫМОХОДЫ ЗУНИ.

На илл. CI также показаны дымоходы, в которых горшки использовались в сочетании с каменными основаниями, а также круглый каменный дымоход. Последний находится сразу за дымоходом с одним горшком, видимым на переднем плане. В крайнем левом углу рисунка показан дымоход, в который встроены горшки для огня, причем нижние из них почти не видны из-за покрытия из сырцового кирпича. Подобный эффект можно увидеть в небольшой дымовой трубе на самой высокой крыше, показанной на илл. LVIII. Илл. LXXXII показывает различные методы использования дымовых горшков. В одном случае дымовая труба закрыта перевернутой кувшином с широким горлышком, а разбитое дно служит выходом для дыма. Обычно для этой цели используется обычная черная кастрюля, дно которой выжжено или иным образом сделано непригодным для домашнего использования. Иногда используются и другие сосуды. На илл. LXXXIII показано использование в качестве верхней части дымохода обычной кувшина для воды с темными узорами на белом фоне. Очень сильно разбитый сосуд часто используется при строительстве дымохода благодаря умелому использованию глины и раствора. Чтобы облегчить выход дыма, верхний горшок делается так, чтобы он перекрывал горловину нижнего, для чего достаточно выломать дно. Соединение часто не видно, так как обычно покрыто глинобитным раствором. Нижние горшки в ряду во многих случаях полностью вмурованы в глинобитный раствор.

Строители пуэбло никогда не могли построить отдельно стоящую дымовую трубу высотой в один этаж, ни с помощью дымовых горшков, ни без них; когда необходимо построить такие шахты для обеспечения надлежащей тяги, они вынуждены полагаться на опору соседних стен и обычно выбирают угол. На илл. CI показана дымовая труба такого типа, построенная из каменной кладки на всю высоту этажа. Подобный пример показан на переднем плане на илл. LXXVIII. На илл. XXII можно увидеть дымоход, достигающий полной высоты соседнего этажа, но в данном случае он построен полностью из колпаков. Илл. LXXXV иллюстрирует подобный случай в помещении.

Внешний дымоход, вероятно, развился постепенно из простого отверстия в крыше, как отмечалось ранее. Первым шагом в этом направлении стало возведение ограждений вокруг люков или отверстий в крыше. Из этого развился квадратный дымоход и, наконец, высокий круглый шахта, увенчанная рядом горшков. Весь дымоход, как внутренний, так и внешний, за исключением только примитивного камина, вероятно, имеет сравнительно недавнее происхождение и основан на иностранном (испанском) предложении.

ВОРОТА И КРЫТЫЕ ПРОХОДЫ.

Ворота, предназначенные для обороны, встречаются во многих более компактных древних пуэбло. Некоторые проходы в современных деревнях Тусаян и Сибола напоминают эти старые образцы, но большинство узких проходов, ведущих во внутренние дворы обитаемых деревень, не являются результатом оборонительных соображений, а образованы в результате скучивания жилищ. Как правило, они встречаются внутри пуэбло, а не на его окраинах. Многие террасы теперь обращены наружу и доступны с внешней стороны пуэбло, что резко контрастирует с ранней планировкой, в которой для доступа использовались исключительно узкие проходы, окружающие дворы. На планах нескольких деревень, заселенных в исторические времена, но теперь разрушенных, можно проследить следы отверстий, расположенных в соответствии с первоначальным оборонительным планом. Примерно на середине северо-восточной стороны Аватуби были замечены фрагменты стоящей стены, по-видимому, две стороны прохода к закрытому двору пуэбло. Однако каменная кладка сильно разрушена, и нет никаких указаний на то, каким образом она была устроена, а также остатки не позволяют определить, был ли этот вход первоначально закрыт или нет. Это иллюстрируется на пластинке CII.

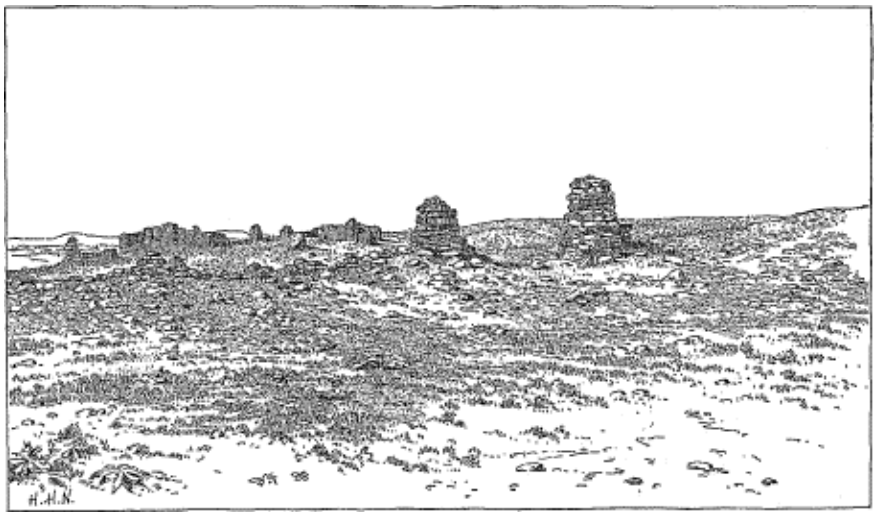


ТАБЛИЦА CII. ОСТАТКИ ВОРОТ В АВАТУБИ.

Другие примеры этой особенности можно увидеть на планах Тебугхиу, Чукуби и Паюпки (рис. 7 и табл. XII и XIII).

В первом из них глубокие косяки проема четко обозначены, но в двух других только невысокие кучи обломков указывают на наличие ворот. В древних пуэбло Сибола, включая те, что находятся на плато Таайялана, не было найдено никаких остатков внешних ворот; планы показывают, что расположение различных групп зданий в некоторой степени приближалось к нерегулярному расположению современных зданий. Есть только отдельные следы, такие как непрерывная оборонительная внешняя стена, подобная тем, что видны в Нутрии и Пескадо. В пуэбло группы Сибола, древних и современных, доступ к внутренней части пуэбло обычно обеспечивался в нескольких точках. Однако в пуэбло Кин-тиель встречается отличный пример оборонительных ворот. Косяки и углы проема отделаны с большой аккуратностью, как видно на иллюстрации (Pl. CIII). Эти ворота или проход были перекрыты крышей, и в прямоугольных углублениях для крепления поперечных балок до сих пор сохранились короткие пни, защищенные от разрушения каменной кладкой. Каменная кладка над проходом при падении унесла часть кладки над углом косяка, что указывает на непрерывность связи. План этих руин (Pl. LXIII) ясно показывает различные точки, через которые осуществлялся доступ во внутренние дворы. На восточной стороне заметной особенностью является перекрытие пограничной стены южного крыла, образующее непрямой вход. Остатки не указывают на то, что этот проход, как и только что описанный, был перекрыт крышей. В

некоторых случаях современные проходы, следуя изгибам и углам прилегающих рядов домов, демонстрируют аналогичные изменения направления. В Шупаулови, где в плане наиболее четко сохранилась идея закрытого двора, проход на южной оконечности деревни меняет направление под прямым углом, прежде чем выходить во двор (табл. XXX). Такое расположение, несомненно, было определено положением террас задолго до того, как проход был перекрыт крышей и застроен. На илл. XXII показан южный проход Валпи; входы сделаны уже, чем остальная часть прохода, за счет строительства каменных контрфорсов по бокам. Вероятно, это было сделано для обеспечения необходимой опоры для северной и южной стен верхнего этажа. Одна из стен, как можно видеть на иллюстрации, опирается непосредственно на поперечную балку, укрепленную таким образом.

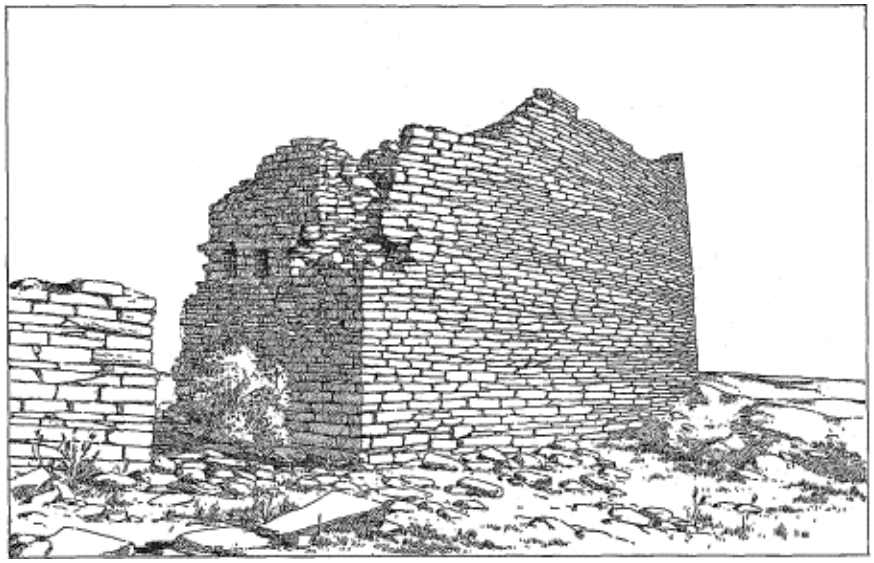
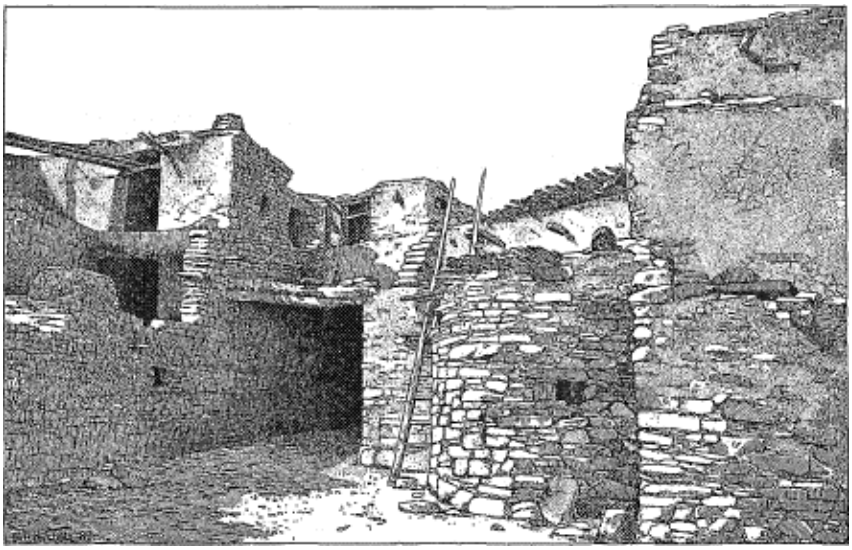


ТАБЛИЦА CIII. ДРЕВНИЙ ВХОД, КИН-ТИЕЛЬ.

Один из небольших закрытых дворов Зуни, изображенный на илл. LXXXII, доступен через два крытых прохода, которые в целом напоминают древние оборонительные входы, но эти дома, доступные изнутри двора, также имеют террасы снаружи. Низкий проход, показанный на рисунке, постепенно был застроен комнатами, достигающими в некоторых случаях высоты трех террас над отверстиями; но накопленный вес в конце концов оказался слишком большим для балок и несущих стен — вероятно, строители никогда не предполагали, что они выдержат суровое испытание, которому они впоследствии подверглись, — и после необычно длительного периода дождливой погоды вся верхняя часть комнат обрушилась на землю. Это произошло после проведения изысканий и фотографирования. Довольно примечательно, что хрупкие глинобитные стены так долго выдерживали необычную нагрузку и даже выдержали добавление верхнего этажа.

В предыдущих примерах проход был покрыт на всей своей длине комнатами, но в Тусаяне и Сиболе встречаются случаи, когда только части крыши образуют пол надстройки. На илл. CIV показан проход, крытый за пределами двухэтажной части здания на достаточное расстояние, чтобы образовать небольшую террасу, на которой стоит лестница. На илл. XXIII показана аналогичная конструкция на западной стороне Уолпи. Внешние края этих террас покрыты каменными бордюрами и обработаны так же, как и наружные стены нижних комнат. В Зуни пример такой формы крыши прохода встречается между двумя восточными рядами домов, где комнаты не подвергались тесному скучиванию, характерному для западных групп домов пуэбло.



ПЛАСТИНА CIV. КРЫТЫЙ ПРОХОД В МАШОНГНАВИ.

ДВЕРИ.

В Зуни многие комнаты первого этажа, которые в древние времена, вероятно, использовались в основном для хранения, были преобразованы в хорошо освещенные жилые помещения путем добавления внешних дверей. В Тусаяне эта модификация не произошла в такой же степени, и явно оборонительный характер первой террасы, на которую можно подняться по съемным лестницам, сохранился до сих пор. В этой провинции при строительстве дома всегда предусматривается дверной проем на первом этаже, но изначально это пространство не было предназначено для постоянного использования; оно оставлялось лишь для удобства входа и выхода во время строительства и замуровывалось до завершения возведения стен. Однако в последние годы такие дверные проемы часто сохраняются, а для окон строятся дополнительные небольшие проемы.

В древние времена большие дверные проемы на верхних террасах, вероятно, никогда не закрывались, за исключением случаев, когда в холодную погоду их закрывали одеялами или плащами из кроличьей шкуры. Были замечены примеры, которые, по-видимому, были построены с этой целью, поскольку небольшой столб, такой же, как и те, что используются в перемычках, встроен в каменную кладку косяков на несколько дюймов ниже собственно перемычки. Отверстия, не полностью закрывающие от холода и ветра, естественно, размещались на подветренных стенах, чтобы избежать преобладающих юго-западных ветров, и на планировку открытых деревень на плато, несомненно, повлияло это обстоятельство, , в результате чего они изменились с раннего типа закрытого двора и стали располагаться в продольных рядах, обращенных на восток. Это заметно на планах, приведенных в главе II.

Во многих руинах можно увидеть дверные проемы, закрытые каменной кладкой. Возможно, это свидетельствует о временном отсутствии владельца, например, в период сбора урожая, или о разрушении или заброшенности деревни; но они могли быть закрыты с целью экономии тепла и топлива в зимний период. Не было предусмотрено закрытие их с помощью подвижных дверей. Практика закрывания дверей во время уборочной поры преобладает в настоящее время среди зуни, но результат достигается без больших трудностей с помощью грубых поперечин, теперь, когда у них есть деревянные двери с рамами. Одна из таких дверей показана на рис. 75. Эти двери обычно открываются с помощью веревки-защелки, которая, если не висит снаружи, доступна через небольшое круглое отверстие в стене сбоку от двери. Через это отверстие хозяин дома, уходя, закрывает дверь с помощью подпорок и скоб с внутренней стороны комнаты, а отверстие заделывается и заштукатуривается так же, как и другие отверстия.

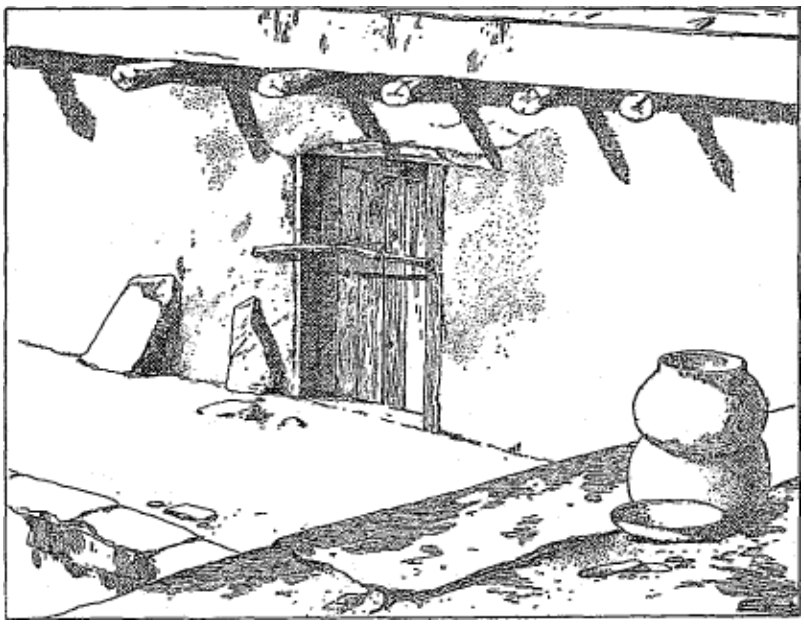


Рис. 75. Дверь с решеткой в Зуни.

Эта любопытная конструкция является еще одним примером сохранения древних методов в измененном виде. Однако она не используется для закрывания дверей первой террасы; они закрываются с помощью решетки изнутри, выход осуществляется с помощью внутренних лестниц на террасу выше, только верхние двери закрываются указанным способом. На табл. LXXIX можно увидеть хорошие примеры боковых отверстий. На рис. 75 показана дверь с решеткой. Заштукатуривание или запечатывание небольшого бокового отверстия вместо всего проема было вызвано появлением деревянной двери, которая в ее нынешнем виде с панелями является иностранным нововведением, но в этом, как и во многих других случаях, вероятно, уже существовала аналогичная особенность, которая способствовала принятию этой идеи. Традиция указывает на раннее использование небольшой двери, сделанной из одного куска дерева, которая закрывала небольшие прямоугольные ниши в стенах, в которых хранились ценности, такие как бирюза, ракушки и т. д. Говорят, что этот кусок дерева был уменьшен и отшлифован с помощью куска песчаника. Ряд балок, стропил и кровельных досок, которые можно увидеть в пуэбло Чако, вероятно, были выровнены и обработаны таким образом. Последние примеры показывают степень знакомства с такой обработкой дерева, которая позволяла строителям с легкостью изготавливать такие двери. Однако до сих пор ни в одном из доколумбовых руин не было обнаружено примеров деревянных дверей.

Двери с панелями типа пуэбло гораздо чаще встречаются в Сиболе, чем в Тусаяне, а в последней провинции они не имеют такого разнообразия обработки, как в Зуни, и не выполнены так аккуратно. Виды современных пуэбло, представленные в главах III и IV, показывают, насколько широко эта особенность распространена в обеих группах. При изготовлении панельной двери вертикальная стойка с одной стороны удлиняется вверху и внизу, образуя закругленный шарнир, который входит в чашеобразные гнезда в перемычке и пороге, как показано на рис. 76. Таким образом, петля изготавливается из самого дерева без помощи каких-либо внешних приспособлений.

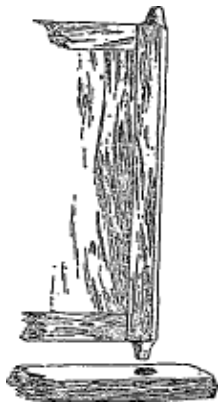


Рис. 76. Деревянный шарнир двери Зуни.

Трудно проследить происхождение этого устройства среди пуэбло. Оно очень похоже на шарнирные петли, которые иногда использовались в средневековой Европе в массивных воротах для закрытия каменных проходов; в таких случаях удлиненные шарниры входили в углубления каменных порогов и перемычек. Индейцы утверждают, что использовали его в очень давние времена, но никаких доказательств этого найдено не было. Вполне возможно, что эта идея была заимствована у некоторых из первых мормонских поселенцев, прибывших в эту страну, поскольку эти люди используют ряд примитивных устройств, которые, несомненно, являются пережитками методов строительства, когда-то распространенных в странах, из которых они прибыли. Следы использования шарнирных петель, построенных в гораздо более массивном масштабе, чем любые примеры в пуэбло, были обнаружены в старом каменном хранилище мормонов, построенном в виде крепости, недалеко от места Моен-копи первыми мормонскими поселенцами.

Панельные двери, которые сейчас используются в пуэбло, сделаны грубо и состоят из рамы, в которую вставлена одна панель. Эта панель, если она большого размера, иногда состоит из двух или более частей. Эти двери сильно различаются по размеру. Некоторые достигают высоты 5 футов, но обычная высота составляет от 3½ до 4 футов. Поскольку двери обычно поднимаются на фут или более над землей или полом, использование таких проемов не вызывает такого дискомфорта, как можно было бы предположить, учитывая их небольшой размер. Двери большего размера, с порогами, поднятыми всего на дюйм или два над полом или землей, недавно появились в некоторых цокольных этажах в Зуни; но это очень новое явление, и эту идею приняли только самые прогрессивные люди.

На илл. XLI показана небольшая панельная дверь, не более 1 фута в квадрате, используемая в качестве шторки для закрытия заднего окна жилища. Самые маленькие примеры панельных дверей — это те, которые используются для закрытия небольших квадратных проемов в задних стенах рядов домов, которые до сих пор сохраняют оборонительную конструкцию, столь характерную для многих древних пуэбло. В некоторых случаях двери встречаются на втором этаже стен без террас, их пороги находятся на высоте 5 или 6 футов над землей. В таких случаях к дверям можно подняться по лестницам, верхние концы которых опираются на пороги. Повышенные проемы такого рода закрываются обычным образом с помощью грубой однопанельной двери, которая часто побелена слоем глинистого гипса.

Тщательно обработанные панельные двери гораздо чаще встречаются в Зуни, чем в Тусаяне, а в последней провинции деревни первой мезы более широко используют этот тип дверей, поскольку они вступили в более тесный контакт со своими восточными братьями, чем другие деревни этой группы. На рис. 77 показана часть дома в Хано, в котором имеются две деревянные двери. Эти образцы свидетельствуют о грубости тусаянского мастерства. Видно, что мастер, изготовивший верхнюю из этих дверей, столкнулся со значительными трудностями при соединении двух досок

панели и их креплении к раме. На рисунке видно, что в нескольких местах дверь была укреплена и усилена ремнями из оленьей кожи и сыромятной кожи. То же самое устройство было использовано в нижней двери, как для соединения двух частей панели, так и для крепления последней к раме. Эти двери также иллюстрируют обычный способ закрывания двери на засов во время отсутствия жильцов дома.

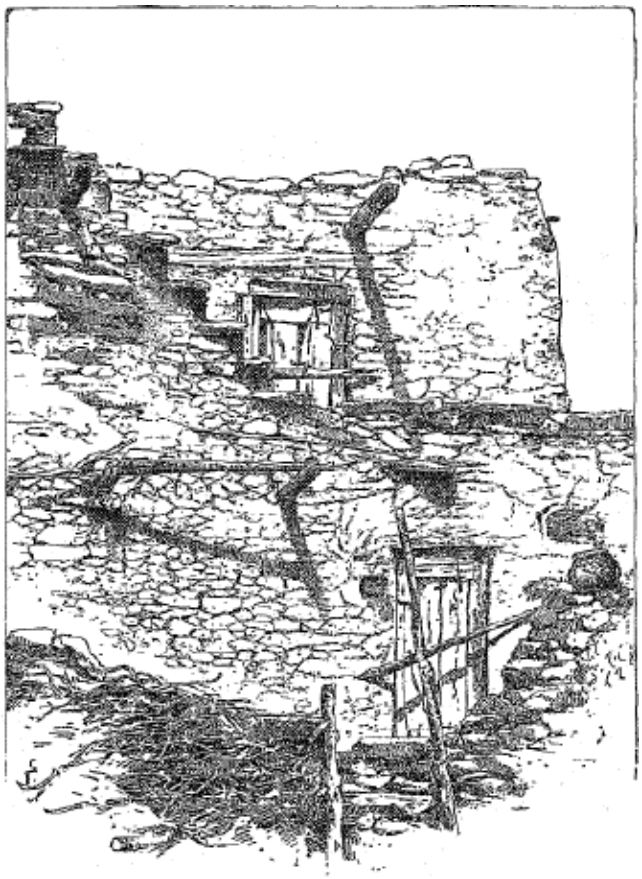


Рис. 77. Деревянные двери с панелями в Хано.

Дверной проем обычно обрамляется во время строительства дома. Порог, как правило, приподнят над землей снаружи и над полом внутри, и дверные проемы, за редким исключением, фактически представляют собой только большие окна. В этом отношении они следуют характерной для древних пуэбло планировке, в которой все большие проемы представляют собой дверные проемы, похожие на окна. Их иногда можно увидеть на краю двора между рядами домов, и они часто встречаются между смежными комнатами внутри кластера. Обычно они приподняты над полом примерно на полтора фута, а в некоторых случаях имеют одну или две ступеньки. В Зуни дверные проемы между смежными комнатами, хотя теперь и обрамлены деревом, сохраняют ту же конструкцию, как можно видеть на илл. LXXXVI.

Боковые части панельной двери пуэбло имеют шпунтовые соединения, что намного превосходит уровень искусства коренных народов этих земель. На рис. 78 показан способ изготовления каркаса. Все необходимые пазы и подготовка выступающих шипов выполняются кропотливо с помощью самых примитивных инструментов, во многих случаях весь каркас со всеми соединениями вырезается небольшим ножом.

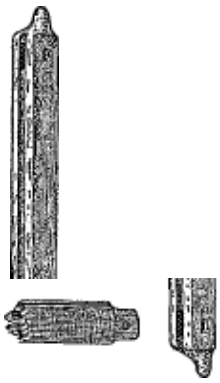


Рис. 78. Каркас
дверной панели зуни.

Двери обычно закрываются простым деревянным затвором, стержень которого поворачивается на деревянном штифте. Они открываются снаружи путем поднятия затвора с деревянного фиксатора с помощью веревки, продетой через небольшое отверстие в двери и свисающей снаружи. Однако некоторые двери снабжены громоздким деревянным замком, который открывается с помощью квадратной палки с выемками, служащей ключом. Эти замки обычно крепятся к внутренней стороне двери с помощью ремешков из оленьей кожи или сыромятной кожи, продетых через небольшие отверстия, просверленные по краю замка, а также через косяк и панель двери в соответствующих точках. Весь механизм состоит из дерева и веревок, соединенных самым примитивным образом. Однако, несмотря на примитивность этого устройства, его концепция намного опередила культуру коренных народов пуэбло, и как оно, так и веревочная защелка, должно быть, пришли извне. Замок, вероятно, был изобретен ранними мормонами, так как он явно грубо скопирован с металлического замка.

Многие двери, не имеющие постоянных средств закрытия, все еще используются. Они очень распространены в Тусаяне, а также встречаются в Сиболе, особенно в сельскохозяйственных пуэбло. Открытый фасад «тупуби» или балконного углубления, который так часто встречается на концах крыш первой террасы в Тусаяне, часто строится с помощью конструкции, похожей на ригель, соединенной с балкой, поддерживающей край крыши, таким же образом, как и собственно дверные проемы. На илл. XXXII изображен балкон, одна из граничных сторон которого образована каменными ступенями, создающими эффект выемки или террасы. В данном случае несущая балка встроена в стену и покрыта сырцовым кирпичом, что скрывает конструкцию. Рис. 79 показывает грубый перемычку над несущей балкой крыши балкона в главном доме Хано. Верхний дверной проем, показанный в этом доме, был частично замурован, что несколько уменьшило его размер. Он также снабжен небольшим горизонтальным отверстием над главным перемычкой, которое, как и дверной проем, было частично заполнено каменной кладкой. Эта верхняя перемычка, по-видимому, часто возникала в результате переноса таких отверстий на всю высоту этажа. Перемычка, вероятно, возникла из пространств, оставленных между концами балок, опирающихся на главную балку, которая перекрывала главный проем (см. рис. 81). Несколько похожие балконы можно увидеть в Сиболе, как в Зуни, так и в сельских деревнях, но они не имеют такого большого значения, как в Тусаяне. Пример показан на табл. CI, где конструкция этой детали хорошо видна.

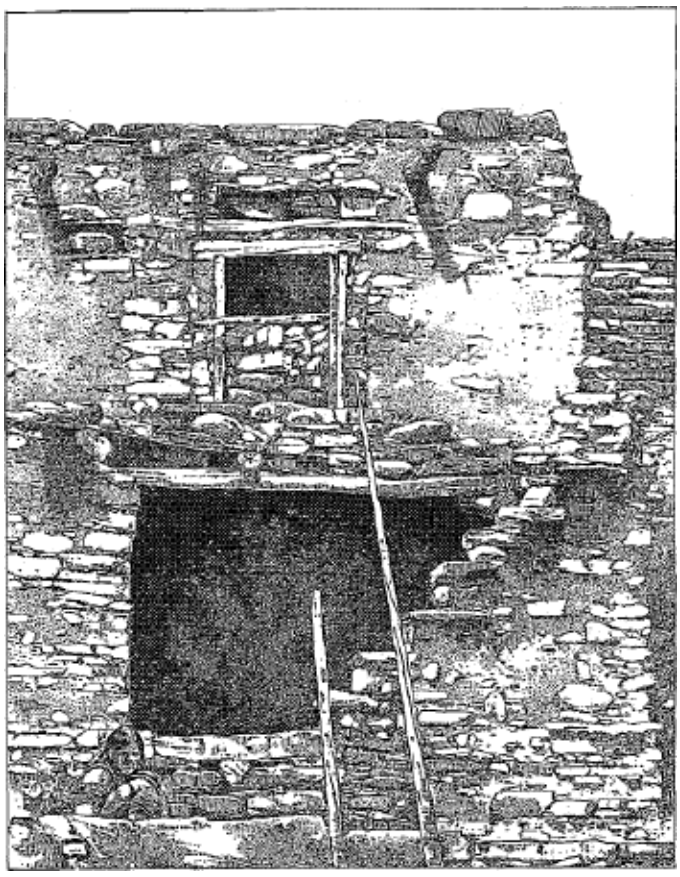


Рис. 79. Грубые перемычки над проемами в Тусаяне.

В руинах древних пуэбло нет никаких свидетельств использования описанных выше полуоткрытых террасных комнат. Если такие комнаты и существовали, особенно если они были построены в открытом стиле, как в Тусаяне, то они, вероятно, были одними из первых, которые подверглись разрушению. Сравнительная редкость этой особенности в Зуни не обязательно указывает на то, что она не является местного происхождения, поскольку из-за исключительного способа группировки и длительного воздействия иностранного влияния это пуэбло демонстрирует более значительное отклонение от древнего типа, чем любая из деревень Тусаяна. Вполне вероятно, что древние строители, полагаясь на двойную защиту закрытого двора и оборонительной первой террасы, свободно использовали эту открытую и удобную конструкцию в сочетании с верхними крышами.

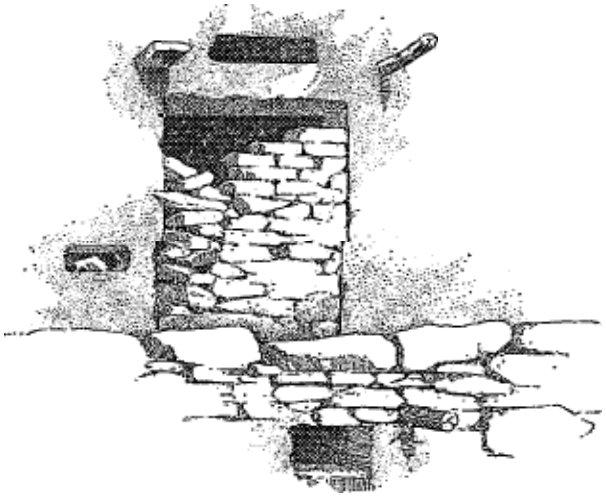


Рис. 80. Большой тусаянский дверной проем
с небольшими проёмами в перемычке.

Отверстия в виде фрамуг, обычно сопровождающие большие проемы, также встречаются во многих закрытых дверных проемах Тусаяна, но в некоторых случаях их происхождение не может быть отнесено к конструкции крыши, поскольку отверстия не доходят до потолков комнат. В ранние времена такие дверные проемы закрывались с помощью больших каменных плит, установленных на ребро, которые иногда дополнялись подвесным покрывалом. В суровую зимнюю погоду многие отверстия закрывались каменной кладкой. В настоящее время многие дверные проемы, не оборудованные панельными дверями , закрываются таким образом. Когда дверной проем обрабатывается таким образом, его фрамуга остается открытой для проникновения света и воздуха. Индейцы утверждают, что в древние времена эта фрамуга предназначалась для выхода дыма, когда главный дверной проем был закрыт, и даже сейчас такая конструкция не является полностью лишней. На рис. 80 показан большой дверной проем в Тусаяне с небольшим фрамугой. На момент создания рисунка проем был уменьшен с помощью кирпичной кладки. На рис. 81 показан двойной фрамуга над перемычкой, состоящей из двух столбов; часть кладки, разделяющая фрамугу на два отдельных отверстия, опирается на перемычку дверного проема и поддерживает балку крыши; это показано на рисунке. Другие примеры фрамуг можно увидеть на многих иллюстрациях дверных проемов Тусаяна.

Рис. 81. Дверной проем и двойной перемычкой в Валпи.

Перемычки над внешними дверными проемами домов, вероятно, имеют некоторое отношение к элементу, который можно увидеть в некоторых из наиболее хорошо сохранившихся руин и который до сих пор в некоторой степени сохранился в практике тусаянцев. Он состоит из прямой балки, обычно тех же размеров, что и балки, из которых сделана перемычка, проходящей поперек проема на расстоянии от 2 до 6 дюймов ниже основной перемычки и закрепленной в кладке в положении, позволяющем ей служить карнизом для занавески. Первоначально этот столб, несомненно, служил средством для подвешивания одеяла или кожаного ковра, используемого для закрытия проема, так же как такие средства используются сейчас в хижинах навахо, а также иногда в домах тусаян. Пространство над этой поперечной перекладиной выполняло ту же функцию, что и современные перемычки.

Рис. 82. Древний дверной проем

в руинах ущелья Каньон-де-Челли.

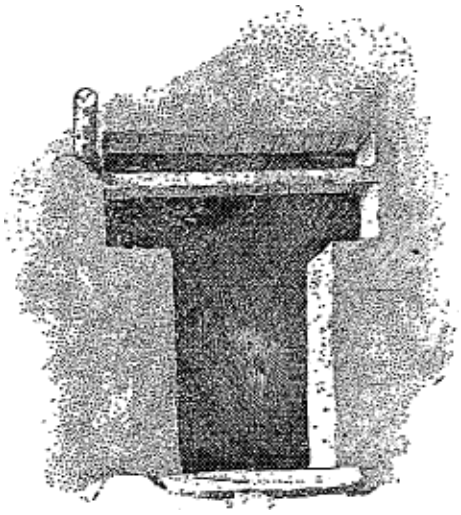


Рис. 83. Симметрично вырезанный в Машонгнави.

Наиболее поразительной особенностью дверных проемов является их нередкое отклонение от четырехугольной формы, что можно наблюдать в некоторых разрушенных деревнях, а также в некоторых современных домах Тусаяна. На рис. 82 показан образец этого типа, найденный в небольших руинах на скале в Каньоне де Челли. Древние образцы этой формы проемов отличаются симметричным расположением ступенек в косяке, в то время как современные двери редко имеют такую конструкцию. Современный пример из Машонгнави показан на рис. 83. Этот проем также иллюстрирует двойной или разделенный ригель. Концы балки, показанные на рисунке, выступают за пределы поверхности стены и поддерживают нависающий козырек или карниз. Окно, похожее на дверь, приближающееся к описанной симметричной форме, видно сразу над проходом, показанным на табл. XXII. Эта форма, очевидно, является результатом частичного закрытия более крупного прямоугольного проема.

На рис. 84 показан обычный тип террасного дверного проема в Тусаяне, в котором одна косяк имеет значительно большую высоту, чем другая. В Тусаяне встречаются большие проемы, в которых только одна косяк имеет ступеньки, что создает эффект, напоминающий большие балконы с каменными ступенями с одной стороны, показанные ранее. Отверстие такой формы показано на рис. 85. Оба ступенчатых дверных проема, показанных выше, снабжены фрамугами, проходящими от одной балки крыши к другой. В отсутствие подвижной двери отверстия делались минимального размера, удобного для использования. Ступенчатая форма, скорее всего, была предложена в результате временной частичной перекрытия отверстия рыхлыми плоскими камнями таким образом, чтобы как можно меньше ухудшить его использование. Это до сих пор довольно часто делается, и часто можно увидеть большие отверстия, нижняя часть которых с одной или обеих сторон сужена с помощью кирпичей из сырцового кирпича или свободно сложенных камней. В этой связи можно отметить, что вторичный перемычковый столб, ранее описанный как встречающийся как в древних, так и в современных дверных проемах, служит дополнительной опорой для рук, когда жильцы заносят в дом припасы на спинах. Ступени у дверного проема, хотя и уменьшают его открытую площадь, не мешают использовать его для вносить большие связки и т. п. Серии ступеней, высеченных в скалах и обеспечивающих доступ к жилищам в скалах, часто имеют дополнительную серию узких и глубоких углублений, которые обеспечивают надежную опору для рук. Требования крутого рельефа местности, в которой проживают эти люди, привели к тому, что грузы с продуктами, топливом и т. д. переносятся на спине с помощью подвесной ленты, проходящей через лоб; это оставляет руки свободными для помощи в сложной задаче лазания. Эти условия, по-

видимому, привели к тому, что в некоторых случаях в качестве помощи при подъеме по лестнице используются поручни в краевых рамах внутренних люков.

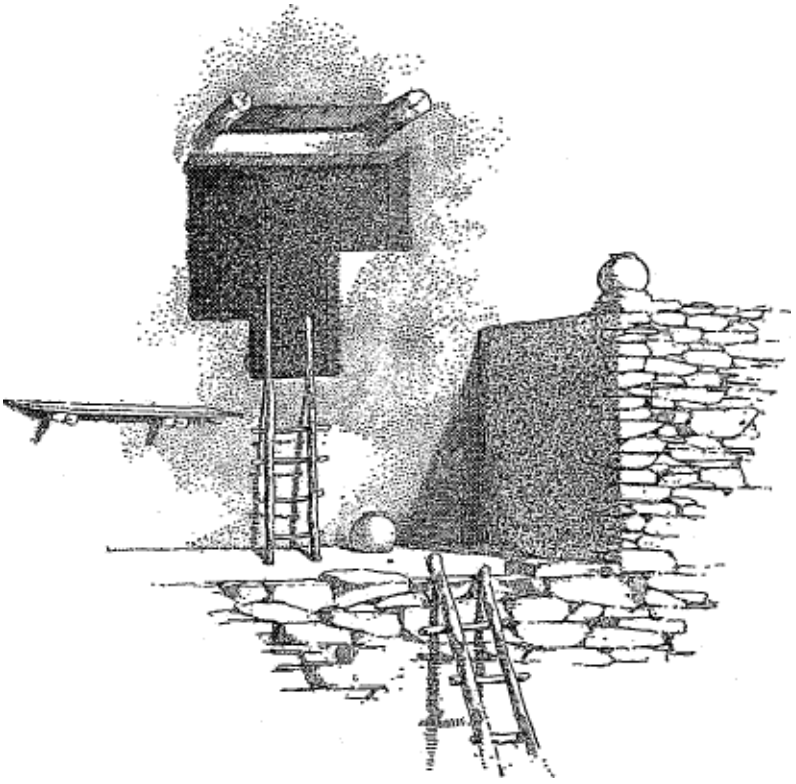


Рис. 84. Дверной проем с выемками в Тусаяне.

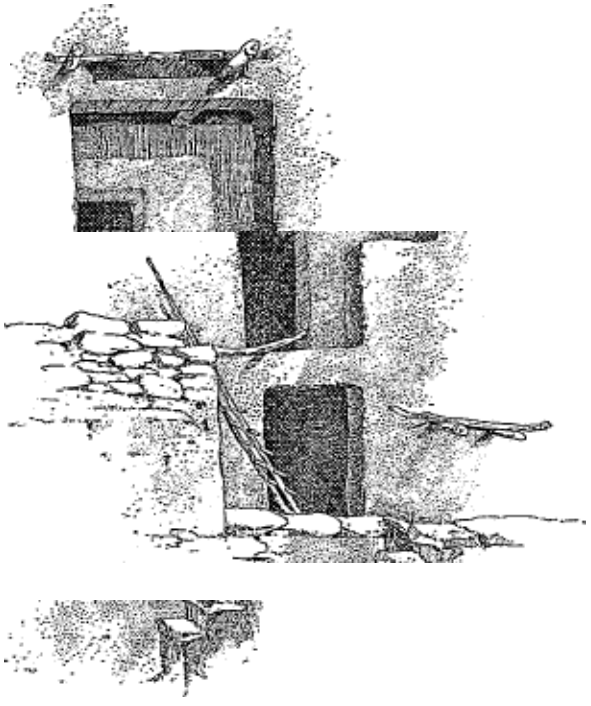


Рис. 85. Большой тусаянский
дверной проем с одним выемчатым косяком.

Остается описать еще один характерный тип древнего дверного проема пуэбло. Осенью 1883 года, когда проводилось обследование руин пуэбло Кин-тиель, в пуэбло и вокруг него было проведено

несколько раскопок. Небольшая комната на восточной стороне, недалеко от края аройо, пересекающего руины с востока на запад, была полностью очищена, обнажив камин, каменную мостовую пола и другие детали конструкции. Во внутренней перегородке этой комнаты была обнаружена большая каменная плита с круглым отверстием, достаточно большим, чтобы через него мог пролезть человек. Эта плита была установлена на ребро и встроена в кладку перегородки и, очевидно, служила средством связи с другой комнатой. Расположение этого прохода и его отношение к комнате, в которой он находится, можно увидеть на иллюстрации в табл. C, где показан камень на месте. Проход или «каменная дверь» показаны на рис. 86 в достаточном масштабе, чтобы показать степень технического мастерства в архитектурной обработке камня, которым обладали строители этого старого пуэбло. Автор посетил Зуни в октябре того же сезона и, описав эту находку г-ну Фрэнку Х. Кушингу, узнал, что индейцы Зуни до сих пор сохраняют традиционные знания об этом устройстве. Г-н Кушинг любезно предоставил в время следующий отрывок из сказки «Охотник на оленей и волшебники», народной сказки Зуни о раннем заселении долины Зуни.

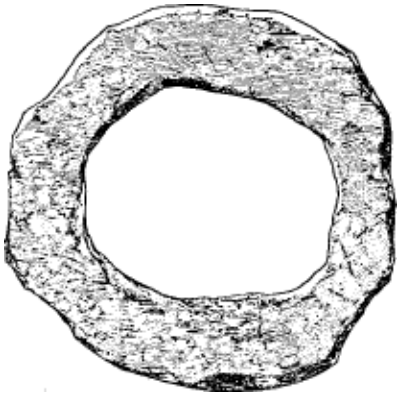


Рис. 86. Древний круглый дверной проем или «каменная кладка» в Кин-тиеле.

«„Как они войдут?“ — спросил молодой человек свою жену. „Через каменную заслонку сбоку“, — ответила она. В древние времена дверные проемы часто делали из большой каменной плиты с круглым отверстием посередине и круглой каменной плитой, чтобы закрыть его, которую называли каменной заслонкой, чтобы враг не мог войти во время войны».

Г-н Кушинг обнаружил смещенные фрагменты таких круглых каменных дверных проемов в руинах, расположенных на некотором расстоянии к северо-западу от Зуни, но был уверен, что они использовались в качестве отверстий в крыше. Все известные автору примеры такого устройства, найденные на месте, были обнаружены в боковых стенах комнат. Г-н Э. В. Нельсон, собирая коллекцию керамики из руин недалеко от Спрингервилля, штат Аризона, осенью 1884 года нашел и отправил в Смитсоновский институт «плоский камень размером около 18 дюймов в квадрате с круглым отверстием, вырезанным в середине. Этот камень был взят из стены одного из старых разрушенных каменных домов недалеко от Спрингервилля, в индейских руинах. Камень был установлен в стене между двумя внутренними комнатами руин и, очевидно, служил средством связи или, возможно, вентилятором. Я отправляю его в основном как пример их мастерства в обработке камня». Расположение этого элемента в раскопанной комнате Кин-тиель указано на плане, рис. 60, на котором также показано расположение других деталей, видимых на общем виде комнаты, табл. C.

Небольшой фрагмент «каменного» дверного проема был найден вмурованным в каменную кладку внешней каменной лестницы в Пескадо, что указывает на его использование в каких-то соседних руинах, таким образом, он находится в пределах района Сибола. Еще одно место, где были обнаружены подобные остатки, — это пуэбло Халона, расположенное на противоположном берегу реки от современного Зуни. Г-н Ф. Уэбб Ходж, недавно связанный с Юго-западной археологической

экспозицией Хеменвея под руководством г-на Ф. Х. Кушинга, описывает эту форму проема как довольно распространенную в комнатах этого давно засыпанного пуэбло. Здесь дверные проемы связаны с круглыми плитами, используемыми для их закрытия. Последние удерживались на месте с помощью подпорок внутри комнаты. В Кин-тиеле плиты такой формы не были обнаружены, но вполне возможно, что некоторые из больших плит почти прямоугольной формы, найденных в этих руинах, могли служить той же цели. Кажется более разумным использовать прямоугольные плиты для этой цели, когда проемы удобно располагались рядом с полом. В Тусаяне пока не найдено ни одного примера каменного закрытия.

Описанный выше кольцевой проем является единственным известным автору примером, когда проемы закрывались жестким устройством, изобретенным аборигенами; и, судя по характеру материала, из которого оно было изготовлено, это устройство могло использоваться только для небольших проемов. Более крупные прямоугольные дверные проемы, если они не были частично закрыты каменной кладкой, вероятно, закрывались только одеялами или кожаными коврами, подвешенными к перемычке. При обсуждении запечатанных окон будут отмечены современные примеры, напоминающие устройство каменной заслонки, но они обычно используются более постоянным образом.

Небольшой размер обычного дверного проема в пуэбло, возможно, был обусловлен как отсутствием удобных средств для его закрытия, так и соображениями обороны. Многие примитивные жилища, даже довольно грубые, построенные без намерения обороны, характеризуются небольшими дверями и окнами. Планировка жилищ и распределение проемов таким образом, чтобы защитить и сделать комфортными жилые помещения, предполагает более высокий уровень архитектурного мастерства, чем тот, которого достигли эти строители.

Неудобный небольшой размер дверей современных пуэбло является лишь пережитком древних условий. Использование полноразмерных дверей, позволяющих человеку проходить без наклона, вполне возможно в настоящее время, но консервативные строители продолжают придерживаться раннего типа. Также сохранилось древнее расположение двери с порогом на значительной высоте от земли. Из-за отсутствия удобных средств для плотного закрывания дверей и окон в древние времена внешние проемы ограничивались минимально возможными размерами. Удобство этих проемов было увеличено без изменения их размеров за счет поднятия их на определенную высоту над землей. В руинах Кин-тиеля отмечается единообразие высоты проемов над землей, и такие проемы, вероятно, были довольно однородными, когда использовались для аналогичных целей. Наиболее распространенная высота подоконников дверей была такой, что человек мог легко перешагнуть через них одним шагом. Можно заметить, что та же экономия пространства повлияла на использование окон в этой системе архитектуры.

ОКНА.

В системе строительства пуэбло двери и окна не всегда четко различаются. Многие из проемов, хотя и используются для доступа в жилища, также выполняют все функции окон и, как по своей форме, так и по расположению в стенах, кажутся более подходящими для пропускания света и воздуха, чем для доступа. На иллюстрациях в главах III и IV мы видели проемы значительных размеров, расположенные на внешней стене так, что они не подходят для использования в качестве дверных проемов, а также другие, размеры которых совершенно неадекватны, но которые все же снабжены типичной, хотя и миниатюрной дверью с одной панелью ( ). Многие из этих небольших проемов, наиболее часто встречающихся в задних стенах рядов домов, имеют косяки, перемычки и т. д., характерные для типичной современной двери. Однако, как показывают вышеупомянутые рисунки, есть много проемов, в отношении использования которых не может быть никаких сомнений, поскольку они могут служить только для обзора, пропускания света и воздуха.

В наиболее распространенной форме окон, используемых в настоящее время в Тусаяне и Сиболе, ширина обычно превышает высоту. Хотя такая форма часто встречается в старых частях современных пуэбло, она, вероятно, не имеет очень давней истории. Окна древних пуэбло иногда были квадратными или почти квадратными, когда были небольшого размера, но когда они были больше, их никогда нельзя было отличить от дверных проемов ни по размеру, ни по отделке, а высота превышала ширину. Это ограничение ширины проемов было связано с исключительно небольшим размером используемого строительного камня. Хотя были доступны более крупные камни, строители не обладали достаточными конструктивными навыками, чтобы успешно их использовать. Неспособность использовать этот материал указывает на некоторую степень незнания механических средств, что на первый взгляд кажется едва ли согласующимся с массивностью форм и высокой степенью отделки, характерными для многих руин; но, как уже было показано в обсуждении каменной кладки, последние результаты были достигнуты благодаря терпеливому труду многих рук, хотя и работавших с небольшим духом сотрудничества. Узкие двери и окна в древних пуэбло свидетельствуют о робкости древних строителей. Более смелые конструкции современности, проявляющиеся в преобладании горизонтальных проемов, обусловлены не большим мастерством строителей, а скорее заметной небрежностью современного строительства.

Тот же контраст между современной и древней практикой прослеживается в расположении проемов в стенах. В современных пуэбло не наблюдается никакой регулярности или системы в их размещении, в то время как в некоторых более старых пуэбло, таких как Пуэбло Бонито в Чако и других из той же группы, расположение внешних проемов демонстрирует определенную степень симметрии. На прилагаемой схеме (рис. 87) показана часть северной внешней стены Пуэбло Бонито, в которой небольшие окна последовательных комнат, помимо одинакового размера, сгруппированы по парам. Степень технического мастерства, проявленная при выполнении кладки вокруг этих проемов, соответствует точности, с которой размещены сами проемы. На пластинке CV показан вид части стены, содержащей эти проемы.

ТАБЛИЦА CV. НЕБОЛЬШИЕ КВАДРАТНЫЕ ПРОЕМЫ В ПУЭБЛО БОНИТО.

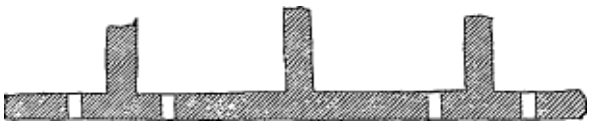


Рис. 87. Схема, иллюстрирующая симметричное расположение небольших проемов в Пуэбло Бонито.

В ярком контрасте с приведенными выше примерами стоит неаккуратная практика современных пуэбло. Редко когда встречаются два отверстия одинакового размера, даже в одной комнате, и обычно они не располагаются на одинаковой высоте от пола. Расположение, по-видимому, зависит исключительно от индивидуального вкуса, и никаких следов системы или единообразия не прослеживается. Окна иногда располагаются на значительной высоте, в некоторых случаях близко к потолку или даже на самом потолке, в то время как другие размещаются почти у основания стены; можно найти примеры, занимающие все промежуточные высоты между этими крайними значениями. Многие иллюстрации показывают эту характерную нерегулярность, но, пожалуй, наиболее ясно она представлена на иллюстрациях LXXIX и LXXXII из Зуни.

Обрамление этих проемов мало отличается от древних образцов. Современные проемы отличаются в основном более небрежным способом соединения материалов и во многих случаях использованием грубых рам. Несколько небольших шестов или палок, обычно из кедра, с очищенной корой, укладываются рядом друг с другом вплотную друг к другу поперек проема, чтобы сформировать опору для камней и земли вышележащей кладки. Часто непосредственно на палки укладывается особенно большая каменная плита, но этот камень никогда не бывает достаточно длинным или толстым, чтобы служить перемычкой для более крупных проемов. Количество используемых небольших палок достаточно, чтобы достигать от лицевой стороны до задней части стены, а в самых простых проемах окружающая кладка образует косяки и подоконник. Американское или испанское влияние иногда проявляется в использовании пиленых досок для перемычек, подоконников и косяков. Деревянные элементы окон имеют любопытно легкую и хрупкую конструкцию.

В настоящее время большая часть окон, как в Тусаяне, так и в Сиболе, оснащена стеклом. Иногда встречаются примитивные рамы с несколькими створками, но чаще стекло используется по отдельности; в некоторых случаях оно устанавливается непосредственно в глинобитную стену без каких-либо промежуточных рам или косяков. В нескольких случаях в Зуни примитивные рамы или косяки были грубо украшены вырезанными линиями и насечками. Пример этого показан на рис. 88. Рама или рама обычно прочно встроена в стену. Похоже, что навесные рамы пока не были приняты. Часто введение окон показывает любопытный и неуклюжий компромисс между методами коренных народов и иностранными идеями.

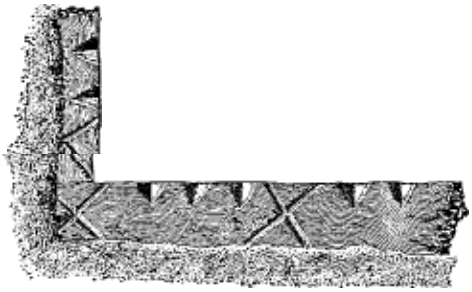


Рис. 88. Резное украшение на грубой оконной раме в Зуни.

Характерной чертой окон Зуни, а также соседнего пуэбло Акома, является использование полупрозрачных плит из селенита толщиной около 1 дюйма и неправильной формы. Иногда встречаются куски длиной около 18 дюймов и шириной 8 или 10 дюймов ( ), но обычно они гораздо меньше и имеют очень неровные очертания. Для окон выбираются куски, которые примерно подходят друг к другу, а в отверстиях в вертикальном положении закрепляются тонкие плоские деревянные планки, которые служат опорой для неровных фрагментов селенита, которые не могли бы удерживаться на месте без такой опоры. Использование оконных проемов в основании стен, вероятно, подсказало идею использования вертикальных палок в качестве опоры для плит селенита, так как в этом положении они были бы особенно полезны, поскольку окна обычно располагались под наклоном, как показано на рис. 89. Подобное остекление также используется в похожих, наклонно пробитых проемах Зуни, которые будут описаны позже.

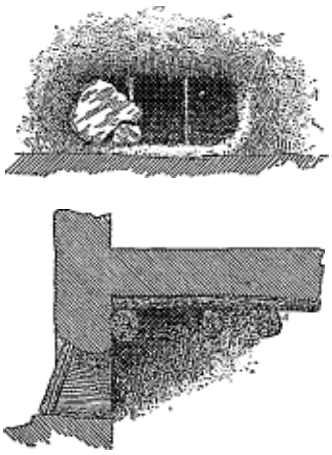


Рис. 89. Наклонное селенитовое окно у основания стены Зуни на верхней террасе.

Селенит, по всей вероятности, не использовался в доиспанские времена. Ни одного примера его использования пока не обнаружено среди руин в регионе, где этот материал встречается и используется в настоящее время. На всей южной и восточной части древнего региона пуэбло, исследованного г-ном А. Ф. Банделиером, где многие остатки находились в очень хорошем состоянии, не было обнаружено ни одного случая использования этого материала. На рис. 90 показано типичное окно из селенита.

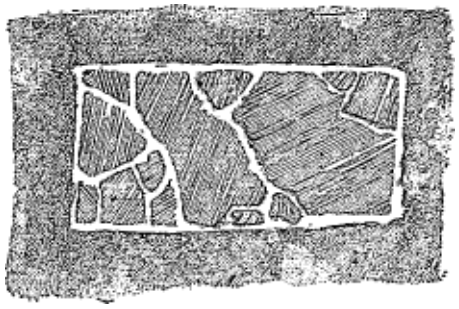


Рис. 90. Окно зуни с остеклением из селенита.

В Зуни некоторые кивы имеют небольшие наружные окна, обрамленные каменными плитами. Вероятно, кивы в течение долгого времени сохраняли методы и практики, которые были вытеснены из строительства жилищ. Однако использование каменных косяков было ограничено небольшими проемами, так как использование таких косяков для больших проемов выходило за рамки механических навыков строителей пуэбло.

На рис. 91 показан способ создания небольших проемов во внешних открытых стенах в Зуни. Каменные рамы встречаются лишь изредка в тех частях деревни, которые, по-видимому, являются более старыми и наименее измененными. Однако в Тусаяне этот метод изготовления оконных рам гораздо более заметен, поскольку там не наблюдается той исключительной скученности, которая оказала такое влияние на строительство в Зуни. Дома в Тусаяне расположены скорее рядами, часто с намеком на большие ограждения, напоминающие дворы древних пуэбло. Ограждения не были затронуты, улицы шире, и в целом более ранние методы, по-видимому, сохранились в более чистом виде, чем в Зуни. Непрерывная внешняя стена высотой в два или три этажа, как и в старых деревнях, пробита на разной высоте небольшими отверстиями, которые не снижают ее эффективность для защиты. Примеры таких отверстий, похожих на бойницы, в Тусаяне можно увидеть на иллюстрациях XXII, XXIII и XXXIX.

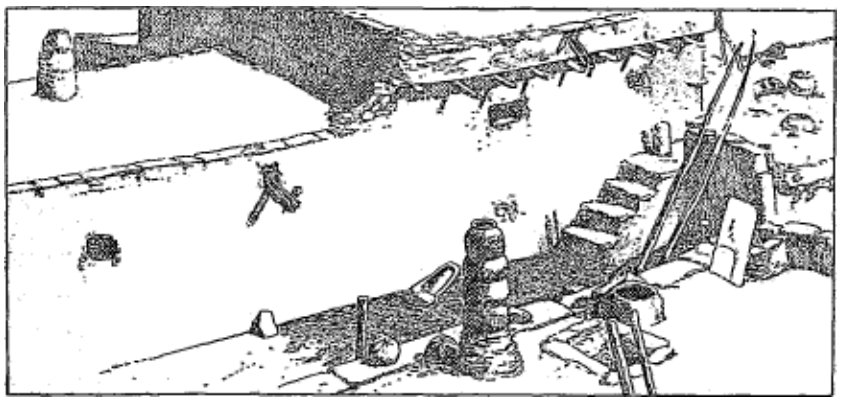


Рис. 91. Небольшие отверстия в задней стене группы домов в Зуни.

В некоторых древних пуэбло такие отверстия были расположены по четкому оборонительным планам и были построены с большой тщательностью. Отверстия такого типа, размером не более 4 дюймов в квадрате, пробиты во внешней стене второго этажа пуэбло Веджеги в каньоне Чако. В пуэбло Кин-тиель (Pl. LXIII) подобные отверстия, похожие на бойницы, были очень искусно построены во внешней стене на закругленном северо-восточном углу пуэбло. Отверстия были проделаны в стене под косым углом, как показано на плане. Два из этих каналообразных бойниц можно увидеть на Pl. LXV. На этом рисунке также показаны тщательно выполненные углы косяков и поверхности трех больших отверстий второго этажа, которые, хотя и сильно подмыты обрушением нижней кладки, все еще удерживаются на месте благодаря сцеплению тонких плоских камней, из которых построена стена.

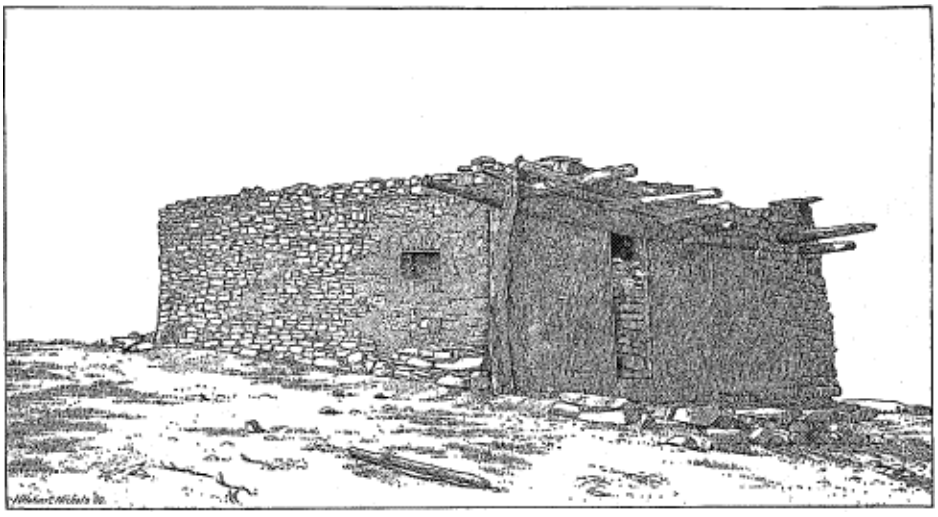


Таблица CVI. Запечатанные проемы в отдельно стоящем доме в Нутрии.

В современных пуэбло часто практикуется запечатывание окон дома каменной кладкой, а иногда и дверей, во время временного отсутствия жильцов, которое часто происходит в сезоны посева и сбора урожая. В такие периоды многие семьи зуни занимают отдаленные сельскохозяйственные пуэбло, такие как Нутрия и Пескадо, а Тусайцы, аналогичным образом, живут в примитивных летних жилищах рядом со своими полями. Такое отсутствие из родного пуэбло часто длится месяц или более. Работа по закрытию отверстия иногда выполняется самым грубым способом, но есть примеры, когда используется тщательно уложенная кладка. Последнюю иногда штукатурят. Иногда уплотнение выполняется с помощью тонкой плиты из песчаника, немного большей, чем отверстие, удерживаемой на месте с помощью глиняной штукатурки или подпертой изнутри по типу «каменного закрытия», описанного ранее. На рис. 92 показаны образцы закрытых отверстий в деревне Хано группы Тусаян. Верхнее окно закрыто одной большой плитой и несколькими небольшими камнями с одной стороны. Каменная кладка, использованная для закрытия нижнего отверстия, практически неотличима от кладки соседних стен. На илл. CVI показано аналогичное закрытие проема в отдельно стоящем доме в Нутрии, жители которого вернулись в родную деревню Зуни по окончании уборочной. В этом случае дверной проем закрыт только частично, оставляя вверху отверстие, похожее на окно ( ), а камни, использованные для этой цели, просто сложены друг на друга без использования глинобитного раствора.

Рис. 92. Запечатанные отверстия в Тусаяне.

Окна и двери, закрытые каменной кладкой, часто встречаются в руинах древних пуэбло, что, возможно, свидетельствует о том, что некоторые из жителей были отсутствующими во время разрушения деревни. Когда большие дверные проемы в верхних внешних стенах были замурованы и заштукатурены таким образом, как в некоторых руинах, цель заключалась в экономии тепла в зимний период, поскольку одеяла или ковры из шкур были недостаточными.

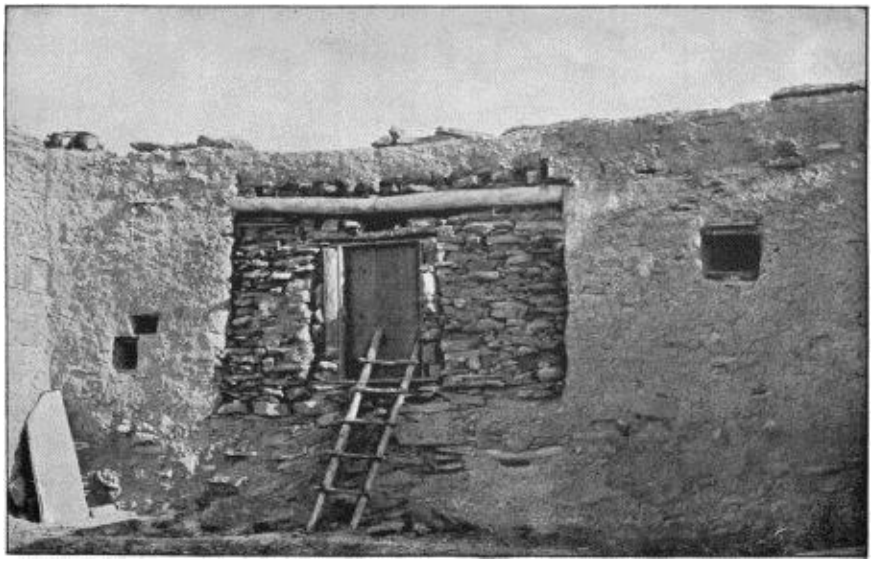


Таблица CVII. Частичное заполнение большого проема в Орайби, превращение его в дверной проем.

Помимо закрытия и повторного открытия дверей и окон, о которых только что говорилось, современные строители пуэбло часто вносят постоянные изменения в такие проемы. Двери часто превращаются в окна, а окна уменьшаются в размерах или увеличиваются, или же новые проемы пробиваются в стенах, по-видимому, с самой большой свободой, так что по их отделке или способу строительства невозможно судить о древности покрытых глиной стен, в которых они находятся. Иногда выветривание поверхности стен, особенно в Зуни, обнажает кусок горизонтальной балки, вмурованной в кладку, перемычку окна, давно замурованного и стертого последовательными слоями глиняной отделки. Вероятно, что многие проемы закрыты так, что на внешней стене не осталось никаких следов их существования. Особенно в Зуни, где первоначальная планировка входов и освещения многих комнат, вероятно, была полностью утрачена в результате плотной застройки более позднего периода, такие изменения очень многочисленны. Часто бывает, что при добавлении новой комнаты закрываются одно или несколько старых окон, и в таких случаях последние часто превращаются во внутренние ниши, которые служат открытыми шкафами. Такие ниши иногда были значительных размеров в старых пуэбло. Изменения в характере проемов довольно распространены во всех пуэбло. Обычно следы таких изменений гораздо более заметны в более грубой и открытой застройке Тусаяна, чем в домах Зуни, отделанных саманными кирпичами. Ил. CVII иллюстрирует большой балконный проем в Ораиби, который был уменьшен до размеров обычной двери путем заделки грубой кладкой. Непосредственно над перемычкой новой двери осталось небольшое окно. На илл. CVIII показаны два больших проема в этой деревне, которые были обработаны примерно таким же образом, но заполнение было проведено более тщательно. Оба этих проема на одном из этапов их уменьшения использовались в качестве дверных проемов, причем правый был снабжен небольшим фрамугой; объединенный проем был полностью расположен внутри большого проема и под его фрамугой. При дальнейшей переделке этого дверного проема в небольшое окно вторая перемычка была заблокирована каменными плитами, установленными на ребро, а небольшое бойнище в верхнем левом углу большого проема также было закрыто. Каменная кладка, заполняющая большой проем слева на этой иллюстрации, не показывает никаких следов перемычки над меньшим дверным проемом. Небольшая бойница в углу этого большого проема все еще остается открытой. Следует отметить, что первоначальные перемычки больших проемов во всех этих случаях были полностью заделаны каменной кладкой.

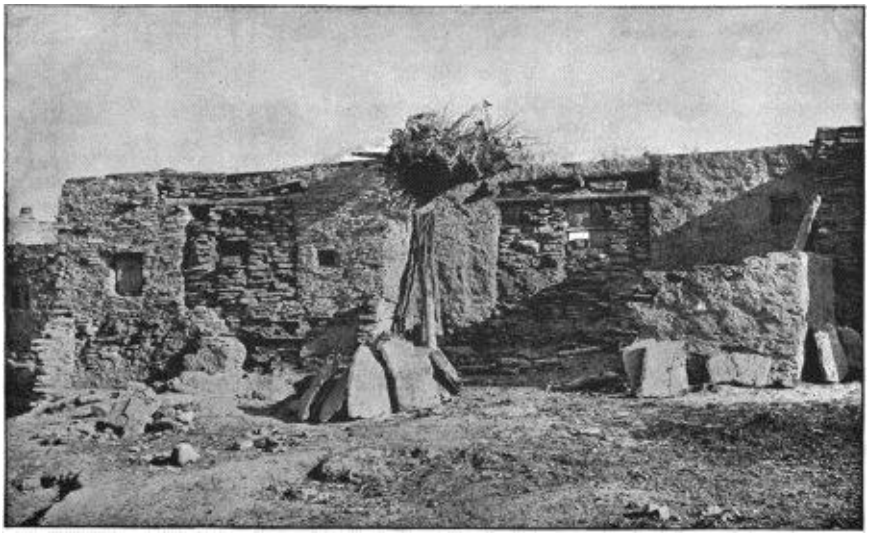


ТАБЛИЦА CVIII. БОЛЬШИЕ ПРОЕМЫ, УМЕНЬШЕННЫЕ ДО НЕБОЛЬШИХ ОКОН, ОРАЙБИ.

Ясность, с которой все этапы постепенного уменьшения этих проемов можно проследить в открытой каменной кладке, резко контрастирует с неясностью таких особенностей в Зуни. Однако в последней

группе иногда встречаются примеры, когда дверной проем был частично закрыт кладкой, оставив достаточно места вверху для окна. Часто в таких случаях засыпанная кладка тоньше, чем соседняя стена, и, следовательно, форму первоначального дверного проема легко проследить. Рис. 93, сделанный на глинобитной стене в Зуни, иллюстрирует это. Входной дверной проем отдельно стоящего дома в Зуни, изображенный на табл. LXXXIII, был аналогичным образом уменьшен в размерах, оставив следы первоначальной формы в виде небольшого смещения. В наше время, как в Тусаяне, так и в Сиболе, изменения в форме и расположении проемов, по-видимому, производились с наибольшей свободой, но в древних пуэбло измененные двери или окна встречаются редко. Первоначальное расположение этих элементов было более тщательно продумано, и здания редко подвергались непредвиденной и нерегулярной перестройке.

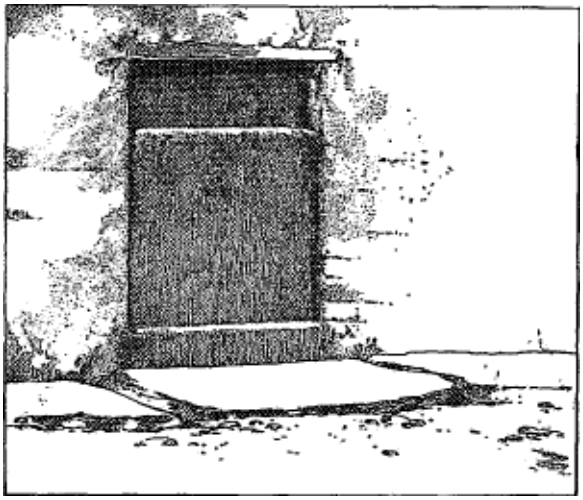


РИС. 93. Дверной проем в Зуни, преобразованный в окно.

Как в древних, так и в современных пуэбло окна, используемые только в качестве таковых, по-видимому, были повсеместно четырехугольными, а выступы и ступени ограничивались исключительно дверными проемами.

ОТКРЫТИЯ В КРЫШЕ.

Граница между отверстиями в крыше и дверями и окнами, за редким исключением, четко обозначена. Происхождение этих отверстий в крыше, которые в настоящее время широко используются, несомненно, связано с простыми люками, которые давали доступ к комнатам первой террасы. На илл. XXXVIII, иллюстрирующей двор Ораиби, на переднем плане показан люк кивы обычной формы, встречающийся в Тусаяне. Здесь разница между входными люками церемониальных комнат и люками, дающими доступ к комнатам первой террасы, невелика; первые в большинстве случаев несколько больше, чтобы в них могли пройти танцоры в костюмах ( ), а люки кива обычно имеют более крутой уклон, соответствующий углу наклона небольшой куполообразной крыши кива, в то время как люки террас домов имеют едва заметный уклон крыш домов, в которых они расположены. Однако в Зуни, где развитие и использование отверстий было доведено до более высокого уровня, люки кива отличаются специальной формой, которая будет описана позже. Изучение планов современных деревень в главах II и III покажет общее распределение отверстий в крышах. Те, которые используются в качестве люков, отличаются большими размерами и во многих случаях наличием лестниц, ведущих в комнаты внизу. Меньшие по размеру отверстия в крыше в своей простейшей форме построены практически так же, как люки, а их ширина обычно регулируется расстоянием между двумя соседними балками крыши. Вторая серия небольших крышных столбов прерывается по бокам отверстия, которые отделываются тщательно уложенными небольшими камнями, так же как и выступающие покрытия. Эта отделка часто проходит на несколько дюймов выше крыши и увенчана узкими каменными плитами, по одной с каждой из

четырех сторон, образуя своего рода раму, которая защищает обмазанные глиной стороны отверстия от воздействия дождя. Примеры этого простого типа можно увидеть на многих рисунках, иллюстрирующих главы II и III, а также на в табл. XCVII. На рис. 94 также показаны распространенные типы крышных проемов, встречающихся в Зуни. Два из примеров на этом рисунке представляют собой проемов, дающих доступ к нижним комнатам. В этом пуэбло иногда встречаются случаи, когда козырек имеет чрезмерную высоту, в результате чего он по своему эффекту немного напоминает квадратную дымовую трубу. На рис. 95 показан пример такой формы.

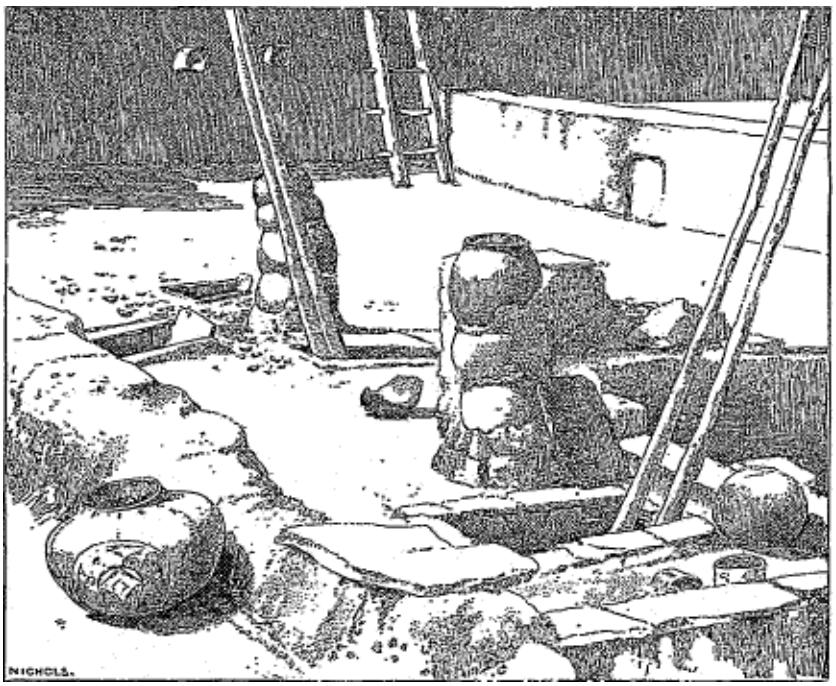


Рис. 94. Отверстия в крышах в Зуни.

В Зуни, где встречаются многочисленные незначительные вариации форм отверстий в крыше, некоторые из них, по-видимому, связаны с водостоком. Они имеют три стороны, увенчанные обычным образом плоскими камнями, но четвертая сторона образована тонкой плитой, установленной на ребро, как показано на рис. 96.

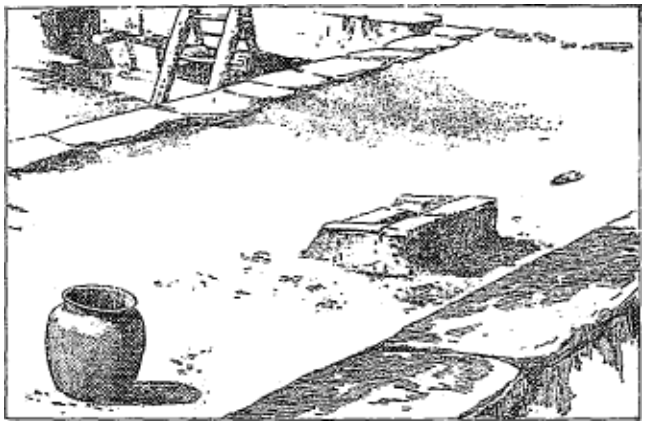


Рис. 95. Отверстие в крыше в Зуни с приподнятым покрытием.

На рис. 94 также представлены два образца этой формы.

Особое назначение этой конструкции в некоторых случаях трудно определить; приподнятый конец во всех примерах на любой крыше всегда имеет одно и то же направление, и во многих случаях его

положение по отношению к водостоку позволяет предположить, что он служит защитой от затопления дождевой водой на слегка наклонной крыше; однако эта связь с водостоком отнюдь не является постоянной. Отверстия в крышах на западной стороне деревни, расположенные в таких местах, где они непосредственно подвергаются воздействию сильных песчаных бурь, которые преобладают здесь в определенные месяцы года ( ), в некоторых случаях, по-видимому, предназначены для защиты от летящего песка. Мы не обнаружили никаких доказательств существования какой-либо фиксированной системы, определяющей расположение этой детали. Во многих случаях эти отверстия снабжены тонкой плитой из песчаника, достаточно большой, чтобы закрыть все отверстие, и используются во время дождя. В ясную погоду они укладываются на крышу, рядом с отверстием, которое они должны закрывать, или лежат под наклоном у верхнего края отверстия, как показано на рис. 97.

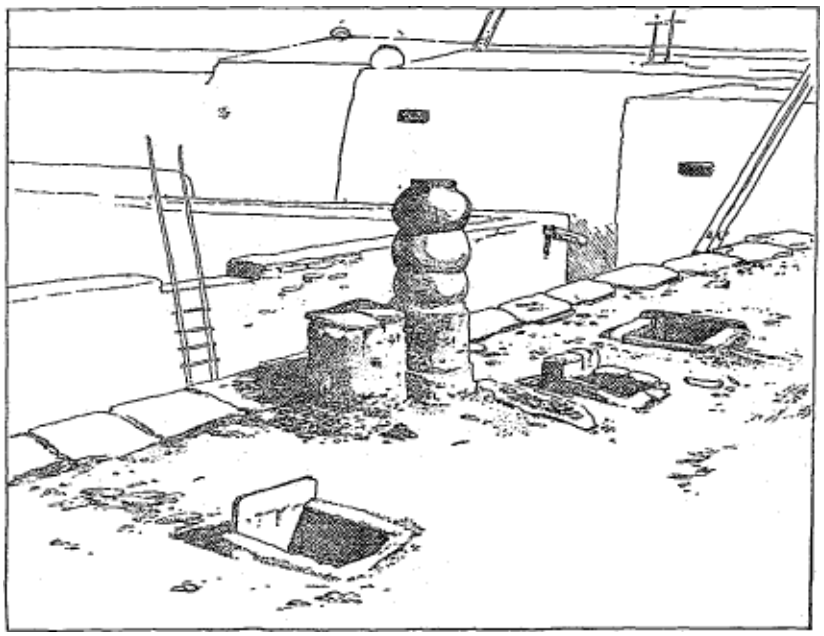


Рис. 96. Отверстия в крыше зуни с одним приподнятым концом.

Когда крышка укладывается на одно из этих отверстий с высокой плитой на одном конце, она имеет крутой уклон, чтобы стекать вода, и в то же время в некоторой степени пропускает свет и воздух, но очень сомнительно, что это является результатом прямого намерения со стороны строителя. Возможное развитие этой крыши-ловушки необычной высоты в примитивную дымовую трубу уже упоминалось в обсуждении дымовых труб. Развитие в этом направлении, возможно, было вызвано желанием отделить доступ по лестнице от неудобного дымохода. Это, должно быть, очень сильно бросалось в глаза индейцам, когда, когда в камине горел огонь, они были вынуждены спускаться по лестнице среди дыма и жара.

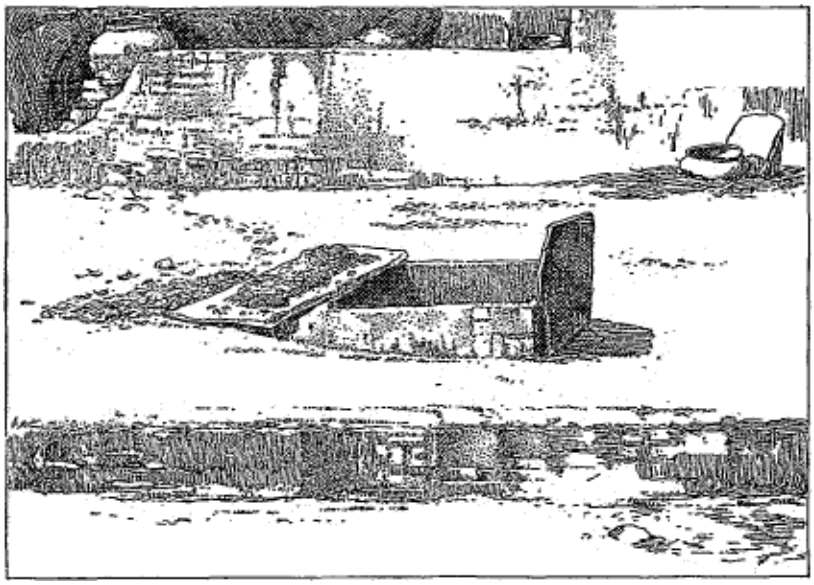


Рис. 97. Крыша с отверстием и крышкой в Зуни.

Сохранение до наших дней такой неудобной конструкции в кивах можно объяснить только сильным консерватизмом этих людей во всем, что касается религии. В небольших дырах в крыше видны методы строительства, которые не были бы столь практичны в более крупных лестничных отверстиях, по образцу которых они были созданы. В последних боковые стороны построены из каменной кладки или сырцового кирпича, но обрамление вокруг них больше похоже на обычные навесы над стенами. Камень, установленный на ребро в небольших отверстиях, построенных для пропуска света, образует приподнятый конец, который никогда не встречается в этих отверстиях. Лестница для доступа опирается на навес.

Когда лестничные отверстия встречаются в связи с кивами, они имеют определенные особенности, отличающие их от обычной формы, используемой в жилищах. В таких случаях отверстие делается большого размера, чтобы в него могли пройти танцоры в костюмах со всей атрибутикой. Эти отверстия в крыше, самые большие из всех, что можно найти в Зуни, обрамлены кусками дерева. Методы крепления кусков на месте несколько различаются в мелких деталях. Вполне вероятно, что недавние примеры, хотя и сохраняют форму и общий вид более ранних, свидетельствуют о том, что строители использовали свои знания об усовершенствованных методах соединения и отделки.

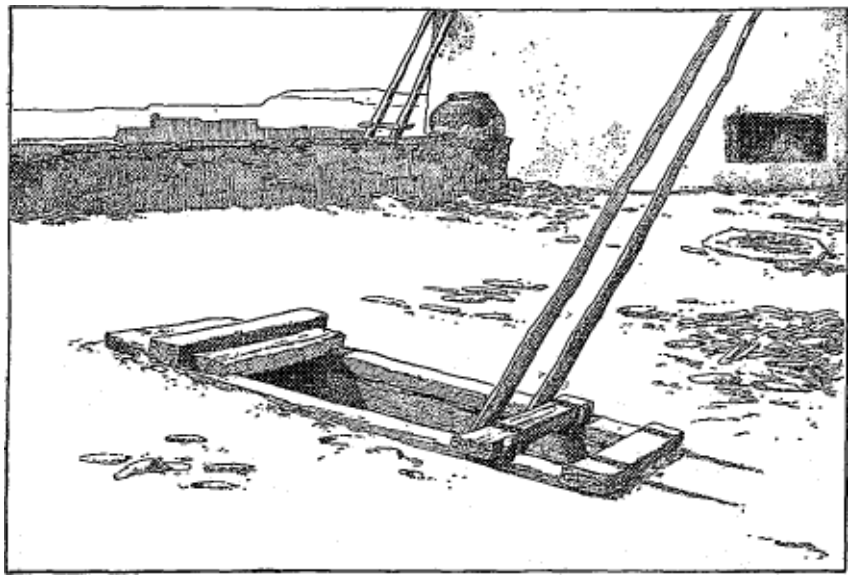


Рис. 98. Люк кивы в Зуни.

Как легко видно из иллюстрации, рис. 98, эта рама, благодаря добавлению поперечной перекладины, делит отверстие неравномерно. Меньшее отверстие расположено непосредственно над камином (который соответствует древнему типу без дымохода и расположен в открытом полу комнаты) и, очевидно, предназначено для выхода дыма. В камере, не имеющей боковых дверей или окон, или, в лучшем случае, очень маленьких квадратных окон, и, следовательно, не имеющей сквозняков, в тихие ночи часто можно увидеть столб дыма и пламени, поднимающийся вертикально от крыши. Другая часть отверстия, содержащая лестницу, используется для входа и выхода. Эта необычная комбинация явно указывает на то, что в недалеком прошлом одно отверстие использовалось для обеих целей, как это до сих пор делается в кивах Тусаяна. Это также указывает на направление, в котором началось разграничение функций, которое в киве было задержано и сдержано консервативными религиозными чувствами, в то время как в гражданской архитектуре оно, возможно, было начальной точкой развития, кульминацией которого стал дымоход, развитие, которое на более поздних этапах было поддержано предложениями из иностранных источников. В более примитивных конструкциях поперечные элементы, по-видимому, просто укладывались без каких-либо вырезов. Центральный элемент удерживается на месте с помощью колышка, вставленного в каждую боковую деталь, а вес и давление лестницы помогают удерживать его. Примитивная конструкция, которую мы здесь видим, была несколько усовершенствована в некоторых других случаях ( ), но не было установлено, были ли они более позднего происхождения или нет.

В наиболее качественных каркасах для входов в кивы брусья «разделены пополам» по методу наших плотников, а соединение дополнительно закреплено штифтом, как показано на рис. 99.

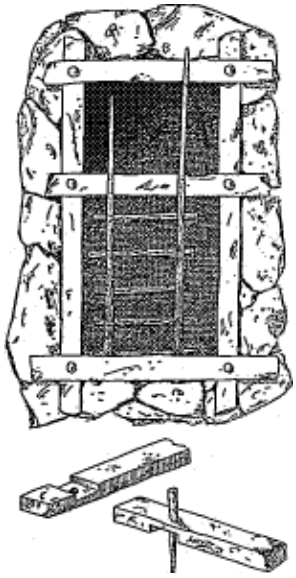


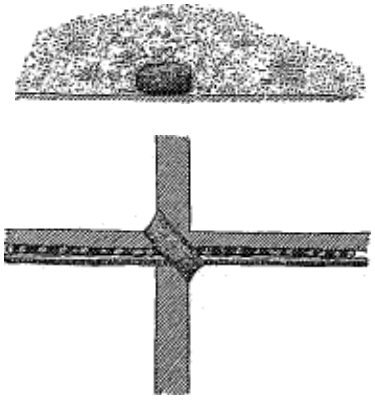
Рис. 99. Расколотая пополам и закрепленная штифтом рама люка кивы зуни.

Использование деревянных рам в этих люках восходит к относительно древним временам и вовсе не является современным нововведением, как можно было бы сначала подумать. Их использование в столь высокоразвитой форме в церемониальной комнате является аргументом в пользу древности. Только два экземпляра были обнаружены г-ном Л. Х. Морганом в разрушенном пуэбло на реке Анимас. «Один из них имел размеры 16 на 17 дюймов, а другой был квадратной формы со стороной 16 дюймов. Каждый из них был сформирован в полу из соединенных между собой кусков дерева. Работа была выполнена аккуратно».[8]

К сожалению, г-н Морган не описывает подробно, каким образом было осуществлено соединение, и были ли куски разрезаны пополам или вырезаны по размеру. Учитывая примитивные средства, которыми располагали древние, вряд ли вероятно, что они взялись за огромный труд по приданию большим кускам дерева таких взаимосвязанных форм. Несомненно, определенная аккуратность отделки могла быть достигнута путем расположения основных балок крыши и небольших столбов, пересекающих их под прямым углом, с обычной для древних строителей тщательностью. Отверстие в крыше кивы, служившее для доступа и выхода дыма, имеет аналог в раскопанных жилищах в горах Сан-Франциско, где одно отверстие служило этой двойной цели. Небольшое углубление или выемка в боковой части входного колодца, очевидно, служила для выхода дыма.

В деревне Акома люки кивы несколько отличаются от формы Зуни. Исследование этой деревни было несколько поспешным, и не было возможности выяснить у индейцев особое назначение принятого способа строительства. Отверстие в крыше разделено, как в Зуни, но часть, к которой прислонена лестница, вместо того, чтобы быть дымоходом, снабжена небольшой крышей. В эти отверстия в крыше церемониальной комнаты входят прямо с улицы, в то время как в жилых комнатах, по-видимому, принято (гораздо чаще, чем в Зуни) входить на нижние этажи через люки в верхних комнатах. Во многих случаях комнаты второго этажа не имеют внешних комнат, а в них входят из комнат выше, в отличие от обычной планировки в Тусаяне и Сиболе. Все шесть кив в этой деревне имеют это своеобразное отверстие.

В Зуни плотное расположение домов привело к исключительно частому использованию мансардных окон и люков. Чтобы обеспечить достаточное освещение внутренних помещений, строителям пришлось проявить большую изобретательность. Отверстие в крыше, которое изначально использовалось только для доступа и освещения первой террасы, как это до сих пор делается в Тусаяне, здесь используется во всех этажах без разбора, в основном для освещения и вентиляции. В больших группах домов неизбежно много темных комнат, что привело к использованию большого количества люков в крыше, более или менее непосредственно смоделированных по образцу обычных люков. Они особенно часто встречаются в больших группах домов деревни, как, например, в доме № 1. Исключительные размеры этого дома и соседнего дома № 4, а также, как следствие, большая доля темных комнат, потребовали от зуни максимальной изобретательности, в результате чего мы видим, что отверстия в крыше здесь приобретают значение, которое не встречается больше нигде.



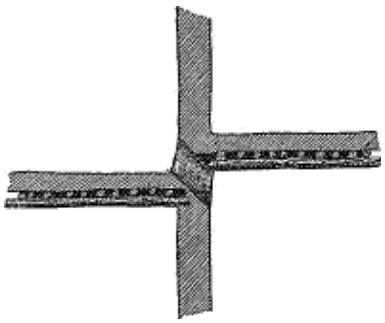


Рис. 100. Типичные сечения косых проемов зуни.

В дополнение к описанным типам отверстий в крыше, плотное скопление домов зуни привело к изобретению любопытного устройства для освещения внутренних комнат, недоступных для обычных внешних отверстий. Оно состоит из отверстия, обычно овальной или почти прямоугольной формы в сечении, расположенного на стыке крыши с вертикальной стеной. Это отверстие проходит по диагонали между кровельными балками, как показано на разрезах, рис. 100, так что свет попадает в комнату именно на стыке потолка и внутренней поверхности стены. При скудных средствах и примитивных методах зуни эта своеобразная конструкция часто была слабой, и отверстия, расположенные так низко в стене, подвергались опасности проникновения воды с крыши. Трудность получения желаемого освещения с помощью этого устройства значительно уменьшалась, когда внешняя крыша была несколько ниже внутреннего потолка.

Эти наклонные отверстия встречаются не только в более крупных группах домов № 1 и № 4, но и в более открытых частях деревни, хотя их нет ни в Акоме, ни в деревнях Тусаяна. Они представляют собой интересный пример переноса и продолжения использования строительного приспособления, разработанного в одном месте в связи с необычными условиями, в новую область, где оно было ненужным, поскольку было менее эффективным и более сложным в применении, чем обычно используемые приспособления.

МЕБЕЛЬ.

У индейцев пуэбло мало домашней мебели в том смысле, в котором этот термин обычно используется, но их дома имеют определенные особенности, которые в той или иной степени воплощены в конструкции дома и отвечают своему назначению. Подвесной шест, служащий вешалкой для обычной одежды, дополнительных одеял, халатов и т. д., уже был описан при рассмотрении интерьеров. Религиозные костюмы и церемониальные принадлежности хранятся более тщательно и убираются в какой-нибудь потайной уголок темных кладовых.

Небольшие ниши в стенах, которые образуются путем закрытия окна тонкой перегородкой и служат в качестве шкафов или ящиков для хранения многих мелких предметов домашнего обихода, также были описаны и проиллюстрированы в связи с интерьером зуни (табл. LXXXVI).

Во многих домах, как в Тусаяне, так и в Сиболе, для более удобного хранения продуктов питания и т. д. сооружаются полки. Они часто строятся очень примитивным образом, особенно в бывшей провинции. Необычно хрупкий пример можно увидеть на рис. 67 в связи с камином. На рис. 101, где показана серия жерновов в доме в Тусаяне, также изображена грубая полка в углу комнаты, поддерживаемая с одного конца вертикальной каменной плитой, а с другого — выступающим деревянным колышком. Иногда встречаются полки из пиленых досок, но, как правило, такие доски считаются слишком ценными, чтобы использовать их таким образом. Более распространенной конструкцией, особенно в Тусаяне, является комбинация из трех или четырех тонких шестов, расположенных рядом друг с другом на расстоянии 2-3 дюймов, образующих грубую полку, на которой хранятся подносы с едой.

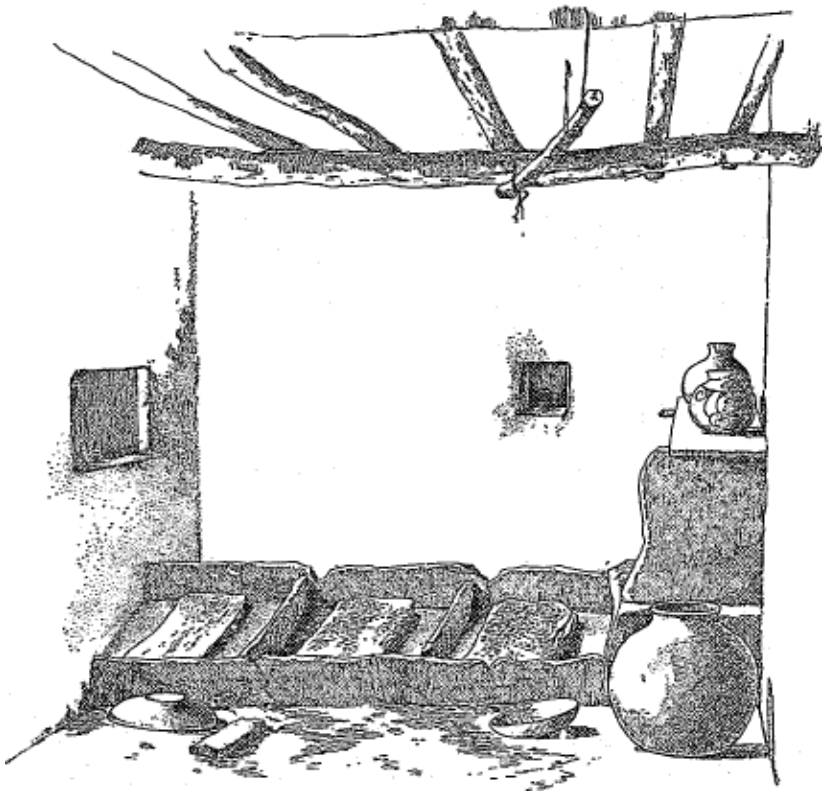


Рис. 101. Расположение камней для помола в доме в Тусаяне.

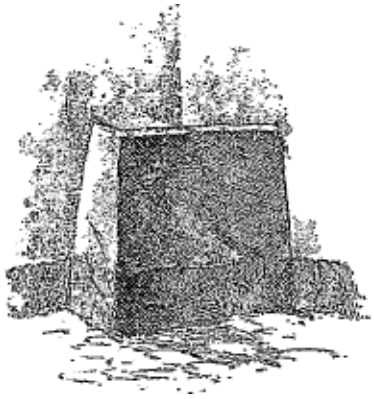


Рис. 102. Зерновой бункер в Тусаяне.

Еще одно устройство для хранения пищи, которое иногда можно увидеть в домах пуэбло, — это карман или ящик, встроенный в угол комнаты. На рис. 101, иллюстрирующем план дома в Тусаяне, показано расположение одного из таких шкафов. Эскиз этого образца показан в Рис. 102. Этот бункер, используемый для хранения бобов, зерна и т. п., образован путем отсечения угла комнаты путем установки двух каменных плит в пол, и он покрыт глиняной штукатуркой, которая простирается по соседним стенам.

Любопытная модификация этого устройства была замечена в одной из внутренних комнат в Зуни, в доме Хосе Пие. Большой глиняный кувшин, по-видимому, обычный сосуд для воды, был встроен в выступающую каменную скамью у угла комнаты таким образом, что его край выступал менее чем на полдюйма над ее поверхностью. Этот кувшин использовался для тех же целей, что и угловой ящик в Тусаяне.

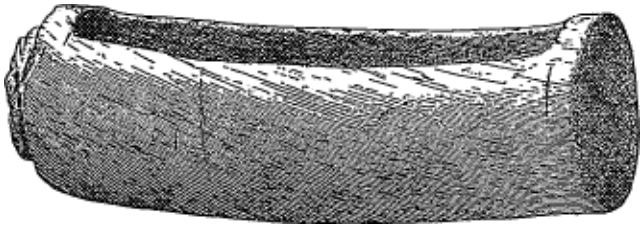


Рис. 103. Ящик для перьев в Зуни.

Некоторые из современных индейцев имеют сундуки или ящики, в которых хранятся их церемониальные одеяла и принадлежности. Конечно, они появились со времен американских досок и ящиков. Однако в Зуни индейцы по-прежнему используют небольшие деревянные сосуды для хранения ценных церемониальных предметов, таких как перья и бусы. Это продолговатые ящики с утопленной крышкой, обычно вырезанные из одного куска дерева. Типичные образцы показаны на рис. 103 и 104. Мастерство, проявленное в изготовлении этих предметов, не выходит за рамки навыков коренных мастеров, и их использование, несомненно, имеет древнюю историю.

Рис. 104. Ящик для перьев зуни.

Пожалуй, самым важным предметом мебели в доме индейцев пуэбло является корыто для помола, в котором находится домашняя мельница. Это корыто обычно содержит три метата разной степени грубости, прочно закрепленные в наклонном положении, наиболее удобном для работников. Оно состоит из тонких плит песчаника, установленных на пол на ребре, аналогичные плиты образуют разделительные перегородки между отсеками. Эта конструкция показана на рис. 105, иллюстрирующем корыто для помола из Тусаяна. Корыта из Зуни имеют ту же форму, как можно видеть на иллюстрации интерьера Зуни, рис. 105. Иногда в недавно построенных экземплярах тонкие ограждающие стенки корыта сделаны из досок. В приведенном примере один конец ряда ограничен доской, а все остальные стены и перегородки сделаны из обычных каменных плит. Сами метаты обычно имеют толщину не более 3 дюймов. Они установлены на камнях и растворе таким образом, чтобы отклоняться от оператора под правильным углом. Такая конструкция жерновов характерна для более плотно сгруппированных общинных домов позднего периода. В более примитивных домах жернов обычно представлял собой один большой кусок пористого базальта или подобной породы, в котором высекалось широкое наклонное углубление и который можно было переносить с места на место. На рис. 106 показан пример такого типа из окрестностей Глоуба, в южной Аризоне. Современная стационарная мельница, несомненно, является преемником более ранней переносной формы, однако она уже использовалась в пуэбло во время первой испанской экспедиции, как показывает следующий отрывок из отчета Кастаньеды[9] о Сиболе. Он говорит, что для помола зерна предназначена специальная комната: «Последняя находится отдельно и содержит печь и три камня, закрепленные в {no para} кладке. Три женщины сидят перед этими камнями;

первая измельчает зерно, вторая растирает его, а третья полностью превращает в порошок». Можно увидеть, насколько точно это описание соответствует как устройству, так и использованию этой мельницы в настоящее время. Совершенство механических устройств и усовершенствование методов, продемонстрированные здесь, кажутся более продвинутыми, чем достижения этого народа в других областях.

Рис. 105. Тусаянская мельничная корыта.

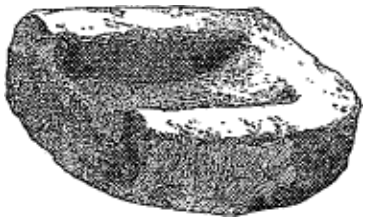


Рис. 106. Древняя форма пуэбло в форме метате.

Жернова мельницы имеют разную степень шероховатости: базальтовые или лавовые используются для первичного измельчения кукурузы, а песчаниковые — для окончательного измельчения на последнем метате из серии. С помощью этих примитивных приспособлений кукурузная мука измельчается так же мелко, как и наша пшеничная мука. В настоящее время используемые жернова всегда плоские, как показано на рис. 105, и отличаются от тех, которые использовались с ранними массивными типами метате, своей цилиндрической формой.

Один конец ряда жерновов обычно примыкает к стене у угла комнаты. В некоторых случаях, когда комната довольно узкая, ряд простирается от стены до стены. Ряды, состоящие из четырех жерновов, которые иногда можно увидеть в Зуни, обычно располагаются именно таким образом. Во всех случаях за жерновами оставляется достаточно места, чтобы женщины могли работать, стоя на коленях. На илл. LXXXVI показана необычная компоновка, в которой четвертый жернов установлен под прямым углом к другим жерновам серии.

В домах зуни и тусаян широко используются ступки. Как правило, они имеют значительные размеры и изготовлены из того же материала, что и более грубые жернова. Их используют для измельчения и перетирания чили или красного перца, который широко используется в пище зуни и распространился среди мексиканцев того же региона. Эти ступки имеют обычные круглые углубления и используются с круглым пестиком или дробилкой, часто имеющими несколько длинную цилиндрическую форму для удобства в обращении.

Части оборудования для ткачества одеял в помещении, которые можно увидеть в некоторых домах пуэбло, можно отнести к категории мебели. Они состоят из устройств для крепления подвижных частей ткацкого станка, которые не нужно описывать в данном контексте. В некоторых домах Тусаяна можно увидеть примеры столбов, вделанных в пол и снабженных отверстиями для вставки

веревок для крепления и натяжения основы, аналогичных тем, которые встроены в полы кива, показанные на рис. 31. В Зуни устройств такого рода не было замечено. Более примитивное приспособление для такой работы встречается в обеих группах пуэбло в виде случайных пней балок или коротких шестов, выступающих из стены на разной высоте. Балки потолка также используются для натяжения основы как при ткачестве одеял, так и при ткачестве ремней.

В обстановке дома пуэбло нет столов и стульев. Едят прямо на каменном полу, и участники трапезы редко имеют другое сиденье, кроме одеяла, которое они носят, свернув или сложив в удобную форму. Иногда встречаются небольшие табуретки, но потребность в таких приспособлениях, по-видимому, не ощущается остро этими индейцами, которые могут часами сидеть в своеобразной позе на корточках, не испытывая видимого дискомфорта. Хотя передвижные стулья или табуретки встречаются редко, почти все жилища оборудованы низкими выступками или скамейками по периметру комнат, которые в более ранние времена, по-видимому, были ограничены кивами. Небольшим усовершенствованием этой фиксированной формы сиденья был каменный блок, использовавшийся в кивах Тусаяна, описанный на стр. 132, который в то же время служил полезной целью при регулировке нитей основы для ткачества одеял.

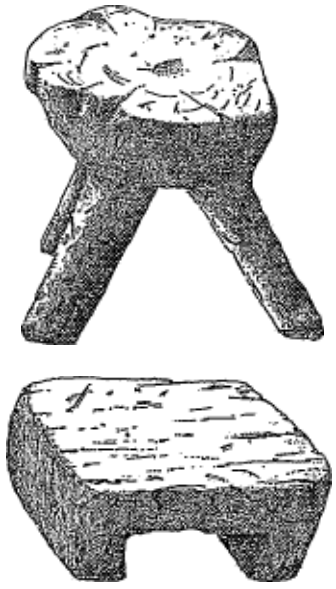


Рис. 107. Табуретки зуни.

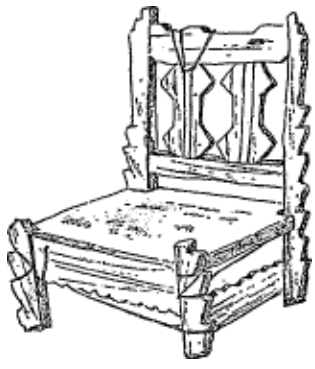


Рис. 108. Стул зуни.

Немногочисленные деревянные табуреты, которые удалось увидеть, отличаются очень примитивным исполнением и, как правило, изготовлены из одного куска дерева. На рис. 107 показаны две формы деревянных табуретов из Зуни. Небольшой трехногий табурет слева вырезан из ствола сосны пиньон таким образом, что в качестве ножек использованы три ветви, на которые разделился основной ствол. Другой табурет, изображенный на рисунке, также вырезан из одного

куска ствола дерева, вес которого был уменьшен путем вырезания одной стороны, оставив два конца для опоры.

На рис. 108 показан любопытный стул современной формы, увиденный в Зуни. Было трудно определить возраст этого экземпляра, так как его шаткое состояние могло быть вызвано как неловким мастерством, так и воздействием времени. Однако, несмотря на грубость исполнения, соединение и вставление различных деталей, из которых состоит этот стул, было далеко за пределами возможностей местных мастеров без посторонней помощи. Здесь был достигнут некоторый декоративный эффект: орнамент, состоящий из выемок и углубленных канавок, очень похож на тот, что изображен на оконной раме на рис. 88, и в некоторой степени напоминает резьбу на испанских балках, которую можно увидеть в кивах Тусаяна. Вся конструкция явно свидетельствует о влиянии испанской культуры.

Даже влияние американцев пока не привело к использованию столов или кроватей среди индейцев пуэбло. Пол отвечает всем целям этих двух полезных предметов мебели. Во время еды блюда с едой ставятся прямо на пол, а ночью одеяла, коврики и овечьи шкуры, которые составляют кровать, расстилаются прямо на нем. В течение дня последние вешаются на ранее описанную и изображенную на рисунке вешалку для одежды.

КОРРАЛЫ И САДЫ.

Введение домашних овец в жизнь пуэбло добавило новый важный элемент в их образ жизни, но, похоже, они так и не пришли к четкому пониманию того, как следует ухаживать за этими животными. Не принимается никаких мер, чтобы отделить баранов, чтобы ягнята рождались в благоприятное время года. Стада состоят из овец и коз, которые могут свободно бегать вместе в любое время. Среди них часто встречаются черные овцы и некоторые с сероватой шерстью. Никаких попыток избавиться от этих темношерстных членов стада не предпринимается, поскольку черная и серая шерсть используется в своем естественном цвете для создания многих узоров и рисунков на одеялах, которые ткут эти люди. Стада обычно загоняют в загоны или ограды каждый вечер и выпускают снова утром, часто довольно поздно. Это, вместе с временем, затрачиваемым на перегон их на пастбище и обратно, дает им гораздо меньше шансов на процветание, чем кочевым навахо. В Тусаяне загоны обычно небольшие и огорожены тонкими стенами из грубого камня. Это можно увидеть на переднем плане на илл. XXI. На илл. CIX изображены несколько загонов недалеко от деревни Машонгнави, построенных по аналогичной схеме, но несколько большего размера. Некоторые загоны в Орайби еще больше по размеру и в этом отношении приближаются к загонам в Сиболе. Загоны в Орайби имеют грубую прямоугольную форму с более или менее закругленными углами и также построены из грубой каменной кладки.

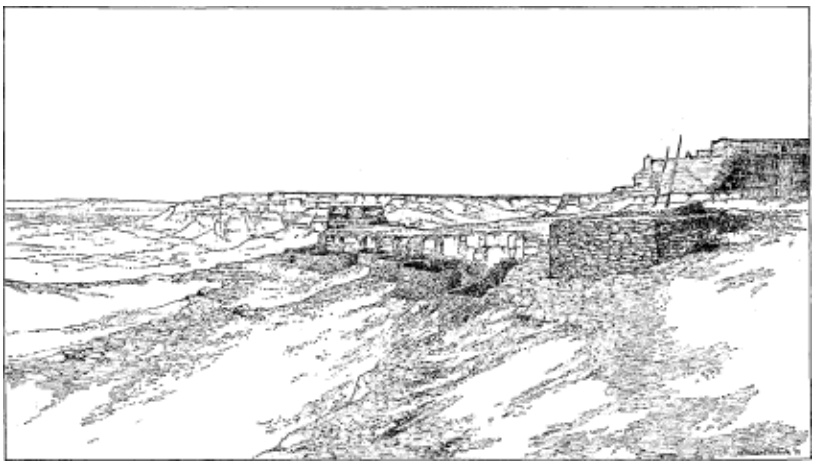


ТАБЛИЦА CIX. КАМЕННЫЕ ЗАГОНЫ И КИВА В МАШОНГНАВИ.

В менее важных деревнях Сиболы камень иногда используется для ограждения загонов, как в Тусаяне, что можно увидеть на табл. LXX, иллюстрирующей ограждение такого рода во дворе фермерского пуэбло Пескадо. Табл. CX подробно иллюстрирует способ, которым каменная кладка сочетается с использованием грубых кольев при строительстве этого ограждения. На пересеченной местности деревень Тусаян загоны располагаются везде, где в скалах встречаются подходящие укромные уголки, но в Зуни, построенном на относительно открытой равнине, они образуют почти сплошной пояс вокруг пуэбло. Здесь они сделаны из кольев и веток, удерживаемых на месте горизонтальными шестами, привязанными полосками сыромятной кожи. Грубо сконструированные ворота поддерживаются естественными развилками в верхней части и по бокам столбов. Часто рядом с этими загонами для овец встречаются один или два небольших загона для ослов или лошадей. Их конструкция идентична описанной выше и очень грубая. Она показана на рис. 109, где видно, как располагаются колья, а также метод крепления горизонтальных связующих элементов. Конструкция этих загонов хрупкая, и опасность опрокидывания кольев давлением изнутри предотвращается с помощью вилообразных раскосов, которые упираются в горизонтальные перекладины, привязанные на высоте 4 или 5 футов от земли. См. иллюстрацию на табл. LXXIV, где показана эта конструкция.

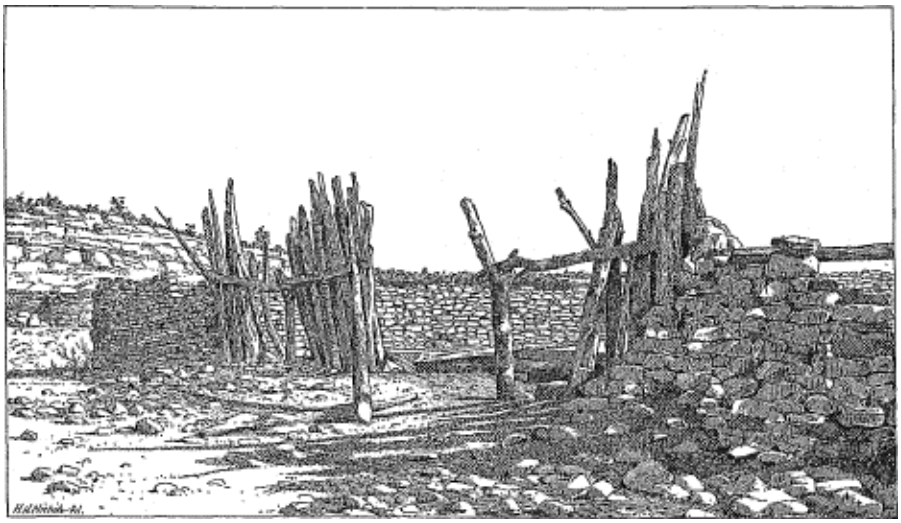


ТАБЛИЦА CX. ЧАСТЬ ЗАГОНА В ПЕСКАДО.

В деревне Зуни иногда можно увидеть ограждения, напоминающие миниатюрные загоны, построенные у домов; они используются в качестве клеток для орлов. В Зуни содержатся несколько таких птиц из-за их оперения, которое высоко ценится для церемониальных целей. На табл. CXI показана одна из таких клеток, построенная частично из тонкой глинобитной стены, а частично из кольев, расположенных как в загонах.

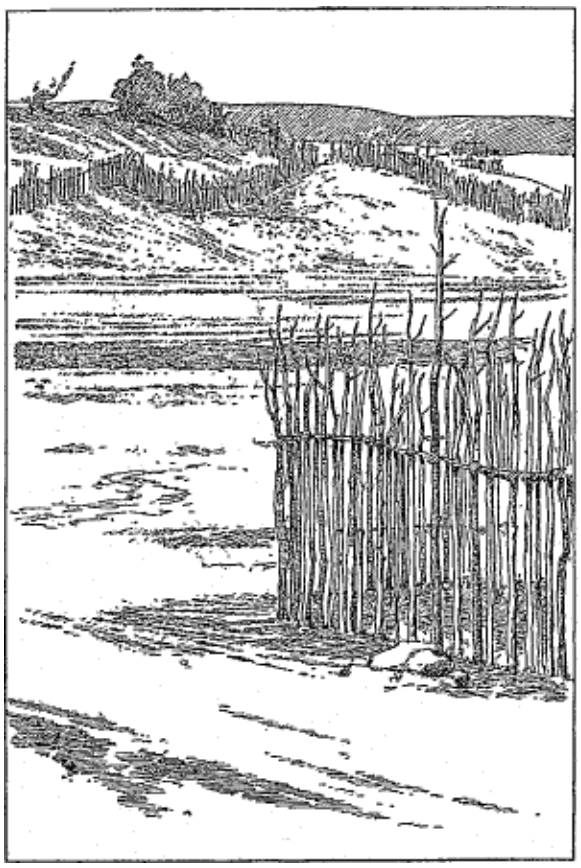


Рис. 109. Строительство загона в Зуни.

В обеих обсуждаемых группах пуэбло часто встречаются небольшие сады, примыкающие к деревням. Сады в Тусаяне обнесены каменной стеной.

В пуэбло Зуни небольшая группа огородных участков огорожена кольями, но большинство огородов в окрестностях главных деревень огорожено невысокими глинобитными стенами. Небольшие террасированные огороды здесь находятся у берега реки на юго-западной и юго-восточной сторонах деревни. Огороженные участки, средний размер которых составляет около 10 футов в квадрате, используются для выращивания красного перца, фасоли и т. д., которые в засушливый сезон поливают вручную. Эти ограждения, расположенные рядом с жилищами, дают вероятное объяснение наличию подобных ограждений, обнаруженных во многих руинах в южной и восточной частях древнего региона пуэбло. Г-н Банделиер был проинформирован пимами[10], что эти ограждения были древними садами. Он пришел к выводу, что, поскольку в непосредственной близости часто встречались асекиас, эти сады, вероятно, использовались в качестве резервов на случай войны, когда большие поля были недоступны, но их расположение в Зуни скорее указывает на то, что они предназначались для выращивания особых культур, таких как перец, бобы, хлопок и, возможно, также различных сортов табака, а кукуруза, дыни, кабачки и т. д. выращивались в других местах на более крупных участках. На берегу ручья в юго-восточном углу Зуни находится большая группа садов, и здесь есть небольшие признаки террасирования. Вторая группа на более крутом склоне в юго-западном углу имеет ярко выраженные террасы. Небольшие огороженные сады, аналогичные этим примерам в Зуни, встречаются в окрестностях некоторых деревень Тусаян на средней мезе. Они расположены рядом с родниками или водоемами, по-видимому, для облегчения полива вручную. В некоторых из них, помимо обычных овощных культур, растет несколько небольших персиковых деревьев. Как правило, эти группы меньше, чем в Зуни, так как в окрестностях родников гораздо меньше места. В одном месте на западной стороне первой мезы, в нескольких милях выше Уолпи, обильный родник служит для орошения довольно обширной серии небольших садовых участков, распределенных по нижним склонам.

ТАБЛИЦА CXI. ОРЛИНАЯ КЛЕТКА В ЗУНИ.

В нескольких местах вокруг Зуни, обычно на большем расстоянии от террасированных садов, находятся поля гораздо большей площади, огороженные аналогичным образом. Их ограждение было необходимо просто для защиты от набегов бродячих ослов, которых в окрестностях деревни было очень много. Когда осенью собирают урожай, в невысокой стене делают несколько проходов и позволяют ослам полакомиться остатками. На илл. LIX показано расположение большой группы огородных участков на юго-восточной стороне Зуни. На рис. 110, сделанном по фотографиям 1873 года, показаны несколько таких небольших огородов с растущими на них культурами и большим полем кукурузы за ними. Качество исполнения огородных стен в сравнении с каменной кладкой домов уже было описано и проиллюстрировано на илл. XC.

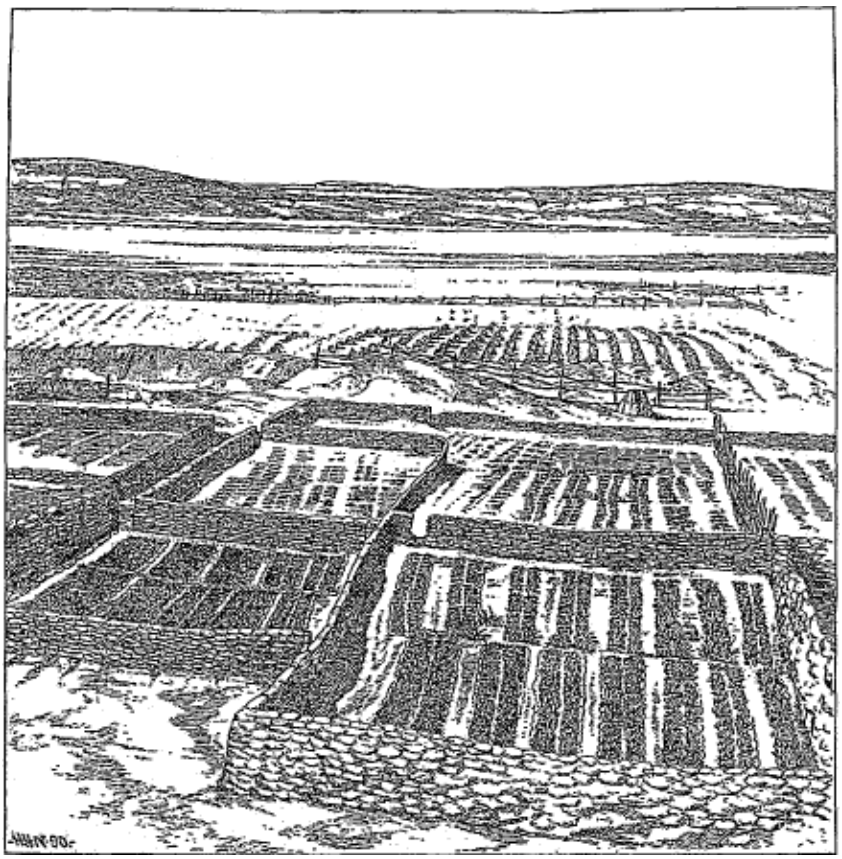


Рис. 110. Сады Зуни.

СТРОИТЕЛЬСТВО «КИСИ».

Легкие укрытия для тех, кто работал на полях, вероятно, были постоянным атрибутом садоводства в пуэбло. Такие укрытия строились из камня или веток, в зависимости от того, какой материал был более доступен.

В очень крутых местностях, таких как Каньон-де-Челли, эти обзорные площадки естественным образом превратились в так называемые жилища на скалах или изолированные укрытия. В Сиболе широко распространены одиночные каменные дома, однако это не исключает более легких конструкций из веток, в то время как в Тусаяне почти исключительно используются эти более легкие формы, которые имеют ряд четко определенных разновидностей. Подробное изучение методов строительства, используемых в этих примитивных укрытиях, было бы весьма интересно, поскольку позволило бы сравнить их как с методами строительства более примитивных соседних племен, так и с методами, применяемыми при строительстве некоторых деталей террасных домов; однако автор не имел возможности исследовать все полевые укрытия, используемые в этих пуэбло. Двумя из наиболее простых типов являются «тувалки», или сторожевые домики, и «кишони», или открытые навесы. Первые строятся следующим образом: сначала в землю втыкается короткая раздвоенная палка, которая поддерживает один конец шеста, а другой конец опирается на землю. Промежуток между этим коньком и землей примерно заполняется наклонными палками и кустарником, а высота закрытого пространства не превышает 3 футов, а максимальная ширина — четыре или пять футов. Эти укрытия предназначены для размещения детей, которые наблюдают за дынными грядками до сбора урожая.

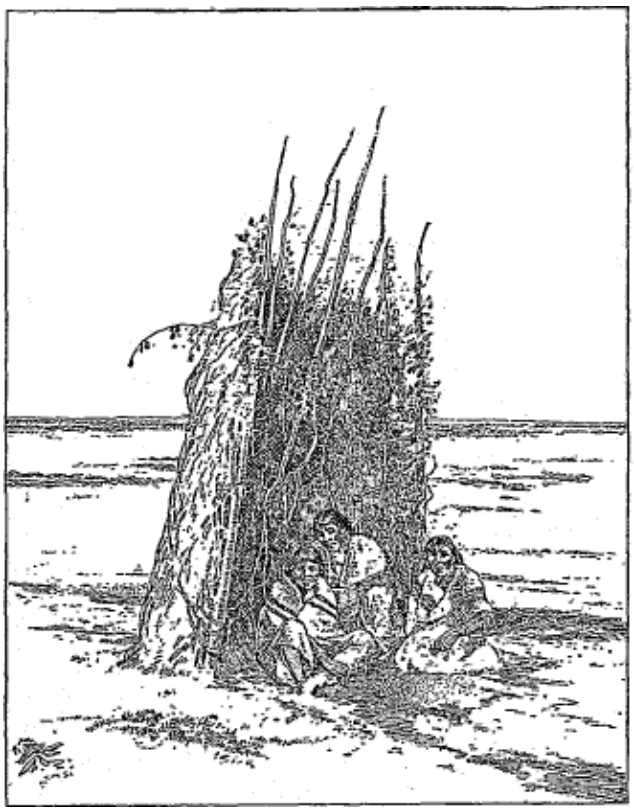


Рис. 111. Кишони, или открытая тень, в Тусаяне.

Кишони, или открытая тень, изображенная на рис. 111, является, пожалуй, самой простой формой укрытия. Десять или двенадцать молодых тополей прочно вбиваются в землю, образуя слегка изогнутое ограждение с выпуклой стороной, обращенной на юг. Ветви тополя и ивы с листьями, жирная древесина, полынь и кроличий куст укладываются стеблями вверх ровными рядами к этим саженцам на высоту 6 или 7 футов. Этот легкий материал удерживается на месте полосками из небольших ветвей тополя, уложенных непрерывными горизонтальными линиями по периметру укрытия, которые прикрепляются к вертикальным саженцам с помощью веток тополя и ивы.

Рис. 112. Полевое укрытие в Тусаяне, вид с юго-запада.

Рис. 112 и 113 иллюстрируют гораздо более сложный полевой укрытие в Тусаяне. Как легко видно из рисунков, это укрытие занимает значительную площадь; также видно, что вертикальные ветки,

окружающие две его стороны, имеют достаточную высоту, чтобы значительно затенять ровную крышу из шестов и кустарника, превращая его в удобное укрытие.

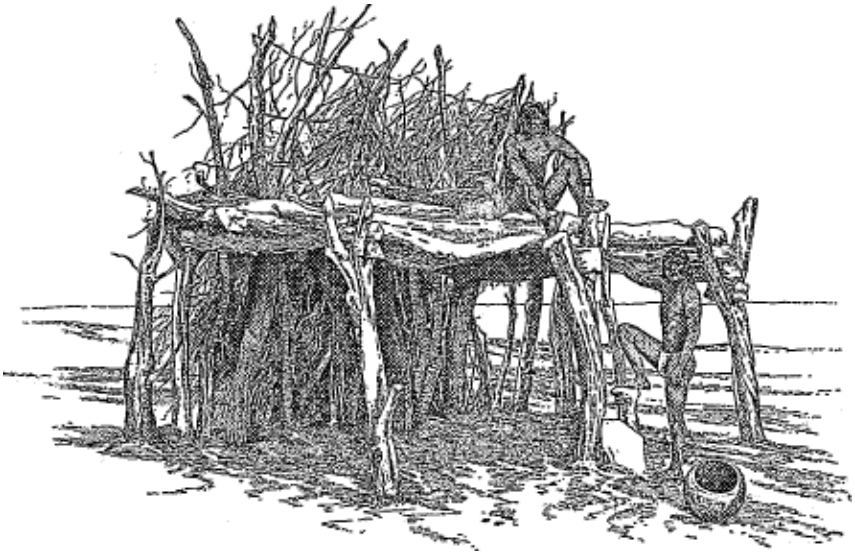


Рис. 113. Полевой укрытие в Тусаяне, вид с северо-востока.

АРХИТЕКТУРНАЯ НОМЕНКЛАТУРА.

Следующая номенклатура, собранная г-ном Стивеном, включает термины, обычно используемые для обозначения конструктивных деталей домов и кива Тусаяна:

Киколи	Комнаты на первом этаже, образующие первую террасу.
Тупуби	Крытая ниша в конце первой террасы ( ).
Ахпаби	
Их´поби	
Тупатка ихпоби	Третья терраса, используемая в общем качестве места для отдыха.
Тумткоби	«Место плоского камня»; небольшие комнаты, в которых пекут «пики», или бумажный хлеб. «Тума» — камень для пики, а «ткок» описывает его плоское положение.
	Крыша террасы.
Тупатка	«Место, где сидишь над головой»; третий этаж.
Оми Ахпаби	Второй этаж; из него всегда открывается дверь на крышу «киколи».
Киткоби	«Самое высокое место»; четвертый этаж.

Туква	Стена.
Пуце	Внешний угол.
Апафукуа	Внутренний угол.
Лестаби	Основные деревянные конструкции крыши.
Винаквапи	Меньшие поперечные столбы. «Винахоя» — маленький столб, и «Квапи» — на месте.
Кахаб квапи	Покрытие из ивы.
Сюиби квапи	Покрытие из кустарника.
Сиху квапи	Покрытие из травы.
Kiam´ balawi	Глиняная штукатурка для покрытия крыши, «Balatle´lewini», наносить.
Tcukat´cvewata	Сухая земля, покрывающая крышу. «Tcuka» — земля, «katuto» — сидеть, и «at´cvewata» — один поверх другого.
Киами	Вся крыша.
Квопку	Камин.
Кви´тцки	«Коптильня», внутренняя вытяжка.
Сибву´тутук´мула	Серия бездонных кувшинов, сложенных друг на друга и соединенных между собой в виде дымохода.
Сибву	Глиняный сосуд без дна, служащий дымоходом.
Бок´ци	Любое небольшое отверстие в стене или крыше, меньшее по размеру, чем дверной проем.
Хитци	Отверстие, например дверной проем. Этот термин также применяется к промежутку в скале.
Хитци Калаувата	Дверная коробка.
Туньяньоата	Перемычка; буквально «то, что удерживает стороны на месте».
Вувукпи	«Ступенька»; порог двери.
Ниньухпи	Ручка; небольшой столбик в дверном проеме под перемычкой.
Панаптка утцпи	Окно; буквально «отверстие,
бокци	закрытое стеклом».
Ут´цпи	Крышка.
Ахпабютпи	
Винаутпи	Дверь. «Апаб» — внутри; «вина» — столб.
Ова утцпи	«Каменная крышка», каменная плита.

Тюика	Выступ в стене комнаты, напоминающий перегородку, как показано на илл. LXXXV. Тот же термин применяется к выступающему уступу в мезе.
Kiam´i	Вся крыша. Основные балки, поперечные брусья и слои крыши имеют те же названия, что и в киве, приведенные ниже.
Винакуи	Выступающие столбы; стропила, выходящие за пределы стен.
Балкакини	«Распространяться»; пол.
O´tcokpü´h	«Выровненный камнями»; приподнятый уровень для фундамента.
Балкакини тюви	«Подоконник»; пол одной комнаты, приподнятый над полом соседней комнаты.
Хакола	«Нижнее место»; пол нижней комнаты. Песчаные дюны в долине называются «Hakolpi».
Колтци	Полка.
Овакольци	Каменная полка.
Тапу куита	Опора для полки.
Wina´koltci	Вытесанная доска для полки.
Кокиюни	Деревянный колышек в стене.
Tületa	Полка, подвешенная к потолку.
Тулетахайпи	Веревки для подвешивания полки.
Тюкульчи	Ниша в стене.
Tükûli	Каменная ступка.
Мата	Полный набор приспособлений для помола кукурузы.
Овамата	Корыто или внешняя рама из каменных плит.
Матаки	Метате или жернова.
Какомта матаки	Самая грубая жерновая плита.
Талаки матаки	Следующая по тонкости плита; от «талаки» — измельчать кукурузу в сосуде на огне.
Пиньнюмта матаки	Стена с самой мелкой текстурой; от «пин», мелкий.
Мата утчи	Вертикальные перегородки, разделяющие метаты. Камни для растирания имеют те же названия, что и метаты.
Хавивита	Каменная лестница.
Tütü´beñ	Лестница, высеченная в скале.
hawi´wita	
Сака	Лестница.
Винахавипи	Деревянные ступени.

Кика	Крытый проход.
Хитцуйива	«Проход»; узкий проход между домами.
Кисомби	«Место, закрытое домами»; дворы и пространства между группами домов.
Бавваквари	Водосточная труба, вставленная в кровельное покрытие.

В номенклатуре кива различные части крыши имеют те же названия, что и соответствующие элементы жилищ. Они описаны на стр. 148-151.

Лестаби	Основные деревянные конструкции крыши.
Винаквапи	Меньшие поперечные балки.
Кахаб квапи	Покрытие из ивы.
Сюиби квапи	Покрытие из кустарника.
Сиху квапи	Покрытие из травы.
Tcuka´tcve wata	Сухой слой земли на крыше.
Kiam´ba´lawi	Слой глиняной штукатурки на крыше.
Киами	Вся крыша.

Следующие термины используются для обозначения различных элементов кива:

Тюпатцайата, лестаби Лестабквапи,	Оба эти термина используются для обозначения балок люка кивы, на которых опираются стены люка.
Сюна´каби ле´стаби	Основные балки крыши, ближайшие к люку.
Ĕр´eoka le´stabi	Основные балки рядом с центральными.
Пюэпэока лестаби	Основные балки, следующие по порядку, и все балки, расположенные между «ereoka» и концевыми балками, обозначаются таким образом.
Калабеока лестаби	Балки на концах кивы.
Матаова	«Камень, уложенный руками».
Хюзрюова	«Твердый камень». Оба последних термина применяются к угловым фундаментным камням.
Ква´ку ут´цпи	Переносная мата из тростника или палок для закрытия люка, рис. 29. «Кваку» — дикое сено; «утепи» — пробка.
Тюпат´кайата	Приподнятый люк; «место для сидения», рис. 95.
Тюпат´кайата тю´ква	Стенки люка.
Кипат´цджуа´та	Дверной проем кивы; отверстие в люк, рис. 28.
Апафоя	Небольшие ниши в стене. «Апап» от «апаби» — внутри, и «хоя» — маленький.
Сипапух	Архаичный термин. Этимология этого слова неизвестна.
Квопкота	Камин. «Квухи» — угли или тлеющие угли; «кюайти» — голова.

Кои´тци	Колышки для сушки топлива, закрепленные под люком. «Ко-ху» — дерево; рис. 28.
Кокуина	Колышки в стенах.
Сака	Лестница. Этот термин применяется к любой лестнице. Рис. 45-47.
Сакалета	Ступеньки лестницы; «Лэта», от «лестаби»; см. выше.
Тюввиби	Поднятая платформа или верхний уровень пола. «Ту-вви», выступ; рис. 24.
Тювви	Каменные выступы по бокам, служащие сиденьями. Этот же термин используется для обозначения любого выступа, например, на плоскогорье и т. д.
Катцин´ Кибю	«Катчина», дом. Ниша в выступе в конце кивы.
Квиса	Доски, вставленные в пол, к которым крепится нижняя балка ткацкого станка для пледов.
Кайтупха	
Кивакани	
Тапу´ву´тци	Вытесанные доски шириной в фут и длиной от 6 до 8 футов, вставленные в пол.
Винавуци	Доска.
Овапухимиата	«Рассыпанный камень»; плиточный пол; также обозначает плиты, покрывающие люк.
Яувиопи.	Камни с отверстиями на концах для удержания балки ткацкого станка во время настройки основы; также используются в качестве сидений; см. стр. 132.

Термины, применяемые к основному этажу; оба означают «большое пространство».

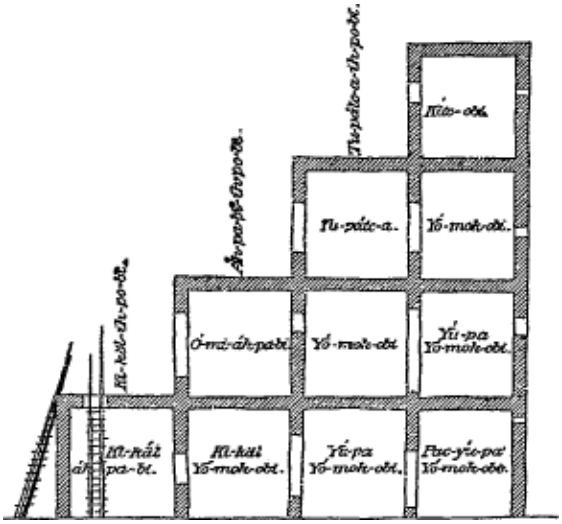


Рис. 114. Схема, показывающая идеальный разрез террас с названиями на языке тусаян.

Прилагаемая схема представляет собой идеальный разрез четырехэтажного дома Тусаян и дает местные названия различных комнат и террас.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Современные деревни Тусаян и Сибола более сильно отличаются по планировке и по отношению к окружающей топографии, чем их предшественники даже исторических времен.

Многие из старых пуэбло обеих групп, по-видимому, принадлежали к типу долинных поселений — деревням значительных размеров, расположенным на открытых равнинах или на склонах невысоких предгорий. Сравнение планов в главах II и III иллюстрирует эти различия. В Тусаяне необходимость обороны заставила строителей выбирать труднодоступные места, так что теперь все заселенные деревни провинции находятся на вершинах мес. Жители долинных пуэбло Сиболы, хотя и были вынуждены в свое время строить свои дома на почти недоступной вершине плоскогорья Таайялана, занимали это место только временно и вскоре основали большое долинное пуэбло, размер и большое население которого обеспечивали ту эффективность обороны, которую тусаянцы получали только за счет строительства на мысах плоскогорья. Это привело к тому, что тусаянцы в некоторой степени придерживались планов деревень своих предков, в то время как в Зуни большие группы домов, образующие крупнейшую пуэбло, заселенную в наше время, демонстрируют значительное отклонение от первобытных типов. В обеих провинциях архитектура отличается от архитектуры других частей региона пуэбло большей нерегулярностью плана и менее искусно выполненными конструктивными деталями; однако каждая группа содержит заметное исключение из этой общей небрежности.

В Сиболе пуэбло Кин-тиель, построенное с непрерывной оборонительным внешней стеной, занимает несколько аномальное положение с архитектурной точки зрения, несмотря на свою традиционную связь с группой, а Огненный дом занимает примерно такое же положение по отношению к Тусаяну. Последний, однако, не нарушает единства группы, поскольку Тусаян, в гораздо большей степени, чем Зуни, состоит из остатков различных групп строителей. Однако в Сиболе некоторые индейцы утверждают, что их предки, прежде чем достичь Зуни, построили ряд пуэбло, руины которых отличаются от тех, что показаны в настоящей статье, наличием круглых кива, поскольку эта форма церемониального помещения, по-видимому, полностью отсутствует в обсуждаемых здесь пуэбло Сиболы.

Жители Сиболы и Тусаяна принадлежат к разным языковым группам, но их искусство очень близко связано, и различия между ними не больше, чем те, которые могли бы возникнуть в результате небольших различий в условиях, существовавших в течение последних нескольких поколений. Зуни, возможно, подверглись более непосредственному влиянию ранних испанцев, чем Тусаян.

Как уже было сказано, церкви были построены в обеих провинциях, но сомнительно, что их наличие произвело какое-либо длительное впечатление на людей. В Тусаяне власть испанцев была очень кратковременной. В некоторых пуэбло церкви, по-видимому, были построены за пределами собственно деревни, где было достаточно места, но попыток вторгнуться в первоначальные закрытые дворы, по-видимому, никогда не предпринималось. Зуни является явным исключением, но все группы домов к востоку от церкви, вероятно, были построены позднее, чем сама церковь, поскольку церковный двор нынешней деревни занимает гораздо большую площадь, чем обычно отводится для двора пуэбло. Эти ранние церкви, как правило, строились из самана, даже в каменных пуэбло. Единственное замеченное исключение — Кетчипауан, где церковь была построена из характерной для индейцев гладко зашпаклеванной кладки. Испанцы обычно навязывали свои собственные методы строительства, вплоть до состава кирпичей, которые почти всегда изготавливались из соломенного самана.

В Тусаяне нет никаких свидетельств того, что церковь или миссионерский дом когда-либо были частью деревень на вершинах мессы. Их планы являются самодостаточными и, вероятно, точно отражают первые пуэбло, построенные на этих местах. Эти вершины были широко заселены только в относительно недавнее время, хотя одна или несколько небольших групп домов, возможно, были построены здесь в ранний период как смотровые площадки над полями в долинах ниже.

Следует отметить, что некоторые руины, традиционно и исторически связанные с Тусаяном и Сиболой, ничем не отличаются от каменных пуэбло, широко распространенных на юго-западных плато, которые время от времени облекались ореолом романтической древности и считались замечательными достижениями цивилизации исчезнувшей, но когда-то могущественной расы. Эти заброшенные каменные дома, расположенные посреди пустынных просторов, сильно воздействовали на воображение первых исследователей, и их разбушевавшаяся фантазия связывала эти руины с «ацтеками» и другими загадочными народами. То, что это раннее предубеждение привело к появлению множества изобретательных теорий о происхождении и исчезновении строителей древних пуэбло, в полной мере подтверждается выводами, к которым пришли многие авторы, писавшие на эту тему.

В связи с архитектурным исследованием некоторых из этих руин было собрано много преданий от современных племен, которые ясно указывают на то, что некоторые из руин деревень и даже жилища в скалах были построены и заселены предками современных индейцев пуэбло, иногда вполне в пределах исторического периода.

Миграции кланов Тусаян, как описано в легендах, собранных г-ном Стивеном, были медленными и утомительными. Во время своих странствий и ожидания благоприятных знамений богов они много раз останавливались и сеяли. Они традиционно говорят о том, что останавливались в определенных местах на своих маршрутах в течение определенного количества «посевов», всегда строили характерные каменные пуэбло, а затем снова продолжали свой поход.

Когда этих индейцев спрашивают, откуда они пришли, их ответы бывают разными и противоречивыми, но это связано с тем, что члены одного клана, например, пришли после долгого ряда странствий с севера, а члены других родов, возможно, пришли последними с востока. Сегодня племя, по-видимому, состоит из совокупности или конфедерации многих ослабленных остатков независимых фратрий и групп, которые когда-то были более многочисленными и могущественными. Некоторые кланы, которые традиционно считались важными, сейчас представлены лишь несколькими выжившими членами и, по всей вероятности, скоро исчезнут. Таким образом, члены каждой фратрии имеют свой собственный запас традиций, связанных с странствиями их предков, которые отличаются от традиций других кланов и относятся к деревням, построенным и заселенным ими. В случае других пуэбло известно, что заселение скальных жилищ и пещерных хижин произошло в исторические времена.

Архитектурные и традиционные свидетельства согласуются в установлении преемственности происхождения от древних пуэбло до современных. Многие общины в настоящее время состоят из более или менее разбросанных, но взаимосвязанных остатков родов, которые в прежние времена занимали деревни, остатки которых сегодня рассматриваются как ранние дома «ацтекских колоний» и т. д.

Адаптация этой архитектуры к особым условиям окружающей среды указывает на то, что она долгое время практиковалась в тех же условиях, которые преобладают и сейчас. Почти все древние пуэбло были построены из песчаника, добытого в естественных карьерах у подножия сотен скал на этих плоскогорьях. Этот камень легко разбивается на мелкие кусочки правильной формы ( ), пригодные для использования в простой кладке пуэбло без какой-либо искусственной обработки. Сами стены создают преувеличенное впечатление отделки благодаря тщательности и аккуратности, с которой укладывались камни. Некоторые иллюстрации в последней главе, взятые из фотографий, ясно показывают, что материал стен был гораздо более грубым, чем можно было бы предположить по

внешнему виду готовой кладки, и что эта отделка зависела от тщательного отбора и расположения фрагментов. Это еще более заметно в руинах Чако, где стены были обработаны до высокой степени отделки поверхности. Основание стены было выложено из более крупных и неровных камней, а затем было приведено в гладкое состояние путем тщательного заполнения и заделки швов более мелкими камнями и фрагментами, иногда толщиной не более четверти дюйма; этот метод до сих пор в общих чертах используется строителями из Тусаяна и Сиболана.

Хотя многие детали конструкции и расположения демонстрируют замечательную адаптацию к физическим особенностям местности, влияние такой среды само по себе не было бы достаточным для создания этого архитектурного типа. Для достижения полученных результатов был необходим еще один элемент. Этим элементом была необходимость обороны. Население пуэбло, вероятно, находилось под более или менее постоянным влиянием этого оборонительного мотива на протяжении всего периода своего проживания на этой территории. Сильная независимая раса людей, которой не нужно было бояться вторжения более сильных врагов, неизбежно подверглась бы большему влиянию физической среды и достигла бы большего прогресса в искусстве строительства, но мотив для строительства прямоугольных комнат — исходная точка в развитии архитектуры пуэбло — не был бы реализован. Скученность множества жилищ на небольшом уступе утеса или другом ограниченном участке, приведшая к прямоугольной форме комнат, скорее всего, была вызвана условиями, навязанными необходимостью обороны.

Общие черты развития этой архитектуры, в которой древние строители были вынуждены максимально эффективно использовать имевшиеся у них материалы, как из-за сложных условий полупустынной среды, так и из-за постоянной необходимости защищаться от соседей, можно проследить на различных этапах ее развития от примитивных конических хижин до ее кульминации в виде больших общинных деревень с многоэтажными террасными зданиями, которые, как мы знаем, использовались во времена испанского открытия и которые до сих пор сохранились в Зуни, возможно, самом ярком современном примере. Тем не менее, различные этапы были результатом простого и прямого использования имеющихся под рукой материалов, в то время как методы постепенно совершенствовались, поскольку частые эксперименты учили строителей более полно использовать местные возможности. Во всех случаях материалы добывались из ближайших доступных источников, и часто различия в качестве готовой работы объясняются различиями в качестве камня, добытого поблизости. Достигнутые результаты свидетельствуют о терпеливом и настойчивом труде древних строителей, но в работе не прослеживается высокого мастерства в строительстве или подготовке материала. Та же самая пустынная среда, которая предоставила древним строителям такое изобилие материалов, также, в силу своего сурового и негостеприимного характера и постоянных колебаний в водоснабжении, вынуждала часто использовать эти материалы. Это было важным фактором, повлиявшим на достигнутый уровень развития строительного искусства. В настоящее время в источниках воды этих засушливых плоскогорий происходят постоянные локальные изменения, в то время как общий характер климата остается неизменным.

Отличительные черты архитектуры пуэбло можно считать результатом оборонительных мотивов и засушливой среды, которая предоставляла обилие подходящего строительного материала, и в то же время климатических условий, которые вынуждали часто его использовать.

Снижение значимости оборонительных мотивов в последние несколько лет оказало большое влияние на современную архитектуру. Даже после того, как длительная практика этой системы привела к ее некоторой стабилизации, относительная безопасность от нападений заставила многих индейцев пуэбло признать неудобство жилищ, сгруппированных в большие скопления на труднодоступных участках, в то время как источники их существования неизбежно разбросаны по обширным территориям. Это заметно в строительстве небольших отдельных домов на расстоянии от основных деревень, где удобство для выращивания урожая, выпаса скота и доступа к воде

перевешивает мотив обороны. В частности, в Сиболе за последние двадцать лет проявилась заметная тенденция в этом направлении; Охо-Кальенте, новейший из сельскохозяйственных пуэбло, является, пожалуй, самым ярким примером в двух провинциях. Повышение безопасности пуэбло по мере того, как страна все больше переходит в руки американцев, также привело к более небрежному строительству в современных примерах по сравнению с древними.

Нет сомнений, что со временем эти люди постепенно откажутся от системы строительства многоэтажных комплексов прямоугольных комнат. В отсутствие оборонительных соображений на смену ей постепенно придет более удобная система, предполагающая строительство небольших разбросанных домов, расположенных рядом с источниками и полями, что станет возвратом к способу строительства, который, вероятно, преобладал в эволюции пуэбло до объединения множества комнат в большие оборонительные деревни. На илл. LXXXIII изображено здание описанного типа, расположенное на окраине Зуни, через реку от главного пуэбло.

По мере продвижения исследований культурные различия между индейцами пуэбло и соседними племенами постепенно становятся менее четкими. Исследование г-на Кушинга, посвященное социальной, политической и религиозной системам Зуни, ясно показало их существенную идентичность в плане уровня культуры с другими племенами. Во многих видах искусства, таких как ткачество, керамика и т. д., эти люди ни в коей мере не превосходят многие племена, которые строят более примитивные жилища.

Однако в архитектуре они далеко опередили своих соседей; многие из используемых приёмов свидетельствуют о в основном примитивном характере этого искусства и демонстрируют, что кажущееся различие в уровне культуры в основном обусловлено исключительными условиями окружающей среды.

Сноски

1. Эта глава составлена Космосом Минделеффом на основе материалов, собранных А. М. Стивеном.

2. Термин, которым индейцы тусаян называют самих себя. Этот термин не включает жителей деревни Тева или Хано, которых называют Ханому.

3. Термин «ясуна», переведенный здесь как «год», имеет довольно неопределенное значение; иногда он означает тринадцать лун, а в других случаях — гораздо более длительные периоды.

4. См. Millstone за апрель 1884 г., Индианаполис, Индиана.

5. Эти два названия являются общими для кивы, в которой собирается орден Змеи и в которой проводятся внутренние церемонии, связанные с танцем Змеи.

6. Продолжение N.A. Ethn., т. 4, Дома и жизнь в доме, стр. 129-131.

7. Пятый годовой отчет Arch. Inst. Am., стр. 74.

8. Contributions to N.A. Ethnology, vol. 4. House Life, etc., p. 182.

9. . Приведено W. W. H. Davis в El Gringo, стр. 119.

10. Пятый годовой отчет Археологического института Америки, стр. 92.

УКАЗАТЕЛЬ

Следующий частичный указатель относится конкретно к данной статье. Указатель для всего восьмого годового отчета включен в Указатель.

A

Акома, прибытие Асанюму в 30
направление кива 116
люки кива в 207
кирпич, использование в Тусаяне 54, 78
использование в Зуни, приписываемое иностранному влиянию 139
необходимость защиты от дождя 156
используется в испанских церквях 224
Кирпичные шары, используемые в садовых стенах 146
Кирпичи из сырцового кирпича в церкви Хавикут 81
используются современные в Зуни 138
Раствор из сырцового кирпича, в сооружениях Таайалана 90
Использование в Сиболе и Тусаяне, сравнение 137
Стены из сырцового кирпича на каменном фундаменте в Моенкопи 78
Айкока. См. Акома 30

Айяхокви, потомки Аса в Зуни 30
Аллея, Хавику 81
Алтарь, соответствие его направления киве 116
Андирон, Шумопави 176
Кольцевой проем 192, 193
Апачи, вторжение в Тусаян 25, 26, 35
разоблачение южной части Сиболы 96
Архитектурная номенклатура 220, 223
Архитектура, сравнение конструктивных деталей Тусаяна и Сиболы 100, 223
адаптация к обороне 226, 227
адаптация к окружающей среде 225, 226, 227, 228
Искусство, текстиль и керамика, степень развития Пуэбло в 227
Искусство Сиболы и Тусаяна тесно связано 224
Аса, миграции 30, 31
язык 37
дома, Хано 61
Асанюму. См. Аса.

Аватуби, обзор 14
Испанская миссия, основанная в 22
когда и кем построена 29
поселение Аса в 30
атаковано валпи 34
описание руин 49, 50
владение овцами 50
глиняные трубки, используемые в качестве водостоков на крышах в 155
фрагменты проходной стены в 181
Ацтеки, разрушенные сооружения, приписываемые 225

в

Люди-барсуки покидают Валпи 31
Бахо, использование в церемониях освящения кива 119, 120, 129, 130
Балкон, с выемками и террасами 187
Строительство из каменных блоков 145
Банделиер, А.Ф., описание дымохода 173
исследования 197
о древних каменных ограждениях 216
Домик для летучих мышей, описание руин 52
Батни, первое поселение народа змеелюдов из Тусаяна 18
Кровати, не используемые пуэбло 214
Балки, кива Тусаяна, взятые из испанской церкви в Шумопави 76
для поддержки верхних стен 144
современная отделка 149
строительство ступеней на 162
для поддержки стены прохода 181
пуэбло Чако, как квадратные 184
Медвежьи люди, поселение в Тусаяне 20, 26
переселение в Валпи 21, 27

перемещения 27, 30, 31, 38
Люди с медвежьими шкурами, поселение в Тусаяне 26, 27
Скамейки или выступы из каменной кладки, комнаты зуни 110
кива Тусаяна 121, 123, 125
Машонгнави мунквива 127
вокруг комнат домов пуэбло 213
Ящики для хранения в комнатах Тусаяна 109, 209, 210
Одеяла, которые раньше использовались для закрытия дверных проемов 182, 188, 189, 194
Народ синих соек, поселение в Тусаяне 26, 27
Камни Бонд, использовавшиеся в стенах пуэбло 144, 198
Босс, или подставка для дров, Шумопави 176
Граница, Хано и Сичумови 36
Пограничный знак, Шумопави и Орайби 28
Ящики для перьев 210
Современные кирпичи из сырцового кирпича в Зуни 138
Использование щетки при строительстве крыши 150
Укрытия из веток 217–219
Погребальные обычаи коренных жителей Киакима 86
Погребальные ограждения в Киакиме 147
Место захоронения в Зуни 148
Люди-суслики, поселение в Тусаяне 26
Баттресс, ранее из Халоны, проживающие в Зуни 88, 89
Выступы Баттресс, Зуни 111
Комнаты Тусаян 109, 110
балки, поддерживаемые 144
поддерживаемые дымоходом 172, 173
опора крыш проходов 181

С

Клетки для орлов в Зуни 214
Каньон де Челли, предлагаемое исследование руин 14
Тусаян, традиции, связанные с деревнями 19
раннего заселения Медвежьим народом в Тусаяне 20
заселены Аса 30
использование побелки в домах на скалах в 74, 145
круглые кивы 117, 133
отделка крыш домов 150, 151
описание и изображение дверного проема 190
наскальные жилища 217
Каса-Бланка, следы побелки в 145
Рассказ Кастаньеды о мельнице в Сиболане 211, 212
Введение скота в Тусаян 22
Пещерные жилища, занятые в исторические времена 225
Пещера, использовавшаяся жителями Кваитуки 57
План потолка кивы Шупаулови 123, 125, 126
Потолки, сохранение первоначального вида комнат благодаря отсутствию ремонта 89
Подвалы, не используемые в Тусаяне и Сиболе 143

Церемониальная комната. См. Кива.

Церемониальные принадлежности Тусаяна, захваченные навахо 50
Церемонии, связанные со строительством домов в Тусаяне 100, 104, 168
Церемонии, сопровождающие строительство кивы 115, 118
Церемонии, проводимые при установке лестниц зуни 160
Руины Чако, характер 14, 70
по сравнению с Кин-тиелем 92
завершение кладки 140, 226
перегородки верхнего этажа, поддерживаемые балками 144
отделка деревянных конструкций 149, 184
симметрия расположения наружных проемов 195
щели в стенах 198
Стул современной формы в Зуни 213
Стулья, отсутствие в домах Пуэбло 212
Чалове, описание 83
Обугленные балки крыши кивы в Тусаяне 120
Дымоход. См. Камин.

Дымовые колпаки, как они устроены 169, 175
Дымоходы, следы в Киакиме 85
остатки в Мацаки 86
Тусаян 102
Зуни 111
описано и проиллюстрировано 167, 180
Пуэбло Чукуби, построенное народом сквош 25
описание 58, 59
фрагменты проходной стены в 181
Церковь, Шумопави, основанная испанскими монахами 75, 76
Хавикух 81, 138
Кетчипауан, руины 81, 82
в суде Зуни 98, 138, 148
См. Миссия.

Церкви, основанные в Зуни и Тусаяне 224
Сибола, руины и заселенные деревни 80, 99
архитектура, сравнимая с архитектурой Тусаяна 100, 223
См. Зуни.

Круглый вход в Кин-тиель, описанный 192
Круглые кивы, древность 116

традиционные упоминания 135
отсутствуют в пуэбло Сиболана 224
Круглая комната в Ораиби-Уош 54, 55
Круглые комнаты в Кин-тиеле 93
Круглая стена кивы возле Сикятки 117
Глиняная поверхность крыш пуэбло 151
Глиняные трубы, используемые в качестве водостоков 155
Скальные жилища, Моен-копи 54
использование побелки 74
отсутствие дымоходов в 168
развился из временных укрытий 217
заселены в исторические времена 225
Климатические условия, их влияние на архитектуру пуэбло 140, 227
Скопление руин Таайялана 89, 90
Кочити считается бывшим пуэбло тева 37
Коммунальная деревня, развитие архитектуры пуэбло от конических хижин до 226
освящение кива 129
Контуры, представленные на планах, интервал 45
Приготовление пищи по методу пуэбло 164
Описание ям для приготовления пищи и печей 162, 166, 176, 177
Камни для приготовления пищи в Тусаяне, пламя 104
Описание покрытий стен 151, 152
Облицовка люков 203
Облицовка. См. «Облицовка крыши».

Шнуры, используемые для подвешивания дымохода 170
Угловые камни кива Тусаяна 119
Загоны, Паюпки 59
Сичумови 62, 63
Хавику 81
Кетчипауан 81
современный, в Киакиме 85
как построено 146
подробное описание 214, 217
Хлопок, выращиваемый тусаянами 33
Кортс, Мишиптога 52
Кваитуки 56
Чукуби 59
Сичумови 62
Валпи 63
Машонгнави 68
Шупаулови 71
Шумопави 74
Хавику 81
Кетчипауан 81
Мацаки 86
Таайялана 90

Кин-тиел 92
Пескадо 95
Зуни 98
Покрытый путь, насколько развит 76
Описаны крытые проходы и ворота 180, 182
Койоты, поселение в Тусаяне 26
Кива Койотов, направление 116
Поперечины, используемые для крепления деревянных дверей 183
Поперечины лестниц 159
Крузате, посещение Аватуби 49
Культура племен пуэбло, степень 227
Кушинг, Фрэнк Х., идентифицирует Киакиму как место смерти Эстеванико 86
раскопки в Халоне 88, 193
мнение о западной стене Халоны 89
мнение о распределении руин Таайяланы 89, 90
о прежнем заселении Кин-тиеляна 92
Халуа, идентифицированная как один из семи городов Сиболы 97
о традиции зуни, касающейся каменного закрытия 192

D

Подиум кива 121, 122, 123
Танцевальная церемония в киве освящение 130
Танцевальный камень, Тусаян, отсылка к танцу змеи 65
Обломки, как указано в планах руин 45
указание первоначальной высоты стен 90
Отделка, проемы в доме 145, 146
Кровля кивы 119, 120
поперечины лестницы 159
балки крыши 123, 124
стена дома Машонгави 146
деревянный стул 213
оконные рамы Зуни 196
Оленьи рога, используемые в качестве колышков в Зуни 111
Защита, стена для, в Бат-Хаусе 52
Мотив выбора места для жилища 56
архитектура, на которую полагаются 58
метод, Паюпки 59, 60
не является фактором при выборе места для Машонгнави 67
особенности, в Охо-Кальенте 69
стена для, в Пуэбло Бонито 70
особенности, в Тусаяне и Зуни, сравнение 76
места, выбранные для, неудобные для источников существования 77
использование церкви Кельчипауан для, коренными жителями 82
мотив оккупации плато Таайялана 90
предоставление для, в Кин-ти 92, 93
провизия для, в церкви Кетчипауан 96
причина исчезновения в Зуни 96, 97
эффективность, в Зуни 97
не является мотивом при выборе места для Зуни 97

установлены ворота 180, 182
щели для 198
адаптация архитектуры к 225
Двери в комнаты первого этажа Зуни 143
Двери различных земель, описанных 183, 194
Дверной проем, кива Валпи, закрытый доской из тополя 64
Кин-тиел 93
расположение в Тусаяне 103
ступенчатая форма в Тусаяне 109
как защищен от вторжения 110
окно и дымоход в одном 121
кольцевой 193
дверные проемы, закрытые кладкой 183, 187, 188, 189
почему сделаны маленькими 197
Дренаж крыши, соотношение определенных отверстий в крыше с 203, 204
описание водостоков крыш 153, 156
Водостоки. См. водостоки крыши.

E

Клетки для орлов в Зуни 214
Люди-орлы, легенда о миграции 28
Земли, используемая в строительстве крыш пуэбло 150
Отсутствие карнизов в домах Тусаяна 102
описание камина в пещере Эхо 168
Входы, однородность направления, в кивах Зуни 116
Окружающая среда, адаптация архитектуры к 225, 226, 227, 228
Смерть Эстеванико в Киакиме 86
Эстуфа. См. Кива.

F

Семьи, проживающие в Ораиби 105, 108
Перспективы сельского хозяйства, Мацаки используется в качестве 86
около Кин-тиеля 93
Сельскохозяйственные пуэбло, Сибола 14
Моен-копи 77
Нутрия 94, 95
Пескадо 95, 96
Охо Калиенте 96
Зуни 198
Крепления дверей 186
Использование перьев в церемониях постройки домов 101, 102
Перьевая палочка или бахо, используемая в церемониях постройки кивы 119, 120, 129, 130
Ограды загонов и садов 215, 217
Фетиши, где они размещались во время церемонии кива 122

Кивы Тусаяна 130, 131
Огненные гены, Тебугкиху, построенные 57
Пожарная часть или Тебугкиху, Тусаян 20, 57, 100, 142, 224
Пожарные Тусаяна, миграция 20
Огнища 102, 109, 121, 125, 163, 167–180
Пол, дом Машонгнави 109
каменные плиты, Тусаян кива 121
песчаниковые плиты, кива Шупаулови 123
Полы в зданиях пуэбло, описаны различные виды 121, 135, 148–151
Народная сказка зуни, описывающая каменное закрытие 193
Жертвоприношения пищи при строительстве домов в Тусаяне 101, 102
Крепостные дома — высший тип постройки пуэбло 77
Рамы люков, способ изготовления 206
Остекление окон, способ 196–198
Топливо, как хранится в Тусаяне 103
Топливо, используемое в кивах 121
Топливо кива, где хранится 124
Описание мебели пуэбло 208–214

G

Сады и загоны пуэбло 214–217
Сады и садовые стены 215–217
Садовые стены, как они построены 146
Ворота в Аватуби 49
Косяки ворот в Кин-тиеле, отделка 181
Ворота, вероятное существование в Кин-тиеле 93
Ворота и крытые проходы, описанные 180–182
Ворота загонов 214
Миф о сотворении мира у тусаянцев 16
Генты Тусаян, группировка домов по 24
распределение земли по 29
список традиционных 38
локализация 104–108
Балки, поддерживающие верхние стены 144
Дома Тусаяна, поддерживаемые опорами 151
Стекло, используемое в современных окнах Пуэбло 193
Остекление окон Пуэбло 196, 197
Козья кива в Валпи, высота 119
Тыква, используемая в качестве водостока 154, 155
Использование травы при строительстве крыш 150
Вероятное существование могил в Кин-тиеле 93
Надгробия в Киакиме 85, 86, 147
Гресвуд, обычное топливо для кивы 121
Жернова. См. Метате; Измельчение.

План помещения Машонгнави 108
Кива Шупаулови 125

Сравнение планов Зуни и Тусаяна 76
деревень на плато, расположенных под влиянием преобладающих ветров 182
Печь гайаве или пики 173, 175
Гярзоби или Парокет кива, кровельные балки 120
Гипс, используемый в качестве побелки 73, 74, 172

н

Парикмахерское дело среди тусаянцев 37
Халона, описание 88, 89
остатки ядра Зуни 97, 98
стены ядра современного Зуни 138
каменный, близкий к, описанный 193
«Разделение пополам» брусьев в ловушках кива 206
Хампассаван, описание 83, 85
Ручки, вырезанные в скалах 191
Ручки в рамах люков 192
Хано, группа Аса занимает место 30
описание 61, 62
направление кива 115
кива, право собственности на 134
кивы, список 136
грубый трансом над балкой крыши в 187
запечатанные отверстия в 199
Народ хано, продолжительность пребывания в Тусаяне 35
полученные Тусаяном 36
проблемы между Уолпи и 37
Ханому, жителями Хано 17
определение 36
Традиции Хано, касающиеся поселения в Тусаяне 35
Время сбора урожая, как оно определяется в Зуни 148
Люки в домах пуэбло 110, 120, 121, 124, 127
Хавикух, описание 80, 81
Церковь Хавику, прочность каменной кладки 138
Юго-западная археологическая экспедиция Хеменвея, раскопки в Халоне 193
Люди из высоких домов, клан навахо 30
Шарнирные створки не используются в Зуни 196
Петли дверей в Пуэбло 184
Ходж, Ф. Уэбб, о каменном закрытии Халоны 193
Холмс, Уильям Х., о руинах Сан-Хуана 147
Хомолоби, древняя родина народов Солнца и Воды 29
легенда народа Воды о 31
Хопитух, коренное название Тусаян 17
Хопитух брак в пределах фратрий и родов 24
Хорн-Хаус, описание руин 50, 51
Легенда о миграции народа рогатых 18
раннее поселение в Тусаяне 19
Обряды строительства домов в Тусаяне 100, 104
Группы домов в Зуни, расположение 98
Хунго Павие, отделка крыш в 150

I

Внутренняя планировка пуэбло 108, 111
Описание интерьера дома в Зуни 110
Орошение садов возле Валпи 217

J

Джексон, У. Х., о руинах Сан-Хуана 147
фотографии руин пуэбло, сделанные 147
описывает камин в пещере Эхо 168
Крупная банка для хранения 210
Банки, используемые при строительстве дымоходов 180
Группа руин Джедито 52, 53
Описание печи Джемез 165

K

Каэкиби, древний пуэбло 30
Кайваика. См. Лагуна 30
Капунг. См. Санта-Клара 37
Качина-кива Ораиби 135
Народ качина покидает Ораиби и отправляется в восточные деревни Тусаяна 26, 27
Качинкиху, появление в разрушенной киве недалеко от Сикятки 117
описание 121, 123
кива Шупаулови 126
Машонгуави мунквива 127
Котите. См. Кочити.

Церковь Кетчипауан, построенная из камня 224
Кетчипауан, описание 81, 83
Киаини. См. «Люди из высоких домов» 30
Киакима, описание 85, 86
вертикальные каменные плиты в 147
Комнаты Киколи, занимаемые зимой 103, 104, 131
Кин-тиель, описание 91, 94
по сравнению с нутрией 94
по сравнению с Пескадо 96
план, заранее согласованный 100
по сравнению с Орайби 114
наличие вертикальной каменной плиты в 147, 148
балки руин 149
верхней комнаты, вымощенной камнем 151
камин в комнате 163, 168
оборонительные ворота у 181
Кин-тиель, отделка косяков ворот в 181
круглый проем в, описание 192, 193
отверстия на, одинаковой высоты 194
место 224

Кисакоби, описание пуэбло 21
Кишони, или открытая тень 217, 218
конструкция «Киси» 217, 219
Китдауви — песня о доме Тусаяна 118, 119
Кива, исследование конструкции 14
остатки, в Паюпки 60
Машонгнави 66
Моэн-копи 78
происхождение названия 111
древняя форма 116, 117
местное объяснение положения 118
обязанностей мунгви, или вождя 133
владения 133, 134
мотив строительства 134, 135
значение структурного плана 135
измерения 136
люки 201, 202, 205, 207
отверстия, в Акоме 207
См. Мункива.

Кивас, раскопанные в Аватуби 50
Хано 61
Сичумови 62
Валпи 63, 64, 65
Шупаулови 72
Шумопави 74
Сравнение Кин-тиеля и Сиболы 93
Зуни, где находились во время испанской оккупации 99
в Тусаяне 111, 137
типовые планы 118, 129
размеры 118, 136
размеры 118, 136
ежегодно ремонтируемые женщинами 129
использование 130
номенклатура 130, 223, 223
Тусаян, список 136
неиспользование дымоходов в 178
Зуни, каменные оконные рамы 197
круглые, отсутствуют в пуэбло Сиболан 224
Кваитуки, описание руин 56, 57
Квалаквай, традиция Хано, связанная с 35
Кветкап Тутви, второе поселение народа змей из Тусаяна 18

L

Лестницы, расположение в киве Тусаяна 121
удаление перекладин для предотвращения использования 113
значение положения в кивах 135
описание 156, 162

террасса второго этажа Тусаяна, доступная в основном через 182
отверстия для, в крышах 205
Лагуна, прибытие Асанюму в 30
Лаленкобаки, женское общество Тусаяна 134
Распределение земли по родам в Тусаяне 29
Язык аса и хано из Тусаяна 37
Языки тусаян, традиции, касающиеся различий в 36
различий в руинах Лас-Анимас, рамы люков в 206
Защелки дверей 186, 187
Защелки, используемые на дверях в Зуни 183
Решетки или плетение стен кива 126
Выступы кладки в кивах 121
Выступы или скамейки вокруг комнат 213
Ленбаки, общество Тусаян 18
Освещение, способ введения, во внутренних комнатах 207
Освещение, метод, в густонаселенных частях Зуни 99
Перемычки старых окон, встроенные в каменную кладку 200
Ящерицы покидают Уолпи 31, 38
Замок и ключ из дерева, как сделаны 187
Принадлежности ткацкого станка 212
Стойки ткацких станков кивас 128, 129, 132
Отверстия в виде лазеек в зданиях пуэбло 127, 198

м

Мамзрантики, женское общество Орайби 134
Описание и изображение лестницы манданов 158
Марикопа, миф народа воды Тусаян о 32
Брак Хопитух в рамках фратрий и родов 24
Машонгнави, происхождение названия 26
поселение народов Парокет и Качина в 27
поселение народа Воды в 32
описание руин 48
возраст каменной кладки в 66
описание 66, 70
план помещения 108
направление кива 115
описание подиума кивы в 122
список кива в 136
украшение стен в 146
лестница с выемками 157, 158
печи пи-гумми в 163, 164
святилища 167
вытяжки 170, 171
камин на втором этаже в 174
дверной проем с фрамугой на 190
загоны из грубой каменной кладки на 214
См. Старый Машонгнави.

Каменная кладка, древняя, в Нутрии 94
Охо Калиенте небрежно построенный 96
внешний вид кива 114
Каменная кладка Пуэбло Бонито, мастерство проявлено в 195
Маты для закрытия люков кива 127, 128
Мацаки, описание 86
символ солнца в 148
Еда, вотивная, используемая при строительстве домов в пуэбло 101
Корыто для помола. См. «Мельница».

Метате, используемое в качестве водостока на крыше 154, 155
Метаты, или жернова, как они располагаются в домах пуэбло 109, 110, 210, 211
Миграция, ее влияние на архитектуру пуэбло 15
Миграция тусаянцев 17
Миграция тусаянцев, народа воды 31, 32
Миграция народа Хорн 18, 19
Миграция народа Медведи из Тусаяна 20
Миграция Асаньму из Тусаяна 30
Жернова в домах пуэбло 109, 210, 212
Минделефф, Космос, благодарности 14, 15
о традиционной истории Тусаяна 16, 41
Минделефф, Виктор, статья об архитектуре пуэбло 3, 228
Мишиптога, описание руин 52, 53
Миссионерские здания Шумопави 27, 75, 76
Миссионерский дом в Валпи, его бревна использованы в киве Валпи 119
Миссии Тусаяна 22, 49
Моэн-копи исследован и изучен 14
описание руин 53, 54
описание деревни 77
Люди-кроты, поселение в Тусаяне 27
руинах каньона Монтесума, использование больших каменных блоков в 147
Памятник, обозначающий границу Ораиби и Шумопави 28
Морган, Л.Х., Лестница манданов, описанная 158
на рамах люков в руинах Лас-Анимас 205
Сравнение зданий мормонов и пуэбло 148
Влияние мормонов на развитие Моенкопи 77
Создание шерстяной фабрики в Моэнкопи мормонами 78
форт, построенный в Моэн-Копи 184
устройство замка и ключа 187
Раствор из глины 137
Растворы, используемые в домах пуэбло 212
Дверь с пазовым соединением в доме в Зуни 110, 186
Пещера мумий, Аризона, руины в 64
отделка крыш в руинах 150
Мунгкива, Машонгнави 127
из Шупаулови 113, 122
Тусаян 134

N

Намбе, пуэбло тева 37
Навахо, Аса из Тусаяна живут среди 30
хижинах, закрытых одеялами 189
метод выпаса овец по сравнению с Пуэбло 214
Нельсон, Э. В., могилы, раскопанные 86
сбор камней-закрышек 193
Ниши, использование в кивах 121, 122
Ниши, образованные в старых оконных проемах 110, 200, 208, 209
Номенклатура конструктивных деталей Тусаяна 220, 223
Нуми. См. Намбе.

Бруски с выемками, используемые в качестве лестниц 157, 158
Нутрия, по сравнению с Кин-тиелем 91
описание 91, 95
Нуваяума, старая традиция машонгнави, связанная с 47, 48
Нувватикюоби кива 120

O

Дубовый курган кива, Тусаян, упадок членства в 135
Оке. См. Сан-Хуан.

Охо Калиенте, современная деревня 54, 96, 97
щелеватые стены 142
Старый Машонгнави, традиция, касающаяся оккупации 47, 48
Открытые, раскрытые, в церкви Кетчипауан 82
стен зданий Таайялана 90
Стены Кин-тиель 92, 93
косой Зуни 98, 207, 208
к кивам 113, 114
в стене кивы зуни 114
в подветренных стенах 182
Отверстия в домах пуэбло, обложенные белой штукатуркой 145, 146
Ораиби, переселение жителей Сикятки в 24
отправка народов кетчина и парокет из 27
поселение Медведей 27
традиции, касающиеся первого заселения 27
поселения Водяных людей в 33
столкновении между валпи и 35
описание 76, 77
семьи, занимающие 105, 108
направление кива 115, 116
редкое использование штукатурки на внешних стенах 144
Ораиби, описаны и изображены лестницы с выемками 157, 158
каменные ступени, с иллюстрацией 161

Стены загона, выложенные без раствора 147
распределение родов 104, 105
кива для женщин 134
список кива 137
кива, люк 201
загоны у, большие размеры 214
Пограничный камень Ораиби-Шумопави 28
Ораиби-Уош, руины на 54, 56
Ориентация кива 115, 116
Печи в Пескадо 95
на крышах 151
описаны различные виды 162, 166
в Зуни 164, 165
Описаны и изображены сооружения в форме печи 167
Поверхность печи, покрытая керамическими чешуйками 139

P

Росписи на стенах кивы 131
Палат Киваби, первозданная среда обитания народа Сквош и Солнце из Тусаяна 25, 29
Двери с панелями в современных пуэбло 184, 186
Параллелограммная форма зданий Тусаяна 102, 118
Народ парокет, поселение в Шумопави 37
Перегородки в церкви Кетчипауан 82
Перегородки верхнего этажа, поддерживаемые балками 144
Проходы, Шупаулови 72
Шумопави 74
редкость, в Ораиби 76
описание 180, 182
Мощение кивы Шупаулови 126
Брусчатка пола кивы, как закончена 125
Паюпки, традиция, касающаяся пуэбло 40
легенда о миграции 40
описание 59, 60
завершение кладки 143
фрагменты проходной стены в 181
Персики, посаженные народом Аса 30
Колышки, оленьи рога, используемые в качестве колышков, в Зуни 111
Колышки для подвешивания топлива для кивы 121
Пенья-Бланка, ранее заселенная хано 35
Пеньяско Бланко, местонахождение вертикальной каменной плиты в 148
метод устройства кровли на 150
Пескадо по сравнению с Кин-тиелем 91
описание 95, 96
Стены загона, как они построены 147
наружные ступени 160
печи, описание и изображение 165, 166
фрагмент камня рядом с лестницей 193
каменное ограждение во дворе 214
Пестики или дробилки, используемые с ступками Пуэбло 212

Петроглиф или символ солнца в Мацаки 86
Церковь Кетчипауан 82
Легенда Тусаяна о 32
Фратрии, Тусаян 24, 38
Пиктограмма на пограничном монументе Орайби-Шумопави 28
Каменные опоры для поддержки балок 15
Опоры. См. Контрфорсы.

Печи Пи-гумми из Машонгнави 163
Печь Пики или Гайаве 173–175
Камень пики, процесс изготовления 175
Пима, миф народа воды Тусаян о 32
мнением о древних каменных ограждениях 216
Пинава, описание 86, 88
Сосна неизменно использовалась для изготовления лестниц к киве 135
Розовая глина, используемая в украшении домов 146
Ямы для приготовления пищи 163
План деревень, традиционное упоминание о 104
Планы и описания, руины Тусаяна 45–60
населенные деревни 61–79
развалины Чиболана 80
деревни Зуни 94–99
План домов в пуэбло обычно не заранее согласовывается 100–162
Время посадки, как оно определяется в Зуни 148
Штукатурка, ее частое обновление в Шумопави 73
Штукатурка, ремонт комнат путем частого 89
на внешних стенах в Охо-Калиенте 96
традиция, ранее соблюдавшаяся в 102
на полу в Машонгнави 109
стены кивы 115
Кива Шупаулови, состояние 124–125
Шупаулови кива 126
на стенах 140
на каменной кладке 144
вытяжки 169, 172
боковое отверстие двери для крепления 183–184
Платформа в полу кивы Тусаян 121
Платформа у подножия лестницы 161–162
Площадь. См. «Двор».

Ящики для перьев 210
Плюмовая палочка, бахо или перьевая палочка, используемая в церемониях освящения кива 119–120, 129, 130
Храмы с перьевыми палочками в Машонгнави 167
Похоак, пуэбло тева 37
Поквади. См. Похоак 37

Полака, традиция Хано, переданная 35
Поляками для подвешивания одеял и т. д. 110, 189, 208, 214
Понби кива из Ораиби, обрешетка стены из 126
Население, расширение пуэбло, вызванное ростом 70
Колонны веранды 81, 82
Посове, бывшее поселение тева 37
Столбы веранды, остатки, в Хавику и Кетчипауане 81, 82
Столбы, вбитые в пол, составляющие часть ткацкого станка 212
Горшки, использовавшиеся при строительстве дымохода 179, 180
Фрагменты керамики, руины дома Хорн 5
Кваитуки 57
развалины на русле реки Орайби 55
используется в глинобитных стенах 139
Керамика Паюпки, характерная особенность 60
Птичник Сичумови 167
Молитвенное перо, или бахо, используемое в церемониях освящения кивы 119, 120, 129, 130
Опоры, используемые для крепления деревянных дверей 183
Архитектура пуэбло, исследование Виктора Минделеффа 8, 228
Пуэбло Бонито, дополнения к 70
самая большая из исследованных 92
отделка крыши 150
описание лестницы 160
симметрия расположения внешних проемов 195
навык, продемонстрированный в кладке 195
здания Пуэбло, способ добавления к 70, 97, 98, 102, 148, 149
Строительство Пуэбло в Тусаяне и Сиболе, детали 137, 223
Пуэбло-Гранде. См. Кин-тиел.

Открытия Пуэбло, небрежность при размещении 196
Остатки пуэбло, территория, занятая 13
Восстание пуэбло 1680 года 89
Сравнение пуэбло Тусаян и Сибола 80
Пуэбло, заселенные 61, 79, 94, 99
Пирамидальная форма рядов домов пуэбло 61

R

Шкуры кроликов, используемые для покрытия дверных проемов 182, 194
Вешалки для одежды 208, 214
Ремешок из сыромятной кожи, используемый в строительстве пуэбло для закрепления замка 186, 187, 214
Прямоугольные кивы, древность 116
Прямоугольные комнаты, как развивались 226
Прямоугольный тип архитектуры 72
Камыши, используемые для обшивки кивы 126
Ремонт домов в Тусаяне проводится нечасто 73
Водохранилища, пуэбло 82, 83, 91, 92, 97
Местоположение водохранилища как фактор, влияющий на выбор места 51, 52

для жилья
Восстание пуэбло в 1680 году 23
Обряды и методы строительства кива в Тусаяне 118, 137
Обряды строительства домов в Тусаяне 100, 104
Ритуал бобов, описание дымохода 173
Строительство крыш, здания пуэбло 120, 149
Кровельное покрытие домов Тусаяна 102
Водосточные желоба, здания пуэбло 102, 153, 156
Крышные проемы, здания пуэбло 61, 63, 77, 98, 169, 178, 201, 208
Крыши, здания пуэбло 63, 102, 119, 148, 151
Кровельные балки кива 119
Комнаты, расположение в рядах в Тусаяне 49
беспорядочное расположение в Валпи 63
Руины Таайялана, расположение 90
круговое, в Кин-тиеле 93
Тусаян, меньше, чем в Зуни 108
названия, в Тусаяне 223
Ряды домов, образующие Шумопави 74
Руины, метод обследования 45
Руины, Тусаян 45, 60
между Хорн-Хаусом и Бэт-Хаусом 51
Орайби-Уош 54, 56
Чибола 80
Таайялана 89
Ступени лестницы, как прикреплены 158, 159

s

Жертвоприношения еды при строительстве дома в Тусаяне 101, 102
Сандалии из юкки, найденные в Каньоне де Челли 133
Песчаник, используемый в строительстве пуэбло, как добывается 225
Сан-Фелипе, возвращение Паюпки в 41
Сан-Хуан, пуэбло тева 37
Санта-Клара, вероятно, отождествляется с Капунгом 37
Санто-Доминго, поселение Асанюму 30
Пояс грубой конструкции в оконных проемах 196
Уплотнение дверных проемов зданий пуэбло 110, 183, 184, 198, 201
Каменные сиденья в кивах Тусаяна 132
Селенит, используемый в окнах пуэбло 196, 197
Полуподземные кивы Тусаяна 113
Семь городов Сибола. См. Сибола.

Овцы, завезенные в Тусаян 22
принадлежащие племени аватаби 50
введение среди пуэбло 214
пуэбло Шитайму 28, 48, 49
Убежища в полях пуэбло 60, 198, 217, 219
Полки, здания пуэбло 109, 173, 209

Святилище, Мацаки 86
двор Шупаулови 71
двор Шумопави 75
Таайялана 90
Святилища, пуэбло 72, 148, 167
Шумопави, испанская миссия, основанная в 22
кем построена 27
переселение части народа медведей из 27
описание 73, 76
кива 113, 114, 137
примитивный айрон в 176
камень пики в 176
камин и дымоход 176, 177
земляная яма для приготовления пищи 178
Пограничный камень Шумопави-Ораиби 28
Переселение жителей Шумопави на плато 23
Шупаулови, поселение народов Парокет и Кетчина в 27
когда будет основано 29
поселение народа Медведь в 30
поселение водных людей в 32
описание 71, 73
мунгива, описание 113
направление кива 115
описание подиума кивы 123
планы пола и потолка кивы 125
список кива 136
описание дымохода в 171, 172
проход в, описание 181
Сичумови, заселенный народами из Валпи 31
происхождение термина 38
описание 62, 63
направление кива 115
право собственности на киву 134
список кива 136
птичник 167
камин и каминная полка 173
камень пики у 175
Сикятки, руины 20, 21
пуэбло 24
древняя кива рядом с 117
Спор народа сикятки с валпи 24
убиты валпи 25
Пороги дверей 110, 186, 194
Сиоки. См. Зуни 30
Сипапух, кива Тусаян 117, 121, 122, 123, 126, 130, 131, 135
Местонахождение зданий пуэбло, причины выбора 63, 66, 90, 97, 112, 223
Каменные плиты в архитектуре пуэбло 147
Рабство среди тусаянцев 41
Оспа, распространенная в Тусаяне 38, 134

Дым выходит через отверстия в крыше и фрамуги 189, 204, 206, 207
Танец змеи, связь танца-скалы с 65
Змеиный народ, первые жители региона Тусаян 17
Строительство современного Уолпи 23
Снег, использование в качестве источника водоснабжения племенем зуни 91
Испанцы, раннее посещение Тусаяна 21, 22
Влияние испанской власти на чистоту типа кива племени зуни 112
Испанские балки в кивах Тусаяна 119, 123, 124, 125, 126
Испанские церкви в пуэбло, Хавикук 81, 82, 138
Испанское влияние в Зуни и Тусаяне 169, 180, 196, 213, 224
Испанские миссии, основанные в Тусаяне 22
Люди-пауки, поселение в Тусаяне 27
Описание и изображение брызгающих камней 155, 156
Раскрытые отверстия в церкви Кетчипауан 82
Люди-сквош, поселение в Тусаяне 25
Колья, использовавшиеся при строительстве каменных стен 147
Стивен, А. М., материалы по традиционной истории Тусаяна, собранные 16, 41
мнение об архитектурных особенностях Валпи 72
благодарность 100
о распределении родов Орайби 104, 105
об ориентации кива Тусаяна 115
об обнаружении древнего типа кивы возле Сикятки 117
типичные размеры кивы по 122
о плетении или обшивке стен кивы 126
о значении структурного плана кивы 135
коллекция примитивных подпорки для дров или выпуклостей, собранная 176
описание ступеней и лестниц 156, 162
Ступени, высеченные в скалах 191
Ступени или выемки для ног на тропе Валпи 65
Ступени к кивам 114
Камень, размер, характер и отделка в руинах пуэбло 55, 58, 60, 138
способы добычи в Зуни 139
эффект от использования в дымовых колпаках 172
загоны 214
флаги, использовавшиеся для покрытия пола кивы в Тусаяне 121
огороженных участков в южной Аризоне 216
водосточные желоба, любопытные формы 154
убежища, возможные остатки которых обнаружены в Паюпки 60
плиты, ранее использовавшиеся для закрытия дверных проемов 188
Каменные затворы, использовавшиеся в древности 192, 193
Каменные клинья, использовавшиеся для отделки стен в пуэбло 140, 142
Каменная кладка, Шумопави 75
в Ораиби 144
Сравнение мормонов и пуэбло 148
Каменные ступени, Пескадо 95
Тусаян 157
Табуретки, используемые пуэбло 212, 213
Хранилища в жилищах пуэбло 57, 62, 103, 109, 143, 144, 182, 209

Соломенный кирпич, изготовленный испанцами 138, 224
Конструктивные особенности кива, похожих на 129
Подземный характер кива 63, 72, 112, 113
Салливан, Джеремайя, традиция паюпки, полученная 40
Стебли подсолнечника, используемые в строительстве дымоходов 170
Народ солнца из Тусаяна 29
Припасы, доставленные на плато Уолпи 65
Исследование Тусаяна и Сиболы, методы 44, 45

T

Таайялана, отношение Киакимы к 85
каменные ограждения у основания 85
описание руин 89, 91
бегство зуни в, во время восстания пуэбло 89
меса, временно оккупированная 223
Столы, не используемые в домах пуэбло 212, 214
Талла Хоган. См. Аватуби 49, 50
Таос, ранее частично заселенный племенем тева 37
Tceewáge. См. Пенья Бланка.

Ткособи или Джей кива, кровельные балки 120
Тебоуки, раннего пуэбло народа огня Тусаян 20
Tebugkihu или дом огня, описание 57
фрагментов проходной стены в 181
Террасированные дверные проемы 190, 191
Террасированные сады 217
Террасы крыш Тусаяна, названия 104
Террасные ямы для приготовления пищи и камины 174, 177
Полуоткрытые террасные комнаты, не встречающиеся в древних пуэбло 187
Террасы, форма Sichumovi 62
Ораиби, образованные естественным путем 76
Зуни 97, 98, 144
древние пуэбло, как добраться 156
имена Тусаян 223
Тусаян, порядок заселения различными народами 29
Тесуке, пуэбло тева 37
Тецоги. См. Тесуке.

Конфликт тева с уте 36
Тева, язык 37
Тева. См. Хано.

Древесина для крыши, используемая при строительстве кива 19

Время посадки и сбора урожая, как оно определяется в Зуни 148
Объяснение Типони из Тусаяна 131
Топография, дома Валпи, построенные в соответствии с 64
Шупаулови 71
Традиция, историческая ценность 15
Традиция, Тусаян 16, 41
Хано 35
относительно языков хано и тусаян 36
относительно племени пайюпки 40
о заселении Старого Машонгнави 47, 48
о основании Валпи 63
о круглых кивах 135
Зуни, касательно каменного закрытия 92, 193
о раннем заселении бывших пуэбло существующими племенами 225
Традиционные генты Тусаяна, список 38
Трейлс, Уолпи 65, 66
Таайялана 89
Трансом над дверными проемами пуэбло 187, 189
Транспорт до плато Уолпи, индейский метод 66
Люки, Сичумови 63
кивас, без средств крепления 113
рамы, оборудованные ручками 192
определение Тупуби 176
Тупкаби. См. Каньон де Челли.

Тусаян, обзор 15
традиционная история 16, 41
разрушенные и заселенные деревни 42, 79
обряды строительства домов 100, 104
дома, принадлежащие женщинам 101
кивы в 111, 137
список кива 136
Архитектура Тусаяна и Сиболы, сравнение по конструктивным деталям 100, 223
детали 137, 223
Тусаян. См. Хопитух.

Тувалки, или сторожевая башня 217
Туии. См. Санто-Доминго 30
Использование веток при строительстве крыши 150

U

Уте, конфликт с племенем тева из Хано 36
вторжение в Тусаян 25, 26, 35

V

Варгас, Дон Диего, визит в Тусаян 35

Словарь архитектурных терминов Тусаяна 220, 223

w

Стены, как указано на планах руин 45
оборонительные, в Bat House 52
строительство, в руинах Моен-копи 53
изогнутые, примеры 54
демонстрирующие точность исполнения 54
размеры в Таайялана меса 90
первоначальная высота, указанная по обломкам 90
толщина в современном Тусаяне 102
рисунки на, в Тусаян кива 131
пуэбло, способ строительства 137, 148
ограждения 139, 151, 152
Стены, прочность 144
слабость, в Зуни 182
садов 215
Валпи, поселение народа Медведей в 21, 27
Испанская миссия, основанная в 22
строительство, народ Змея 23
спор о ней с сикятки 24
поселение Аса в 30, 31
брошены народами Медведя, Ящерицы, Аса и Барсука 31
описание 63, 66
окруженная двором кива 114
кивы 119, 136
перегородки верхнего этажа, поддерживаемые балками 144
использование больших каменных блоков в садовых стенах 47
кухонная яма в 176, 177
южный проход, описанный 181
Народ валпи, нападение Аватуби на 34
столкновение между Ораиби и 35
проблемы между Хано и 37
различными пуэбло, ранее заселенными 46, 47
Строка, способ поддержки 133
Вода, способ переноски, в Валпи 65
Семья Вода, последняя, поселившаяся в Тусаяне 29
легенда о миграции 31
Водяные кувшины, используемые при строительстве дымоходов 180
Водоснабжение, Сибола 80
Кетчипауан 82, 83
жилища Таайялана 90, 91
Кин-тиель 92
Зуни 97
Сосуды для воды, формы 109
Плетение или обшивка стен кивы 126
Плетение 212
Пуэбло Веджеги, бойницы в 198
Колодец или водохранилище Зуни 97
Известь на внешних стенах Шумопави 73, 74

в комнате Машонгнави 109
как изготавливалась и наносилась в Зуни 145
на стенах дома 145
используется для покрытия дверей 186
Народ виксрун, поселение в Тусаяне 27
Ивовые прутья, используемые в строительстве крыш 150
Окно, дверной проем и дымоход в одном 121
Описание различных видов окон 194, 201
Крылья, построенные во дворе Пуэбло Бонито 70
Женщины, владелицы домов в Тусаяне 101
работа, в Тусаяне строительство домов 101, 102
строительство крыши выполняется 102
работа, связанная со строительством кива 129
когда допускаются в кивы 134
общества и кивы в Тусаяне 134
Древесина, виды, используемые в строительстве в Тусаяне 102
Описание деревянных стеллажей в пуэбло 103
Обработка дерева, как выполняется 184
Деревянные двери не найдены в доколумбовых руинах 184
Деревянные элементы окон в пуэбло 196
Шерстяная фабрика, основанная мормонами в Моен-копи 78
Мастерская, использование кивы в качестве 129, 133

Y

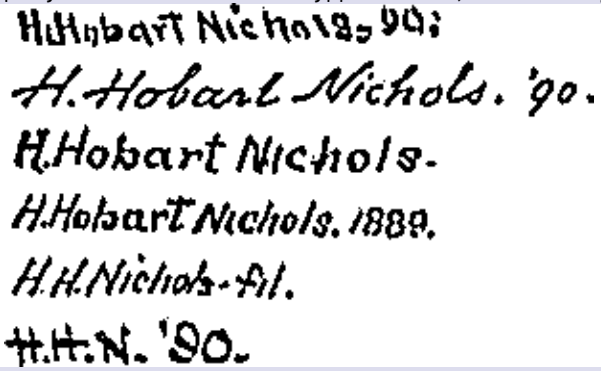
Йесо, используемое для побелки интерьеров 74
Юкка, использование в обшивке 127
Сандалии из волокна юкки из Каньона де Челли 133

Z

Зуни, обзор пуэбло 14
прибытие Асанюму в 30
часть территории, ранее занимавшаяся Халоной 88
традиция в отношении занятия Кин-тиеля 92
планы и описания деревень 94, 99
описание пуэбло 97, 99
См. Сибола.

Примечания переписчика к иллюстрациям

В статьях Бюро этнологии редко указывались имена художников, но некоторые рисунки подписаны:



Генри Хобарт Николс (1869-1962) был одним из художников Смитсоновского института. Эти рисунки, вероятно, являются одними из его самых ранних работ. Буква «fil.» в одной из подписей отличает его от его отца, гравера Х. Хобарта Николса (1838-1886), чья подпись также появляется по крайней мере в одной публикации Бюро этнологии.

Эта статья также доступна в отдельном виде на сайте Project Gutenberg в виде электронного текста 19331. Файлы идентичны, за исключением того, что в настоящем тексте исправлено несколько типографских ошибок и заменены некоторые иллюстрации.

Написание «turquois» и «turquoise» используется взаимозаменяемо.

Средние части пластин CXXI - CXXIII (песчаные рисунки) отсутствовали. Каждая из них была восстановлена из других источников.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ХОД ХАСДЖЕЛЬТИ ДАЙЛДЖИС И МИФИЧЕСКАЯ ПЕСЧАНАЯ ЖИВОПИСЬ

ИНДЕЙЦЕВ НАВАХО
ДЖЕЙМС СТЕВЕНСОН

СОДЕРЖАНИЕ.

Страница.

Введение 235

Строительство Медицинского домика 237
Первый день 237
Изобразители богов 237
Второй день 239
Описание потных хижин 239
Потовые хижины и маски 242
Подготовка священных тростников (сигарет) и молитвенных палочек 242
Третий день 244
Первая церемония 244
Вторая церемония 245
Третья церемония 247
Четвертая церемония (ночь) 248
Четвертый день 249
Первая церемония 249
Вторая церемония 250
Третья церемония 250
Четвертая церемония 252
Пятая церемония 253
Шестая церемония 253
Продукты, принесенные в хижину 256
Пятый день 257
Первая церемония 257
Вторая церемония 259
Третья церемония 260
Шестой день 261
Седьмой день 263
Восьмой день 265
Девятый день 269
Первая церемония 269
Вторая церемония 270
Песня Эцесле 272
Молитва Эцесле 272
Заключение — танец 273
Мифы народа навахо 275
Создание солнца 275
Хасджелти и Хостджогон 277
Плавающие бревна 278
Найенэсгони и Тобайдищинни 279
Братья 280
Старик и старуха из первого мира 284
Сноски

Указатель

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Все иллюстрации представлены в виде миниатюрных изображений со ссылками на увеличенные версии.

Таблица CXII.	A, Радуга над восточной потной хижиной; B, Радуга над западной потной хижиной	240
CXIII.	Коврик-одеяло и трубки для лекарств	242
CXIV.	Одеяло-коврик и трубки для лекарств	244
CXV.	Маски: 1, Найенесионг; 2, 3, Тобайдишнинне; 4, 5, Хасджелти; 6, Хостджогон; 7, Хостджобокон; 8, Хостджобоард	246
CXVI.	Плед и трубки для лекарств	248
CXVII.	1, Сосновые ветки на песчаном дне; 2, Корзина апачей, содержащая пену юкки, выстланную кукурузной пыльцой; 3, Корзина с водой, покрытая сосновыми иголками	250
CXVIII.	Коврик из одеяла, трубки и палочки для лекарств	252
CXIX.	Плед, трубка для лекарств	258
CXX.	Первая картина из песка	260
CXXI.	Вторая картина из песка	262
CXXII.	Третья картина из песка	264
CXXIII.	Четвертая картина из песка	266
Рис. 115.	Внешний домик	236
116	Внутренний вид домика	237
117.	Игорный клуб	238
118	Потовая баня	240

ЦЕРЕМОНИЯ ХАСДЖЕЛЬТИ ДАЙЛДЖИС

И МИФИЧЕСКОЙ ПЕСЧАНОЙ ЖИВОПИСИ

ИНДЕЙЦЕВ НАВАХО.

Джеймс Стивенсон.

ВВЕДЕНИЕ.

Во время моего визита на Юго-Запад летом 1885 года мне посчастливилось прибыть в резервацию навахо за несколько дней до начала церемонии исцеления навахо. Узнав о подготовке к этому событию, я решил остаться и понаблюдать за церемонией, которая должна была продолжаться девять дней и ночей. Это событие привлекло в это место около 1200 навахо. Местом сбора было обширное плато у края каньона Кимс в Аризоне.

Это великое событие сопровождалось множеством необычных и интересных явлений — мифологическими обрядами, азартными играми, скачками на лошадях и бегами, всеобщим весельем и исцелением больных, что и было главной причиной собрания. Одному из видных членов племени грозила потеря зрения из-за воспаления глаз, поскольку он смотрел на определенные маски с нерелигиозным сердцем. Он был богат и имел много состоятельных родственников, отсюда и такая тщательно продуманная церемония исцеления. Для проведения церемонии был приглашен известный теург, но когда стало известно, что его жена беременна, все были очень обеспокоены. Среди навахо существует суеверие, что мужчина не должен смотреть на песчаную живопись, когда его жена находится в состоянии беременности, так как это приведет к гибели ребенка. Однако этот знахарь пришел, чувствуя, что обладает достаточной силой, чтобы предотвратить такое бедствие, дав ребенку сразу после рождения смесь воды со всем песком, использованным в картине. Поскольку я уделил мало времени изучению мифологии навахо, я могу только кратко упомянуть о событиях, свидетелем которых я был, и записать мифы только в той мере, в какой я смог их поспешно собрать. Сначала я опишу церемонию Йебичай, а затем приведу мифы (некоторые полные, а другие неполные), объясняющие богов и гениев, фигурирующих в Хасджелти Дайлджис (танце Хасджелти) и в девятидневной церемонии, а затем другие, не связанные с ними. Церемония широко известна среди племени под названием «Yebitchai», слово « » ( ) означает дядя великана. Изначально это название было дано церемонии, чтобы внушить страх детям, которые на восьмой день церемонии посвящаются в некоторые ее тайны и впервые узнают, что персонажи, появляющиеся в церемонии, не являются настоящими богами, а лишь их представителями. Есть веские основания полагать, что их представления о песчаных рисунках были заимствованы у племен пуэбло, которые в прошлом создавали сложные песчаные рисунки и чья работа в настоящее время, связанная с большинством их медицинских церемоний, имеет немалое значение. Миссионерские индейцы южной Калифорнии также считают песчаные рисунки одной из важных составляющих своих медицинских практик. Хотя фигуры мифических существ, изображаемых навахо, несомненно, являются их собственным вымыслом, я обнаружил, что все их медицинские трубки и подношения были похожи на те, которые использовались зуни. Их присутствие среди навахо можно легко объяснить хорошо известным

фактом, что среди индейцев разных племен было принято обмениваться медицинскими песнями, церемониями и сопутствующими им атрибутами. Зуни и тусаян утверждают, что навахо получили секреты медицины пуэбло, вторгшись в их церемонии или захватив пуэбло, и что они присвоили все, что им понравилось.

Рис. 115. Внешний вид хижины.

Мое объяснение описанной церемонии основано на авторитете священника-врача, который руководил всем процессом и остался со мной на пять дней после церемонии специально для этой цели. Потребовалось много уговоров, чтобы убедить его остаться, хотя он очень хотел, чтобы мы не допустили никаких ошибок. Он сказал:

Моя жена может страдать, и я должен быть рядом с ней; глаза отца должны быть первыми, кто увидит его ребенка; это как солнечный свет в сердце отца; отец также наблюдает за своим малышом, чтобы увидеть первые признаки понимания, и наблюдает за первыми шагами своего ребенка, что тоже является ярким светом в сердце отца, но когда малыш падает, это сильно бьет по сердцу отца.

Особенности этого обряда, которые больше всего удивляют белого зрителя, — это его большая тщательность, количество участников и продолжительность в течение многих дней с целью восстановления здоровья одного члена племени.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕЧЕБНОГО ДОМА.

На земле был отмечен прямоугольный параллелограмм, и в каждом углу был прочно установлен раздвоенный столб, возвышающийся на 10 футов над поверхностью, на которые были уложены 4 горизонтальные балки, на которые опирались столбы, установленные под углом около 20°, в то время как другие столбы были расположены горизонтально поперек балок, образуя опору для покрытия. Столбы по бокам были установлены скорее в форме овала, чем круга, и образовывали внутреннее пространство диаметром около 35 на 30 футов. На восточной стороне хижины находился вход, поддерживаемый кольями и закрытый шкурой буйвола, а затем вся конструкция была плотно покрыта сначала ветвями, а затем песком, что придавало ей вид небольшого земляного холма.

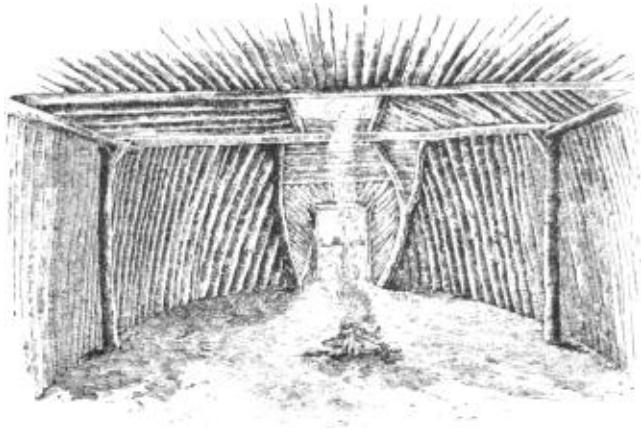


Рис. 116. Внутреннее пространство хижины.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

ЛИЦА, ИСПОЛНЯЮЩИЕ РОЛЬ БОГОВ.

Теург или певец-жрец прибыл в полдень 12 октября 1885 года. Почти сразу после его прибытия мы смело вошли в шатер-лечебницу в сопровождении нашего переводчика, Навахо Джона, и изложили ему нашу просьбу. Шаман поставил условие, что мы не должны совершать ошибок и тем самым оскорблять богов, а чтобы избежать ошибок, мы должны выслушать все его песни и увидеть все его лекарства, и он сразу же приказал нескольким молодым людям подготовить место для нашей палатки рядом с хижиной. Во второй половине дня 12-го числа те, кто должен был участвовать в церемонии, получили приказы и инструкции от певца-жреца. Один человек пошел собирать веточки, из которых нужно было сделать двенадцать колец, каждое диаметром 6 дюйма. Эти кольца представляли собой игровые кольца, которые не только используются навахо, но и высоко ценятся духами скал. (См. рис. 117.)

Fig. 117. Gaming ring.

Другой человек собрал ивы, из которых нужно было сделать эмблему сосредоточения четырех ветров. Квадрат был сделан из обрезанных ивовых прутьев, скрещенных и выступающих по углам на один дюйм друг от друга. Углы были связаны белым хлопковым шнуром, и каждый угол был украшен нижним хвостовым пером орла. Эти предметы были положены в нишу за теургом, чье постоянное место находилось на западной стороне хижины, обращенной на восток. Ночная церемония началась вскоре после наступления темноты. Все участники были близкими друзьями и родственниками больного, за исключением теургиста или певца-жреца, который был единственным, кто получал прямое вознаграждение за свои профессиональные услуги. Стоимость такой церемонии была немалой. Не только нужно было заплатить непомерную плату теургисту, но и накормить всех собравшихся в течение девяти дней церемонии за счет больного, которому помогали его близкие родственники.

В хижине горел яркий огонь, и вскоре после наступления темноты инвалид появился и сел на одеяло, которое было положено перед певчим священником. Однако перед этим трое мужчин подготовились к тому, чтобы изобразить богов — Хасджелти, Хостджогон и Хостджобокон — и один, чтобы изобразить богиню Хостджобоард. Они вышли из хижины, неся маски в руках, отошли на небольшое расстояние и надели маски. Затем Хасджелти и Хостджогон вернулись в хижину, и Хасджелти, среди криков, «ху-ху-ху-ху!», поместил квадрат, который он нес, над головой больного, а Хостджогон потряс двумя орлиными жезлами, по одному в каждой руке, по обе стороны головы и тела больного, а затем над его головой, при этом крича своим особым образом: «ху-у-у-у-у!». Затем он последовал за Хасджелти из хижины. Мужчины, представляющие Хостджобокона и Хостджобоарда, входили поочередно. Хостджобокон взял одно из колец, которые были сделаны днем и теперь лежали на одеяле справа от больного, и приложил его к подошвам ног больного, который сидел, подтянув колени, а затем к его коленям, ладоням, груди, каждой лопатке и макушке головы; затем над его ртом. При прикосновении к различным частям тела кольцо держали обеими руками, но когда его приложили ко рту больного, его взяли в левую руку. Кольцо было сделано из тростника,

концы которого были закреплены длинной веревкой, обернутой вокруг кольца, как петля. Когда кольцо помещалось над ртом больного, за нитку тянули, и кольцо падало и выкатывалось из хижины, а длинный хвост из белой хлопчатобумажной нити с орлиным пером на конце тянулся далеко позади. Хостджобоард повторил эту церемонию со вторым кольцом, и так поочередно поступали Хостджобокон и Хостджобоард, пока не были использованы все двенадцать колец. Три кольца были затем отнесены на восток, три — на юг, три — на запад и три — на север и помещены у подножия сосен. Кольца были помещены над ртом больного, чтобы придать ему силы, заставить его говорить одним языком и иметь доброе сердце и ум. Другими частями тела они прикасались к нему для физического оздоровления. Когда все кольца были выкачены из хижины, вошел Хасджелти, за ним последовал Хостджогон. Он четыре раза прошел по квадрату (сконцентрированным ветрам) над головой больного во время его криков. Затем Хостджогон помахал своими индюшиными палочками над головой и телом больного, и церемония первого дня была завершена.

ВТОРОЙ ДЕНЬ.

ОПИСАНИЕ ПАРНЫХ БУДОК.

Строительство первой потной хижины, или тачи, началось на рассвете. Четыре таких хижины были построены в течение четырех последовательных утра, каждая из них располагалась на расстоянии около 400 футов от большой центральной хижины медицины, в направлении четырех сторон света, и все были обращены на восток. Первая построенная хижина находилась к востоку от хижины. Описание строительства этой конкретной хижины подходит для всех, но церемонии отличаются в деталях.

Четыре вертикальных столба, раздвоенных на верхних концах, были установлены по четырем сторонам света в пределах площади, обозначенной как основание дома, раздвоенные концы опирались друг на друга, сначала была сделана круглая выемка диаметром около 6 футов и глубиной 1 фут. Между вертикальными столбами были уложены более мелкие столбы; на столбах были уложены ветви пиньона, шалфей и *Bigelovia Douglasii* (разновидность шалфея) в качестве соломы; все было уложено достаточно плотно, чтобы песок, уложенный сверху, не просыпался. Дверной проем на восточной стороне дома был высотой около 2,5 футов и шириной 20 дюймов. Для придания гладкости песчаному покрытию конструкции использовались тщательно отполированные палки (такие же, как те, что используются при ткачестве одеял). На потечных домах на востоке и западе была нарисована радуга. Те, что на севере и юге, были лишены такого украшения, потому что певец-жрец редко завершал свое исцеление за одну церемонию и предпочитал опускать песни, которые требовались бы, если бы лук украшал потные хижины на севере и юге. Под руководством жреца потной хижины, который получал указания от певца-жреца, три молодых человека рисовали радугу: один — голову и тело, другой — юбку и ноги, а третий — лук. Голова этой богини была обращена на север, а лук простирался над сооружением. Использовались цвета, приготовленные из измельченных пигментов, которые наносились большим и указательным пальцами. Каждый раз, когда с кусочков коры, служивших красками, брали щепотку сухой краски, художник дыхал на руку, прежде чем наносить краску. Однако это не имело религиозного значения, а служило лишь для того, чтобы очистить палец и большой палец от лишнего песка. В украшении использовались цвета: желтый, красный и белый из песчаника, черный из угля и серо-голубой, образованный из белого песка и угля с очень небольшим количеством желтого и красного песка. (См. рис. 118.) За декораторами внимательно следил священник-певец.

Рис. 118. Потовая хижина.

По завершении радуги священник-певец вернулся в лечебную хижину, но вскоре снова появился с корзиной из двенадцати индюшиных палочек, которые он воткнул вокруг основания потной хижины на линии, которую он предварительно посыпал мукой. Примерно в 20 футах от хижины был разведен костер, в котором нагревались камни. Эти камни были помещены в потную хижину с южной стороны, и на них была брошена охапка белого шалфея и *Bigelovia Douglasii.* Рядом с камнями было положено несколько сосновых веток, на которые мог сесть больной. Вход в потную хижину был затем накрыт черно-белым полосатым одеялом, на которое были положены две большие кожаные штаны Coçonino, одна на другую, а на них двойной кусок белого хлопка. Оленьи шкуры символизировали дневной свет или сумерки, наступающие на рассвете. Больной, для которого проводилась эта церемония, снял всю одежду, кроме набедренной повязки, и сел снаружи у входа в потную хижину среди шума трещоток и песен, причем трещотку имел только теург. Больной вошел в хижину ногами вперед, при этом покрытие потной хижины было поднято для этой цели. Войдя внутрь, он снял набедренную повязку, и покрывала были немедленно опущены. Песня продолжалась 5 минут, после чего все на мгновение замолчали, а затем возобновили пение.

ПЛАСТИНА CXII. РАДУГА НАД ПАРНОЙ.
Увеличить

Во время песнопения теург смешивал различные травы в тыкве, на которые он наливал воду. После примерно двадцати минут песнопения он подошел к входу в дом, взяв с собой тыкву с лекарством, и, вылив часть ее содержимого на раскаленные камни, сел и присоединился к песнопению. Еще через двадцать минут появились Хасджелти и Хостджогон. На южной стороне входа на землю было заранее положено одеяло навахо. Хасджелти снял покрывало с входа, и больной, сначала надев набедренную повязку, вышел и сел на одеяло. Хасджелти растирал больного рогом горного барана, который держал в левой руке, а в правой руке держал кусок кожи длиной около 10 дюймов и шириной 4 дюйма, взятый из области между глазами барана. Шкура была плоско прижата к ладони, и таким образом бог растирал грудь больного, а спину он растирал рогом, время от времени меняя руки. Хостджогон проделал с больным те же манипуляции. Затем боги четыре раза напоили его из тыквы, содержащей лечебную воду, состоящую из мелко нарезанных трав и воды, сначала сами выпив глоток этой смеси. Подошвы ног, ладони, грудь, спина, плечи и макушка головы больного были обрызганы целебной водой, и боги внезапно исчезли. Пациент встал, омылся оставшейся целебной водой и одел свою одежду. Покрывала у входа, которые были подарками больному священнику-певцу, были собраны священником-певцом и отнесены слугой в лечебницу. Слуга стер радугу, проведя рукой от ног до головы, собрав с собой песок, который был сложен в одеяло, отнесен на север и сложен у подножия соснового дерева. Певец-жрец поместил жезлы в корзину и, следуя за

больным, нес их в обеих руках к лечебному домику, напевая тихую песню. Потовая хижина не была снесена бездумно, а была разобрана по установленной форме. Четверо мужчин начали с боков по сторонам света и обеими руками соскребли песок с ветвей. Когда все было убрано, ветви были тщательно собраны и перенесены к сосне пиньон, расположенной на расстоянии около 50 футов, и закреплены горизонтально на ее ветвях на высоте около 2 футов от земли. Нагретые камни из внутренней части потной хижины были положены на ветви; вертикальные бревна, которые составляли каркас хижины, были перенесены к сосновому дереву, расположенному в нескольких футах от дерева, на котором были размещены ветви и нагретые камни, и уложены поперек дерева, а на эти бревна была посыпана кукурузная мука, на которую была положена лекарственная трубка (сигарета). Трубка была длиной около 2 дюймов и диаметром в одну треть дюйма, и в ней находился шарик, состоящий из пуха нескольких видов мелких птиц, священного табака и кукурузной пыльцы. Это было подношение Хасджелти. На трубку посыпали муку. Земля, на которой стояла хижина, была разровнена, пепел от костра тщательно сметен, и таким образом все следы церемонии были удалены. Больной, войдя в хижину, сел на западной стороне, лицом к востоку. Певец-жрец продолжал свое пение. Он взял из мешка с мукой немного священной муки и положил ее на подошвы ног больного, на его ладони, колени, грудь, спину, плечи и голову. По окончании этой церемонии все отдохнули в течение часа или более. Чашки из коры, в которых находился цветной песок для украшения, были помещены в лечебную хижину к северу от двери.

ПАРНЫЕ БУДКИ И МАСКИ.

Оленьи шкуры, которые висят над входом в потные домики (для каждого потного домика используется отдельная шкура), должны быть от животных, убитых удушением. Оленя загоняют и связывают веревками или другим способом. Затем в рот оленя кладут кукурузную пыльцу и держат руки над ртом и ноздрями, пока жизнь не угаснет. Теперь животное кладут на спину, и кукурузной пыльцой проводят линию от рта, по груди и животу до хвоста. Затем проводят линию от правого копыта до правой передней ноги до линии груди. То же самое делается на левой передней ноге и двух задних ногах. Затем ножом проводят по этой линии и оленя сдирают. Шкуры, добытые таким образом, стоят у навахо по 50 долларов каждая. Маски изготавливаются из шкур, подготовленных таким же образом. Если они сделаны из шкур оленей, застреленных из ружья, то тот, кто их носит, умрет от лихорадки.

Оленья кожа над входом в восточную потную хижину обозначает рассвет; над южной — красный цвет утра; над западной — закат; над северной — ночь.

ПОДГОТОВКА СВЯЩЕННЫХ ТРОСТНИКОВ (СИГАРЕТ) И МОЛИТВЕННЫХ ПАЛОЧЕК.

До полудня две овечьи шкуры были разложены одна на другой перед певцом-жрецом. На них было положено одеяло, а на одеяло — куски хлопка. Эти ковры простирались с севера на юг. Затем теург достал большой мешок с лекарствами, из которого выбрал тростник. Тростник натирали полировальным камнем, или, точнее говоря, полировальным камнем натирали тростник, поскольку тростник держали в правой руке и натирали о камень, который держали в левой. Затем его натирали мелко измельченным местным табаком, а после делили на четыре части, длина каждой из которых равнялась ширине первых трех пальцев. Тростники были разрезаны каменным ножом длиной около 3½ дюймов. Затем помощник раскрасил трубки. Первый тростник был окрашен в синий цвет, второй — в черный, третий — в синий, а четвертый — в черный. Через все эти трубки были продеты тонкие палочки из юкки, которые служили ручками при окрашивании трубок, а также поддерживали трубки, пока краска сохла. Помощник, который резал тростник, сидел слева от певца-жреца, лицом к востоку; камень с красками был помещен к северу от ковра; и на конец камня рядом с самим

резальщик тростника положил немного мелко измельченного табака. При резке тростника иногда откалывались небольшие кусочки; эти обломки клали рядом с табаком на северо-восточном конце ковра.

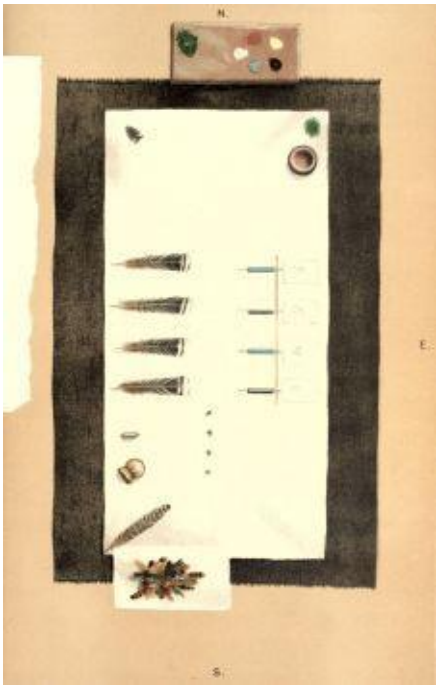


ТАБЛИЦА CXIII. КОВРИК И МЕДИЦИНСКИЕ ТРУБКИ.
Увеличить

Помощник, который раскрашивал тростник, сидел лицом к западу; и как только каждый тростник был раскрашен, его клали на ковер, а конец юкки клали на тонкую палку, которая лежала горизонтально. Первый раскрашенный тростник клали на север. На каждый синий тростник наносили три точки, обозначающие глаза и рот; две линии окружали черные тростники. Четыре кусочка загрязненной хлопчатобумажной ткани складывали в линию на востоке ковра. Три помощника под руководством певца-жреца взяли из сумки с лекарствами сначала два пера арктической синей птицы (*Sialia arctica)*, которые он поместил к западу от кусочка ткани, лежащего на северном конце ковра; он поместил еще два таких же пера под вторым кусочком ткани; два под третьим и два под четвертым, их кончики были направлены на восток. Затем на каждое из этих перьев он положил подхвостное перо орла. Первое было положено на два пера на северном конце ковра; снова подхвостное перо индейки было положено на каждую кучку, начиная с северной. Затем на каждое из них он положил волосок из бороды индейки и добавил к каждому нить хлопчатобумажной пряжи. Во время раскладки перьев декоратор трубок сначала выбрал четыре кусочка черных архаичных бус, положив по одному кусочку на каждый кусок ткани; затем на ткани были положены четыре крошечных кусочка белых ракушечных бус; далее четыре кусочка ракушки абалона и четыре кусочка бирюзы.

Размещая бусины, он также начал с северного края ковра. Пожилой помощник под руководством певца-жреца снял пуховые перья с нескольких колибри, смешал их в четыре маленьких шарика диаметром в четверть дюйма и разместил их в линию, идущую с севера на юг, к югу от линии кучек перьев. Он посыпал каждый шарик небольшим количеством кукурузной пыльцы, а затем поместил под шариками то, что навахо называют пером совы, его кончиком, направленным на северо-восток. (См. табл. CXIII). Молодой человек, стоя лицом к западу, затем наполнил цветные тростники, начиная с того, что находился на северном конце. Сначала он поместил в полый тростник один из пушистых шариков, вдавливая его в тростник с помощью пера совы. (Перо ночной совы всегда используется для наполнения тростников после созревания кукурузы, чтобы обеспечить теплую зиму; весной

вместо него используется перо калифорнийского петуха (*Geococcyx californianus),* чтобы принести дождь). Затем в нее клали немного местного табака. Когда тростник был готов, его передавали декоратору, перед которым стояла маленькая глиняная чаша с водой, кристалл и маленький мешочек с кукурузной пыльцой. Держа кристалл в луче солнца, проникавшем через отверстие для огня в крыше, он зажигал сигареты, которые должны были быть предложены богам. Указательный палец окунали в чашу с водой, а затем в кукурузную пыльцу, и пыльца, прилипшая к пальцу, помещалась на верхнюю часть трубки. После того, как четыре трубки были готовы, их помещали на кусочки ткани, но не прежде, чем на бусины, лежащие на ткани, было посыпано немного пыльцы. Конец трубки с пыльцой был направлен на восток. Затем четыре пучка перьев были положены на трубки. Певец-жрец свернул каждую ткань и, держа четыре пакета обеими руками, поместил их горизонтально на подошвы ног, колени, ладони, грудь, спину, плечи, голову и рот больного, и больной вдохнул, когда пакет коснулся его губ. Он сидел к северу от ковра, лицом к востоку. Затем больной получил пакеты от певца-жреца и держал их так, чтобы концы выступали между большими и указательными пальцами, и повторял молитву вслед за теургом, который сидел лицом к больному. Молитва звучала так:

Люди гор и скал, я слышу, что вы хотите получить вознаграждение. Я дарю вам пищу из пыльцы кукурузы и перьев колибри, и я посылаю вам драгоценные камни и табак, который вы должны курить; он был зажжен лучами солнца, и за это я прошу вас дать мне хороший танец; будьте со мной. Земля, я прошу тебя, дай мне хороший танец, и я предлагаю тебе пищу из перьев колибри и драгоценных камней, а также табак для курения, зажженный лучами солнца, в качестве платы за то, что я использую тебя для танца; сделай для меня хорошую твердую землю, чтобы боги, которые приходят посмотреть на танец, были довольны землей, на которой танцует их народ; сделай мой народ здоровым и сильным духом и телом.

После молитвы теург передал посылки слуге, который разложил их в ряд на расстоянии трех футов друг от друга вдоль края танцевальной площадки перед хижиной. Их правильное место — прямо на земле, на которой будут танцевать, но чтобы их не затоптали, их кладут в сторону. Черные трубки — это подношения богам, а синие — богиням гор и земли.

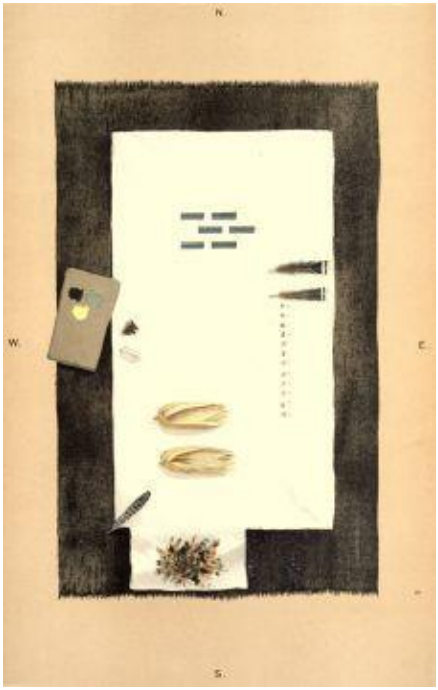


ТАБЛИЦА CXIV. КОВРИК И МЕДИЦИНСКИЕ ТРУБКИ.
Увеличить

ТРЕТИЙ ДЕНЬ.

ПЕРВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Строительство второй потной хижины началось на рассвете и было завершено в девять часов. Несколько больших камней были нагреты и помещены в потную хижину, и, как и раньше, туда бросили белый шалфей и *Bigelovia Douglasii*, дым от которых служил лекарством для больного человека. После того, как больной вошел в потную хижину, над входом натянули одеяла из оленьей кожи и т. д. Певец-жрец в сопровождении двух помощников сел немного южнее. Он посыпал мукой западную часть основания пота и верхнюю часть с севера на юг и разместил палочки вокруг основания, как описано выше (двенадцать палочек и лекарство были личной собственностью теургиста). Певец-жрец, держа в руках погремушку, присоединился к хору в песнопении. Справа от него стояли два кувшина навахо, наполненные водой, и корзина апачей, частично наполненная кукурузной мукой. На муке лежали несколько мешков из оленьей кожи, одна из маленьких синих трубок для лекарств, рог горной овцы и кусок необработанной кожи. Рядом стояла тыква, наполовину наполненная водой, в которую была посыпана мука; рядом с ней была маленькая глиняная ваза с водой и мелко нарезанными травами ( ). По окончании песнопения певец-жрец передал свою погремушку одному из хористов и перемешал смесь в чаше указательным пальцем, а после нескольких слов, обращенных к больному, который все еще находился в потной хижине, бросил часть смеси на раскаленные камни. Это повторилось четыре раза, после чего певец-жрец вернулся на свое прежнее место. Жрец потной хижины снял с плеч одеяло навахо и разложил его у двери, немного правее. Один из помощников подал сигнал Хасджелти и Хостджогону, чтобы они появились. Два человека, изображавшие этих богов, стояли за деревом к югу от потной хижины, их тела, руки и ноги были раскрашены в белый цвет. К их поясам были прикреплены лисьи шкуры. Когда боги приблизились к потной хижине, больной вышел и сел на одеяло, а Хасджелти взял в правую руку рог горной овцы, а в левую — кусок кожи и стал растирать больного, начиная с конечностей; растирая каждую конечность, он поднимал руки к восточному небу и кричал «йо-йо!». Он также растирал голову и тело, держа руки по обе стороны тела. После этого растирания больной выпил из чаши с лекарственной водой, затем встал и омылся той же смесью, которую Хасджелти четыре раза подносил ему в наполненных тыквах, каждый раз сопровождая это своим своеобразным криком. Хостджогон повторил ту же церемонию над инвалидом. Слышался постоянный шум трещоток и песнопений, боги исчезли, и сразу после этого теург собрал двенадцать жезлов у основания потной хижины. Он вынул синюю тростниковую палку из корзины и положил ее немного левее священника потной хижины, который, в свою очередь, передал ее служителю, чтобы тот положил ее вместе с дровами потной хижины на соседнее дерево. Больной направился к лечебной хижине, а за ним следовал певец-священник, напевая тихую песню. Войдя в хижину, больной сел на западной стороне; певец-жрец, все еще стоя, достал из маленькой сумки из оленьей кожи белый порошкообразный материал, которым он натер подошвы ног, ладони, колени, грудь, плечи и голову больного; затем, взяв щепотку того же материала, он протянул руку сначала на восток, а затем к небу и земле. После этих действий он занял свое обычное место в хижине и присоединился к разговору со своими помощниками.

ВТОРАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Две овечьи шкуры, одеяло и хлопчатобумажная ткань были разложены друг на друге перед певцом-жрецом; из длинных тростников, которые сначала были натерты полировальным камнем, а затем

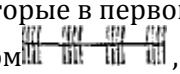
табаком, были вырезаны десять кусочков длиной в дюйм и четверть и два кусочка длиной в 2 дюйма. Они были окрашены в черный и синий цвета, один длинный кусочек и пять маленьких были черными, остальные — синими. Пока их украшали, певец-жрец и хор пели: «Отцы наши, смотрите, мы готовимся! Мы хорошо выполняем свою работу, и вам лучше войти в дом, потому что мы собираемся вызвать дождь! Теперь, матери, пошлите на нас дождь!» Эта песня повторялась постоянно.

Готовые трубки укладывались в положение, образуя двойную фигуру. Сначала укладывалась длинная черная трубка, представляющая тело. Затем длинная синяя трубка укладывалась рядом с ней и к югу от нее. Конец трубок с пыльцой был направлен на восток. Затем на место была установлена правая черная нога, затем правая синяя нога, левая черная нога и левая синяя нога. Правая черная рука, затем правая синяя рука, левая черная рука и левая синяя рука, затем черная голова и синяя голова. (См. табл. CXV.)

Эти трубки наполнялись перьями, шариками и табаком, а на концы наносился кукурузный пыльца и зажигался кристалл. Черные трубки были подношениями богам, а синие — богиням. После того, как они были готовы, их устанавливал на место второй помощник; и пока трубки наполнялись, священник-певец и хор пели: «Смотрите, отцы! Мы наполняем их табаком; это хорошо; курите его!» От отцов поступило сообщение, что они будут курить, и, выпуская дым изо рта, они будут призывать орошение земли. Они снова пели: «Все вы, люди, живущие в скалах, все вы, рожденные среди облаков, мы хотим, чтобы вы помогли нам; мы дарим вам эти подношения, чтобы у вас была еда и дым! Все женщины, вы, живущие в скалах, вы, рожденные среди тумана, я молю вас, придите и помогите нам; я хочу, чтобы вы пришли и исцелили больных; я предлагаю вам пищу из перьев колибри и табак для курения!» Две связки перьев, которые были помещены на восточной стороне ковра, указывая на восток, были помещены в две кукурузные шелухи, каждая из которых содержала кусочки бирюзы, черные архаичные бусины и раковину морского ушка; на них была посыпана кукурузная пыльца. Затем певец-жрец поместил двойное тело в шелуху следующим образом: сначала черное тело было положено на шелуху на севере, и на него была посыпана щепотка пыльцы; синее тело было помещено в другую шелуху, и на него была посыпана пыльца; затем две правые ноги (черная и синяя) были помещены в кукурузную шелуху с черным телом; две левые ноги были добавлены к ним; правая и левая руки и две головы были помещены в шелуху с синим телом, и на них была посыпана кукурузная пыльца. Шелуха была закрыта и удерживалась певчим-жрецом у подошв ног, ладоней, колен, груди, плеч, спины и макушки головы больного, который повторял длинную молитву вслед за теургом, а затем посылки были переданы слуге, который отнес их на некоторое расстояние от хижины на север и поместил их в укромном тенистом месте на земле. На землю клали два кусочка табака, на которые укладывали тело в лежачем положении с руками над головой. Больной, для которого проводилась эта церемония, не жалел средств, чтобы теург дал его ближайшим родственникам самое подробное объяснение секретов лекарственных трубок.

ТАБЛИЦА CXV. ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЕ МАСКИ.
Увеличить

ТРЕТЬЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Теург занял свое обычное место, окруженный свитой слуг. Человек, изображавший Найенесгони, был окрашен в черный цвет. Ноги ниже колен, лопатки, грудь и руки выше локтей были окрашены в белый цвет. Его бедра были покрыты тонким красным шелковым шарфом, закрепленным серебряным поясом; его синие вязаные чулки были завязаны красными подвязками ниже каждого колена, а шею украшали кораллы, бирюза и белые ракушки. Человек, изображавший Тобайдищинни, был окрашен в красно-коричневый цвет, с белым рисунком (узел из волос) на внешней стороне каждой ноги ниже колена, на каждой руке ниже плеча, на каждой лопатке и на каждой груди. Этот рисунок изображает узел из волос, срезанных с голов врагов, и этот стиль до сих пор используется народом навахо. Мужчина носил красный шерстяной шарф вокруг бедер, закрепленный серебряным поясом, а его шея была обильно украшена коралловыми, бирюзовыми и белыми бусинами.[1] Найенэсгони и Тобайдищинни покинули хижину, унося с собой свои маски. (См. табл. CXV, 1, 2, 3.) Пучки сосновых веток, которые в первой половине дня были сплетены в венки, соединив их между собой юккой таким образом  , были положены по обоим концам ковра.[A]

После того как два человека, изображавшие богов, покинули хижину, инвалид вошел и сел на коврик спиной к теургу. Два помощника надели на него венки, начиная с правой лодыжки; затем один кусок был обвязан вокруг икры, бедра, талии, груди, правого запястья, локтя, предплечья, горла, лба, затем вокруг левого предплечья, локтя, запястья, бедра, левого колена, икры и лодыжки. Таким образом, мужчина был буквально скрыт под массой сосны. Он сидел в вертикальном положении с вытянутыми ногами и опущенными по бокам руками. Певец-жрец спел песню, и через несколько минут появились Найенэсгони и Тобайдищинни. Найенэсгони провел своим каменным ножом перед инвалидом от лба до ног, затем по правой стороне, по спине и по левой стороне. Затем он начал снимать сосну. Каждый венок снимался, а грозди частично разделялись каменным ножом. Тобайдищинни помогал Найенэсгони, держа венки, пока их разрезали.

Когда все вечнозеленые растения были удалены, исполнители ролей богов воскликнули: «Теперь, мой народ, мы убили всех врагов!» и немедленно покинули хижину. Певец-жрец поместил небольшой венок из сосны на голову больного и, держа в левой руке пучок орлиных перьев, а в правой — погремушку, спел десять песен и молитв, которым помогал хор, переданных Найенесгони и Тобайдищинни навахо для принесения здоровья и удачи. После того как венки из сосновых веток были разделены, кусочки юкки были подняты помощником и переданы Найенесгони, который поднял их над головой больного, после чего кусочки были снова разделены ножом. После того как было пропето десять песен и молитв, больной покинул ковер и сел немного северо-восточнее от него, подтянув колени. Певец-жрец поместил два горящих угля перед больным и посыпал их измельченными травами, дым от которых вдыхал больной. Сосны унесли и поместили в тени сосны, чтобы болезнь не покинула сосну и не вернулась к больному.[2]

ЧЕТВЕРТАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Исполнители ролей Хасджелти и Хостджогона нарядились для церемонии. Хасджелти был одет в обычную одежду и красный шарф, а на талии у него был серебряный пояс. Тело Хостджогона было окрашено в белый цвет, а на бедрах у него был красный шерстяной шарф, закрепленный

серебряным поясом. Перед певцом-жрецом расстелили коврик, состоящий из одеяла и куска белого хлопка, и положили на него маски Хасджелти и Хостджогона. (См. табл. CXV, 4, 5, 6.)

После того, как исполнители ролей богов закончили приготовления, они поспешили выйти из хижины, унося с собой маски, а слуга сделал прямо перед ковриком углубление диаметром 4 дюйма, и певец-жрец посыпал круг вокруг углубления мукой. Больной вошел в хижину, встал на коврик и снял с себя всю одежду, кроме набедренной повязки. Затем он сел лицом к востоку, подтянув колени. Маска Хостжобокона, которая лежала на ковре, была надета на голову больного. В этот момент появились Хасджелти и Хостжогхон, неся сосновую ветвь высотой около 5 футов. Слуга делал жесты над больным, держа в правой руке щепотку священной муки, которая затем была помещена в углубление. Хасджелти пять раз обмахал сосновой веткой больного и воткнул ее в углубление, где она была удержана богами. Затем, согнув верхушку, слуга прикрепил ее к маске над головой больного с помощью веревки из оленьей кожи, которая была прикреплена к маске. Певец-жрец и хор все это время пели странную песню. Боги подняли ветку, издали свои характерные крики и исчезли из хижины, унеся с собой сосновую ветку с прикрепленной к ней маской. Через несколько минут они вернулись с маской. После песнопения певец-жрец поместил муку на подошвы ног, колени, ладони, грудь, спину, плечи и голову больного, а затем положил немного в полость, после чего полость была заполнена землей. Перед больным были положены два угля, на которые певец-жрец положил мелко измельченные травы; помощник оросил травы водой, и больной вдыхал пары. Хлопковая ткань была снята с одеяла, и больной встал на коврик и одел свою одежду. Когда маска была снята с головы больного, она унесла с собой всю лихорадку.

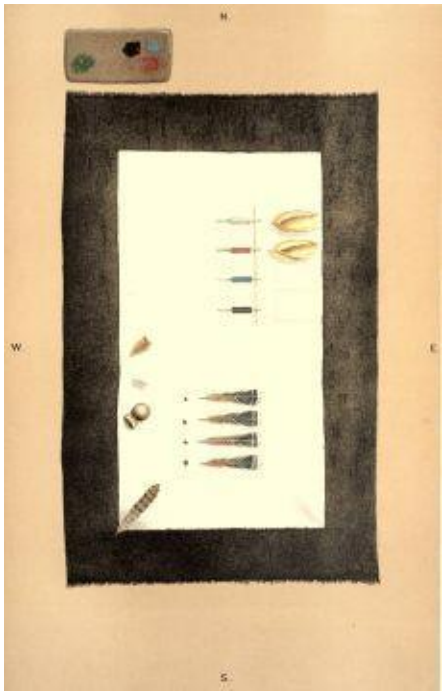


ТАБЛИЦА CXVI. ОДЕЯЛО И ТРУБКИ ДЛЯ ЛЕКАРСТВ.
Увеличить

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ.

ПЕРВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Теург нес чашу с водой и сосновыми иголками, а помощник нес тыкву с водой, небольшую вазу с порошкообразными травами и корзину апачей, содержащую кукурузную муку, мешки из оленьей кожи, рог горного барана и кусок кожи, вырезанный из области между глазами животного. Теург и помощник заняли места справа от входа в потную хижину к западу от лечебного домика. Эта потная хижина была украшена радугой. Над входом висели сначала два полосатых одеяла, одно на другом, оленья кожа и кусок белого хлопка. После того как в потной хижине были заранее размещены горячие камни и т. д., больной вошел внутрь. Певец-жрец и четыре помощника пели под аккомпанемент трещотки. По окончании песнопения Хасджелти и Хостджогон появились, как и в предыдущие дни. Хасджелти снял покрывала с входа, и больной вышел и сел на одеяло к югу от входа и окунул обе руки в чашу с сосновыми иголками и водой; затем он выпил из нее и окунул ноги и голени до бедер, руки и плечи, тело, лицо и голову, а затем вылил остатки воды на спину. Хасджелти манипулировал правой ногой с помощью овечьего рога и шкуры, потирая верхнюю часть ноги правой рукой, а затем нижнюю часть левой; затем он потирал бока ноги таким же образом, каждый раз издавая крик; руки, грудь, голова и лицо манипулировались аналогичным образом. Хостджогхон повторял уханье каждый раз, когда менял положение рук. Хасджелти, взяв тыкву с водой и кукурузной мукой, дал больному четыре глотка, ухая каждый раз, когда подносил чашу к губам; Хостджогхон делал то же самое. Песня и гремушка продолжались. Затем Хасджелти нанес порошкообразные растения из маленькой вазы на подошвы ног, колени, ладони, грудь, спину, плечи и макушку головы больного, издавая звук «ху» каждый раз, когда наносил порошок; Хостджогхон повторял его действия. Больной сделал глоток из чаши и втер остатки в тело. Затем певец-жрец снял палочки с основания потной хижины и покрывала с двери; сосновые ветки и горячие камни также были удалены, и больной пошел впереди певца-жреца к лечебной хижине. Вся древесина потной хижины была помещена на дерево, за исключением четырех небольших кусков, которые были сложены вместе с сосновыми ветками изнутри потной хижины в полукруг, образованный камнями из потной хижины у основания соснового дерева. На вершине полукруга была рассыпана линия муки длиной 2 дюйма, идущая с востока на запад, и на эту линию была положена черная трубка. Немного муки было рассыпано на трубку и часть на сосновые ветки этого небольшого святилища. Перед тем как посыпать муку на верхушку лекарственной трубки, помощник махнул рукой по кругу слева направо, произнося «hooshontko», что означает: «Широкие благословения, которые приходят не от произнесенных слов, а приходят ко всем, чтобы люди могли получить благословения кукурузной пыльцы и чтобы языки могли говорить с мягкостью кукурузной пыльцы».

ВТОРАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Перед теургом был расстелен коврик. На коврике были размещены четыре трубки с лекарством: белая — на северном конце, вторая — черно-красная, с белой линией, разделяющей два цвета, третья — синяя, четвертая — черная. Белая трубка была подношением Хасджелти, красная — Заадольтджаи, синяя — Хостджобоарду, черная — Нааскидди, горбуну. Трубки были наполнены, как описано выше. Эти трубки были начаты и закончены одним и тем же человеком. (См. табл. CXVI.) Когда трубки были закончены, их поместили в кукурузные листья и кусочки хлопчатобумажной ткани; сначала на листья и ткань были положены крошечные кусочки бирюзы, белой ракушки, ушка и древних черных бус. Четыре индюшиных пера с полосатыми кончиками, лежавшие на ковре, были

затем помещены на трубки. Эти посылки были орошены священником-певцом кукурузной пыльцой, и после их закрытия он поместил их в руки инвалида, который сидел в северо-восточном углу ковра, лицом к востоку. Священник-певец сел перед ним и произнес длинную молитву, которую повторил инвалид. В конце молитвы пожилой слуга принял посылки от теургиста и поместил их на подошвы ног, ладони и т. д. инвалида. Затем их поднесли к его рту, и он сделал от них глубокий вдох. Старик отнес пакеты на юг, за холм, и положил их в укромных местах на расстоянии около 4 футов друг от друга, повторяя над каждым из них короткую молитву; затем он сделал жест в сторону востока, юга, запада и севера и вернулся в хижину. Во время его отсутствия хор пел; тем временем огонь в хижине превратился в угли.

ТРЕТЬЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Около полудня было сделано круглое ложе из песка высотой около четырех дюймов и диаметром четыре фута. На него были положены пять зерен кукурузы и пять сосновых веток; четыре зерна кукурузы и четыре ветки были размещены по сторонам света. Пятая, центральная сосновая ветка покрывала большую часть круга, ее концы были направлены на восток. Пятое зерно кукурузы было брошено в центр песчаного ложа. (См. табл. CXVII, 1). Четыре из этих сосновых веток были срезаны с восточной, южной, северной и западной сторон одного дерева. Пятая ветка может быть взята с любой части дерева. Из пяти зерен кукурузы одно должно быть белым, одно желтым, одно синим, а два других зерна могут быть любого из этих трех цветов. В данном конкретном случае было два синих, два белых и одно желтое. После церемонии эти зерна были высушены и измельчены теургом и помещены среди его лекарств. Ветки и песок поглотили болезнь от больного, и в конце церемонии их отнесли на север и поместили в тенистом месте, чтобы солнце не могло коснуться их и развить скрытую болезнь, которая была поглощена ими. Ветки и песок после этого нельзя было трогать. Перед кругом была поставлена корзина апачей, содержащая корень юкки и воду. (См. табл. CXVII 2.) К югу от нее стояла вторая корзина, в которой была вода и достаточное количество сосновых иголок, чтобы образовать сухую поверхность, а сверху — несколько ценных ожерелий из кораллов, бирюзы и серебра. На краю корзины был образован квадрат из четырех индюшиных палочек. (См. табл. CXVII 3.) Певец-жрец с погремушкой возглавил хор. Больной сидел к северо-востоку от круга; его единственной одеждой была набедренная повязка. Во время пения слуга делал пену из юкки. Корзина оставалась на месте; мужчина наклонился над ней, лицом к северу; его положение позволяло лучам солнца, проникавшим через отверстие для огня, падать на пену. Когда корзина превратилась в массу белой пены, помощник смыл пену с рук, вылив на них воду из тыквы, после чего певец-жрец подошел и нарисовал крест над пеной кукурузной пыльцой, которая оставалась твердой, как взбитые яичные белки, а плечи креста указывали на стороны света. Затем по краю пены был нарисован круг из пыльцы. Помощник, который приготовил пену, коснулся правой рукой четырех точек линий из пыльцы и центра, а затем положил ее на голову пациента, который сначала обнял песок и корзину, а затем преклонил колени на ветках в центре песка.[3] Затем на его голову была нанесена горсть пены. Корзина была поставлена рядом с ним, и он тщательно омыл голову; затем создатель пены помог ему омыть все тело пеной, а кусочки юкки были втерты в тело. Пение продолжалось на протяжении всей церемонии и закончилось, когда помощник вылил остатки пены на голову больного. Певец-жрец собрал четыре палочки из второй корзины, а помощник собрал ожерелья. Второй помощник поставил корзину перед больным, который теперь сидел в центре круга, и первый помощник помог ему обмыть все тело этой смесью; тело было полностью покрыто сосновыми иголками, которые стали очень мягкими от замачивания. Затем больной вернулся на свое прежнее место слева от священника-певца, а сосновые иголки и юкка вместе с песком были вынесены и сложены у подножия соснового дерева. Тело больного высушили, натерев мукой.

ТАБЛИЦА CXVII. 1. СОСНОВЫЕ ВЕТКИ. 2, 3. КОРЗИНЫ.
Увеличить

ЧЕТВЕРТАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Эта церемония началась почти сразу после завершения предыдущей. Ковер был расстелен на земле перед священником-певцом; четыре связки маленьких палок были принесены и сложены в кучи к северу, югу, востоку и западу от ковра. Четверо помощников сели, каждый перед своей кучей, и соскобли кору с своих куч; затем они отрезали двенадцать кусочков длиной 2 дюйма, за исключением помощника, сидевшего на севере, который отрезал кусочки длиной около 1¼ дюйма. Когда его спросили, почему он отрезал кусочки короче, чем остальные, он ответил: «Все люди не одинакового роста». Палки были заострены с одного конца и обрезаны под прямым углом с другого. Чтобы все палки были одинаковой длины, их измеряли, положив на них три первых пальца. Пятый человек сидел сразу справа от священника, который взял полый тростник из большого мешка с лекарствами и отрезал от него четыре куска, каждый шириной в три пальца. Тростник, который был отрезан каменным ножом, затем натерли местным табаком. Шесть палок из каждой стопки имели скошенные квадратные концы; они олицетворяли женщин. Помощник на восточной стороне ковра, закончив двенадцать палок, покрасил их в белый цвет мелко измельченным каолином, смешанным с водой. Плоские концы палочек были окрашены в черный цвет; скошенные части были окрашены в синий цвет; вокруг нижнего конца синего цвета был небольшой желтый участок, который символизировал челюсть, окрашенную кукурузной пыльцой. На синем фоне были нарисованы три черные точки, символизирующие глаза и рот; основной цвет наносился пальцем; остальные украшения были выполнены с помощью кистей из юкки. Человек на южной стороне окрасил свои палочки в синий цвет. Верхушки шести палочек были окрашены в желтый цвет, а шесть — в черный. Черные концы были теми, которые имели скошенные пятна. Эти пятна были синего цвета с желтым подбородком; на них также были нанесены три черные точки для глаз и рта. Человек на западе покрасил свои палки в желтый цвет с плоскими концами черного цвета; скошенные пятна шести из них были синего цвета с желтым подбородком и тремя черными точками для глаз и рта. Палки на севере были окрашены в черный цвет; шесть из них имели скошенные части, окрашенные в синий цвет с желтым подбородком и тремя точками для глаз и рта; шесть палок, которые не были скошены, имели плоские вершины, окрашенные в синий цвет. Все эти палки были положены на ковер плоскими концами наружу. Слуги, которые подготовили тростники, каждый из которых был окрашен в цвет одной из сторон света, наполнили их шариками из перьев колибри и табаком и зажгли их кристаллом, когда к ним прикоснулись кукурузной пыльцой. Тростник для востока был белым, для юга — синим, для запада — желтым, а для севера — черным. Каждый тростник был помещен в соответствующую точку в линии с палками. (См. табл. CXVIII.) Затем теург вышел вперед,

неся корзину, наполовину наполненную кукурузной мукой. Он поместил ее в центр ковра; преклонив колени на краю ковра и начав с белых палок, он сначала поместил белую трость в восточную часть корзины, а затем, проходя от этой точки вправо, поместил шесть подношений богам, а затем шесть подношений богиням. Затем он взял синюю трубку на южном конце и поместил ее слева от белой линии палочек, оставив достаточно места для палочек между ней и белой трубкой; все синие палочки были помещены в положение, соответствующее белым. Затем следовали желтые, а затем черные. Все они были размещены так, чтобы их плоские концы или головки были направлены к краю корзины. Теург поместил корзину в нишу на кучу палочек из индюшиных перьев, которые лежали на большом мешке с лекарствами. Палочки и обрезки, оставшиеся после изготовления трубок, были вынесены и утилизированы без церемонии.

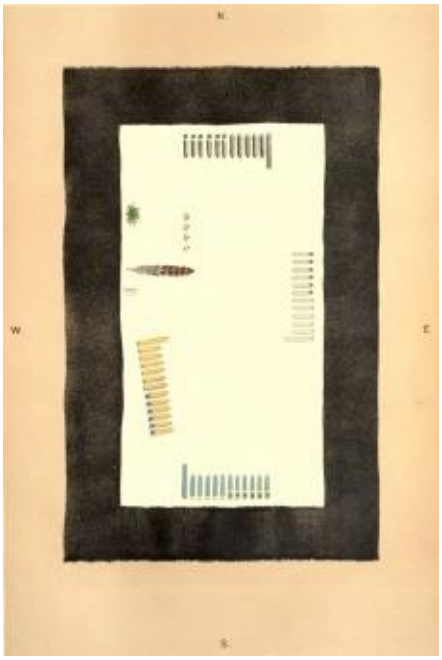


ТАБЛИЦА CXVIII. КОВРИК И ЦЕЛИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ И ПАЛОЧКИ.
Увеличить

ПЯТАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Ковер, который был расстелен перед священником-певцом, состоял из двух одеял, края которых соединялись, и на этом ковре были две линии масок, идущие с севера на юг; вершины масок были обращены на восток. Было шестнадцать масок; те, которые изображали богов, покрывали голову, а те, которые изображали богинь, покрывали только лицо. Они были украшены лентами, перьями и т. д. В первой половине дня над ними произносились молитвы и посыпалась мука.

ШЕСТАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Сразу после наступления темноты те, кто должен был участвовать в церемонии, готовились изобразить одного из Хостжобокона и двух из Хостжоборда (богинь) — Хостжогхона и Хасджелти. Тело и конечности Хостжобокона были раскрашены, он был одет в шкуру пумы, сложенную пополам и закрепленную вокруг поясницы сзади, а талия была опоясана серебряным поясом. Хасджелти носил бриджи до колен и рубашку из черного бархата, украшенную серебряными пуговицами. Его лицо и руки были покрыты белым каолином. Тело Хостджогона было раскрашено в белый цвет, а на бедрах он носил красный шелковый шарф, закрепленный серебряным поясом. Двум мужчинам,

изображавшим богинь, раскрасили конечности в белый цвет; один из них носил черную ленту вокруг бедер, закрепленную серебряным поясом. Другой носил красный шерстяной шарф и серебряный пояс; сзади поясов свисали серые лисьи шкуры. Перед тем как покинуть хижину, маски были прикреплены к их головам с помощью веревки и пряди волос, а затем сняты с головы. После небольшого веселья все покинули хижину. Больной вошел в хижину и, ступив на кусок белого хлопка, который был положен по диагонали через ковер с северо-востока на юго-запад, снял свою одежду. Хижина теперь была очень переполнена. Огонь, который ярко горел в течение дня, превратился в угли. Помощник слева от священника-певца открыл хор с помощью трещотки. Недужный сел на хлопковую ткань. Хасджелти, войдя с любимым криком среди трещотки и песен, четыре раза поместил квадрат (олицетворяющий сосредоточенные ветры) над головой недужного и выбежал из хижины. Он вошел снова и получил от теургиста одну из двенадцати белых палочек, которые утром были помещены в корзину. Ему была вручена белая палка, наиболее удаленная от белого тростника. Хасджелти поместил ее на подошвы ног, колени, ладони и т. д. больного, среди криков и пантомимы, после чего выбежал и бросил палку на восток. Один из Хостджобордов вошел и получил следующую белую палку, и после той же церемонии выбежал и бросил ее на восток. Хостджобокон вернулся, и теург передал ему следующую белую палку, после чего он повторил церемонию, поспешил из хижины и бросил палку на восток. Хостджобоард снова вошел, получил палку, повторил церемонию, выбежал и бросил ее на восток; и так Хостджобокон и Хостджобоард чередовались, пока все белые палки не были израсходованы, после чего Хасджелти снова появился, получил от певца-жреца белую тростниковую сигарету и вынес ее из хижины. Когда он вернулся, теург вручил ему одну из синих палочек, с которой он повторил церемонию и, выйдя из хижины, бросил ее на юг, после чего Хостджогон и Хостджобоард поочередно распределили синие палочки в том же порядке, в котором были распределены белые палочки. Желтые и черные палочки были утилизированы аналогичным образом, Хасджелти проводил церемонию с первой палочкой каждого цвета и тростниками. Желтые палочки были брошены на запад, черные — на север. Все это происходило под дикие крики и пение хора, сопровождаемые трещоткой.

Хасджелти снова появился и четыре раза поместил квадрат над головой больного под дикие крики. Четыре сигареты, которые должны были выкурить боги, были затем взяты четырьмя исполнителями ролей богов и помещены в укромном месте под деревом и посыпаны кукурузной пыльцой; после их возвращения Хасджелти снова поместил квадрат над головой больного. Певец-жрец поместил два горящих угля перед больным, а на угли положил щепотку табака, дым которого вдыхал больной. Помощник полил угли водой, после чего их выбросили в огонь у входа в хижину. Исполнители ролей богов вернулись в хижину, неся в руках свои маски. Больной одел свою одежду и сел на коврик, но вскоре вернулся на свое прежнее место на северо-западной стороне хижины. Жрец пота появился с большой буйволиной шкурой, которую он разложил перед жрецом-певцом, головой на север, и на нее были положены различные виды ситца, аккуратно сложенные по длине шкуры. Их было много метров. На ситце было разложено тонкое крупное оленье кожаное покрывало, а на нем — белый муслин; все это были подарки инвалида священнику-певцу. Затем маски были положены на хлопок (см. табл. CXV, 7, 8); маска Хасджелти находилась на восточной стороне у северного конца, маска Хостджогона — у южного конца, а между ними были размещены шесть масок Хостджобокона. Сразу под ними находились шесть Хостджобоард, а под ними — маски Найенэсгони и Тобайдищинни на северном конце. Три другие маски Эцесле следовали в линии, идущей на юг. После того, как все маски были правильно расставлены, певец-жрец окропил их пыльцой. Начиная с Хасджелти, он окропил каждую маску верхнего ряда следующим образом: сверху головы по центру лица, затем, образовав своего рода полукруг, он прошел по правой щеке, а затем, проведя рукой назад влево, окропил ту же линию по левой щеке. Второй и третий ряды были просто окроплены пыльцой по линии, проходящей по маскам, начиная с северного конца. Теург повторял молитву во время посыпания пыльцой, затем передавал мешок с пыльцой священнику потной хижины, который повторял посыпание масок, когда все в хижине, каждый со своим индивидуальным мешком с

пыльцой, спешили вперед и посыпали маски, одновременно произнося молитвы. Теург и священник потной хижины снова посыпали маски пыльцой, как описано выше.

Корзины и миски в неограниченном количестве, наполненные едой, были расставлены по кругу вокруг костра, который теперь ярко горел. Гости разбились на группы и подтянули еду к себе, но не трогали ее некоторое время. Инвалид, певец-жрец и его помощники увлеклись курением, которое было скорее социальным, чем религиозным, поскольку в таких случаях предпочтение отдается табаку белых людей. В хижину вошли девочка и мальчик, примерно 12 лет от роду. Мальчик был сыном инвалида, девочка — ребенком его сестры. Мальчик преклонил колени на северо-восточном конце ковра, а девочка — на юго-восточном. Они были богато одеты в одежды из одеял навахо, коралловые ожерелья и т. д. и сидели совершенно тихо. Теург и его помощники разговаривали между собой тихим голосом, и если обитатели хижины и говорили, то их голоса были едва слышны. Через некоторое время хор начал петь под руководством певца-жреца с его погремушкой. Во время пения погремушка передавалась от одного к другому. Больной не присоединился к пению. Хор пел без перерыва в течение часа, затем отдыхал 2 минуты, после чего снова начинал и продолжал еще час.[4] По окончании пения певец-жрец передал девушке жезл из индюшиных перьев, взятый из корзины с перьями, которая стояла с западной стороны от него с момента размещения масок. Другая палочка была передана мальчику; дети получили некоторые инструкции от певца-жреца, который говорил тихим голосом, после чего слуга наполнил водой из плетеного кувшина корзину, которая стояла на протяжении всей церемонии на восточной стороне ковра.

Пение возобновилось, и, окунув палочку в корзину с водой, мальчик окропил маски, начиная с северного конца и восточного ряда. Девочка повторила то же самое. Восточный ряд масок был окроплен дважды. Когда дети окропили средний и западный ряды, церемония всегда начиналась с северного конца каждого ряда масок; снова окунув свои палочки в воду, мальчик начинал с северной стороны, а девочка с южной, и они окропили обитателей хижины. Дети были очень неуклюжими, и их неуклюжесть усугублялась многочисленными упреками, которые им делали за их ошибки. Окропление людей продолжалось до тех пор, пока вода не закончилась. Хижина также была окроплена по сторонам света. Песня не прекращалась на протяжении всей церемонии. Девочка и мальчик заняли назначенные им места, а слуга с тростником, наполненным священным табаком, пускал дым над масками, окуривая каждую маску по отдельности в восточном ряду; средний и западный ряды он пропустил. Пока это делалось, помощник брал по щепотке от всех различных блюд и складывал то, что он собрал, в корзину в нише за певцом-жрецом.[5] После того, как маски были окурены, помощник обкурил дымом всех людей, начиная с северной стороны хижины. Во время окуривания пение прекратилось, но возобновилось, когда помощник занял свое место. В конце песни священная еда была смешана с водой в глиняной миске зуни. Эта еда состоит из зеленого кукурузы, запеченной в земле, а затем измельченной. Во время приготовления этой лекарственной смеси певец-жрец пел: «Эта еда смешана для людей скал! Мы кормим вас этой едой, о люди скал!» Затем теург окунул указательный палец в смесь и, быстро проведя рукой по маскам с севера на юг, коснулся каждого рта; каждая линия прошла четыре раза. Больной окунал три первых пальца в корзину, поместил их в рот и с громким звуком втянул воздух. Это повторялось четыре раза больным, а затем каждым из сопровождающих, после чего все обитатели хижины должны были принять участие в смешивании. Это сопровождалось молитвой о дожде, хорошем урожае, здоровье и богатстве. Теперь все руки участвовали в пире.

ПИЩА, ПРИНЕСЕННАЯ В ХАТИНУ.

Да'ттунеигай	Лепешки из пшеничной муки, обжаренные.
Табаэстч'лони	Лепешки из кукурузной муки, завернутые в кукурузные листья и отваренные.
Tanā’shkiji	Густая каша, вареная и перемешиваемая палками.
Нэнескади	Тортильи.
Табиджай	Четыре маленьких шарика из кукурузной муки, завернутых в кукурузные листья и сваренных.

Инсидокуи	Кукурузный хлеб с солью, приготовленный из молодой кукурузы, завернутый в кукурузные листья и запеченный в пепле.
Ткадити	Каша из белой кукурузной муки.
Клеса'хн	Тесто из кукурузной муки в виде прямоугольных лепешек, запеченных в пепле, горячей земле или песке.
Цесте'лттсои	Лепешки толщиной около 6 мм, приготовленные из сладкой кукурузы, смешанной с козьим молоком, и запеченные на горячем камне.
Цесте	Хлеб из кукурузы, сначала поджаренной, а затем мелко измельченной и превращенной в жидкое тесто, которое выпекается на тщательно отполированной лавовой плите. Хрустящие прозрачные листы складываются или сворачиваются.
Tki'neshpipizi	Небольшие шарики из кукурузной каши.
То'тконджи	Корн-мил-кейки толщиной в четверть дюйма из старого кукурузного зерна, запеченные на сковороде; они приправлены солью.
Элкаандт	Хлеб из сладкой кукурузы, которую сначала обжаривают, затем измельчают на метате, а затем жевут женщины и девочки и помещают в плоскую корзину; для этого используется только желтая или белая кукуруза, синяя кукуруза для этих целей не используется. Каша готовится из белой или желтой кукурузной муки, и в нее добавляется первая смесь, которая превратилась в дрожжи. Затем в земле (рядом с костром) выкапывается яма, выстилается шелухой, в которую выливается каша, затем она накрывается шелухой, после чего на нее насыпается земля и разводится большой костер, который горит всю ночь. Рано утром, когда хлеб оказывается испеченным, удаляются зола и угли.
Тклехельо	Дрожжи для этого хлеба готовятся так же, как и для Älkaandt, за исключением того, что кукуруза запекается, а не обжаривается. Затем дрожжи смешиваются с мукой в плотное тесто и запекаются в кукурузных шелухах, в каждую упаковку кладут по четыре лепешки.
Та'натнил (напиток)	Приготовляется так же, как дрожжи для Älkaandt, только в этом случае из него делают напиток, заливая его кипятком.
Diz'etso	Тушеные персики (свежие или сушеные). Было также несколько больших мисок с тушеной бараниной.

На полу хижины образовались небольшие группы по три-пять человек; другие, менее удачливые, теснились у внешнего края хижины и могли получить еду только благодаря щедрости соседей. Девушка и юноша покинули хижину после того, как приняли участие в священном трапезе. После перекуса певец-жрец поднял каждую маску левой рукой, начиная с Хасджелти, и, сначала протянув правую руку, в которой держал большой красивый кристалл, к небу, он коснулся нижней части каждой маски кристаллом; он прошел над масками четыре раза. Хор пел, но не использовал трещотки. Затем кристалл был помещен на коврик напротив корзины с перьями. Сосуды с едой были убраны, и пение продолжалось некоторое время, пока певец-жрец не повторил длинную тихую молитву, после чего пение возобновилось, и так ночь прошла в молитвах и песнях над масками.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ.

ПЕРВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Корзина с пеной из юкки была подготовлена слугой, который очистил руки от пены, вылив на них тыкву с чистой водой; затем он нанес горсть пены на голову мужчины, который стоял перед ним, обнаженный, за исключением набедренной повязки, после чего мужчина вымыл голову из кувшина с водой, который слуга держал над головой купающегося . Купающийся покрыл свое тело пеной, а содержимое кувшина было вылито на пол хижины слугой. Мужчина одел обычную хлопчатобумажную одежду с редкими бусами на шее и кожаный мешок, прикрепленный к плечам ремнем из кожи горной овцы; он преклонил колени перед чашей с белым каолином, которым он намазал лицо; затем он сел между двумя слугами, один из которых, справа от него, держал щепотку местного табака, а другой, слева, держал кукурузную муку в ладонях правой руки.

На рассвете буйволиная шкура у входа в хижину была слегка приоткрыта, чтобы пропустить лучи приближающегося дня. Маски, над которыми всю ночь пели и молились, были убраны в нишу за певцом-жрецом. Девочка, которая выступала накануне вечером, вернулась в хижину, но я не заметил, чтобы она была там с какой-то целью, кроме как съесть оставшуюся еду, которая была собрана в два больших пакета и оставлена старой женщиной, убравшей сосуды после пира. Было положено красное одеяло, а на него — кусок белого хлопка. Была подготовлена тростниковая трубка длиной пять дюймов и в два раза большего диаметра, чем те, что использовались до сих пор. Трубка была окрашена в черный цвет обычным способом и наполнена пуховым шариком и табаком. Ее зажгли кристаллом и коснулись пыльцой. После завершения подготовки трубки больной сел на западной стороне ковра, а помощник, который готовил трубку, сел на западной стороне; он взял из одного мешочка четыре белых ракушечных бусины и из другого бирюзовую бусину; он обвязал кольцом из белой хлопчатобумажной нити длиной около трех футов конец трубки со пыльцой и прикрепил к кольцу два крыльчатых пера арктической синей птицы, одно с правого крыла и одно с левого, а также хвостовое перо той же птицы и три пера птицы с желтым оперением, с правого и левого крыльев и хвоста. Пять бусин были нанизаны на шнур, первым был нанизан бирюзовый; они были продеты по шнуру, а два подхвостных пера и волос из бороды индейки были прикреплены к концу шнура петлей, похожей на ту, которая крепила его к трубке. (См. табл. CXIX.) Это было великое (сигаретное) подношение Хасджелти, которое должно было быть помещено в каньоне возле источника, поскольку все птицы собираются у воды. Это подношение было сделано для того, чтобы певец-жрец мог передать свои молитвы прямо через линию песни. Это подношение обеспечивает присутствие этого самого ценного бога и наполняет ум певца-жреца песнями и молитвами, которые выходят из него без колебаний и без раздумий, так что ему никогда не приходится думать над своими словами. Небольшое количество каждого вида песка, используемого для украшения, помещалось на шелуху с небольшим количеством табака, а на них — щепотка кукурузной пыльцы; затем трубка клалась на шелуху, а веревка и перья аккуратно укладывались. Два дополнительных пера, нижние хвостовые перья орла и индейки, были положены на шелуху. Синее перо окунали в воду, затем в пыльцу и дважды протирали эти перья; помощник складывал пакет, и певец-жрец принимал его и прикасался им к подошвам ног, коленям, ладоням, груди, спине и рту больного; затем он положил щепотку пыльцы в рот больного и щепотку на макушку головы; он поместил сложенную шелуху в руку больного, встал перед ним и прошептал длинную молитву, которую больной повторял за ним. Способ держать шелуху был описан ранее. Человек с раскрашенным лицом получил шелуху от теургиста, который вернулся на свое место и сразу же начал пение с помощью погремушки. В конце песнопения « » державший шелуху коснулся ею подошв ног, ладоней и т. д.

больного и покинул хижину. Этот драгоценный пакет был отнесен на расстояние трех миль и помещен в каньоне возле источника, где рос густой тростник. Поместивший пакет произнес молитвы о здоровье, дожде, пище и удаче для всех. На этой церемонии присутствовали только теург, его помощники и несколько близких родственников больного.

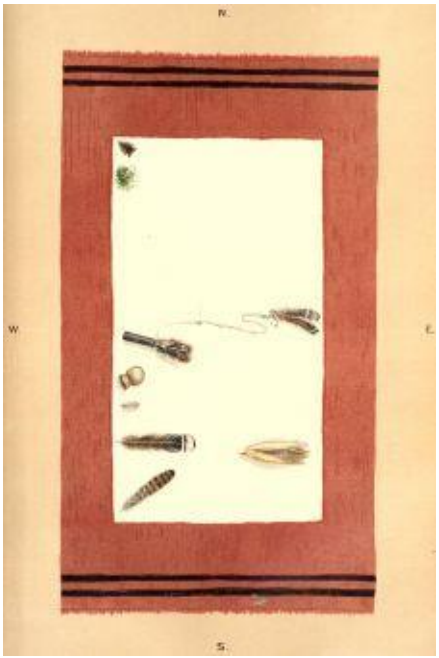


ТАБЛИЦА CXIX. ОДЕЯЛО И ТРУБКА ДЛЯ ЛЕКАРСТВ.
Увеличить

ВТОРАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Жрец потной хижины шел впереди больного и певца-жреца, который нес свою корзину с лекарствами, палочки и т. д. Горячие камни и сосновые ветки были помещены в потную хижину; вокруг западного основания была рассыпана мука, и, как описано выше, певец-жрец положил палочки. Над входом были размещены три одеяла с белыми и черными полосками, одно на другое, а на них — оленья кожа и несколько слоев белого муслина. Слуга принес большую чашу для лекарств, наполовину наполненную сосновыми иголками; на них вылили воду; маленькую глиняную чашу и тыкву с водой поставили перед певцом-жрецом, который положил в чашу нарезанный шалфей, на который он посыпал сушеные продукты, измельченные в порошок; небольшое количество муки также было посыпано в тыкву и чашу. Затем началось пение. Небольшая сосновая ветка была положена справа от входа в потную хижину. В начале песни боги призывались наделить лекарство силой, чтобы полностью вылечить больного и сделать всех людей здоровыми, а также обеспечить влажную и плодородную землю по всей земле. Эта песня специально адресована Тонееннили, разбрызгивателю воды.

Хасджелти и Хостджогон прибыли как раз в тот момент, когда больной вышел из потной хижины. Больной омылся из чаши с сосновыми иголками и водой. Взяв овечий рог в левую руку и кусок кожи в правую, Хасджелти нажал на тело больного, как описано выше. Жрец потной хижины попросил бога уделить особое внимание растиранию головы больного. Маленькая тыква была передана Хасджелти, который дал больному четыре глотка ее содержимого. Хасджелти коснулся подошв ног, ладоней и т. д. больного лекарственной водой из чаши. Затем боги внезапно исчезли. В этот раз Хостджогон не принимал участия в применении лекарства . Больной, надев одежду, направился в хижину, а за ним последовал певец-жрец. Потовая хижина была снесена, как обычно, а сосновые

ветки и камни были помещены к северу от дома в небольшом сосновом дереве; бревна дома были сложены на земле в нескольких футах от дерева. На бревна была посыпана мука длиной с лекарственную трубку, и трубка была положена на них. Мука была посыпана на трубку и бревна.

ТРЕТЬЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Первая роспись песком была выполнена 16 октября; она началась ранним утром и была завершена к закату солнца. Обычный желтоватый песок был принесен в одеялах. Он послужил фоновым цветом для росписи. Его уложили в виде квадрата глубиной 3 дюйма и диаметром 4 фута. На нем были нарисованы три фигуры в соответствии с описанным способом росписи радуги над потной хижиной. Девять индюшиных палочек были размещены на южной, западной и северной сторонах квадрата, а линия из муки с четырьмя отпечатками ног простиралась от входа в хижину до рисунка. (См. табл. CXX.)

Хасджелти стоит на северном конце иллюстрации, держа эмблему сосредоточенных ветров. Квадрат украшен по углам орлиными перьями, привязанными хлопковым шнуром; орлиное перо прикреплено к голове Хасджелти хлопковым шнуром. Верхние горизонтальные линии на лице обозначают облака; перпендикулярные линии обозначают дождь; нижние горизонтальные и перпендикулярные линии обозначают первую растительность, используемую человеком. Подбородок Хасджелти покрыт кукурузной пыльцой, голова окружена красным солнечным светом, красные поперечные линии на синем фоне обозначают гортань; он носит серьги из бирюзы, бахрому на белых замшевых гетрах и мокасины с бисером, привязанные хлопковым шнуром. Фигура на южном конце — Хостджогон; у него тоже на голове орлиное перо, окруженное красным солнечным светом. Его серьги из бирюзы; на запястьях у него ленты из лисьей шкуры; их свободные концы богато украшены бисерными подвесками, прикрепленными хлопковыми нитками; он несет жезлы из перьев дикой индейки и орла, украшенные красными, синими и желтыми солнечными лучами. Центральная фигура — один из Хостджобоконов, и на этой фигуре сидит инвалид, для которого проводится церемония. Четыре следа сделаны из муки. Больной наступает на них, когда подходит и садится, подтянув колени, на центральную фигуру. После наступления темноты больной прошел по линии из муки, стараясь наступать на следы, чтобы укрепить свои умственные и моральные качества. Больной снял одежду сразу после входа в хижину; у него были пуховые перья орла, прикрепленные к косичке белым хлопковым шнурком; он подошел к рисунку и сел на центральную фигуру. За ним следовал слуга, который правой рукой сметал линию муки после инвалида, удаляя все следы. Вход инвалида в хижину был сигналом для певца-жреца начать песню с трещоткой. Хасджелти и Хостджогон ворвались в хижину, дико крича. Первый нес квадратный « » (, «сосредоточенные ветры»), который он поместил над головой больного. Хостджогон нес в каждой руке палочку из индейки, которыми он махал над головой больного и кричал; это повторялось четыре раза, и каждый раз боги выбегали из хижины. Хасджелти был одет в бархатное платье, а тело Хостджогона было обнажено и окрашено в белый цвет. После этой дикой, странной церемонии больной встал, и певец-жрец собрал палочки из индейки вокруг рисунка, а помощник стер его, потерев руками песок к центру. Песок собрали в одеяло, вынесли из хижины и сложили на некотором расстоянии от нее, где солнце не могло породить микробы болезни. Никто не прикасается к песку после того, как его вынесли, хотя перед тем, как картины стирают, люди требуют прикоснуться к ним, а затем потирают руки по своим телам, чтобы излечиться от любой болезни. Больной, надев одежду, вернулся в хижину своей семьи. Затем группа людей собралась вокруг места, где были картины, и присоединилась к странному пению, которое завершило церемонию пятого дня.

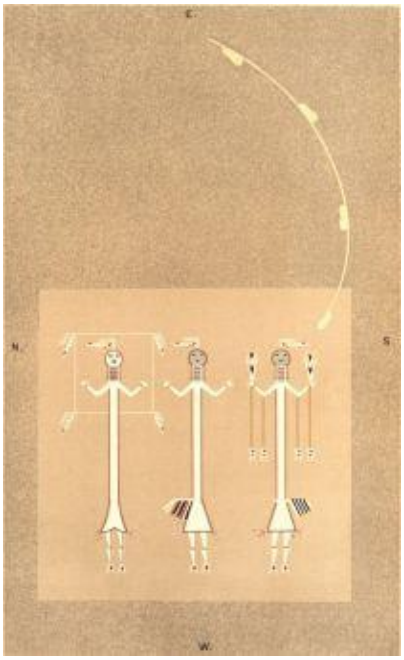


ТАБЛИЦА CXX. ПЕРВАЯ ПЕСЧАНАЯ РИСУНОК.

Увеличить

ШЕСТОЙ ДЕНЬ.

Подготовка к созданию большой картины из песка началась с рассветом. Песок для основы принесли в одеялах; сначала убрали огонь, который горел во время предыдущих церемоний, и все следы его покрыли песком. Поскольку художники должны были начать рисовать с центра картины, сначала нанесли только часть основного цвета, чтобы им было легче работать. Пока наносился фон, один из мужчин сидел сбоку от хижины, растирая мететом и смешивая краски. Из потухшего костра взяли уголь для приготовления черной краски. К углю добавили небольшое количество красного песка, чтобы придать ему плотность и вес. Все цвета, использованные в этой картине из песка, были упомянуты в описании радуги над потной хижиной. После того, как центральная часть основания для рисунка была выровнена, на ней был нарисован черный Иерусалимский крест. Обычно единственным ориентиром для рисования линий был глаз, хотя в двух случаях использовалась ткацкая палочка. Как правило, работали четыре художника, каждый из которых начинал с одной из точек креста. Каждый из лучей креста был завершен художником, который начал работу. Иллюстрацию рисунка см. на пластинке CXXI.

Черные поперечины на иллюстрации обозначают сосновые бревна; белые линии — пену на воде; желтые — растительные остатки, собранные бревнами; синие и красные линии — солнечные лучи. Синее пятно в центре креста обозначает воду. Есть четыре Хостжобокона с их женами Хостжобордами; каждая пара сидит на одной из поперечин бревен. Эти боги держат в правой руке погремушку, а в левой — веточки пиньона; жены или богини держат веточки пиньона в обеих руках; погремушка приносит мужские дожди, а пиньон, который несут женщины, — женские дожди; эти дожди встречаются на земле, зачинают и рождают всю растительность . Их головы украшены орлиными перьями, привязанными хлопковым шнуром. (Примечание: во всех случаях круглая голова обозначает мужчину, а восьмиугольная — женщину). Боги также имеют пучок перьев совы и орла на левой стороне головы; как мужчины, так и женщины носят бирюзовые серьги и ожерелья из того же материала. Гортань представлена параллельными линиями поперек синего цвета. Линия солнечного света окружает голову как мужчин, так и женщин. Белые пятна на боках головы женщин обозначают уши. Руки богинь покрыты кукурузной пыльцой, а к запястьям прикреплены длинные ленты из лисьей шкуры, как показано на картине номер один. Все носят мокасины с бисером, завязанные хлопковым шнурком. Их подбородки покрыты кукурузной пыльцой, а тело окружает красный солнечный свет. Юбки имеют только дополнительную линию синего солнечного света. Хасджелти находится к востоку от картины. Он несет беличью шкуру, наполненную табаком. Его рубашка из белого хлопка и очень эластична. Гетры из белой оленьей шкуры с бахромой, а мокасины похожи на другие. Его голова украшена орлиным хвостом, и на конце каждого пера есть пушистое перо с груди орла. С обеих сторон орлиного хвоста, где он прикреплен к голове, находится пучок перьев ночной совы. Горизонтальные и перпендикулярные линии на лице были упомянуты в описании первой песчаной картины. Выступ справа от горла — это лисья шкура. Головной убор Хостджогона похож на головной убор Хасджелти. Две полоски бобровой шкуры с шестью иголками дикобраза прикреплены справа от горла. Четыре цветные звезды на теле — это украшения из бус. Рубашка этого бога невидима; темный цвет — это цвет тела. Хостджогхон несет посох, окрашенный в черный цвет с помощью обугленного растения. Навахо раскрашивают свои тела с помощью того же растения. Верхняя часть посоха украшена хвостом индейки, привязанным к посоху белым хлопковым шнуром; перья орла и индейки поочередно прикреплены к посоху с помощью шнура.

Нааскидди находятся к северу и югу от картины; они несут посохи молнии, украшенные перьями орла и лучами солнца. Их тела обнажены, за исключением набедренных юбок; их гетры и мокасины такие же, как у других. Горб на спине — это черное облако, а три группы белых линий обозначают

кукурузу и другие семена растений. Пять орлиных перьев прикреплены к спинам облаков (орлы живут с облаками); тело окружено солнечным светом; красные и синие линии, обрамляющие пучок на спине, обозначают солнечные лучи, проникающие сквозь грозовые облака. Черный круг с белым зигзагом вокруг головы — это облачная корзина, наполненная кукурузой и семенами травы. По обеим сторонам головы расположены пять перьев краснохвостого дятла (*Colaptes cafer)*; к правой стороне горла прикреплена лисья шкура; рога горного барана заканчиваются нижними хвостовыми перьями орла, привязанными хлопковым шнуром. Рога заполнены облаками. Картину дополняет богиня радуги, на которой часто путешествуют эти боги.

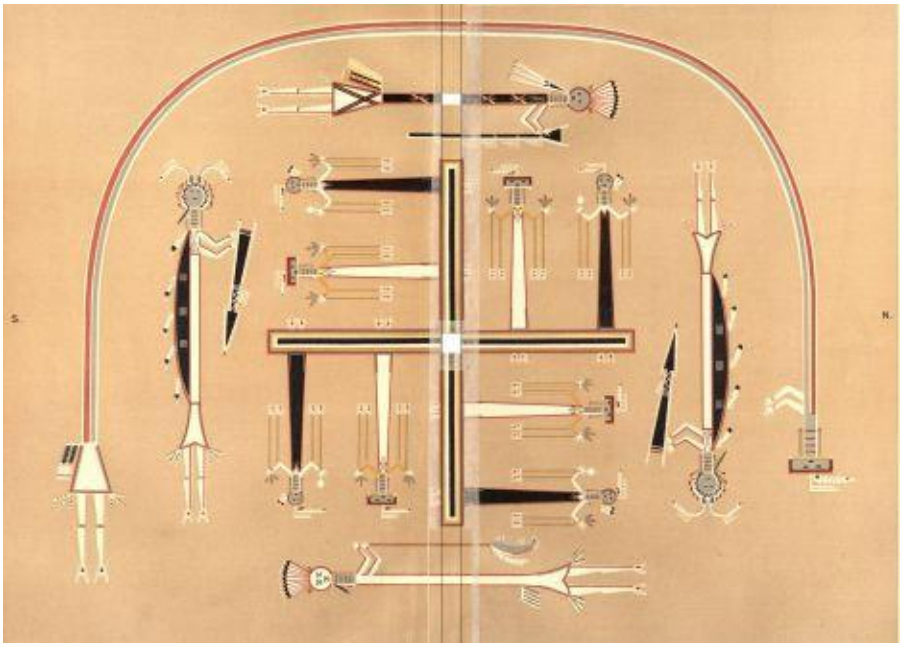


ТАБЛИЦА CXXI. ВТОРАЯ ПЕСЧАНАЯ ЖИВОПИСЬ.
Увеличить

По завершении росписи певец-жрец, стоявший к востоку от нее с мешком священной муки в руке, осторожно прошел между фигурами, посыпая пыльцой ноги и сердца каждой из них. Затем он посыпал пыльцой каждую щеку и середину лица фигур, после чего протянул правую руку на восток. Лицо окружающей радуги богини также было посыпано пыльцой. Певец-жрец разместил священные жезлы вокруг радуги, начиная с западной стороны картины, и повторил молитву, указывая пальцем на голову каждой фигуры. Он также поместил небольшую тыкву с целебной водой в руки богини радуги и положил на тыкву небольшую кедровую веточку. Больному, войдя в хижину, вручили корзину апачей, содержащую священную муку, которую он посыпал на рисунок и поместил корзину у ног богинь радуги; певец-жрец и хор пели под аккомпанемент трещотки. Вскоре после входа больного появился Хасджелти, взял вечнозеленое растение из тыквы, окунул его в целебную воду и окропил ноги, сердце и головы песчаных фигур, после чего больной сел в центре креста. Хасджелти дал ему глоток священной воды из тыквы и вернул тыкву на место; затем он последовательно коснулся правой рукой ног, сердца и головы каждой фигуры, каждый раз касаясь соответствующих частей тела инвалида. Каждый раз, когда Хасджелти касался инвалида, он издавал странный крик. После того как он коснулся песком всех рисунков, теург, выбрав несколько горящих углей из небольшого костра, который горел у двери, бросил их перед больным, который все еще сидел в центре рисунка. Теург положил травы, которые он взял из мешка из оленьей кожи, на угли, от которых исходил очень приятный аромат. Помощник окропил угли водой и через мгновение выбросил их из очага. Певец-жрец собрал палочки с краев картины, и четверо помощников начали стирать ее, соскребая песок из четырех сторон света к центру ( ). Люди снова поспешили взять песок с сердец, голов и конечностей фигур, чтобы натереть им себя. Песок собрали в одеяло и сложили у

подножия соснового дерева примерно в ста метрах к северу от хижины. Церемония завершилась песней.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ.

Первым делом в этот день была подготовка сложной картины из песка, и хотя художники усердно работали с самого рассвета, она была завершена только после 3 часов. Мельница для краски работала без перерыва, чтобы снабжать художников. Было замечено, что при рисовании некоторых линий художники использовали натянутую нить вместо ткацкой палочки. Когда пять фигур были завершены, шесть молодых мужчин вошли в хижину, сняли одежду и побелили свои тела и конечности каолином; затем они покинули хижину, чтобы просить еду у людей, которые теперь довольно густо собрались на плато, чтобы посмотреть на заключительные церемонии. Вершина плато на протяжении мили была переполнена индейцами, лошадьми, овцами и хоганами (хижинами); здесь и там можно было увидеть группы от 3 до 20 индейцев, играющих в азартные игры, а особый интерес вызывали бега пешком и на лошадях. По сути, люди в целом развлекались за счет инвалида. Богиня радуги Наттсилит, окружающая картину, была длиной около 25 футов. По завершении росписи певец-жрец окропил фигуры пыльцой, как описано выше, и вокруг картин посадил перьевые жезлы.

На иллюстрации к этой картине, Pl. CXXIII, Хасджелти будет узнаваем как лидер. Он несет оленью шкуру, наполненную священной мукой; на шкуре семь пятен в форме большого медведя. Оленячая шкура указывает на него как на вождя всей дичи. Именно Хасджелти создал дичь. Первые шесть фигур, следующие за Хасджелти, — это Этсетле. Следующие шесть фигур — их жены. Тонееннили, разбрызгиватель воды (*to* — вода, *yonily* — разбрызгивать), следует за ними, неся кувшин с водой, из которого он орошает землю. Этсетле носят гетры из кукурузной пыльцы, а предплечья богов покрыты пыльцой. Руки и тела их жен покрыты тем же. Юбки Этсетле богато украшены, а сумки по бокам украшены множеством бус, перьев и бахромы. Боги идут по черным облакам и туману (желтый цвет обозначает туман), а женщины — по голубым облакам и туману.

Во время церемонии принесли корзину апачей с мукой и поставили ее у ног богини радуги. Инвалид вошел в хижину, которая была заполнена привилегированными зрителями, взял корзину с мукой и посыпал фигуры слева направо; затем он снял всю одежду, кроме набедренной повязки, и встал к востоку от картины. Хостджогхон подошел к голове богини радуги, взял маленькую тыкву с лекарственной водой, окунул в воду кедровую веточку и окропил фигуры, затем коснулся веточкой ног, сердца и головы каждой фигуры, начиная с мужской фигуры на севере и проходя на юг, затем начиная с женских фигур на севере и проходя на юг. Недужный сел в центре картины, подтянув колени к подбородку. Хостджогхон поднес тыкву с лекарством к каждой фигуре и передал ее больному, который сделал четыре глотка, а Хостджогхон каждый раз, передавая тыкву больному, издавал крик. Вернув тыкву и веточку на прежнее место, он приложил ладони к ногам и голове каждой фигуры, а затем приложил ладони к соответствующим частям тела больного и несколько раз сжал его голову между руками. Прикоснувшись к любой части тела больного, Хостджогхон поднял руки вверх и издал один из своих характерных криков. Певец-жрец положил угли перед больным и травы на них, как он делал это накануне, а затем удалился. Угли были затем выброшены из отверстия для огня, и толпа бросилась к рисунку, чтобы потереть свои тела песком. Картина была уничтожена обычным образом, а песок вынесен и сложен у подножия соснового дерева примерно в 200 ярдах от хижины.

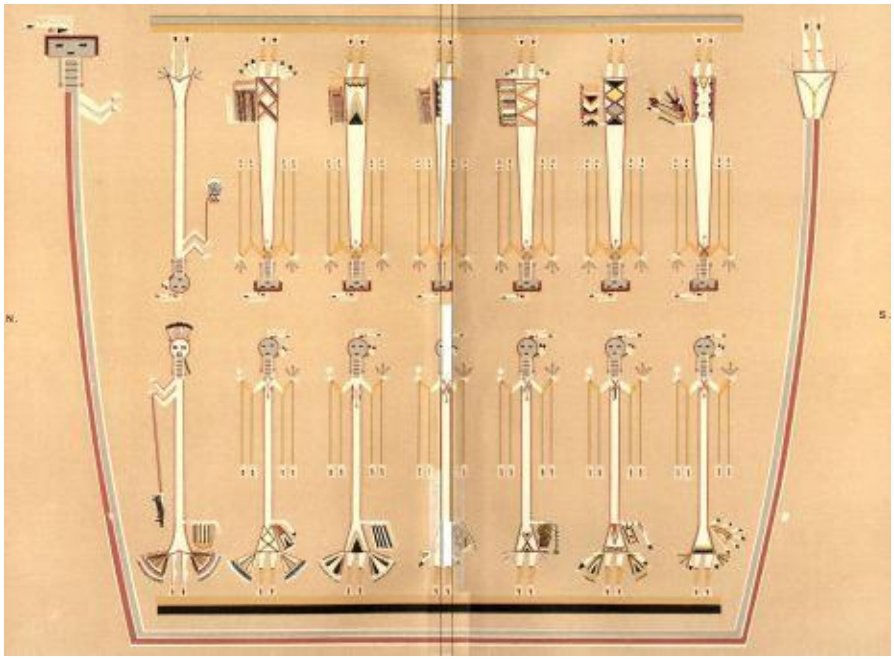


ТАБЛИЦА CXXII. ТРЕТЬЯ ПЕСЧАНАЯ РИСУНОК.

Увеличить

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ.

Измельчение краски началось с рассветом, и как раз на восходе солнца художники приступили к работе. Когда случалась ошибка, что было очень редко, ее затирали, просеивая поверх нее основной цвет. Каждый художник старался первым закончить свой особый рисунок, и шли активные споры о том, кому это удастся. Скорость, с которой работают с этими красками, весьма примечательна, особенно учитывая, что большинство линий рисуются исключительно на глаз. После завершения картины, каждая фигура которой имеет длину три с половиной фута, священник-певец посыпал всю картину кукурузной пыльцой. (См. иллюстрацию, табл. CXXIII.)

Кукурузный стебель на картине означает основное средство к существованию; квадратное основание и треугольник — облака, а три белые линии у основания кукурузного стебля обозначают корни кукурузы. Фигуры на этой картине имеют длину 3,5 фута каждая. Это Зеничи (люди белой скалы с красной полосой) и их жены. Их дома находятся высоко на стене каньона. Черный параллелограмм к западу от рисунка обозначает красную полосу в скале, в которой находятся их дома. Тонкие белые линии обозначают их дома, которые находятся внутри или в глубине скалы и не видны с поверхности. Эта стена каньона расположена к северу от горы Юте. Эти люди скал перемещаются в воздухе, как птицы. Красная часть тел Зеничи обозначает красный кукурузу, а черная часть — черные облака. Красная половина лица также символизирует красный кукурузу; синий цвет тел других людей обозначает растительность в целом, а желтый — пыльцу всей растительности. Зигзагообразные линии на телах — это молнии; черные линии вокруг головы, перемежающиеся белыми, — это облачные корзины, в которых хранится красная кукуруза, сложенная в виде пирамиды и увенчанная тремя орлиными перьями. По обеим сторонам головы расположены пять перьев красно-черного дятла (*Colapteo cafer)*. В левой руке держится молниеносный лук, в правой — украшенная перьями погремушка. Женщины несут в руках украшенные корзины и веточки пиньона, а на ногах у них белые гетры и мокасины, украшенные бисером. Зеничи никогда не танцуют. Этих богов также называют Заадолджаи, что означает «грубый рот» или «все, что грубо выступает из рта». (У этих богов выступают рот и глаза.) Богиня радуги изображена на северном и южном конце картины. На стебле кукурузы два початка, хотя на оригинальном стебле было 12 початков. Два из этих початков боги дали младшему брату Толчини, когда приказали ему вернуться к навахо и научить их, как изображать богов в песчаных картинах и масках. Четыре фигуры в углах будут узнаваемы как Наашидди (горбуны или горные бараны).

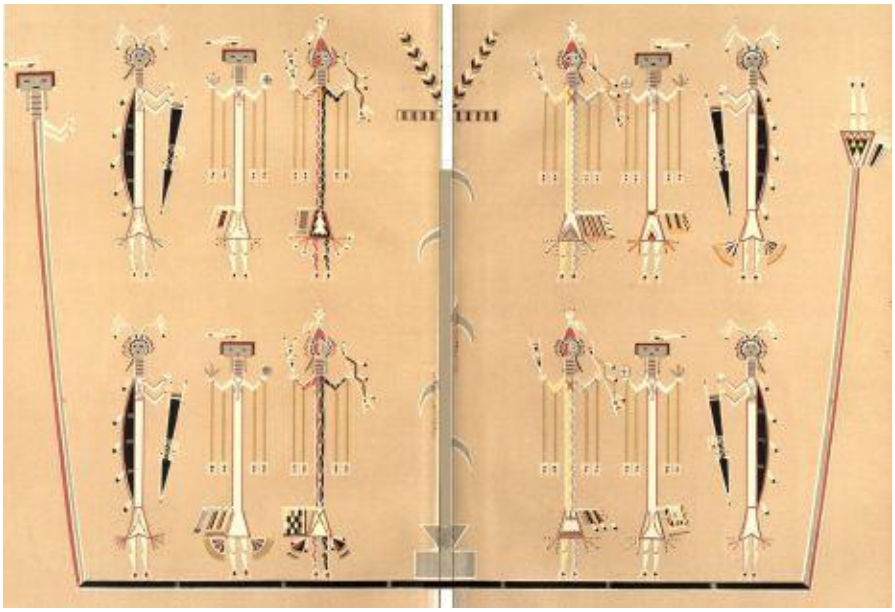


ТАБЛИЦА CXXIII. ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСЧАНАЯ ЖИВОПИСЬ.
Увеличить

Во время церемонии Хасджелти, одетый в черный бархат, украшенный серебром, и Хостджобоард, с обнаженным телом, раскрашенным в белый цвет, и с шелковым шарфом вокруг бедер, закрепленным серебряным поясом, покинули хижину, чтобы собрать детей на плато с целью их посвящения; но дети уже были вызваны мужчинами, которые проехали по плато верхом на лошадях, посетив каждый хоган, чтобы убедиться, что все дети были приведены для посвящения. В конце аллеи, протянувшейся от шатра медицины примерно на триста ярдов, было расстелено буйволиное одеяло. Головная часть одеяла была обращена на восток; в конце одеяла были расстелены одеяла в виде полукруга. Большинство детей сопровождали их матери. Мальчиков раздели и усадили на шкуру буйвола. Голова линии была обращена на север, и все они сидели лицом на восток, вытянув ноги. Руки висели по бокам, а головы были наклонены вперед. Девочки сидели в ряд на одеяле вместе со своими матерями и матерями мальчиков. Мать может по своему усмотрению сопровождать своего ребенка или принимать участие в церемонии. Девочки сидели так же, как и мальчики, с наклоненными вперед головами. Их головы были наклонены, чтобы они не смотрели на богов, пока не прошли инициацию. До этого момента они, как полагалось, никогда не видели масок и не осматривали ничего, что имело отношение к религиозным церемониям. Возраст детей был от пяти до десяти лет. На этой конкретной церемонии инициацию прошли девять мальчиков и шесть девочек. Когда все дети заняли свои места, Хасджелти, неся оленью шкуру, содержащую священную муку, и Хостжобоард, неся две иглы испанского штыка, встали перед детьми. Мальчик, стоявший во главе ряда, был выведен и встал лицом к востоку. Хасджелти, с священной мукой, начертил крест на его груди, одновременно издавая свой характерный крик. Хостжобоард ударила его по груди, сначала иглами, которые держала в правой руке, а затем иглами, которые держала в левой. Затем Хасджелти повернул мальчика вправо, чтобы он стоял лицом к западу, и начертил крест мукой на его спине, после чего Хостжобоард дважды ударила его по спине иглами. Его снова повернули лицом к востоку, после чего он вытянул обе руки и скрестил их. Хасджелти начертил крест над руками, а затем над коленями. Каждый раз, когда мальчика крестили мукой, Хостжобоард ударяла сначала иглами в правой руке, а затем иглами в левой, после чего мальчик возвращался на свое место. Крест обозначает узел на скальпе. Большинство мальчиков довольно смело выходили вперед, чтобы принять наказание. Я заметил только одного, который казался очень нервным и с большим трудом сдерживал слезы. После церемонии для мальчиков боги подошли к девочкам, начиная с конца ряда рядом с мальчиками. Хасджелти начертил линию муки по обе стороны от ног девочки, а Хостжобоард, держа в руках два початка желтой кукурузы, обернутых веточками пиньона, приложил

их к подошвам ног девочки, а Хасджелти начертил линию муки на каждой руке; после чего Хостжоборд поместил початки кукурузы на ладони, она держала кукурузу в ладонях и прижимала ее к ладоням девушки. Хасджелти начертил крест на груди мукой, а Хостжоборд прижал два початка кукурузы к груди; на спине был начерчен крест, и два початка кукурузы были прижаты к спине. Затем Хасджелти правой рукой провел линию на левом плече девочки, а левой рукой — на правом плече, прижимая кукурузу к плечам описанным образом. Две линии муки были проведены по лбу назад к макушке, и два початка кукурузы были прижаты к макушке. Мальчики были обнажены, а девочки были весело одеты в одеяла, украшения и т. д. В конце этой церемонии представители богов сняли свои маски и призвали детей поднять головы. Удивление, отраженное на лицах детей, когда они обнаружили своих людей, а не богов, доставило зрителям много удовольствия. Маски были положены на одеяло, и девочкам и мальчикам было велено посмотреть на них. Хостжобоард надел маску на лицо каждого мальчика, девочки и женщины в ряду, начиная с северного конца ряда, и каждый раз, когда маска надевалась на кого-либо, издавал крик. Было уделено большое внимание тому, чтобы маска была расположена на лице так, чтобы глаза смотрели прямо через глазные отверстия, потому что в случае любой ошибки зрение по крайней мере одного глаза было бы утрачено. Едва маска надета, как ее уже снимают. После того, как маски были надеты на все лица, их положили рядом с маской Хасджелти. Человек, изображавший Хасджелти, посыпал пыльцой свою маску, а затем маску Хостиобоарда, а человек, изображавший Хостиобоарда, посыпал пыльцой маску Хасджелти, а затем свою собственную. Мальчик, стоявший на северном конце линии, был вызван и взял из мешка с пыльцой щепотку пыльцы и посыпал сначала маску Хасджелти, а затем маску Хостиобоарда. Это повторяли все мальчики, девочки и женщины в линии. Приближаясь к маскам, они всегда обходили линию сзади, с северной стороны, а затем выходили перед масками. Маска посыпается следующим образом: линия пыльцы проводится от макушки головы до рта; проходя вправо, линия проводится вверх по левой щеке; рука продолжает двигаться снаружи маски до точки ниже правой щеки, затем вверх по правой щеке. Руки младших детей направляли представители богов. Было бы большой бедой посыпать мукой глазные отверстия; человек, совершивший такую ошибку, ослеп бы, по крайней мере, на один глаз. Также уделяется большое внимание тому, чтобы линия шла вверх по щеке, потому что, если бы она шла вниз, не только растительность была бы задержана в росте, но и жизнь людей стала бы такой же, так как все люди и вещи должны стремиться вверх, а не вниз. Линия, идущая вниз по центру лица, призывает богов на небесах послать дождь на землю и здоровье всем людям. Двое или трое детей по незнанию начали проводить муку вниз по одной из щек; их сразу же остановил Хасджелти, но не раньше, чем зрители выразили большой ужас. После того как все в очереди прошли через эту церемонию, толпа зрителей окропила маски таким же образом. Меня попросили окропить их и одновременно специально проинструктировали провести линии вверх по щекам. На этом церемония посвящения была завершена. Затем мальчикам разрешили ходить по своему усмотрению, смотреть на маски, входить в хижину и рассматривать рисунки на песке. Хасджелти и Хостджобоард вернулись в хижину, неся маски в руках.

Примерно через час после церемонии посвящения детей на аллее была расстелена большая шкура буйвола, голова которого была обращена на восток, вокруг которой всадники и пешеходы, собравшиеся, чтобы посмотреть на церемонию на открытом воздухе, образовали круг диаметром около ста футов. Теург и инвалид сидели снаружи хижины, к югу от входа. Божествами, которых изображали в этот раз, были боги Хасджелти и Таадотджаи, а также богиня Тебади. Хасджелти был одет в черный бархат и серебряные украшения, с красным шелковым шарфом вокруг талии. Таадотджаи был обнажен, его тело было окрашено в красный цвет. Его конечности и тело были покрыты белыми зигзагами, символизирующими молнию и пуховые перья на груди орла, а в правой руке он держал тыкву-погремушку без украшений. Йебади была одета в обычное платье индейской женщины и мокасины, с множеством серебряных украшений и большим пледом на плечах, касающимся земли. Хасджелти подошла танцуя и посыпала мукой одеяло из шкуры буйвола, а инвалид встал на одеяло. Хасджелти, за которой следовал Заадольтджаи, снова вошла в круг и

посыпала мукой одеяло. Богиня Йебади, следуя за ней, встала в кругу примерно в 20 футах от одеяла на восточной стороне и лицом к западу. Хасджелти, среди криков и шума, посыпала мукой инвалида, подняв обе руки вверх. Сразу же Заадольтджаи, с стрелой в левой руке и погремушкой в правой, поднял обе руки над инвалидом среди криков и шутовских выходок. Затем они подошли к Йебахди, которая держала в обеих руках корзину с двумя желтыми колосьями кукурузы, обернутыми сосновыми ветками, которые использовались в детском обряде, и устроили подобные шутовские выкрутасы над богиней. Когда каждый представитель богов поднимал руки, она поднимала свою корзину высоко над головой и перед собой. Затем Хасджелти вместе с Заадольтджаи и Йебади обошли круг по другим трем точкам компаса. В каждой точке Йебади занимала позицию примерно в 20 футах от буйволовой шкуры, когда Хасджелти и Заадольтжайи повторяли свое представление над инвалидом, а затем над Йебади каждый раз, когда она поднимала корзину. Затем инвалид вошел в хижину, за ним последовали представители богов, которые позаботились снять свои маски перед входом. Больной сел на кукурузный стебель в центре рисунка на песке, лицом к востоку. Заадольтджаи ступил на рисунок, взял маленькую тыкву с лекарством из рук богини радуги, окунул кедровую веточку в воду с лекарством « » и окропил рисунок, начиная с южной стороны. Заадольтджай дал инвалиду глоток из тыквы и, махая тыквой из стороны в сторону, образовал круг, сопровождаемый дикими криками. Он дал инвалиду еще три глотка, каждый раз махая тыквой вокруг инвалида с движением в сторону востока. Затем он положил ладонь на стопы всех фигур, начиная с фигуры на южном конце, западной стороне; пробежав по этой линии, он начал с фигуры на северном конце, восточной стороне, пробежав по этой линии; затем он положил руки на подошвы ног больного, дважды выкрикнув; затем сердце больного было тронуто таким же образом ладонью правой руки, а левая рука была положена на его спину. Тело было сдавлено таким образом четыре раза среди громких криков. Это было повторено на больном. После прикосновения к каждой фигуре на картине правая рука была положена на лоб больного, а левая рука — на затылок, и голова была сдавлена таким образом со всех сторон. Певец-жрец клал перед больным раскаленные угли и посыпал их табаком и водой, дым от которых вдыхал больной. Затем помощник выбрасывал угли из отверстия для огня, а певец-жрец собирал двенадцать индюшиных палочек вокруг картины, в то время как обитатели хижины спешили вперед, чтобы прижать руки к тому, что осталось от фигур, а затем, вдохнув от своих рук, прижимали их к своим телам, чтобы излечиться от любых недугов, моральных или физических, после чего четыре человека собрались в четырех углах и смели песок к центру рисунка, поместили его в одеяло и отнесли на небольшое расстояние от хижины.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ.

ПЕРВАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Окончательная отделка масок лентами, перьями и т. д. начиналась на рассвете и занимала большую часть утра. Около полудня были окрашены две палки диаметром 1 дюйм и длиной 6 дюймов; одна, из пиньона, была окрашена в черный цвет, другая, из кедра, — в красный. Были изготовлены три лекарственные трубки: одна черная, одна красная и одна синяя. Их поместили в корзину, наполовину наполненную мукой; корзина стояла в нише за певцом-жрецом. Двое мужчин изображали Найенесгони и Тобайдищинни. Тело Найенесгони было окрашено в черный цвет (с помощью углей сгоревшей травы, образцы которой были добыты), а на внешней стороне его ног ниже колен, на предплечьях, груди и лопатках были нарисованы белые луки без стрел. Тело Тобайдищинни было окрашено в белый цвет с узором в виде скальпа, расположенным относительно луков на теле Найенесгони. Третий мужчина, изображавший бисексуального Ахсонутли, был одет в обычное платье индейской женщины с одеялом, закрепленным на плечах и достигающим земли. Его маска была синей. Трое покинули хижину, неся маски в руках. Пройдя некоторое расстояние по аллее на восток, они надели маски и вернулись в хижину. Перед хижиной было расстелено буйволиное одеяло. Как только маскированные вернулись, инвалид, укутанный в тонкое красное одеяло навахо и несущий корзину со священной мукой, ступил на шкуру; до этого он стоял перед хижиной рядом с певцом-жрецом. Множество зрителей, одетых в богатые одеяла, стоящих и сидящих на лошадях, создавали яркое окружение для этой церемонии, которая проходила как раз на закате солнца. Найенэсгони нес в правой руке большой лавовый топор, окрашенный в белый цвет. За ним следовал Тобаидищинни, несущий в правой руке черную деревянную палку, приготовленную утром, а в левой — красную палку. Ахсонутли следовал с луком и стрелами в левой руке и стрелой в правой, с колчаном, перекинутым через плечо.

Найенэсгони подошел так близко к больному, что их лица почти соприкасались, и направил свой кэльт на больного. Затем подошел Тобайдищинни и таким же образом направил палки на него, после чего к нему подошла Ахсоннутли со своим луком и стрелами. Это повторялось с южной, западной и северной сторон больного; каждый раз больной частично поворачивал руку, плечо и спину, чтобы посыпать богов мукой. Затем боги поспешили к входу в лечебную хижину, повторив там церемонию, после чего они поспешили к южной стороне хижины (больной вернулся в хижину; шкура буйвола была принесена слугой). Боги прошли от южной стороны хижины к западной, а затем к северной, выполняя ту же церемонию. Поскольку больной провел в хижине много дней, и болезнь при ежедневной церемонии выделялась из его тела, было сочтено необходимым, чтобы эти боги отправились в четыре стороны света и вытянули болезнь из хижины. Когда они вошли в хижину, шкура буйвола была разложена перед певцом-жрецом головой на север. На этой шкуре каждый бог преклонил левое колено: Найенесгони на северном конце шкуры, Ахсонутли на южном конце, а Тобайдищинни между ними, все лицом на восток. Певец-жрец, за которым следовал инвалид, продвинулся к передней части линии, неся корзину с лекарственными трубками. Он посыпал Найенесгони кукурузной пыльцой, проводя ее по правой руке над головой и по левой руке до ладони. Он поместил черную трубку в ладонь левой руки бога, все время напевая молитву. Красная трубка была передана с той же церемонией Тобайдищинни, а синяя трубка с той же церемонией — Ахсонутли. Колчан был снят с Ахсонутли, прежде чем она преклонила колени. Певец-жрец, преклонив колени перед Найенесгони, повторил длинную литанию с ответами больного, когда боги покинули хижину во главе с Найенесгони, который положил свою трубку и палку в сосновом дереве, Тобайдищинни положил свои в кедровом дереве, а Ахсонутли свои в сердце куста.

ВТОРАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Сцена была великолепной. Задолго до начала танца по обе стороны аллеи, где должен был проходить танец « », горела цепочка из четырех огромных костров, а мужчины и женщины народа навахо, одетые в яркие одеяла и украшенные редкими бусами и серебром, окружали каждый костер. Поленья были сложены в штабеля высотой 5-6 футов. Помимо этих восьми костров, было еще много других, ближних и дальних, вокруг которых собирались группы азартных игроков, все веселые и счастливые. До этой ночи ни одна женщина, кроме тех, кто носил еду в хижину, не присутствовала ни на одной из церемоний, за исключением посвящения детей. Сказать, что там было 1200 навахо, было бы умеренной оценкой. Это действительно была картина, которую невозможно забыть. Было много возражений против наших зарисовок и записей, но на протяжении девяти дней певец-жрец твердо стоял на нашей стороне. Один вождь в частности осудил теургиста за то, что он позволил запечатлеть лекарство на бумаге и отправить его в Вашингтон. Но его слова не возымели никакого эффекта. К нам относились с большим вниманием. Нам разрешили взять в руки маски и внимательно их рассмотреть, а иногда художники, работавшие над песчаными картинами, даже создавали себе неудобства, позволяя нам толпиться вокруг них, чтобы мы могли внимательно рассмотреть мельчайшие детали, которые иначе было бы невозможно разглядеть, поскольку многие из их цветных линий на юбках и поясах были тонкими, как нитки. Сопровождающие эскизы показывают все детали.

Зеленая комната или гримерная представляла собой круглое ограждение из сосновых ветвей в конце аллеи. Оно было высотой около 10 футов и диаметром 20 футов, сделанное из ветвей пиньона, которые были воткнуты в землю, а их верхушки образовывали куст или изгородь. Внутри этого ограждения маски были выстроены в ряд на западной стороне. В центре горел большой костер, дававший тепло и свет. Различные группы, когда нужно было сменить костюмы с одной группы мужчин на другую, собирались в этой зеленой комнате для этой цели. Это ограждение также было местом отдыха в течение ночи для многих индейцев, которые помогали танцорам в их туалетах.

В 10 часов церемония началась с появления на аллее певца-жреца, который вышел из зеленой комнаты. Он был одет в богатое красное одеяло, а поверх него — шкуру пумы; сразу за ним следовал Хасджелти, ведущий четырех Этсетле (первых). Они олицетворяли, во-первых, натан (кукурузу); во-вторых, натин (дождь); в-третьих, нанасе (растительность); четвертое — джадетин (кукурузную пыльцу). Их маски были синего цвета, украшены перьями и похожи на маски, которые носили танцоры; их тела были раскрашены в белый цвет, на шеях висело множество редких бус, а на бедрах они носили юбки с серебряными поясами; к задней части пояса была прикреплена висящая шкура серой лисы, а синие чулки, завязанные красными подвязками, и мокасины дополняли их наряд. В правых руках они несли раскрашенные в белый цвет тыквенные погремушки. Ручки этих погремушек могут быть из любого дерева, но оно должно быть выбрано из деревьев, рядом с которыми ударила молния, но не из дерева, в которое ударила молния. В ладонях левой руки у них была кукурузная пыльца, и в той же руке они несли ветку пиньона. Хасджелти был одет в бархатный костюм, украшенный серебряными пуговицами; он никогда не говорит, кроме как жестами. Они шли в одну колонну медленными ровными шагами, и когда они подошли на расстояние 20 футов от хижины, жрец повернулся лицом к Хасджелти и повторил короткую молитву, после чего Эцесле запел.

ПЕСНЯ ЭТСЕТЛЕ.

Из-под земли растет мое зерно
Я иду с тобой.
Сверху (приходит) молодая вода
Я иду с тобой.
Сверху растительность (приходит на землю)
Я иду с тобой.
Из-под земли приходит пыльца кукурузы
Я иду с тобой.

Эти строки повторяются четыре раза. Первая строка указывает на то, что кукуруза является основным средством существования; вторая — на то, что необходимо молиться Хасджелти, чтобы земля была орошена; третья — на то, что земля должна быть обнята солнцем, чтобы на ней росла растительность; четвертая — на то, что пыльца необходима во всех религиозных церемониях. Эцесле означают удвоение важных вещей, по которым они известны: кукуруза, зерно и т. д. Они — мистический народ, который живет в каньонах, невидимый для глаз. После песни инвалид с корзиной муки в руках поспешно прошел вдоль ряда богов и посыпал каждого мукой, перемещая ее из правой руки на правую руку, на голову, затем вниз по левой руке к ладони, поместив щепотку в ладонь левой руки. Затем инвалид вернулся и встал на северной стороне Хасджелти, который находился слева от певца-жреца. Теург стоял лицом к натану (кукурузе) и произнес молитву, которую повторил инвалид. Инвалид должен соблюдать воздержание в течение девяти дней церемонии и четырех дней после нее.

МОЛИТВА ЭТСЕТЛЕ.

«Люди, вы пришли к нам; у вас есть дом в сердце скал; вы их вождь; вы прекрасны. Войдите в наши дома. Ваши ноги белые; войдите в наш дом! Ваши ноги белые; войдите в наш дом! Ваши тела белые; войдите в наш дом! Ваше лицо белое; войдите в наш дом! Старик, этот мир прекрасен; люди смотрят на вас и счастливы. Пусть в этот день все будет прекрасным».

Эта молитва повторяется много раз, просто заменяя старика старухой, затем молодым человеком, молодой девушкой, мальчиком, а затем всеми детьми. Старик и старуха, о которых идет речь, не являются первыми стариком и старухой в мифе о старике и старухе первого мира. После молитвы певец-жрец и инвалид сели у входа в хижину. Хасджелти занял место на западном конце и к северу от линии Эцесле. Он оставался стоять, пока четверо медленно поднимали правую ногу прямо от земли ( ), а затем на носок левой ноги, и это движение встряхивало погремушку. Вскоре Хасджелти прошел по линии, выкрикивая. Он обошел восточный конец, затем вернулся по северной стороне на прежнее место и, снова выкрикивая, возобновил руководство Эцесле, которые долго потрясали трещотками, как только Хасджелти встал перед ними. Затем они последовали за своим лидером в гардеробную.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ — ТАНЕЦ.

Певец-жрец вернулся в зеленую комнату, вышел из нее в сопровождении Хасджелти, который нес оленью шкуру, частично наполненную мукой, а также двенадцати танцоров и Хостджогона, держащего в каждой руке перьевую палочку. Двенадцать танцоров представляли старика и старуху, повторенных шесть раз. Хасджелти вел танцоров, а Хостджогон следовал сзади. Когда они подошли к хижине, певец-жрец повернулся лицом к танцорам, и к нему присоединился инвалид, которого он повел по линии танцоров на северной стороне, а инвалид нес священную корзину с мукой и посыпал правую сторону каждого танцора. Затем певец-жрец и инвалид вернулись на свои места перед хижиной. Хасджелти прошел по линии на северной стороне и присоединился к Хостджогону на восточном конце линии, после чего оба прошли к западному концу, где каждый из них старался первым дважды топнуть ногой по земле непосредственно перед ведущим танцором. Это двойное

топание сопровождается криками « », после чего они возвращаются по линии в центр, а Хасджелти мчится обратно к западному концу, сжимая горло оленячей шкуры правой рукой и держа ноги левой, с вытянутыми вперед обеими руками. Хостджогон протягивает руки с перьевыми жезлами, они направляют голову шкуры и верхушки жезлов прямо перед собой, стоя лицом друг к другу, и одновременно кричат. Меняя стороны, проносясь мимо друг друга, Хасджелти направляет свою оленью шкуру на восток, а Хостджогон направляет свои жезлы на запад. Затем они возвращаются на свои места лидера и последователя.

После начала танца Хасджелти проходит по северной стороне и присоединяется к Хостджогону на восточном конце танцоров, оставаясь по северной стороне от Хостджогона. Трое мужчин, представляющих женщин, были одеты в платья индейских женщин народа навахо, а трое — в платья индейских женщин народа тусаян; они держали руки горизонтально до локтя, а предплечья вертикально, и, держа ноги близко друг к другу, одновременно поднимались на носки. Танец начинался в одну линию, мужчины поднимали только правую ногу на любую высоту и балансировали на левой. Через минуту или две линия разбилась, женщины перешли на северную сторону, а мужчины — на южную; однако почти мгновенно они сгруппировались в беспорядочную толпу, женщины несли по сосновой веточке в каждой руке, а мужчины — тыкву-гремушку в правой руке и сосновую веточку в левой. Тела мужчин были окрашены в белый цвет и были обнажены, за исключением шелковых платков и шкур пумы и других животных, которые они носили на бедрах. Незадолго до того, как в начале танца начали топать ногами, все танцующие мужчины встряхнули погремушками, что было сигналом для особого движения правой руки и тела назад, которое предшествовало самому танцу. Шесть мужчин наклоняют тела вправо, вытягивая правую руку назад, а затем выносят ее вперед, описывая круглый движение под ustami с криком. Затем они поворачиваются лицом на восток и, наклоняя тела к югу, выполняют то же движение, что и раньше, когда они поворачиваются на запад и повторяют его в этом направлении. В то же время лидер и последователь повторяют свое своеобразное представление с оленьей шкурой и палочками на восток и запад. Танцуя в течение нескольких минут под песню и звуки трещотки, мужчины, изображающие женщин, поют женскими голосами, а затем снова выстраиваются в две линии, женщины, как и раньше, на северной стороне. Мужчина на западном конце мужской линии и женщина на том же конце женской линии встречаются на середине между линиями, она продевает свою правую руку через руку своего партнера, а его рука согнута, чтобы принять ее; они проходят между линиями и встречаются на небольшом расстоянии от другого конца линии с Хасджелти и Хостджогоном, которые танцуют, чтобы встретить их, движение очень похоже на старинный виргинский рил. Затем пара танцует назад между линиями до своей исходной точки, затем снова вниз, где они разделяются, мужчина занимает свое место в конце мужской линии, а женщина — в конце женской линии. Когда эта пара начинает спуск во второй раз, мужчина и женщина, стоящие сразу за ними в линии, берутся под руки и проходят вниз таким же образом, Хасджелти и Хостджогон едва дожидаются, пока первая пара разделится, и танцуют навстречу второй паре; остальные пары следуют в том же порядке, пока первая пара не окажется в прежнем положении в начале линии. Теперь в течение минуты или двух исполняется групповой танец, после чего снова формируются линии и танцуется вторая фигура, точно такая же, как и первая. Эта фигура снова повторяется без изменений, после чего мужчины и женщины выстраиваются в одну линию и, ведомые Хасджелти и Хостджогоном, покидают танцевальную площадку. Однако они не уходят на лужайку, а отходят на небольшое расстояние, чтобы немного отдохнуть, и возвращаются. При каждом возвращении инвалид проходил по линии с северной стороны, посыпая каждого танцора мукой, а Хасджелти и Хостджогон исполняли танец с оленьей шкурой и палочками. Этот танец из четырех фигур повторялся двенадцать раз, и каждый раз танцоры отдыхали всего на мгновение. После двенадцати танцев танцоры прошли в зеленую комнату, где их сменила вторая группа мужчин. Вторая серия танцев была точно такой же, как и первая. Было двадцать один танец, по четыре фигуры в каждом танце, и каждый раз, когда танцоры появлялись, инвалид посыпал их мукой, а Хасджелти и Хостджогон исполняли свои пантомимы с оленьей шкурой и палочками. Третья серия включала все

танцы точно так же, как и выше. Четвертая серия включала девятнадцать танцев. Единственным отличием было то, что лидеры часто вели себя более клоунски в своих выступлениях, и в нескольких случаях появлялись только четыре мужчины, представляющие женщин. В этом случае два мужчины танцевали вместе. Некоторые танцоры выбыли из-за усталости, что привело к уменьшению количества участников в некоторых танцах. Последний танец закончился с первыми лучами солнца. Певец-жрец опередил последних танцоров в зеленую комнату и ждал их прибытия, чтобы получить маски, которые были его особой собственностью.

МИФЫ НАВАХО.

СОТВОРЕНИЕ СОЛНЦА.

Первые три мира не были ни хорошими, ни здоровыми. Они постоянно двигались и вызывали у людей головокружение. Вознесшись в этот мир, навахо обнаружили только тьму и сказали: «Нам нужен свет».

В горах Юте жили две женщины, Ахсонутли, бисексуальная женщина с бирюзовыми глазами, и Йолайкайсон, женщина с белыми глазами. Навахо послали за этими двумя женщинами и сказали им, что они хотят света. Навахо уже частично разделили свет на несколько цветов. Рядом с полом был белый цвет, обозначающий рассвет, над белым распростерся синий цвет, обозначающий утро, над синим — желтый, обозначающий закат, а рядом был черный, обозначающий ночь. Они долго и непрерывно молились об этом, но их молитвы не принесли результата. Прибыв, две женщины сказали людям, чтобы они набрались терпения, и их молитвы в конце концов будут услышаны.

У Ночи был знакомый, который всегда был у него на слуху. Этот человек сказал: «Пошли за молодым человеком к великим водопадам». Ночь послал в качестве посланника падающую звезду. Молодой человек вскоре появился и сказал: «Ахсонутли, ахстеолтои (гермафродит), имеет белые бусины в правой груди и бирюзовые в левой. Мы скажем ей положить их на тьму и посмотреть, что она сможет сделать своими молитвами». Она так и сделала.[6] Молодой человек из больших водопадов сказал Ахсонутли: «Ты долго носила белые бусины и бирюзу; ты должна знать, что сказать». Затем она кристаллом, обмакнутым в пыльцу, нанесла глаза и рот на бирюзу и белые ракушки, а затем, образовав вокруг них круг кристаллом, она произвела слабый свет из белой ракушки и более яркий свет из бирюзы, но света было недостаточно.

Двенадцать мужчин жили в каждой из основных точек. Были приглашены сорок восемь мужчин. После их прибытия Ахсонутли спела песню, а мужчины сидели напротив нее; но даже с их присутствием песня не смогла обеспечить необходимый свет. Два орлиных пера были помещены на каждую щеку бирюзы и два на щеки белых ракушек , и по одному в каждой из основных точек. Двенадцать мужчин с востока поместили двенадцать бирюз на востоке лиц. Двенадцать мужчин с юга поместили двенадцать белых ракушек на юге. Двенадцать мужчин с запада поместили двенадцать бирюз на западе. Те, кто был с севера, поместили двенадцать белых ракушек в этой точке. Затем, окунув кристалл в кукурузную пыльцу, они образовали круг, охватывающий все. Желание все еще оставалось нереализованным. Тогда Ахсонутли поднял кристалл над бирюзовым лицом, и оно загорелось ярким пламенем. Люди отступили далеко назад из-за сильной жары, которая продолжала усиливаться. Мужчины из четырех точек нашли жару настолько сильной, что поднялись, но едва могли стоять, так как небо было так близко к ним. Они посмотрели вверх и увидели две радуги, одну через другую, с востока на запад и с севера на юг. Начало и конец радуг почти касались голов мужчин. Мужчины пытались поднять великий свет, но каждый раз терпели неудачу. Наконец появились мужчина и женщина, откуда, они не знали. Мужчину звали Атсеацине, а женщину — Атсеацан. Их спросили: «Как можно поднять это солнце?». Они ответили: «Мы знаем; мы слышали, как люди здесь пытались поднять его, и поэтому мы пришли». «Чантин» (лучи солнца), воскликнул мужчина, «у меня есть чантин; у меня есть кристалл, с помощью которого я могу зажечь чантин, и у меня есть радуга; с помощью этих трех вещей я могу поднять солнце». Люди сказали: «Давай, подними его». Когда он поднял солнце на небольшую высоту, оно немного наклонилось и сожгло растительность и опалило людей, потому что оно все еще было слишком близко. Тогда люди сказали Атсеацине и Атсеасану: «Поднимите солнце выше», и они продолжали поднимать его, но оно

продолжало сжигать все вокруг. Тогда их попросили «поднимать его еще выше, как можно выше», но после достижения определенной высоты их сила иссякла; дальше солнце не поднималось.

Тогда супруги сделали четыре шеста, два из бирюзы и два из белых ракушек, и каждый из них был поставлен под солнце, и с помощью этих шестов двенадцать мужчин, стоящих в каждой из сторон света, подняли его. Они не могли поднять его достаточно высоко, чтобы люди и трава не сгорели. Тогда люди сказали: «Давайте растянем мир», и двенадцать мужчин, стоящих в каждой точке, расширили мир. Солнце продолжало подниматься по мере расширения мира и начало светить с меньшей жарой, но когда оно достигло меридиана, жара стала сильной, и люди сильно страдали. Они ползали повсюду в поисках тени. Тогда голос Тьмы четыре раза обошел мир, приказывая людям на сторонах света продолжать расширять мир. «Я хочу, чтобы все эти беды прекратились, — сказал Тьма, — люди страдают, и все горит; вы должны продолжать растягивать». И мужчины дунули и растянули, и через некоторое время они увидели, как солнце прекрасно восходит, и когда солнце снова достигло меридиана, оно было только тропическим. Тогда все было в порядке, и насколько хватало глаз, земля была окружена сначала белым рассветом, а затем голубым ранним утром, и все было прекрасно. И Ахсонутли приказал двенадцати мужчинам отправиться на восток, юг, запад и север, чтобы поддержать небеса (Йияниццини, держатели небес), и эту функцию они должны выполнять по сей день.

ХАСЖЕЛТИ И ХОСТДЖОГОН.

Хасджелти и Хостджогон были детьми Ахсонутли, бирюзы, и Йолайкайасон (женщины с белой раковиной, жены солнца). Ахсонутли поместил початок белого кукурузы, а Йолайкайасон — початок желтой кукурузы на горе, где встречаются туманы. Кукуруза зачала, и белая кукуруза родила Хасджелти, а желтая кукуруза — Хостджогона. Эти двое стали великими сочинителями песен в мире. Они подарили горе своего рождения (гора Генри в штате Юта) две песни и две молитвы; затем они отправились в Сьерра-Бланка (Колорадо) и сочинили две песни и молитвы, а также надели на гору одежду из белой раковины с двумя орлиными перьями, поставленными вертикально на голове. Отсюда они посетили гору Сан-Матео (Нью-Мексико) и подарили ей две песни и молитвы, а также надели на нее бирюзу, вплоть до гетр и мокасин, и поместили два орлиных пера на голову. Затем они отправились на гору Сан-Франциско (Аризона), исполнили две песни и молитвы и нарядили эту гору ракушками абалона с двумя орлиными перьями на голове. Затем они посетили гору Юте, исполнили две песни и молитвы и нарядили ее черными бусинами. На голове этой горы также были два орлиных пера. Затем они вернулись на гору своего рождения, чтобы помедитировать: «Мы двое сочинили все эти песни».

Узнав у своих матерей, как они появились на свет, и получив ответ, они сказали: «Хорошо, пусть нас станет больше; нам двоим не обойтись». Женщина положила на гору еще желтого и белого кукурузы, и дети были зачаты, как и раньше. Родилось достаточное количество детей, чтобы по два брата были размещены на каждой из четырех гор, и к этим гениям гор первыми приходят облака. Все братья посовещались, чем им жить, и решили создать дичь, и так была создана вся дичь.

Молитвы навахо о дожде и снеге обращены к Хасджелти и Хостджогону. Эти боги стоят на вершинах гор и призывают облака собираться вокруг них. Хасджелти является посредником между навахо и солнцем. Он молится солнцу: «Отец, дай мне свет твоего разума, чтобы мой разум был сильным; дай мне часть твоей силы, чтобы моя рука была сильной, и дай мне твои лучи, чтобы росла кукуруза и другая растительность». Именно этому божеству адресованы самые важные молитвы навахо. Менее значимым божествам посвящаются более короткие молитвы и менее ценные подношения. Хасджелти общается с навахо через царство пернатых, и по этой причине самые избранные перья и пух помещаются в сигареты и прикрепляются к молитвенным палочкам, которые ему подносят.

ПЛАВАЮЩИЕ БРЕВНА.

Человек сидел и думал: «Посмотрим; мои песни слишком короткие; я хочу больше песен; куда мне пойти, чтобы их найти?» Хасджелти появился и, угадав его мысли, сказал: «Я знаю, куда ты можешь пойти, чтобы получить больше песен». «Хорошо, я очень хочу получить больше, и я пойду за тобой». Когда они достигли определенной точки в каньоне реки Большой Колорадо, они обнаружили четырех богов (Хостжобокон), которые рубили бревна из тополя. Хасджелти сказал: «Это не подойдет; тополь впитывает воду; вы должны использовать сосну вместо тополя». Тогда Хостжобокон начал сверлить сосну кремнем, когда Хасджелти сказал: «Это медленная работа», и приказал вихрю выдолбить бревно. Из одного цельного бревна и одного полых бревна был сформирован Иерусалимский крест. Песенный охотник вошел в полое бревно, а Хасджелти закрыл конец облаком, чтобы вода из реки не попала внутрь, когда бревна будут спущены на большие воды. Хостжобоконы в сопровождении своих жен сели на бревна, по двое на конце каждого поперечного бруса. Их сопровождали Хасджелти, Хостджогон и два Нааскидди, которые шли по берегу, чтобы отгонять бревна от берега. Хасджелти нес беличью шкуру, наполненную табаком, чтобы снабжать богов в их путешествии. Хостджогон нес посох, украшенный перьями орла и индейки, и игровой кольцо с двумя колибри, привязанными к нему белым хлопковым шнуром. Два Нааскидди несли посохи молнии.[7] Проплыв долгое расстояние вниз по реке, они пришли к водам, которые имели берег только с одной стороны, и высадились. Здесь они нашли людей, похожих на них. Эти люди, узнав о желании охотника за песнями, подарили ему много песен, нарисовали картинки на хлопковом одеяле и сказали: «Эти картинки должны сопровождать песни. Если мы отдадим тебе это одеяло, ты его потеряешь. Мы дадим вам белую землю и черный уголь, которые вы сможете смешать, чтобы получить черную краску, а также белый, желтый и красный песок. Для получения синей краски вам понадобится белый песок, черный уголь и совсем немного красного и желтого песка. Смешав их, вы получите синий цвет.[8] »

Певец-охотник оставался с этими людьми до тех пор, пока не созрело зерно. Там он научился есть кукурузу и принес ее с собой к навахо, которые раньше не видели кукурузы, и научил их, как ее выращивать и как есть.

Поскольку бревна не могли плыть вверх по течению, охотник за песнями был перенесен четырьмя солнечными лучами, по одному прикрепленным к каждому концу поперечных бревен, в каньон, откуда он и вышел. По возвращении он разделил бревна, поместив один конец твердого бревна в полый конец другого, и установил этот большой столб в реке, где он и по сей день виден тем, кто осмеливается посетить это место.

Старый священник, рассказавший мне этот миф, сожалел, что так мало его соплеменников теперь посещают это священное место.

«Когда я был молод, — сказал он, — многие приходили туда, чтобы молиться и приносить жертвы».

НАЙЕНЕСГОНИ И ТОБАЙДИШЧИННИ.

Этот мир был разрушен пять раз. В первый раз — вихрем; во второй — огромным градом; в третий — оспой, когда каждая пустула покрывала всю щеку; в четвертый — все было уничтожено кашлем; в пятый раз Найенесгони и Тобайдищинни прошли по земле, убивая всех врагов.

Эти два мальчика родились в Тохаткле (где сливаются воды), недалеко от горы Юта в штате Юта; они были детьми Ахсонутли. Ахсонутли и Йолайкайасон (женщина с белой раковиной) были создателями раковин. У Ахсонутли под правой рукой была борода, а у Йолайкайасон под левой рукой был маленький шарик из плоти, из которого они создали все раковины. Глаза Найенесгони и Тобайдищинни были раковинами, помещенными на их лица Ахсонутли; раковины сразу же стали

блестящими, и мальчики могли смотреть на все вещи и видеть на любое расстояние, не утомляя глаз. Черная палка была помещена на лоб Найенесгони, а синяя — на лоб Тобайдищинни. Когда Найенесгони покачал головой, палка осталась на лбу, но он почувствовал что-то в ладони, что оказалось тремя видами семян, и сказал: «Мы должны пойти по этому пути». Когда Тобайдищинни покачал головой, палочка упала с его лба, и они долго думали, а потом сказали: «Мы должны идти по этому пути». Вот почему олень сбрасывает рога. В церемониях дыхание черпается из палочек, которые изготавливаются в виде оригиналов; палочки также прикладывают к ранам в качестве лечебного средства.

Эти два мальчика выросли из младенцев в мужчин за четыре дня, и на четвертый день они сделали луки и стрелы; на пятый день они начали их использовать. Хотя они были детьми Ахсонутли, они не знали ее как свою мать, а считали ее своей тетей. Они часто спрашивали ее, где они могут найти своего отца. Она всегда говорила им, чтобы они перестали спрашивать, потому что у них нет отца. Наконец они сказали ей: «Мы знаем, что у нас есть отец, и мы намерены пойти и найти его». Она снова отрицала, что у них есть отец, но они были полны решимости и отправились в дальний путь на восток и пришли к дому солнца. Дом был из белой ракушки, и жена солнца (Йолайкайасон) тоже была из белой ракушки. Жена спросила юношей, откуда они, и сказала: «Что вы здесь хотите?» Они ответили: «Мы пришли, чтобы найти нашего отца». Когда солнце вернулось домой вечером, оно обнаружило юношей, как только вошло в дом, и спросило: «Откуда эти два мальчика?» Жена ответила: «Ты говоришь, что никогда не делаешь ничего плохого, когда путешествуешь; эти два мальчика называют тебя отцом, и я знаю, что они твои дети». Жена была очень рассержена. Солнце отослало мальчиков подальше и бросило в них большой клубок черных облаков, намереваясь убить их, но они не пострадали и вернулись в дом. Затем он толкнул их на острый каменный нож, но они проскользнули мимо, не получив травм. Четыре раза их толкали на нож, но они не пострадали. Солнце, видя, что его попытки не увенчались успехом, сказал: «Так и есть, вы мои сыновья». Затем солнце приказало Хасджелти и Тонееннили (эти двое были особыми слугами солнца) построить потную хижину и поместить туда мальчиков, чтобы они умерли от жары. Тонееннили сделал выемку внутри потной хижины, поместил мальчиков в яму, накрыл яму камнем и разжег огонь над камнем. Когда камень сильно нагрелся, солнце приказало Тонееннили четыре раза окропить его водой, стараясь тщательно закрыть вход в потную баню. Через некоторое время он открыл вход, снял камень и приказал мальчикам выйти. Он не ожидал, что они послушаются, так как думал и надеялся, что мальчики мертвы, но они вышли невредимыми. Тогда солнце сказало: «Вы действительно мои дети; я тщетно пытался уничтожить вас». Мальчики хотели вернуться к женщине, которую они считали своей тетей. Перед отъездом солнце спросило их, чего они желают; они ответили: «Мы хотим луки и стрелы, ножи и хорошие гетры. По всему миру есть люди, которые едят наш народ (навахо). Некоторые из этих людей — огромные великаны, а некоторые — маленькие, как мухи; мы хотим убить их молниями». Солнце дало юношам неуязвимую одежду, молнии, с помощью которых они могли уничтожить всех врагов, и большой каменный нож. Затем они отправились в путешествие по миру. Найенэсгони убивал молниеносными стрелами, а Тобаидищинни снимал скальпы своим ножом. После того как все враги были уничтожены, Найенэсгони и Тобаидищинни сказали навахо: «Теперь мы покидаем вас и возвращаемся в наш дом в горах Юте, где соединяются воды, но перед тем как уйти, мы дарим вам десять песен и молитв, которые принесут здоровье и удачу вашему народу. Тобаидищинни — родитель всех вод».

БРАТЬЯ.

Толчини (клан навахо) жили на горе Ветра. Один из братьев сошел с ума и ушел далеко, а по возвращении принес с собой сосновую ветку; во второй раз он вернулся с кукурузой, и из каждой поездки он приносил что-то новое и рассказывал об этом. Его братья не верили ему и говорили: «Он сошел с ума, он не знает, о чем говорит». Однако братья очень завидовали ему и постоянно дразнили

его, называя сумасшедшим лжецом. Толчини покинули Гору Ветра и отправились в скалистые предгорья к востоку от горы Сан-Матео. У них не было ничего, кроме семян травы. Старший брат сказал: «Пойдем на охоту», и велел сумасшедшему брату не покидать лагерь. Но прошло пять дней и ночей, а от братьев не было никаких вестей, и он решил последовать за ними и помочь им, принести домой дичь; он думал, что они убили больше оленей, чем могли унести. После дня путешествия он разбил лагерь возле каньона, выбрав пещерное место для ночлега, потому что был уставшим и жаждущим. Было много снега, но не было воды, поэтому он разжег костер, нагрел камень, проделал дыру в земле, поместил камень в углубление, положил туда немного снега, который растаял и дал ему воду, чтобы утолить жажду. В этот момент он услышал шум над головой, как будто мимо проходили люди, и вышел посмотреть, кто издает этот шум, и обнаружил множество ворон, летающих туда-сюда над каньоном. Это был дом вороны. Там были и другие пернатые (среди них был и чапаральный петух). Он также увидел много костров, разведенных воронами по обеим сторонам каньона. Прилетели еще две вороны и остановились рядом с ним, и он прислушался, чтобы услышать все, что они говорили. Эти две вороны кричали: «Кто-то говорит, кто-то говорит». Молодой человек не знал, что это значит. Затем ворона с противоположной стороны каньона крикнула: «В чем дело? Скажите нам, скажите нам, что случилось?» Две первые вороны ответили: «Двое из нас были убиты; мы встретили двух мужчин, которые рассказали нам об этом. Они сказали, что два мужчины, которые все время путешествовали (имея в виду двух братьев сумасшедшего юноши), убили двенадцать оленей, и группа наших людей пошла за оленями после того, как они были убиты. Двое из нас, которые пошли за кровью оленей, были застрелены». Вороны на другой стороне каньона крикнули: «Какие мужчины были убиты?» Первый кричащий ответил: «Петух чапараль, который сидел на роге оленя, и ворона, которая сидела на его позвоночнике». Другой воскликнул: «Мы не удивлены, что они были убиты; мы вам это все время говорим. Если вы пойдете за мертвыми оленями, вы должны быть готовы к тому, что вас убьют». «Мы не будем больше о них думать; они мертвы и ушли. Мы говорим о вещах, которые были давно». Младший брат сидел тихо внизу и слушал все, что говорилось.

Через некоторое время вороны на другой стороне каньона подняли большой шум и начали танцевать. В то время у них было много песен. Молодой человек не мог видеть, что они делали, но он все время слушал. После начала танца развели большой костер, и тогда он смог увидеть движущиеся черные объекты, но не мог различить людей. Он узнал голос Хасджелти. Хотя юноша был сумасшедшим, он помнил все в своем сердце. Он даже помнил слова песен, которые продолжались всю ночь; он помнил каждое слово каждой песни. Он сказал себе: «Я буду слушать до рассвета». Эти люди не оставались на одной стороне каньона, где были разведены первые костры, но пересекали его в своем танце и разводили костры по обеим сторонам каньона. Они танцевали туда-сюда до рассвета (на девятую ночь Хасджелти Дайлис повторился этот танец), когда все вороны и другие птицы улетели на запад. После их ухода он видел только костры и дым. Тогда сумасшедший юноша побежал в лагерь своих братьев, чтобы рассказать им о том, что он видел и слышал. Его братья проснулись рано и увидели приближающегося мальчика. Они сказали: «Уверены, у него будет много историй. Он скажет, что видел то, чего никто никогда не видел, или что кто-то на него набросился». А зять, который был с ними, сказал: «Оставьте его в покое; когда он придет в лагерь, он все нам расскажет, и я верю, что такие вещи действительно происходят, потому что он не мог бы все время выдумывать такие вещи».

Лагерь был окружен кустарником пиньон, а в центре ограды горел большой костер; над костром жарилось много мяса. Как только молодой человек достиг лагеря, он перерыл угли и сказал: «Мне холодно». Зять ответил: «Да, холодно. Когда люди разбивают лагерь вместе, они по утрам рассказывают друг другу истории; мы рассказали свои, а теперь должны послушать твои». Молодой человек рассказал о своих приключениях прошлой ночью. Он сказал: «Место, где я остановился прошлой ночью, было худшим лагерем, в котором я когда-либо бывал». Братья стояли спиной к молодому человеку и делали вид, что не обращают на него внимания, но зять слушал его и задавал

вопросы. Он продолжил: «Я никогда не слышал такого шума». Тогда братья заметили: «Я думал, что он скажет что-то подобное» (они завидовали этому сумасшедшему брату, который видел то, чего они не могли увидеть). Зять был склонен поверить рассказу молодого человека и спросил, какие люди издавали этот шум. «Я не знаю. Для меня они были странными людьми, но я знаю, что они всю ночь танцевали, перемещаясь по каньону, и я знаю, что мои братья убили двенадцать оленей, а потом убили двух из их людей, которые пошли за кровью оленей. Я слышал, как они говорили: «Этого и следовало ожидать, если ты идешь в такие места, ты должен быть готов к тому, что тебя убьют». Старший брат задумался и, не поворачиваясь к юноше, спросил: «Сколько оленей, ты сказал, было убито?» Тот ответил: «Двенадцать». Тогда старший брат сказал: «Что ж, сэр, ты рассказывал мне много историй, и я никогда тебе не верил, но этой истории я верю. Что с тобой такое, что ты знаешь все эти вещи? Откуда ты это знаешь и как узнаешь?» Молодой человек ответил: «Я не знаю, как, но все это приходит мне в голову и в глаза». Старший брат сказал: «Теперь я буду больше думать о тебе и изучать, как ты узнаешь все эти вещи. У нас много мяса, и мы не знали, как его отвезти домой; теперь, когда ты пришел, давай вернемся; ты будешь нести мясо». Когда они были на полпути домой, им предстояло спуститься с плато, и, оказавшись на краю, они сели отдохнуть; тогда они увидели внизу на плато четырех горных баранов, и братья приказали юноше убить одного для них. Они сказали: «Наше мясо сухое; твои ноги свежие, поэтому ты убьешь барана». Молодой человек сумел отвлечь овец, спрятавшись в кусте (*Bigelovia Douglasii*[9]), который иногда называют шалфеем, но на самом деле это не настоящий шалфей. Овцы пошли прямо на него; он нацелил на них стрелу, но прежде чем он успел натянуть лук, его рука застыла и онемела, и овцы прошли мимо. Все овцы прошли мимо него, но он снова перехватил их, спрятавшись в стеблях большого юкки.[10] Овцы прошли в пяти шагах от него, и снова, когда пришло время натянуть лук, его рука застыла. Люди-вороны все время наблюдали за ним. Он снова последовал за овцами, опередил их и спрятался за цветущей березой; он держал лук наготове, но когда овцы приблизились к нему, они превратились в богов. Первым был Хасджелти, вторым — Хостджогон, третьим — Нааскидди, четвертым — Хадатчиши. Это странное превращение сильно напугало юношу, он уронил лук и упал на землю без чувств. Хасджелти стоял на восточной стороне юноши, Хостджогон — на южной, Нааскидди — на западной, а Хадатчиши — на северной. У каждого из них была погремушка, которой они сопровождали песни, чтобы молодой человек пришел в себя. Они также нарисовали погремушкой на песке этот символ, , означающий фигуру человека, и нарисовали погремушкой параллельные линии у головы и ног. Когда это было сделано, молодой человек пришел в себя, а боги снова приняли облик овец. Они спросили молодого человека, почему он пытался в них стрелять. «Ты видишь, ты один из нас», — сказали они. Молодой человек превратился в овцу. «Далеко на севере, за горой Юте, будет танцевальный праздник; мы хотим, чтобы ты пошел с нами на этот праздник. Мы оденем тебя так же, как и себя, и научим тебя танцевать; потом мы отправимся в путешествие по миру». Братья, наблюдавшие с вершины мезы, задавались вопросом, в чем может быть проблема. Они не могли видеть богов. Они увидели молодого человека, лежащего на земле, и сказали: «Мы должны пойти и посмотреть, в чем дело». Дойдя до того места, они обнаружили, что их младший брат исчез. Они увидели, где он лежал и где люди работали над ним. Они начали плакать и сказали: «Долгое время мы не верили ему, а теперь он ушел с овцами». Они приложили много усилий, чтобы перехватить овец, но без успеха, и плакали еще сильнее, возвращаясь на плато и говоря: «Наш брат говорил нам правду, а мы не верили ему; если бы мы ему поверили, он не ушел бы с овцами; может быть, когда-нибудь мы его увидим».

На танце овцы нашли семь других, таких же, как они. Таким образом, их число достигло двенадцати. Семь овец присоединились к остальным в их путешествии по миру. Все люди показали им свои танцы и научили их своим песням. Затем все, кроме юноши, посовещались и сказали: «Нет смысла

держать его с нами дольше (имея в виду юношу); он всему научился; он может теперь уйти и рассказать своему народу, чтобы они делали то же, что и мы». Молодому человеку было велено, чтобы в танце участвовали двенадцать человек, шесть богов и шесть богинь, а Хасджелти был их лидером. Ему было велено, чтобы его народ изготовил маски, представляющие их. Нельзя было, чтобы двенадцать Нааскидди были представлены среди навахо, потому что они не поверили бы в это, и это вызвало бы проблемы. Они не могли выучить все их песни. Молодой человек вернулся к своим братьям, принеся с собой все песни, все лекарства и одежду.

СТАРИК И СТАРУХА ПЕРВОГО МИРА.

В нижнем мире Этсеастин и Этсеасун создали четырех богов. Эти боги были так раздражены муравьями, что сказали: «Пойдем в четыре угла мира». В каждом из четырех углов мира был найден источник, и каждый бог завладел одним из них, который он ревностно охранял.

Эцеастин и Эцеасун были ревнивы, потому что у них не было воды, а она была им нужна для производства пищи. Старик наконец получил понемногу воды от каждого из богов, посадил ее и вырастил из нее источник, такой же, как у богов. Из этого источника выросли кукуруза и другие растения. Этсеастин и Этсеасун сели по разные стороны источника лицом друг к другу, пели, молились и разговаривали с кем-то о себе, и таким образом они положили начало поклонению. Однажды старик увидел какой-то плод посреди источника. Он попытался дотянуться до него, но не смог, и попросил женщину-паука (члена его семьи) достать его для него. Она сплела паутину через воду и с ее помощью добыла плод, который оказался большой белой раковиной, размером с корзину Тусаян. На следующий день Этсеастин обнаружил в источнике еще один вид плодов, которые паучиха также принесла ему; эти плоды были бирюзой. На третий день он обнаружил еще один вид плодов, которые паучиха также добыла для него; это были раковины морского ушка. На четвертый день он нашел черные каменные бусины, которые также были добыты.

После восхождения в верхний мир Этсеастин посетил четыре угла, чтобы посмотреть, что он может найти. (Они принесли с собой понемногу всего из нижнего мира). С востока он принес орлиные перья; с юга — перья голубой сойки; на западе он нашел перья ястреба, а на севере — перья пестрой ночной птицы (свистуна). Этсеастин и Этсеасун отнесли их к источнику и разместили по сторонам света. Орлиные перья были положены на восток, рядом с ними — белый кукурузный зерно и белая раковина; синие перья были положены на юг с синим кукурузным зерном и бирюзой; ястребиные перья были положены на запад с желтым кукурузным зерном и раковиной морского ушка; а на север были положены перья ночной совы с черными бусинами и кукурузным зерном всех цветов. Старик и старуха пели и молились, как они делали это у источника в нижнем мире. Они молились на восток, и был создан белый волк; на юг, и появилась выдра; на запад, и пришел пума; а на север — бобр. Этсеастин сделал этих животных правителями нескольких точек, из которых они пришли.

Когда белый цвет дневного света встретился с желтым цветом заката в середине неба, они обнялись, и белый цвет родил койота, а желтый — желтую лису. Синий цвет юга и черный цвет севера также встретились, и синий цвет родил синюю лису, а север — барсука.

Синие и желтые лисы были отданы пуэбло; койоты и барсуки остались у навахо; но Великий Волк является правителем над всеми ними. Великий Волк был вождем, который советовал разделить полы.

Сноски

1. В украшении тел участвовали несколько мужчин, но исполнители ролей богов большую часть работы делали сами и, казалось, были довольно придирчивы. Пальцы окунали в краску и натирали тело.

2. Исполнители ролей богов должны соблюдать воздержание, пока вся краска не будет удалена с их тел.

3. Пена перекрещивалась и обводилась пыльцой, чтобы придать ей дополнительную силу для восстановления здоровья больного.

4. Я заметил, что жрец потной хижины ни разу не сидел вместе с певчим жрецом и его помощниками.

5. Эта пища сушится и измельчается в порошок, который используется теургом в качестве лекарства.

6. Старый священник, рассказывающий этот миф, достал мешочек с пыльцой кукурузы и кристалл, который он окунул в пыльцу и сказал: «Теперь мы все должны съесть эту пыльцу и положить немного на головы, потому что мы будем говорить об этом».

7. Нааскидди — горбуны; на их спинах находятся облака, в которых хранятся семена всех растений.

8. Навахо не используют настоящий синий краситель в своих песчаных картинах, а строго следуют инструкциям богов. Однако они используют немного киновари, когда ее можно достать, чтобы усилить красный цвет в мешочках.

9. *Bigelovia Douglasii* используется для изготовления колец и используется в церемонии Hasjelti Dailjis с прямой ссылкой на это событие.

10. Церемониальные кольца также изготавливаются из испанского байонета (юкки).

УКАЗАТЕЛЬ

Следующий частичный индекс относится конкретно к этой статье. Индекс для всего восьмого годового отчета включен в индекс.

Bigelovia Douglasii (полынь) используется в качестве соломы для постройки потных домиков навахо 239
используется для создания дыма в потной хижине 240, 244
Братья (The), миф народа навахо 280

Песнопения в церемониях навахо 245, 246
Дети, посвящение в церемонии народа навахо 266, 267
Вороны, миф навахо о 281

Танец в церемонии Хасджелти Дайлджис 273-275
Оленьи шкуры для потных хижин и масок в церемониях навахо должны быть от задушенных животных. 242
над входом в потную хижину навахо, значение 242

Эстхетл, первые, церемониал навахо 264, 271, 272
песня 272
молитва к 272

Этсеастин и Этсеасун, миф народа навахо 284-285

Продукты, используемые во время церемоний навахо 236, 257

Игорный круг в церемониях навахо 238

Хасджелти и Хостджогон, мифическая история 277

Маски, изображающие различных богов навахо, индейское использование 248, 249, 253
Медицинская сигарета, в церемонии навахо, приготовление 258
утилизация после использования 259
Лечебная хижина, навахо, строительство 237
Медицинские трубки в церемониале навахо 241, 244, 246, 250, 257, 258, 264
Лечебная вода, используемая в церемониях навахо 255, 263, 269

Найенэсгони и Тобайдищинни, мифическая история 279-280

Старик и старуха из первого мира, миф народа навахо 284-285

Сосновые ветви, применение для избавления от болезней в церемониях народа навахо 247, 250
утилизация после церемонии 248, 251
Молитва при подношении лекарственных трубок богам навахо 244
Эстхетлу 272
Молитвенные палочки, как их готовят для церемоний навахо 242-243, 264

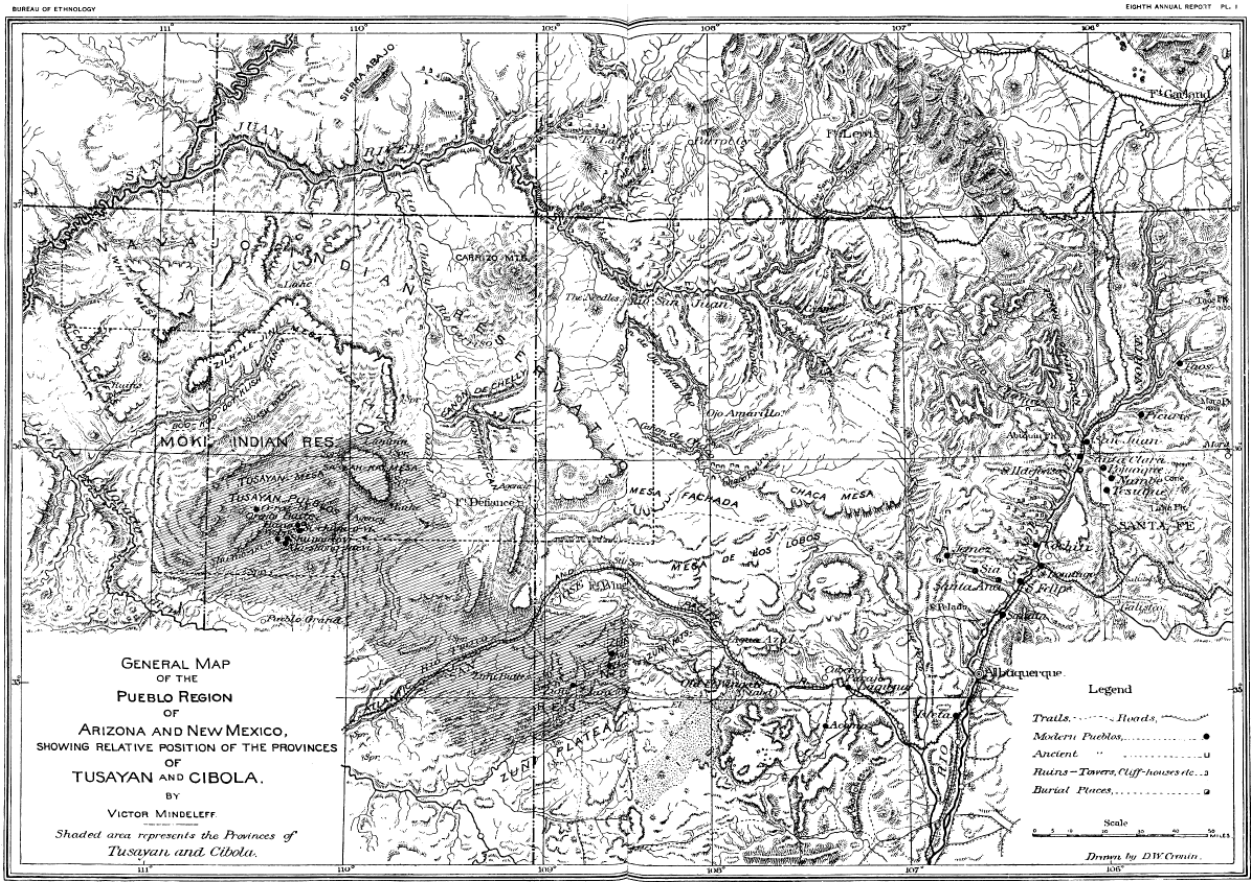
Камыши, священные, для церемоний народа навахо, подготовка 242, 243

Песчаная постель, используемая в церемонии навахо для поглощения болезней 250, 251
Песочная живопись, церемониальная, наученная навахо от пуэбло 236
Цвета, используемые в 237
Способ нанесения цветов 239-248
утилизация песка после церемонии 241, 261, 264
описание 260, 261, 262, 264, 265
Овцы, горные, миф навахо о 282-284
Женщина-паук, миф народа навахо 284
Палки, расписные, связки, используемые в церемониях медицины навахо 252, 254
Пена юкки, используемая в церемониальной медицине навахо 251, 257, 258
Солнце, миф навахо о сотворении мира 275, 277
Потные хижины в церемониях навахо, описание 239

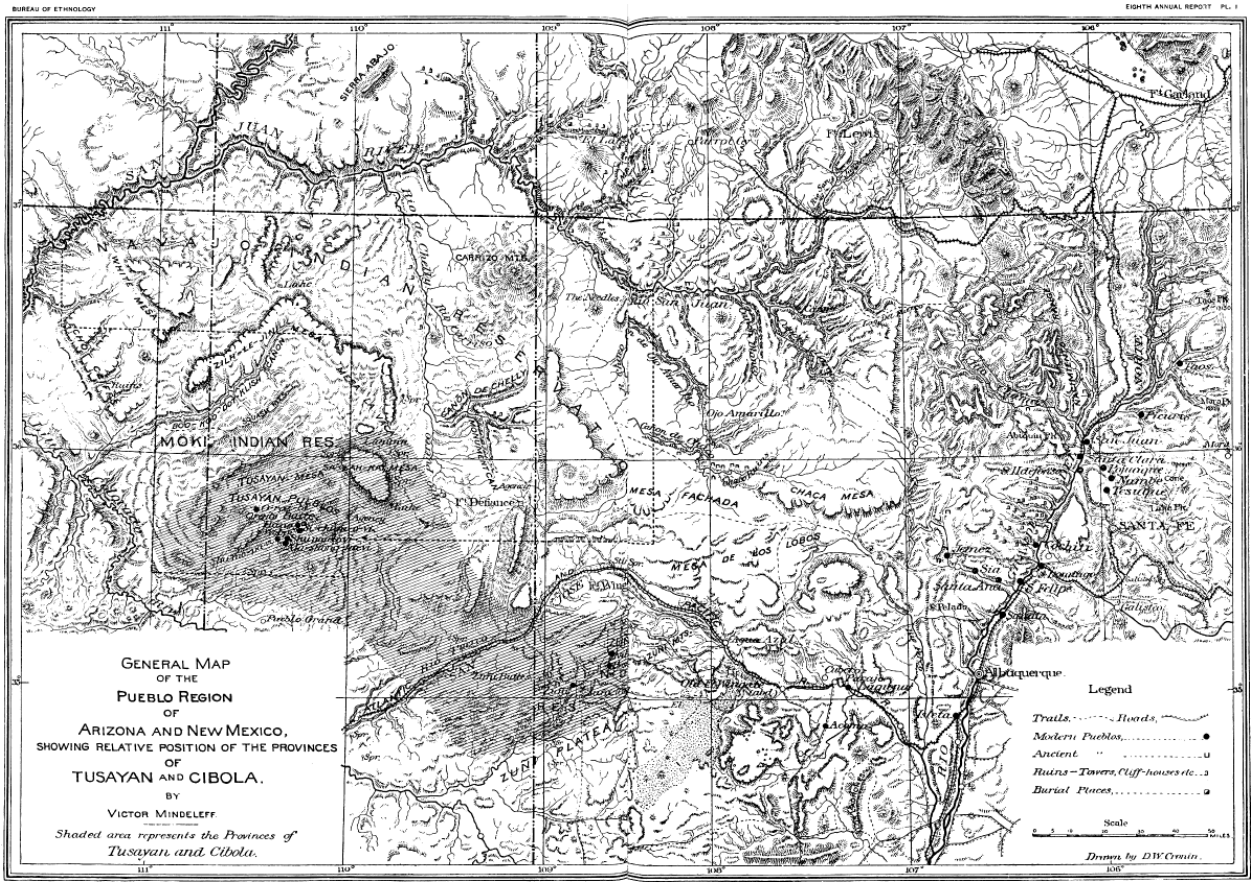
Тонееннили, ороситель, песня, посвященная ему, в церемонии навахо 259

Йебичай, значение термина 235, 236

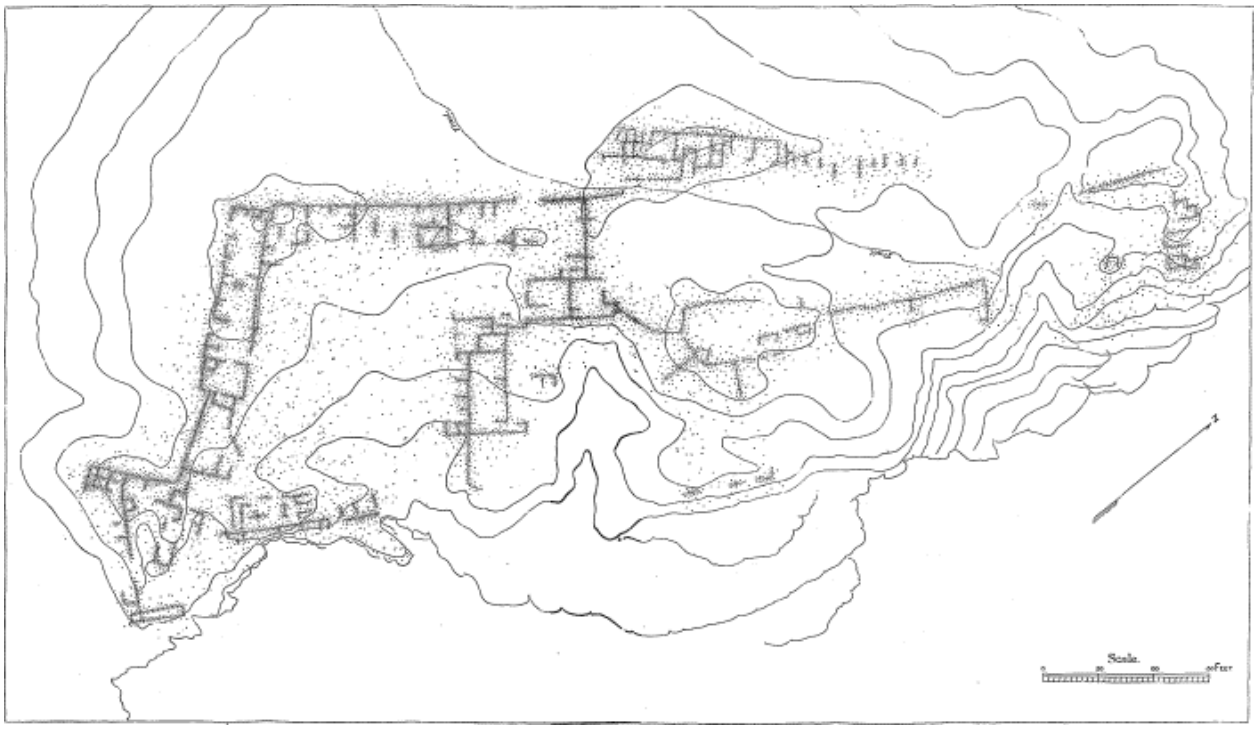
A. Иллюстрации из текста «Третья церемония», страница 247:


GENERAL MAP
OF THE
PUEBLO REGION
OF
ARIZONA AND NEW MEXICO,
SHOWING RELATIVE POSITION OF THE PROVINCES
OF
TUSAYAN AND CIBOLA.
BY
VICTOR MINDELEFF
Shaded area represents the Provinces of Tusayan and Cibola.
Legend
Trails, Roads,
Modern Pueblos,
Ancient "
Ruins—Towers, Cliff-houses etc.
Burial Places,
Scale
Drawn by D.W.Cronin.
MOKI INDIAN RES.
SAN JUAN RIVER
PUEBLO GRANDE
ZUNI PLATEAU
MESA FACHADA
CHACA MESA
SANTA FE
Albuquerque

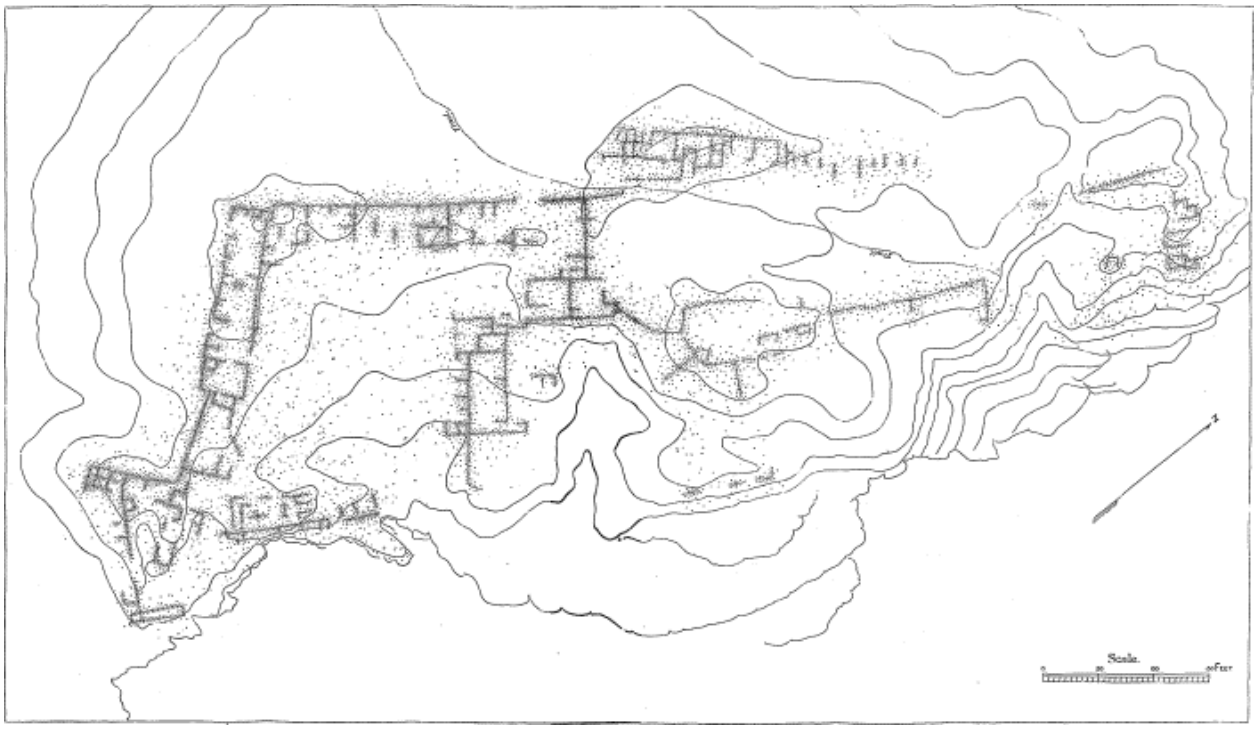
back


GENERAL MAP
OF THE
PUEBLO REGION
OF
ARIZONA AND NEW MEXICO,
SHOWING RELATIVE POSITION OF THE PROVINCES
OF
TUSAYAN AND CIBOLA.
BY
VICTOR MINDELEFF
Shaded area represents the Provinces of Tusayan and Cibola.
Legend
Trails, Roads,
Modern Pueblos,
Ancient "
Ruins—Towers, Cliff-houses etc.
Burial Places,
Scale
Drawn by D.W.Cronin.
MOKI INDIAN RES.
SAN JUAN RIVER
PUEBLO GRANDE
ZUNI PLATEAU
MESA FACHADA
CHACA MESA
SANTA FE
Albuquerque

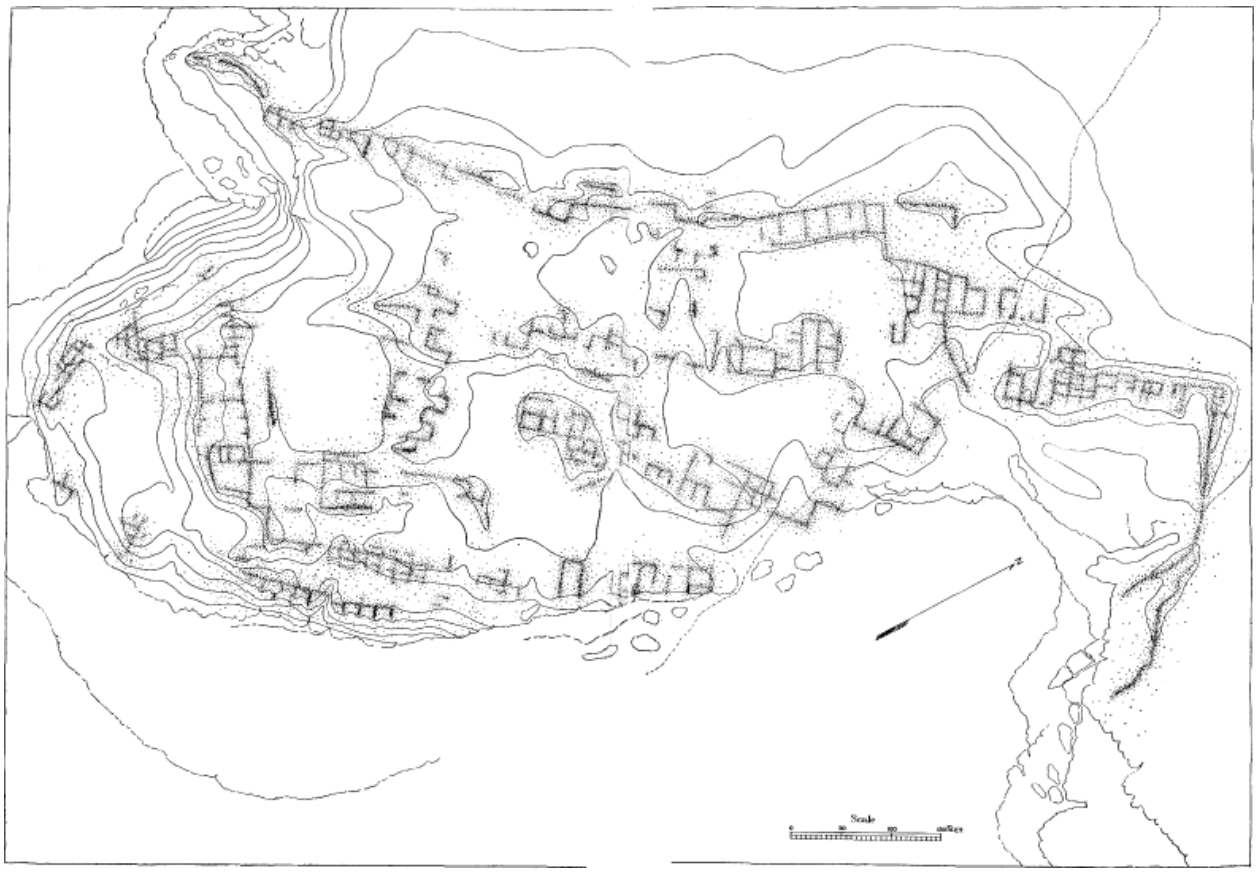
back



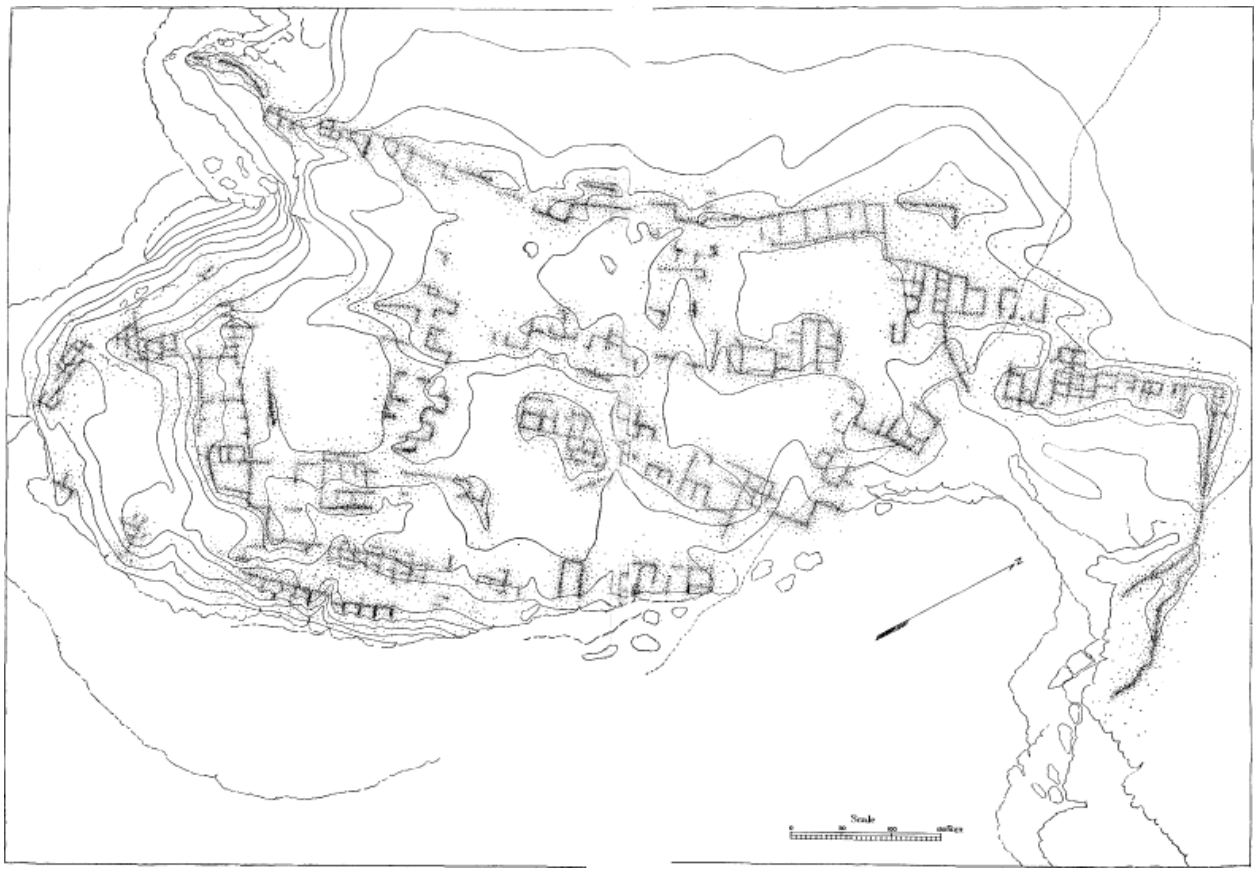
back



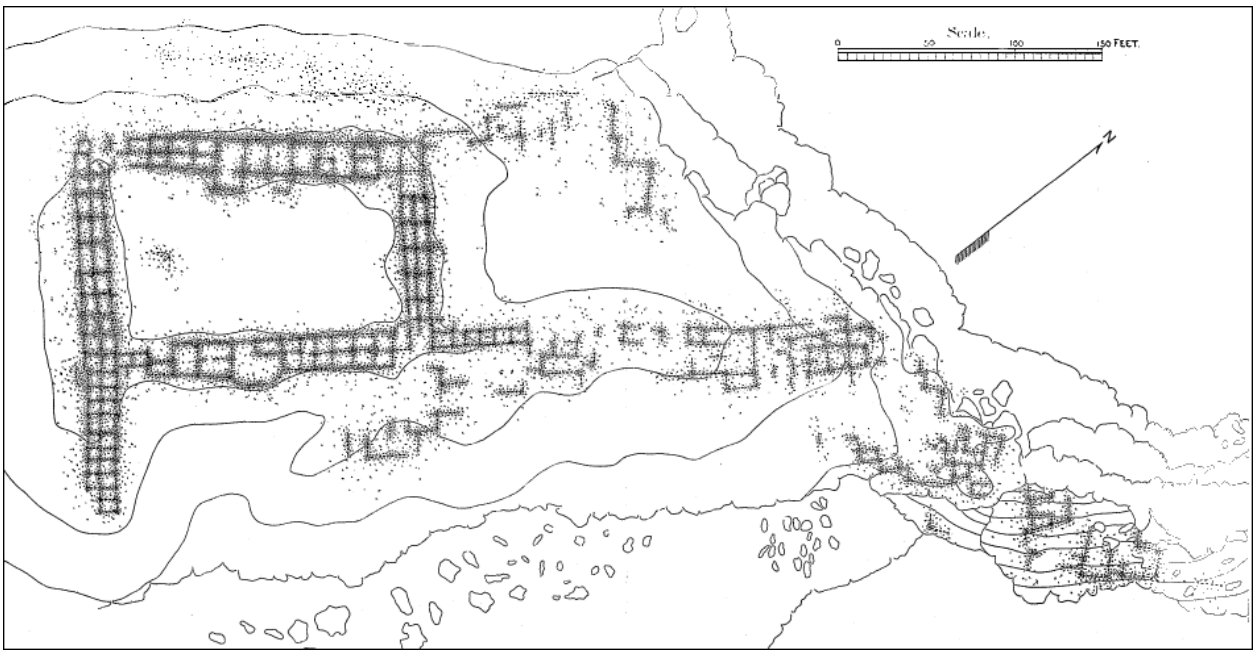
back



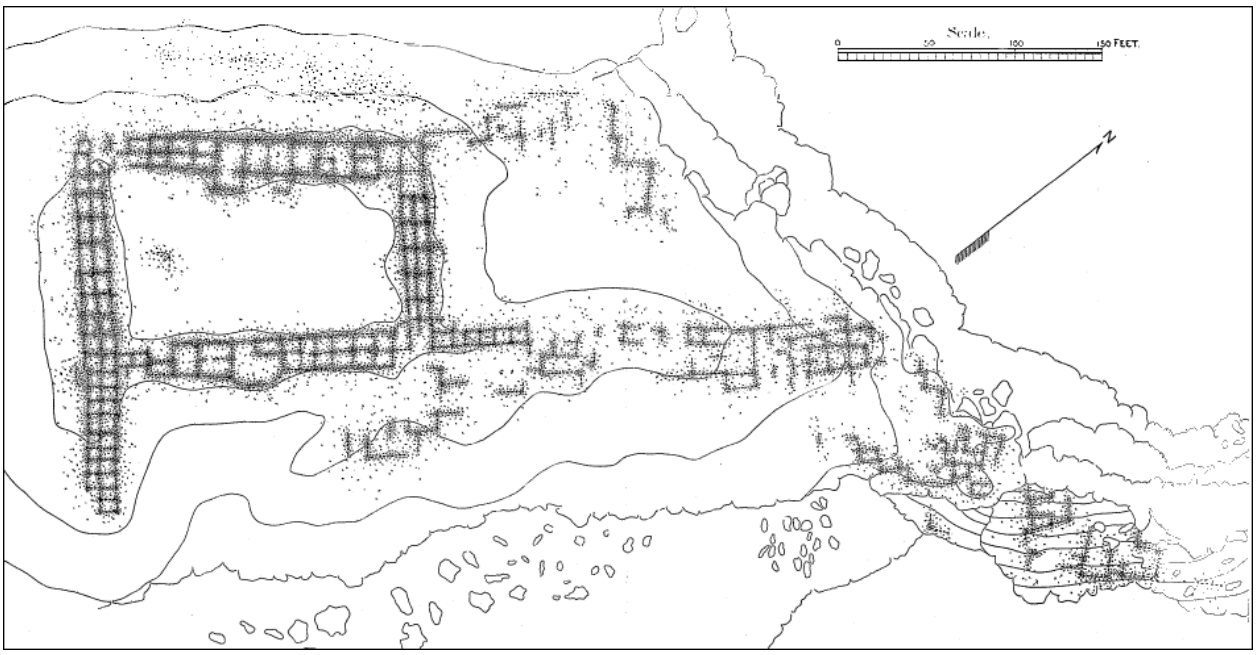
[back]



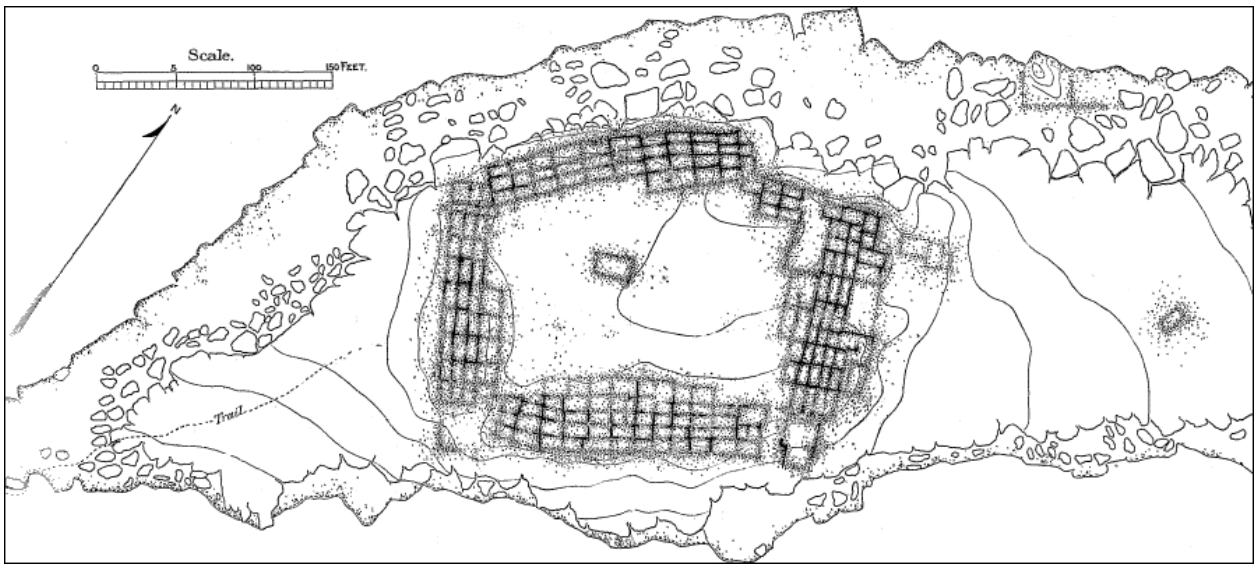
[back]



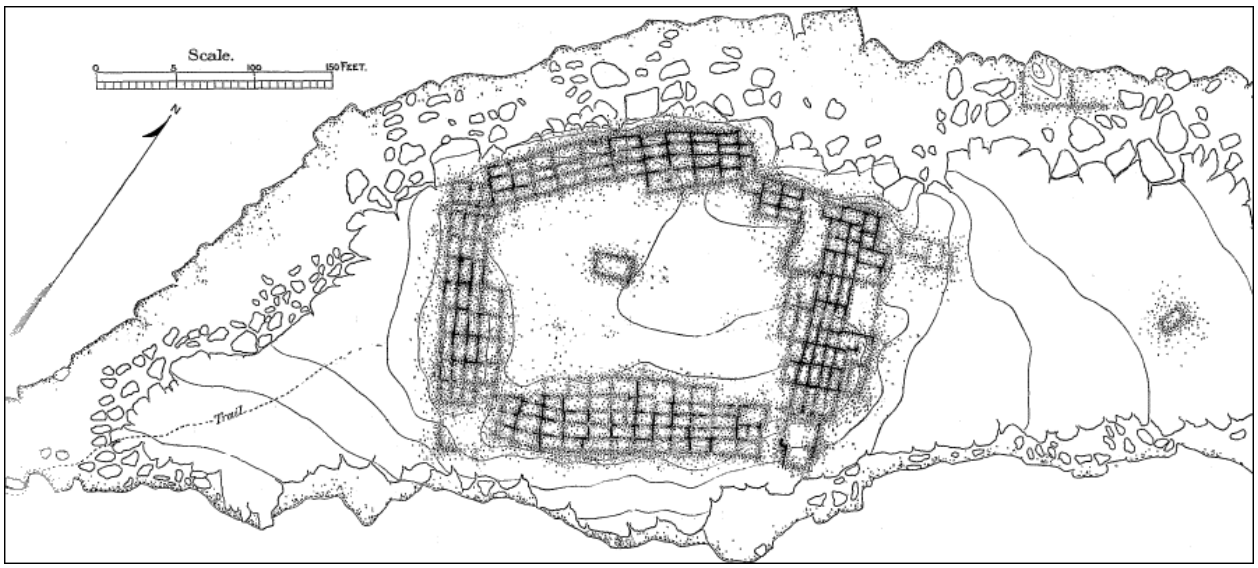
back



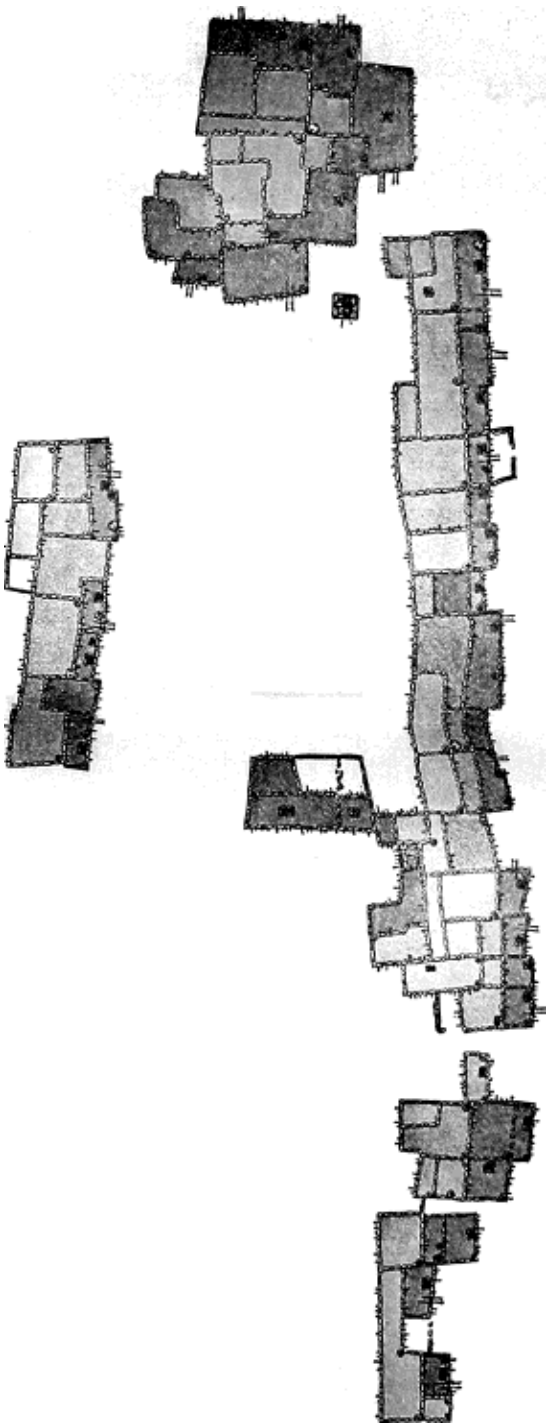
back



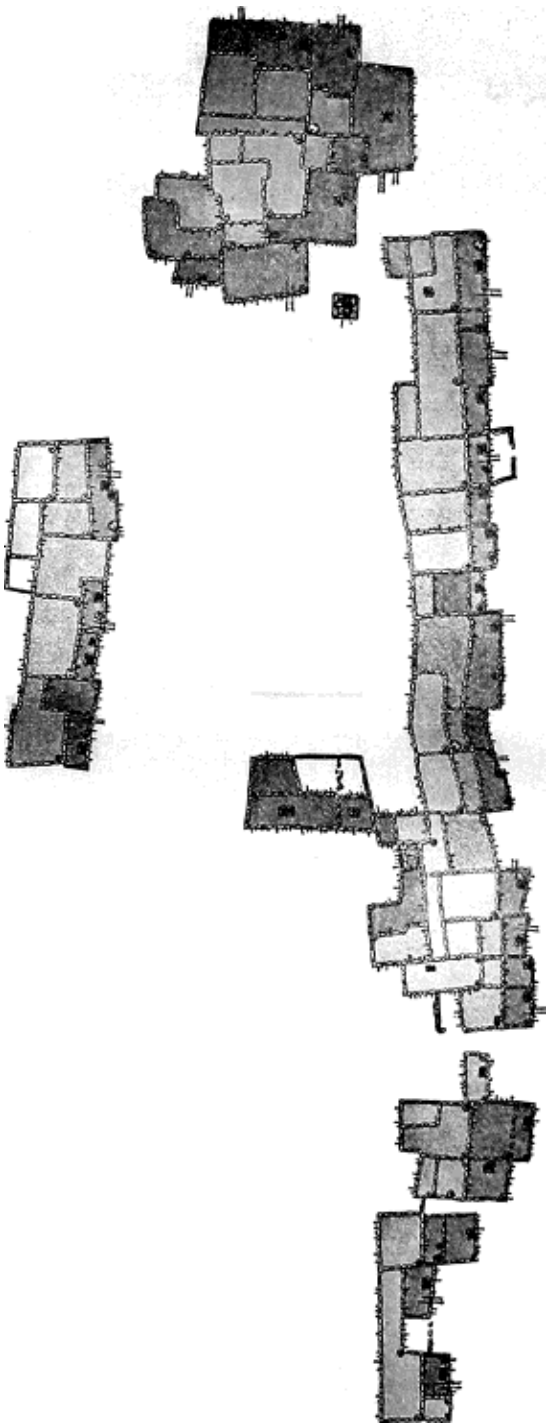
back



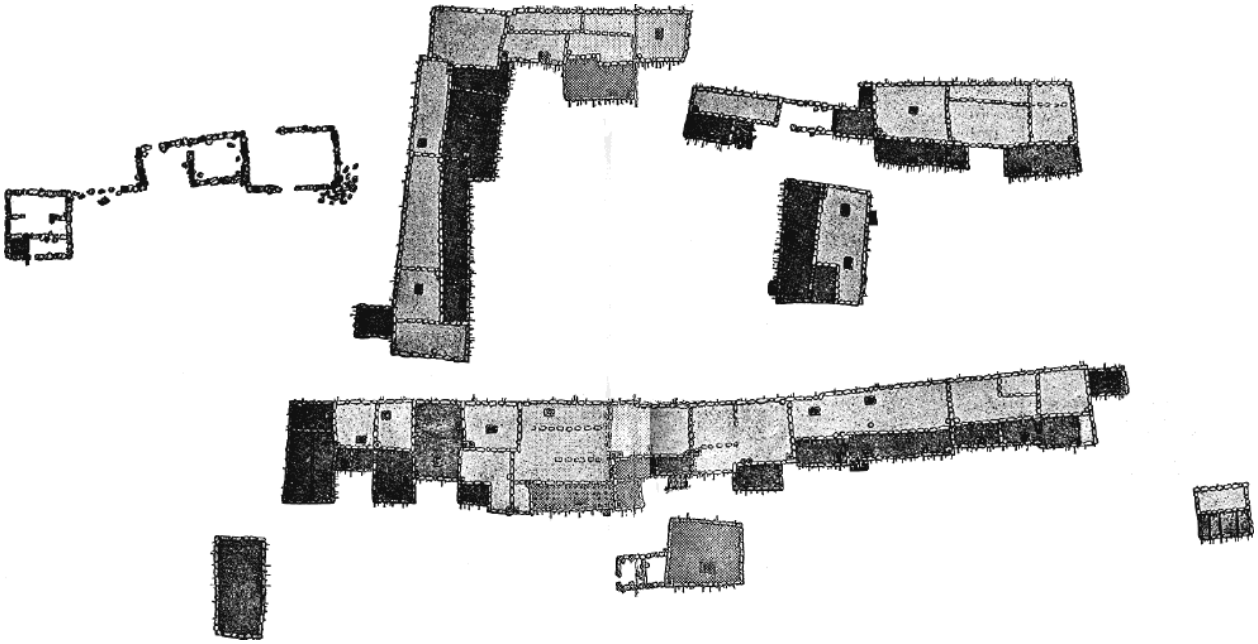
back



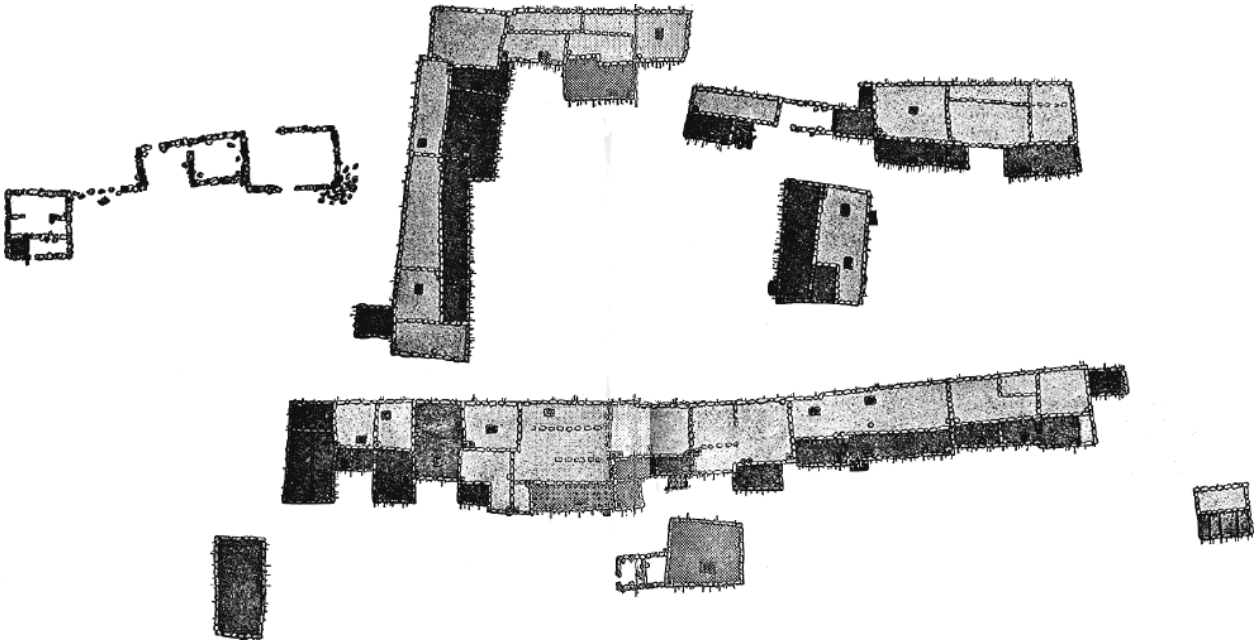
back



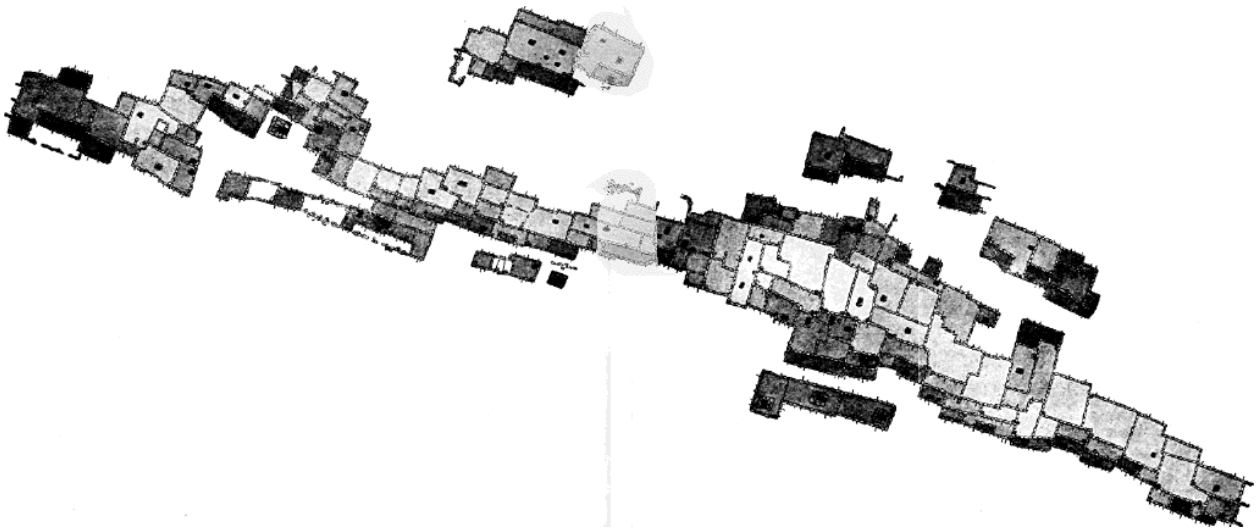
back



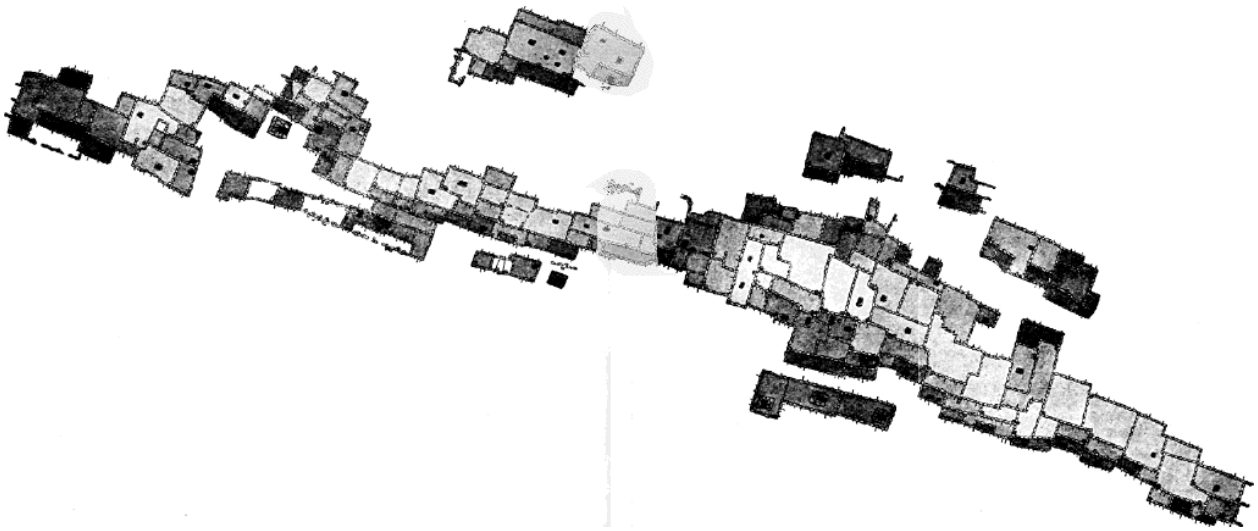
back



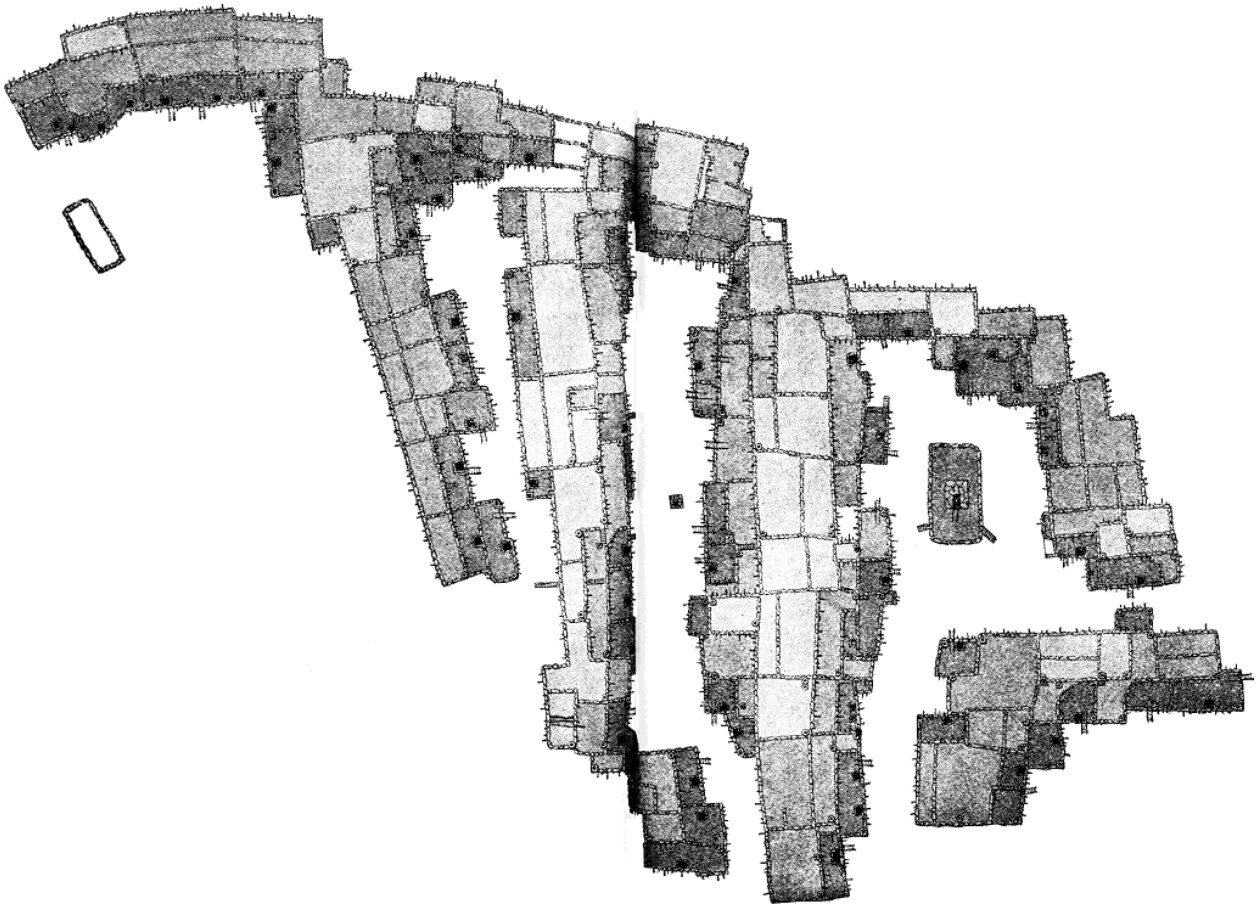
back



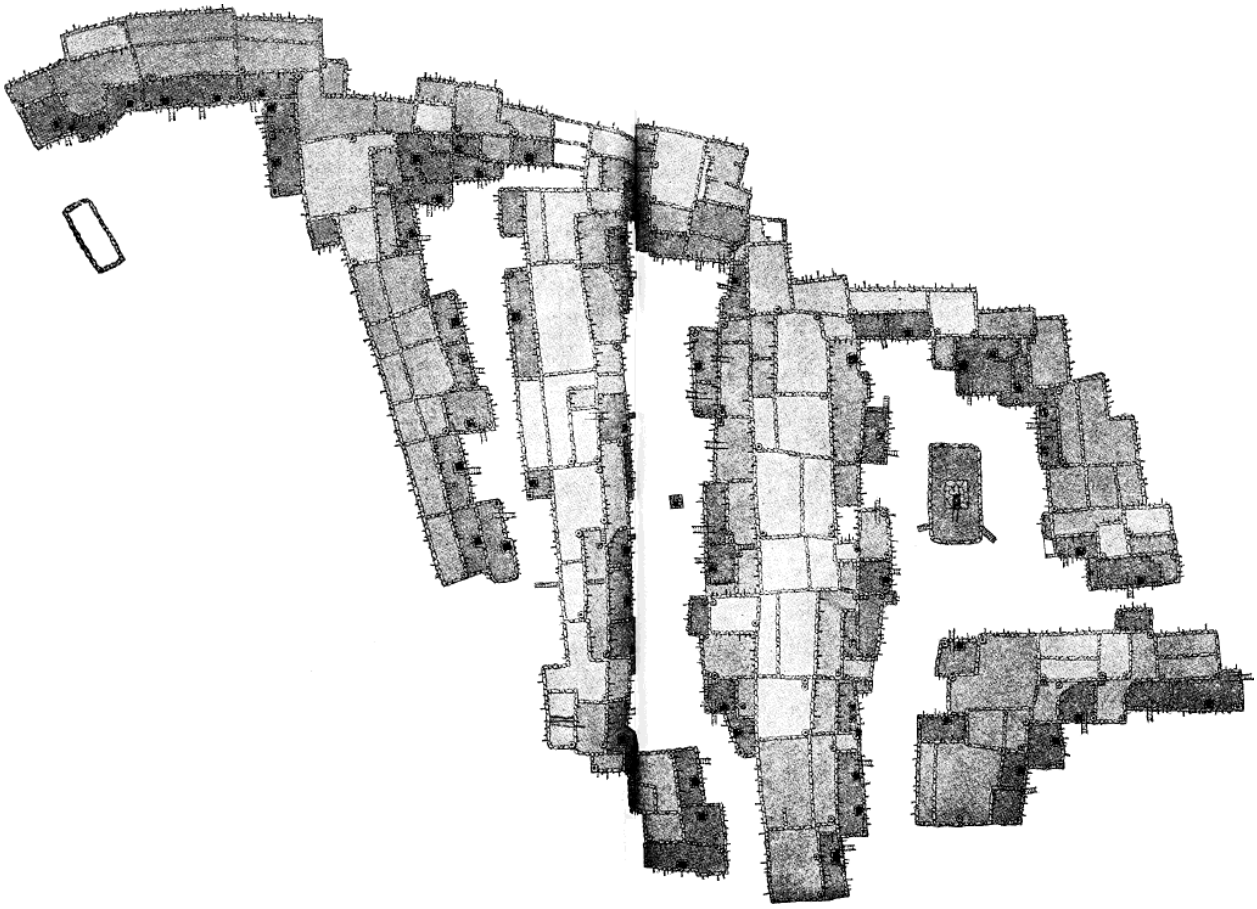
back



back



back



back

FIG. 10. Diagram showing growth of Mashongnavi.

back

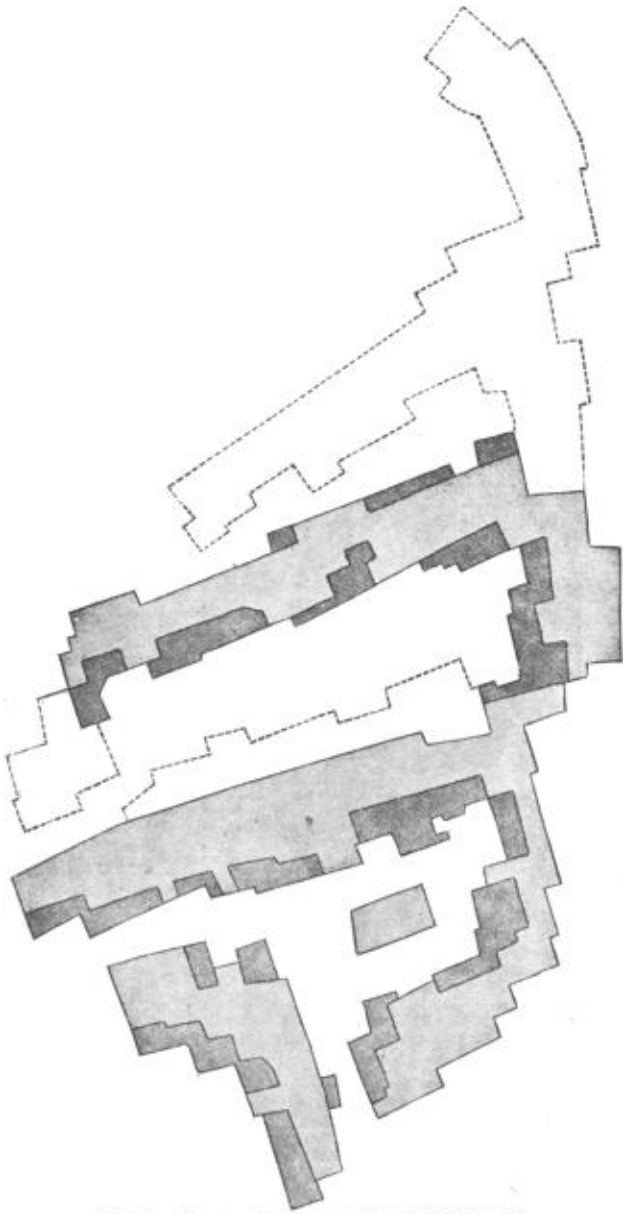


FIG. 11. Diagram showing growth of Mashongnavi.

back

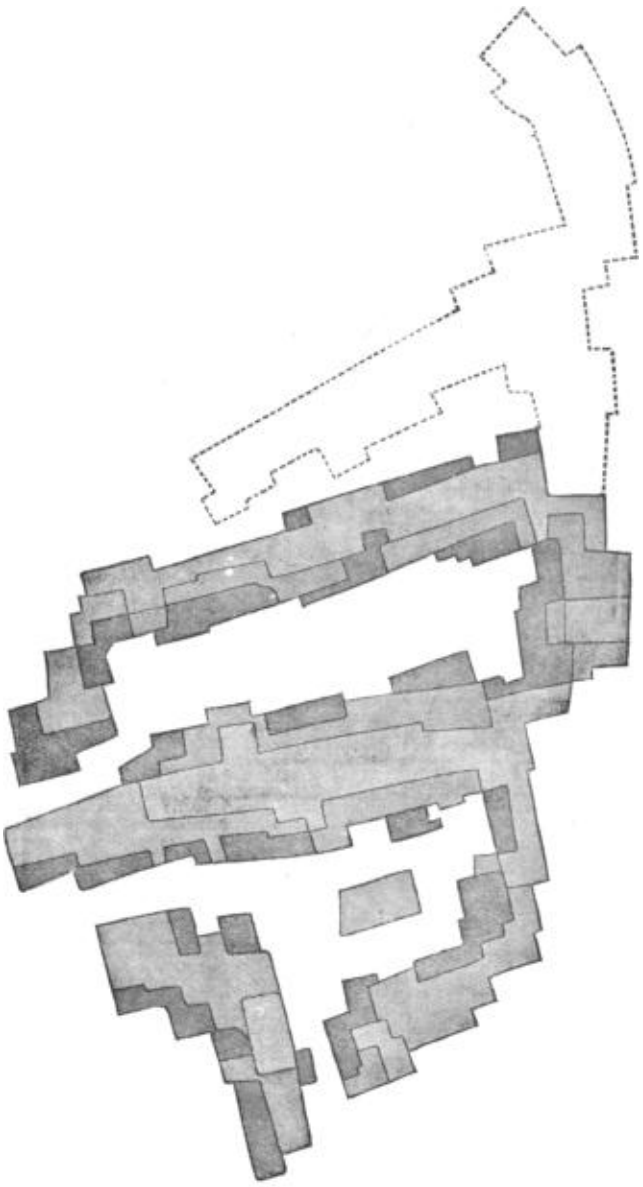


Fig. 12. Diagram showing growth of Mashongnavi.

back

FIG. 10. Diagram showing growth of Mashongnavi.

back

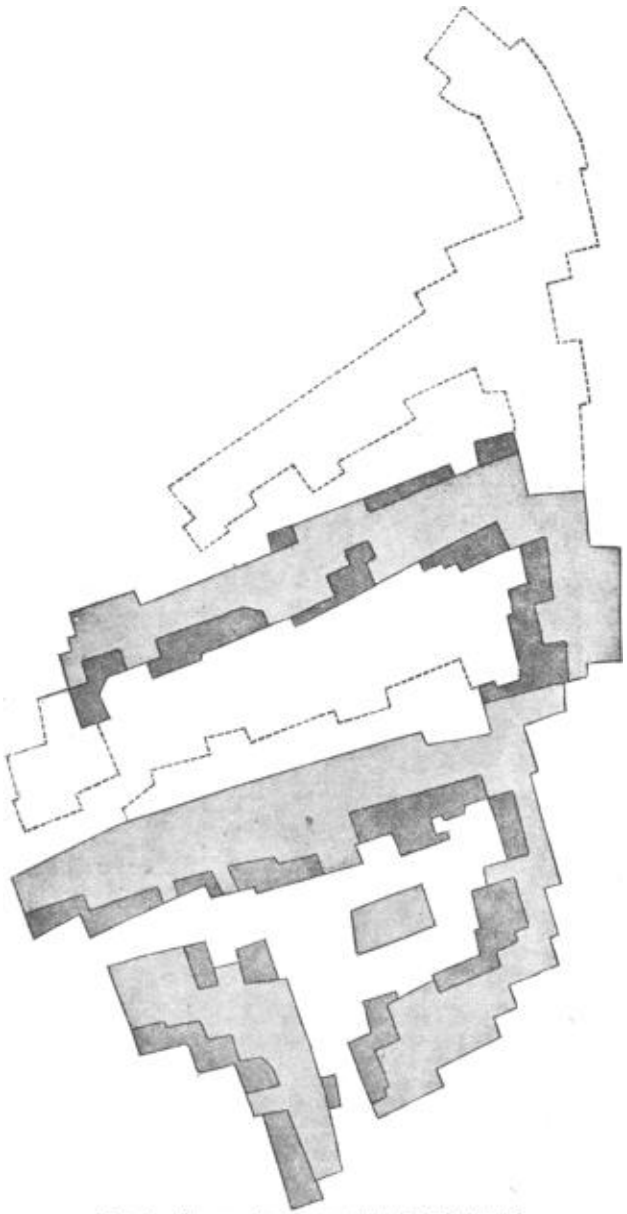


FIG. 11. Diagram showing growth of Mashongnavi.

back

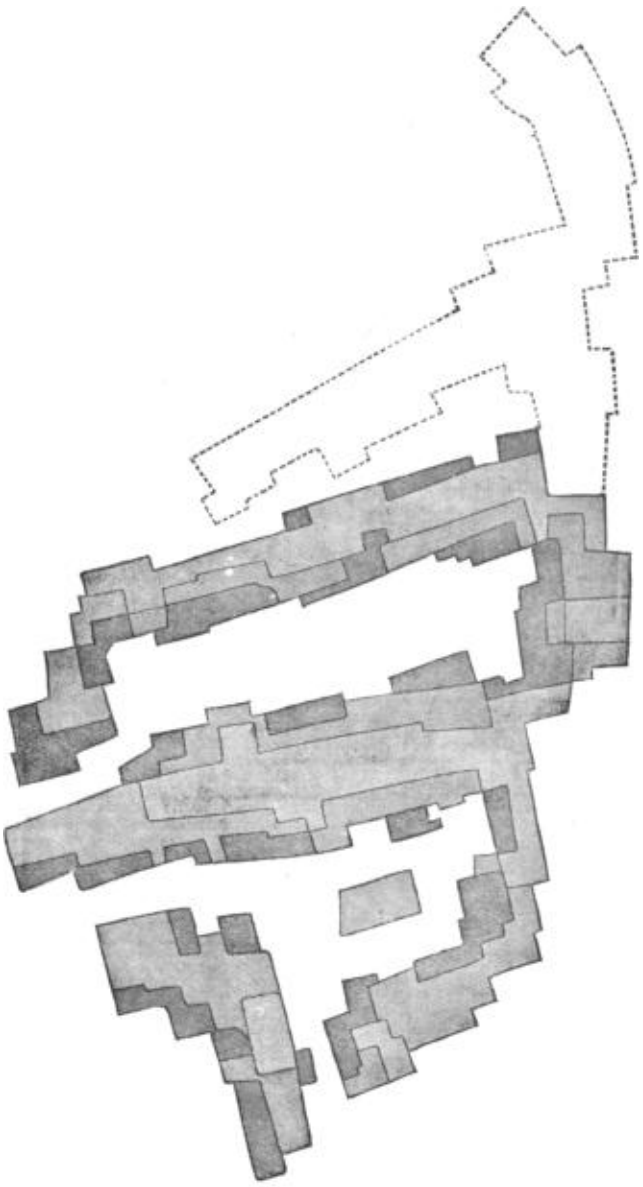
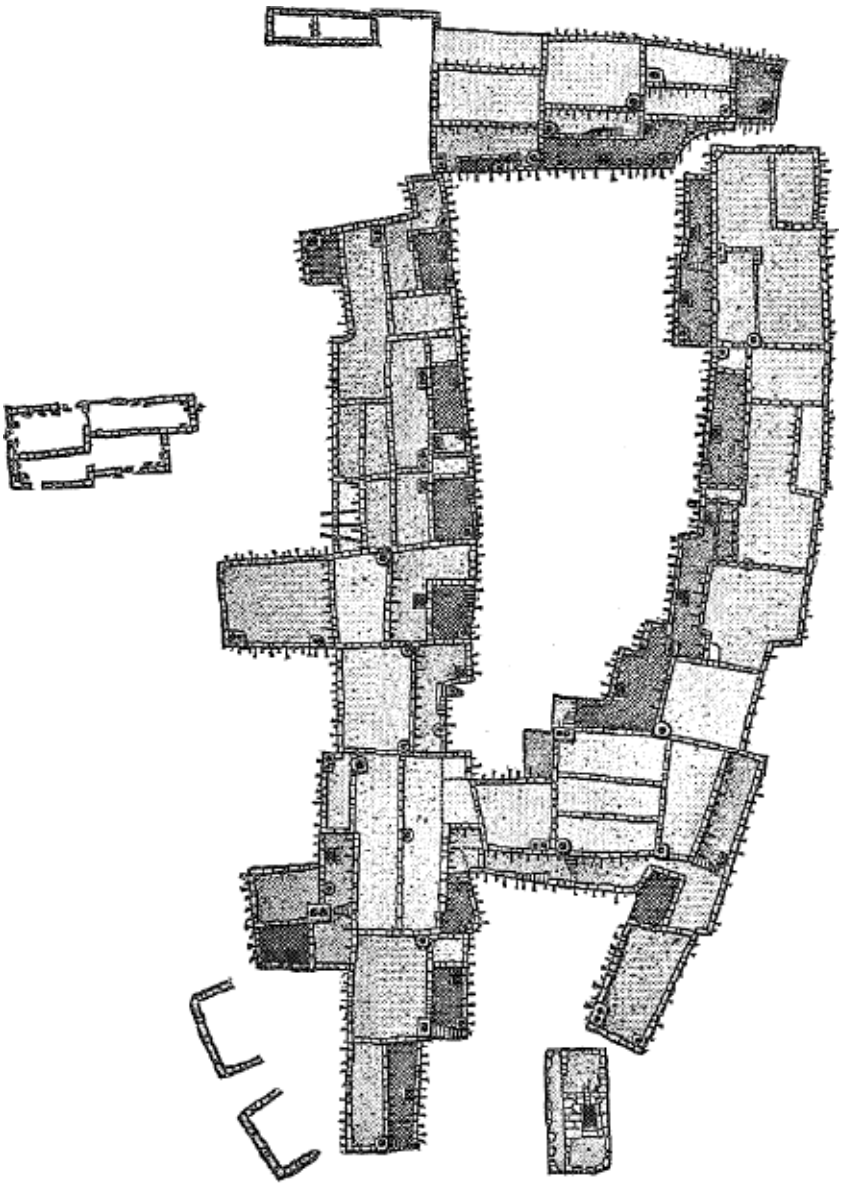
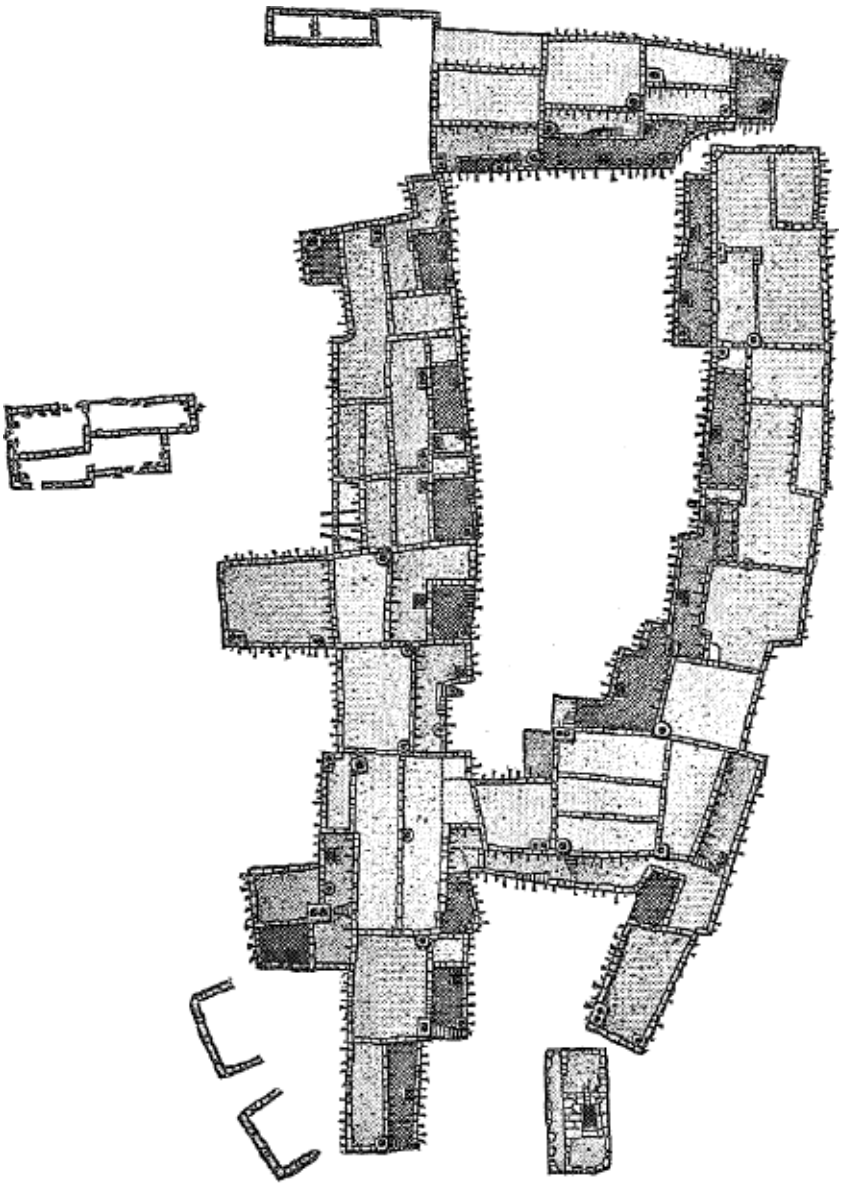


Fig. 12. Diagram showing growth of Mashongnavi.

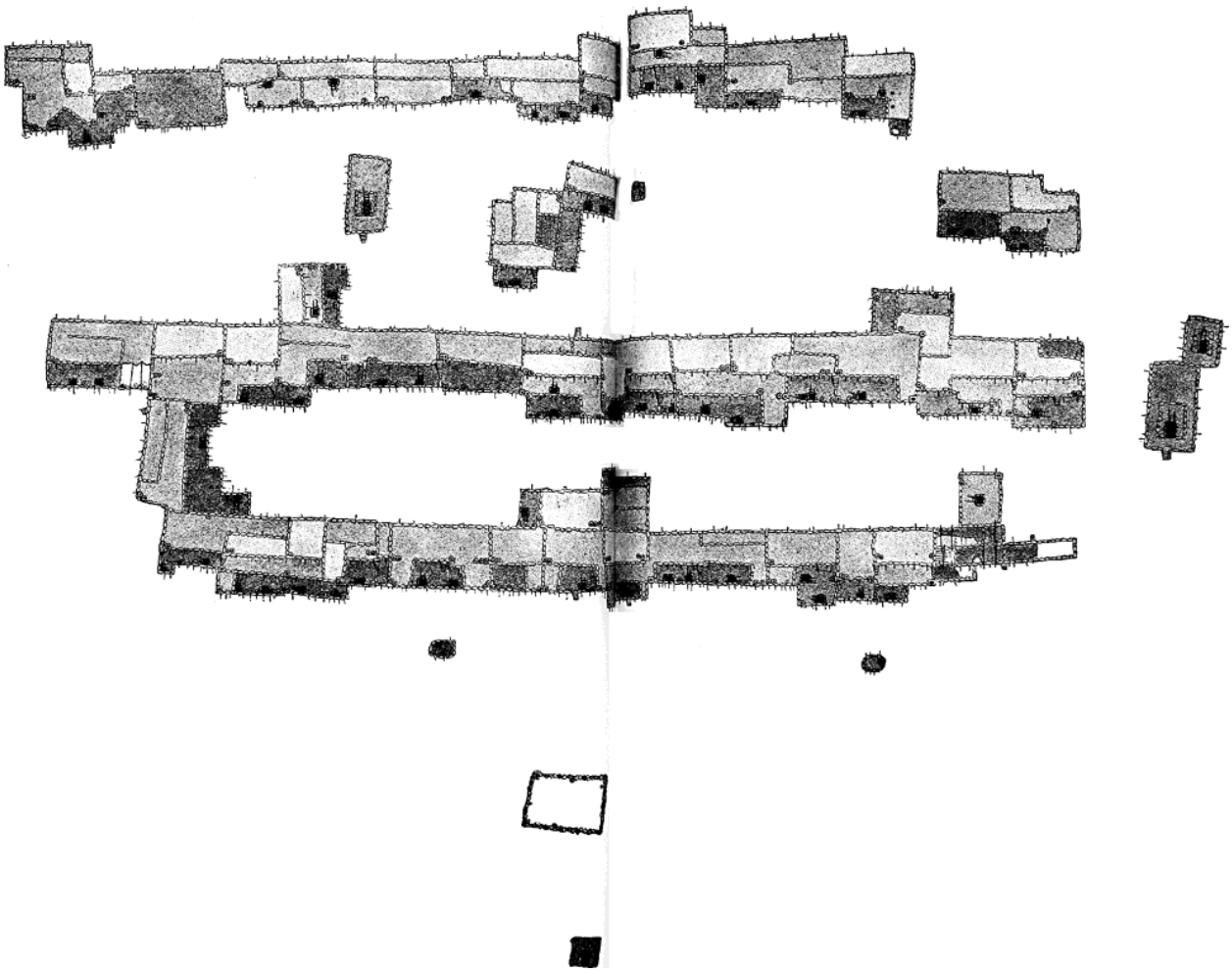
back



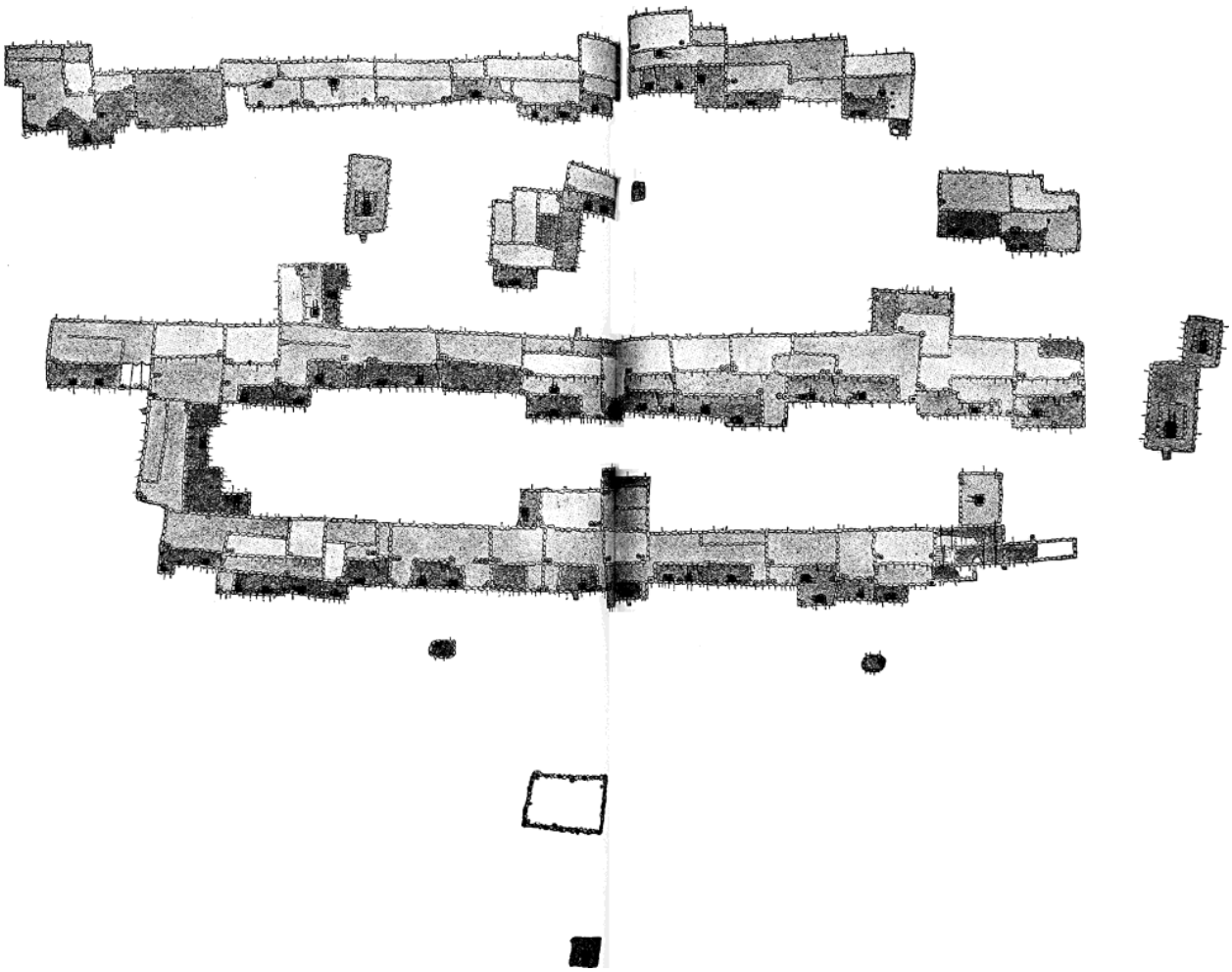
back



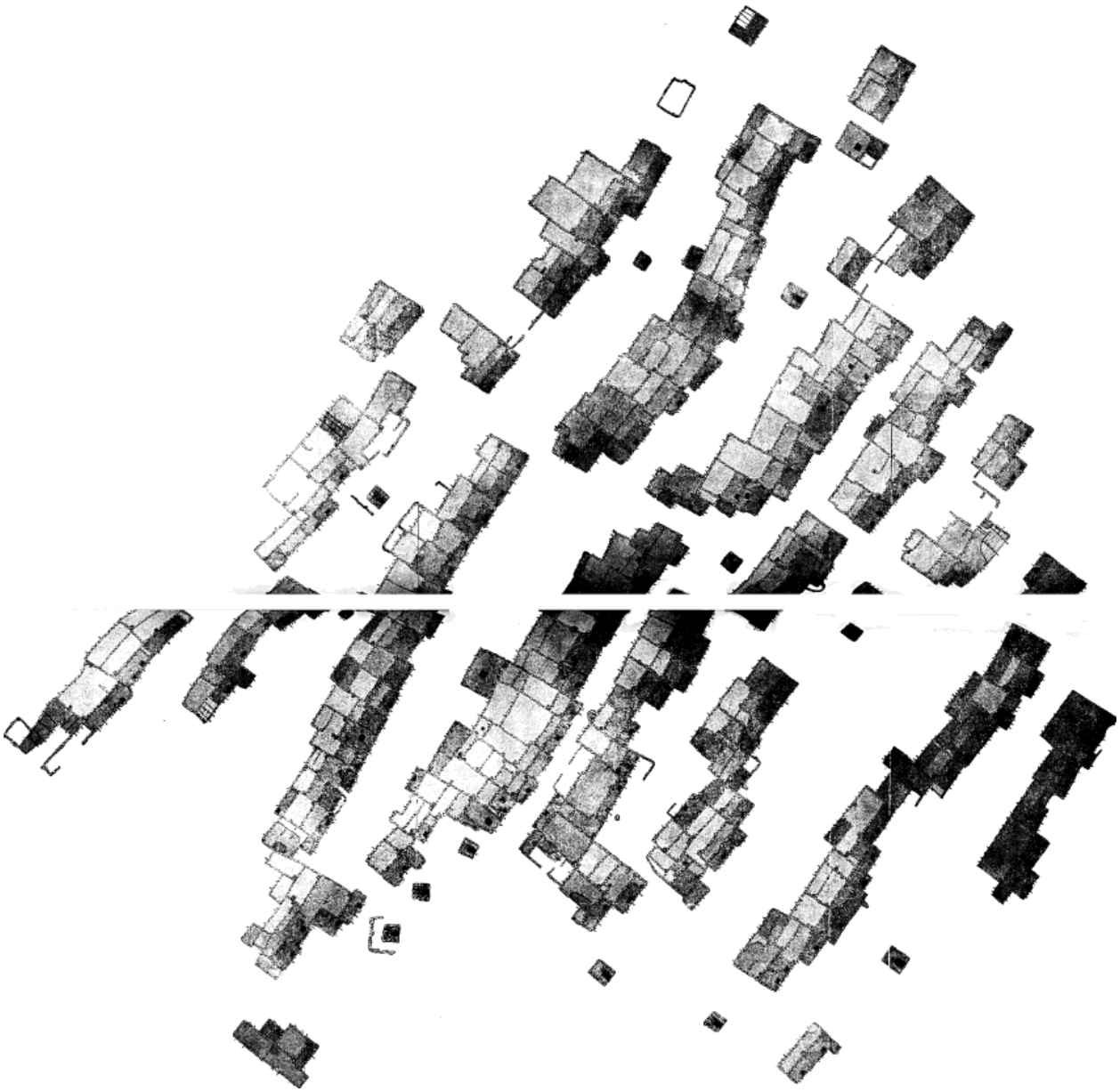
back



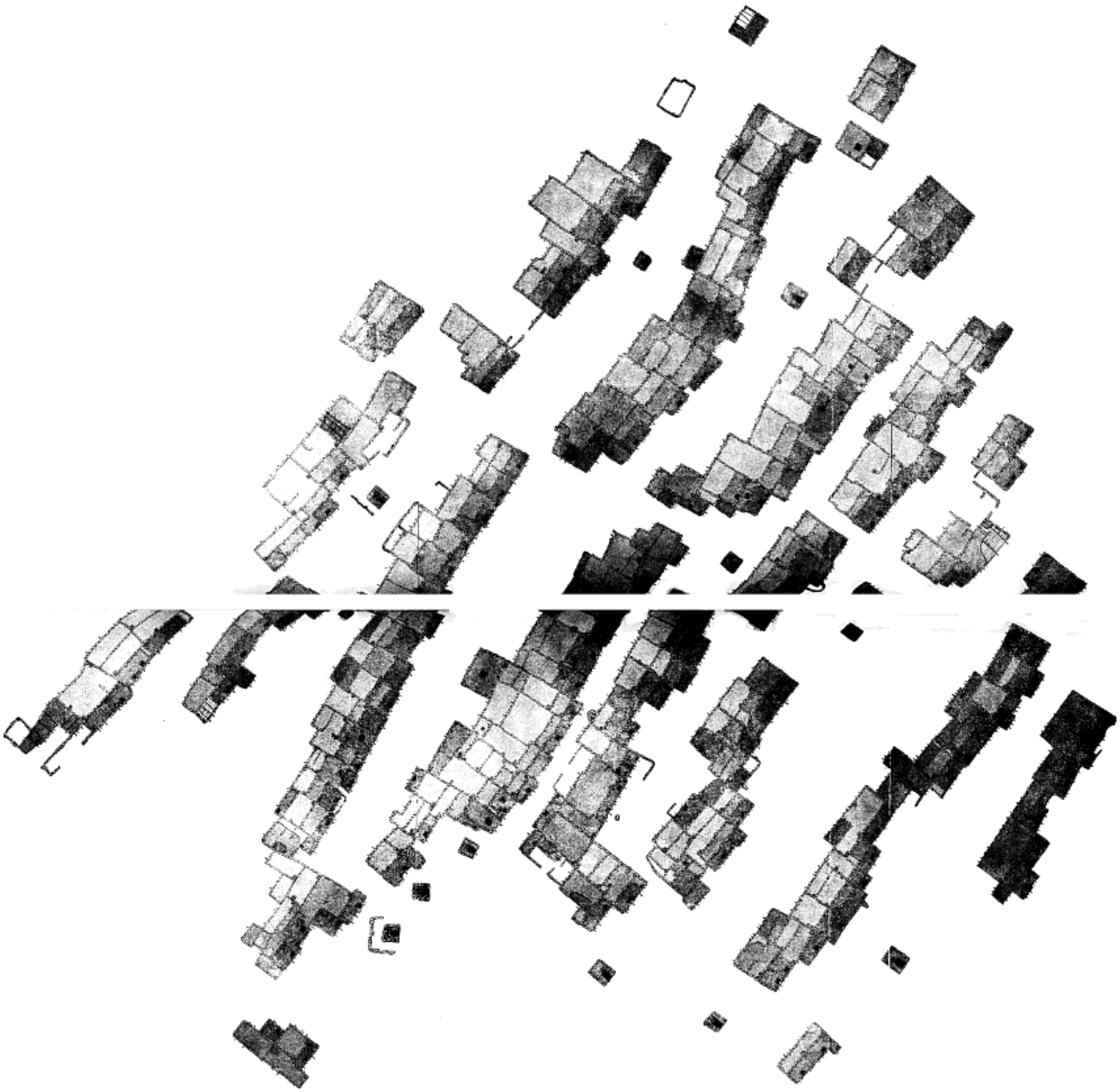
back



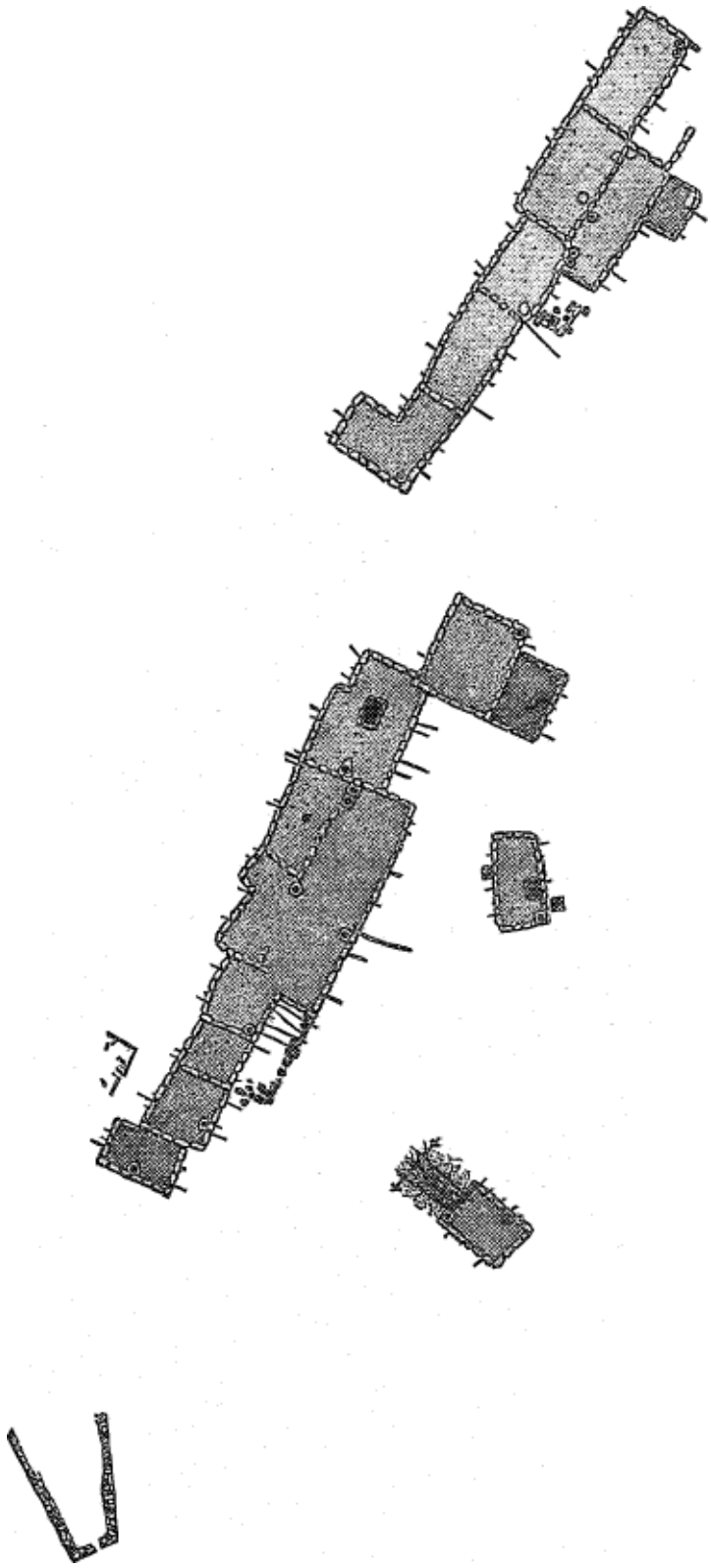
back



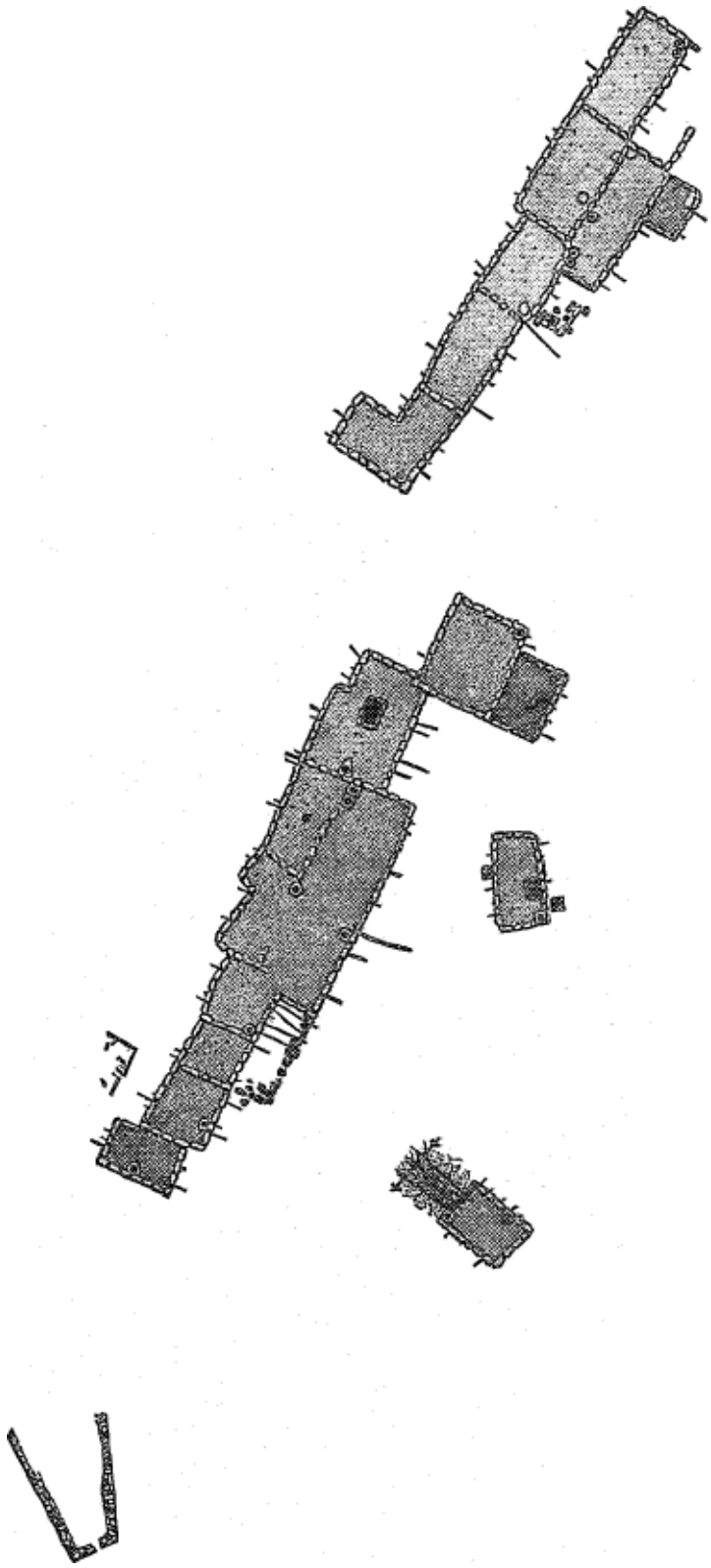
back



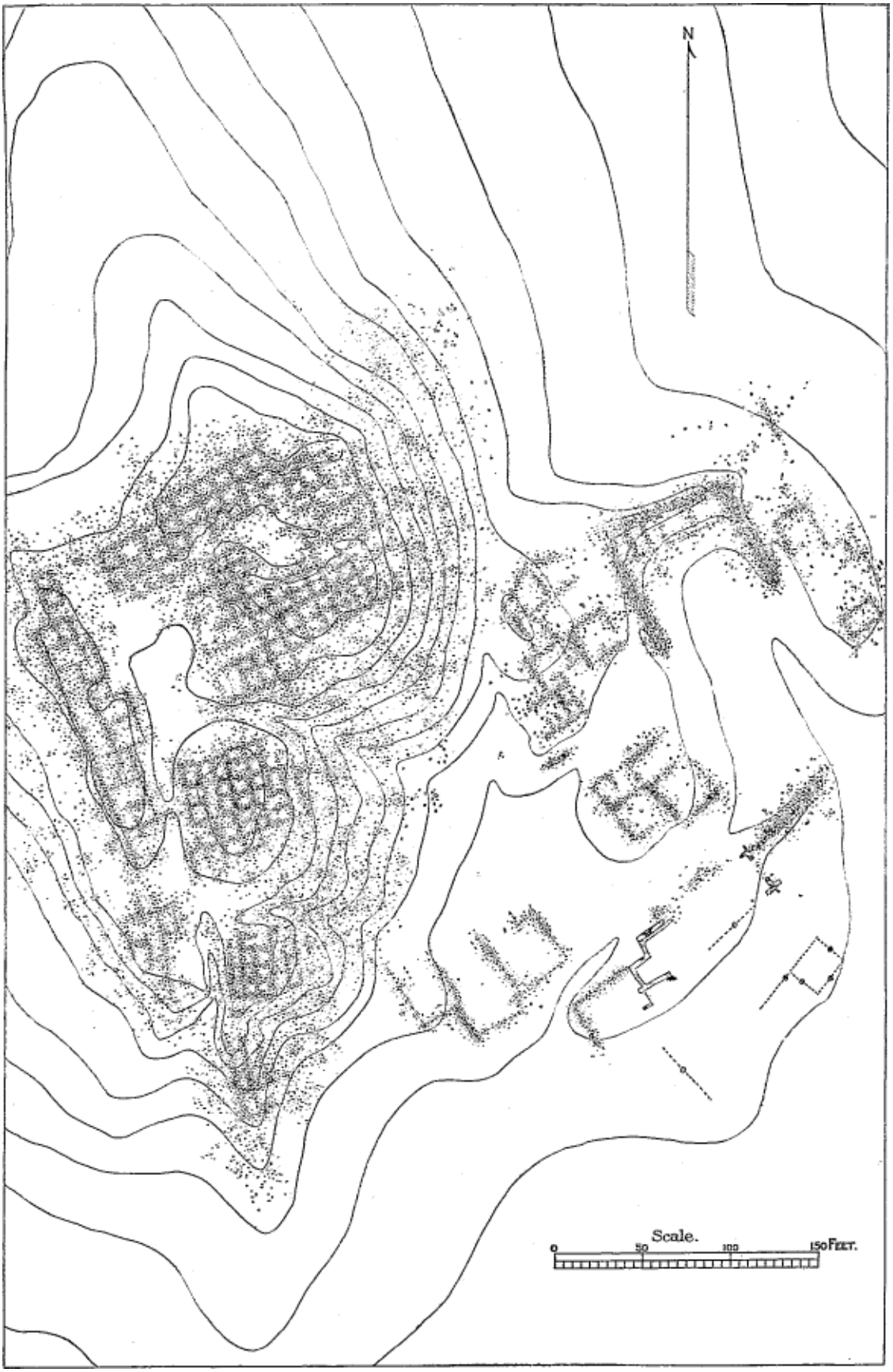
back



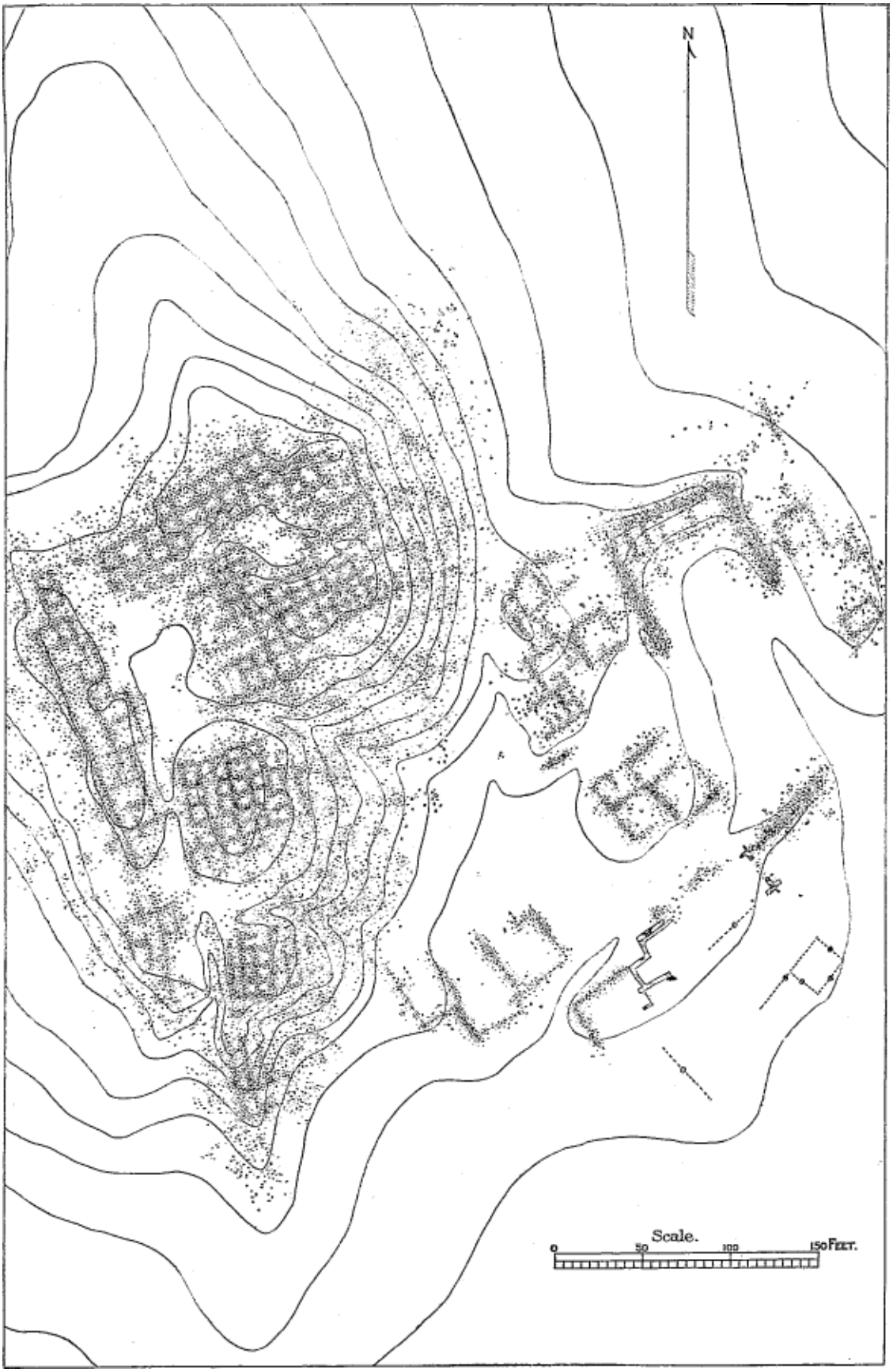
back



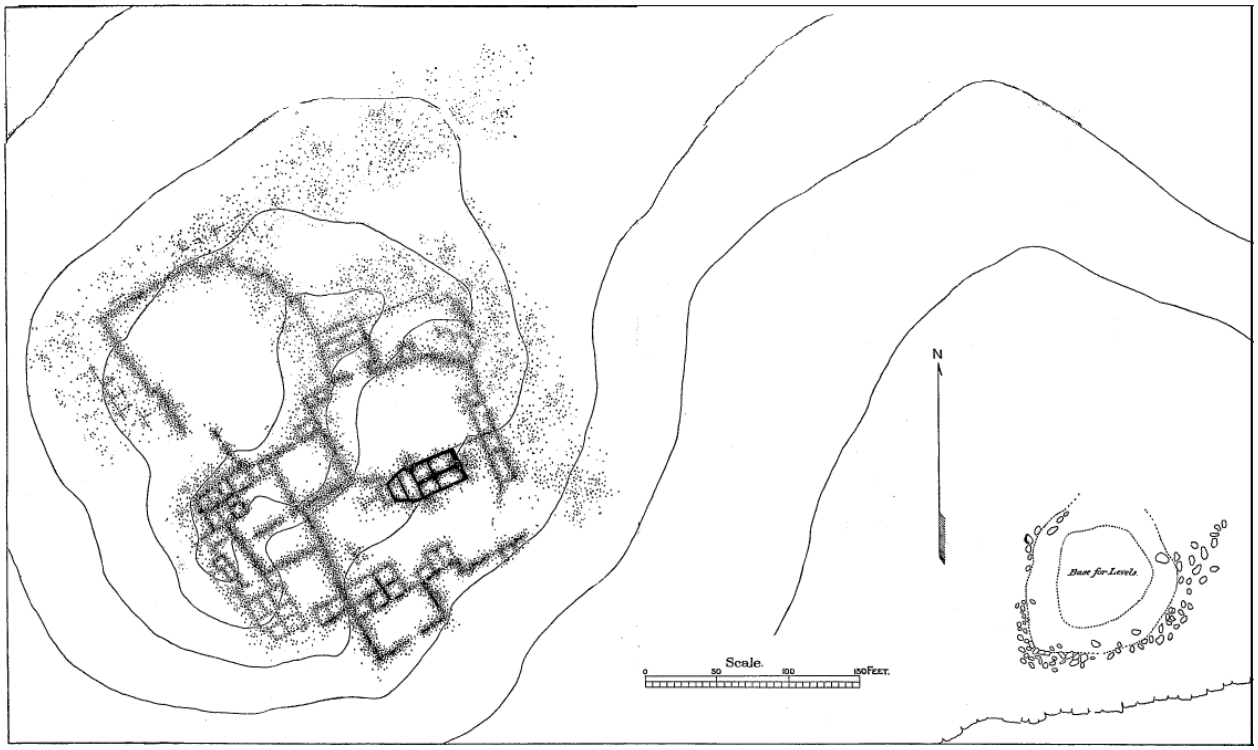
back



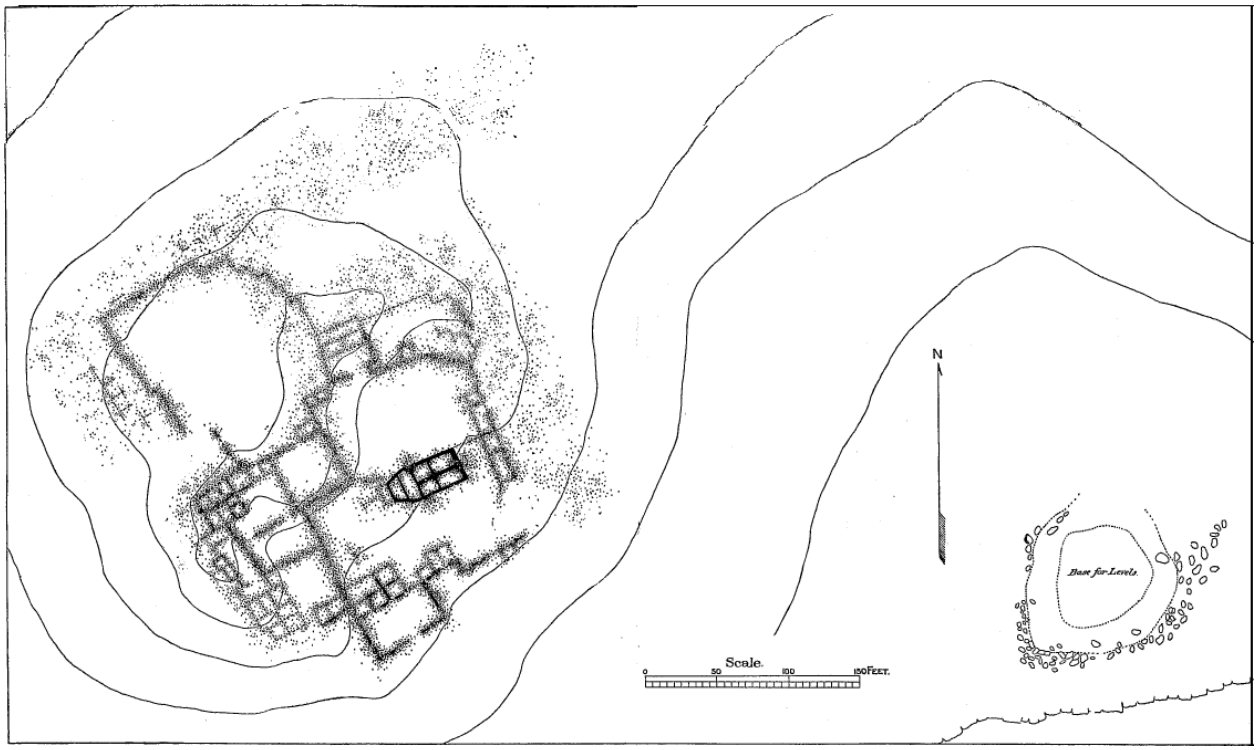
back



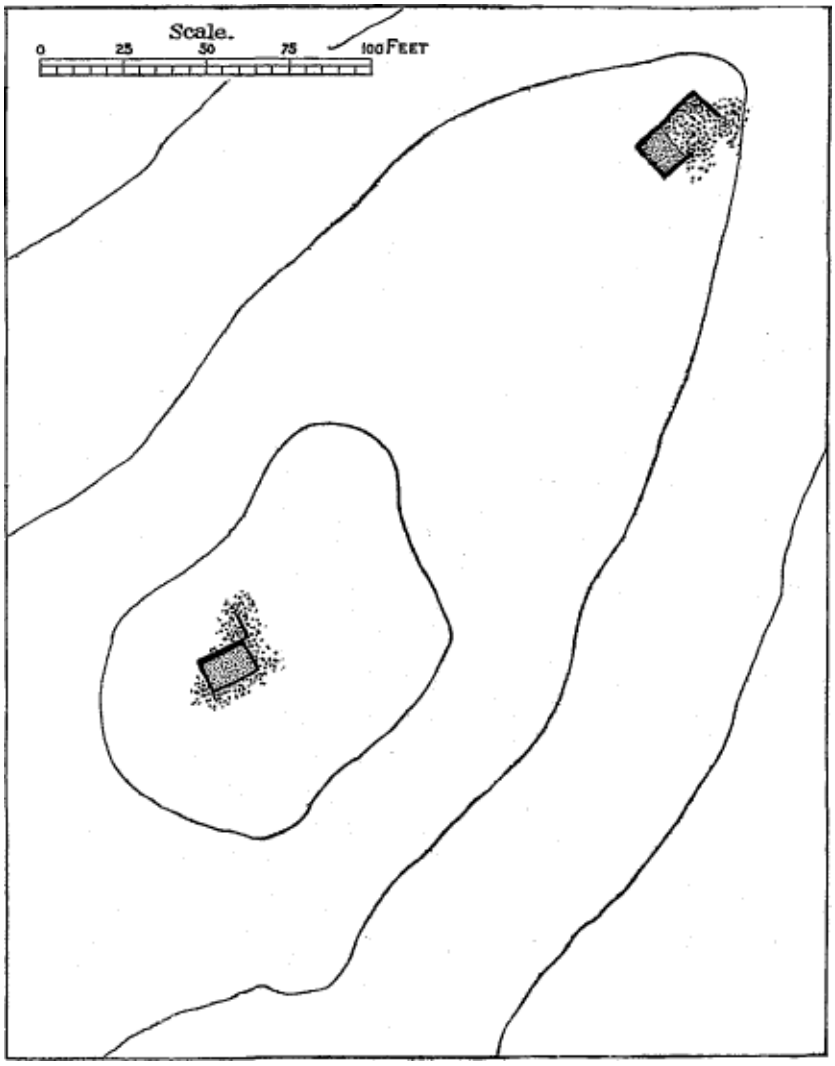
back



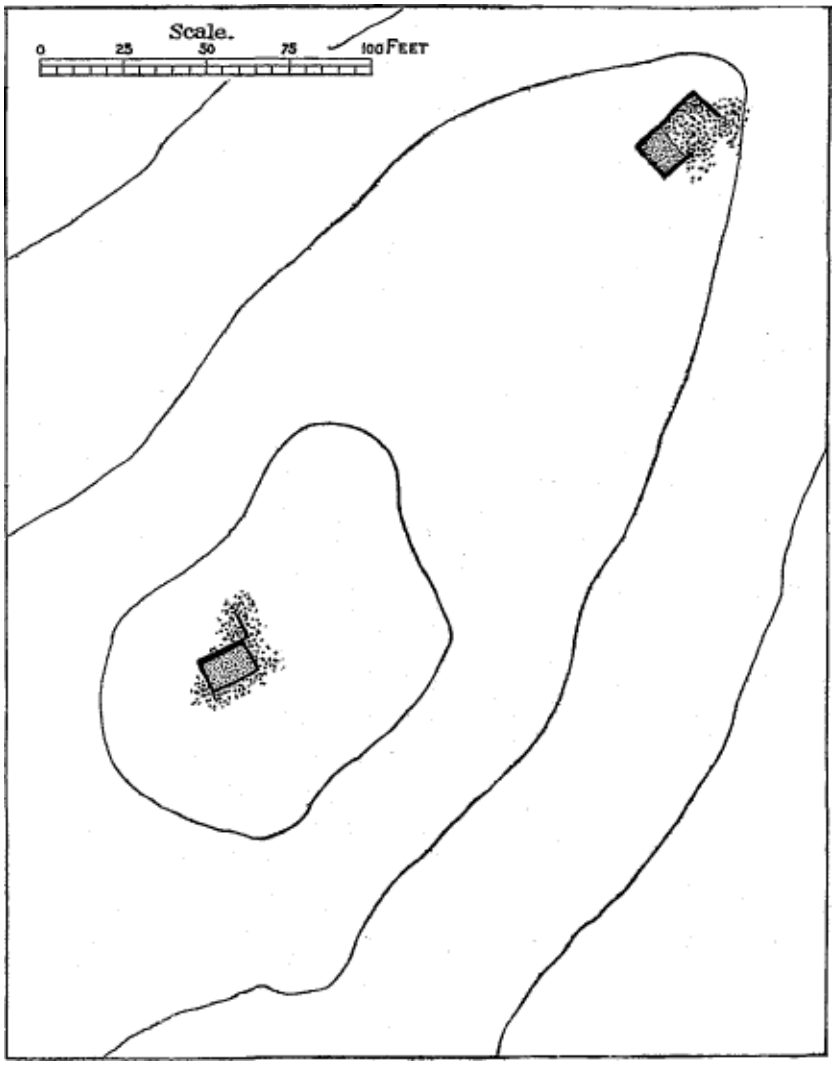
back



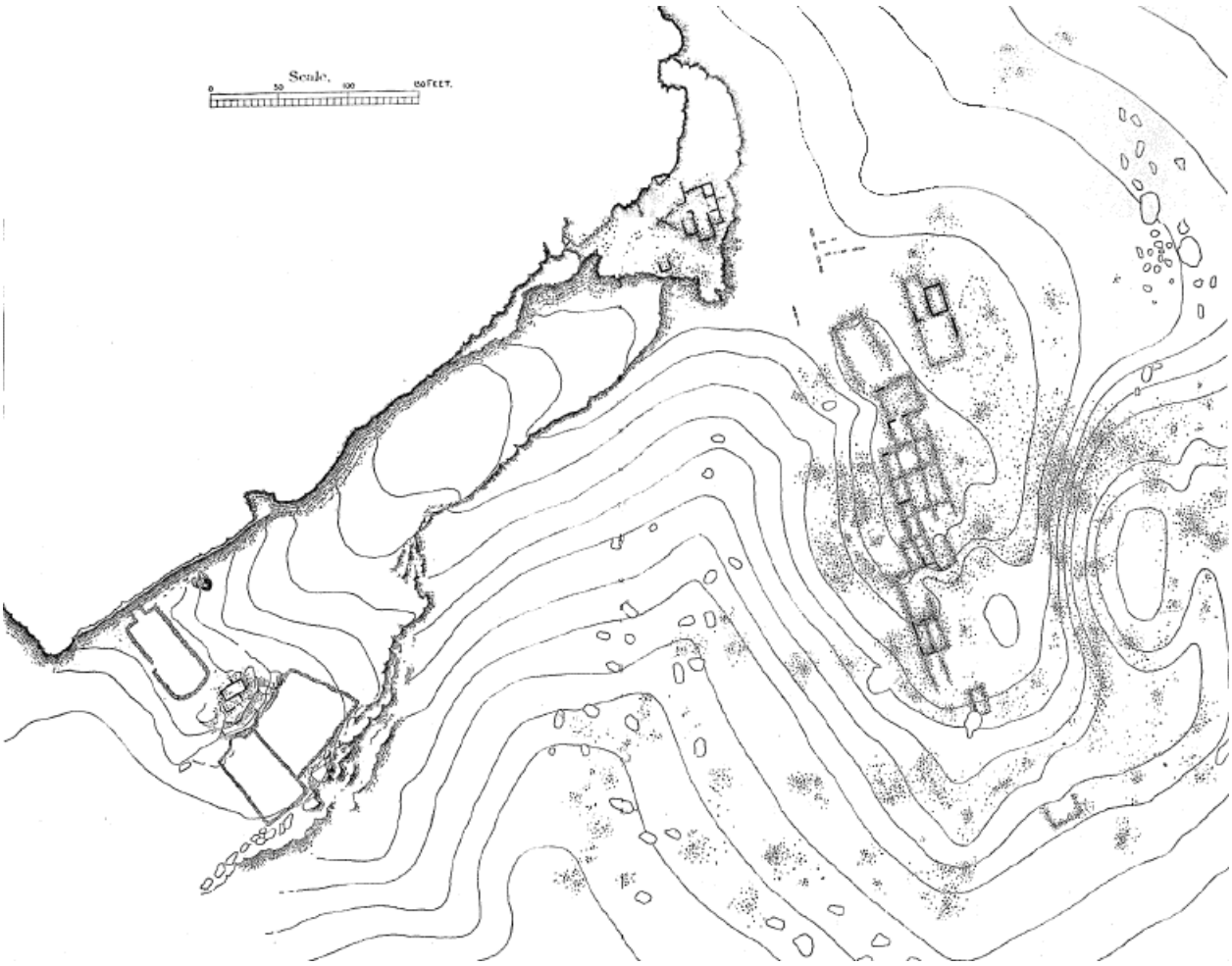
back



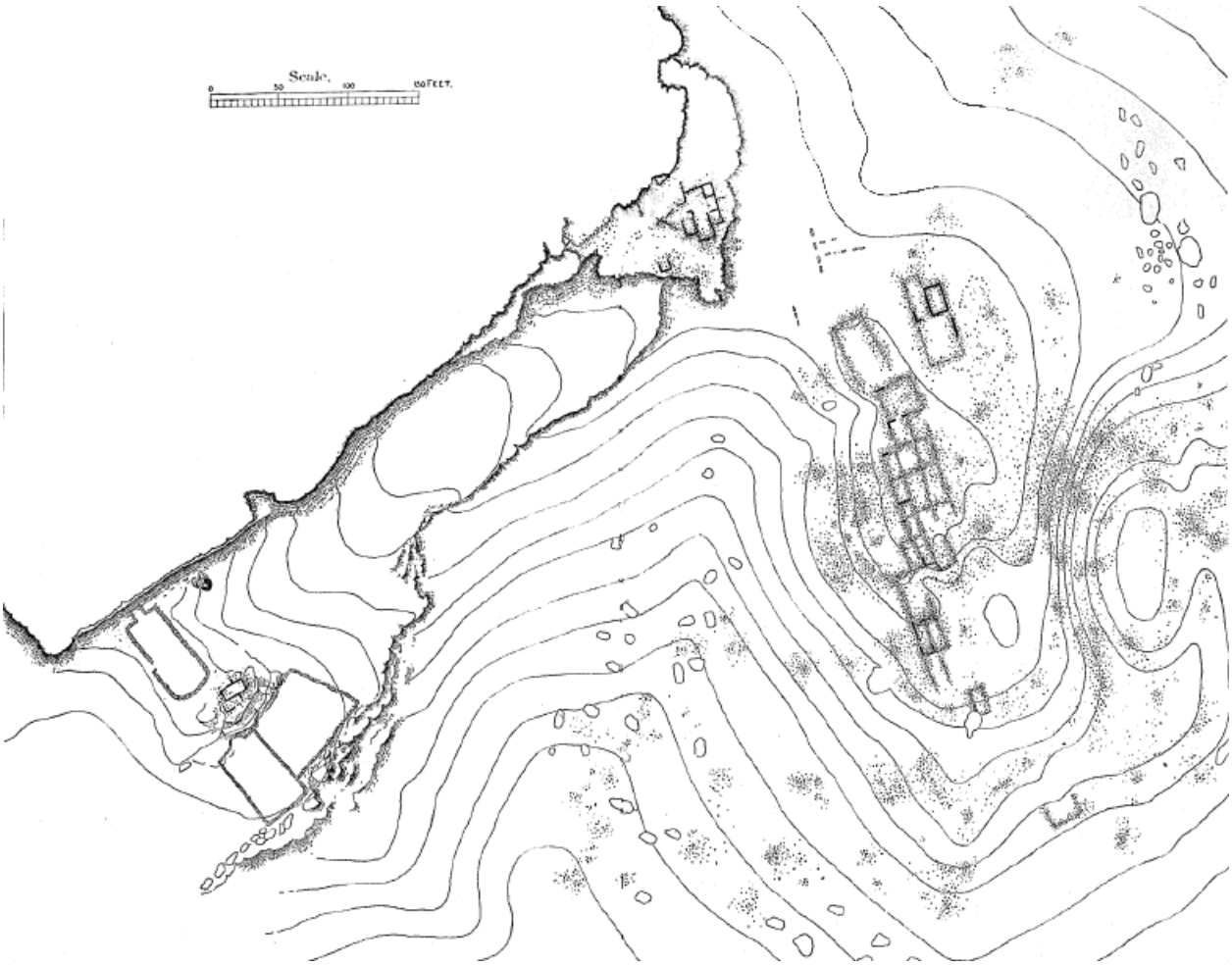
back



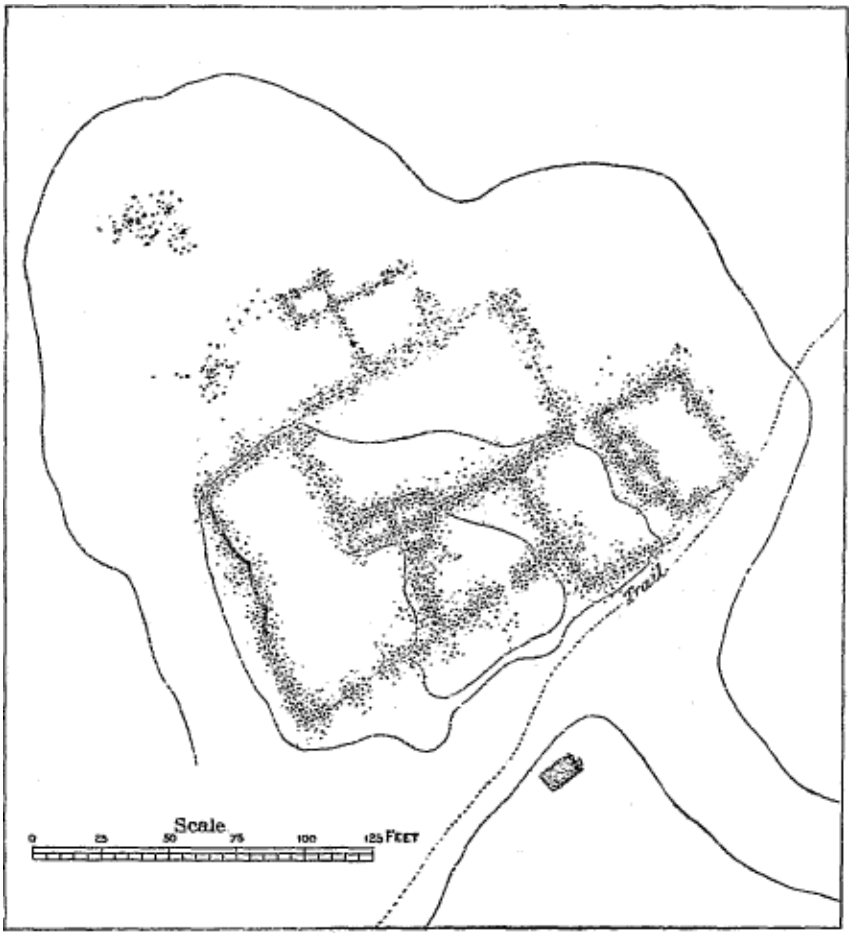
back



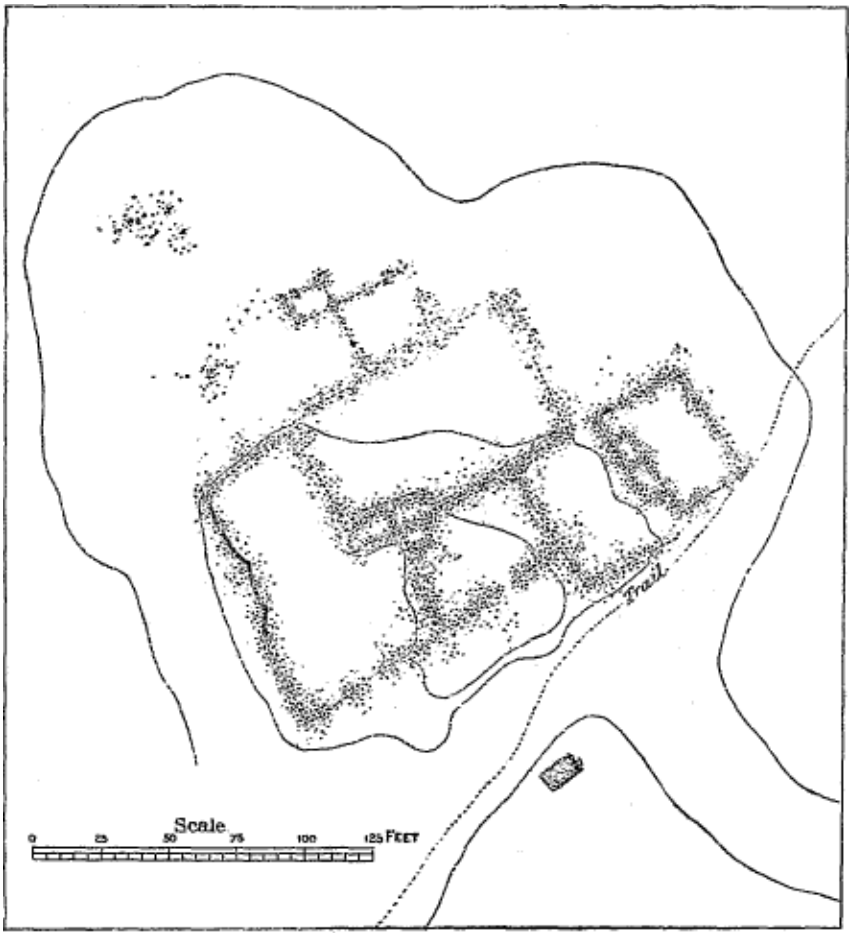
back



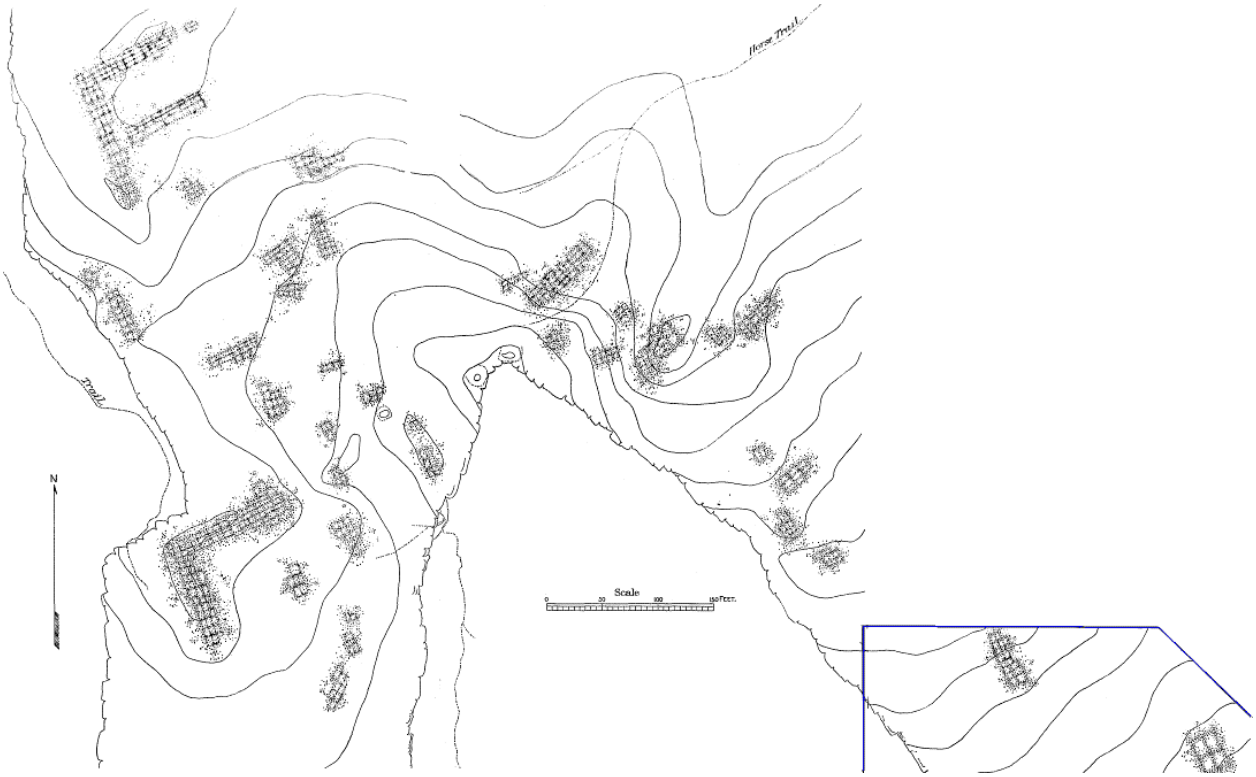
back



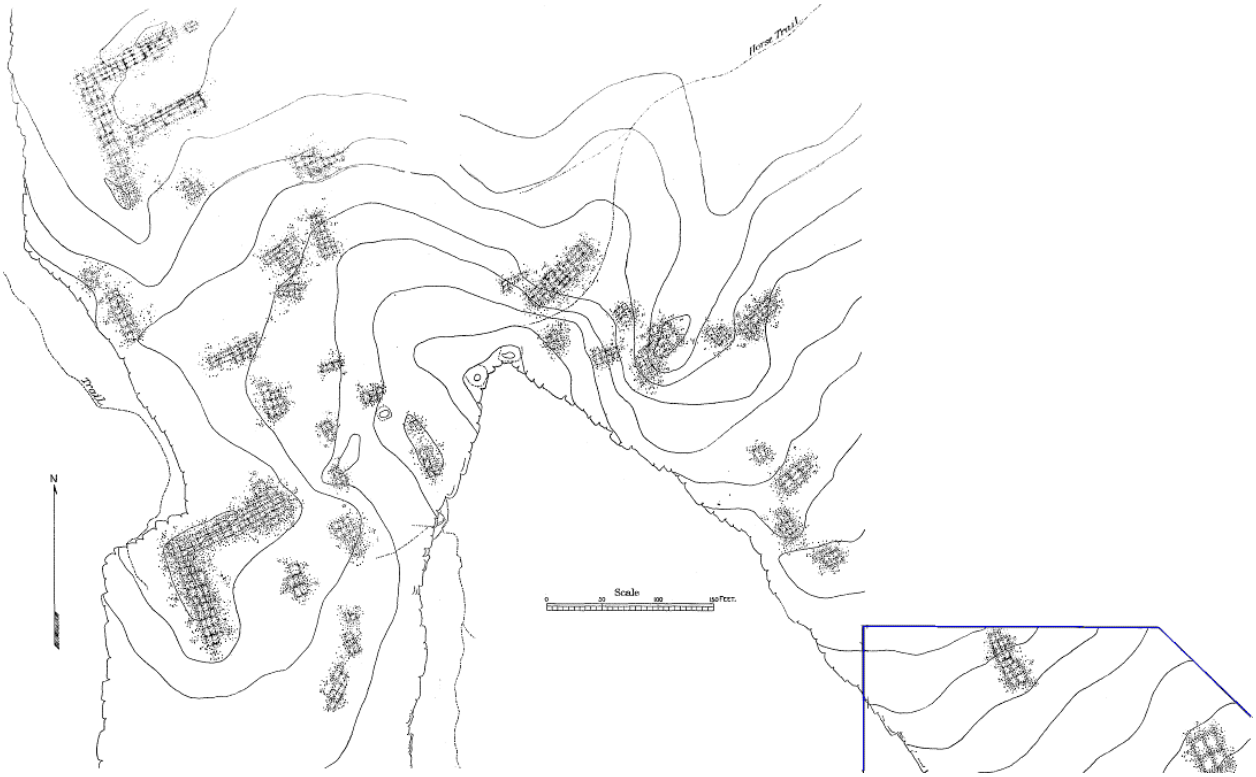
back



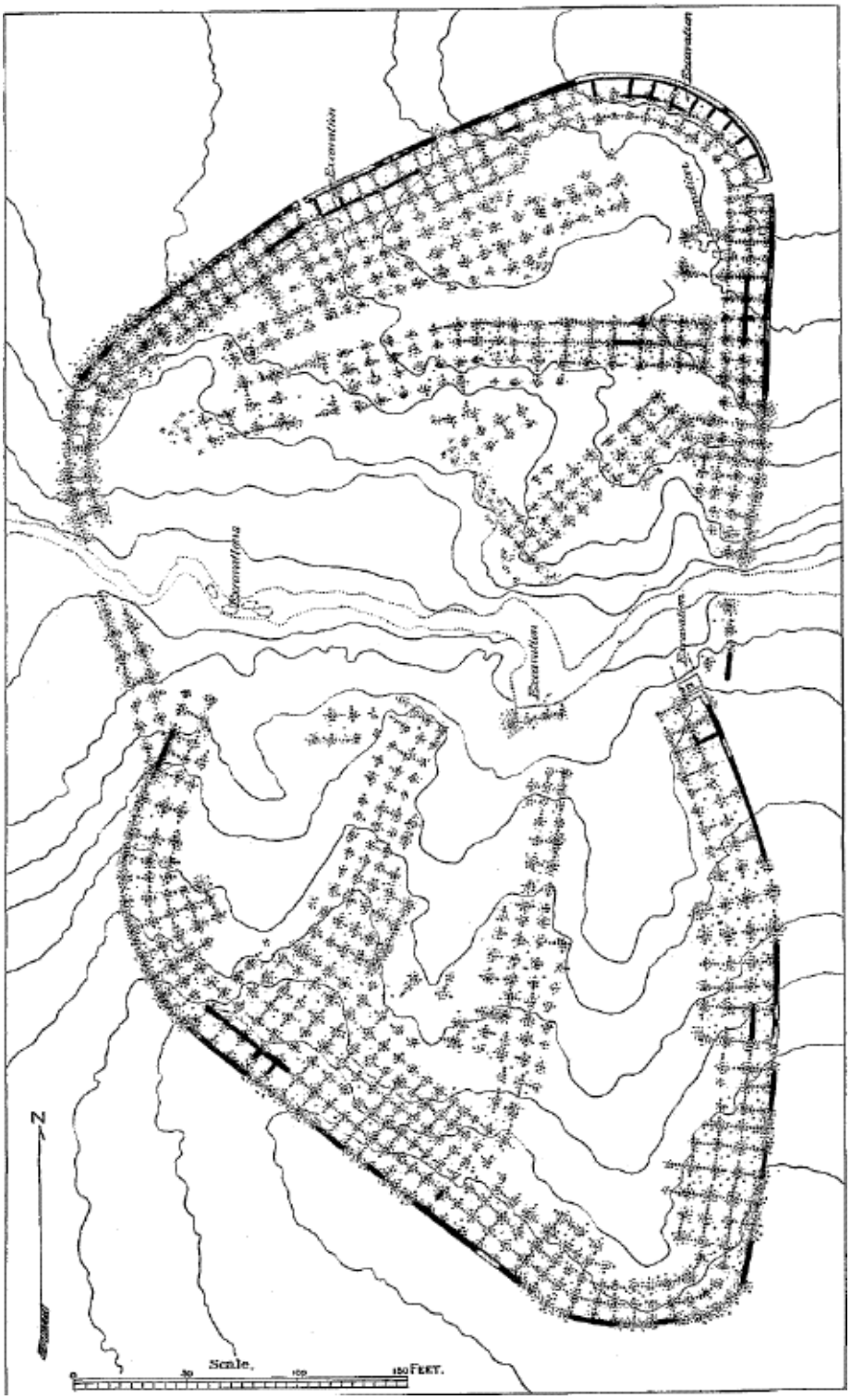
back



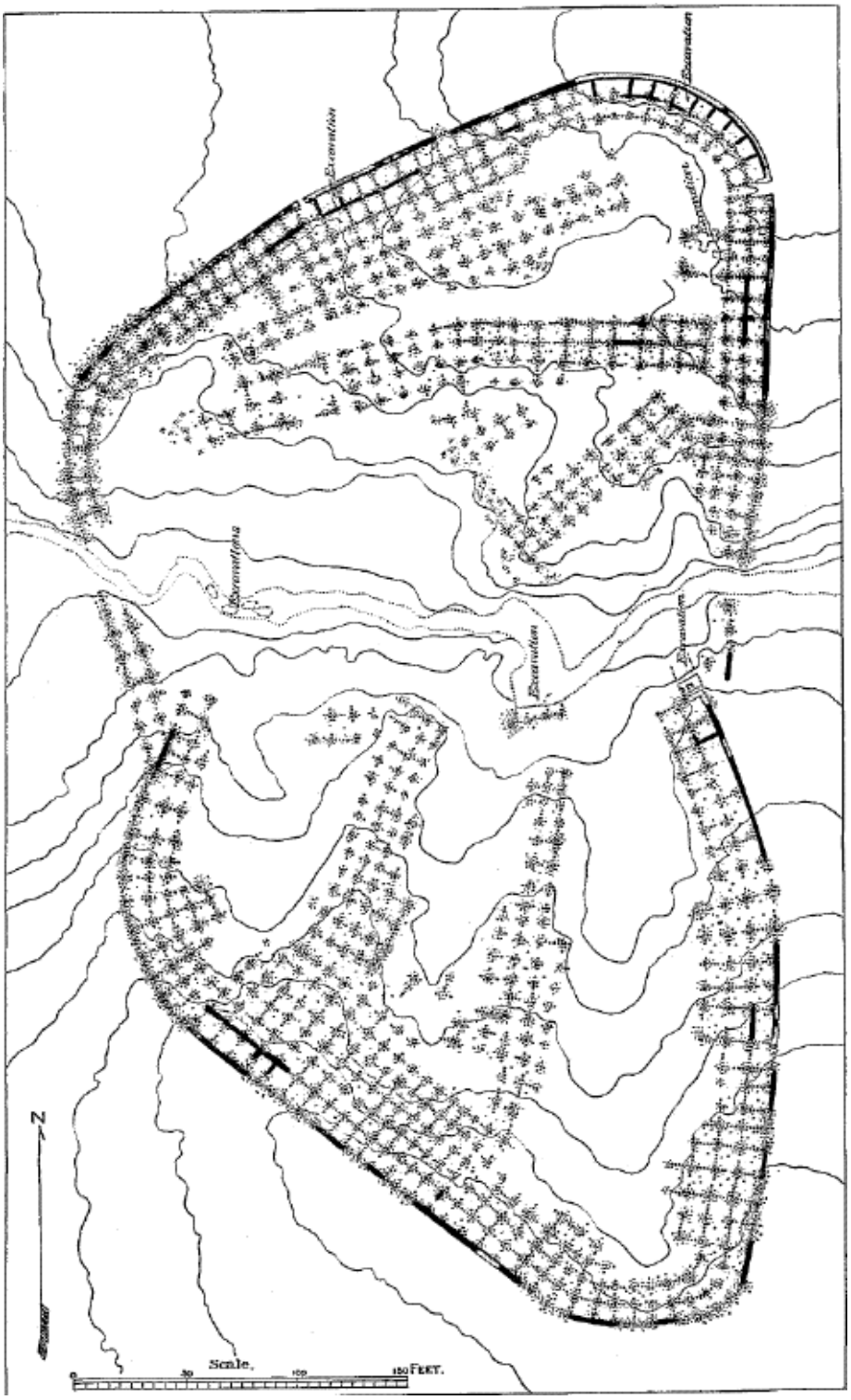
[back]



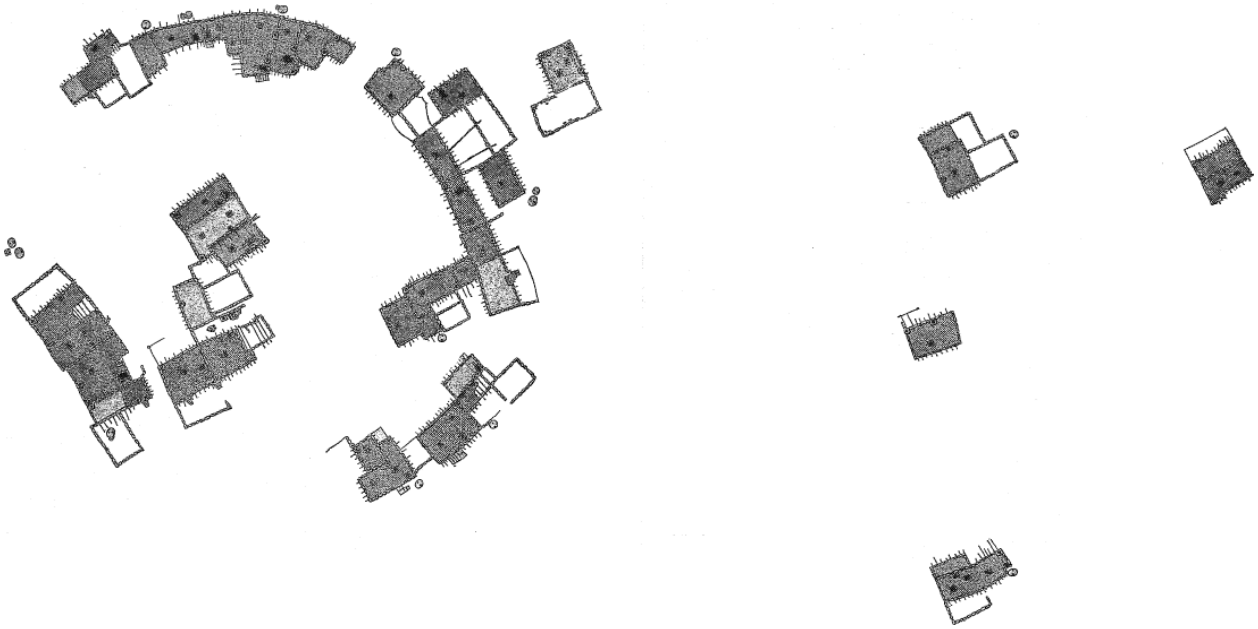
[back]



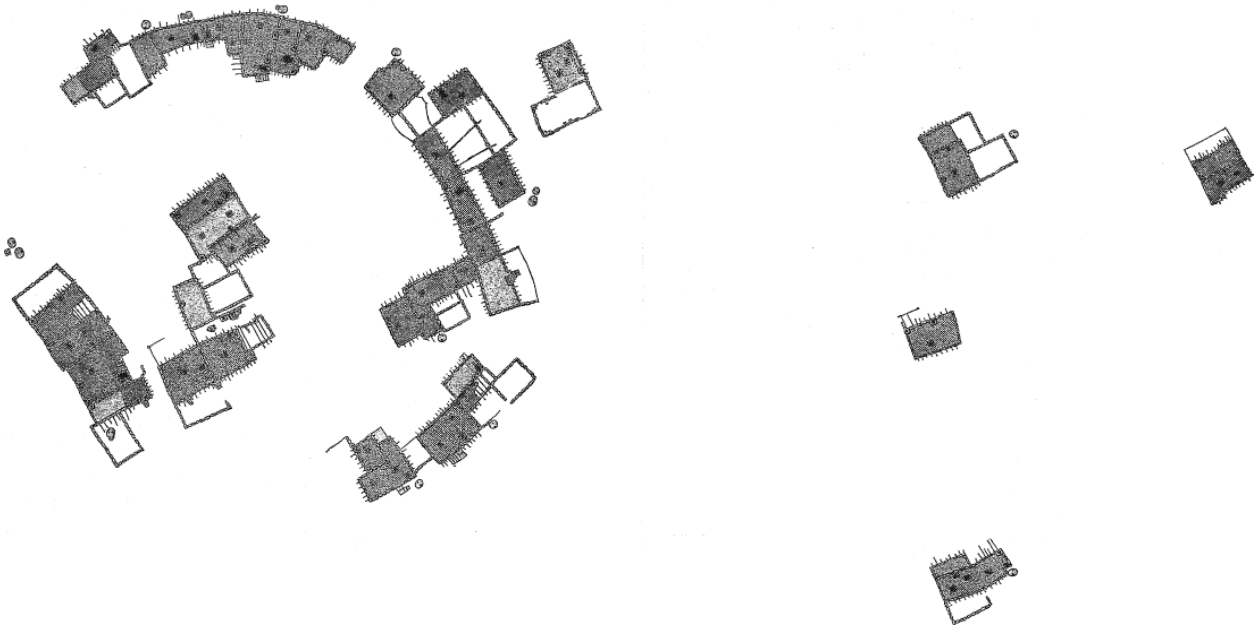
back



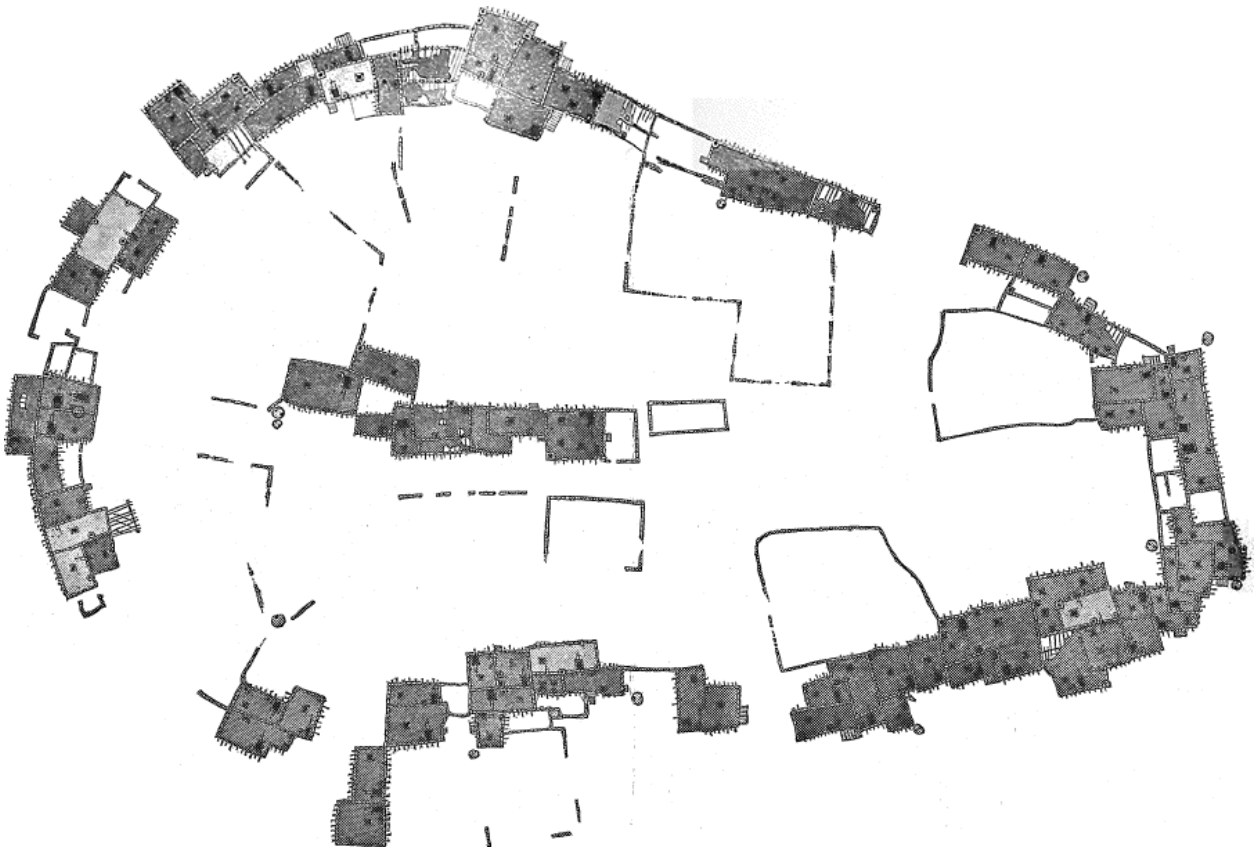
back



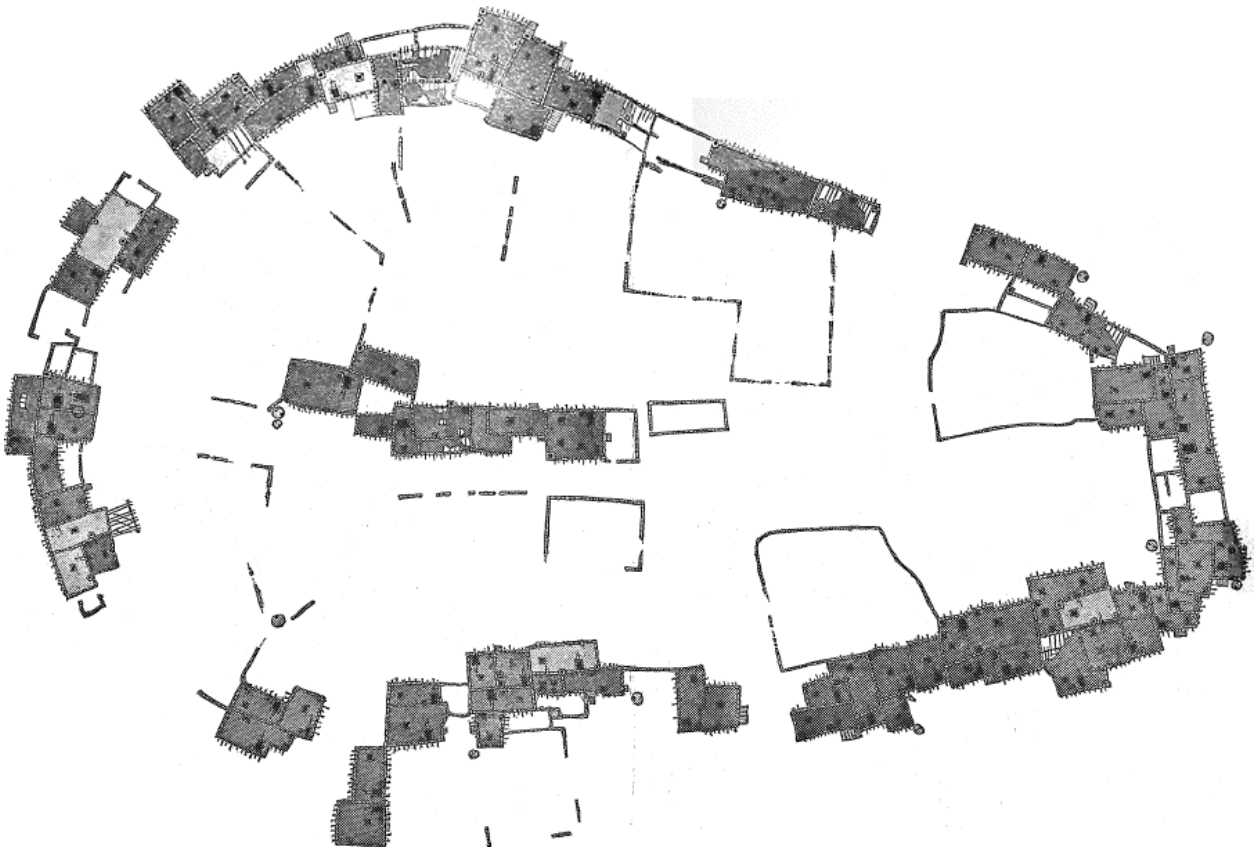
back



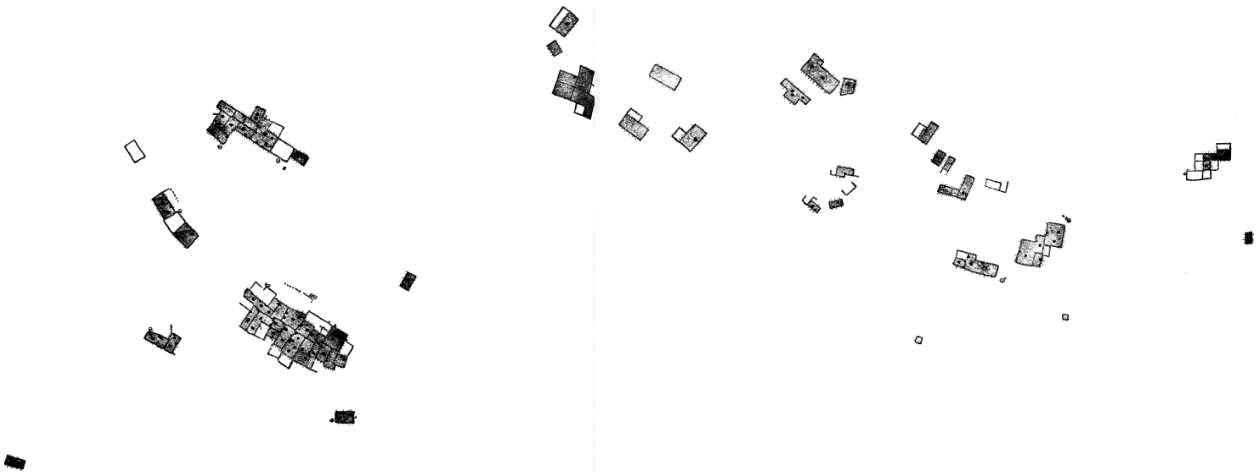
back



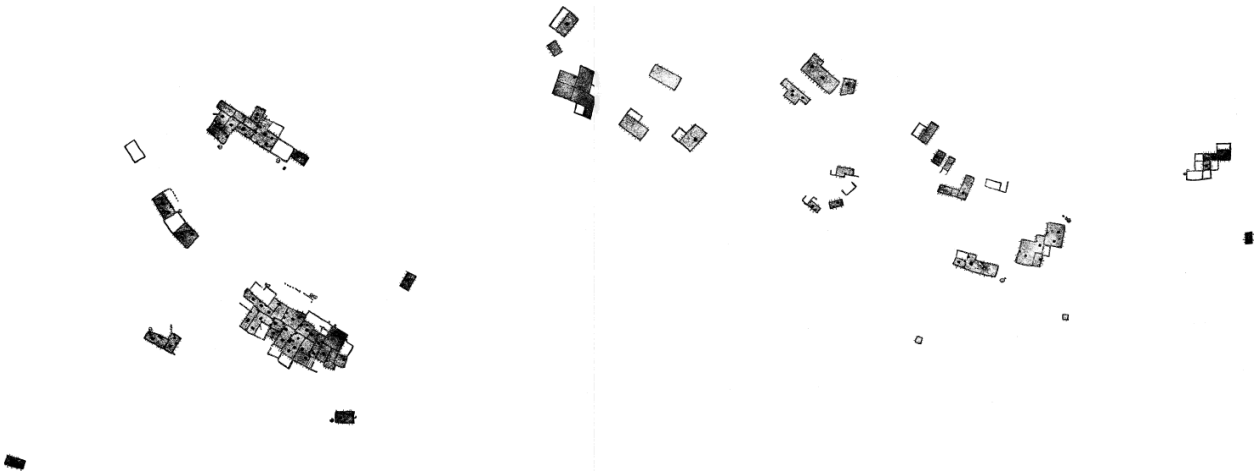
back



back



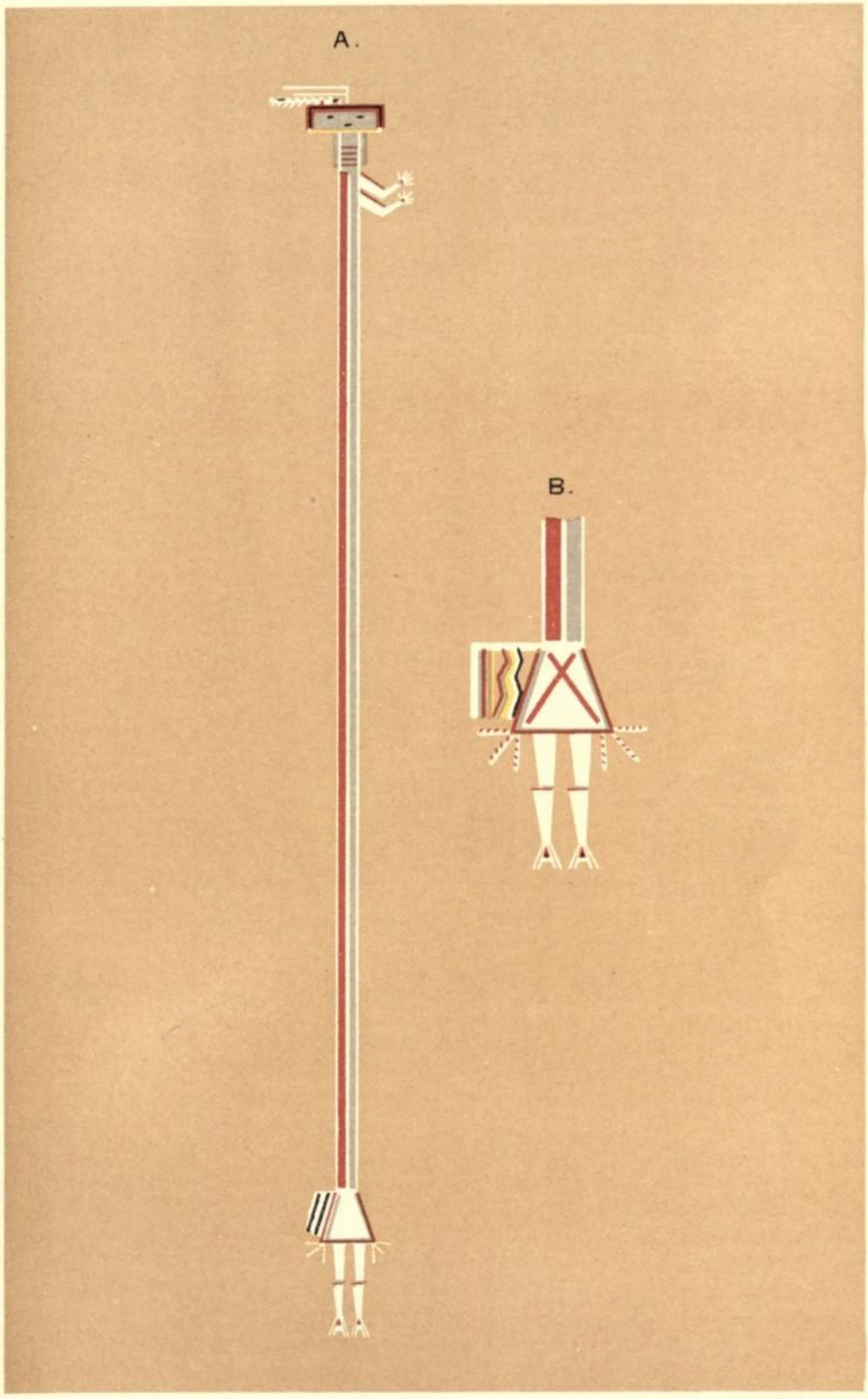
back



back

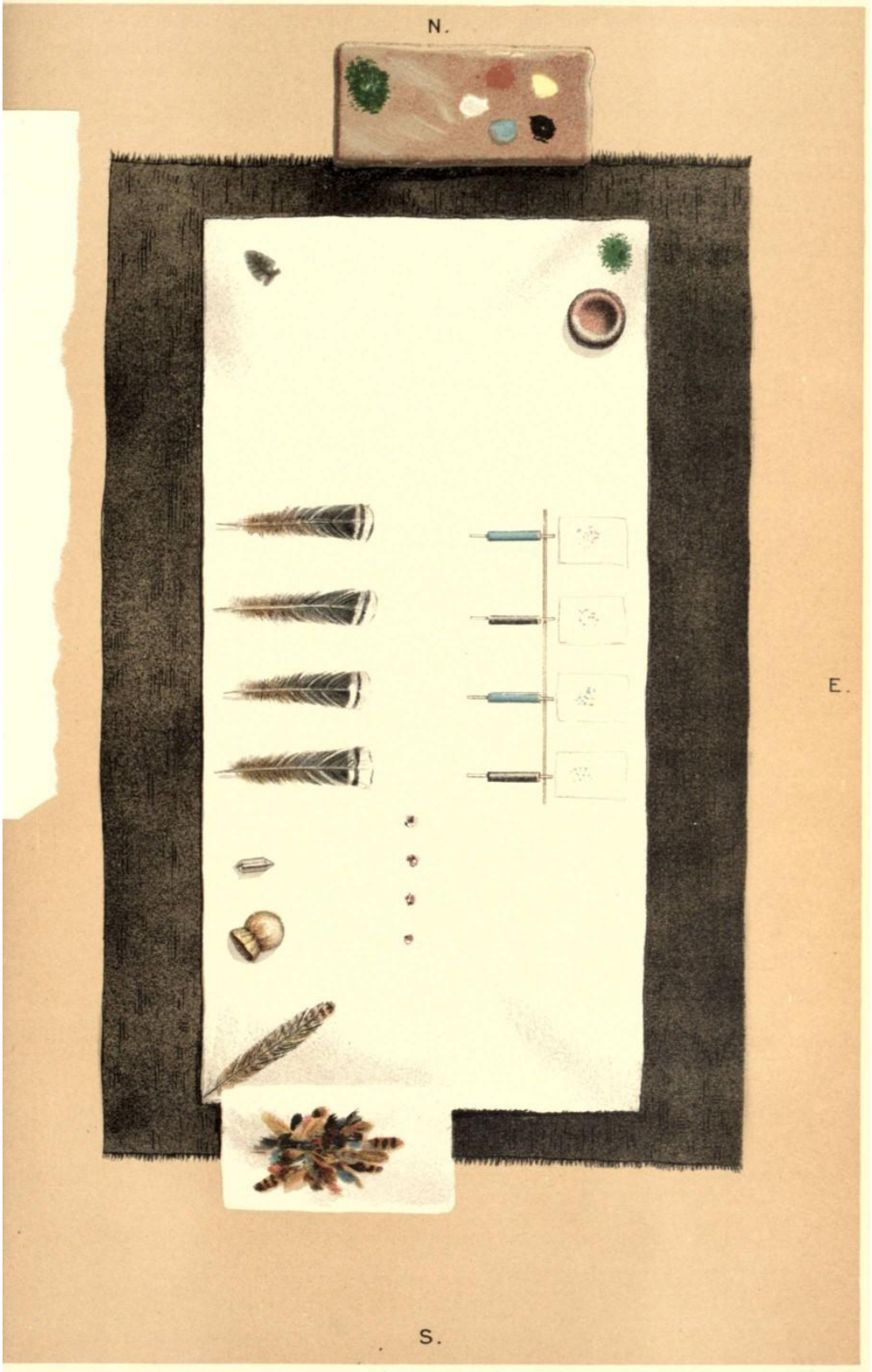
back

back



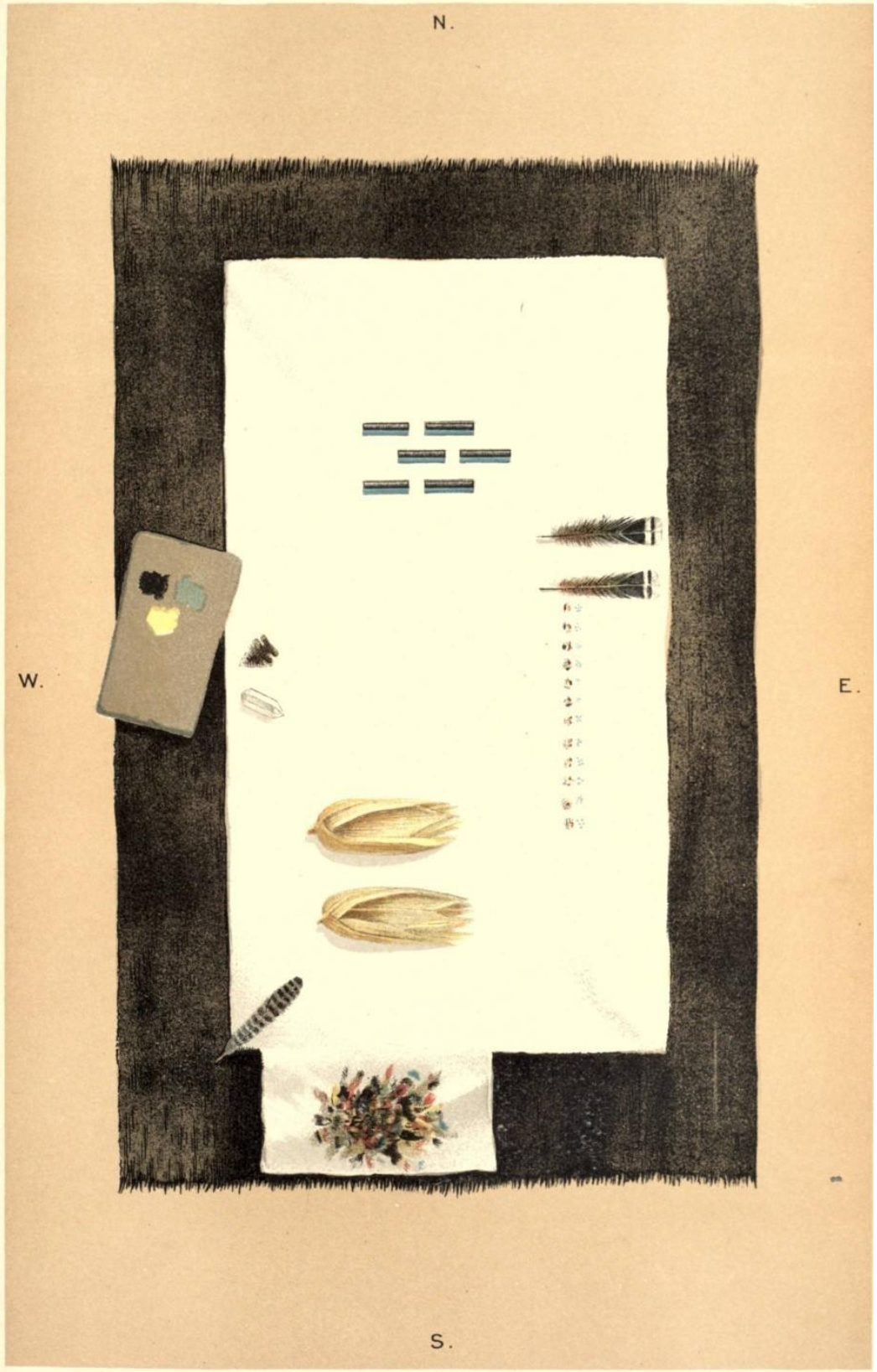
RAINBOW OVER SWEAT HOUSE.

back



BLANKET RUG AND MEDICINE TUBES.

back

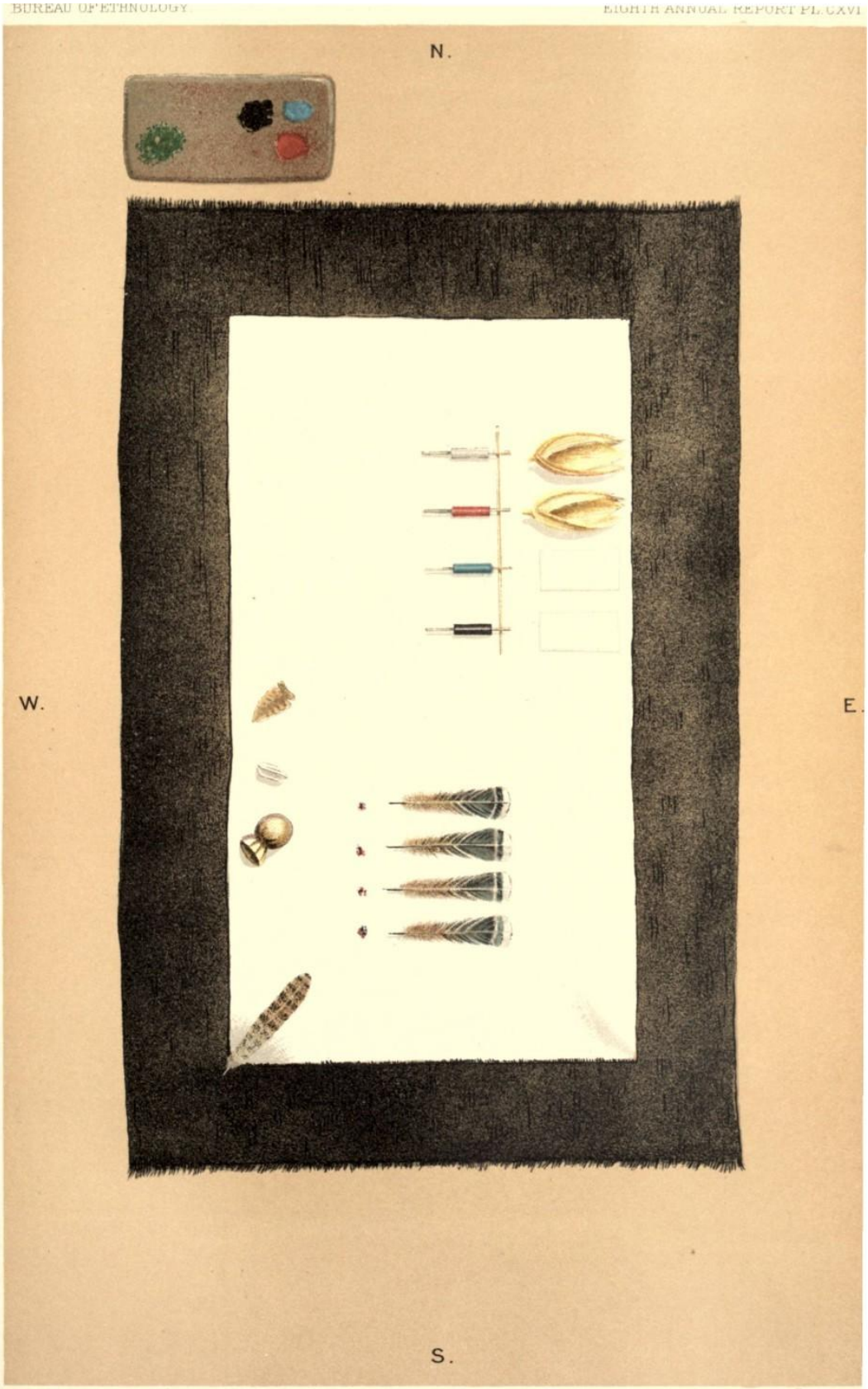


BLANKET RUG AND MEDICINE TUBES.

back

CEREMONIAL MASKS.

back

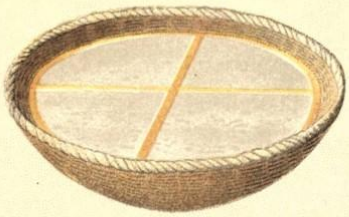


BLANKET RUG AND MEDICINE TUBES.

back

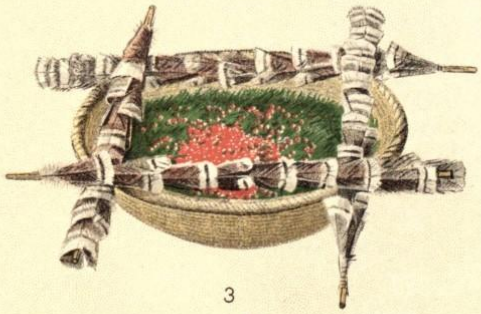
1

PINE BOUGHS ON SAND BED.



2

BASKET OF YUCCA SUDS.

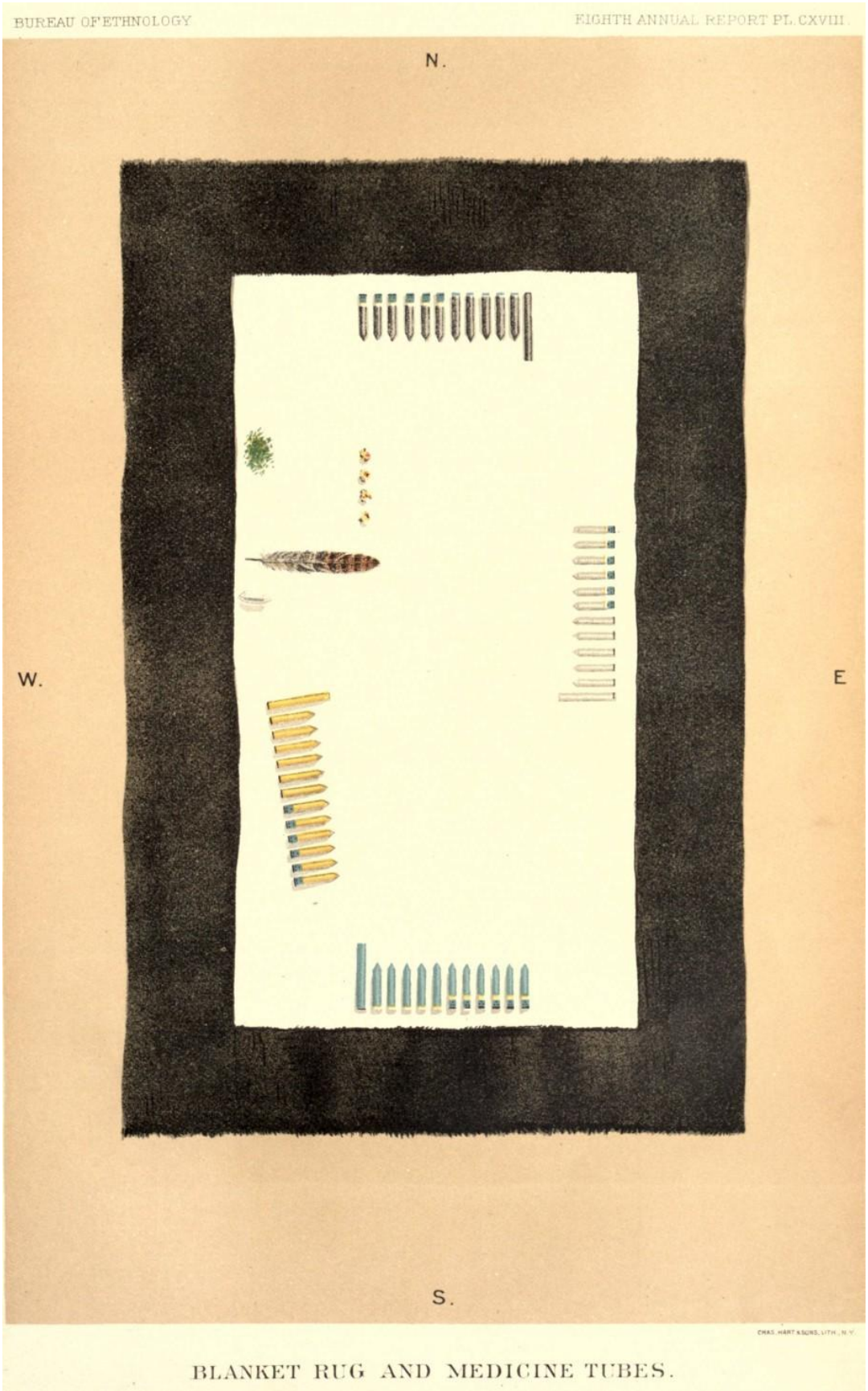


3

BASKET OF PINE NEEDLES AND CORALS.

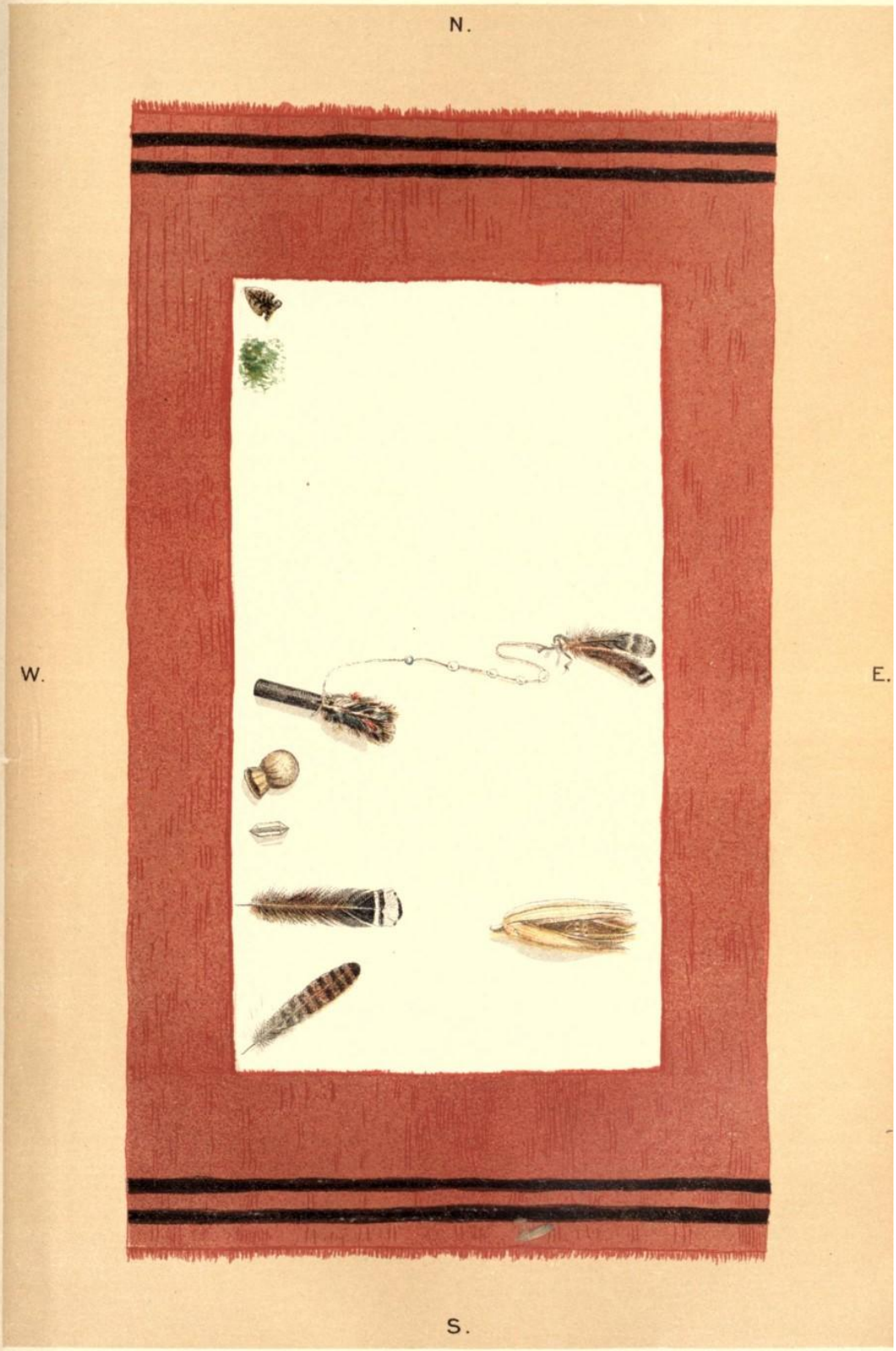
CHAS. HART & SONS, LITH., N.Y.

back



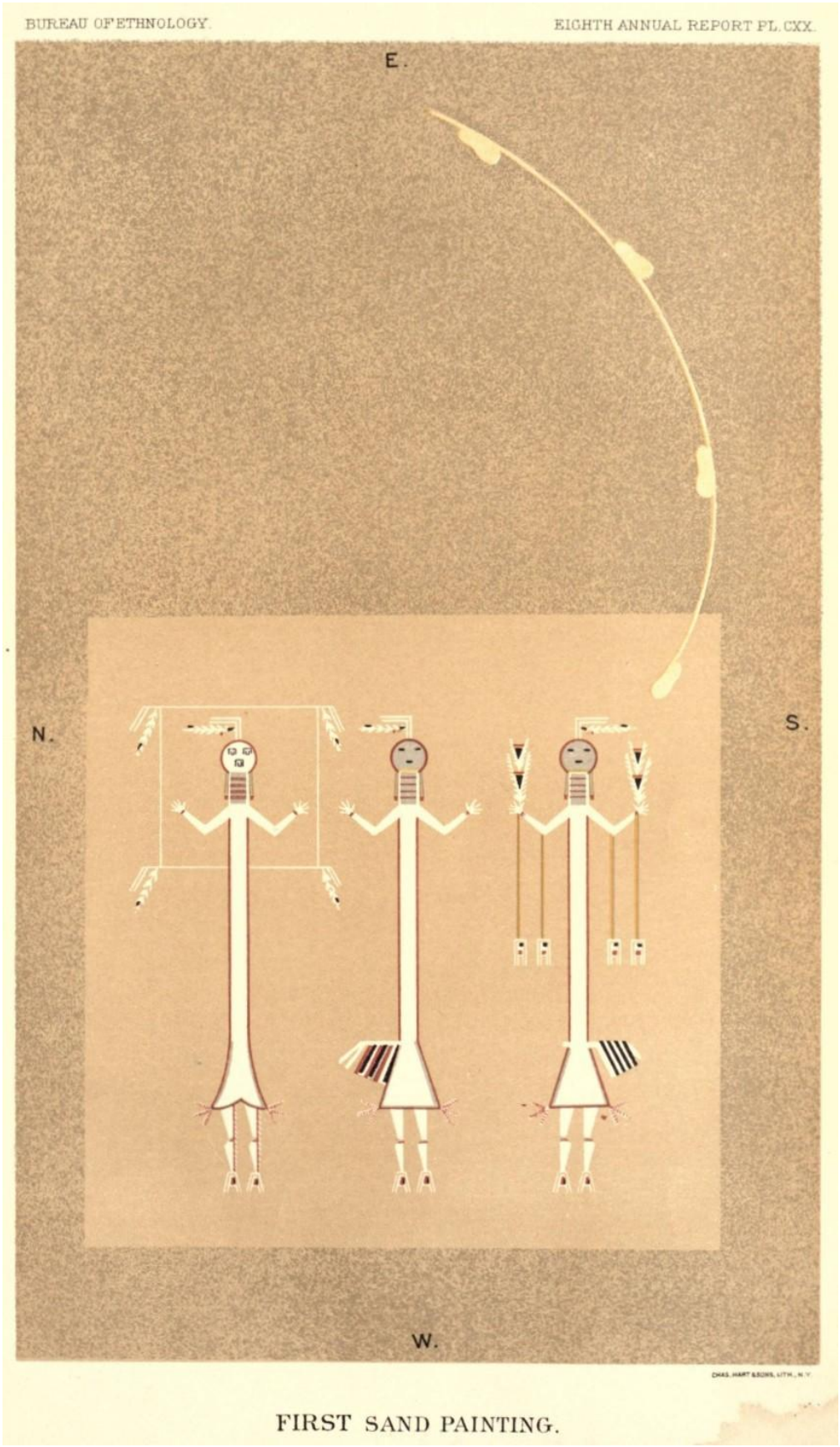
BLANKET RUG AND MEDICINE TUBES.

back



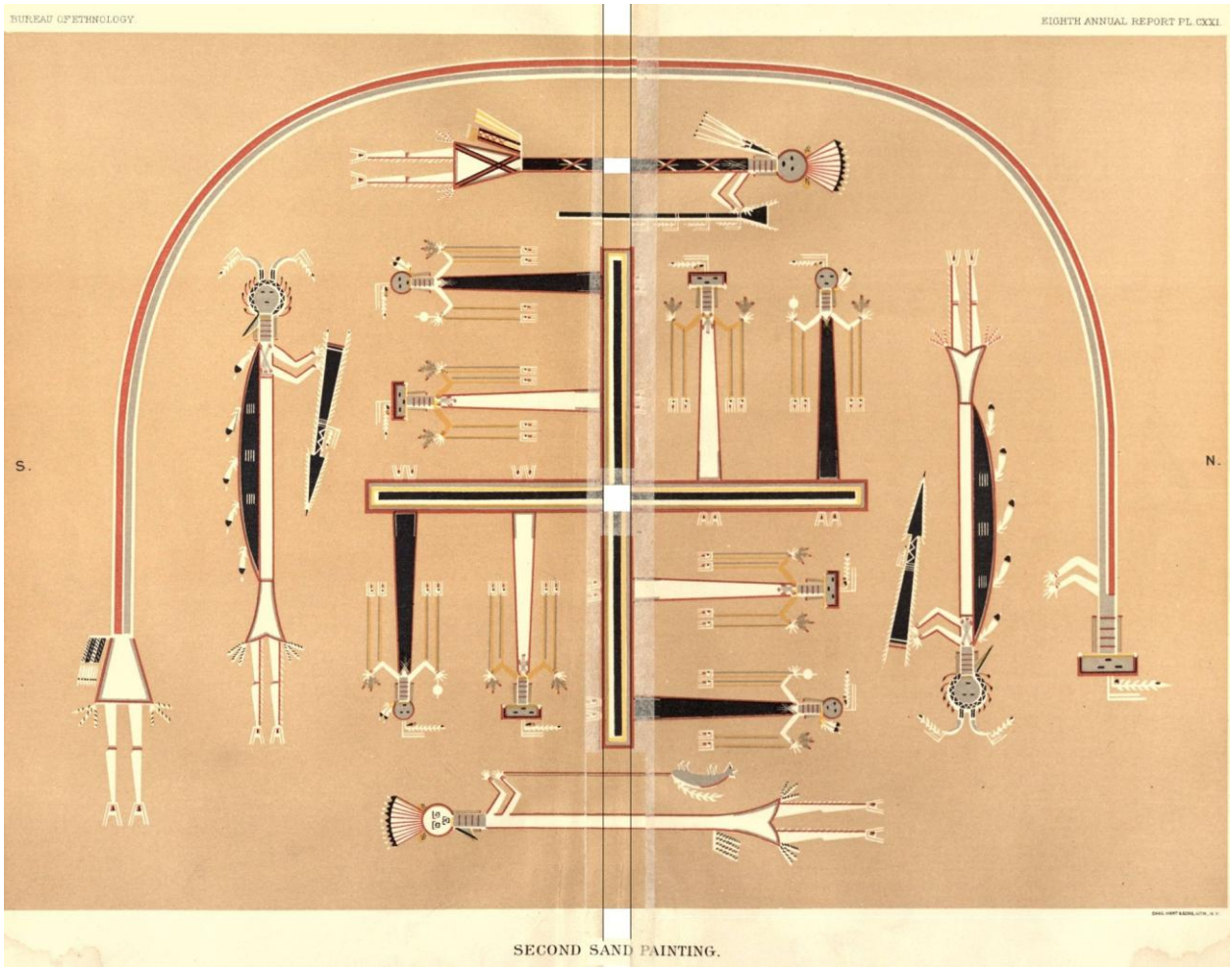
BLANKET RUG AND MEDICINE TUBES.

back



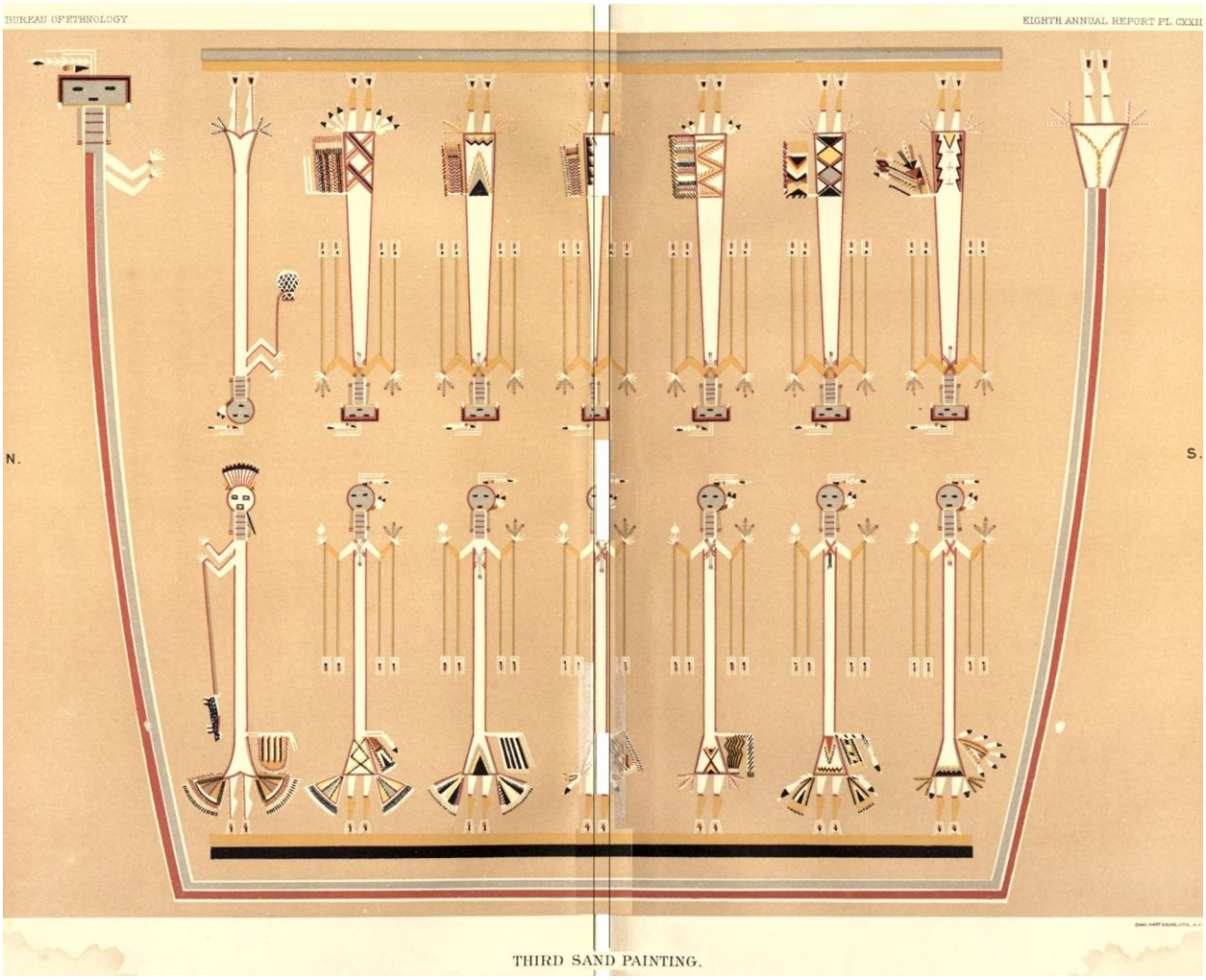
FIRST SAND PAINTING.

back



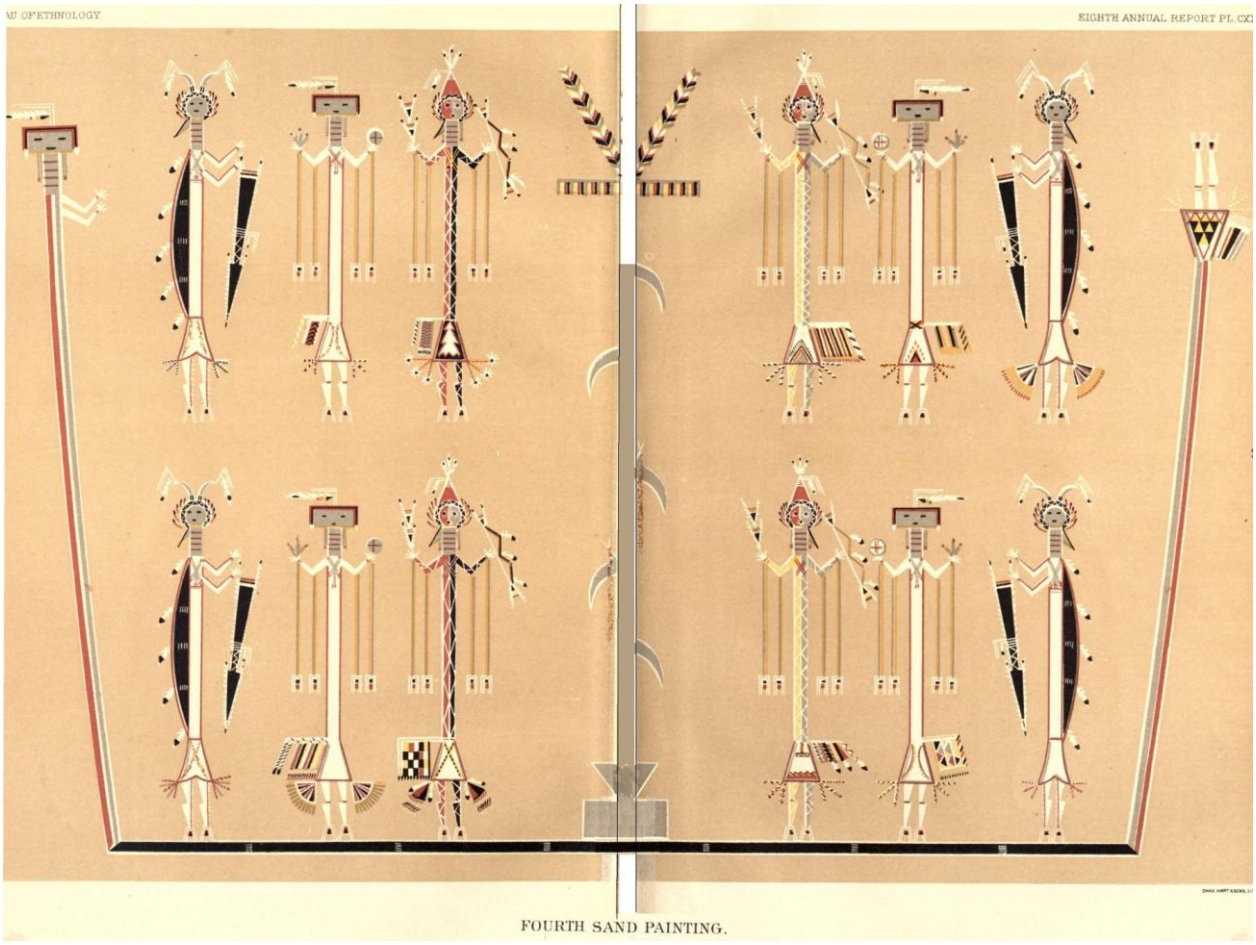
SECOND SAND PAINTING.

back



THIRD SAND PAINTING.

back



FOURTH SAND PAINTING.

back